

ЦИФРОВЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ
И ПРАВО

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
I МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

В шести томах

Том 3

КИУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЗНАНИЕ»

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО

I Международная научно-практическая
конференция

Как цитировать: Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции (г. Казань, 23 сентября 2022 г.) / под ред. И. Р. Бегешева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 3. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2022. – 440 с. EDN: OGVJPA. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0772-0_2022_3_440

For citation: Digital Technologies and Law: collection of scientific articles of the I International Scientific and Practical Conference (Kazan, September 23, 2022) / eds.: I. R. Begishev, E. A. Gromova, M. V. Zaloilo, I. A. Filipova, A. A. Shutova. In 6 vol. Vol. 3. – Kazan: Poznaniye Publishers of Kazan Innovative University, 2022. – 440 p. EDN: OGVJPA. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0772-0_2022_3_440

Казанский
инновационный
университет имени
В. Г. Тимирязова

Министерство цифрового развития
государственного управления,
информационных технологий
и связи Республики Татарстан

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО

Сборник научных трудов
I Международной научно-практической конференции

23 сентября 2022 г.
г. Казань

В шести томах
Том 3

Kazan
Innovative University
named after
V. G. Timiryasov

Ministry of Digitalization of Public
Administration, Information
Technologies and Communications
of the Republic of Tatarstan

DIGITAL TECHNOLOGIES AND LAW

Collection of scientific articles
of the I International Scientific and Practical Conference

September 23, 2022

Kazan

In 6 volumes

Volume 3

УДК 004:34(063)
ББК 67с51я43
Ц75

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова*

Редакторы:

И. Р. Бегишев, доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова;

Е. А. Громова, кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Юридического института по международной деятельности, доцент кафедры предпринимательского, конкурентного и экологического права Южно-Уральского государственного университета;

М. В. Залоило, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;

И. А. Филипова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и экологического права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского;

А. А. Шутова, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, доцент кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова

Рецензенты:

А. К. Жарова, доктор юридических наук, доцент, директор Центра исследований киберпространства, ассоциированный член международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

А. В. Минбалева, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;

Э. В. Талапина, доктор юридических наук, доктор права (Франция), ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

Ю. С. Харитонова, доктор юридических наук, профессор, руководитель Центра правовых исследований искусственного интеллекта и цифровой экономики, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Ц75 Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции (г. Казань, 23 сентября 2022 г.) / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громова, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 3. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2022. – 440 с. EDN: OGVJPA. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0772-0_2022_3_440
ISBN 978-5-8399-0767-6
ISBN 978-5-8399-0772-0 (Том 3)

Вошедшие в сборник научные труды приурочены к Международной научно-практической конференции «Цифровые технологии и право», состоявшейся 23 сентября в Казани в рамках Международного форума Kazan Digital Week 2022, организуемого Кабинетом Министров Республики Татарстан под эгидой Правительства Российской Федерации.

Широкий круг рассмотренных на конференции теоретико-методологических и практикоориентированных, междисциплинарных и отраслевых вопросов связан с приоритетами правового развития цифровых технологий.

Научные труды представленного тома систематизированы по обособленным трендам развития цифровых технологий в отдельных сферах отношений (здравоохранение, трудовые и связанные с ними отношения, интеллектуальные права и др.) и перспективам правового регулирования цифрового профилирования, блокчейн-технологий, криптовалют, децентрализованных финансов, развития искусственного интеллекта, робототехники, экспериментальных и специальных правовых режимов в сфере создания цифровых инноваций и др.

Нашедшие отражение в этом и иных томах сборника идеи и предложения в своей совокупности являются ключом к пониманию интеллектуальной карты смыслов, которые будут интересны ученым-правоведам и экспертам в области цифровых технологий, практикующим юристам, представителям правотворческих и правоприменительных органов, государственным служащим и участникам реального сектора экономики, молодым исследователям-студентам, магистрантам и аспирантам, всем интересующимся вопросами взаимовлияния цифровых технологий и права.

УДК 004:34(063)
ББК 67с51я43

ISBN 978-5-8399-0767-6
ISBN 978-5-8399-0772-0 (Том 3)

© Авторы, 2022
© Казанский инновационный университет
имени В. Г. Тимирязова, 2022

UDC 004:34(063)
LBC 67c51я43

*Published by the decision of the Editorial-Publishing Board
of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov*

Editors:

Ildar R. Begishev, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Chief Researcher of Scientific-Research Institute of Digital Technologies and Law, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov;

Elizaveta A. Gromova, PhD (Law), Associate Professor, Deputy Director of the Law Institute on international activity, Associate Professor of the Department of Entrepreneurial, Competition and Environmental Law, South Ural State University;

Maksim V. Zaloilo, PhD (Law), Leading Researcher, Department of the Theory of Law and Interdisciplinary Research of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation;

Irina A. Filipova, PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Labor Law and Environmental Law, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

Albina A. Shutova, PhD (Law), Senior Researcher of Scientific-Research Institute of Digital Technologies and Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

Reviewers:

Anna K. Zhavorova, Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Center for Cyberspace Research, Associate member of the International scientific-educational Center “UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights”, National Research University Higher School of Economics;

Aleksey V. Minbaleev, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Informational Law and Digital Technologies, Kutafin Moscow State Law University;

Elvira V. Talapina, Doctor of Law, Doctor of Law (France), Chief Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Center for Public Governance Technologies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;

Yuliya S. Kharitonova, Doctor of Law, Professor, Head of the Center for Legal Research of Artificial Intelligence and Digital Economy, Professor of the Department of Entrepreneurial Law, Lomonosov Moscow State University

Digital Technologies and Law: collection of scientific articles of the I International Scientific and Practical Conference (Kazan, September 23, 2022) / eds.: I. R. Begishev, E. A. Gromova, M. V. Zaloilo, I. A. Filipova, A. A. Shutova. In 6 vol. Vol. 3. – Kazan: Poznaniye Publishers of Kazan Innovative University, 2022. – 440 p. EDN: OGVJPA. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0772-0_2022_3_440

ISBN 978-5-8399-0767-6

ISBN 978-5-8399-0772-0 (Том 3)

The research works included into the collection are correlated with International Scientific and Practical Conference “Digital Technologies and Law” which took place on September 23 in Kazan during the International Forum Kazan Digital Week 2022, organized by the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan under the aegis of the Government of the Russian Federation.

The broad range of theoretical and methodological, practice-oriented, interdisciplinary and sectoral issues is related to the priorities of juridical development of digital technologies.

The research works included in this volume are systematized by the individual trends of digital technologies development in detached spheres of relations (healthcare, labor and adjacent relations, intellectual rights, etc.) and the prospects of legal regulation of digital profiling, blockchain technologies, cryptocurrencies, decentralized finance, artificial intelligence, robotics, experimental and special legal regimes in the sphere of digital innovations, etc.

The ideas and proposals reflected in this and other volumes are, taken integrally, a key to understanding the intellectual map of meanings, which would be interesting for legal scientists and experts in the sphere of digital technologies, practicing lawyers, representatives of law-making and law-enforcement agencies, state servants and participants of the real economy sector, young researchers – students, graduates and post-graduates, to all those interested in the issues of mutual influence of digital technologies and law.

UDC 004:34(063)
LBC 67c51я43

© Authors, 2022

© Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, 2022

ISBN 978-5-8399-0767-6

ISBN 978-5-8399-0772-0 (Том 3)

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРАВА

В. Д. Бурдова,
соискатель,

Московский государственный юридический университет имени
О. Е. Кутафина,
практикующий юрист

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: NFT И ВОПРОСЫ ПРАВА

Аннотация. В условиях развития информационной сети, роста рынка невзаимозаменяемых токенов, музеи сталкиваются с необходимостью включения в новую реальность и применения дополнительных способов популяризации собрания своей музейной коллекции. Одним из таких способов выступает воспроизведение музейных предметов в NFT формате. В связи с этим ставится цель проанализировать включение музейных институций в цифровую интеграцию, воспроизведение музейных предметов в digital-среде и их правовое регулирование. В данной работе используются методы анализа, сравнения и обобщения. Сделан вывод о том, что музейный предмет в формате NFT не является объектом интеллектуальной собственности, но результат цифрового воспроизведения музейного предмета может быть рассмотрен в рамках законодательства в сфере интеллектуальной собственности. Результаты данного исследования могут быть использованы для проведения дальнейших научных исследований по данной и связанной с ней проблематике, в том числе в качестве теоретической основы для исследования проблематики правового регулирования сделок с цифровыми произведениями искусства из собраний музеев.

Ключевые слова: NFT, невзаимозаменяемый токен, токены, токенизация, блокчейн, интеллектуальная собственность, авторское право, цифровое право, криптовалюта, музейное право, воспроизведение произведения искусства, art law, общественное достояние

REPRODUCTION OF MUSEUM ITEMS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: NFT

Abstract. In the context of the development of the information network, the growth of the market for non-fungible tokens, museums are faced with the need to be included in the new reality and use additional ways to popularize their museum collection. One of these methods is the reproduction of museum items in NFT format. In this regard, this article aims to analyze the inclusion of museum institutions in digital integration, the reproduction of museum objects in the digital environment and their legal regulation. In this work, methods of analysis, comparison and generalization are used. It is

concluded that a museum item in the NFT format is not an intellectual property object, but the result of a digital reproduction of a museum item can be considered within the framework of intellectual property law. The results of this study can be used to conduct further scientific research on this and related issues, including as a theoretical basis for studying the problems of legal regulation of transactions with digital works of art from museum collections.

Keywords: NFT, Non-fungible Token, Token, Tokenization, Blockchain, Intellectual property, Copyright, Digital law, Cryptocurrency, Museum law, Reproduction of a work of art, Art law, Public domain

Прежде чем рассматривать роль музея в цифровой среде, необходимо обратиться непосредственно к определению понятия музея.

Во внеочередной генеральной ассамблее Международного совета музеев (International Council of Museums – ICOM) в 2022 г. на открытом голосовании было принято новое определение музея как некоммерческой, постоянно действующей организации на службе обществу, которая исследует, собирает, сохраняет, интерпретирует и демонстрирует материальное и нематериальное наследие. Обладая признаками открытости, доступности и инклюзивности, музеи способствуют разнообразию и устойчивости [7].

Российский законодатель также относит музей к некоммерческому учреждению культуры, созданному собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации, а также для достижения иных целей, определенных законом [7].

Таким образом, музей по своей сути является некоммерческой институцией, ориентированной, в первую очередь, на социокультурные цели.

Помимо законодательного наделения музеев специальными правами в области регулирования использования изображений музейных предметов в рамках развития своей просветительно-образовательной деятельности, а также привлечения дополнительных источников дохода музей может популяризировать свою музейную коллекцию через цифровизацию музейных предметов.

Итогом такой цифровизации будет являться либо результат воспроизведения музейного предмета как объекта интеллектуальной собственности для коммерческого использования, либо токенизация цифрового произведения, которая сопровождается как простым воспроизведением изображения, так и созданием производного произведения в виде арт-объекта.

Основная задача музейной организации сохранить культурную функцию и привлечь дополнительный источник дохода, установив баланс между своей миссией и запросами пользователей.

Музей выступает в роли собственника музейного предмета – культурной ценности, качество либо особые признаки которой делают необходимым для общества ее сохранение, изучение и публичное представление, устанавливая специальный правовой режим для таких объектов [4], в том числе осуществляя их последующую токенизацию.

Токенизация представляет собой процесс перевода прав на материальные ценности в токены, т. е. создание цифровых аналогов реальных вещей для повышения защищенности данных объектов при их обращении в сегменте онлайн-рынка [5].

Для оцифровки музейных предметов в силу особенностей индивидуально-определенного характера и уникальности экземпляра используются невзаимозаменяемые токены (Non-Fungible Token, NFT), хранящиеся в системе распределенного реестра. Такие токены обладают свойствами исключительности, дефицитности конкретного токена и неделимости [14].

На сегодняшний день в России отсутствует специальное правовое регулирование рынка NFT. Однако предпринимаются попытки законодательного регулирования. Так, в Государственную Думу внесен на рассмотрение законопроект, где предлагают внести в ст. 1225 ГК РФ NFT в качестве результата интеллектуальной деятельности [6].

Вместе с тем NFT представляет собой сертификат уникальности цифрового объекта, который состоит из кода и автоматически генерируется системой. Тем самым отсутствует творческий характер деятельности при его создании. NFT рассматривается как техническое средство, позволяющее облечь объект интеллектуальной собственности в форму токена [12].

Отсутствие прямых запретов позволяет музеям на правах собственника совершать подобные сделки с цифровыми произведениями искусства в рамках договорных конструкций.

Так, одним из первых музеев, который выпустил токен цифровой копии шедевра искусства на продажу, стала флорентийская галерея Уффици. Картина Микеланджело «Мадонна Дони» была продана в форме NFT за 170 тыс. долл. [3].

На 14 февраля 2022 г. Венская галерея «Бельведер» анонсировала дроп NFT картины Густава Климта «Поцелуй», которую разбили на 10 000 токенизированных фрагментов. Покупатель стал обладателем случайного фрагмента картины с возможностью регистрации себя на сайте как его владельца [7].

Произведения искусства, которые обладают особым историческим, художественным, научным или культурным значением и включены в Музейный фонд, подлежат специальному регулированию в рамках музейного законодательства. Такие предметы сами по себе не являются объектами интеллектуальной собственности, но результаты их воспроизведения могут выступать в качестве самостоятельных объектов.

При этом сам NFT не является объектом интеллектуальной собственности, это техническая форма, в которой выражено цифровое произведение, в данном случае результат цифрового воспроизведения музейного предмета, или производное цифровое произведение на базе оригинала произведения. NFT лишь подтверждает право на обладание уникальной версией цифрового актива.

Первая и на сегодняшний день единственная в России сделка по токенизации картин из коллекции музея проведена Государственным Эрмитажем в 2021 г. Лимитированная серия NFT-изображений пяти произведений искусства: «Уголок сада в Монжероне» Клода Моне, «Композиция VI» Василия Кандинского,

«Мадонна Литта» Леонардо да Винчи, «Куст сирени» Винсента Ван Гога и «Юдифь» Джорджоне была продана на открытом аукционе Binance [15].

Однако в отличие от европейского опыта выпуска токенов в формате простых цифровых копий картин российский музей пошел по пути создания нового формата культурных проектов в виде памятного продукта [13].

Юристы, которые сопровождали данную сделку NFT, объяснили, что необходимо было соблюсти строгие рамки музейного законодательства по использованию работ из коллекции музея, а именно нормы ст. 36 Федерального закона от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» в соответствии с которой использование музейных работ в коммерческих целях осуществляется в порядке, установленном собственником, т. е. государством, и что речь идет об оригиналах работ, которые уже являются общественным достоянием. Тогда как создание токена – это создание самостоятельного объекта интеллектуальной собственности [1. С. 61].

Вместе с тем положения данной статьи распространяют свое действие не на использование оригиналов музейных предметов как таковых, а использование их изображений. Речь идет о передаче прав на использование в коммерческих целях воспроизведений музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации и находящихся в музеях в Российской Федерации [9].

Норма статьи закрепляет понятие использования изображений, а потому утверждение о том, что токены создавались на основе оригиналов произведений, коммерческое использование которых никем не осуществлялось и они по-прежнему доступны в Эрмитаже, не совсем верная правовая конструкция. Воспроизведение музейных предметов было осуществлено в рамках делегирования законодателем специфических полномочий музею по воспроизведению музейных предметов, результатом которого явилось создание цифровых версий произведений искусства.

Получается, что на один материальный объект – аналоговую картину, которая находится в общественном достоянии, распространяется право собственника картины, т. е. непосредственно музея. Затем результат воспроизведения картины, как квази-объект интеллектуальной собственности [2. С. 59], выраженный в форме цифрового оригинала картины, токенизированной в NFT, либо передается по лицензионному договору третьим лицам, либо отчуждается в пользу третьих лиц. В данном случае результат воспроизведения уже является автономным объектом интеллектуальной собственности, а приставка «квази» указывает на то, что такой объект не перечислен среди результатов интеллектуальной деятельности, но по своей правовой природе содержит в себе часть признаков, в том числе в части предоставления правовой охраны на произведение, перешедшее в общественное достояние, при отсутствии творческого вклада музея на его создание, однако по объему и форме использования совпадающее с исключительными правами на произведение.

При этом создание невзаимозаменяемого токена не является тождественным созданию цифровой копии объекта гражданского оборота, которая также является результатом воспроизведения музейного предмета.

Однако в случае с Эрмитажем конструкция была усложнена.

Сделка была проведена в несколько этапов, где на первом этапе музей оцифровал оригинал картины посредством фотографии. Получилось два объекта интеллектуальной собственности: результат воспроизведения произведения искусства (квази-объект интеллектуальной собственности) и фотография (объект авторского права), исключительные права на которую были переданы Эрмитажу по договору об отчуждении исключительных прав.

На данном этапе на распечатанную фотографию (репродукцию) была нанесена подпись директора Эрмитажа М. Б. Пиотровского, что явилось созданием служебного произведения, права на которое перешли к музею. Итогом стала цифровая картина с авторской подписью директора Эрмитажа. Промежуточные результаты были уничтожены [1. С. 63].

Непосредственно на втором этапе данный цифровой результат был токенизирован в цифровую форму NFT, который является подтверждением прав на обладание соответствующим цифровым активом с определенным набором исключительных прав на произведение.

Таким образом, образовались арт-объекты, включающие в себя три файла: репродукцию с подписью директора, видеоролик, в котором М. Б. Пиотровский подписывает работу, сопровождая рассказом о произведении, и удостоверяющую криптографическую подпись [10].

Музейная организация создала определенную культурную концепцию, привнесла авторский вклад, поскольку не остановилась на создании простых цифровых копий картин. Однако, учитывая тот факт, что используются результаты воспроизведения музейных предметов и на базе их создаются произведения, уместно говорить о создании именно производных произведений.

Покупатели NFT-коллекции на основании лицензии получили, как обозначали юристы, сопровождавшие сделку, «право наслаждения», т. е. владения уникальным цифровым объектом, демонстрации и перепродажи [11].

Тем самым, отчуждая NFT, Эрмитаж передал соответствующий цифровой криптографический сертификат, но не исключительные права на произведение, выраженного в NFT. Кроме того, музей на базе данных работ может производить и другие произведения.

Таким образом, при необходимости использования в коммерческой деятельности изображения картины приобретатель обязан запрашивать согласие музея на его дальнейшее использование согласно нормам о музейной оговорке, в соответствии с которой произведения, перешедшие в общественное достояние и находящиеся в музейном фонде, могут воспроизводиться с согласия дирекции музея, в котором такие произведения находятся.

Данные требования распространяются не только на музейные предметы, но и на объекты, находящиеся на территории музея, внешний и внутренний виды здания музея.

Так, между Эрмитажем и Тиллем Линдеманном (лидером группы Rammstein) был заключен лицензионный договор на использование интерьеров Эрмитажа в клипе «Любимый город».

Вместе с тем исполнитель расширил объем предоставленных ему по договору прав, разместив на маркетплейсе NFT, включающих цифровые изображения интерьеров музея.

Эрмитаж направил претензию о прекращении нарушений, поскольку в договоре не было оговорено условие о производстве фотосъемки предметов из собрания и интерьеров музея, их последующей токенизации в формате NFT и продаже.

Позже конфликт был урегулирован и маркетплейсу «Twelve X Twelve» предоставили право использования интерьеров в цифровой форме в рамках проекта «NFtill» на возмездной основе [4].

Проведенный анализ демонстрирует, что в настоящий момент музейные институции активно включаются в процесс цифровизации посредством создания невзаимозаменяемых токенов цифровых результатов воспроизведения музейных предметов и коллекций.

Несмотря на отсутствие в России специального правового регулирования NFT музеи прибегают к использованию договорных конструкций, позволяющих структурировать такие сделки.

Воспроизведение музейного предмета в цифровой форме NFT не является тождественным воспроизведению музейного предмета в простом цифровом формате, поскольку содержит в себе обязательные критерии в виде уникальности экземпляра, неделимости и дефицитности конкретного токена.

Сам по себе NFT не является объектом интеллектуальной собственности, но результат цифрового воспроизведения музейного предмета может быть рассмотрен в рамках законодательства в сфере интеллектуальной собственности.

NFT подтверждает право владения уникальным цифровым активом. При этом в отношении одного результата воспроизведения музейного предмета может быть создано неограниченное количество NFT.

Между тем видится необходимым разрабатывать правовую основу для сделок с цифровыми произведениями искусства из собраний музеев в NFT.

Список литературы

1. Брисов Ю. В., Победкин А. А. Правовой режим NFT (non-fungible token) в России: как работать в отсутствие специального законодательного регулирования? // Цифровое право. 2022. № 3 (1). 44–66.
2. Бурдова В. Д. Дуализм правовой природы музейных прав // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 41, № 2. С. 54–59.
3. В Италии цифровую копию картины Микеланджело «Мадонна Дони» продали за 170 тыс. долл. Правила жизни. (2021). URL: <https://www.pravilamag.ru/news/culture-and-entertainment/18-05-2021/262503-v-italii-cifrovuyu-kopiyu-kartiny-mikelandzhelo-madonna-doni-prodali-za-170-tysyach/> (дата обращения: 30.08.2022).
4. Конфликт между Эрмитажем и Линдеманном разрешился без участия артиста. Фонтанка.ру (2021, сентябрь). URL: <https://www.fontanka.ru/2021/09/06/70120475/> (дата обращения: 30.08.2022).

5. Новоселова Л. А. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 29–44.

6. О внесении изменений в статью 1225 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (в части расширения перечня охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в виде невзаимозаменяемых токенов). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/126586-8> (дата обращения: 30.08.2022).

7. О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации: Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/ (дата обращения: 30.08.2022).

8. «Поцелуй» Климта в NFT и обнаженная девушка Фрейда на аукционе: новости арт-рынка. Forbes (2022). URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/454311-poceluj-klimta-v-nft-i-obnazenna-devuska-frejda-na-aukcione-novosti-art-rynka> (дата обращения: 30.08.2022).

9. Принято новое определение понятия музей // The Art Newspaper Russia. URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/20220826-jord/> (дата обращения: 30.08.2022).

10. Эрмитаж продает свою коллекцию в NFT. Vc.ru (2021, август 20). URL: <https://vc.ru/ipquorum/284386-ermitazh-prodaet-svoyu-kollekciyu-v-nft> (дата обращения: 30.08.2022).

11. Binance (2021). NFT Marketplace Terms and Conditions. URL: https://public.nftstatic.com/static/nft/res/aded11f38a4042fc97_d8607d204e17aa.pdf?fbclid=IwAR2CvcXfkru9kKpx7Vq_FJyXp1VLzsIEuv5BeXVqVt2Ws7FrO4ZVEu365oY (дата обращения: 30.08.2022).

12. Mezei P., Quintais J., Giannopoulou A., & Bodó B. (2021, April 22). The Rise of Non-Fungible Tokens (NFTs) and the Role of Copyright Law – Part II. Kluwer Copyright Blog. URL: <http://copyrightblog.kluweriplaw.com/2021/04/22/the-rise-of-non-fungible-tokens-nfts-and-the-role-of-copyright-law-part-ii/> (дата обращения: 30.08.2022).

13. Moscow Digital School про блокчейн законодательство в России и Европе, криптообменники, NFT и налогообложение // YouTube – видеохостинг. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dNgBssJss1g> (дата обращения: 30.08.2022).

14. Non-fungible tokens (NFT) [Электронный ресурс] // ethereum.org. URL: <https://ethereum.org/en/nft/> (дата обращения: 30.08.2022).

15. Partz H. (2021, September 7). Russian State Hermitage raises \$ 440K via Binance NFT auction. Cointelegraph. URL: <https://cointelegraph.com/news/russian-state-hermitage-raises-440k-via-binance-nft-auction> (дата обращения: 30.08.2022).

А. К. Жарова,

доктор юридических наук, доцент,

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Институт государства и права Российской академии наук

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ВЫЗОВЫ ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Аннотация. В статье анализируются изменения нормативной правовой системы обеспечения прав на цифровые результаты интеллектуальной деятельности, происходящие под воздействием цифровых технологий. Описываются новые цифровые объекты интеллектуальных прав и их место среди других объектов интеллектуальных прав; направления развития системы формирования прав на результаты интеллектуальной деятельности (РИД), связанные с цифровыми технологиями. Отмечается, что цифровая трансформация сформировала социальный запрос на создание сегмента цифровых услуг как разновидности интеллектуальной деятельности, поиск новых способов правовой охраны прав на цифровые РИД, расширение перечня охраноспособных объектов интеллектуальных прав, признание прав на виртуальные объекты цифровой экосистемы.

Ключевые слова: NFT, цифровые объекты интеллектуальных прав, графические изображения, цифровые миры, блокчейн, распределенный реестр

DIGITAL TRANSFORMATION IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY: CHALLENGES TO LEGAL REGULATION IN THE CONTEXT OF TECHNOLOGICAL CHANGES

Abstract. The changes in the regulatory system of ensuring the rights to digital results of intellectual activity that occur under the influence of digital technologies were analyzed in the article. New digital objects of intellectual rights and their place among other objects of intellectual property are described; directions of development of the system of formation of rights to the results of intellectual activity (RID) related to digital technologies are described. We can conclude, that a digital transformation forms a social demand for the creation of a segment of digital services as a kind of intellectual property objects and for the search for new ways of legal protection of digital RIDs, for the expansion of the list of protectable intellectual property objects and for the recognition of rights to virtual objects of the digital ecosystem.

Keywords: NFT, virtual objects of intellectual rights, graphic images, digital worlds, blockchain, distributed registry.

Введение. Цифровая трансформация затрагивает все сферы общественных отношений, не осталась в стороне и система обеспечения прав на результаты интеллектуальной деятельности (РИД). В гражданский оборот вводятся объекты интеллектуальных прав, созданные сугубо информационными технологиями.

Обсуждаются вопросы признания правомерности новых способов оформления таких отношений, и прав на цифровые РИД.

Можно выделить следующие направления развития системы прав на результаты интеллектуальной деятельности, связанные с:

– появлением новых цифровых и виртуальных объектов интеллектуальных прав, в которых неочевидно творческое участие человека;

– формированием цифровой инфраструктуры, позволяющей минимизировать участие человека при заключении лицензионных соглашений, запрограммировав все необходимые согласования между участниками договора; наиболее надежно зафиксировать авторство на РИД; обеспечить большую прозрачность цикла разработки РИД.

Основная часть. Система охраны исключительных прав в авторском праве претерпевает изменения под воздействием цифровизации. Появляются новые объекты авторского права – коллажи, невзаимозаменяемые токены – NFT (non-fungible token), например, NFT-токен картины Михаила Врубеля «Демон (сидящий)» был подарен Третьяковской галереей Джастину Биберу [1], выставки NFT проводятся в цифровом мире [2], создаются цифровые миры и их составляющие, графические изображения на стенах домов, на человеческой коже в виде татуировок, графические интерфейсы. Разработка графических интерфейсов поднимает вопросы их охраноспособности, отечественная наука пока еще не уделяла достаточного внимания вопросам защиты графических интерфейсов [3. С. 70].

Использование информационных технологий, имитирующих когнитивные функции человека, позволило их пользователям создавать новые цифровые объекты авторского права. Например, искусственный интеллект способен написать картины, стихотворения ничем не уступающие творениям человека. Однако можем ли мы в таком случае считать такие произведения объектами авторского права? Чья творческая деятельность – разработчика системы искусственного интеллекта или его пользователя, привела к созданию данного произведения? Решение данных вопросов формирует социальный запрос на создание сегмента цифровых услуг как разновидности объектов интеллектуальной собственности, изменение способов правовой охраны в цифровом пространстве, расширение перечня охраноспособных объектов интеллектуальной собственности, признание прав на виртуальные объекты цифровой экосистемы [4. С. 120].

В системе объектов права промышленной собственности также формируются новые цифровые объекты. В частности, стало использоваться понятие «биопатент», в основном в зарубежной практике, появляются новые формы традиционных средств индивидуализации товаров, работ и услуг представленные в виде 3D товарных знаков и знаков обслуживания.

Системы распределенного реестра стали применяться в целях обеспечения защиты авторских прав. Применение технологии блокчейн, позволяет зафиксировать авторство, дату создания РИД, построить связь РИД с автором произведения. Хотя применение блокчейн в целях фиксации авторства нельзя признать универсальным инструментом, поскольку блокчейн, как и любая другая информационная технология имеет свои уязвимости [5. С. 132]. Например, в блокчейн

существует состояние, описываемое как задача византийских генералов, используя которое можно перезаписать уже зафиксированную в системе информацию на других лиц. Кроме того, не всегда экономически эффективно ее применение для хранения РИД, поскольку стоимость этой услуги достаточно высока [6. С. 154].

Цифровизация подняла проблему идентификации лица, нарушившего права правообладателя в Интернете, в связи с чем, законодатели и ученые занялись разработкой эффективной системы предотвращения и прекращения происходящих нарушений интеллектуальных прав на РИД в информационной-телекоммуникационной системе.

Сложность выявления источника распространения информации, побудила к формированию системы премодерации контента администраторами информационных ресурсов, а также к разработке системы юридической ответственности определенных видов провайдеров и информационных посредников за контент, размещенный третьими лицами в сети Интернет.

Цифровая трансформация подняла также вопросы ответственности поисковых и рекламных сервисов при применении ключевых поисковых сочетаний слов, фраз, которые выдаются при введении пользователем в поисковую строку. Развитие социальных сетей привело к заинтересованности государственных структур, коммерческих и некоммерческих организаций в распространении рекламы, информации некоммерческого характера среди пользователей, подписчиков социальных сетей посредством хештегов. Под хештегом понимают «использование специальных символов в запросе: ? – один любой символ, кроме пробела; * – любая последовательность символов, кроме пробела» [7]. В настоящее время это наиболее распространенная информационная технология для целей распространения рекламы в сети Интернет. Хештеги могут содержать как объекты авторского права, например, словосочетания или рисунки, так и объекты права промышленной собственности – товарные знаки и знаки обслуживания. Однако российское законодательство пока еще не откликнулось на регулирование отношений, связанных с использованием в хештегах объектов интеллектуальных прав. Кроме того, на данный момент не существует никаких разъяснений от уполномоченных органов.

Цифровая трансформация также оказала действие и на сближение права интеллектуальной собственности и информационного права, вызванное необходимостью решения перечня проблем, связанных с применением цифровых технологий, которое возможно только в тесном взаимодействии данных отраслей права. Информационная безопасность пользователя, например, программного обеспечения, напрямую связана с надежностью информационных моделей, разработанных и реализованных программистом в программном обеспечении. Все больше пересечений при регулировании общественных отношений возникает между системой норм о защите интеллектуальных прав и об обеспечении информационной безопасности, поскольку за каждой информационной технологией стоят ее разработчики. В зарубежных странах вопрос надзора за применяемыми алгоритмами при разработке информационных технологий решается на уровне закона. В законодательстве закрепляются требования к применению строго тех алгоритмов обработки информации, надежность и безопасность которых подтверждена.

Под воздействием цифровизации подверглись изменению и методы работы юриста в сфере интеллектуальной собственности. Например, технологии анализа больших данных позволили ускорить проведение патентного поиска или выявление недобросовестных заимствований в объектах авторского или смежного права.

Список литературы

1. Третьяковская галерея подарила NFT-картину Джастину Бибери за \$14 000. URL: <https://vc.ru/crypto/358288-tretyakovskaya-galereya-podarila-nft-kartinu-dzhastinu-biberu-za-14-000>

2. Хотите или нет, все равно там окажетесь: криптохудожники о будущем искусства. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11767011>

3. Ипполитова Э.В. Графический интерфейс пользователя как объект интеллектуальной собственности: опыт США и России // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 10. С. 36–81.

4. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Большие данные: в поисках места в системе гражданского права // Закон. 2018. № 11. С. 106–123.

5. Zharova, A. K. Technical and Legal Principles of Information Security on the Example of Russia / A. K. Zharova, V. M. Elin // Proceedings of the 2021 IEEE International Conference “Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies”, T and QM and IS 2021, Yaroslavl, 6–10 сентября 2021 г. Yaroslavl, 2021. P. 131–135.

6. Жарова, А. К. Правовая защита интеллектуальной собственности : учебное пособие для магистратуры: для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 080700 «Бизнес-информатика», 030900 «Юриспруденция» / А. К. Жарова. Москва: Юрайт, 2011. 373 с.

7. Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС». URL: <https://orfo.ruslang.ru/search/word?query=хештег>

В. А. Максимов,

кандидат юридических наук, доцент,

Северо-Западный филиал

Российского государственного университета правосудия

ИЗОБРЕТЕНИЕ, СВЯЗАННОЕ С КОМПЬЮТЕРНОЙ ПРОГРАММОЙ: ПРАКТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ПАТЕНТНЫХ ВЕДОМСТВ И ВОПРОСЫ ПРАВА

Аннотация. Целью тезисов является сравнение патентного законодательства и процедуры подачи патента в ведомства ЕРО и СНИРА относительно изобретения, связанного с компьютерной программой. Автор приходит к выводу, что недавно установленное тесное сотрудничество между указанными ведомствами положительно влияет на количество и качество поданных им заявок, что способствует охране и защите прав изобретателей, разработчиков, владельцев изобретений, связанных с компьютерной программой.

Ключевые слова: патент, компьютерная программа, изобретение, право, цифровые технологии, технический характер, техническое средство, ЕРО, CNIPA

COMPARATIVE CHARACTERISTICS, OF AN INVENTION RELATED TO A COMPUTER PROGRAM (ЕРО И CNIPA)

Abstract. The purpose of the theses is to compare patent legislation and patent filing procedures with the EPO and CNIPA offices regarding an invention related to a computer program. The author comes to the conclusion that the recently established close cooperation between these agencies has a positive effect on the number and quality of applications submitted by them, which contributes to the protection and protection of the rights of inventors, developers, owners of inventions related to a computer program.

Keywords: Patent, Computer Program, Invention, Law, Digital technologies, Technical nature, Technical means, EPO, CNIPA

Исследования Европейского патентного ведомства (далее – ЕРО) и Патентного ведомства Китая (далее – CNIPA) в отношении поданных заявок на получение патента на изобретение, связанное с компьютерной программой выявило много сходства, но также важных отличий. Так, ЕРО сосредотачивается на техническом характере изобретения, а CNIPA – на технических особенностях, присущих изобретению.

Хотя изобретения, связанные с компьютерной программой, являются патентоспособными, компьютерные программы в этих изобретениях, а именно: исходный код или алгоритмы как таковые не являются патентоспособными. Вывод об этом следует из Европейской патентной конвенции (ст. 52 ЕПК) [1] для ЕРО и Патентного закона Китая (ст. 2, ст. 25 [2], а также Руководящих принципов CNIPA – часть II CNIPA Issued AI Related Patent Examination Guidelines [3]) для CNIPA. Общим является тот факт, что отвлеченные идеи не подлежат патентованию ни согласно европейского, ни китайского патентного законодательства.

В обоих ведомствах заявленное изобретение изначально должно быть «изобретением», т. е. должно быть новым и иметь изобретательский уровень.

Технический характер. Известно, что, хотя ЕПК отмечает технический характер как необходимое требование к изобретению, однако в ст. 52.2 [1] есть перечень изобретений, которые не подлежат патентованию, но их перечень все еще расширяется. Поэтому на практике изобретение может быть запатентовано в ЕРО, даже если заявка не содержит технических характеристик, если признаки способствуют достижению технического результата.

Китайское патентное законодательство также дает легальное определение того, что такое изобретение (ст. 2 Патентного закона Китая [2]). Соответственно, в Китае изобретение считается изобретением, если заявка содержит технические характеристики. Поэтому, как правило, объекты изобретения, описанные в заявке, должны иметь технические признаки. Однако китайское патентное законодательство также ссылается на соответствие списку исключений ст. 52.2 ЕПК [1], что указано в ст. 25 Патентного закона Китая [2]. Однако в Китае не применяется европейское понятие «технический характер».

Технические средства. Опираясь на концепцию «технического характера», ЕРО придерживается подхода так называемых «любых технических средств». Соответственно, заявка на процесс, который требует наличия технических средств таких как компьютер, сеть, Интернет, включая память и процессор компьютера, считается «изобретением» в смысле ст. 52 ЕПК [1]. Так же системы или устройства всегда считаются «изобретениями», поскольку по определению они должны иметь технических средства.

CNIPA же не использует понятие «техническое средство». Соответственно, при определении того, является ли представленное решение техническим в соответствии с требованиями ст. 2.2 Issued AI Related Patent Examination Guidelines [3] исследуются технические средства, техническая проблема и технический эффект. В отличие от ЕРО, CNIPA ожидает, что технические средства будут выражены техническими характеристиками.

Заявка на компьютерную программу. Патентное заявление на изобретение, связанное с компьютерной программой требует наличие дальнейшего технического эффекта, выходящего за рамки обычных последствий выполнения программы. Они могут заключаться в управлении производственным процессом или во внутреннем функционировании самого компьютера, а также представлять собой различные интерфейсы для воздействия на компьютерную программу, например, путем повышения эффективности или безопасности процесса. ЕРО изучает патентоспособность изобретений, связанных с компьютерной программой, применяя подход к решению проблем, изложенный в Руководстве по проведению экспертизы в Европейском патентном ведомстве раздел G-VII, п. 5.4 [4].

Согласно части II, главы 1, раздела 4.2 и главе 9 Issued AI Related Patent Examination Guidelines CNIPA [3] определено, что техническое решение как итог технического средства, как правило, воплощает технические средства через технические характеристики. Например, алгоритм с точки зрения исчисления времени и ресурсов памяти для моделирования, где математический алгоритм особенно эффективно определяет время вычисления и ресурсы памяти, необходимые для генерации случайных чисел, необходимых для моделирования. Алгоритм не является патентоспособным («мыслительные шаги») как таковой, но поскольку математический метод имеет отношение к моделированию схем, он выполняет техническую функцию, и может быть патентоспособным. Он является патентоспособным в Китае, поскольку математический метод применяется в технической области.

Изобретательский уровень. Что касается CNIPA, то касательно изобретательского уровня в отношении изобретений, связанных с компьютерной программой, пока нет конкретных положений.

В CNIPA изобретательский уровень означает, что изобретение представляет собой большой прогресс над современным уровнем техники (в соответствии со ст. 22.3 Issued AI Related Patent Examination Guidelines [3]). Изобретение должно быть не очевидным для специалиста в данной области с учетом уровня техники. ЕРО также изучает, является ли изобретение очевидным для специалиста в данной области с учетом уровня техники. Более того, изобретательский уровень согласно ст. 56 ЕПК [1] также требует неочевидного технического решения технической проблемы.

Таким образом, недавно установлено тесное сотрудничество между ЕРО и СНИПА, положительно влияет на количество и качество заявок поданных в соответствующие ведомства, что способствует охране и защите прав изобретателей, разработчиков, владельцев изобретений, связанных с компьютерной программой.

Список литературы

1. Конвенция о выдаче европейских патентов (Европейская патентная конвенция). URL: https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/exhibition_corr_ormatted.pdf (дата обращения: 28.07.2022).
2. Патентный закон Китая (2020 г.). URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/patent-law-of-china-20201017> (дата обращения: 28.07.2022)
3. Руководство по патентной экспертизе в области искусственного интеллекта Китайского патентного ведомства (СНИПА). URL: <https://www.natlawreview.com/article/cnipa-announces-amended-patent-guidelines-patent-applications-covering-ai-and> (дата обращения: 28.07.2022)
4. Руководство по проведению экспертизы в Европейском патентном ведомстве. URL: https://www.natlawreview.com/article/cnipa-announces-amended-patent-guidelines-patent-applications-covering-ai-andhttps://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.5a158ebf-62e50d6f-aa54fb40-74722d776562/https/www.epo.org/law-practice/legal-texts/html/guidelines/e/g_vii_5_4.htm (дата обращения: 28.07.2022).

В. В. Матвиенко,

кандидат филологических наук, доцент,
Российский университет дружбы народов

Е. В. Мартыненко,

доктор политических наук, профессор,
Российский университет дружбы народов

СПЕЦИФИКА ПРАВОВОЙ БАЗЫ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ИНДИИ

Аннотация. Цель статьи – рассмотреть специфику становления и развития авторского права в Индии. Развитие правовой базы в области охраны интеллектуальной собственности в Индии имеет динамический характер; национальное законодательство обеспечивает сохранение равновесия между интересами создателей и потребителей медиапродукта, а также приводит нормативные акты в соответствие с международными стандартами. Особенности авторского права Индии детерминированы активной интеграцией этой страны в мировую экономику и курсом на развитие индийского общества. Исследование проводилось в рамках инициативной исследовательской работы кафедры теории и истории журналистики РУДН № 050737–2–000 «Исследование медиасистем и медиаиндустрии в России и мире: научно-образовательный компонент».

Ключевые слова: Индия, авторское право, Закон об авторском праве, первоначальный владелец, оригинал произведения, Бюро регистрации авторских прав, уголовная ответственность

THE SPECIFICITY OF THE LEGAL BASE IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION IN INDIA

Abstract. The purpose of the article is to consider the specifics of copyright formation and development in India. Development of intellectual property rights in India has a dynamic character; the national legislation is undergoing transformation in an effort to ensure the preservation of the balance between the interests of creators and consumers of media products, as well as to bring the legislative instruments to international standards. Particular qualities of copyright in India are determined with active integration of the country into the world economy and the course on the development of Indian society. The study was carried out within the framework of the initiative research work of the Theory and History of Journalism Department of the RUDN University No. 050737-2-000 “Research of media systems and the media industry in Russia and the world: a scientific and educational component”.

Keywords: India, Copyright, Copyright Law, The original owner, The original creative product, The Copyright Office, Criminal liability

Introduction. The protection and encouragement of intellectual creativity is an obvious indicator of the social, economic and cultural development of any country, so the problem of regulating copyright as an object of intellectual property in specific national conditions is of undoubted research interest.

India is a country with enormous economic potential, having overcome decades of economic isolation and backwardness, has now become one of the world's leading powers. According to forecasts, in 2022 the economy of this country will grow by 6.4 %. For comparison, the EU economy this year will increase by 2.7 %, the US – 2.6 %, China – by 4.5 %. The average annual growth rate of India's real GDP was 7.1 %. India is already the second largest software exporter in the world. It exports technology worth \$ 150 billion annually [1].

The rich cultural heritage, creativity and rapid development of India's modern media industry has made India's government copyright enforcement activity one of the most significant not only in Asia but in the world.

Main part. Intellectual property laws in India are constantly under revision due to the fact that if copyright protection is too strict, it can hinder the development of Indian society. For this reason, copyright laws in India are adopted with the necessary exceptions and limitations to ensure that a balance is maintained between the interests of the creators and consumers of the product [2].

However, as a WTO signatory to the GATT (1) Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS), India is required to establish minimum norms and standards in the following areas of intellectual property:

- copyright and other related rights,
- trade marks,
- the origin of the goods,
- patents,
- industrial design.

India is a member of the major copyright conventions, the Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works since 1928 and the Universal Copyright Convention since 1952 (2). The first copyright law in India appeared in 1914, modeled on the British Copyright Act of 1911, and was a kind of charter, which included 15 sections. After India gained independence in 1947, the 1914 Act continued until the new Indian Copyright Act (ICA) 1957 [3] was passed, the main provisions and articles of which were taken in their entirety from the UK Copyright Act 1956.

The Copyright Act of India is periodically amended (1983, 1984, 1992, 1994, 1999, 2010, 2012) to bring the regulation in line with the provisions of WIPO (3), which should protect copyright holders by providing sanctions against violators in the form of fines from 50 thousand to 200 thousand rupees (from 626 to 2 505 dollars) and (or) imprisonment from six months to three years (Chapter VIII, Article 63 of the Copyright Act of India, 1957). The law also stipulates the duration of copyright in a work (product), which is established throughout the life of the author and an additional sixty years from the date of his death [3; 6. P. 95]. With regard to co-authorship, the calculation of the specified period begins with the death of the last author. The effect of copyright on works of a state enterprise (enterprises) and international organizations is also calculated for sixty years from the beginning of the calendar year following the year when the work was first published [3].

The latest amendment to the Copyright Act of India was made in 2021. The Government of India has notified Copyright (Amendment) Rules, 2021 vide Gazette notification under reference G.S.R. 225(E) dated 30th March, 2021. It aims to ensure smooth and flawless compliance in the light of the technological advancement in digital era by adopting electronic means as primary mode of communication and working in the Copyright Office. A new provision regarding publication of a copyrights journal has been incorporated, thereby eliminating the requirement of publication in the Official Gazette. The said journal would be available at the website of the Copyright Office [5].

It is interesting to consider certain provisions of the Indian Copyright Act (ICA) that have national specificities.

ICA provides the owners of works with a number of exclusive rights, which allows them to receive monetary payments from the exercise of rights through reproduction, public display, translation, publication, transfer of rights, etc. If any of these acts are performed by a person other than the owner, without a license issued by the owner or competent authorities in accordance with the law, it is an infringement of copyright in the work.

ICA protects the original literary work from illegal use. Unlike patents, copyright protects the way of expression, not the ideas themselves. There is no copyright for ideas in India.

To obtain copyright protection, the work must be original. “Co-authored work” means a work created by the joint work of two or more authors, to which all contribute equally. Copyright extends to original literary works throughout India.

The original owner of the copyright in a work is the author himself. If the work is owned by the government, then the government will be the original owner of the copyright. If the work is owned by a state-owned enterprise, then that state-owned enterprise is accordingly the original owner of the copyright. If a literary work is created by the author in the course of work for the owner of a newspaper, magazine or other periodical publication under an employment agreement or contract for the purpose of publication in a newspaper, magazine or other periodical publication, then the above-mentioned owner, in the absence of an agreement to the contrary, will be the original the owner of the copyright in the work [4. P. 163].

The copyright owner of an existing work, or the potential copyright owner of a future work, has the right to transfer all or part of its copyright. This is done strictly in writing signed by the copyright holder or his authorized representative.

If the successor does not use the rights transferred to him within one year from the date of transfer of rights, the agreement on the transfer of rights to the work will be considered terminated after the end of the specified period, unless otherwise stipulated in the transfer agreement. If the period of transfer of rights is not specified, then the period of 5 years from the date of signing the agreement on the transfer of rights will be considered as such.

If the territorial limit of the agreement on transfer of rights is not specified, then the entire territory of India will be considered as such.

The author of a work may waive all or any of the rights included in the copyright in the work by notifying the registrar of the Copyright Office of India in the prescribed form. This Bureau was established to provide registration services for all forms of works. You can register both published and unpublished works.

All rights in the original work also extend to its translated versions. It is noteworthy that no one has the right to translate a work that is subject to copyright for subsequent reproduction without the permission of the copyright holder.

The right to reproduce usually means that no one has the right to copy a work or more than a quarter of it in one or more copies without the permission of the copyright owner. The most common type of reproduction is its publication [3].

Copyright comes into existence from the moment a work is created, and obtaining copyright does not require complex legal procedures. Entries made in the copyright register serve as a presumption of proof in a court of general jurisdiction. Copyright in works published before the entry into force of the ICA may also be registered, but on the condition that the right holder needs to exercise his copyright. If the work was registered before it was published and it was subsequently published, then the applicant can apply for changes to the copyright registry data in the prescribed form for a fixed fee.

Of course, no copyright owner of any work is able to control all the uses of his works by others, therefore, registered collective management societies for the protection of copyrights are actively created in India in order to effectively monitor the use of the works of the author throughout the country and collect the royalties due to him. The author of a work has the right to join several such societies by acquiring an appropriate license.

The Government of India has established the Copyright Enforcement Advisory Council (CEAC; <https://copyright.gov.in/frmceac.aspx>) to periodically review compliance with copyright law and provide advice to the government on measures

to improve enforcement of the law. Enforcement offices have been established by all Indian state and union territory governments to oversee compliance with the ICA, and responsible persons have been appointed to address emerging issues within the framework of the ICA implementation. It should be noted that there are no special courts in India to deal with copyright issues. Such cases are heard in ordinary courts.

Knowingly infringing copyright is a criminal offence. Any officer of the Indian police with the rank of not less than a second lieutenant has the right to seize all copies of the work without a warrant, and the court has the right to order the transfer of all copies to the copyright owner [3].

Conclusion. Thus, it can be stated that the high growth of the Indian economy and a strong legislative framework imply a desire in practice to protect India's intellectual property as one of the primary sources for innovation.

It is important to note the nationally oriented orientation of all Indian laws without exception in the field of legal protection of intellectual property, as well as law enforcement practice in this area. Moreover, the Indian policy of upholding national and public interests in some cases prevails over the need for India to comply with its international legal obligations regarding the legal protection of intellectual property.

Notes

1. The General Agreement on Tariffs and Trade (GATT) is an international agreement of 1947, the predecessor of the WTO.

2. Universal Copyright Convention (UCC, 1952, Geneva) is an international agreement on the protection of copyright, operates under the auspices of UNESCO. If the Berne Convention proceeds from the fact of the creation of a work as a sufficient basis for the protection of copyright in it, the UCC provides for the fulfillment of certain formalities for the granting of such protection in individual member countries, related to the fact that in some countries, in order for a work to be protected, the deposit of copies is necessary, registration or other formal actions. Therefore, Article 3 of the UCC establishes that such requirements are considered to be satisfied if, starting from the first publication of a work, all copies of it will have a sign in the form of the Latin letter "C" enclosed in a circle (© – copyright mark) with the name of the owner of this work and an indication of the year of first publication. The minimum term of copyright protection set by the UCC is 25 years.

3. India is also an active member of the World Intellectual Property Organization (WIPO, since 1975) and participates in the Convention for the Protection of Producers of Phonograms Against Unauthorized Duplication of Their Phonograms (since 1975).

References

1. Economy of India: growth, structure, features. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/62b9b3b59a7947336eed1321> (date of access: Sept. 9, 2022).

2. Extract from Handbook of Copyright Law, published by the Ministry of Human Resources Development, Copyright Office, Government of India//India. Perspectives. September-October, 2008. URL: <http://indonet.ru/ip/Zakon-ob-avtorskom-p#ixzz3IqRs3TAw> (date of access: Sept. 7, 2022).

3. Indian Copyright Act, 1957. Govt. of India. Archived from the original on July 21, 2011. Retrieved 30 September 2012. URL: <http://web.archive.org/web/20110721155714/http://copyright.gov.in/Documents/CopyrightRules1957.pdf> (date of access: Sept. 15, 2022).

4. Matvienko V. V., Martynenko E. V. History Problems of Copyright Protection in the Indian Media Industry and Access to Specific Media Content // Voprosy Istorii. 2021. Volume 6, Issue 2. Pages 161–171.

5. Ministry of Commerce & Industry Notifies Copyright (Amendment) Rules, 2021, Says Will Bring Existing Rules In Parity With Other Relevant Legislations/Business Standard. URL: https://www.business-standard.com/article/news-cm/ministry-of-commerce-industry-notifies-copyright-amendment-rules-2021-says-will-bring-existing-rules-in-parity-with-other-relevant-legislations-121040801136_1.html (date of access: Sept. 15, 2022).

6. Tamali Sen Gupta. Intellectual Property Law in India//Kluwer law international BV, The Netherlands, 2011.

Н. Г. Морозова,

кандидат экономических наук, доцент,
Государственный университет управления

В. С. Александрова,

бакалавр,
Государственный университет управления

С. Е. Комлева,

студент, бакалавр,
Государственный университет управления

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ОТ ПЛАГИАТА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. Интернет стал неотъемлемым компонентом жизни общества, привыкшего к быстрому обмену и доступу к информации. В работе проанализированы примеры нарушений прав интеллектуальной собственности и кражи авторского права, выявлены проблемы, связанные с защитой интеллектуальной собственности в прогрессирующих информационных сетях, в частности в Интернете. По результатам исследования предложены пути решений все чаще возникающих проблем для правообладателей уникальных идей, определены направления совершенствования действующего законодательства в сфере интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: авторское право, плагиат, информационные сети, интернет, кража интеллектуальной собственности, интеллектуальная собственность, правообладатель

THE PROBLEMS OF PROTECTION INTELLECTUAL PROPERTY FROM THE INTERNET PLAGIARISM

Abstract. The Internet has become an integral part of the life of a society accustomed to the rapid exchange and access to information. The paper analyzes examples of violations of intellectual property rights and copyright theft, identifies problems associ-

ated with the protection of intellectual property in progressive information networks, in particular on the Internet. Based on the results of the study, ways of solving increasingly emerging problems for copyright holders of unique ideas are proposed, directions for improving the current legislation in the field of intellectual property are identified.

Keywords: Copyright, Plagiarism, Informational networks, the Internet, Theft of intellectual property, Intellectual property, Copyright holder

Прогресс в освоении информационных систем, существующих на сегодняшний день и являющихся неотъемлемой частью жизни каждого современного человека, открывает перед людьми возможности в саморазвитии и прохождении своего жизненного пути. В сети Интернет люди могут работать, совершенствовать свои творческие навыки, получать новые знания и находить единомышленников. Но, к сожалению, все еще остается проблема защиты интеллектуальной собственности, публикуемой в Интернете, от ее хищения, копирования, в том числе плагиата. В частности, эта проблема касается творческой части Интернета. Любое произведение будь то картина, логотип или текст, попадая в Интернет и получая распространение и рост популярности, может подвергнуться плагиату. В обществе постепенно стираются рамки личного интеллектуального права, в сознании людей часто оно считается несерьезным, и люди, стараясь оставить свой след в какой-либо части Интернета, зачастую делают это за счет уже нашумевших произведений, лишь немного корректируя их.

Одной из проблем, касающихся защиты интеллектуальной собственности в сети Интернет, является то, что плагиат как понятие не имеет четких критериев, его не всегда можно точно отделить от частичного заимствования, подражания, цитирования, соавторства и других похожих случаев. Совпадение идей не всегда является плагиатом, так как многие из них вполне понятны и осуществимы на практике, поэтому неудивительно, что несколько человек могут размышлять в одном и том же направлении, в результате чего результаты их творчества могут быть довольно схожими – так называемый непредумышленный плагиат. В Гражданском и иных кодексах упоминается плагиат как способ хищения интеллектуальной собственности, но нет ни одной статьи, где было бы четко прописано, что конкретно может быть к нему отнесено.

В качестве примера можно привести то, что на известном сайте для свободных авторов Freelance.ru есть отдельный форум, который называется «Vlabber», где фрилансеры имеют возможность поделиться друг с другом опытом и впечатлениями от работы. На этом форуме есть блог «Галерея плагиата». Один из разделов биржи отведен для творческих конкурсов и в этих конкурсах традиционно принимают участие большое число фрилансеров, что является также отличной площадкой для людей, занимающихся кражей чужих идей. Зачастую на данной площадке разворачивается скандал между авторами из-за плагиата, впоследствии чего автора, которого признали плагиатчиком, блокируют на сайте, а его работы помещаются в «Галерею плагиата» [2].

В качестве примера одного из крупнейших дел о плагиате можно привести недавнее копирование смартфонов компании Apple другими производителями теле-

фонов (Samsung) [1]. Позже обвинениям подверглись такие компании, как Huawei, fly, HTC. Руководитель подразделения Apple, отвечающий за международный маркетинг, Грег Джосвиак заявил, что при разработке своих первых смартфонов Samsung использовал украденные у них технологии. Информация об этом появилась в документальном фильме «The Wall Street Journal», приуроченном к 15-летию первого iPhone. Основные претензии были к дизайну интерфейса и внешнего вида смартфонов, включая одинаковое расположение кнопок и т. п. После судебных разбирательств было решено, что Samsung должен заплатить Apple \$539 млн компенсации. Фактически в мае 2018 г. Samsung остался должен \$140 млн [3]. В случае с крупным бизнесом рассматриваемая проблема чаще способна решиться, например выплатой компенсации. Однако в случае небольших организаций или фрилансеров возникают различные трудности в возможностях доказать свое авторство.

И подобных случаев по всему миру достаточно много, учитывая, что далеко не каждый владелец интеллектуальных прав обращается в суд и пытается каким-либо образом отстоять свои права по различным причинам, включая отсутствие некой правовой грамотности в этом вопросе.

Помимо плагиата, существуют такие понятия, как случайный плагиат и клише. Первый подразумевает под собой непреднамеренное заимствование каких-либо идей, оказавшихся схожими или идентичными с другими авторами. Он, как правило, является простым совпадением из-за явлений, которые просты и понятны на практике, ведь многие люди зачастую мыслят в одном направлении. Такое понятие, как клише зачастую используется в литературе и при создании логотипов, поскольку многие художественные приемы и обороты уже устоялись в нашей речи и большинство графических знаков компаний создаются из простых геометрических фигур. Из-за этого многие произведения интеллектуального труда могут казаться похожими друг на друга.

При возникновении необходимости защиты своих интеллектуальных прав фрилансер или правообладатель должны четко понимать границы между совпадением, клише и плагиатом [4]. Государством предусмотрена данная защита и регулируется, прежде всего, Гражданским кодексом Российской Федерации, где, к сожалению, не дается более полного и четкого понимания значения слова «плагиат». Поэтому необходимо на законодательном уровне пересмотреть важность этого понятия и уделить ему достаточно большое внимание, так как в условиях цифровизации случаи незаконного хищения чужих произведений становятся все более частыми и трудно уловимыми.

В нашем понимании, плагиат – это умышленное сознательное полное или частичное хищение чужих идей с целью дальнейшего присвоения им своего авторства и получения материальной и/или нематериальной выгоды от реализации незаконно полученной собственности (ее части). При этом частичное хищение должно оцениваться, исходя из степени схожести потенциального плагиата с оригинальным объектом авторского права. Плагиат не должен измеряться одной лишь совестью автора, она должна измеряться по определенной шкале в конкретной степени зависимости. Для литературной деятельности существуют сервисы, по-

могающие определить степень оригинальности той или иной работы, научной или художественной. Но, если взять сферу художественных произведений искусства, то здесь гораздо сложнее определить степень плагиата. Поэтому можно принять за критерий оценки степени оригинальности работы композицию, передачу света и тени, персонажей и количества изображенных лиц, элементы заднего и переднего плана, некоторые мелкие детали и идеологический посыл произведения, чтобы с учетом количества этих критериев можно было достаточно полно оценить, насколько работа одного человека схожа с другой и тем самым определить степень плагиата [5].

Таким образом, необходимо совершенствование законодательства с целью устранения существующих пробелов, в частности, уточнение понятия плагиата и границ его определения, что будет способствовать минимизации незаконных хищений и посягательств на объекты авторских прав со стороны пользователей в Интернете. Защита интеллектуальных прав и законных интересов граждан и организаций, желающих отстаивать свои права на авторство, в большей степени будет зависеть от их правовой осведомленности в сфере защиты собственности от плагиата, а также от организации совместной работы законодателей, правообладателей и правоохранительных органов.

Список литературы

1. Кильдюшкин Р. Apple обвинила Samsung в плагиате // Газета.ru. 29 июня 2022. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2022/06/29/18033548.shtml> (дата обращения: 05.09.2022).
2. Сиддикви Д. Не укради! Как не попасть в «Галерею плагиата» // Freelance today. URL: <https://freelance.today/zhizn/ne-ukradi-kak-ne-popast-v-galereyu-plagiata.html> (дата обращения: 11.09.2022).
3. Совпадение или плагиат: 3 громких дела о копировании брендов // Дзен. 30 июля 2018. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5b28e4526ec17d00a98e27c4/sovpadenie-ili-plagiat-3-gromkih-dela-o-kopirovanii-brendov-5b5f18b43a008800a9f67631> (дата обращения: 07.09.2022).
4. Требуйте компенсацию за нарушение авторских прав // ГлавБух. 28 января 2022. URL: <https://www.glavbukh.ru/art/386662-trebuyte-kompensatsiyu-zanarushenie-avtorskih-prav> (дата обращения: 10.09.2022).
5. Это плагиат? 8 случайных и неслучайных совпадений в дизайне // Skillbox Media Дизайн. 23 июня 2021. URL: <https://skillbox.ru/media/design/8-sluchaynykh-i-nesluchaynykh-sovpadeniy-v-dizayne/> (дата обращения: 11.09.2022).

Р. Н. Сафиуллин,

доктор технических наук, профессор,
Санкт-Петербургский горный университет

Р. Р. Сафиуллин,

кандидат технических наук, доцент,
Санкт-Петербургский горный университет

О. П. Пыркин,

начальник управления,
Военная академия материально-технического обеспечения
имени генерала армии А.В. Хрулева
Министерства обороны Российской Федерации

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИ ВНЕДРЕНИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ СИСТЕМЫ

Аннотация. В настоящее время происходит резкий рост в развитии технологий автоматизации, цифровых технологий беспроводного доступа автомобильного транспорта. В этой области одними из важных являются решение вопросов на современном этапе, связанные как движением беспилотных транспортных средств, так и развитием цифровых технологий и передачи информации, обеспечение контроля, управления, а также получение актуальных сведений о транспорте. Конкретные меры и их нормативное регулирование можно проследить по некоторым основным направлениям, выделяемым в рамках программы по формированию системы поддержки принятия решений по внедрению ИТС предназначена для анализа текущего состояния объекта управления, ретроспективного анализа, моделирования развития и подготовки вариантов решений с обоснованием, что приводит к поддержке принятия решений руководителями на всех уровнях в организационной структуре ИТС, начиная от линейного управления до стратегического управления транспортной отраслью. Необходима надежная система правового обеспечения ИТС, в которую должны войти следующие модули: модуль интеллектуального права, экспертная оценка правового эксперимента для одной или нескольких проблемных областей (опционально); интегрированный модуль нормативного регулирования каждого вида обеспечения. В рамках данного компонента программы должно быть сформировано отраслевое регулирование по направлениям ИТС, необходимое для развития цифровой экономики в части регулирования правоотношений в сфере робототехники и применения технологий искусственного интеллекта в области применения беспилотного транспорта.

Ключевые слова: интеллектуальные транспортные системы, нормативное регулирование, цифровые технологии, модуль

TOPICAL ISSUES OF LEGAL REGULATION IN THE IMPLEMENTATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN INTELLIGENT TRANSPORT SYSTEMS

Abstract. Currently, there is a sharp increase in the development of automation technologies, digital technologies for wireless access of motor transport. In this area, one of the most important issues is solving issues at the present stage related to both the movement of unmanned vehicles and the development of digital technologies and information transmission, ensuring control, management, as well as obtaining up-to-date information about transport. Specific measures and their regulatory regulation can be traced in some of the main areas identified within the framework of the program for the formation of a decision support system for the implementation of ITS is designed to analyze the current state of the management object, retrospective analysis, development modeling and preparation of decision options with justification, which leads to decision support by managers at the at all levels in the organizational structure of ITS, from linear management to strategic management of the transport industry. A reliable system of ITS legal support is needed, which should include the following modules: an intellectual law module, an expert assessment of a legal experiment for one or several problem areas (optional); an integrated regulatory module for each type of security. Within the framework of this component of the program, the industry regulation in ITS areas should be formed, which is necessary for the development of the digital economy in terms of regulating legal relations in the field of robotics and the use of artificial intelligence technologies in the field of unmanned transport.

Keywords: Intelligent transport systems, Regulatory regulation, Digital technologies, Module

Введение. Научно-техническая революция на современном этапе кардинально меняет нашу повседневную жизнь, трансформируя форматы взаимодействия людей, делая информацию и технологии доступными каждому. Она меняет природу человека, нейро-интерфейсы и искусственный интеллект. В успех этой революции вложены гигантские человеческие ресурсы. В связи с реализацией проекта «Россия будущего: 2017–2035», «Цифровой транспорт и логистика» Центром стратегических разработок (ЦСР) совместно с Министерством экономического развития РФ определены основные задачи развития различных отраслей промышленности. В настоящее время происходит резкий рост в развитии технологий автоматизации, цифровых технологий беспроводного доступа автомобильного транспорта. В этой области одними из важных являются решение вопросов на современном этапе, связанные как движением беспилотных транспортных средств, так и развитием цифровых технологий и передачи информации, обеспечение контроля, управления, а также получение актуальных сведений о транспорте. Реализация концепции интеллектуального автомобиля, изменение статуса транспортной единицы от независимого, самостоятельного, непредсказуемого субъекта дорожного движения, в сторону «активного», предсказуемого субъекта транспортно-информационного пространства осуществляется за счет автоматизированного и автоматического взаимодействия всех транспортных субъектов в реальном масштабе времени на адаптивных принципах. Решение этих задач требует на современном этапе переос-

мыслить правовой подход в области внедрения современных цифровых технологий и перераспределения полномочий от экономического блока дисциплин к техническим по основным вопросам изучения основ автоматизации, роботизации, информационно-телекоммуникационных, телематических систем и т. д. Внимательное изучение требований нормативных актов в этой области и к реализованному в них правовому подходу к результатам внедрения цифровых технологий позволяет утверждать об имплицитном взаимовлиянии на основе совершенно не изученных вопросов технического, юридического и финансового регулирования отношений цифровизации транспортного комплекса на федеральном и региональном уровнях, детальной оценки влияния цифровых технологий на транспорте на социальные и экономические процессы в современном российском обществе.

Основная часть. В связи с обозначенной проблемой в условиях необходимости трансформации правового регулирования в связи с развитием цифровых технологий оправданным является использование еще одного сравнительно нового способа правового регулирования – «правовой эксперимент». Так, Д. А. Пашенцев, анализируя влияние цифровизации на российскую законодательную традицию и определяя перспективные направления ее дальнейшего развития, отметил среди выявленных тенденций более активное использование в законодательной деятельности правового прогнозирования и правового эксперимента [1]. О. О. Журавлева проводит разграничение правового регулирования пилотных проектов и правового эксперимента на основании следующего критерия: «Вопрос о том, будет ли принята или отвергнута идея, в процессе осуществления пилотных проектов не ставится и не решается» [2].

В рамках реализации Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», национальной программы Правительством Российской Федерации «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г., развиваются технологии искусственного интеллекта, которые предполагают реализацию комплекса мер для достижения лидирующих позиций в этой сфере в мире, таких как: обеспечение кадрами и необходимыми аппаратными средствами, поддержка перспективных научных исследований, повышение доступности и качества данных, стимулирование спроса на продукты с использованием технологии.

В целом названная программа предполагает развитие интеллектуальных транспортных систем, которая играет по большей части системообразующую роль. Интеллектуальная транспортная система – это интеллектуальная система, использующая инновационные разработки в моделировании транспортных систем и регулировании транспортных потоков, предоставляющая конечным потребителям большую информативность и безопасность, а также качественно повышающая уровень взаимодействия участников движения по сравнению с обычными транспортными системами.

Конкретные меры и их нормативное регулирование можно проследить по некоторым основным направлениям, выделяемым в рамках программы по формированию системы поддержки принятия решений по внедрению ИТС предназначена для анализа

текущего состояния объекта управления, ретроспективного анализа, моделирования развития и подготовки вариантов решений с обоснованием, что приводит к поддержке принятия решений руководителями на всех уровнях в организационной структуре ИТС, начиная от линейного управления до стратегического управления транспортной отраслью. В табл. 1 перечислены виды обеспечения, которые необходимо проработать при разработке и внедрении систем поддержки принятия решений ИТС.

Необходима надежная система правового обеспечения ИТС, в которую должны войти следующие модули:

- модуль интеллектуального права;
- экспертная система правового эксперимента для одной или нескольких проблемных областей (опционально);
- интегрированный модуль нормативного регулирования каждого вида обеспечения.

Таким образом, каждое направление носит название «Нормативное регулирование цифровой среды аппаратно-технического обеспечения». В рамках данного компонента программы должно быть сформировано отраслевое регулирование, необходимое для развития цифровой экономики в части регулирования правоотношений в сфере робототехники и применения технологий искусственного интеллекта. Последующие направления в соответствии с табл. 1.

Таблица 1

Виды обеспечения необходимые при разработке и внедрении систем поддержки принятия решений

Вид обеспечения	Система поддержки принятия решений
Аппаратно-техническое	Серверное оборудование, на котором работает ядро системы. Автоматизированные рабочие места пользователей системы
Программное	Серверные и клиентские приложения, выполняющие функциональность системы
Информационное	Весь массив информации, который хранится в базе данных системы, а также курсирует через нее посредством инструментов интеграции
Организационное	Персонал системы, работающий с ее функциональностью
Метрологическое	–
Математическое	Алгоритмы и методы обработки больших массивов информации, моделирования, выдачи рекомендаций и т. д.
Методологическое	Описание методов анализа больших данных, поиска закономерностей, поддержки принятия решений
Методическое	Учебные материалы для аналитиков и руководящего состава
Правовое	Нет
Юридическое	Технические регламенты о применимости методов в процессе принятия решений и ответственности лиц, принимающих решения при помощи средств автоматизации
Лингвистическое	Языки, используемые для взаимодействия с системой

Рассмотрим современные проблемные правовые вопросы внедрения комплексных систем автоматической фиксации правонарушений и предложим рекомендации по повышению нормативного регулирования внедрения данных систем.

В соответствии с Федеральным законом от 24.07.2007 № 210-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации» с 1 июля 2008 г. введено такое основание к возбуждению дела об административном правонарушении, как «фиксация административного правонарушения в области дорожного движения работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи».

На основании систематизации действующего законодательства в сфере применения средств автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения в настоящий момент существует необходимость повышения эффективности процесса выявления правонарушений и привлечения к ответственности лиц, совершивших правонарушение, зафиксированного с применением средств автоматической фиксации.

Согласно пункту 4 части 1 ст. 28.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее по тексту КоАП), поводом к возбуждению дела об административном правонарушении является фиксация административного правонарушения в области дорожного движения, работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи. Кроме того, ст. 1.5 КоАП, предусматривающей общее правило применения презумпции невиновности, имеется оговорка для некоторых административных правонарушений, в частности, в области дорожного движения. В соответствии с примечанием к указанной ст. 1.5 КоАП, бремя доказывания невиновности в совершении административного правонарушения, зафиксированного средствами автоматической фиксации, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи (далее по тексту САФ) ложится на лицо, в отношении которого возбуждено административное делопроизводство. В соответствии со ст. 2.6.1 КоАП такими лицами признаются собственники (владельцы) транспортных средств. Таким образом, к административной ответственности привлекается собственник транспортного средства, если в ходе рассмотрения жалобы на постановление об административном правонарушении, не докажет, что в момент фиксации административного правонарушения транспортное средство находилось во владении или в пользовании другого лица либо к данному моменту выбыло из его обладания в результате противоправных действий других лиц.

В настоящее время технический уровень возможностей САФ, позволяет выявлять административные правонарушения, предусмотренные ст. КоАП РФ 12.9 «Превышение установленной скорости движения», 12.12 «Проезд на запрещающий сигнал светофора или запрещающий жест регулировщика», 12.15 «Нарушение правил расположения транспортного средства на проезжей части дороги, встречного разъезда или обгона», 12.16 «Несоблюдение требований, предписанных дорожными знаками или разметкой проезжей части». 12.19.1 «Нарушение остановки или стоянки транспортных средств». Также необходимо отметить, что санкции п. 7 ст. 12.9 и п. 5

ст. 12.5 предусматривают для правонарушений, выявленных САФ – только наложение административного штрафа, исключая назначение административного наказания в виде лишения права управления. Алгоритм взыскания штрафных санкций за нарушение ПДД при применении средств автоматической фиксации показан на рис. 1.

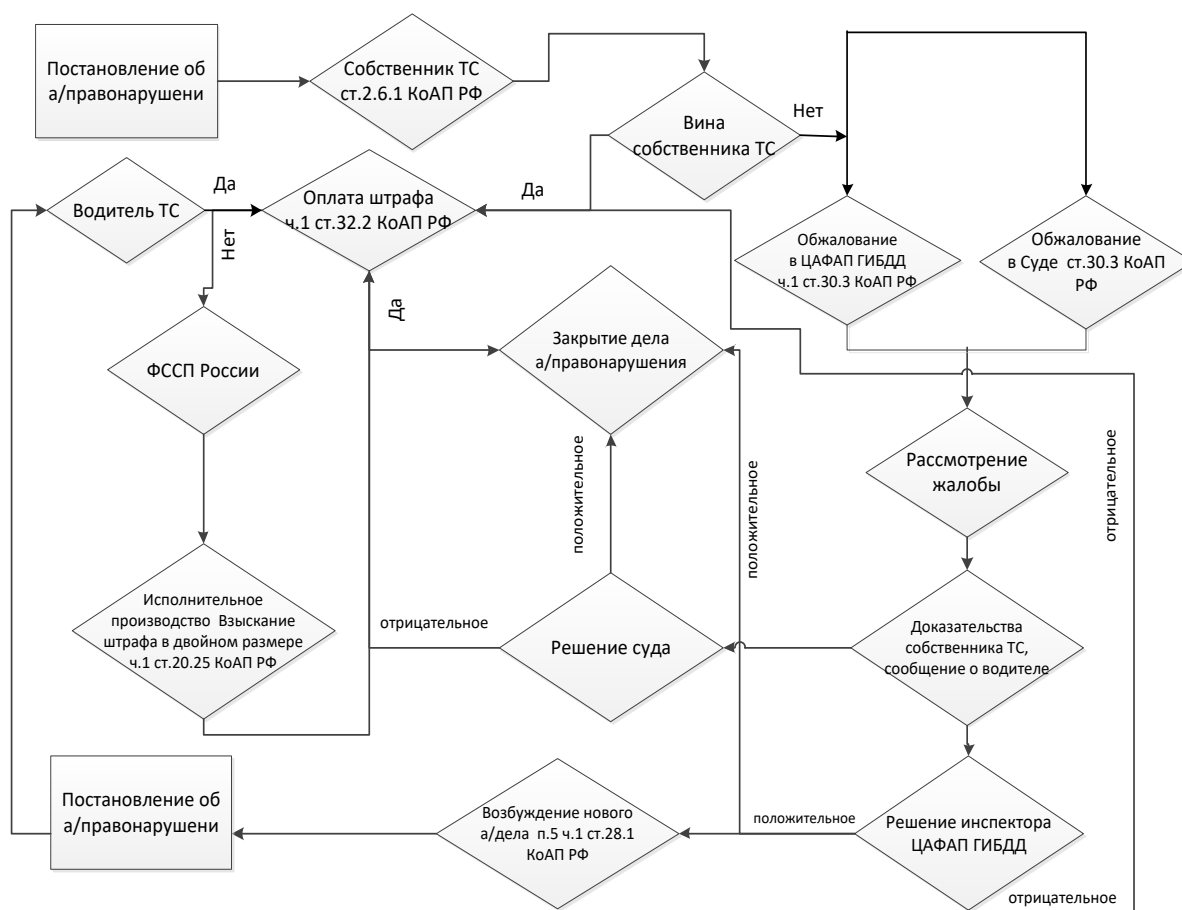

Рис. 1. Алгоритм взыскания штрафных санкций за нарушение ПДД при применении средств автоматической фиксации

Актуальным на сегодняшний день вопросом, является выявление правонарушения, предусмотренного ст. 12.6 КоАП – нарушение правил применения ремней безопасности. В текущий момент, статистика нарушений данного правила высока. Действующее законодательство позволяет фиксировать данное нарушение в автоматическом режиме, однако средства автоматической фиксации, под данный вид нарушений, не разработаны. Для решения данной проблемы, необходимо разработать соответствующее программное обеспечение комплексов автоматической фиксации, и пройти сертификацию и метрологическую поверку, в установленном законом порядке.

Выявление правонарушений, предусмотренных ст. 12.9 КоАП РФ «Превышение установленной скорости движения», средствами автоматической фиксации является наиболее распространенным в России и осуществляется двумя способами.

Первый способ, наиболее распространенный в настоящий момент в России, предполагает фиксацию мгновенной скорости автомобиля в определенном месте дороги.

Второй способ – фиксация правонарушения с помощью двух устройств, установленных в начале и в конце участка. Принцип работы заключается в том, что первое устройство фиксирует время начала движения автомобиля на контролируемом участке, и второе устройство фиксирует время выезда автомобиля из зоны контроля соответственно. Далее в автоматическом режиме происходит расчет времени, за которое прошел автомобиль контролируемый участок дороги, и вычисляется средняя скорость движения автомобиля. Преимущество данного способа контроля скоростного режима заключается в том, что водитель на протяжении всего участка дороги соблюдает установленную скорость движения, а не притормаживает перед очередным рубежом контроля, разгоняясь сверх нормативной скорости за ним.

Для однозначного толкования закона и возможности применения данного способа контроля, предлагается внести определение «средней скорости движения» в действующее законодательство.

Например, включить определение в Административный регламент МВД исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения, утвержденный приказом МВД РФ от 02.03.2009 № 185.

Согласно ст. 28.3 КоАП, протоколы об административных правонарушениях в области дорожного движения вправе составлять должностные лица органов внутренних дел (полиции).

В тоже время, частью 3 ст. 28.6 КоАП, для административных правонарушений, зафиксированных с помощью САФ, предусмотрен порядок, при котором составление протокола не требуется. Таким образом, в случае выявления административного правонарушения, в области дорожного движения, совершенного с использованием транспортного средства, зафиксированного с применением специальных технических средств, протокол об административном правонарушении не составляется, а постановление по делу об административном правонарушении выносится без участия лица, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении. Копии постановления по делу об административном правонарушении и материалов, полученных с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, направляются лицу, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, по почте заказным почтовым отправлением в течение трех дней со дня вынесения указанного постановления. Таким образом, предлагается на уровне федерального законодательства установить единые требования к отражению информации о совершенном правонарушении в постановлении об административном правонарушении и на сайте ГИБДД.

Заключение. В качестве основных результатов исследования можно указать, что в условиях цифровой трансформации общественных отношений основным способом упорядочивания новых общественных отношений является вовсе не регулятивный метод, присущий праву изначально. Происходит переход от правового регулирования к стратегическому правовому планированию возможных способов

воздействия на новые общественные отношения, возникшие в условиях бурного научно-технического прогресса.

Указанные способы правового регулирования воздействуют на складывающиеся отношения, не столько устанавливая границы, сколько прогнозируя направления их дальнейшего развития.

Список литературы

1. Пашенцев Д. А. Российская законотворческая традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 5–13. https://doi.org/10.12737/art_2019_2_1

2. Журавлева О. О. Принцип баланса частных и публичных интересов и экспериментальное регулирование в налоговой сфере // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 89–101. https://doi.org/10.12737/art_2018_8_9

3. Mattern F., Flörkemeier C. Vom Internet der Computer zum Internet der Dinge // Informatik Spektrum. 2010. Vol. 33. S. 107–121. <https://doi.org/10.1007/s00287-010-0417-7>

4. Sanchez-Iborra R., Cano M.-D. State of the Art in LP-WAN Solutions for Industrial IoT Services // Sensors. 2016. Vol. 16, no. 5. P. 708. <https://doi.org/10.3390/s16050708>

5. Sustainable Smart Cities / ed. by M. Peris-Ortiz, D. Bennett, D. Pérez-Bustamante Yábar. Springer International Publishing, 2017. 224 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-40895-8>

6. Safiullin R. N., Reznichenko V. V., Gorlatov D. V. Modeling and optimization of processes of transportation of heavy cargoes based on the automation of monitoring systems for the motor vehicles movement // IOP: Earth and Environmental Science (EES). 2019. № 378(2019). <https://doi:10.1088/1755-1315/378/1/012069>.

7. Belikova D. D., Morozov E. V., Khisamutdinova E. L. Optimum control of mining machine power units in a range of operating conditions using the MIAB motor oil quality control system. Mining Information and Analytical Bulletin, 2021, (6). Pp. 95–103.

8. Safiullin R. R., Reznichenko V. V., Pyrkin O. P. Automated quality control system for automotive diesel fuel in regions with cold climates. Computer program Certificate No. 20211611137 19/16 (2018.01), В 02С 17/00: published on 01/20/2021.

9. Safiullin R. N. Automated traffic control systems for road transport. Monograph. Edited by R. N. Safiullina. St. Petersburg: Lan, 2019. 544 p.

10. Safiullin R. N. Intelligent onboard systems in road transport: monograph. M. Berlin: Direct – Media, 2017. 355 p.

Е. С. Старостина,

кандидат юридических наук, старший преподаватель,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Р. И. Ситдикова,

доктор юридических наук, профессор,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

LEGALTECH В ПРАВЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация: В статье рассматривается опыт применения юридических технологий в сфере интеллектуальной собственности на нескольких уровнях. Анализируется опыт Всемирной организации интеллектуальной собственности; опыт отдельных зарубежных стран; отечественный опыт. Доказывается, что сочетание новейших технологий с традиционными законами позволяют создать новый качественный уровень защиты интеллектуальной собственности. Рассматривается опыт применения юридических технологий как коммерческими организациями, так и государственными органами.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности, исключительное право, цифровые технологии, legaltech, Роспатент, ВОИС, киберсквоттинг

LEGALTECH IN INTELLECTUAL PROPERTY LAW

Abstract. The article discusses the experience of applying legal technologies in the field of intellectual property at several levels. The experience of the World Intellectual Property Organization is analyzed; experience of individual foreign countries; domestic experience. In addition, the article proves that the combination of the latest technologies with traditional laws allows creating a new qualitative level of intellectual property protection. The experience of applying legal technologies by both commercial organizations and government bodies is considered.

Keywords: Intellectual property right, Exclusive right, Digital technologies, Legaltech, Rospatent, WIPO, Cybersquatting

Бесспорным является то, что XXI в. – век цифровизации, сопровождающийся повсеместным внедрением цифровых технологий в различные сферы жизни общества. Не стала исключением и юридическая действительность. В то же время правовое опосредование этих отношений отстает от развития технологий.

В настоящее время не сформировался устойчивый терминологический аппарат. В отсутствие нормативного определения, среди ученых и практиков существует дискуссия даже по поводу самого определения понятия «LegalTech».

Так, А. В. Минбалеев под LegalTech предлагает понимать «совокупность идей, технологий, решений, позволяющих реализовать, оптимизировать юридическую деятельность с использованием различных информационных технологий, решений и продуктов» [2. С. 36]. М. А. Рожкова утверждает, что LegalTech «представляет собой технологические решения, создаваемые для профессиональных юристов и юридического бизнеса с целью повышения эффективности ока-

зания юридических услуг или юридического сопровождения бизнеса» [4. С. 3]. М. Е. Косов определяет LegalTech как «совокупность юридической и технологической базы, которые позволяют алгоритмизировать право и автоматизировать процессы, выполняемые юристами» [1. С. 19].

Таким образом, большинство ученых сходится в одном – LegalTech призван автоматизировать и повысить эффективность работы юриста, т. е. технологии являются инструментом в деятельности юриста. Однако представляется, что роль технологий в деятельности юриста не сводится только к инструментальной. Особенно это очевидно в праве интеллектуальной собственности, где они также широко применяются.

Сочетание новейших технологий с традиционными законами позволяют создать новый качественный уровень защиты интеллектуальной собственности. Во-первых, что немаловажно, поиск аналогов сокращается во времени и улучшается на качественном уровне. С помощью цифровых технологий можно выявить тождественность или сходство более эффективно, чем аналоговым визуальным уровнем.

Здесь необходимо отметить, что в использовании технологий в праве интеллектуальной собственности можно выделить три уровня:

- опыт Всемирной организации интеллектуальной собственности;
- опыт отдельных зарубежных стран;
- отечественный опыт.

Одним из направлений работы ВОИС является «Искусственный интеллект и управление административными процессами в области интеллектуальной собственности». Основной задачей данного направления ставится использование возможностей технологий искусственного интеллекта в работе ведомств по интеллектуальной собственности. На сегодняшний день уже есть два примера таких решений – это приложение «WIPO Translate» и система поиска изображений для брендов.

«WIPO Translate» – программное обеспечение для перевода специализированных текстов. Данная программа переводит патентную документацию в 18 языковых парах. Это полезный инструмент для перевода предложений и фраз технического характера, поскольку «WIPO Translate» обучался и продолжает обновляться на основе больших данных, полученных из опубликованных патентных документов. И что немаловажно, данное приложение является абсолютно бесплатным и им может воспользоваться любой желающий [Официальный сайт ВОИС. URL: <https://www.wipo.int/wipo-translate/ru/> (дата обращения: 10.09.2022)].

Популярностью пользуется новый сервис поиска изображений для брендов, который позволяет быстрее и проще найти различительную способность товарного знака. Этот сервис поиска изображений анализирует данные национальных патентными ведомств по товарным знакам. На сегодняшний день это сотрудничество налажено с 45 ведомствами, общая база включает почти 38 млн товарных знаков.

Как заявил генеральный директор ВОИС Фрэнсис Гарри: «Растущий спрос на права ИС в мире превосходит возможности систем сегодняшнего поколения, поэтому ВОИС является одним из лидеров по числу разрабатываемых инструментов на основе искусственного интеллекта, которые развивают глобальную систему ИС».

Он также подчеркнул, что: «чем больше данных мы имеем, тем лучше результаты работы ИИ, поэтому я призываю ведомства по товарным знакам, чьи фонды пока не интегрированы в Глобальную базу данных по брендам, подумать о том, чтобы сделать это как можно быстрее» [Официальный сайт ВОИС. URL: https://www.wipo.int/pressroom/ru/articles/2019/article_0005.html (дата обращения: 10.09.2022)].

На уровне национальных юрисдикций существуют отдельные примеры компаний, которые уже несколько лет успешно осуществляют свою деятельность в этой области, среди которых можно выделить: Petition.ai, Cintian, Patent Monitor, IPRally, LEAP, GrowPath, IP Toolworks, Rowan, Triangle IP, FENIX.AI, Cognition IP, GreyB Services и многие другие. Некоторые из них приобретают черты транснациональных.

Компания Cintian предлагает инструмент, который может помочь отделам исследований и разработок и изобретателям установить новизну своего изобретения, прежде чем начинать дорогостоящий процесс составления и подачи заявки на патент [<https://www.cintian.ai> // (дата обращения: 10.09.2022)]. Этот инструмент одновременно сопоставляет изобретения с миллионами существующих патентов, устраняя необходимость в дорогостоящем ручном патентном поиске и сокращая время выхода на рынок.

Юридическая компания «IP Toolworks», базирующаяся в Цинциннати, штат Огайо, предоставляет программное обеспечение, помогающее в патентных делах [URL: <https://iptoolworks.com/> (дата обращения: 10.09.2022)]. Их целевые алгоритмы работают на сервере, чтобы предоставить ответы, которые точно соответствуют отказу по патентной заявке. Таким образом, данный алгоритм помогает писать ответы на отказ, опираясь на передовой опыт. Их программное обеспечение Arguminer позволяет вести переговоры более эффективно. Сначала он использует информацию о тысячах других отказов и анализирует их. После этого он точно определяет, чего удалось достичь в аналогичных ситуациях.

Примером успешного применения технологий искусственного интеллекта является не только область патентного права. Так, в области защиты исключительного права на товарные знаки также имеются свои технологии.

На сегодняшний день одним из наиболее эффективных каналов для узнаваемости бренда является Интернет, несмотря на то, что он представляет серьезную угрозу с точки зрения неправомерного использования, фишинга или киберсквоттинга, а также контрафакта. Киберсквоттинг относится к акту регистрации, использованию или обороту доменного имени с целью воспользоваться престижем товарного знака, принадлежащего другой компании или лицу. Это один из рисков, которому подвергается любой бизнес. В 2020 г. количество дел о киберсквоттинге, рассмотренных ВОИС, увеличилось на 12 %, достигнув нового рекорда, составив почти 3500 дел [Официальный сайт ВОИС. URL: https://www.wipo.int/pressroom/ru/articles/2020/article_0026.html (дата обращения: (10.09.2022))]. Данный рост связан в том числе и с пандемией, потому что люди стали больше времени проводить в Интернете.

Компания «PONS IP», зная об этом сценарии запустила службу, специализирующуюся на обнаружении, анализе и устранении неправомерного использова-

ния товарных знаков в Интернете [URL: <https://www.ponsip.com/en/about-us/> (дата обращения: 10.09.2022)]. Это инновационное решение, ориентированное на компании с интернет-присутствием и разработанное в рамках машинного обучения и больших данных, которое достигает эффективности более 95 % в онлайн-среде для любой отрасли деятельности.

На российском рынке также наблюдается активная деятельность в этом направлении, в том числе и на государственном уровне. Так активно цифровые технологии внедряет Роспатент. Среди них можно выделить: автоматические перевод патентной документации, использование искусственного интеллекта в сфере экспертизы заявок на изобретения и полезные модели, разработка новой поисковой модели с использованием новой поисковой системы и др.

Другим примером реализации технологий в сфере интеллектуальной собственности является IPChain. Согласно Указу Президента РФ от 28 июня 2021 г. «О создании Общероссийской общественно-государственной организации «Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности»» [3]. По словам руководителя Ассоциации IPChain Андрея Кричевского, издание данного указа «означает, что единственная на территории ЕАЭС блокчейн-инфраструктура гражданского оборота интеллектуальных прав перешла из статуса частной инициативы участников рынка в ранг общественно-государственного платформенного решения. Это дает нашей стране серьезное преимущество в технологической гонке» [URL: <https://rg.ru/2021/06/29/set-ipchain-stala-infrastrukturoj-dlia-zashchity-prav-na-rezultaty-tvorcheskoj-deiatelnosti.html>].

Так, можно отметить компанию ООО «Айкью Технолоджи» («IQTechnology LegalTech Company») [URL: <https://iqtechnology.ru/> (дата обращения: 10.09.2022)]. Эта компания специализируется, как указывается на официальном сайте, на том, что их технологии помогают в выявлении и устранении нарушений в отношении объектов интеллектуальной собственности в Интернете. С помощью технологий проводится мониторинг любого способа использования товарного знака в Интернете (текстовое упоминание бренда, фотографические произведения, использование цветовых и графических комбинаций и др.). Далее идентифицируется нарушитель и организуется претензионная работа.

Кроме того, еще одним из сервисов представленных на российском рынке информационных юридических технологий, которые предоставляют автоматизированные услуги в области интеллектуальной собственности является «Онлайн Патент Стандарт» (один из дополнительных сервисов СПС «Гарант») [URL: <https://lt.garant.ru/online-patent> (дата обращения: 10.09.2022)]. Данный сервис автоматизирует многие процессы с интеллектуальной собственностью: регистрация объектов интеллектуальной собственности, поиск существующих патентов и товарных знаков, составление портфеля интеллектуальной собственности.

Еще одним примером использования юридических технологий в сфере интеллектуальной собственности является BrandMonitor – LegalTech компания, специализирующаяся на защите интеллектуальной собственности в Интернете и офлайн [URL: <https://brandmonitor.ru/> (дата обращения: 10.09.2022)].

Таким образом, в настоящее время на рынке юридических технологий существует уже достаточное количество продуктов, которые юристы могут использовать для улучшения качества своей работы и обеспечения эффективной защиты нарушенных прав. При этом, стремясь защитить результаты интеллектуальной деятельности, юристы должны использовать наиболее подходящие технологии.

Список литературы

1. Косов М. Е. Рынок LegalTech: обзор и перспективы развития // Международный журнал гражданского и торгового права. 2019. № 2. С. 19–29.
2. Минбалеев А. В. Понятие и признаки LegalTech // Юридический мир. – 2022. № 5. С. 36–40.
3. О создании Общероссийской общественно-государственной организации «Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности»: Указ Президента РФ от 28 июня 2021 г. // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1473806/> (дата обращения: 10.09.2022).
4. Рожкова М. А. О правовых аспектах использования технологий legaltech и lawtech // Хозяйство и право. 2020. № 3(518). С. 3–11.

С. Н. Титов,

кандидат юридических наук, доцент,
Ульяновский государственный педагогический
университет имени И. Н. Ульянова

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИЗНАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА СУБЪЕКТОМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация. Целью настоящего исследования является решение проблемы признания за искусственным интеллектом способности быть признанным субъектом преступления. Автор рассматривает историю данного вопроса и предпринимает попытку исследования обозначенной проблемы с точки зрения перспектив наделения искусственного интеллекта правосубъектностью, теории причинной связи и целей наказания. Сделан вывод о том, что основным препятствием для такого шага является несоответствие возможных мер наказания в отношении искусственного интеллекта целям наказания, указанным в ст. 43 УК РФ, поскольку за искусственным интеллектом невозможно признать свободу морального выбора, а перечень существующих наказаний в силу их карательной природы неприменим к искусственному интеллекту.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, искусственный интеллект, уголовная ответственность, интеллектуальная собственность, наказание, цели наказания, правосубъектность, причинная связь, объекты авторского права

ON THE POSSIBILITY OF RECOGNIZING ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS THE SUBJECT OF A CRIME AGAINST INTELLECTUAL PROPERTY

Abstract. The purpose of this study is to solve the problem of recognizing the ability of artificial intelligence to be recognized as the subject of a crime. The author considers the history of this issue and attempts to study the identified problem from the point of view of the prospects for endowing artificial intelligence with legal personality, from the point of view of the theory of causality and from the point of view of the goals of punishment. The author concluded that the main obstacle to such a step is the inconsistency of possible penalties against artificial intelligence with the goals of punishment specified in Art. 43 of the Criminal Code of the Russian Federation, since it is impossible to recognize the freedom of moral choice for artificial intelligence, and the list of existing punishments, due to their punitive nature, is not applicable to artificial intelligence.

Keywords: Law, Digital technologies, Artificial intelligence, Criminal liability, Intellectual property, Punishment, Goals of punishment, Legal personality, Causality, Objects of copyright

*То, что мы думаем, всегда намного менее сложно,
нежели то, чем мы думаем*

Станислав Лем

Вопросы правового регулирования в области искусственного интеллекта в настоящее время являются не просто актуальными, а злободневными. Обусловлено это в первую очередь тем, какие перспективы видятся в экономике, технике, науке за технологиями искусственного интеллекта.

В литературе отмечается, что идея искусственного интеллекта исторически связана с поиском еще средневековыми философами совершенного («философского») языка [7. С. 159; 9].

Возможность построения системы, обладающей свойствами искусственного интеллекта, была обоснована в середине прошлого века [15. С. 7]. Выделяют три этапа развития в этой сфере: 1950–60-е гг. – постановка задач, определение методологии; 1960–70-е гг. – получение искусственным интеллектом статуса «классической» научно-технической дисциплины; начиная с 1980-х гг. наступает этап практического использования достижений в области искусственного интеллекта [7. С. 159].

Научные исследования в этой сфере, нужно сказать, связаны со множеством сложностей. Об этом говорит хотя бы то, что само понятие «искусственный интеллект», как и понятие «интеллект», является дискуссионным.

Особую актуальность вопросу придают такие решения, как предоставление гражданства Саудовской Аравии роботу Софии в 2017 г.

Активное обсуждение этих вопросов на самом высоком уровне (на уровне президента) в нашей стране началось в 2019 г. В очередном послании Федеральному

Собранию Президент России В. В. Путин заявил о необходимости вхождения России в число лидеров по развитию искусственного интеллекта.

30 мая 2019 г. состоялось совещание о развитии технологий в области искусственного интеллекта, в ходе которого В. В. Путин отметил беспрецедентное влияние развития искусственного интеллекта на экономику.

Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., в которой впервые в российском законодательстве дано определение искусственному интеллекту.

Стратегия содержит описание комплексной системы регулирования, включающей семь основных направлений создания такой системы. К сожалению, все они предполагают лишь устранение барьеров развитию систем искусственного интеллекта. Вопросы ответственности остаются за рамками Стратегии.

Фокусирование внимания на вопросах искусственного интеллекта продолжилось на правительственном уровне. В частности, в августе 2019 г. была утверждена Стратегия развития экспорта услуг до 2025 г.

Такая тенденция наблюдается и за рубежом. Например, президент Франции объявил развитие систем искусственного интеллекта одним из приоритетов работы правительства [1. С. 50]. В литературе отмечается, что внедрение искусственного интеллекта показывает множество «слепых пятен права» [20. С. 148].

В США реализуется Дорожная карта развития робототехники (2011, 2016) и Национальная робототехническая инициатива (2011, 2016).

В Японии действует Японская стратегия роботов: обзор, стратегия, план действий (2014).

16 февраля 2017 г. Европарламентом принята резолюция «Нормы гражданского права о робототехнике» [17]. Одно из заключений резолюции может быть расценено как допущение придания искусственному интеллекту самостоятельного правового статуса: «Разъяснение ответственности за действия роботов и, в конечном итоге, правоспособности и/или статуса роботов и искусственного интеллекта необходимо для обеспечения прозрачности и правовой определенности для производителей и потребителей в Европейском союзе».

В уголовном праве проблемам искусственного интеллекта пока внимания почти не уделяется. Большая часть работ уголовно-правовой направленности об искусственном интеллекте касаются использования технологий искусственного интеллекта в правосудии либо правового статуса продуктов, создаваемых искусственным интеллектом [11]. В то же время отдельные публикации по уголовной ответственности появляются. В основной своей массе они посвящены проблеме распределения бремени уголовной ответственности в случае причинения вреда личности, обществу, государству с участием искусственного интеллекта.

Можно с уверенностью сказать, что возможность признания искусственного интеллекта субъектом преступления является основной проблемой в рассматриваемой сфере. Из этой проблемы логически вытекают все сопутствующие, касающиеся формулирования субъективной стороны, мер воздействия и т. п.

Описанная выше основная проблема получает особую актуализацию в сфере интеллектуальной собственности. Это связано с тем, что одним из основных способов совершения преступлений против интеллектуальной собственности являются незаконные действия с информацией, причем в сети Интернет.

Признавая, что данный вопрос является обширным и требующим отдельного серьезного исследования, а результаты научных изысканий в этой области сильно зависят от траектории развития технологий, автор все же осмелится сделать определенные суждения применительно к уголовно-правовой регламентации ответственности за преступления против интеллектуальной собственности.

Одной из характеристик искусственного интеллекта, отмеченной и Национальной стратегией, является способность к самообучению. Это означает, что машина самостоятельно, получая все больше и больше данных и рассматривая все больше и больше вариантов решений, получает способность принимать различные решения, в теории все более и более точные. Означает это и другое: в определенный момент искусственный интеллект начинает принимать решения, которые не прогнозировались человеком и, возможно, не являются желаемыми для человека. То есть система действует автономно и принимает решения, напрямую не обусловленные действиями разработчика, не находящиеся в прямой причинной связи от действий разработчика.

Примеров тому в печати можно встретить множество. В марте 2016 г. компания Microsoft запустила twitter-бота по имени Тай, которая обладала способностью к обучению общению в Интернете. Всего за сутки бот научился нецензурно выражаться, заявил, что он «хороший человек, просто всех ненавидит», оправдал холокост и назвал Гитлера крутым и стильным. Компания вынуждена была отключить бота в первый же день. После этого появился бот Zo, «социальный чат-бот с характером 22-летней девушки», который был запрограммирован избегать разговоров на политические и религиозные темы, но все же назвал Коран жестоким и высказывался на тему ареста Усамы бен Ладана.

Как отмечают И. И. и И. И. Карташовы, «ни одна система с ИИ не может и не будет отвечать в полной мере требованию прозрачности. Здесь следует понимать, что система с ИИ – это объект со сложной архитектурой, которая не позволяет понять ее «с наскока»... Наконец, не следует забывать, что система с ИИ – это система, которая не является статичной, она способна к самообучению и самосовершенствованию» [3. С. 85].

Следует выделить три принципиальных варианта причинения вреда в сфере интеллектуальной собственности: искусственный интеллект причиняет вред под контролем человека, искусственный интеллект причиняет вред в результате ошибки человека и искусственный интеллект причиняет вред, действуя автономно.

В первом случае ситуация является вполне простой. Человек намеренно нарушает отношения интеллектуальной собственности и использует для этого искусственный интеллект. Последний в данном случае будет выступать средством совершения преступления. Виновный осознает происходящее, социальное значение своих действий, желает их совершить. Также сознанием и волей виновного охватывается использование искусственного интеллекта в качестве средства. Речь

может идти в первую очередь о вирусных компьютерных программах. Субъектом в данном случае может выступать как разработчик программы, так и иной пользователь.

Причинение программы возможно и в результате ошибки, допущенной человеком. Применительно к данному случаю М. М. Лапунин говорит о распределении бремени ответственности между разработчиком, изготовителем и пользователем [5].

Функционирование систем искусственного интеллекта связано со множеством алгоритмов, в процессе создания которых возможны ошибки технического плана, связанные с неосторожностью либо некомпетентностью разработчиков [8. С. 60].

В случае, когда программа действует автономно, ситуация сложнее. В данном случае самообучение алгоритма приводит к решению о причинении вреда. В первую очередь следует отметить важность строгой регламентации границ такого самообучения алгоритмов, введения запретов на причинение вреда, которые не могут нарушаться ни при каких обстоятельствах. Например, в Германии разработаны правила, запрещающие беспилотникам принимать решения о том, чьи жизни должны быть спасены [4. С. 124].

И все же следует разделить опасения, что алгоритм может остаться непредсказуемым и выйдет за пределы заложенных разработчиками ограничений.

Применительно к последнему случаю возможность привлечения искусственного интеллекта к уголовной ответственности может быть рассмотрена в трех аспектах: с точки зрения возможности наделения искусственного интеллекта правосубъектностью, с точки зрения причинной связи и с точки зрения целей наказания.

Вопрос о привлечении к ответственности за совершение правонарушения неразрывно связан с наделением его правосубъектностью.

Выделяют три возможных подхода к вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта: наделение искусственного интеллекта правосубъектностью, соответствующей человеческой; наделение искусственного интеллекта правосубъектностью, аналогичной правовому статусу юридического лица; наделение искусственного интеллекта новой ограниченной правосубъектностью [14. С. 570; 2. С. 33].

Н. Невьянс приходит к выводу о несостоятельности идеи наделения искусственного интеллекта самостоятельной правосубъектностью, так как в данном случае права человека экстраполируются на действия искусственного интеллекта [19. С. 15].

Отечественными исследователями отмечается, что искусственный интеллект не может быть признан субъектом права, поскольку не обладают волей в правовом смысле, не имеют собственных интересов, не могут формировать субъективное отношение к совершаемым деяниям, не имеют чувства вины [10. С. 11].

По мнению Р. Линеса и Ф. Люсиверо, ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом, несет лицо, его программировавшее, либо лицо, ответственное за его эксплуатацию в установленных законом рамках [18], в случае неправомерного доступа к системам искусственного интеллекта – человек, осуществивший такой доступ [14. С. 567–568].

Вместе с тем рядом авторов отмечается, что искусственный интеллект может быть наделен отдельными правами, отличными от прав реального физического лица. В указанном случае уместно говорить о юридической фикции – приеме, при котором специфическая правосубъектность искусственного интеллекта может восприниматься как нестандартное правовое положение, отличное от реальности [14. С. 570].

С учетом высказанных точек зрения отсутствие правосубъектности искусственного интеллекта не может рассматриваться как принципиальное препятствие для признания его субъектом преступления. Это связано с тем, что предложены конкретные варианты наделения искусственного интеллекта правосубъектностью, а значит, это препятствие является принципиально преодолимым.

Оценим ситуацию с позиций причинно-следственной связи. С одной стороны, в настоящее время за системами искусственного интеллекта не признается способность совершить волевые поступки, а значит отрицается возможность как самостоятельного совершения преступления искусственным интеллектом, так и совершение им эксцесса [12. С. 12].

С другой стороны, как справедливо отмечает П. М. Морхат, нецелесообразно и некорректно возлагать ответственность на проектировщиков и разработчиков искусственного, представляющего собой комплекс сложного оборудования и устройств, разработанных в отдельности, где результат конечного решения искусственного интеллекта во многом зависит от обстановки его применения и возлагаемых на него задач [6].

В науке уголовного права под причиной понимается явление, которое с внутренней необходимостью влечет другое явление – следствие [3. С. 89].

Причинная связь существует объективно и устанавливается между неким событием и преступными последствиями. В связи с этим способность либо неспособность искусственного интеллекта к волевым поступкам сама по себе не влияет на наличие или отсутствие причинной связи.

Представляется чрезвычайно значимым рассмотреть возможность привлечения искусственного интеллекта к уголовной ответственности с точки зрения целей наказания. Хотелось бы подчеркнуть, что это несомненно важнее, чем определение способности искусственного интеллекта к волевым поступкам, его правосубъектности и т. п. Объясняется это предельно просто. В случае, если наказание искусственного интеллекта предполагает какую-либо достижимую и полезную цель, оно является целесообразным и должно быть осуществлено, независимо от статуса субъекта.

В случае же если наказание искусственного интеллекта не может преследовать никакой разумной цели, применение его теряет всякий смысл, также независимо от статуса действующего субъекта.

Согласно ст. 43 УК РФ, целями наказания являются восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

Применение наказания к искусственному интеллекту связано с двумя проблемами. Во-первых, при всех возможностях систем искусственного интеллекта

его на сегодняшний день нельзя наделить способностью к моральному выбору. В общественном сознании совершение преступления связано именно с указанной способностью. В противном случае невозможно говорить о вине и о восстановлении социальной справедливости через кару субъекта.

В литературе иногда говорится, что преступник является «моральным агентом» (a moral agent) [16. С. 24]. Предупреждение совершения новых преступлений происходит именно через рефлексивное сопоставление совершенного морального выбора и последующего за ним наказания и планируемых поступков. Это сопоставление осуществляется как самим виновным, так и другими членами общества. Так работает общая и частная превенция.

При отсутствии свободы морального выбора может иметь место только ущерб, но не виновно причиненный вред.

Другой проблемой является возможность карательного воздействия наказания на искусственный интеллект. Действительно, сложно представить наказание, которое способно было бы исправить этого субъекта преступления при признании его таковым.

Очевидной аналогией может выступать привлечение к уголовной ответственности юридических лиц. И в том и в другом случае имеет место опосредованное участие человека в развитии причинной связи преступления, нецелесообразность применения большинства предусмотренных ст. 44 УК РФ наказаний и т. д. Между тем, вопрос об уголовной ответственности юридических лиц много лет всерьез обсуждается и система наказаний для таких субъектов предложена неоднократно.

В то же время между юридическими лицами и искусственным интеллектом существует одно большое различие. Компании создаются, как правило, для извлечения прибыли. Это делает целесообразным применение к ним принудительных мер с экономическим содержанием. Для искусственного интеллекта эффективность таких мер неочевидна.

На основании изложенного можно заключить следующее. Основной проблемой, связанной с регулированием отношений по поводу искусственного интеллекта, является признание возможности или невозможности признания искусственного интеллекта субъектом преступления. Рассмотрение данной проблемы с разных точек зрения показывает, что основным препятствием для такого шага является несоответствие возможных мер наказания в отношении искусственного интеллекта целям наказания, указанным в ст. 43 УК РФ, поскольку за искусственным интеллектом невозможно признать свободу морального выбора, а перечень существующих наказаний в силу их карательной природы неприменим к искусственному интеллекту.

Список литературы

1. Дюфло А. Искусственный интеллект во французском праве // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2021. № 1(77). С. 47–55.
2. Ивлиев Г. П., Егорова М. А. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2022. № 6. С. 32–46.

3. Карташов И. И., Карташов И. И. Искусственный интеллект: уголовно-правовой и процессуальный аспекты // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5, № 17. С. 75–88.
4. Коробеев А. И. Беспилотные транспортные средства, оснащенные системами искусственного интеллекта: проблемы правового регулирования // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2018. № 3. С. 117–132.
5. Лапунин М. М. Обстоятельства, исключющие преступность деяния, и научно-технический прогресс // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2017. № 6. С. 81–87.
6. Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. Москва: Буки Веди, 2017. – 257 с.
7. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. Москва: Мысль, 2010. 744 с.
8. Петрикова С. В., Анощенкова С. В., Лаврушкина А. А. К вопросу о признании субъектами уголовной ответственности разработчиков и пользователей искусственного интеллекта // Законодательство. № 5. 2021. Май. С. 60–65.
9. Петрунин Ю. Ю. Искусственный интеллект как феномен современной культуры. URL: <https://iphras.ru/uplfile/ai/petrinin.pdf> (дата обращения: 09.09.2022).
10. Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 208 с.
11. Сушкова О. В. Правовые средства оборота объектов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта // Гражданское право. 2022. № 2. С. 12–15.
12. Тирранен В. А. Преступления с использованием искусственного интеллекта // Развитие территорий. 2019. № 3. С. 10–13.
13. Уголовное право. В 2 Т. Т. 1. Общая часть / под ред. А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. 5-е изд. Москва: Юрайт, 2022. 410 с.
14. Хисамова З. И. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 4. С. 567–568.
15. Черногор Н. Н. Искусственный интеллект и его роль в трансформации современного правопорядка // Журнал российского права. 2022. № 4. С. 5–15.
16. Asaro P. M. Robots and Responsibility from a Legal Perspective // Proceedings of the IEEE. 2007. Vol. 4, iss. 14. Pp. 20–24.
17. Delvaux M. Draft Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/JURI-PR-582443_EN.pdf?redirect (дата обращения: 02.09.2022).
18. Leenes R. Laws on Robots, Laws by Robots, Laws in Robots: Regulating Robot Behaviour by Design // Law, Innovation and Technology. 2014. Vol. 6, iss. 2. Pp. 194–222.
19. Nevejans N. European Civil Law Rules in Robotics: Study. European Union, 2016. 34 p.
20. Villani C. Donner un sens à l'intelligence artificielle. Rapport au Premier ministre. 2018. 233 p. URL: <https://www.vie-publique.fr/sites/default/files/rapport/pdf/184000159.pdf> (дата обращения: 07.01.2022).

Е. О. Федорук,

соискатель,

Санкт-Петербургский государственный университет,

президент Ассоциации юристов онлайн-бизнеса

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ К ОЦЕНКЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ АКТИВОВ ПРИ СТРУКТУРИРОВАНИИ СДЕЛОК С ОНЛАЙН-ПРОЕКТАМИ

Аннотация. В статье сделана попытка представить общую картину в достаточно узкой сфере – оценке объектов интеллектуальной собственности (ОИС) и нематериальных активов (НМА) при структурировании сделок по купле-продаже онлайн-проектов. Выделены 4 основные проблемы, с которыми регулярно сталкивается автор в практической деятельности, приведены примеры из судебной практики. Отсутствие терминологического единообразия и недостаточная нормативно-правовая регламентация ставших уже привычными для бизнеса ОИС и НМА являются наиболее насущными вопросами, требующими оперативного реагирования и урегулирования со стороны государства.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, онлайн-бизнес, структурирование сделок, объекты интеллектуальной собственности, нематериальные активы, оценка ОИС и НМА

PROBLEMS OF PREPARATION FOR THE EVALUATION OF THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY AND INTANGIBLE ASSETS WHEN STRUCTURING TRANSACTIONS WITH ONLINE PROJECTS

Abstract. The article attempts to present a general picture in a rather narrow area: the valuation of intellectual property (IP) and intangible assets (IA) when structuring transactions for the purchase and sale of online projects. There are 4 main problems that the author regularly faces in practice, examples from judicial practice are given. The lack of terminological uniformity and insufficient regulatory and legal regulation of the IPO and IA that have become familiar to business are the most pressing issues that require prompt response and settlement by the state.

Keywords: Law, Digital technologies, Online business, Transaction structuring, intellectual property, Intangible assets, Valuation of IP and IA

Право консервативнее экономики. Поспевая (или не очень) за процессом технологического развития, законодатель вводит правовое регулирование для новых экономических характеристик правоотношений, экономических процессов, которые в последние годы все чаще называют цифровыми. Однако в стремлении как регулятора, так и исследователей использовать новые термины, зачастую лишь отдаленно характеризующие действительность (в качестве удачного примера можно привести исследование проф. С. А. Сеницына, содержащее глубокий анализ уместности и применимости термина «цифровая экономика» [7. С. 20–22]),

и попытках разобраться в отношениях, конструкции которых выстраиваются, в подавляющем большинстве, исключительно посредством теоретического анализа (исследователи уделяют большое внимание определению «цифрового права» [1. С. 15–18]; изучению «цифровых прав» [8. С. 75–80]), кроется причина еще большей консервации права. Можно сколь угодно долго теоретизировать и полемизировать (хотя, не отрицая, это необходимо делать – в целях подготовки прочной основы для принятия правильных законодательных решений), но масса теоретических и оторванных от реальности исследований по поводу «модных» явлений (в большинстве случаев, кстати, и не новых вовсе, а тех, внимание к которым подогревает экономический интерес, прежде всего – со стороны государства) зачастую оставляет без внимания практические проблемы в регулировании конкретных отношений. «Исследования нацелены на освоение отдельных, относительно узких, хотя бесспорно важных и требующих решения проблем, связанных с использованием цифровых технологий в правовой сфере... Для эффективного решения обозначенных стратегических задач развития Российского государства и права необходимо представить общую картину происходящего» [11. С. 6].

В настоящей статье сделана попытка представить общую картину в конкретной узкой сфере – оценке объектов интеллектуальной собственности (ОИС) и нематериальных активов (НМА) при структурировании сделок по купле-продаже онлайн-проектов. Автор неоднократно сопровождал подобные сделки с юридической стороны, и в подавляющем большинстве случаев возникали совсем не те проблемы, которые описаны в предметных исследованиях последних лет [3. С. 25–32; 2. С. 29–35; 5. С. 128–131; 9. С. 375–382; и др.]. Практически все их авторы транслируют внешний взгляд на оценку активов при уже структурированной сделке: когда объекты оценки представлены специалисту. О выборе методов оценки можно рассуждать при имеющейся определенности объектов. Но как раз «черная дыра» образуется в момент выхода на сделку и подготовке ее юридического оформления. Решение проблем, озвученных в статье, позволит дать толчок к дальнейшему развитию исследовательской мысли и в отношении обоснованности применения оценочных методов, разнообразие которых озвучено достаточно давно [подробное описание представлено в статье: 6. С. 51–55], и в сфере формирования правил структурирования сделок с ОИС и НМА, и в направлении экономического обоснования стоимостных показателей таких сделок.

Необходима терминологическая оговорка в отношении того, что автор понимает под онлайн-бизнесом: это предпринимательская деятельность, направленная на получение дохода посредством интернет-технологий. Онлайн-бизнес можно разделить на два больших направления: связанное с физическим миром и не связанное. В первом случае в онлайн происходит лишь часть сделки, которая завершится в реальности и будет иметь осязаемый результат. Во втором – оказание различных услуг происходит непосредственно в интернет-пространстве и имеет неовещественный результат [10. С. 16–17].

Первая проблема при структурировании сделок с онлайн-проектами заключается в недостаточности понятийного аппарата применимого законодательства и непроработанности в нем специальных отраслевых вопросов. Всякий раз, при

осуществлении субсумции имеющихся условий бизнес-задачи к терминологическим конструкциям существующих правовых норм, возникает неловкое чувство, что законодатель не в курсе, что именно происходит в онлайн-бизнесе и как это реализуется на практике. Простой пример: в составе практически любого онлайн-бизнеса существуют маркетинговые воронки (так называемые «воронки продаж»), через которые клиенты совершают свой путь до совершения онлайн-покупки. Часть этих воронок являет собой объекты интеллектуальной собственности (тексты, аудиовизуальные произведения, дизайны – художественные произведения и т. д.), однако техническая часть – то, что воплощено в решениях на уже готовых платформах и сервисах – находится не в поле зрения законодателя. Да, можно представить текстовый вариант архитектуры, например, в формате майнд-карты, схемы либо последовательности таблиц. Однако само техническое воплощение воронок, за счет которого и происходит лидогенерация клиентов и – впоследствии – извлечение коммерческой прибыли, не является ни техническим решением в том смысле, в котором его определяет ст. 1350 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), ни объектом интеллектуальной собственности. На практике используются готовые сервисы, при этом сами конструкции воронок – весьма уязвимые: замена всего одного символа в ссылке, смена пароля в аккаунте одного из сервисов, и даже неверное проставление UTM-меток рушит аналитику бизнес-процессов и делает непригодной к использованию всю воронку.

Вслед за законодателем, суды, не будучи сведущими в принципах работы онлайн-сервисов, не считают необходимым проверять жизнеспособность воронок, ограничиваясь вынесением решений исключительно на основе заявлений сторон и письменных доказательствах (которые, к слову, могут не соответствовать действительности). Например, решение арбитражного суда города Москвы от 01.12.2021 по делу № А40-208698/21-122-1438, которым было отказано в удовлетворении исковых требований заказчика о возмещении денежных средств за не оказанные исполнителем услуги, не содержит сведений о проверке работоспособности воронки, хотя в соответствии с договором, положенным в основу решения, создание автоворонки сайтов заключалось в создании системы, ведущей посетителя лидмагнита (двухстороннего сайта) по определенной цепочке веб-сайтов после отправки заявки, и суд, опираясь на переписку сторон, заключил, что данная система была создана путем интеграции сайтов и страницы спасибо. Была ли в действительности данная интеграция рабочей, и можно ли утверждать о наличии системы интегрированных сайтов, образующих воронку, суд не счел нужным проверить. В законодательстве параметров жизнеспособности воронок не описано, и даже их определения нет.

Похожее дело № А45-19457/2021, но с вынесением противоположного решения от 18.11.2021 (в пользу заказчика), рассмотрено арбитражным судом Новосибирской области. Причиной явилась приведенная в решении суда формулировка договора, касающаяся работоспособности воронки: «...обязанности Исполнителя по настоящему договору считаются исполненными в полном объеме в следующем случае: «Автоворонка» с настроенными процессами взаимодействия с пользователем по утвержденной в процессе работы с Заказчиком стратегии функ-

ционирует в личном кабинете Заказчика на выбранном им сервисе». На этот раз суд вынес решение в пользу заказчика-истца, основываясь также на заключении специалиста по исследованию цифровой информации, подтверждающего неисполнение ответчиком обязательства по оказанию услуг в срок, указанный в договоре.

Иное понимание воронки – в решении арбитражного суда Красноярского края от 09.11.2021 по делу № А33–9301/2021. Под разработкой воронки продаж в соответствии с договором сторон понимался: лид-магнит, трипваер, основной продукт, продукт допродажи, однако при рассмотрении дела истец настаивал на том, что воронка продаж – это маркетинговая модель, описывающая предполагаемое «путешествие» будущего покупателя от первого знакомства с предложением или товаром до реальной покупки; и что разработка воронки продаж лид-магнит, основной продукт и т. д. определен ошибочно и некорректно, не согласован с заказчиком, поэтому не принят, и в дальнейшем не был применен. Вкупе с иными претензиями по исполнению обязательств, истцу, однако, было оказано в иске в полном объеме.

В решении арбитражного суда Ярославской области от 15.09.2021 по делу № А82–467/2021 представлен еще один вариант понятия: маркетинговая упаковка воронки, которая включает в себя «сайты, технические связки, дизайн, офферы» и, наряду с иными услугами, составляет «упаковку онлайн-школы». Работоспособность воронки суд не проверил, посчитал услуги по «упаковке» оказанными, хотя доказательств, кроме подписанных в одностороннем порядке актов оказания услуг ответчиком-исполнителем, предоставлено не было.

Без четкого понимания предмета спора невозможна единообразная судебная практика. Лишь в одном из приведенных примеров (а их в практике немало) суд при вынесении решения руководствовался заключением специалиста по исследованию цифровой информации. И это мы коснулись только одного понятия – маркетинговой воронки. А иные технические решения (например, SEO-оптимизация сайтов, внедрение utm-меток для аналитики конверсий, интеграция чат-ботов и др.), для которых до сих пор не нашлось места в самом простом подзаконном акте? Или хотя бы внесение в ФЗ «О рекламе» понятия, которое более 10 лет уже существует в реальном онлайн-пространстве (речь о таргетированной рекламе)? Без описания массы существующих явлений и узаконивания их статуса мир юридического сопровождения онлайн-бизнеса так и будет иметь договоры, содержащие понятия «кто во что горазд» и «кто как понял – так и правильно», и такие же заключения специалистов и судебную практику. Единое понимание объектов регулирования, проработка их существенных характеристик, определение границ ответственности за нарушения и злоупотребления в отношении данных объектов – со стороны как технических специалистов и маркетологов, так и онлайн-предпринимателей, позволит облегчить работу юристам, сопровождающим сделки с данными объектами и формирующим запросы на оценку рыночной стоимости данных объектов, а также устранить трудности понимания со стороны оценщиков. То, чего не существует в гражданском законодательстве, тем более не отражено в Федеральных стандартах оценки, и каждый специалист сегодня – носитель некоего мета-законодательства: в реальности оно есть, а в формальности – нет.

Вторая сложность, на которой хочется остановиться, – отсутствие надлежащего юридического оформления передаваемых ОИС и НМА, которое должно было состояться на этапах становления и развития онлайн-проекта. К примеру, клиентскую и(или) подписную базу можно зарегистрировать как базу данных – в том случае, если подписчики добровольно передавали свои персональные данные и на сайтах производилось логирование, подтверждающее данные действия. Тем не менее, предприниматели не осознают необходимость юридического оформления таких действий (предусмотреть в чекбоксе заранее не проставленную «галочку» – то, за что юристы борются не первый год). В итоге, в качестве объекта оценки предлагаются не верифицированные, незаконно собранные базы данных, которым невозможно придать какой-либо юридический статус задним числом. В качестве одного из решений предлагается считать клиентские и подписные базы данных нематериальными активами (НМА). Например, постановление 7ААС от 24.01.2022, решения АС Томской области от 29.03.2021 (апелляционная инстанция), от 13.08.2020 (первая инстанция) по делу № А67–2892/2020, констатировавшими, что товарный знак Entrega, программное обеспечение и клиентская база являются тем нематериальным активом, за счет которого группа компаний извлекала доходы.

Объекты интеллектуальной собственности, которые при соответствии иным условиям в бухгалтерском и налоговом учете признаются НМА, перечислены в ст. 1225 ГК РФ, среди них есть базы данных. В соответствии со ст. 1260 ГК РФ базой данных является представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ). Клиентскую базу вряд ли можно определить, как материал, подобный статье, расчету, нормативному акту или судебному решению. Тем не менее, приходится использовать именно это определение, причем не только юристам, структурирующим сделки в онлайн-бизнесе, но и, как видно из примера выше, судам.

Третья проблема при подготовке к оценке ОИС и НМА онлайн-проектов, связана с первыми двумя, и заключается в запросе бизнеса внести в перечень оцениваемых объектов те, которые не могут таковыми выступать. Например, разработанные мотивационные шкалы (KPI) для оценки производительности исполнителей. Набор критериев вряд ли можно расценивать как произведение, созданное творческим трудом автора. Если считать данный объект перечнем фактов, имеющих информационный характер, то в силу п. 6 ст. 1259 ГК РФ мотивации не являются объектами авторских прав и не могут оцениваться как ОИС или НМА. Вряд ли их можно идентифицировать и как ноу-хау, хотя, бесспорно, некую коммерческую ценность они представляют.

В итоге, при структурировании сделок с онлайн-проектами мы сталкиваемся с ценообразованием, далеким от действительной стоимости ОИС и НМА, представляемых для оценки. Причина не только в первых трех вышеописанных проблемах, но также и в легкомысленности самих онлайн-предпринимателей, которые зачастую вовсе не прибегают к услугам оценщика при совершении сделок – как с отдельными активами, так и с проектами в целом. И это можно считать четвертой проблемой.

Как при этом учитывать стоимость непоименованных в сделке объектов на балансе нового собственника? Обоснованно ли отнесение к гудвиллу всего оставшегося за пределами ОИС и НМА, поименованных в законодательстве? Готов ли бизнес к объективным оценкам бизнеса или «сам обманываться рад»? Есть ли со стороны предпринимателей перспективы осознания юридического сопровождения онлайн-бизнеса на этапах его создания и роста, дабы избежать громоздких сделок (из-за того, что вначале нужно оформить неоформленное, а затем выходить на сделку)? Вопросов еще больше, чем ответов. И очевидно, что решать поставленные проблемы нужно последовательно – начиная с самой первой, связанной с отсутствием понятного законодательства в сфере онлайн-бизнеса.

В статье приведены некоторые примеры проблемных объектов, закладываемых в структуру сделки с онлайн-проектами и требующих оценки. При этом масштабы самих сделок могут быть различны. Наряду с уже ставшими традиционными (покупка доменного имени, аккаунта, сообщества в соцсети, SaaS-продуктов), все чаще структурируются сделки по купле-продаже онлайн-школ, интернет-магазинов, кросс-платформенных решений, и др. И отсутствие единообразия терминологии (а следовательно – единого понимания сути тех или иных явлений и процессов), повсеместное завышение цен (когда к оценке не прибегают вовсе, и за суммы с 6 нулями продают хорошо, если не воздух), короткий горизонт трекинга большинства онлайн-проектов для выхода на сделку по купле-продаже – как следствие влекут оценки, содержащие невероятное количество допущений, и сделки с необоснованной ценой.

Государство всегда преследует собственные экономические интересы, и вряд ли для их реализации, например, нужно вводить в ФЗ «О рекламе» понятие таргетированной рекламы и критерии ее эффективности: это ведь не даст экономического эффекта именно для государства (хотя бы для бюджета). Привычная же функция регулирования общественных отношений – участников рынка, к сожалению, в последнее время практически не проявляется, если она не имеет под собой экономического смысла именно для государства. Вслед за этой тенденцией и юристы «занимаются не всегда тем, что им интересно, а тем, что сулит приличные доходы. Так целые области права остаются без серьезного внимания юридической науки» [4. URL]. Заезженную крылатую фразу лидера РФ: «Времени на раскачку нет», – можно применить и к сегодняшней ситуации в регулировании онлайн-бизнеса. И хочется верить, что диалог между бизнесом и властью будет направлен в сторону конструктивных законодательных изменений, облегчающих регулирование бизнес-процессов и их юридическое сопровождение.

Список литературы

1. Васильев А. А., Ибрагимов Ж. И., Насыров Р. В., Васев И. Н. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах // Юрислингвистика. 2019. № 11. С. 15–18.
2. Двуреченский К. Э., Смольянинов И. С., Иода Е. В. Анализ методов оценки объектов интеллектуальной собственности в рамках управления инновациями и привлечения инвестиций на рынок интеллектуальной собственности // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11, № 8. С. 29–35.

3. Кудашов В. И., Нечепуренко Ю. В., Синяк Н. Г. Оценка научно-технической и экономической значимости объектов интеллектуальной собственности // Труды БГТУ. 2016. № 7. С. 25–32.
4. Маковский А. Л. Личная конституция Александра Маковского. URL: <https://e.korporist.ru/565237/> (дата обращения: 22.07.2022).
5. Мартынов О. Ю. Оценка результатов НИОКР при создании наукоемкой продукции // Технические науки. 2012. № 2. С. 128–131.
6. Огороков В. Р., Тимофеева А. А. Принципы и методы оценки рыночной стоимости объектов интеллектуальной собственности в инновационной экономике // Инновации. 2011. № 3. С. 51–55.
7. Сеницын С. А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2021. С. 20–22.
8. Ситдикова Р. И., Ситдииков Р. Б. Цифровые права как новый вид имущественных прав // Имущественные отношения в РФ. 2018. № 9. С. 75–80.
9. Уразова Н. Г. Основные подходы к оценке объектов интеллектуальной собственности // Вестник ИрГТУ. 2014. № 12 (95). С. 375–382.
10. Федорук Е. О. Онлайн-бизнес: юридическая упаковка и сопровождение интернет-проектов. Ростов н/Д: Феникс, 2021. С. 16–17.
11. Хабриева Т. Я. Право перед выбором цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 6.

Э. Ш. Шаймиева,

доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры управления, заведующий
научно-исследовательской лабораторией менеджмента знаний факультета
менеджмента и инженерного бизнеса,
Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова

Г. И. Гумерова,

доктор экономических наук, профессор, профессор
департамента менеджмента и инноваций,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

О НОВЕЙШИХ ОБЪЕКТАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ДИАГНОСТИРОВАНИЕ, РЕГУЛИРОВАНИЕ

Аннотация. Целью исследования является диагностирование новейших объектов интеллектуальной собственности в креативных индустриях цифровой экономики и их регулирование. В работе выделены новейшие объекты интеллектуальной собственности на основе информационно-коммуникационных технологий в креативных индустриях в условиях развития цифровой экономики, выявлена необходимость формирования (уточнения) понятийного аппарата данных объектов интеллектуальной собственности креативных индустрий для формирования э-модели высшего учебного заведения.

Ключевые слова: креативные индустрии, цифровая экономика, объекты интеллектуальной собственности, диагностирование, нормативно-правовое регулирование, практическое применение для креативных индустрий, права интеллектуальной собственности

ABOUT THE LATEST INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS IN THE CREATIVE INDUSTRIES OF THE DIGITAL ECONOMY: DIAGNOSIS, REGULATION

Abstract. The purpose of the study is to diagnose the latest intellectual property objects in the creative industries of the digital economy, their regulation. The paper highlights the latest intellectual property objects based on information and communication technologies in creative industries in the context of the development of the digital economy, reveals the need for the formation (clarification) of the conceptual apparatus of these intellectual property objects of creative industries for the formation of an e-model of a higher educational institution.

Keywords: Creative industries, Digital economy, Intellectual property objects, Diagnostics, Legal regulation, Practical application for creative industries, Intellectual Property rights

В фокусе настоящего исследования – новейшие объекты интеллектуальной собственности (ОИС) в креативных индустриях цифровой экономики [4, 18, 19]. Диагностирование новейших ОИС в креативных индустриях цифровой экономики, под которым понимается выявление новых видов ОИС, новых участников в существующих ОИС и новейших ОИС в креативных индустриях цифровой экономики связано с двумя процессами: процессом становления креативных индустрий в российском экономическом пространстве, процессом их нормативно-правового регулирования. Анализ становления креативных индустрий в российском экономическом пространстве осуществлен авторами на основе базы данных в Научной электронной библиотеке (НЭБ) [12]. При анализе исследовательских работ в НЭБ по ключевым словам «креативные индустрии» нами выявлено 1 551 работ, включая статьи в журналах (индексация elibrary, РИНЦ, ВАК, Scopus, Web of Science), книги, материалы конференций, депонированные рукописи, диссертации, отчеты, патенты (первая группа работ). При анализе исследовательских работ в НЭБ по ключевым словам «креативные индустрии цифровая экономика» нами выявлено 50 работ (вторая группа работ), по «ключевым словам» «интеллектуальная собственность креативные индустрии цифровая экономика» – 4 работы (третья группа работ) [12].

В одной из первых работ в НЭБ из первой группы, в исследовании О. С. Белокрыловой, Е. С. Дубской осуществлен анализ понятия «креативная экономика», представлена классификация креативных индустрий согласно классификации ЮНКТАД: исполнительские виды искусства, аудиовизуальное творчество, новые медиа, креативные индустрии, дизайн, издательская деятельность, художественное творчество, культурные объекты, традиционные виды культурного

самовыражения [4]. В исследовании О. С. Белокрыловой, Е. С. Дубской вопросы формирования креативными индустриями новейших ОИС не рассматриваются, упоминаются вопросы потенциальных источников финансирования креативных индустрий, бизнес-моделей функционирования компаний креативных индустрий [4]. В одной из первых работ в НЭБ из второй группы, исследовании О. Ю. Ангеловой, Т. О. Подольской, О. Р. Чепьюк отмечается потенциал креативных индустрий, представлены используемые бизнес-модели в креативных индустриях [1]. В одной из работ из третьей группы, исследовании А. М. Чернухина представлены результаты влияния цифровой трансформации на процессы создания и защиты ОИС в Роспатенте, переходе на цифровые технологии данного процесса. Права интеллектуальной собственности применительно к креативным индустриям рассматриваются в данном исследовании в широком смысле слова, включая авторское право на творческие произведения (книги, картины и музыка и др.) [5, 16].

Становление креативных индустрий в цифровой экономике в России опирается на следующие программные документы: программу «Цифровая экономика Российской Федерации» [14], Концепцию развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 г. [10] (далее – Концепция). В Концепции дано определение креативных индустрий, их взаимодействие с ОИС [10]. Согласно «Атласу креативных индустрий в Российской Федерации» (исследовательский проект Агентства стратегических инициатив 2021 г.) выделено 35 отраслей общероссийского классификатора видов экономической деятельности – составляющих креативных индустрий [2]. В авторском исследовании представлены некоторые дискуссионные моменты по результатам проекта АСИ (в частности, к наименованию креативной индустрии «Авторское право») [2, 6]. Данное исследование развивает, опирается на некоторые научные аспекты следующих исследований, в части включения публикаций по креативным индустриям в базы данных Scopus на основе ОИС [18, 19, 20]. В результате исследования авторами выделены новейшие ОИС на основе информационно-коммуникационных технологий креативных индустрий, как, напр., цифровой- или медиакурс в образовательном процессе высшей школы [6, 11], выявлена необходимость формирования (уточнения) понятийного аппарата данных ОИС для формирования э-модели высшего учебного заведения [3, 16], кластерного развития высшей школы в информационном пространстве [9]. Данные ОИС, регулируемые главой 40 частью 4 ГК РФ, требуют своего совершенствования для развития креативных индустрий цифровой экономики [7, 8]. В частности, согласно информации DigitalIP «...правительство предлагает включить художника-постановщика в перечень авторов аудиовизуального произведения...» [13, 7, 8]. Данное изменение введено в пп. 4 ФЗ от 14.07.2022 № 354-ФЗ [8]. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о динамике развития российских креативных индустрий в цифровой экономике по количеству публикаций по теме исследования, необходимых изменений в нормативно-правовом плане, осуществляемых в настоящее время, в период развития креативных индустрий [17]. Вопросы, связанные с использованием

исключительных прав на ОИС в креативных индустриях, требуют отдельного изучения и формирования практикума для специалистов креативных индустрий со стороны высшей школы [6, 15].

Список литературы

1. Ангелова О. Ю., Подольская Т. О., Чепьюк О. Р. Цифровая креативная индустрия: на пути к экономике «эмоций» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 2 (54). С. 38–43.

2. Атлас креативных индустрий в Российской Федерации // Центр городских компетенций АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов». Москва, 2021. 555 с.

3. Бикеев И. И. Модель организации научной работы в молодом вузе // Высшее образование в России. 2007. № 9. С. 5258.

4. Белокрылова О. С., Дубская Е. С. Мировой опыт формирования креативной экономики и возможности его использования в России // Terra Economicus. – 2013. Т. 11, № 4–2. С. 5–11.

5. Виленская А. В., Бойков А. В., Пайор В. А., Савельев Р. В. Программа учета объектов интеллектуальной собственности Горного университета // Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2018612758, 27.02.2018. Заявка № 2017662565 от 04.12.2017.

6. Гумерова Г. И., Шаймиева Э. Ш. Интеллектуальная составляющая российских креативных индустрий в период их становления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Экономика и управление». 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intellektualnaya-sostavlyayuschaya-rossiyskih-kreativnyh-industriy-v-period-ih-stanovleniya>.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Официальный сайт КонсультантПлюс. URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/0b318126c43879a845405f1fb1f4342f473a1eda/ (дата обращения: 10.08.2022).

8. Статья 1263. Аудиовизуальное произведение «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 № 230-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/bcd b3bad76a5cc627f036c9e23135e25579d3635/ (дата обращения: 10.08.2022).

9. Ельшин Л. А., Абдукаева А. А. Особенности кластерного развития высшей школы в России // Электронный экономический вестник Татарстана. 2021. № 1. С. 59–65 (дата обращения: 20.06.2022).

10. Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.09.2021 № 2613-р URL <http://static.government.ru/media/files/HEX NAom6EJunVIxBCjIAAtAya8FAVDUfP.pdf> (дата обращения: 10.08.2022).

11. Котенко Е. С. Понятие и признаки мультимедийного продукта // Lex Russica. 2013. № 6. С. 601–615.

12. Официальный сайт Научной электронной библиотеки. URL: <https://elibrary.ru/querybox.asp> (дата обращения: 19.08.2022).

13. Официальный сайт Научно-образовательного центра интеллектуальной собственности и цифровой экономики DigitalIP // Правительство предлагает включить художника-постановщика в перечень авторов аудиовизуального произведения. URL: <https://dip.global/news/pravitelstvo-predlagaet-vklyuchit-hudojnika-postanovshchika-v-perechen-avtorov-audiovizualnogo-proizvedeniya-414> (дата обращения: 10.08.2022).

14. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/2369d7266adb33244e178738f67f181600cac9f2/ (дата обращения: 07.04.2022).

15. Тимирясова А. В. Педагогическая система управления развитием частного инновационного университета в условиях цифровой трансформации общества // Педагогическое образование и наука. 2022. № 3. С. 89–94.

16. Чернухин А. М. Анализ влияния Digital-трансформации на объекты интеллектуальной собственности // Вестник Академии. 2021. № 1. С. 92–99.

17. Шанина И., Складчиков И. «Когда говорят: “Пусть на сцене будет два стула, три стола”, – это не ко мне» // Официальный сайт IPQourim: <https://ipquorum.ru/news/6263-ivan-skladчиков-kogda-govorat-pust-na-scene-budet-dva-stula-tri-stola-eto> (дата обращения: 10.08.2022).

18. Castillo-Vergara, Mauricio & Alvarez-Marin, Alejandro & Placencio-Hidalgo, Dario (2018) A bibliometric analysis of creativity in the field of business economics, *Journal of Business Research*, Elsevier. Vol. 85(C). Pp. 1–9.

19. Dharmani P., Das S., Prashar S. (2021) A Bibliometric analysis of creative industries: Current trends and future directions // *Journal of Business Research*, Vol. 135 Pp. 252–267. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2021.06.037>. URL (дата обращения: 10.08.2022).

20. Hoai S., Thi B., Lan P., Tran T. (2021) A bibliometric analysis of cultural and creative industries in the field of arts and humanities. *Digital Creativity*. Vol. Is. 4. P. 307–322. URL: <https://doi.org/10.1080/14626268.2021.1993928> (дата обращения: 19.08.2022).

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ПРОФИЛИРОВАНИЯ

Alain Dufлот,

почетный консул Гватемалы,
практик международного класса в области права,
основатель адвокатского бюро «Дюфло и Партнеры»,
Университет Леон III имени Жана Мулена

DIGITAL IDENTITY AND ITS PROTECTION IN FRANCE

Abstract. Digital technologies have opened up new perspectives, freeing a person from the limitations of reality, allowing him to create an identity for his personal development. Thus, technological advances have increased a person's ability to change his personality in the virtual space, form a digital profile, digital personality, etc. The article discusses the legal aspects of a digital person and a digital personality. At the same time, special attention is paid to the issues of digital identity, considered as a part (continuation) of individual identity, the problem of digital identification and the means of its legal protection and protection, which are constantly evolving.

Keywords: Digital identification (identity), Digital identity, Digital person, Law, Legal protection, Legal protection.

ЦИФРОВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ЕЕ ЗАЩИТА ВО ФРАНЦИИ

Аннотация: Цифровые технологии открыли новые перспективы, освободив человека от ограничений реальности, позволив ему создать идентичность в целях своего личного развития. Тем самым, технологические достижения увеличили возможности человека по изменению своей личности в виртуальном пространстве, формированию цифрового профиля, цифровой личности и др. В статье рассматриваются юридические аспекты цифрового человека и цифровой личности. При этом особое внимание уделяется вопросам цифровой идентичности, рассматриваемой как часть (продолжение) индивидуальной идентичности, проблеме цифровой идентификации и средствам ее юридической охраны и защиты, которые постоянно развиваются.

Ключевые слова: цифровая идентификация (идентичность), цифровая личность, цифровой человек, право, юридическая охрана, юридическая защита.

Digital identity is and remains an elusive and above all constantly evolving concept for the law. There is currently no satisfactory legal definition of digital identity to understand the richness of the concept, indeed, the few legislative or regulatory texts that refer to digital identity ultimately deal only with the notion of «personal data», and only with this notion. For example, the French law called «Law for a Digital Republic» of 7 October 2016 is limited in its final version to linking this concept to that of the «digital safe», without

providing the precise contours of this identity. The evolution of digital techniques and their integration into positive law goes beyond the sole question of digital identity or more precisely digital identity leads to the recognition of a true digital personality. (I) Given the challenges of the digital revolution, the need to guarantee the protection of digital identity conditions the trust of the economic and social relations that are developing in the digital sphere. Among these guarantees of protection, three bodies of law stand out. First of all, there is the protection of personal data, then banking secrecy which is an interesting and recognized element of the protection of the identity of customers and third parties and finally criminal law with the crime of digital identity theft. Given the limited time allotted to me today and which I am desperately trying to respect, but also and above all the general theme of banking law of our conference, I will limit myself to mentioning in a second part the role of the banking system in the protection of identity and digital personality thanks in particular to banking secrecy (II).

First of all about identity and digital personality Digital identity and personality Legal identity, defined as the set of elements that the legislator takes into account to individualize a person, is mainly suffered by the subject; however, some aspects are under his control. Since the digital person is part of the concept of a legal person, digital identity cannot be radically different from legal identity.

1. The digital identity suffered by the individual Legal identity has traditionally been designed in relation to the civilian police function assigned to it. Each person is identified and individualized on the basis of biological and social characteristics, the list of which varies from country to country.

According to French law, the composition of the status of persons is mainly a matter of civil and family status transcribed within the acts of civil status. As such, we will mention, the first name, surname, sex, date and place of birth, domicile. Although some of the above elements are in fact subject to change, the stability of identity is a necessity in that it conditions the certification of the legal existence of a person in the social group, thus making it possible to control individuals and secure legal trade. Based on these brief observations, what about digital identity? If we refer to positive law, digital identity is implicitly enshrined in the protection conferred on it by special laws such as Article 4, 1 of the GDPR GENERAL DATA PROTECTION REGULATION (EU) (from which it is inferred that a natural person is digitally identified from an «identifier, such as a name, an identification number, location data, an online identifier, or one or more elements specific to its physical, physiological, genetic, mental, economic, cultural or social identity» Is this enough to deduce that the state of people exists in a numerical form?

First, in comparison with the function of identifying the status of persons, it should be noted that there are electronic identification procedures based on elements of identity traditionally included in the state of persons. First of all, it is important to mention the Regulation of the European Parliament of 23 July 2014 on electronic identification and trust services for electronic transactions in the internal market (EIDAS). Designed to secure electronic transactions, this regulation established an electronic identification regime «consisting in the use of personal identification data in an electronic form unequivocally representing a natural or legal person». Second, from the perspective of a control of individuals that the digital state of people is being consecrated. In positive law, on the

one hand, the control can be carried out on the basis of identity documents incorporating digitized data. This is the case for the passport since biometric elements are integrated into it, a real «electronic passport». In the near future, this will be the case when Regulation 2019/1157 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 is transposed into national law, in particular, by adding biometric personal identification data to identity cards'. For both the passport and the digital identity card, the control of the identity from a digital title corroborates the idea of a certification specific to the state of the persons. Beyond the state of people, digital identity encourages reflection on the identification elements freely determined by the subject and no longer suffered.

Digital identity mastered. The emergence of a right to personal development as a component of the right to privacy has resulted in a progressive mastery of the subject over certain elements of one's identity. One thinks, for example, of surnames and first names, which, although conceived as fundamental elements of the state of persons, are liable to be modified by the person himself. In the same sense, the terms relating to sex can be changed according to a simplified procedure since the French law of 18 November 2016. This margin of intervention left to individuals in the construction of their individual identity also manifests itself with digital identity. Technological developments have increased the possibility for the individual to modify his identity by the use of a pseudonym, its use is widespread in virtual spaces. In the same logic, the subject modifies his image by the media of digital filters, shapes his profile on social networks according to the target audience and, when this trend reaches its climax, creates an identity from scratch by using an avatar, in other words a character virtually representing the subject. In short, digital technology has opened up new perspectives by detaching the person from the constraints of reality, to enable him to build an identity at the service of his personal development. This reunion between the digital identity suffered by the individual and the controlled digital identity must make it possible to recognize the existence of a true digital personality that will be an extension or manifestation of the traditional legal personality.

Digital personality. Legal personality essentially consists of the ability of the subject to have rights and to be bound by legal obligations. The digital personality should follow the same destiny as the legal personality of which it is the digital expression. The existence of the digital personality.

The existence of legal personality presupposes demonstrated both the ability to have rights and the ability to be bound by obligations. As regards, first, the ability to have rights, it is possible to confirm what is initially only a hypothesis by studying the multiplication of subjective rights governing digital uses. The personal data regime is the best-known illustration of this. Without taking over the entirety of the positive law, the data are protected and their use is conditioned, in particular because of the need for consent that can be withdrawn at any time. The person thus has a right of access to personal data, «rectification», «erasure», «limitation of processing», «data portability», opposition to data processing. With regard, secondly, to the ability to be bound by obligations, it should be recalled that the French Civil Code (Articles 1369-1 to 1369-3) contains a whole chapter dealing with contracts concluded in electronic form. In other words, the digital person implements a fundamental ability of the personality: The ability to contract. In addition, if the digital person contracts, he should also be able to answer for his fact

as soon as the responsibility expresses the aptitude for the obligation. In this respect, there is nothing in theory to preclude the application of the general regime of civil liability for damage caused in the digital sphere. Nevertheless, digital damage remains a damage and nothing in the texts reduces the fault to an action from the material world. We can therefore see the existence of a digital personality. When then are the means to protect this digital identity and consequently this digital personality? Today I will discuss the contribution of the banking system in this protection, leaving aside data protection and criminal law (digital identity theft):

PROTECTION BY BANKS AND BANKING SECRECY

The role played by banking and credit institutions in protecting digital identity is essential through several tools.

INFORMATION

Banks have long been the reference for identity and financial information. To open an account, obtain a loan or approve a mortgage application, banks must have accurate information about the person's creditworthiness and employment. For many customers, banks hold valuable insights into revenues and consumption patterns over decades.

The PSD DIRECTIVE 2

The second European Payment Services Directive (PSD 2), in force in the European Union since 13 January 2018, includes a set of regulatory provisions aimed at regulating the provision of payment services and strengthening the security of payments at European level. In particular, Strong Authentication for electronic payment Banks are legitimate to be guardians and identity providers. However, to support this role and ensure authentication, these institutions will need to continue to improve their identity and authentication infrastructure. Like what:

- Fingerprinting: Identify a user's authentication device using the time zone of the IP address, operating system, browser, browser fonts and screen dimensions. This collected information will help to confirm the user's Identity and also check if the device used has not been the subject of previous hacking attempts.

- Behavioral analytics: Leveraging data on customers' past transactions to determine the risk of fraud for each new transaction.

- Behavioral biometrics: monitor keyboard key presses, mouse dynamics, and user typing when browsing banking in order to establish a behavioral biometric profile and thus detect profile changes.

Finally with banking secrecy.

BANKING SECRECY

Banking secrecy has always been a remarkable lever for protecting the identity of account holders. Professionals in the banking field are required to ensure the protection of the information they receive from their customers and third parties about their customers of which they are custodians. In a digital world in which the reliability of electronic identification is an essential link in the chain of economic and commercial relations, the trusted third party that constitutes the banking institution is undeniably at the heart of digital identity, if only by the measures put in place as part of the obligations on the knowledge of customers (KYC Know Your Customer process) The banker is responsible for verifying the identity and contact details of the account holder, as part of his duty

of care. This burden is so great that the bank incurs its liability to third parties in the event of breaches, even in the event of simple negligence. Banking secrecy in France was introduced by the Law of 24 January 1984 and falls into the category of professional secrets. It is imposed on all the staff of banking institutions as well as subcontractors. It is subject to derogations only in the cases expressly provided for by law. The violation of banking secrecy is punishable by criminal law (1 year in prison and € 15,000). Banking secrecy is a means of ensuring the protection of personal data and therefore of digital identity; at the same time, the protection of such data is the basis of banking secrecy.

Some are already talking about a real digital identity market that would even constitute the «oil of the twenty-first century» and as such banks have a central role in the protection of digital identity just like the state and the individual himself.

В. В. Игумнов,

аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий,
Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛУЧЕНИЯ ДОСТУПА К СВЕДЕНИЯМ О СУБЪЕКТАХ ЦИФРОВОГО ПРОФИЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье представлен анализ средств инфраструктуры цифрового профиля, используемых для организации доступа публичных органов власти, иных органов и организаций к необходимым сведениям о субъектах цифрового профилирования. Целью исследования является определение проблем получения доступа к сведениям о субъектах цифрового профилирования и выявление основных путей их решения. В исследовании особенностей данной темы особое внимание уделяется объему хранящихся в системе данных, субъектам профилирования, объему предоставляемых данных, а также обязательности использования инфраструктуры цифрового профилирования при получении доступа к данным субъектов цифрового профилирования. Отдельное место отводится проблеме актуальности использования системы цифрового профиля при получении доступа к необходимым сведениям о физическом лице при наличии действующего механизма получения согласия на обработку персональных данных вне взаимодействия с государственными и муниципальными информационными системами.

Ключевые слова: цифровые технологии, информационные системы, цифровой профиль, персональные данные, субъекты цифрового профилирования, реестр согласий, инфраструктура цифрового профиля, система цифрового профилирования

LEGAL PROBLEMS OF OBTAINING ACCESS TO INFORMATION ABOUT DIGITAL PROFILING SUBJECTS

Abstract. The article offers an analysis of digital profiling infrastructure instruments used to provide access of public authorities, other bodies and organizations to the necessary information about the subjects of digital profiling. The purpose of the study is to identify

the problems of obtaining access to information about the subjects of digital profiling and to identify the main ways to solve them. In the study of the features of this subject, special attention is paid to the scope of data stored in the system, the subjects of profiling, the scope of data provided, and the obligation to use digital profiling infrastructure when accessing the information about digital profiling subjects. A separate place is given to the problem of the relevance of using the digital profiling system when accessing the necessary information about an individual in the presence of a valid mechanism for consent to the processing of personal data outside of the interaction with state and municipal information systems.

Keywords: Digital Technologies, Information Systems, Digital Profile, Personal Data, Digital Profiling Subjects, Consent Register, Digital Profile Infrastructure, Digital Profiling System

Введение. С 2019 г. в России проводится эксперимент по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах, который также можно назвать экспериментом по внедрению цифрового профиля. Эксперимент предусматривает формирование и апробацию инфраструктуры цифрового профиля, которая будет иметь функциональную возможность организации доступа к необходимым сведениям о физических и юридических лицах (субъектах цифрового профилирования/субъектах данных) государственным и муниципальным органам, а также иным органам и организациям. При этом на данный момент эксперимент распространяется только на сведения о физических лицах и участие в нем принимает лишь ограниченный перечень органов и организаций.

Цели и принципы системы цифрового профиля. Одной из основных целей цифрового профиля является обеспечение возможности управления субъектами данных процессами предоставления, обработки, хранения и передачи сведений о себе, консолидируемых в инфраструктуре цифрового профиля. Такое управление предполагает выдачу и отзыв согласий на обработку персональных данных субъектами профилирования публичным органам и иным организациям с целью получения различного рода услуг. Данной возможности уделяется особое внимание в законопроектах, нормативных правовых актах, пояснительных записках, различных концепциях и сценариях.

Так как инфраструктура цифрового профиля предполагает организацию доступа к необходимым сведениям о лице только с его согласия, то одним из основных принципов функционирования системы цифрового профилирования является обеспечение возможности субъекту данных выразить информированное и явное согласие на предоставление своих данных, либо выразить отказ от их предоставления, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации [6. С. 92–94].

Доступ к сведениям осуществляется путем предоставления органам или организациям по их запросу данных из единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА), интегрированной с личным кабинетом субъекта данных в федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (ЕГПУ). Перечень таких данных прямо предусмотрен в приложении к Положению о проведении эксперимента.

В связи с этим отклоненный Государственной Думой законопроект о цифровом профиле предусматривал положение о том, что с помощью инфраструктуры цифрового профиля может обеспечиваться получение и отзыв согласия физического лица на обработку его персональных данных и согласия юридического лица на получение сведений о нем с помощью инфраструктуры цифрового профиля.

Законопроектом также было предусмотрено внесение изменений в Закон о персональных данных, которые касались возможности субъекта персональных данных выдавать и отзываться согласие на обработку персональных данных в форме электронного документа в инфраструктуре цифрового профиля в случае обработки оператором персональных данных с использованием инфраструктуры цифрового профиля, если только передача данных без согласия субъекта данных не предусмотрена законодательством Российской Федерации.

Разработанная совместно Минкомсвязи России и Банком России Концепция и архитектура цифрового профиля также содержит положения о том, что внутри государства необходимо разработать инфраструктуру, способную обеспечить единый, высокоскоростной и безопасный обмен данными между всеми участниками экономического оборота. Для этого необходимо подготовить соответствующую нормативную правовую базу, которая позволит в том числе управлять физическими и юридическими лицами выданными согласиями на обработку сведений о них [7. С. 212].

Проблемы получения согласия субъектов цифрового профилирования. Так как цифровой профиль основан на возможности управления цифровыми согласиями на обработку персональных данных о физическом лице или данных о юридическом лице, предполагается, что согласия будут выдаваться в цифровом виде в сервисе по управлению согласиями и храниться в реестре цифровых согласий.

В связи с созданием в системе цифрового профиля технологической возможности предоставления в цифровом виде согласия на использование сведений о субъекте данных возникает несколько основополагающих вопросов.

Первый вопрос заключается в объеме хранящихся в системе цифровых согласий, полученных от субъекта данных на доступ организаций к сведениям о нем. Важно определить на нормативном уровне, в каком объеме, полученные каким способом и какого вида согласия будут храниться в реестре цифровых согласий.

Разрешение этого вопроса предполагает два сценария развития системы цифровых согласий. При первом сценарии в цифровом профиле будут храниться только те согласия, которые были получены непосредственно с использованием системы цифрового профиля. Второй сценарий предполагает сбор всех выданных субъектом данных в любой форме и любым способом согласий на доступ к данным и на обработку данных о субъекте.

На данный момент эксперимент предусматривает, что согласия на доступ организаций выдаются только к тем сведениям, которые имеются в распоряжении органов публичной власти, используются ими для предоставления услуг и исполнения функций, а также к тем сведениям, которые сформированы в результате их оказания и исполнения. Также данные сведения должны содержаться в государственных и муниципальных информационных системах [8. С. 8–9].

По мнению автора, развитие первого сценария лишь дифференцирует способы и формы получения операторами согласий на доступ к данным, который предполагает их дальнейшую обработку, но не обеспечивает достижение конечной цели системы цифровых согласий – возможность субъекта данных управлять всеми выданными согласиями.

На данный момент большая часть согласий выдается в электронной форме с применением простой электронной подписи, что упрощает процесс получения согласия операторами, так как предполагает, что согласие получается в начале взаимодействия с субъектом данных и не требует обязательного участия посредников. Представляется сомнительным, что операторы данных добровольно будут использовать систему цифрового профиля для получения цифровых согласий через посредника в лице оператора системы цифровых согласий и с применением технологии запроса согласия у субъекта данных, которому также придется совершить дополнительные действия для выдачи согласия.

Стоит отметить, что менталитет, уровень цифровой грамотности и степень технологической осведомленности субъектов данных в России на данный момент не позволяет сказать, что большинство из них выберет данный способ предоставления согласий как наиболее быстрый и эффективный.

Данный вопрос особенно актуален для персональных данных физических лиц, так как в процессе своей социально-экономической активности граждане предоставляют согласие на обработку персональных данных различным органам и организациям как в письменной, так и в электронной форме. Вследствие этого операторы данных стараются найти наиболее быстрые и понятные для граждан способы предоставления согласия, так как последние озабочены именно скоростью оказания услуг, чем особенностями системы обработки персональных данных. Поэтому в случае, если государство в дальнейшей перспективе будет озабочено тем, что в системе цифрового профиля должны храниться все согласия на обработку данных, выданные субъектом, оно должно решить вопрос о способах реализации такой возможности.

В связи с этим возникает вопрос о необходимости консолидации выданных согласий в едином реестре цифровых согласий выданных не только на получение доступа к необходимым сведениям, хранящимся в системе цифрового профилирования, но и всем выданным согласиям на обработку персональных данных для обеспечения возможности субъекта персональных данных быть информированным о том, каким организациям, на какой срок, в каком объеме и для каких целей им было выдано согласие, а также возможности отзывать ранее выданные согласия или изменять их условия.

Представляется, что такая консолидация возможна либо за счет обязывания операторов персональных данных размещать все полученные согласия (вне зависимости от формы их получения) в инфраструктуре цифрового профиля, либо за счет установления получения согласия в инфраструктуре цифрового профиля в качестве единственной надлежащей формы получения согласия на обработку персональных данных. В первом случае на операторов персональных данных ложится колоссальная экономическая и техническая нагрузка, так как не каждое лицо способно обеспечить надлежащий, быстрый и бесперебойный процесс пере-

вода всех полученных согласий в цифровую форму и внесения согласий в реестр цифровых согласий. Помимо этого, не все операторы данных могут надлежащим образом обеспечить возможность установления соответствия между лицом, предоставившим согласие в иной, отличной от предусмотренной системой цифрового профилирования форме и лицом, сведения о котором были размещены в реестре цифровых согласий.

При этом, если разработчики системы цифрового профилирования заинтересованы в сборе и хранении всех выданных субъектом данных согласий в реестре цифровых согласий для обеспечения дальнейшей возможности управления ими, необходимо упростить процесс выдачи согласия с использованием системы цифрового профиля. Но такое упрощение не должно негативным образом сказаться на надежности и безопасности процессов идентификации и аутентификации лица для надлежащего получения сведений о субъекте данных, выдавшем согласие.

Второй вопрос заключается в обязательности использования системы цифрового профиля при получении согласия на обработку данных. Данный вопрос логически вытекает из первого, так как ранее отмечалось, что многие операторы и субъекты данных предпочтут непосредственное взаимодействие друг с другом без дополнительного участия государства в виде оператора инфраструктуры цифрового профиля.

Безусловно, что весь перечень предусмотренных Положением об эксперименте сведений, обмен которыми организуется при проведении эксперимента в части предоставления доступа к сведениям о гражданах с использованием инфраструктуры цифрового профиля, относится к персональным данным, а значит согласие на получение к ним доступа и их дальнейшую обработку может быть выдано субъектом данных непосредственно оператору данных.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что в случае, если получение доступа к сведениям о субъекте данных с его согласия необязательно и является лишь одним из способов получения сведений о субъекте данных, данный способ необходимо реализовать так, чтобы он стал наиболее быстрым, эффективным и безопасным. Это поможет привлечь внимание граждан и юридических лиц, которые будут заинтересованы в осознанном управлении своими данными с помощью защищенных каналов, а также внимание операторов данных на возможности получения доступа к сведениям о лице, которые уже хранятся в системе цифрового профиля, что не требует дополнительных затрат на самостоятельную организацию процессов сбора и обработки персональных данных [9. С. 28].

Третий вопрос заключается в форме предоставления согласия. Что касается формы согласия, то при идентификации и аутентификации лица законопроект допускал выдачу согласия в позволяющей подтвердить факт его получения форме. Исходя из толкования данного положения, можно сделать вывод, что основными юридическими фактами, подтверждающими получение согласия лица, являются идентификация лица, выдавшего согласие, а также форма и способ получения такого согласия.

Законопроект о цифровом профиле предусматривал, что процедура идентификации лица, выдавшего согласие, обеспечивалась бы в том числе за счет подписания согласия усиленной квалифицированной электронной подписью или простой электронной подписью. Применительно к простой электронной подписи

в законопроекте отмечено, что ее ключ должен быть получен при личной явке в соответствии с правилами использования простой электронной подписи при получении государственных и муниципальных услуг. Данное условие представляется обременительным для субъекта данных, так как использование простой электронной подписи при оказании государственных и муниципальных услуг достаточно быть зарегистрированным в единой системе идентификации и аутентификации и иметь ключ простой электронной подписи, который представляет собой идентификатор и пароль ключа. Так как идентификатор ключа представляет собой СНИЛС физического лица либо руководителя или иного уполномоченного представителя юридического лица, а пароль ключа создается сервисом генерации ключа единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА) и может быть самостоятельно изменен субъектом данных, необходимо установить причины, по которым разработчики законопроекта предусматривали обязательность личной явки.

Правилами использования простой электронной подписи установлено, что заявитель вправе подать заявление как в электронной форме, так и при явке на личный прием, поэтому дополнительное специальное регулирование процесса получения ключа такой подписи должно быть обосновано законодателем, так как субъекты данных не всегда заинтересованы в совершении дополнительных действий при получении различного рода услуг. Указанные обстоятельства могут негативно сказаться на экономическом обороте и вызвать недоверие у населения. Представляется, что в целях безошибочной идентификации заявителей необходимо разработать и развивать уже существующие дистанционные способы установления личности заявителя.

Еще один вопрос заключается в объеме данных, хранящихся в системе цифрового профиля, доступ к которым может быть в дальнейшем предоставлен с согласия физического лица. На данный момент перечень сведений, обмен которыми организуется при проведении эксперимента, в части предоставления доступа к сведениям о гражданах с использованием инфраструктуры цифрового профиля ограничен и является закрытым. В зависимости от сценария развития системы цифрового профиля, который будет выбран по итогам эксперимента, государству необходимо решить, будет ли этот перечень в дальнейшем расширяться и если да, существует ли возможность того, что он станет неограниченным и субъекты данных смогут размещать в системе цифрового профиля любую информацию о себе, а операторы данных смогут запрашивать не только те сведения, которые предусмотрены специальными актами, но и любые персональные данные, которые могут быть размещены в системе цифрового профиля субъектом данных добровольно.

Заключение. На данный момент реализуемая в рамках эксперимента инфраструктура цифрового профиля предусматривает, что субъектами данных могут быть только физические лица, которые предоставляют согласие на доступ к ограниченному кругу сведений о себе, хранящихся в государственных и муниципальных системах, а предоставление и обработка иных персональных данных возможна только при получении отдельного согласия на их обработку в рамках Закона о персональных данных.

При этом не исключается, что по результатам эксперимента в инфраструктуру цифрового профиля будут включены также юридические лица, а круг предоставляемых сведений может быть значительно расширен. В дальнейшей перспективе

развитие системы цифрового профиля может повлиять на обязательность использования цифрового профиля при получении доступа к сведениям о субъектах данных публичными органами и иными организациями, но на данный момент сама инфраструктура цифрового профиля не предполагает консолидацию всех имеющихся сведений о субъектах данных.

Список литературы

1. Постановление Правительства РФ от 03.06.2019 № 710 «О проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах» (вместе с Положением о проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах) // СЗ РФ. 2019. № 23. Ст. 2963.

2. Законопроект № 747513-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации)» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/747513-7> (дата обращения: 28.08.2022).

3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31. (Ч. I). Ст. 3451.

4. Концепция и архитектура цифрового профиля – ЕСИА 2.0: разработана Минкомсвязи России и Банком России в рамках Плана мероприятий по направлению «Информационная инфраструктура» Программы «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <https://digital.ac.gov.ru/upload/iblock/362/Концепция%20и%20архитектура%20Цифрового%20профиля.docx> (дата обращения: 28.08.2022).

5. Постановление Правительства РФ от 25.01.2013 № 33 «Об использовании простой электронной подписи при оказании государственных и муниципальных услуг» (вместе с «Правилами использования простой электронной подписи при оказании государственных и муниципальных услуг») // СЗ РФ. 2013. № 5. Ст. 377.

6. Мочалов А. Н. Цифровой профиль: основные риски для конституционных прав человека в условиях правовой неопределенности // Lex Russica. 2021. № 9. Сентябрь. С. 88–101.

7. Кондаков А. М., Костылева А. А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Информатизация образования. 2019. Т. 16, № 3. С. 212.

8. Виноградова Е. В., Полякова Т. А., Минбалева А. В. // Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации. Правоприменение. 2021. № 5(4). С. 5–19.

9. Камалова Г. Г. Государственная единая облачная платформа: перспективы и риски // Информационное право. 2020. № 2. С. 26–30.

А. Н. Мочалов,

кандидат юридических наук, доцент,
Уральский государственный юридический
университет имени В. Ф. Яковлева

ПРОФИЛИРОВАНИЕ И ЦИФРОВЫЕ ПРОФИЛИ – «СЕРАЯ ЗОНА» ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Аннотация. Цель работы – продемонстрировать наличие пробелов в законодательстве РФ о персональных данных в части регулирования профилирования субъектов на основе относящихся к ним персональных данных. Анализируется содержание процессов профилирования. В качестве сравнения рассматривается регулирование профилирования в Общем регламенте ЕС о защите персональных данных. Делается вывод, что в России субъекты персональных данных не имеют достаточных правовых гарантий, защищающих их при проведении профилирования.

Ключевые слова: профилирование, цифровой профиль, персональные данные, субъект персональных данных, неприкосновенность частной жизни, автоматизированная обработка персональных данных, права субъектов персональных данных

PROFILING AND DIGITAL PROFILES – A “GREY AREA” IN THE RUSSIAN LEGISLATION ON PERSONAL DATA

Abstract. The purpose of the work is to demonstrate the existence of gaps in the legislation of the Russian Federation on personal data in terms of regulating the profiling of subjects based on personal data related to them. The content of profiling processes is analyzed. As a comparison, the regulation of profiling in the EU General Data Protection Regulation (GDPR) is considered. It is concluded that in Russia, personal data subjects do not have sufficient legal guarantees to protect them during profiling.

Keywords: Profiling, Digital Profile, Personal Data, Subject of Personal Data, Privacy, Automated Processing Of Personal Data, Rights of Personal Data Subjects

Введение. Понятие «цифровой профиль» появилось в российском законодательстве сравнительно недавно. При этом юридического определения этого понятия по-прежнему нет [2]. В проекте Федерального закона № 747513-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации)» цифровой профиль предлагалось определить как «совокупность сведений о гражданах и юридических лицах, содержащихся в информационных системах государственных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в единой системе идентификации и аутентификации». Законопроект был отклонен Государственной Думой [1].

В целом схожий подход к пониманию цифрового профиля можно увидеть в Положении о проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах, утвержденном

постановлением Правительства Российской Федерации от 3 июня 2019 г. № 710. Документ оперирует понятием «инфраструктура цифрового профиля», из которого также можно сделать вывод, что цифровой профиль понимается как структурированный набор определенных содержащихся в государственных и муниципальных информационных системах официальных сведений о лице и относящихся к нему документов.

Обращает на себя внимание, что понимание термина «профиль» в России существенно отличается от того, как понимается профиль (профилирование) в европейском законодательстве о персональных данных.

Согласно п. 4 ст. 4 Общего регламента ЕС о защите персональных данных (General Data Protection Regulation, далее – GDPR) под формированием профиля, или профилированием (profiling), понимается «любая форма автоматизированной обработки персональных данных, состоящая из использования персональных данных в целях оценки определенных индивидуальных аспектов, касающихся физического лица, в частности, для анализа или определения аспектов, относящихся к производственным показателям указанного лица, экономической ситуации, здоровью, индивидуальным предпочтениям, интересам, надежности, поведению, месторасположению или передвижению».

Таким образом, в ЕС процесс профилирования (или формирования профиля) заключается не просто в агрегировании данных о субъекте для целей их последующего предоставления, а в формировании на основе известных данных о субъекте нового знания, которое непосредственно не вытекает из какой-то отдельно взятой информации, но может быть получено путем ее обработки, в том числе в результате сопоставления с информацией о других субъектах. Профиль субъекта в данном случае – это не совокупность существующей информации о нем (точнее, не только такая информация), а новая (производная) информация, полученная в результате обработки первичных сведений и характеризующая, например, его предпочтения, интересы, поведение или передвижения.

Такое понимание цифрового профилирования (digital profiling) традиционно используется и в зарубежной науке – любая форма раскрытия (discovering) или конструирования знания (knowledge) об индивиде из большого набора данных из разнообразных ресурсов [6, С. 104]. Профилирование здесь предстаёт как частный случай автоматизированной обработки персональных данных. В узком смысле профилирование – это способ создания индивидуальных профилей, т. е. наборов характеристик, признаков и свойств, при помощи которых человек или группа могут быть отграничены от другого человека или группы [6]. При этом ряд исследователей отмечают, что профилирование не ограничивается только лишь агрегированием данных и получением на их основе производной информации, но включает в себя также принятие решения в отношении индивида на основании собранной и полученной в результате обработки информации [7].

В этой статье пойдет речь о профилировании как о процессе не только накопления и систематизации данных об индивиде (причем не только официальных), но и об обработке такой информации с целью получения производных знаний, характеризующих поведенческие, психологические, мировоззренческие и иные стороны

конкретного человека. Именно этот аспект обработки персональных данных до сих пор не получил в России надлежащей правовой регламентации.

Профилирование как особая разновидность обработки персональных данных. В основе профилирования лежат закономерности, получившие обоснование в психологии и других науках, исследующих человеческое поведение. В результате анализа определенных действий человека и его интересов можно с достаточной степенью достоверности прогнозировать его возможное поведение в будущем, стимулировать человека к совершению определенных желаемых действий или, напротив, к воздержанию от нежелательного поступка. Бытовое профилирование используется нами в повседневной жизни; оно обуславливает существование в обществе определенных стереотипов. Обратное действие – определение характеристик заранее не известного человека по его поступкам (следам поведения) получило распространение в криминалистике и криминологии. Методы подобных исследований известны достаточно давно. Информационные технологии и повышение доступности разнообразной информации об индивидах лишь создали возможность проводить такие исследования в автоматическом режиме с использованием заданных алгоритмов – на систематической основе, в отношении большого числа людей и с использованием большого числа данных из самых разнообразных источников. Наступила эра «машинного профилирования», и теперь уже компьютеры устанавливают корреляции – порой неожиданные – между различными данными о субъектах и обнаруживают «спрятанные» в них знания [5]. Рост масштабов исследований привел к повышению достоверности результатов и позволил осуществлять типологизацию индивидов и применять аналогию. Так, если в результате наблюдений выясняется, что какой-либо вариант поведения при определенных обстоятельствах присущ большей части людей, обладающих схожими характеристиками, то с высокой долей вероятности можно предположить, что и другие люди, обладающие таким же набором свойств, будут вести себя таким же образом. На этом основано, например, функционирование рекомендательных систем. Новые технологии работы с «большими данными», в том числе неструктурированными, а также технологии машинного обучения позволили существенно расширить круг задач, решаемых посредством профилирования.

Сегодня алгоритмы профилирования используются в разных странах в деятельности как государственных органов (в частности полиции), так и коммерческого сектора (например, в таргетированной рекламе, рекомендательных системах, фитнес-трекерах и т. д.) Технологии «интернета вещей» также во многом основаны на анализе и компьютерной интерпретации образа жизни и привычек пользователя. В 2016 г. широкую известность получил скандал с использованием американской компанией Cambridge Analytica данных, содержащихся в профилях пользователей социальной сети Facebook (социальная сеть принадлежит компании Meta, деятельность которой запрещена в Российской Федерации), для распространения таргетированной политической рекламы предвыборной кампании Дональда Трампа.

В отечественных средствах массовой информации можно найти примеры использования профилирования для оценки благонадежности и добросовестности индивидов. В частности, как следует из ряда публикаций в Интернете, такие услуги

предоставляют сотовые операторы по запросам банков, куда клиенты обращаются за получением кредитов [4]. На основе мониторинга поведенческой активности пользователя в сотовой сети и другой доступной информации сотовые операторы составляют психологический портрет человека, позволяющий определить степень его добросовестности при исполнении кредитных обязательств.

Исходным материалом для профилирования могут быть как официальные данные о человеке, так и любая другая информация, характеризующая его личность – например, сведения о поведении в Интернете (посещаемые страницы, действия в социальных сетях), контакты из «телефонной книги» в смартфоне, информация о покупках онлайн и офлайн, используемые для получения информации о передвижениях – геолокации и метки радиочастотной идентификации и т. д. Даже информация технического характера, такая как тип и модель устройства, с которого человек выходит в Интернет или совершает телефонные звонки, браузер, IP-адрес, скорость нажатия на клавиши в сочетании с другими сведениями, может формировать представление о тех или иных особенностях личности.

Регулирование профилирования в Европейском Союзе. В научной литературе отмечаются риски, связанные с широким распространением профилирования. Обработка персональных данных, в частности объединение и анализ различных наборов данных, может раскрыть конфиденциальные, иногда интимные подробности жизни людей. Когда профилирование используется для принятия решений, по разным причинам существует риск получения неправильных результатов или дискриминационных эффектов [7].

По этой причине в европейском GDPR регулированию профилирования и гарантиям прав субъектов при их профилировании уделяется значительное внимание. В частности, GDPR называет следующие специальные права субъектов, связанные с процессом профилирования:

- право знать о существовании профиля и об его последствиях (параграф 60 преамбулы GDPR);
- право доступа субъекта к данным о нем (параграф 63 преамбулы GDPR);
- право знать цели, для которых обрабатываются персональные данные, их получателей, а также «логическую схему» и последствия автоматизированной обработки персональных данных, «если она как минимум основана на формировании профиля» (параграф 63 преамбулы, пункт f) параграфа 2 ст. 13 GDPR);
- право на возражение против обработки данных, осуществляемой в маркетинговых целях или в некоторых государственных интересах (параграф 70 преамбулы, ст. 21 GDPR);
- право «не подпадать под действие решения», основанного в том числе на оценке персональных аспектов субъекта, которое было принято в результате автоматизированной обработки персональных данных и которое порождает юридические последствия в отношении субъекта данных или аналогичным образом существенно влияет на него (параграф 72 преамбулы GDPR). К примерам таких решений GDPR относит автоматический отказ в получении кредита через Интернет и автоматизированный процесс отбора кадров без вмешательства оператора. В любом случае указанная обработка должна осуществляться при условии предоставления субъекту

определенных гарантий, в числе которых GDPR называет особое информирование субъекта данных и возможность вмешательства в процесс автоматизированной обработки оператора;

- право получить объяснения в отношении решения, основанного на оценке индивида по его профилю (параграф 72 преамбулы GDPR);

- право на оспаривание вышеуказанного решения (параграф 72 GDPR).

GDPR также устанавливает запрет на принятие решений путем автоматизированной обработки персональных данных на основе оценки профилей в отношении детей.

Статья 22 GDPR устанавливает правовую регламентацию автоматизированного процесса принятия решения «в конкретном случае», в том числе формирования профиля. Общее правило заключается в гарантировании субъекту данных его права «не подпадать под действие решения, основанного исключительно на автоматической обработке», если такое решение влечет какие-либо юридические последствия для субъекта или влияет на него любым другим образом. Регламент предусматривает и некоторые исключения из этого правила. В частности, автоматизированное принятие решений допускается в случаях, когда это:

- требуется для заключения или исполнения договора;
- основано на прямом согласии субъекта;
- допускается законодательством Союза или национальным законодательством государства-члена ЕС при условии установления приемлемых мер защиты прав субъекта данных.

В первых двух случаях субъекту данных должно быть гарантировано право на выражение своей точки зрения и право на оспаривание решения, принятого на основе автоматизированной обработки персональных данных.

Во всяком случае GDPR запрещает автоматизированное принятие решений без прямого согласия субъекта данных на основе специальных категорий данных – например этнического происхождения, политических взглядов, религиозных убеждений и т. д. Исключением может быть только принятие соответствующих решений в публичных интересах – при условии соблюдения принципа пропорциональности (п. «g» параграфа 2 ст. 9) и реализации «приемлемых мер защиты прав, свобод и законных интересов субъекта данных» (параграф 4 ст. 22).

Регулирование профилирования в России. Российское законодательство о персональных данных не содержит специального регулирования, касающегося профилирования. Профилирование не выделяется в качестве отдельного способа обработки персональных данных (или совокупности способов) или особого случая обработки. Это, однако, не означает, что профилирование в России запрещено. Как отмечалось выше, существуют многочисленные свидетельства того, что профилирование активно используется в работе банков, сотовых операторов, провайдеров веб-платформ (торговых агрегаторов с их рекомендательными сервисами, социальных сетей, рекламных площадок). Оно может рассматриваться как разновидность автоматизированной обработки персональных данных (п. 4 ст. 3 Федерального закона «О персональных данных»),

в отношении которой не установлено какого-либо самостоятельного режима обработки.

Права субъектов персональных данных и гарантии их реализации в процессе профилирования сводятся к общему конституционному регулированию неприкосновенности частной жизни, а также к правам субъектов при автоматизированной обработке данных.

Статья 8 Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных предусматривает дополнительные гарантии прав субъекта при автоматизированной обработке его персональных данных. В их числе:

- право знать о существовании автоматизированного файла персональных данных и о его целях, а также о контролере данных;
- право получить подтверждение того, хранятся ли касающиеся субъекта персональные данные в автоматизированном файле, а также право получить сами эти данные в доступной для понимания форме;
- право добиваться исправления или уничтожения таких данных, если они подвергались обработке в нарушение норм внутреннего законодательства;
- право «прибегать к средствам правовой защиты» при отказе в реализации перечисленных выше прав.

Российская Федерация является участником данной Конвенции. Выход страны из Совета Европы сам по себе не повлиял на продолжение действия Конвенции в отношении России, поскольку этот международный договор предусматривает собственный механизм денонсации и, кроме того, допускает участие государств, не являющихся членами Совета Европы.

В развитие положений Конвенции ст. 16 Федерального закона «О персональных данных» предусматривает права субъектов персональных данных при принятии решений на основании исключительно автоматизированной обработки данных о них. Данная статья вводит общий запрет на принятие решений, порождающих юридические последствия в отношении субъекта данных или иным образом затрагивающих его права и законные интересы, «на основании исключительно автоматизированной обработки персональных данных». Исключением является письменное согласие субъекта персональных данных.

В случае автоматизированной обработки персональных данных, влекущей принятие в отношении субъекта соответствующих решений, Оператор в соответствии с п. 3 ст. 16 закона должен:

- разъяснить субъекту «порядок принятия решения» на основании исключительно автоматизированной обработки его персональных данных и возможные юридические последствия такого решения;
- предоставить возможность заявить возражение против такого решения, а в случае заявления возражения – рассмотреть его в течение 30 дней;
- разъяснить порядок защиты субъектом своих прав и законных интересов.

При некоторой схожести регулирования процесса принятия решений на основе автоматизированной обработки персональных данных в GDPR и российском законодательстве о персональных данных необходимо обратить внимание на то,

что объем гарантий прав субъектов, предусмотренный Законом «О персональных данных», значительно меньше, чем объем гарантий, установленных GDPR – даже при том, что в литературе многие инструменты, заложенные в GDPR, также обособанно подвергаются критике [3, С. 84; 6].

Во-первых, российский закон регулирует процессы автоматизированной обработки персональных данных только в тех случаях, когда результатом такой обработки является юридически обязательное решение для субъекта данных или когда иным образом затрагиваются права и законные интересы субъекта. Пространность такой формулировки не позволяет дать ответа на вопрос – можно ли считать «затрагивающими права и законные интересы» субъекта таргетированную рекламу, которая демонстрируется пользователю на основе анализа его поведения в социальной сети, или персональные рекомендации в интернет-магазине, которые формируются не случайным образом, а также на основании анализа действий пользователя. В одних случаях реклама и рекомендации выглядят безобидно, в других же случаях могут свидетельствовать о выявлении соответствующими алгоритмами таких сведений о лице, в том числе подробностей интимной стороны его жизни, которые оно не хотело бы раскрывать кому бы то ни было. Профилирование пользователей для целей демонстрации рекламы или в рекомендательных сервисах остается не урегулированным и фактически осуществляется в большинстве случаев без предоставления субъектам надлежащих правовых гарантий.

Во-вторых, Закон о персональных данных не содержит надлежащих правовых гарантий уведомления лица о предстоящем или проведенном профилировании, а также о наличии его профиля и о целях его использования. Сегодня значительная часть информации о субъектах, в том числе размещенной самими субъектами в открытом доступе в социальных сетях и других аналогичных сервисах, используется различными коммерческими компаниями в целях аналитики, в том числе для формирования пользовательских профилей, проведения статистических исследований, сегментирования аудитории (подобно тому, как это делала Cambridge Analytica с профилями пользователей американской социальной сети). Если результатом такой обработки пользовательской информации не является принятие юридически значимого решения в отношении субъекта данных или иное непосредственное воздействие на субъекта, то формально оператор не связан требованиями ст. 16 закона.

В-третьих, закон не устанавливает ограничений в отношении использования в процессе профилирования специальных категорий персональных данных, в том числе если такие персональные данные носят характер производных, т. е. полученных в результате обработки первичных данных и являющихся результатом профилирования (например, если сведения о национальной принадлежности индивида или о его политических взглядах получены на основе анализа его постов и комментариев в социальной сети, а также иной активности – просмотра страниц, «лайков», репостов, участия в сообществах и т. д.). В данном случае действуют лишь общие ограничения, установленные ст. 10 Федерального закона «О персональных данных» и допускающие целый ряд исключений.

В-четвертых, российский закон в целом не устанавливает каких-либо правовых рамок для обработки персональных данных в целях «скоринга» лица, т. е.

оценки его качеств, прогнозирования вероятного поведения и т. д. Не устанавливаются требования получения согласия субъекта на проведение в отношении его скоринга (такое согласие как минимум не должно быть заранее данным на любые случаи в будущем, а должно носить конкретный характер на проведение оценки по конкретным данным и для конкретного заказчика), как и правовые последствия возражений против решений, принятых на основе такого скоринга. Статья 16 Закона «О персональных данных» применима в этом случае далеко не всегда, поскольку автоматизированная обработка персональных данных осуществляется лишь на этапе сбора и интерпретации сведений о лице, в то время как юридически значимое решение принимается не автоматически, а при непосредственном участии человека.

Наконец, необходимо обратить внимание и на проблемы, связанные с регулированием цифрового профиля. Как отмечалось выше, «цифровой профиль» сам по себе не является результатом профилирования (в том смысле, в каком о профилировании шла речь в данной работе) и не предполагает профилирования, т. е. автоматизированной обработки данных об индивиде с целью оценки каких-либо его характеристик. В то же время ничто в действующем правовом регулировании не запрещает использование сведений из «цифрового профиля» для такой оценки, в том числе путем их объединения с другой информацией об индивидах, также доступной государству. Например, данные о лице из его «цифрового профиля» могут быть наложены на информацию о покупках, совершенных человеком, о маршрутах его передвижения, о телефонных звонках и т. д. А это уже может создать возможность для получения производной информации принципиально иного качества, позволяющей судить об интересах и привычках человека, его убеждениях, философских и политических взглядах. При таком развитии событий опасения «тотальной слежки» за людьми с присвоением каждому человеку определенного социального рейтинга не выглядят уже столь нереалистичными. Тем более что подобный опыт оценки государством качеств человека на основе обработки больших массивов собираемой информации уже имеется в Китайской Народной Республике. В свете сказанного правовой режим использования инфраструктуры «цифрового профиля», в том числе ограничения ее использования, также следует закрепить в законе (в настоящее время регулирование осуществляется только подзаконным нормативным правовым актом – постановлением Правительства РФ).

Выводы. Сказанное позволяет заключить, что отношения профилирования индивидов на основании относящихся к ним персональных данных находятся во многом за рамками действующего правового регулирования и позволяют применять достаточно широкое усмотрение как со стороны операторов (которые в отсутствие четкого регулирования могут злоупотреблять правами субъектов, используя их данные для профилирования без предоставления надлежащих правовых гарантий), так и со стороны государства и его органов. Субъекты данных, в свою очередь, лишаются значительных возможностей защиты своих прав, постоянно подвергаясь практически неограниченным актам профилирования с самыми разными целями и не имея информации о том, кто, для чего и в какое время использует их данные (пусть даже находящиеся в свободном доступе) и какая информация выводится на основании интерпретации таких данных. Более определенное правовое регули-

рование в этой сфере способствовало бы не только установлению эффективных гарантий прав субъектов данных, но и формированию понятных правил для самих операторов, осуществляющих профилирование, в том числе для поставщиков услуг таргетированной рекламы, рекомендательных сервисов, торговых площадок.

Список литературы

1. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 18 января 2022 г. № 663–8 ГД «О проекте федерального закона № 747513–7 "О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации)"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 4. Ст. 602.
2. Виноградова Е. В., Полякова Т. А., Минбалеев А. В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 4. С. 5–19.
3. Жарова А. К. Правовое обеспечение цифрового профилирования деятельности человека // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2020. Т. 20, № 2. С. 80–87.
4. 150 рублей за штуку. Как МТС «сливает» своих клиентов банкам и коллекторам. URL: <https://bankiros.ru/news/mts-banki-i-kollektory-2391> (дата обращения: 19.09.2022).
5. Hildebrandt M. Profiling and the rule of law // Identity in the Information Society. – 2008. No. 1. P. 55–70.
6. Nišević M. Profiling Consumers Through Big Data Analytics: Strengths and Weaknesses of Article 22 GDPR // Global Privacy Law Review. 2020. Vol. 1, Issue 2. Pp. 104–115.
7. Wiedemann K. Profiling and (automated) decision-making under the GDPR: A two-step approach // Computer Law & Security Review. 2022. Vol. 45. 105662.

Т. В. Пашнина,

кандидат юридических наук,

Уральский филиал

Российского государственного университета правосудия

ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВОГО ПРОФИЛИРОВАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИБЛИОТЕК

Аннотация. Цель работы состоит в исследовании проблем и перспектив правового регулирования цифрового профилирования в деятельности библиотек. Изучены факторы, обусловившие появление феномена цифрового профиля и его роль в жизни современного российского государства, общества, отдельного индивида. Констатирована роль цифрового профиля в качестве базового элемента цифровой дееспособности лица; совокупности достоверных и актуальных сведений о гражданине; важнейшего средства идентификации и аутентификации в процессе оказания публичных, социально значимых государственных и муниципальных электронных

услуг. Обоснована перспективность использования цифрового профиля в деятельности библиотек. Сделан вывод о том, что широкое применение цифрового профилирования в сфере библиотечного дела позволит не только увеличить комфортность предоставляемых электронных библиотечно-информационных услуг, но и на основе применения сквозных цифровых технологий (больших данных, искусственного интеллекта) будет способствовать качественному совершенствованию процесса изучения читателей библиотек, и, как следствие, повышению эффективности выполнения библиотекой своих функций в условиях новой цифровой реальности.

Ключевые слова: цифровые технологии, правоотношения, правовое регулирование, цифровое профилирование, библиотека, цифровая трансформация библиотечного дела, цифровой профиль пользователя библиотеки

PROSPECTS FOR DIGITAL PROFILING IN LIBRARY ACTIVITIES

Abstract. The purpose of the work is to study the problems and prospects of legal regulation of digital profiling in the activities of libraries. The factors that caused the emergence of the digital profile phenomenon and its role in the life of the modern Russian state, society, and individual are studied. The role of the digital profile as a basic element of a person's digital legal capacity; a set of reliable and up-to-date information about a citizen; the most important means of identification and authentication in the process of providing public, socially significant state and municipal electronic services is stated. The prospects of using the digital profile in the activities of libraries are substantiated. It is concluded that the widespread use of digital profiling in the field of librarianship will not only increase the comfort of the electronic library and information services provided, but also, through the use of end-to-end digital technologies (big data, artificial intelligence), contribute to the qualitative improvement of the process of studying library readers, and, as a result, increase the efficiency of the library performing its functions. in the context of a new digital reality.

Keywords: Digital Technologies, Legal Relations, Legal Regulation, Digital Profiling, Library, Digital Transformation of Librarianship, Library User Digital Profile

Введение. Современный мир находится в процессе кардинальных изменений под воздействием целого ряда факторов, – не в последнюю очередь, технологического характера. Современные сквозные цифровые технологии привнесли в нашу жизнь ранее неизвестные феномены – искусственный интеллект, большие данные, умные дома и города и т. д., поставив все сферы человеческой жизнедеятельности перед необходимостью цифровой трансформации, а консервативное по своей сущности право – перед объективной потребностью создавать правовые рамки такого изменения. Более того, цифровизация и развившая ее тренды до качественно нового уровня цифровая трансформация затронули не только общество в целом, но и коснулись почти каждого человеческого индивидуума, создав для него еще один пласт реальности – цифровой, а государства поставив перед необходимостью идентификации своих граждан в цифровом пространстве. Одним из средств такой идентификации является цифровой профиль. В настоящее время российская практика применения цифрового профиля в качестве средства идентификации и аутен-

тификации личности в цифровом пространстве начинает стихийно складываться в разных областях жизнедеятельности (банковском деле, рекламе, государственном секторе, медицине и т. д.). Однако в ряде социально-значимых отраслей, в частности – в сфере библиотечного дела, осмысление возможностей применения цифрового профиля практически отсутствует. Вместе с тем использование цифрового профиля в библиотечном деле способно выступить не только в качестве средства верификации пользователя в процессе его доступа к электронным услугам библиотек, но и способствовать выполнению библиотекой своей миссии, содействуя успешному развитию института библиотеки в цифровой реальности.

Основная часть. Как справедливо отмечают специалисты в сфере информационного права, цифровые технологии интенсивно применяются как в повседневной жизни общества и отдельных граждан, так и в процессе государственного управления и оказания публичных, социально значимых электронных услуг. Для осуществления вышеназванных процессов необходимы эффективные средства идентификации граждан в цифровой среде. Одним из основных средств такой идентификации является цифровой профиль гражданина, который создается в рамках решения задач, обозначенных в важнейших стратегических и программных документах [8. С. 34–35].

По обоснованному мнению А. В. Минбалева, «цифровое профилирование представляет собой процесс сбора и анализа информации о человеке или организации, в том числе обращающейся в сети Интернет... Сфера применения цифрового профилирования постоянно растет» [3. С. 110].

Нормативное определение цифрового профиля было предложено в ряде законопроектов (проект федерального закона № 747513–7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации)» и др.), однако ни один из них не был принят и одобрен российским парламентом, и, таким образом, легальное определение понятия «цифровой профиль (гражданина)» на сегодняшний день в российском законодательстве отсутствует. В качестве его альтернативы в науке и практике используются дефиниции, закрепленные в документах рекомендательного характера, в частности, в Методических рекомендациях от 2 апреля 2021 г. «Сценарии использования инфраструктуры цифрового профиля. Версия 1.2»; Концепции и архитектуре цифрового профиля – ЕСИА 2.0, разработанной Минкомсвязи России и Банком России в рамках Плана мероприятий по направлению «Информационная инфраструктура» Программы «Цифровая экономика Российской Федерации», под цифровым профилем предлагающих понимать «совокупность цифровых записей о гражданине, содержащихся в информационных системах государственных органов и организаций» [3. С. 112]. Однако указанное определение, по мнению ряда исследователей, является небесспорным и требует корректировки.

Дискуссионный характер подходов к определению понятия цифрового профиля обусловлен не только отсутствием в законодательстве легального термина, но и рядом иных факторов, среди которых можно указать сложность правовой природы цифрового профиля, необходимость отмежевания категории от сходных понятий (цифровой след, цифровая тень, цифровой персонаж, цифровой аватар и т. д.),

также не имеющих нормативного определения; отсутствие сложившейся правовой базы регулирования применения цифрового профиля; новизну и недостаточную изученность указанного явления. Среди исследователей, занимавшихся данной проблемой, заслуживают упоминания работы Т. А. Поляковой [1], А. В. Минбалеева [2–4], В. Б. Наумова [6–7], А. Н. Мочалова [5], А. В. Остроушко [8], А. К. Фетисова [12] и др.

Ведущие специалисты информационного права предлагают ряд авторских трактовок вышеозначенного термина. Так, А. В. Минбалеев в качестве цифрового профиля предлагает рассматривать «совокупность актуальных, достоверных данных и иных сведений о гражданах и юридических лицах, формируемых в единой системе идентификации и аутентификации или других информационных систем органов государственной власти и местного самоуправления, а также подведомственных им организаций, взаимодействующих с ней посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия, в целях их предоставления с согласия соответствующих граждан или юридических лиц субъектам, запросившим доступ к этим сведениям посредством инфраструктуры цифрового профиля» [3. С. 113].

А. Н. Молчанов при определении понятия цифрового профиля также акцентирует внимание на том, что цифровой профиль представляет собой не простую совокупность сведений, а «определенным образом упорядоченный массив официальных данных о гражданине или юридическом лице, достоверность которых подтверждена компетентными органами государства» [5. С. 90].

А. К. Фетисов предлагает рассматривать цифровой профиль как элемент цифровой дееспособности лица [12. С. 6–7].

При всей неоднозначности подходов к пониманию природы цифрового профиля и отсутствию легальной дефиниции, проект создания цифрового профиля активно реализуется на практике. Как справедливо отмечает А. В. Остроушко, «несмотря на то, что законопроект [о цифровом профиле] не получил поддержки в законодательном органе было принято решение о создании инфраструктуры цифрового профиля граждан в рамках эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах... В нашей стране сложилась парадоксальная ситуация, не имея <...> определения цифрового профиля де-юре, де-факто мы имеем раздел «Профиль гражданина» на сайте Единого портала государственных и муниципальных услуг» [8. С. 34–47].

Исследователь отмечает, что, наряду с созданием единого цифрового профиля российского гражданина, в настоящее время идет формирование «специальных» цифровых профилей (гражданских служащих, должностей гражданской службы и т. д.), обоснованно утверждая, что такой подход является избыточным, а соответствующие «данные можно включить в виде дополнительного блока (подсистемы) единого цифрового профиля гражданина РФ» [8. С. 34–47].

Поддерживая мнение автора о возможности формирования дополнительных подсистем в рамках единого цифрового профиля, считаем создание таких специальных блоков перспективным для ряда отраслей, в частности для библиотечно-информационной сферы.

Процесс цифровизации сферы библиотечного дела, необходимость которой нашла отражение в «Стратегии развития библиотечного дела в РФ на период до 2030 г.» [9], в настоящее время находится в начальной точке развития.

«Стратегией развития библиотечного дела» предусмотрена разработка ведомственного проекта цифровизации деятельности библиотек, принятие которого намечено на IV квартал 2022 г., а также внедрения ряда механизмов, позволяющих перевести оказание электронных библиотечно-информационных услуг на принципиально новый уровень. К ним относятся, в частности, введение модели открытой библиотеки, предполагающей работу учреждения без участия библиотекарей и разработка технологии единого окна для доступа к общей ресурсной базе, внедрение технологий искусственного интеллекта. Отметим, что формирование соответствующих информационно-коммуникационных платформ намечено на I квартал 2025 г. [9; 10].

Это свидетельствует о том, что процесс цифровой трансформации в библиотечной сфере идет медленными темпами. Среди объективных причин этого зарубежные исследователи называют: отсутствие технических ноу-хау для использования сквозных цифровых технологий среди сотрудников библиотек; отсутствие адекватного финансирования для разработки или закупки таких систем; высокую стоимость разработки и обслуживания новейших цифровых технологий в библиотеках; слишком высокий уровень усилий и технических знаний, необходимых для применения средств цифровой трансформации в библиотеках; ограниченное количество экспертов по сквозным цифровым технологиям среди специалистов по автоматизации библиотек.

К субъективным причинам медленного внедрения информационных, а затем и цифровых технологий специалисты относят то, что исторически библиотека неохотно меняется, предпочитая занимать выжидательную позицию по отношению к новым технологиям, что продемонстрировал в свое время медленный старт компьютеризации библиотек в 1960-х гг. Профильные исследования показывают: технологические инновации могут быть успешно приняты библиотечным сообществом лишь при условии ясно видимой связи с предполагаемыми выгодами от их применения и при условии поддержки данной технологии окружающим библиотеку сообществом [13; 14].

Обосновывая место библиотечной сферы в новой цифровой реальности, базовый отраслевой стратегический документ отмечает, что «с одной стороны, библиотеки остаются хранителями накопленных знаний в традиционном бумажном формате, с другой – стремительно развивающиеся процессы цифровизации требуют от библиотек разработки и внедрения принципиально новых форматов хранения и методов работы с ними» [9].

Исходя из заявленной в «Стратегии развития библиотечного дела» необходимости внедрения технологии «одного окна», одним из ключевых показателей цифровой зрелости библиотечной отрасли должно выступить развитие цифровых сервисов, доступ к которым пользователь библиотеки должен получать «в один клик».

Достижение такого показателя, на наш взгляд, напрямую связано с интеграцией библиотечных сервисов в качестве дополнительного модуля в цифровой профиль

гражданина. В настоящее время на портале Госуслуг в разделе «Получение информации из библиотечных фондов» предоставляются лишь две электронные библиотечно-информационные услуги, связанные с предоставлением библиографической информации. Также есть возможность получить информацию об оформлении читательского билета (например, в МУ «ЦДБС»), но сама услуга через портал не предоставляется.

Вместе с тем использование возможностей цифрового профиля гражданина ЕСИА (ЕПГУ) де-факто используется рядом библиотек, например, Российской государственной библиотекой им. В. И. Ленина для верификации пользователя при удаленной записи в библиотеку [11]. При этом в масштабах страны практика создания единого электронного профиля читателя (пользователя) библиотек отсутствует. Вместе с тем создание такого профиля в виде дополнительного блока (подсистемы) единого цифрового профиля гражданина способно улучшить качество и удобство доступа к электронным библиотечно-информационным ресурсам, приблизив реализацию на практике системы единого окна для доступа к общей ресурсной базе российских библиотек.

Кроме того, применение сквозных цифровых технологий больших данных и искусственного интеллекта способны внедрить в библиотечную практику инструменты предиктивной аналитики для изучения информационных запросов читателей (пользователей), подняв исконную библиотечную практику на принципиально новый уровень, поскольку «целью изучения читательских предпочтений остается не только более детальное понимание интересов и потребностей пользователей библиотеки, более эффективное их обслуживание, но и налаживание обратной связи с читателем (пользователем), а следовательно, и повышение социальной значимости библиотеки» [2].

Заключение. Таким образом, применение цифрового профилирования в сфере библиотечного дела позволит не только увеличить комфортность предоставляемых электронных библиотечно-информационных услуг, реализовав на практике заложенную в стратегических документах концепцию единого окна для доступа к общей базе библиотечно-информационных ресурсов страны, но и на основе применения сквозных цифровых технологий (больших данных, искусственного интеллекта) способствовать качественному совершенствованию процесса изучения читателей библиотек, и, как следствие, повышению эффективности выполнения библиотекой своих функций в условиях новой цифровой реальности.

В связи с этим считаем целесообразным формирование цифрового профиля читателя (пользователя) российских библиотек в виде дополнительного блока (подсистемы) единого цифрового профиля гражданина.

С целью скорейшей цифровой трансформации сферы библиотечного дела и достижения отрасли показателей цифровой зрелости считаем необходимым включение соответствующих положений в ведомственный проект цифровизации российских библиотек.

Список литературы

1. Виноградова Е. В., Полякова Т. А., Минбалеев А. В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 4. С. 5–19.
2. Минбалеев А. В. Понятие и правовая природа цифрового профиля человека // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2022. Т. 22, № 1. С. 110–116.
3. Минбалеев А. В., Филоненкова В. А. Проблемы защиты персональных данных и цифрового профиля человека в сети интернет в условиях пандемии // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2020. Т. 20, № 3. С. 89–94.
4. Мочалов А. Н. Цифровой профиль: основные риски для конституционных прав человека в условиях правовой неопределенности // Lex russica. 2021. Т. 74, № 9. С. 88–101.
5. Наумов В. Б. Информационно-правовые вопросы идентификации при использовании цифрового профиля // Аграрное и земельное право. 2020. № 6. С. 137–141.
6. Наумов В. Б. Теоретические информационно-правовые вопросы идентификации в цифровой сфере // Информационное право. 2020. № 4. С. 4–8.
7. Остроушко А. В. Проблемы правового обеспечения процесса внедрения цифрового профиля гражданина // Юридические исследования. 2022. № 5. С. 34–47. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38118 (дата обращения: 16.09.2022).
8. Об утверждении Стратегии развития библиотечного дела в РФ на период до 2030 г.: Распоряжение Правительства РФ от 13.03.2021 № 608-р (ред. от 15.12.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru, 18.03.2021 (дата обращения: 16.09.2022).
9. План мероприятий по реализации Стратегии развития библиотечного дела в РФ на период до 2030 г.: Распоряжение Правительства РФ от 07.07.2021 № 1828-р // Правительство РФ: офиц. сайт. URL: <http://static.government.ru/media/files/YguwXmXj6OB3hj1k3sSZik0LdDAAHFA9.pdf> (дата обращения: 16.09.2022).
10. Порядок удаленной записи в Российскую государственную библиотеку: приложение к приказу № 343 ФГБУ «РГБ» от 09.07.2021. – https://www.rsl.ru/photo/!_ORS/1-O-BIBLIOTEKE/7-documenty/4readers/poryadok-udalyonnoj-zapisi-v-rgb.pdf
11. Фетисов А. К. Цифровая дееспособность // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 5. С. 3–7.
12. Oname Isaiah, Chinedu Alex-Nmecha Juliet. Artificial intelligence in libraries // Managing and adapting library information services for future users. – Hershey: IGI Global, 2020. – Pp. 120–144. URL: https://www.researchgate.net/publication/338337072_ARTIFICIAL_INTELLIGENCE_IN_LIBRARIES (дата обращения: 16.09.2022).
13. Wheatley Amanda, Hervieux Sandy. Artificial intelligence in academic libraries: An environmental scan // Information Services & Use. 2019. Vol. 39, no 4. Pp. 347–356. URL: https://www.researchgate.net/publication/336823478_Artificial_intelligence_in_academic_libraries_An_environmental_scan (дата обращения: 16.09.2022).

И. А. Трофимец,

кандидат юридических наук, доцент,
сотрудник Посольства Российской Федерации
в Королевстве Испания

АКТЫ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ КАК ОСОБАЯ КАТЕГОРИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ЦИФРОВОМ ПРОФИЛЕ ГРАЖДАНИНА

Аннотация. Некоторые институты информационного права по-прежнему находятся в стадии формирования. Не получили должной определенности такие категории, как «персональные данные» и «цифровой профиль гражданина». Акты гражданского состояния, представленные в цифровом формате, являются персональными данными по своей правовой природе и однозначно входят в цифровой профиль гражданина как индивидуализирующая и идентифицирующая его информация. Автором предпринята попытка доказать важность и необходимость не только законодательного закрепления новых юридических категорий, но и их официального дефинирования.

Ключевые слова: акты гражданского состояния, персональные данные, информация ограниченного доступа, конфиденциальность, государственные услуги, информационные системы, цифровой профиль гражданина

CIVIL STATE ACTS AS A SPECIAL CATEGORY OF PERSONAL DATA IN A CITIZEN'S DIGITAL PROFILE

Abstract. Some institutions of information law are still in the process of formation. Categories such as “personal data” and “digital profile of a citizen” have not received due certainty. Acts of civil status presented in digital format are personal data by their legal nature and are uniquely included in the digital profile of a citizen as individualizing and identifying information. The author made an attempt to substantiate the importance and necessity of legislative consolidation of new legal categories and their official definition.

Keywords: Acts of Civil Status, Personal Data, Restricted Access Information, Confidentiality, Public Services, Information Systems, Digital Profile of a Citizen

Введение. Акты гражданского состояния в качестве персональных данных подлежат особой защите и являются первичными сведениями в новой формируемой в Российской Федерации государственной информационной системе «Федеральный информационный регистр, содержащий сведения о населении». Назрела необходимость конкретизации отдельных категорий информационного права, таких как «персональные данные» и «цифровой профиль гражданина». Заслуживает внимания исследование тенденций права в формировании юридических концепций индивидуализации и идентификации физических лиц, а также формата оказания государственных услуг и обеспечения безопасности обработки (в том числе сбор, запись, систематизация, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение, использование, передачу (распространение, предоставление, доступ), обезличивание, блокирование, удаление, уничтожение) персональных данных граждан.

Защита персональных данных в Российской Федерации. Стремительное развитие информационных и телекоммуникационных технологий способствует проникновению диджитализации (цифровизации) во все области жизнедеятельности людей, подвергая тотальной трансформации столетиями сложившиеся стереотипы общественных отношений. Создание глобальной информационной среды, не знающей границ, требует соответствующего правового регулирования. В связи с чем на международном и внутригосударственном уровне совершенствуется нормативно-правовая база, а именно источники информационного права, одним из векторов развития которых является обеспечение создания новых и интеграции существующих информационных систем персональных данных физических лиц и гарантии их юридической безопасности (или иными словами защиты).

К проблемам защиты персональных данных обращались в своих работах В. В. Архипов, Ю. С. Бикбулатова М. В. Бундин, В. М. Жернова, А. С. Жикулина, Ю. С. Кожевникова, Я. В. Кудашкин, А. В. Минбалеев, А. Г. Мираев, Т. А. Полякова, Н. А. Рахвалова, Г. Г. Фастович, А. А. Чеботарева, А. И. Химченко [1. С. 52–68; 2. С. 159; 4. С. 218; 6. С. 213; 9. С. 86–145; 10. С. 199; 11. С. 110–116; 12. С. 76–82; 15. С. 113–122; 19. С. 199–202; 23] и др. Ученые исследовали разные аспекты информационного права, регулирующего отношения, связанные с защитой персональных данных в процессе их обработки.

Институт защиты персональных данных физических лиц в нашей стране сравнительно молодой: первые упоминания о нем встречаются в Указе Президента РФ от 06.03.1997 № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» [18], а проблематика защиты таких данных позднее была детальнее регламентирована Федеральным законом «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ [21]. В соответствии с данным нормативным правовым актом персональные данные включают в себя любые сведения, прямо или косвенно относящиеся к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). Следует отметить, что официальная дефиниция носит общий характер и относится к особым юридико-техническим приемам, принятию так называемых «каучуковых» или «резиновых» правовых норм, коннотация которых производится «по ситуации».

Сложность отнесения сведений к категории персональных данных имеет объективный характер. Главное отличие охраняемых законом персональных данных от иной информации – это достоверная и актуальная возможность идентификации по ним конкретного физического лица. И еще один характерный признак персональных данных, на наш взгляд, заключается в том, что они подтверждают социально-правовой статус гражданина. Персональные данные, как утверждает общая теория права, представляют собой специальную юридическую категорию – информацию (сведения). Статьей 8 Федерального закона № 152-ФЗ персональные данные отмежевываются от другой информации, индивидуализирующей гражданина. Дается характеристика общедоступных сведений как информации, доступ к которой предоставлен неограниченному кругу лиц самим гражданином или третьим лицом с его согласия. В качестве уточняющего критерия отнесения персональных данных к специальной категории отмечена информация, составляющая частную и семейную тайну, а именно расовая, национальная принадлежность, политические взгляды,

религиозные или философские убеждения, состояние здоровья (медицинская тайна), интимная жизнь, судимость. Представляется, что к категории персональных данных можно отнести следующую информацию о гражданине: фамилия, имя, отчество; дата и место рождения; адрес проживания, включая адрес регистрации по месту жительства; сведения о семейном и социальном положении; данные об образовании, специальности, месте работы и занимаемой должности; сведения о доходах и имущественном положении; биометрические данные.

Представляет интерес «фигура» оператора персональных данных – это государственный или муниципальный орган, физическое или юридическое лицо, состоящее в реестре операторов, осуществляющих обработку персональных данных, ответственность за ведение которого возложена на Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). По состоянию на июль 2022 г. в реестре содержатся сведения о 440 651 операторе персональных данных [16]. В Федеральном законе «О персональных данных» на оператора при обработке персональных данных возложена обязанность «принимать необходимые правовые, организационные и технические меры или обеспечивать их принятие для защиты персональных данных от неправомерного или случайного доступа к ним, уничтожения, изменения, блокирования, копирования, предоставления, распространения персональных данных, а также от иных неправомерных действий в отношении персональных данных» (ст. 19).

Акты гражданского состояния как персональные данные. Персональные данные лица (ФИО, дата и место рождения и др.) вносятся при составлении записи актов гражданского состояния. Исходя из общей концепции персональных данных сами акты гражданского состояния входят в категорию персональных данных лица, поскольку индивидуализируют и идентифицируют человека, определяя его правовой статус, однако это не нашло непосредственного отражения в специальном законодательстве. Так, в Федеральном законе от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» [20] лишь дважды упоминается категория «персональные данные» применительно к актам гражданского состояния. Ссылки содержатся в п. 8 ст. 6 и п. 9 ст. 131 вышеупомянутого закона.

Перечень актов гражданского состояния исчерпывающе обозначен в ст. 47 Гражданского кодекса Российской Федерации и ст. 3 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния». Акты гражданского состояния, по существу являющиеся или событиями (рождение и смерть) или правомерными действиями (заключение и расторжение брака, усыновление (удочерение), установление отцовства, перемена имени), самостоятельно не влекут необходимых правовых последствий, для наступления которых требуется наличие сложного юридического состава, содержащего административный акт – государственную регистрацию. Зарегистрированные в установленном порядке акты гражданского состояния (рождение и смерть, заключение и расторжение брака, усыновление (удочерение), установление отцовства, перемена имени) являются личными персональными данными, обработка которых осуществляется в строгом соответствии с законом. Данные фиксируются путем составления в «Едином государственном реестре записей актов гражданского состояния» (далее – ЕГР ЗАГС) записи, на

основании которой выдается свидетельство о соответствующей государственной регистрации акта гражданского состояния. Перечень сведений, внесенных в запись акта гражданского состояния и в свидетельства, выдаваемые на основании такой записи, определяется федеральным законодательством. Новеллой законодательства об актах гражданского состояния является ст. 77.1 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» о переводе книг государственной регистрации актов гражданского состояния (актовых книг) в электронную форму. Цифровизация актов гражданского состояния, означает, что каждая запись в актовой книге (книге государственной регистрации актов гражданского состояния), преобразуется (или иными словами конвертируется) в электронный документ. Цифровизация коснулась и свидетельств, выдаваемых в подтверждение совершенной записи актов гражданского состояния. Первые свидетельства ЗАГС, выдаваемые в форме электронного документа – это свидетельства о расторжении брака.

Акты гражданского состояния: конфиденциальная информация или информация ограниченного доступа? Современный принцип ограниченного доступа к информации ЗАГС заменил принцип конфиденциальности, действовавший в соответствии со ст. 12 «Конфиденциальность и порядок передачи сведений о государственной регистрации актов гражданского состояния», которая утратила силу с 01.10.2018. С точки зрения Г. Г. Камаловой, конфиденциальность одновременно является правовым свойством информации ограниченного доступа и правовым режимом таких сведений [8. С. 38]. На наш взгляд, применение термина конфиденциальность к информации, содержащейся в актах гражданского состояния, вполне приемлемо, поскольку слово *confidentia* латинского происхождения и означает «секретный, не подлежащий разглашению». Полагаем, что терминологическое замещение не изменило существа традиционного принципа законодательства в сфере ЗАГС: соблюдение обязательного требования не передавать информацию об актах гражданского состояния третьим лицам без согласия лица, в отношении которого запись произведена. Данный принцип обеспечивается за счет ограничения предоставления сведений, носящих биографо-демографический характер. В настоящее время сведения ЗАГС предоставляются гражданину, в отношении которого произведена запись акта гражданского состояния или уполномоченному им лицу. Вместе с тем целесообразно ввести термин «бенефициар», обозначающий лицо (гражданина) в отношении которого произведена государственная регистрация акта гражданского состояния, поскольку данный прием юридической техники приведет к лаконичному изложению правовых норм, в которых употребляется словосочетание «лицо (гражданин) в отношении которого произведена государственная регистрация акта гражданского состояния». Кроме того, в соответствии с п. 8 ст. 6 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» «сведения, ставшие известными работнику органа записи актов гражданского состояния или работнику многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг в связи с государственной регистрацией акта гражданского состояния, в том числе персональные данные, являются информацией, доступ к которой ограничен в соответствии с федеральными законами, и разглашению не подлежат». Считаем, что в этом случае можно

утверждать об установлении сохранения «профессиональной тайны», поскольку государственная регистрация актов гражданского состояния осуществляются как в частных, так и в публичных интересах. Представители власти при выполнении своих функций под свою ответственность могут получить доступ к данным, содержащимся в ЕГР ЗАГС. Изменение принципа правового регулирования в сфере ЗАГС произошло по причине отнесения сведений об актах гражданского состояния к категории персональных данных. Оператором ЕГР ЗАГС названа Федеральная налоговая служба России, которая принимает все необходимые меры, в том числе технического характера, для защиты персональной информации от неправомерного или случайного доступа, уничтожения, изменения или передачи. Несмотря на приватность информации ЗАГС, государственная регистрация актов гражданского состояния производится в том числе в публичных интересах.

Действительно, поскольку жизненные обстоятельства в качестве актов гражданского состояния подлежат обязательной государственной регистрации, то называть эти сведения конфиденциальными вроде бы неправильно, но поскольку они касаются частной жизни лица (личной и семейной), то черты секретности им присущи. На комплексный характер правовой сущности конфиденциальности информации, являющейся одновременно правовым режимом информации ограниченного доступа и ее правовым свойством, указывала в своих работах Г. Г. Камалова. Можно считать, что принцип ограниченного доступа к информации ЗАГС – это есть проявление гибкости права: определять степень публичности приватной информации. Публичность приватной информации обеспечивает возможность информационно-аналитического портала ЕГР ЗАГС проверить обезличенно любое свидетельство о государственной регистрации акта гражданского состояния по серии и номеру на его действительность.

Акты гражданского состояния как разновидность персональных данных в цифровом профиле гражданина. Цифровой профиль гражданина – это новое правовое явление в России. Слово «профиль», являясь общеупотребимым и означающим «совокупность основных типических черт, характеризующих предметы и явления», в совокупности с определением «цифровой» стало специальным термином информационного права и вошло в его понятийный аппарат.

К вопросам необходимости и целесообразности создания цифрового профиля в Российской Федерации и сложности обеспечения правового регулирования новых общественных отношений обращались О. А. Бояринцева, Е. В. Виноградова, А. В. Минбалева, В. Б. Наумов, А. А. Петров, Т. А. Полякова [3. С. 199–201; 5. С. 5–19; 13. С. 49; 14. С. 128–142] и др.

Цифровой профиль используется как устойчивое выражение, хотя не имеет в понятийном аппарате информационного права должного определения. Весьма лаконично о правовой природе цифрового профиля гражданина высказалась О. А. Бояринцева, которая считает, что цифровой профиль – это «...совокупность цифровых записей, содержащих персональные данные лица, размещенные в базах данных государственных информационных систем» [3. С. 199]. Однако наиболее удачна следующая дефиниция этой новой юридической категории, где отражены сущность и признаки, отграничивающие от других схожих понятий: «...цифровой

профиль – это совокупность актуальных достоверных данных и иных сведений о физических или юридических лицах, формируемых в единой системе идентификации и аутентификации или других информационных системах органов государственной власти и местного самоуправления, а также подведомственных им организаций, взаимодействующих с ней посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия, в целях их предоставления с согласия соответствующих граждан или юридических лиц субъектам, запросившим доступ к этим сведениям посредством инфраструктуры цифрового профиля» [5. С. 8]. Следовательно, понятие «цифровой профиль» является собирательным и трактуется учеными по-разному. Термин «цифровой профиль» может применяться к таким субъектам права, как граждане и юридические лица. Объединяет различные подходы к «цифровому профилю» то обстоятельство, что персональные данные и иные сведения, составляющие его содержания – это официально подтвержденная информация, зарегистрированные юридические факты, состояния и статусы лиц.

Считаем, что цифровой профиль гражданина – это индивидуальное досье, сформированное на основе всех цифровых записей о гражданине из государственных информационных ресурсов. Инфраструктура цифрового профиля гражданина выполняется на базе «Единой системы идентификации и аутентификации» (далее – ЕСИА). В понятие инфраструктуры цифрового профиля входит идентификация и аутентификация лица, доступ к информации и предоставление данных заинтересованным лицам, автоматическая актуализация сведений государственными органами, органами местного самоуправления, организациями, осуществляющими в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, в частности в информационной сфере актов гражданского состояния, согласие на обработку персональных данных. В настоящее время по-прежнему вопрос идентификации и аутентификации пользователей цифровых сервисов, в том числе государственных и муниципальных услуг, остается недостаточно проработанным. Об этом подробно в своих работах пишет В. Б. Наумов [см., например: 13. С. 49].

Представляется, что моделью цифрового профиля гражданина можно считать его индивидуальное портфолио в государственной информационной системе «Федеральный информационный регистр, содержащий сведения о населении» [20], формирование которого началось. В этом информационном ресурсе будет находиться информация, которая уже обработана в других государственных информационных системах органов публичной власти Российской Федерации и органов управления государственными внебюджетными фондами. Сведения о гражданах, поступающие в «Федеральный информационный регистр, содержащий сведения о населении», – это не новые, а уже официально установленные юридические факты, правовые статусы и состояния, то есть никакой первичный учет или регистрацию федеральный регистр сведений о населении производить не будет. В «Федеральный информационный регистр, содержащий сведения о населении» из федеральной государственной информационной системы ЕГР ЗАГС могут передаваться сведения о государственной регистрации рождения, установления отцовства, перемены имени, заключении и расторжении брака. Действующее положение о тайне усыновления (ст. 139 Семейного кодекса Российской Федерации)

не допускает разглашение этих сведений без согласия усыновителей, по этой причине в отношении государственной регистрации рождения не предусматривается возможность открытого включения данных. Будет ли считаться индивидуальный реестр гражданина его цифровым профилем? Этот вопрос остается открытым.

Абсолютно иной подход к цифровому профилю гражданина предложен Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры России), разработавшим пилотный проект о цифровом профиле гражданина, мотивируя свою новацию повышением эффективности электронного государственного управления и исключительно интересами граждан, которые получают возможность предоставления согласия на доступ к своим персональным данным, содержащимся в этом электронном портфолио, организациям (прежде всего, банкам и иным кредитным организациям) и другим частным лицам. Предлагалось два варианта подтверждения согласия на доступ к персональным данным: в режиме онлайн (дистанционно) и офлайн (дистанционно решить вопрос о месте и времени личного присутствия). Базу цифрового профиля, вероятно, составляла бы информация о гражданине по распределенной структуре с государственных информационных систем (реестровая информация). В архитектуру цифрового профиля гражданина должен был входить Единый портал государственных услуг и функций (Госуслуги). Согласие на доступ к своему цифровому профилю гражданин мог бы давать именно с портала Госуслуг. Запрос согласия на предоставление сведений цифрового профиля был бы возможен исключительно для пользователей с подтвержденной учетной записью ЕСИА. Обязательным компонентом считалось бы ведение реестра согласий на обработку персональных данных, в котором учитывались все транзакции (согласия). Предположительно, кроме рассылки об изменениях персональных данных, четыре этапа в работе с цифровым профилем – это запрос заинтересованного лица на доступ к данным гражданина, согласие гражданина через инфраструктуру цифрового профиля, подтверждение согласия информационной системой (токен с данными о выданном согласии) и передача данных гражданину заинтересованному лицу. Другой вариант выдачи согласия – работа с сайтом заинтересованного лица, где переход к цифровому профилю гражданина для получения согласия осуществляется автоматически. В набор данных, запрашиваемых из цифрового профиля, должны были входить имя гражданина (включая полностью фамилию, имя, отчество), дата и место рождения, пол, реквизиты внутреннего паспорта, заграничного паспорта, СНИЛС, ИНН, водительского удостоверения, свидетельства о рождении, об установлении отцовства, перемене имени, заключении брака или его расторжении, сведения о регистрации транспортного средства, адрес электронной почты, номер мобильного телефона, адреса регистрации и фактического проживания, выписка ПФР, полис ОМС и др. [7]. Концепция цифрового профиля заключалась в предоставлении возможности гражданину управлять своими персональными данными, удаленно получать официальную информацию, содержащую его персональные данные с указанием на ее источник и предоставлять доступ третьим лицам. Открытым остался вопрос о закрытии цифрового профиля, в том числе в случае смерти гражданина: он не отрегулирован в пилотном проекте Минцифры России и не был затронут в за-

конопроекте. Серьезной критике инициатива введения специального института цифрового профиля была подвергнута со стороны ФСБ России, отметившей, что не гарантируется информационная безопасность персональных данных российских граждан, подлежащих особой государственной защите (госслужащие, сотрудники силовых и правоохранительных органов). Создание цифрового профиля гражданина в таком формате, по мнению В. Б. Наумова, возможно лишь после апробации цифрового профиля юридического лица [13. С. 49].

Одна из целей создания цифрового профиля гражданина по модели Минцифры России – это осуществляемое с ведома самого гражданина оперативное предоставление сведений о юридически значимых данных лица из государственных (федеральных и региональных) информационных систем заинтересованным лицам. Удобства для самого гражданина при допуске третьих лиц к его данным весьма сомнительные. Основную проблему видим в том, что добросовестные граждане, добровольно предоставляя о себе информацию частного характера другим лицам, часто не оценивают риски такого своего поведения, что порождает различные правонарушения в сфере персональных данных.

Пилотный проект Минцифры России был обусловлен законопроектом № 747513-7 о внесении изменений и дополнений в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (18.01.2022 было принято решение об отклонении законопроекта), которым предлагалось определить цифровой профиль гражданина непосредственно как правовой институт [7]. Так, в пояснительной записке к законопроекту прямо указывалось, что цифровой профиль гражданина имеет юридически значимый характер, порождающий частноправовые последствия, не относящиеся к сфере государственного управления и предоставления государственных услуг. Указание на такую правовую природу цифрового профиля в законопроекте противоречит целям его создания Минцифры России. Если обратиться к хронологии вышеупомянутого законопроекта, то видно, что первоначально Комитет Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям первоначально принял решение об обсуждении данной инициативы, однако окончательное его решение было отклонить законопроект.

Представляет интерес зарубежный опыт в части создания цифрового профиля гражданина [17. С. 935–945]. К примеру, Бельгия относится к передовым государствам, где цифровизация государственного сектора находится на высоком уровне. Первые попытки оказания государственных услуг населению в электронном виде были применены еще в конце прошлого века. Решением бельгийских властей была произведена замена устаревшей системы регистрации правовых состояний и статусов граждан. В 1983 г. был создан современный Национальный регистр, сменивший архаичный Регистр населения (1846 г.) [24]. Оператором Национального регистра назначено Министерство внутренних дел. Бельгийский гражданин или иностранец, находящийся на территории этого государства на законных основаниях, и имеющий документ, удостоверяющий личность цифрового формата, обеспечивается возможностью загрузить программное обеспечение с государственного сайта mondossier.rn.fgov.be, позволяющее проверять инфор-

мацию о себе в Национальном регистре, сообщать о неточностях или ошибках, исправлять контактные данные, в режиме онлайн запрашивать сведения об органах публичной власти (иных организациях), обращавшихся к личному файлу гражданина за последние полгода, скачивать или распечатывать справки из реестра, а также свидетельства гражданского состояния, оформленные после 31.03.2019. Концепция бельгийских властей заслуживает уважения, так как созданный цифровой профиль гражданина действительно удобен для него самого, а также представителей государства и иных уполномоченных лиц. Доступ к индивидуальному реестру гражданина имеет он сам и компетентные органы публичной власти или организации, осуществляющие функции публичной власти (например, нотариусы). Третьи лица не имеют права на доступ к цифровому профилю. Первичная регистрация происходит при рождении или при получении бельгийского гражданства муниципалитетом, которому делегированы соответствующие функции, государством. Запись о рождении (получении гражданства) включает имя (имена), дату и место рождения, указание на биологический пол, национальность, адрес проживания, семейное положение, состав домохозяйства, профессия и т. д. Эта информация автоматически поступает в Национальный регистр. Первое обращение идентифицирует гражданина по 11-значному уникальному номеру (NISS), который генерируется системой. Каждый гражданин, проживающий в Бельгии, имеет индивидуальный код, используемый им при обращении в органы власти.

Заключение. Цифровой профиль гражданина, как отмечалось, является новой правовой категорией и находится в стадии формирования в качестве самостоятельного института информационного права. Персональные данные и иные сведения, идентифицирующие и индивидуализирующие гражданина, представлены в различных государственных информационных системах. Первичная информация о гражданине регистрируется в ЕГР ЗАГС (государственная регистрация рождения) и именно эти официально подтвержденные сведения являются триггером создания государством индивидуального досье гражданина, получившего в информационном праве название «цифровой профиль». Представляется, что доступ к цифровому профилю, содержащему персональные данные, возможен только для самого гражданина, а также компетентных органов публичной власти в связи с исполнением возложенных на них функций.

Список литературы

1. Архипов В. В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. 2018. № 2. С. 52–68.
2. Бикбулатова Ю. С. Информационно-правовое регулирование отношений, формирующихся при использовании облачных вычислений (сервисно-ориентированных распределенных информационных систем): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 159 с.
3. Бояринцева О. А. Публичные интересы государства при формировании цифрового профиля гражданина // Аграрное и земельное право. 2021. № 12 (204). С. 199–201.
4. Бундин М. В. Персональные данные в системе информации ограниченного доступа: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 218 с.

5. Виноградова Е. В., Полякова Т. А., Минбалеев А. В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 4. С. 5–19.
6. Жернова В. М. Правовой режим информационных систем: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2017. 213 с.
7. Законопроект № 747513–7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации)» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/747513–7](https://sozd.duma.gov.ru/bill/747513-7) (дата обращения: 29.07.2022).
8. Камалова Г. Г. Правовое обеспечение конфиденциальности информации в условиях развития информационного общества: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 385 с.
9. Кожевникова Ю. С. Особенности формирования информационно-правового регулирования отношений по использованию облачных технологий при обработке персональных данных в зарубежных странах // Труды по интеллектуальной собственности. 2013. Т. 14, № 3. С. 86–145.
10. Кудашкин Я. В. Правовое обеспечение безопасности обработки персональных данных в сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 199 с.
11. Минбалеев А. В. Понятие и правовая природа цифрового профиля человека // Бюллетень Южно-Уральского государственного университета. Серия Право. 2022. Т. 22, № 1. С. 110–116. DOI: 10.14529/law220117
12. Мираев А. Г. Понятие персональных данных в Российской Федерации и Европейском союзе // Юридические науки. 2019. № 5. С. 76–82.
13. Наумов В. Б. Институт идентификации в информационном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 49 с.
14. О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации: Федеральный закон от 08.06.2020 № 168-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 08.06.2020 (дата обращения: 17.08.2022).
15. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации от 31.07.2006. № 31 (часть I). Ст. 3451.
16. Об актах гражданского состояния: Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации от 24.11.1997. № 47. Ст. 5340.
17. Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера: Указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 // Собрание Законодательства Российской Федерации от 10.03.1997. № 10. Ст. 1127.
18. Петров А. А. Новые системы контроля и мониторинга // Социальные новации и социальные науки. 2020. № 1. С. 128–142.
19. Полякова Т. А., Химченко А. И. Актуальные организационно-правовые вопросы трансграничной передачи персональных данных // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 1. С. 113–122.
20. Реестр операторов, осуществляющих обработку персональных данных. URL: // <https://pd.rkn.gov.ru/operators-registry/operators-list/> (дата обращения: 28.07.2022).
21. Трофимец И. А. Обзор европейского законодательства в области создания и функционирования регистров населения // Вестник Российского университета дружбы народов. 2021. Т. 25, № 4. С. 935–945.

22. Фастович Г. Г., Жикулина А. С., Рахвалова Н. А. Правовое регулирование отношений в области обработки персональных данных // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 3–4. С. 199–202.

23. Чеботарева А. А. Правовое обеспечение информационной безопасности личности в глобальном информационном обществе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 473 с.

24. Loi du 8 août 1983 organisant un Registre national des personnes physiques и Arrêté royal du 3 avril 1984 relatif à l'accès de certaines autorités publiques au Registre national des personnes physiques, ainsi qu'à la tenue à jour et au contrôle des informations. URL: <https://www.ibz.rn.fgov.be/fr/registre-national/reglementation/lois-et-reglementation> (дата обращения: 28.07.2022).

Е. В. Холодная,

кандидат юридических наук, доцент,
Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина

О ПРАВОВОМ АЛГОРИТМЕ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ПУБЛИЧНОГО ЦИФРОВОГО ПРОФИЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Целью исследования выступает цифровое профилирование как направление деятельности в публичной сфере. Автор отмечает недостаточность правовых регуляторов по внедрению цифрового профиля и отмечает необходимость законодательного закрепления дефинитивного аппарата и принципов правового профилирования. С позиции автора, цифровой профиль – это информационный ресурс, сгенерированный в режиме реального времени на основе социально значимой информации для реализации цифровой правосубъектности лица. Рассмотрение цифрового профиля с позиции информационного ресурса позволит имплементировать данную категорию в качестве элемента информационной системы и провести дифференциацию цифрового профиля на различные виды по собственнику информационного ресурса, а также охватить в поле правового регулирования информационные ресурсы как публичных, так и коммерческих информационных систем. Самостоятельно выделяются технологии публичного цифрового профилирования, а также предлагается законодательное закрепление ряда принципов при внедрении указанных технологий с учетом специфики цифровых трансформаций.

Ключевые слова: технологии цифрового профилирования, цифровой профиль, публичные информационные ресурсы, цифровизация органов государственной власти, цифровые данные

ABOUT THE LEGAL ALGORITHM FOR THE DEVELOPMENT OF PUBLIC DIGITAL PROFILING TECHNOLOGIES

Abstract. The purpose of the study is digital profiling as a direction of activity in the public sphere. The author notes the insufficiency of legal regulators for the introduction of a digital profile and notes the need for legislative consolidation of the

definitive apparatus and principles of legal profiling. From the author's point of view, a digital profile is an information resource generated in real time on the basis of socially significant information for the implementation of a person's digital legal personality. Consideration of the digital profile from the position of an information resource will allow implementing this category as an element of an information system and differentiating the digital profile into different types according to the owner of the information resource, as well as covering information resources of both public and commercial information systems in the field of legal regulation. Technologies of public digital profiling are singled out independently, and a legislative consolidation of a number of principles is proposed for the implementation of these technologies, taking into account the specifics of digital transformations.

Keywords: Digital Profiling Technologies, Digital Profile, Public Information Resources, Digitalization of Public Authorities, Digital Data

На государственном уровне активно продвигается идея о создании централизованного цифрового профиля гражданина и иных лиц для повышения качества и согласованности данных, содержащихся в публичных информационных ресурсах. Это направление носит общемировую тенденцию и в ряде стран уже сформированы национальные модели цифрового профилирования. Так, в странах ЕС по вопросу цифрового профилирования создаются дополнительные гарантии приоритета прав и свобод в цифровом пространстве и иные дополнительные механизмы защиты права на неприкосновенность частной жизни [7]. Модель Китая по вопросам правового регулирования цифрового профилирования ориентирована на вопросы обеспечения национальной безопасности, в результате чего была внедрена Система социального кредита, формирующая платформу для рейтингования лиц на основе оценок правомерности поведения по самым разным критериями и влияющая на гражданскую правоспособность [11].

В РФ также активно предпринимаются меры по созданию среды цифрового профилирования для целей и задач публичной сферы [6]. В настоящий момент формируется единый федеральный регистр сведений о населении для моделирования различных сценариев публичного управления, в том числе, для повышения эффективности реализации публичных услуг и функций, статистического учета, обеспечения качества (актуальности, достоверности и полноты) публичных информационных ресурсов и др. [8]. Подчеркивается, что единый регистр населения содержит базовые цифровые данные для целей публичного управления в формате юридически значимых электронных документов [3. С. 88–101]. Однако ожидается, что в ближайшей перспективе потенциал цифрового профилирования будет реализован из экспериментального режима в национальную систему управления данными [6]. И, вполне очевидно, что данный фундамент частных данных цифрового профиля может дополняться сведениями различного характера, в том числе из социальных сетей по примеру Китая и других стран [10].

Цифровое профилирование – это процедурная деятельность участников процесса по созданию цифрового профиля лица. Процедура (с лат. *procedo* – продвигаюсь) – в широком понимании это установленный правилами официальный порядок действий

при ведении дел. С позиции управленческого концепта здесь имеется указание на позитивность такой деятельности правомочных лиц, деятельность направлена на удовлетворение прав и законных интересов субъектов цифрового профилирования, указывается на возможность выделения этапов (стадий) такой деятельности.

Правовой алгоритм по внедрению публичного цифрового профиля должен содержать обязательную для раскрытия с позиции правового регулирования систему компонентов: дефинитивный аппарат, принципы, правовой режим деятельности, правовой статус субъектов, гарантии прав, дополнительные механизмы защиты прав субъектов в цифровой среде, юридическую ответственность и др.

В настоящий момент в отсутствие в отечественном законодательстве определения цифрового профиля, эта категория рассматривается чаще с позиции технологического регулирования как технологическая инфраструктура, разработанная на цифровой платформе в целях получения и обмена информацией для оказания публичных услуг [5].

Однако здесь уместно различать технологии цифрового профилирования и собственно сам цифровой профиль как агрегированный результат функционирования цифровых технологий.

На наш взгляд, цифровой профиль – это информационный ресурс, сгенерированный в режиме реального времени на основе социально значимой информации для реализации цифровой правосубъектности лица.

Ресурсы (из франц. *ressource* – «вспомогательное средство») определяются как источники чего-либо [4. С. 885]; информация (из лат. *informatio* – изложение, разъяснение) сообщения (данные), осведомляющие о положении дел [4. С. 232]. Информационный ресурс – это сведения (социально значимая информация), сформированные и отобранные по определенному критерию (признаку) и зафиксированные на материальном носителе в любой форме представления.

В предлагаемом определении цифрового профиля акцент смещен на конечный результат (продукт) функционирования цифровых платформ, которые априори носят вспомогательный характер при любого рода деятельности, – создание цифрового ресурса. Также имеется указание на необходимое условие такого результата – информационный ресурс должен соответствовать условию качества информации: быть актуальным на данный момент времени. Что касается таких признаков качественной информации, как полнота и достоверность, то полнота должна варьироваться в зависимости от целей запроса участников публичного цифрового профилирования, достоверность информации должна реализовываться через эталонные банки персональных данных публичных органов.

Рассмотрение цифрового профиля с позиции информационного ресурса также позволит далее имплементировать данную категорию в качестве элемента информационной системы. Также такое толкование позволит провести дифференциацию цифрового профиля на различные виды по собственнику информационного ресурса, а также охватить в поле правового регулирования информационные ресурсы как публичных, так и коммерческих информационных систем. К примеру, сведения о гражданине, содержащиеся в публичных (государственных и муниципальных) информационных системах, можно трактовать как публичный цифровой профиль гражданина.

Исходя из изложенного можно сделать вывод, что технологии публичного цифрового профиля – это публичные информационные системы, обеспечивающие цифровое профилирование на основе эталонных баз данных о лицах, и обеспечивающих ее обработку цифровых технологий, иного технического инструментария в целях публичного администрирования.

Также хотелось отметить актуальность выработки принципов при использовании технологий цифрового профиля. На наш взгляд, особое внимание должно быть уделено таким базисам, как:

- прозрачность цифрового профилирования для участников процесса. Непрозрачность при создании цифровых профилей создает уязвимости для прав и свобод, риски дискриминационного характера в условиях социального скоринга. Должны быть установлены гарантии контроля за данными цифрового профиля со стороны субъекта таких данных;

- мониторинг угроз и вызовов при функционировании технологий цифрового профиля. Например, профилирование может включать высокие риски, связанные со сбором и обработкой биометрических данных необходимых для доступа и/или оказания ряда услуг, компрометация которых может нанести необратимый ущерб субъектам этих данных. В условиях роста киберинцидентов на информационные системы органов государственной власти необходима выработка четкого правового, организационного и технологического алгоритма по обеспечению безопасности цифрового профиля;

- использование автоматизированных систем цифрового профилирования должно сохранить автономность вмешательства человека в процесс принятия решений для обеспечения их функционирования, в том числе, для обеспечения законности, справедливости и недискриминации;

- принцип приоритета прав и свобод при внедрении технологий цифрового профилирования. Уникальность отдельных сквозных технологий в контексте обеспечения прав иногда трансформируется в существенные риски для гарантий прав и свобод. Например, одна из особенностей технологии распределенного реестра – это неизменность записей, которая не всегда приемлема в государственном управлении. Обстоятельство, что данные останутся записанными навсегда, в том числе ошибочные или неактуальные вызывают озабоченность применительно к праву на отзыв данных и требованиям качественного подхода к содержанию цифрового профиля. Тем не менее сама природа технологий распределенных реестров не позволяет изменять или удалять внесенные данные. Показателен и опыт ЕС, в котором усилия правозащитников направлены на запрет целого списка вариантов использования «высокорискового» искусственного интеллекта, например, в отношении его внедрения в «удалённые системы биометрической идентификации» в реальном времени, за исключением поиска похищенных детей, предотвращение терактов, а также поиска особо опасных преступников и др. [1]. Также общемировым трендом становится отказ от использования систем прогнозирования поведения граждан на основе технологий искусственного интеллекта [2. С. 121–125].

В целом действующее отечественное законодательство позволяет обеспечить защиту конфиденциальности персонифицированной информации при цифровом

профилировании. Однако специфика публичного цифрового профилирования как вида управленческой деятельности, правовая природа цифрового профиля указывают на необходимость законодательного закрепления и проработки этих категорий на уровне федерального закона.

Список литературы

1. Евросоюз хочет ограничить использование ИИ и систем распознавания лиц в угоду приватности. URL: <https://habr.com/ru/news/t/553698/> (дата обращения: 18.09.2022).
2. Информационно-технологическое обеспечение юридической деятельности (LegalTech): учебник / под общ. ред. А. В. Минбалеева; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). М.: Проспект, 2022. 474 с.
3. Мочалов А. Н. Цифровой профиль: основные риски для конституционных прав человека в условиях правовой неопределенности // *Lex russica*. 2021. Т. 74, № 9. С. 88–101.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2007. 1200 с.
5. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023–2024 годов (разработаны Банком России). URL: <https://www.cbr.ru> (дата обращения: 18.09.2022).
6. Постановление Правительства РФ от 03.06.2019 № 710 «О проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах» // *Собрание законодательства РФ*. 10.06.2019. № 23. Ст. 2963.
7. Рекомендация № CM/Rec(2021)8 Комитета министров Совета Европы государствам-членам «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных с целью создания профилей» (Принята 03.11.2021 на 1416-м заседании представителей министров) // *Бюллетень Европейского суда по правам человека*. Российское издание. 2022. № 2.
8. Федеральный закон от 08.06.2020 № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2020. № 24. Ст. 3742.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2007. С. 885.
10. Rogier Creemers What Could China’s ‘Social Credit System’ Mean for its Citizens? // *Foreignpolicy* URL: <https://foreignpolicy.com/2016/08/15/what-could-chinas-social-credit-system-mean-for-its-citizens/> (дата обращения: 18.09.2022).
11. The “Planning Outline for the Construction of a Social Credit System (2014–2020)”. URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2014/06/14/planning-outline-for-the-construction-of-a-social-credit-system-2014–2020/> (дата обращения: 18.09.2022).

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ РЕЖИМЫ В СФЕРЕ СОЗДАНИЯ ЦИФРОВЫХ ИННОВАЦИЙ

М. А. Бажина,

кандидат юридических наук, доцент,
Уральский государственный юридический университет
имени В. Ф. Яковлева

ЕСТЬ ЛИ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕЖИМА ПРИМЕНЕНИЯ ИННОВАЦИЙ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТА?

Аннотация. В докладе рассматриваются вопросы, связанные с использованием экспериментальных правовых режимов применения инноваций в сфере транспорта. Автор делает акцент на отличительных особенностях самого понятия «экспериментальный правовой режим». В качестве основной проблемы его применения видится территориальная ограниченность, которая не позволяет в некоторых видах деятельности в полном объеме адаптировать правовое регулирование цифровых инноваций в общую систему правового регулирования.

Ключевые слова: цифровые инновации, транспортная сфера, высокоавтоматизированное транспортное средство, правовой режим

IS THERE A LEGAL REGULATION BEYOND THE EXPERIMENTAL LEGAL REGIME FOR THE APPLICATION OF INNOVATIONS IN TRANSPORT?

Abstract. The report examines the issues related to the use of experimental legal regimes of innovation in the field of transport. The author emphasizes the distinctive features of the very concept of “experimental legal regime”. As the main problem of its application is seen as a territorial limitation, which does not allow in some types of activity to fully adapt the legal regulation of digital innovation in the general system of legal regulation.

Keywords: Digital innovations, Transport sector, Highly automated vehicle, Legal regime

Технико-технологическое развитие общества движется семимильными шагами вперед. Каждый день появляются новые достижения цифровизации, которые активно внедряются в практическую сферу в различных отраслях экономики. Транспортная сфера является передовой по числу инноваций и одной из наиболее динамично развивающихся отраслей. Внедрение технических новшеств в современный уклад транспортной деятельности несет в себе положительную оценку, связанную с повышением качества транспортно-логистических услуг, уменьшением расходов (стоимости транспортно-логистических услуг), ускорением грузооборота (в том числе путем развития бесшовных перевозок как внутри России, так и за ее

пределами), увеличением прозрачности и повышением безопасности перевозочного процесса, снижением нагрузки на окружающую среду. Именно такие цели поставлены перед транспортной отраслью в различных программных документах, а именно: в Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 г. с прогнозом на период до 2035 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р; Стратегическом направлении в области цифровой трансформации транспортной отрасли РФ до 2030 г., утвержденном Распоряжением Правительства РФ от 21 декабря 2021 г. № 3744-р.

Однако достижение поставленных целей и задач возможно только путем их апробации. Именно поэтому 9 марта 2022 г. Правительство РФ приняло Постановление № 309 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств» [1].

Название этого документа содержит тот же термин, что используется в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», а именно «экспериментальный правовой режим». Однако данный термин является своего рода оксюмороном. Связано это с тем, что правовой режим есть нечто иное, как устоявшийся порядок регулирования, выраженный в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования. При этом слово «экспериментальный» имеет значение «ограниченный во времени». Именно на это указывает содержание понятия «экспериментальный правовой режим» в ст. 2 ФЗ от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации».

Несмотря на существующее терминологическое несоответствие суть экспериментального правового режима заключается в применении к цифровым инновациям специального правового регулирования с целью формирования новых видов и форм экономической деятельности.

В существующих программах применения экспериментальных правовых режимов в транспортной сфере (например, Постановление Правительства № 309) достаточно подробно указываются права и обязанности участников.

Однако немаловажным является вопрос об адаптации отдельного правового режима к общему правовому регулированию. Этот вопрос выступает наиболее важным именно в транспортной сфере, так как в ней наиболее явно проявляются межотраслевые взаимодействия. Изменение одного сегмента автоматически влечет корректировку другого элемента, входящего в эту систему. В связи с тем, что экспериментальный правовой режим существует в определенных четко очерченных зонах (например, п. п. 32, 33 Постановления Правительства № 309), то возникает вопрос о его внедрении на другой территории, не участвующей в данном эксперименте. Особенно остро стоит вопрос о развитии мультимодальных перевозок с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств, в реализации которых географический критерий непосредственно выступает одним из принци-

пиальных, отличительных моментов. Кроме того, в связи с достаточно большой протяженностью нашего государства, апробация инноваций на значительной по размеру территории нашего государства остается крайне затруднительным.

Именно поэтому экспериментальный правовой режим является действенным инструментом в развитии ограниченного числа инноваций. Внедрение высокоавтоматизированных или полностью автоматизированных транспортных средств с учетом существующих подходов является крайне неэффективным и не позволяет в должной мере реализовать развитие данных инновационных цифровых технологий в сфере транспорта.

Список литературы

1. Постановление Правительства РФ от 9 марта 2022 г. № 309 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств». URL: <https://base.garant.ru/403712648/> (дата обращения: 19.09.2022).

Е. А. Громова,

кандидат юридических наук, доцент,

Южно-Уральский государственный университет

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ СОЗДАНИЯ ЦИФРОВЫХ ИННОВАЦИЙ (РЕГУЛЯТОРНЫЕ ПЕСОЧНИЦЫ) КАК ОСНОВА ПРАВА БУДУЩЕГО

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей экспериментальных правовых режимов в сфере создания цифровых инноваций (регуляторных песочниц). Обосновано, почему именно экспериментальные правовые режимы могут стать одной из основ для формирования права будущего. На основании формально-юридического сравнительно-правового анализа российского и зарубежного законодательства в сфере экспериментальных правовых режимов создания цифровых инноваций, а также опыта их применения, автор выявил ряд недостатков российской и зарубежных моделей экспериментальных правовых режимов, связанных с возможностью нарушения прав человека при проведении экспериментов. Отмечается, что нарушения таких прав человека как права на жизнь, здоровье, неприкосновенность собственности, и защиту персональных данных при проведении экспериментов способно подорвать доверие к данному инструменту со стороны общества и снизить его эффективность. Предложен ряд мер, направленных на устранение выявленных недостатков и совершенствование действующего законодательства об экспериментальных правовых режимах.

Ключевые слова: экспериментальные правовые режимы в сфере создания цифровых инноваций, регуляторные песочницы, право, цифровые технологии, правовое регулирование, цифровизация, права человека.

EXPERIMENTAL LEGAL REGIMES FOR DIGITAL INNOVATIONS (REGULATORY SANDBOXES) AS A BASIS FOR THE LAW OF THE FUTURE

Abstract. The article is devoted to the study of the features of experimental legal regimes in the creation of digital innovations (regulatory sandboxes). Justified why it is experimental legal regimes can be one of the foundations for the formation of the law of the future. Based on the formal legal comparative legal analysis of Russian and foreign legislation in the field of experimental legal regimes of digital innovation creation, as well as experience of their application, the author identified a number of shortcomings of Russian and foreign models of experimental legal regimes related to the possibility of human rights violations during the experiments. It is noted that violations of human rights such as the rights to life, health, inviolability of property, and protection of personal data in conducting experiments can undermine public confidence in this tool and reduce its effectiveness. A number of measures aimed at eliminating the identified deficiencies and improving the current legislation on experimental legal regimes are proposed.

Keywords: experimental legal regimes in digital innovation creation, regulatory sandboxes, law, digital technology, legal regulation, digitalization, human rights.

В век четвертой промышленной революции и очередной смены технологического уклада как никогда необходимо задуматься о создании права будущего. Права более гибкого, «чувствительного» как к тем изменениям, которые влечет за собой появление и распространение цифровых технологий, так и к тем вызовам, которые они в себе несут.

Несмотря на отстаиваемую рядом исследователей точку зрения о необходимости сосредоточиться на «низких» технологиях (Low-tech) [6, с. 11], мировое научное сообщество приходит к выводу о том, что цифровизация – процесс необратимый, который лишь усилится в дальнейшем. Указанное означает неизбежное появление новых технологий, следствием внедрения которых станет качественное изменение общественных отношений. Это, в свою очередь, потребует от права соответствующего реагирования.

Следует согласиться с учеными, отмечающих существующий «парадокс» права. С одной стороны, оно проактивно, поскольку является регулятором общественных отношений. С другой стороны, право «ре-активно», поскольку лишь реагирует на социальные изменения [7, с. 165]. Данное обстоятельство является одной из причин «отставания» права от стремительно развивающихся общественных отношений. Едва ли ситуация сможет сильно измениться в будущем, даже с учетом развития технологий искусственного интеллекта и их применения для опережающего правотворчества.

Неслучайно в эпоху цифровых преобразований подходы к правовому регулированию общественных отношений также подверглись трансформации. Появление цифровых технологий, обладающих инновационной природой, привело к возникновению правовой неопределенности и обусловило необходимость создания права для таких технологий или же модернизацию уже существующего регулирования.

В поисках оптимального подхода к правовому регулированию цифровых технологий стали применяться нестандартные, а порой и вовсе неортодоксальные механизмы. Механизмы, позволяющие оценить существующие нормы на предмет их адекватности современному уровню развития общественных отношений и эффективности регулирования цифровых технологий.

Одними из таковых являются экспериментальные правовые режимы в сфере создания цифровых инноваций, широко известные за рубежом как регуляторные песочницы (regulatory sandboxes). Регуляторные песочницы – инструменты, позволяющие «протестировать» основанную на цифровой инновации бизнес-модель с отступлением от норм уже существующего регулирования [1, с. 36]. Такой инструмент, несомненно, являет собой пример отказа от применения традиционных регуляторных подходов в пользу создания более гибкого и динамичного регулирования.

Основная часть. В основе современных регуляторных песочниц лежит такой подход к созданию оптимального правового регулирования цифровых технологий как «тестируй и учись» (test-and-learn). Он подразумевает разработку правовых механизмов проверки жизнеспособности инновации в реальной среде. Основываясь на результатах такой проверки, регулятор принимает решение о необходимости «авторизации» деятельности, основанной на применении цифровых технологий – предоставления предпринимателю разрешения на ее осуществление (например, лицензию), а также о внесении изменений в существующее законодательство [5, с. 10].

Целью регуляторной песочницы является создание условий для проверки «жизнеспособности» новых цифровых технологий в отсутствие надлежащего регулирования. При этом такие «песочницы» выступают своего рода драйвером инновационного развития, с одной стороны, и, при этом, способны «защитить» общественные интересы, с другой. Дело в том, что даже в условиях отсутствия соответствующего регулирования, деятельность участников эксперимента контролируется регулятором.

Сегодня применение таких режимов приобретает особую значимость, если речь идет о необходимости создания оптимального правового регулирования деятельности, основанной на инновационной бизнес-модели, сервисе или услуге. Установление такого режима (специального регулирования) предусматривает возможность временного отказа от применения определенных в законах требований к субъекту предпринимательской деятельности, осуществляющего «тестирование» инновационной бизнес-модели. Например, отказ от применения определенных лицензионных, регистрационных, сертификационных или аккредитационных требований. При этом такая возможность реализуется в «безопасной» среде, но в условиях реального рынка с реальными потребителями.

Осуществление деятельности в условиях данного режима позволяет субъектам предпринимательской деятельности сократить финансовые и временные издержки, связанные, например, с получением разрешения на «запуск» инновационного сервиса. В свою очередь, государству (регулятору) проведение таких экспериментов позволяет выбрать наиболее оптимальную модель регулирования

предпринимательской деятельности, основанной на новой бизнес-модели, сервисе или услуге. Кроме того, применение экспериментальных правовых режимов стимулирует развитие предпринимательской деятельности за счет предоставления ее субъектам возможности в «безопасной» среде, но с участием реальных потребителей протестировать такую бизнес-модель.

Следует особо подчеркнуть ту роль, которую регуляторные песочницы играют в создании права будущего. Применение экспериментальных режимов позволит не только протестировать инноваций, но и получить необходимые знания о том, какой способ регулирования отношений является наиболее оптимальным, есть ли необходимость скорректировать действующие нормы или стоит начать разработку качественно новых правил. Отмеченная гибкость, присущая экспериментальным правовым режимам, может позволить создать «проактивное» право, «идущее в ногу» с цифровизацией, а может быть и предвосхищающее дальнейшее развитие событий.

Между тем, несмотря на очевидный потенциал, данный инструмент уже подвергся критике как иностранными, так и отечественными исследователями. И если отдельные первые критикуют зарубежные регуляторные песочницы за возможность обхода законов о защите прав потребителей [4, с. 332], то российские ученые ставят под сомнения эффективность правовой модели экспериментального режима в целом [2, с. 265, 3, с. 39].

Причинами тому является в первую очередь недостатки национальных моделей экспериментальных правовых режимов. Так, наиболее значимым выступает тот факт, что цели регуляторных песочниц, связанные в первую очередь, со стремлением развивать цифровые инновации, как правило, не коррелируют с необходимостью обеспечения и защиты фундаментальных прав человека. Это проявляется в отсутствии в законодательстве об экспериментальных правовых режимах положений, которые могли бы обеспечить баланс между указанными целями и необходимостью обеспечения прав граждан.

В качестве примера можно привести внедрение технологий искусственного интеллекта, которое проводится в рамках эксперимента в г. Москве. Данный эксперимент предполагает неприменение его участниками отдельных положений Федерального закона «О персональных данных» в части использования медицинских данных пациентов. Отсутствие баланса между стремлением государства развивать технологии искусственного интеллекта с одной стороны и необходимостью обеспечивать право на защиту персональных данных с другой, уже привело к тому, что проведение такого эксперимента было поставлено под сомнение. Причиной тому стало отсутствие внедренного и проработанного механизма деперсонализации медицинских данных, в связи с чем жители г. Москва заявили о нарушении их конституционных прав.

Отметим, что такие недостатки присущи не только российской модели регуляторных песочниц. В Проекте Регламента Европейского союза «О европейском подходе для искусственного интеллекта», отмечается, что организации, обрабатывающие персональные данные в целях тестирования систем ИИ, могут быть освобождены от обязательств исполнять отдельные требования Общего

регламента ЕС по защите данных (GDPR). Подобные отступления от требований законодательства также могут привести к нарушению права на защиту персональных данных.

Другим примером выступает тестирование беспилотных автомобилей. Так, в Республике Татарстан и в ряде других регионов России проводится эксперимент по тестированию высокоавтоматизированных транспортных средств. Он предполагает около 13 отступлений от требований законодательства в сфере безопасности дорожного движения, в числе которых возможность неприменения требований о допуске транспортного средства к участию в дорожном движении лишь в случае, если оно состоит на государственном учете. Это, с одной стороны, позволит быстро интегрировать готовые инновационные решения в предпринимательскую деятельность, с другой стороны, может являться угрозой для жизни, здоровья и имущества граждан. Заметим, что Республика Сингапур также инициировала «запуск» регуляторной песочницы в сфере тестирования беспилотного транспорта. В 2017 году в Закон о дорожном движении была внесена поправка, признающая, что водителем транспортного средства может быть не только человек. Германия также утвердила исключения из Правил воздушного движения. «Ордонанс о дронах» делает исключение из правил о запрете на эксплуатацию беспилотных летательных аппаратов и разрешает полеты беспилотников в условиях регуляторной песочницы.

Проведение перечисленных выше экспериментов требует применения эффективных механизмов, способных защитить права граждан. В качестве таковых можно предложить ряд мер, направленных как на минимизацию рисков нарушения таких прав, так и мер, способных в случае причинения вреда оперативно его компенсировать.

В первую очередь, необходимо тщательную проработать положения законодательства об экспериментальных правовых режимах с учетом интересов государства, бизнеса и общества. Более того, важно интегрировать их с положениями действующего законодательства, в частности в сфере защиты прав потребителей, а также персональных данных.

Кроме того, следует рассмотреть вопрос о необходимости проведения «теста на ликвидность» как одного из условий допуска в «песочницу» как гарантию того, что участник эксперимента будет способен компенсировать вред, а также о страховании ответственности участников эксперимента. Видится важным также внедрение эффективных способов разрешения споров между участниками эксперимента, контрагентами и потребителями.

Заключение. Таким образом, экспериментальные правовые режимы в сфере создания цифровых инноваций (регуляторные песочницы) обладают необходимым потенциалом для того, чтобы лечь в основу права будущего. Однако для того, чтобы данный инструмент не утратил доверия со стороны общества, необходимо вести работу по устранению существующих недостатков и дальнейшему совершенствованию национальных моделей экспериментальных правовых режимов с учетом лучших мировых практик.

Список литературы

Громова Е. А. К вопросу об экспериментальных правовых режимах создания цифровых инноваций (регуляторных песочниц) // Вестник ЮУрГУ, Серия «Право». 2019. № 3. С. 36–40.

Громова Е. А. Российская модель регуляторных песочниц в сфере создания цифровых инноваций / право цифровой среды: монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М.: Проспект, 2022. С. 258–267.

Ефремов А. А., Добролюбова Е. И., Талапина Э. В., Южаков В. Н. Экспериментальные правовые режимы: зарубежный опыт и российский старт. М.: Дело, 2020. 126 с.

Bromberg L., Godwin A., Ramsay I. Fintech Sandboxes: Achieving a Balance between Regulation and Innovation // Journal of Banking and Finance Law and Practice. 2017. № 28 (4). Pp. 314–336.

Gromova E., Ivanc T. Regulatory Sandboxes (Experimental Legal Regimes for digital innovations) for BRICS // BRICS Law Journal. 2020. No. 2. Pp. 10–36.

Hirsch-Kreinsen H. “Low-Technology”: a forgotten sector in innovation policy // Journal of Technology Management & Innovation. 2008. No 3 (3). Pp. 11–20.

Michaels R. The Law of the Future and The Future of Law Sam Muller / Ed. S. Zouridis, M. Frishman and L. Kistemaker. FICHL Publication Series No. 11. 2011. Pp. 165–175.

Е. Н. Лоторев,

кандидат юридических наук, доцент,
Российский технологический университет

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БАНКОВСКИХ ЭКОСИСТЕМ

Аннотация. Современное отечественное правовое регулирование банковских экосистем представляется недостаточным. Отсутствует нормативно закреплённый понятийный аппарат, планы Правительства и Банка России в данной сфере пока еще только предстоит реализовать. Но уже очевидным является признание со стороны регуляторов тех рисков, которые несет неконтролируемое распространение банковских экосистем с включением в них обширного спектра небанковских услуг и, как следствие, монополизация финансовых рынков, вытеснение оттуда «мелких» игроков. Изложенное позволяет прийти к выводу об актуальности исследования правового регулирования банковских экосистем именно в области публично-правовых отношений.

Ключевые слова: экосистема, цифровая платформа, цифровая экосистема, банковская экосистема, кредитные организации, экспериментальные правовые режимы, информационная безопасность

LEGAL REGULATION OF BANKING ECOSYSTEMS

Abstract. The legal regulation of this sphere in the domestic legislation seems to be in an unsatisfactory state at the moment. There is no normative conceptual apparatus,

the plans of the Government and the Bank of Russia in this area have yet to be implemented. But it is already obvious that regulators recognize the risks that the uncontrolled spread of banking ecosystems with the inclusion of a wide range of non-banking services in them and, as a result, the monopolization of financial markets, the displacement of “small” players from there. The above allows us to come to the conclusion about the relevance of the study of the legal regulation of banking ecosystems in the field of public relations.

Keywords: Ecosystem, Digital platform, Digital ecosystem, Banking ecosystem, Credit organizations, Experimental legal regimes, Information security

Введение. Следует отметить, что законодатель оперативно не решил проблему формирования правовых основ исследуемого явления и такие понятия, как «экосистема», «цифровая платформа» и «цифровая экосистема» в действующем законодательстве не определены. Отсюда сохраняются риски распространения практик недобросовестной конкуренции, снижение конкурентоспособности отечественной экономики в связи с трансграничным фактором развития бизнес-экосистем.

Основная часть. В рамках задач, стоящих перед настоящим исследованием, целесообразно обратиться к опыту зарубежного правового регулирования. Активная экспансия иностранных банковских экосистем стимулирует национального законодателя к поиску правовых способов защиты интересов отечественных поставщиков и потребителей данного продукта. В США регулятор не допустил выхода на рынок крупнейшей финансовой компании, входящей в Alibaba Group, Ant Financia. Администрация экс-президента Дональда Трампа сочла действия данного финансового «гиганта» угрозой национальной безопасности [3]. Данные опасения могут быть вполне обоснованными, учитывая практически полное вытеснение американской компании eBay с китайского рынка. Парадокс, но и власти Китая вступили в противостояние с корпорацией Ant Financia, запретив ей размещение IPO в Шанхае и Гонконге в 2020 г. [4]. Причиной подобного решения являются растущие «аппетиты» монополиста, вытесняющего и заменяющего коммерческие банки, расширяющего сектор микрокредитования, формирующего кредитные рейтинги и включающего в свои платформы страховой рынок, в том числе рынок медицинского страхования.

Тем не менее в отличие от России в Китае уже приняты законодательные акты, регламентирующие цифровые рынки и банковские экосистемы, в частности Закон об электронной коммерции, задачей которого является защита персональных данных пользователей применительно именно к крупным цифровым платформам. А антимонопольный орган Китая направил в период с 2019 по 2020 г. несколько исков к крупнейшим национальным компаниям Alibaba, JD.com и Tencent, стимулировав тем самым развитие антимонопольного законодательства [5].

Обеспокоены ростом влияния глобальных экосистем и на рынках Европейского союза. С 2017 г. исковые требования предъявлены таким компаниям, как Google и Facebook (признана экстремистской организацией, запрещена в России). В 2020 г. разработаны нормативные правовые акты, регламентирующие цифровую экономику и направленные на предотвращение возможных

злоупотреблений своим доминирующим положением крупных платформ и экосистем, в том числе и на рынке банковских и сопутствующих услуг.

Спецификой российского опыта в исследуемой сфере является стремительное развитие с 2015 г. по настоящее время крупных экосистем именно на основе банковского сектора экономики, принимающего на себя несвойственные ему социальные функции. Безусловно, экономические инновации неотделимы от нравственных принципов [10. С. 69]. Однако, законодательные ограничения здесь действительно необходимы. Они воспрепятствуют формированию крупных монополистов и защитят рынки от недобросовестной конкуренции с использованием современных цифровых технологий и на основе цифровых платформ. В этой связи Банк России последовательно выпустил несколько докладов, а именно в ноябре 2019 г. «Подходы банка России к развитию конкуренции на финансовом рынке» [7], в апреле 2021 г. «Экосистемы: подходы к регулированию» [9], в июне 2021 г. «Регулирование рисков участия банков в экосистемах и вложений в иммобилизованные активы» [8]. Резюмируя их, можно прийти к выводу о признании необходимости со стороны Банка России усилить регулирование кредитных организаций, развивающих собственные экосистемы, ограничить развитие подобных экосистем и платформ нефинансовых услуг. По мнению Эльвиры Набиулиной, «сверхмощные» экосистемы затормозят развитие финансовых рынков [6].

Министерство экономического развития подготовило «Концепцию государственного регулирования цифровых платформ и экосистем», установив приоритеты правового регулирования отношений, возникающих между физическими и юридическими лицами, органами государственной власти по поводу функционирования цифровых платформ и экосистем [2]. Среди основных целей регулирования вновь заявляется о создании благоприятных условий для экономического роста и конкуренции. Указанная концепция упорядочивает правовую основу исследуемых отношений, называя целый комплекс федеральных законов, прямо или косвенно относящихся к данной деятельности. Но среди них можно заметить только один действительно новый Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [1], определяющий цели и принципы экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций, в том числе на финансовых рынках и при продаже товаров, работ и услуг дистанционным способом.

Заключение. И все же в Концепции уже определены такие понятия, как «цифровая платформа» и «цифровая экосистема». Намечена подготовка рамочного закона, устанавливающего общие принципы регулирования экосистем. Регулятором банковских экосистем будет выступать Банк России. Следует отметить, что основными направлениями регуляторной деятельности государства в данной сфере должны стать не только борьба с монополизацией банковского сектора и торможением развития финансовых рынков, но и совершенствование информационной безопасности и нераскрытия персональных данных клиентов, а также защиты прав потребителей на качественные услуги и сервисы, предоставляемые соответствующей платформой или экосистемой.

Список литературы

1. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»: Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5017.
2. Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «Экосистемы» // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/konceptsiya_21052021.pdf (дата обращения: 27.08.2022).
3. Вашингтон заблокировал сделку по продаже MoneyGram финансовому подразделению Alibaba // Банки.ру. URL: https://finance.rambler.ru/business/38821100/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=corylink (дата обращения: 28.08.2022).
4. В Гонконге и Шанхае приостановили крупнейшее IPO в истории // РБК Инвестиции. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/5fa15aa99a7947059ebf123d> (дата обращения: 28.08.2022).
5. Власти Китая начали расследование в отношении Alibaba // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/12/24/852415-vlasti-kitaya> (дата обращения: 29.08.2022).
6. Набиуллина заявила о риске «мощных» экосистем на фоне продажи Сбербанка // РБК Финансы. URL: <https://www.rbc.ru/finances/13/02/2020/5e4532f99a7947425951b1ab> (дата обращения: 29.08.2022).
7. Подходы Банка России к развитию конкуренции на финансовом рынке: доклад для общественных консультаций. Москва. 2019 // Банк России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/90556/Consultation_Paper_191125.pdf (дата обращения: 30.08.2022).
8. Регулирование рисков участия банков в экосистемах и вложений в имобилизованные активы: доклад для общественных консультаций. Москва. 2021 // Банк России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/123688/Consultation_Paper_23062021.pdf (дата обращения: 30.08.2022).
9. Экосистемы: подходы к регулированию: доклад для общественных консультаций. Москва. 2021 // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf (дата обращения: 30.08.2022).
10. Gladysheva E. V. The influence of moral values on the success of economic activity (on the example of domestic entrepreneurs of the XIX-XX centuries) // Russian Technological Journal. 2017. Iss. 4. P. 69.

Б. Б. Отабоев,

аспирант,

Российский государственный университет
нефти и газа имени И. М. Губкина

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ РЕЖИМЫ В СФЕРЕ СОЗДАНИЯ ЦИФРОВЫХ ИННОВАЦИЙ

Аннотация. Целью исследования является выявление текущих проблем специальных и экспериментальных режимов в Российской Федерации и предложение способов их решений, а также рассмотрение тенденций экспериментальных режимов в мире, анализ их эффективности в сфере цифровых инноваций. В качестве основной особенности можно выделить то, что в статье представлены конкретные примеры территорий, где в Российской Федерации применяются экспериментальные режимы, и технологий, на которые они распространяются.

Ключевые слова: цифровые инновации, нормативно-правовой акт, государственное регулирование, экспериментальные и специальные правовые режимы, Федеральный закон, свободные экономические зоны, технологии

EXPERIMENTAL AND SPECIAL MODES IN THE FIELD OF CREATING DIGITAL INNOVATIONS

Abstract. The purpose of the study is to identify the current problems of special and experimental regimes in the Russian Federation and to propose ways to solve them, as well as to consider the trends of experimental regimes in the world, to analyze its effectiveness in the field of digital innovation. The main feature of the article is that it presents specific examples of territories where experimental regimes and technologies are applied in the Russian Federation, to which they apply.

Keywords: Digital innovations, Regulatory legal act, State regulation, Experimental and Special legal regimes, Federal law, Free economic zones, Technologies

Введение. Современная цифровая трансформация общества приводит к необходимости государственного регулирования цифровой сферы. Так, за последние годы был разработан и применен ряд нормативно-правовых документов, регулирующих различные сферы цифровой среды (национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и др.) [5, 11].

Однако государственное регулирование не должно становится преградой в развитии цифровых и информационных технологий, так как само государство заинтересовано в их развитии. Для преодоления административных и правовых барьеров во многих странах мира создается «регулятивная песочница» – территориальное подразделение, в котором применяется особый экспериментальный или специальный правовой режим. Юридические лица, которые проводят испытания или внедряют инновации на территории «регулятивных песочниц», могут осуществлять свою деятельность без риска нарушения действующего законодательства [2. С. 86–98].

Основная часть. Сегодня в мире специальных, свободных или особых экономических зон насчитывается более 5 400 территорий в 147 странах. В области цифровых отношений многие страны создают экспериментальные правовые режимы, в том числе и Российская Федерация. Так, например, уже насчитывается огромное количество экспериментальных зон в области цифровизации, в более чем 20 странах мира, таких как Великобритания, Австралия, Нидерланды, Китай, Малайзия, Сингапур, ОАЭ, Индонезия, Швейцария, Грузия, Индия. Интересным представляется опыт Китая во введении экспериментальных и специальных правовых режимов. Именно свободным зонам с экспериментальными и специальными правовыми режимами Китай обязан своим экономическим успехом. В данный момент в Китае действует 54 Хай-тек зоны (High-Tech Industrial Development Zones) [3. С. 48–54]. На рис. 1 представлены страны-лидеры по объему инвестиций в Особые экономические зоны, в млрд рублей, по отчету Минэкономразвития на 21.09.2021 [1].

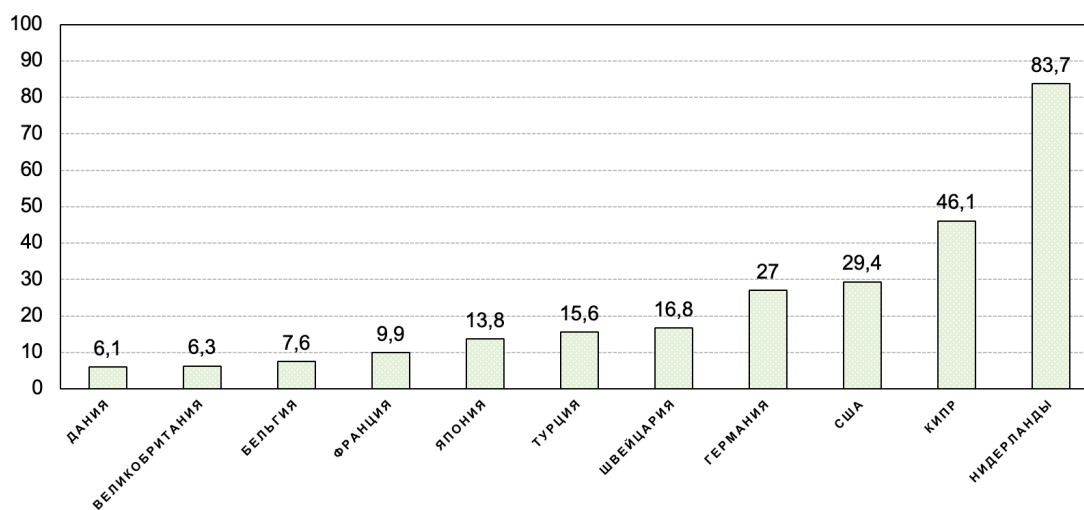

Рис. 1. Страны-лидеры по объему инвестиций в ОЭЗ на конец 2021 г., в млрд рублей [4]

Интересным также представляется анализ тенденций внедрения цифровых инноваций в деятельность зарубежных стран мира. На примере Европейского Союза (далее – ЕС), можно видеть, что страны-союзники возлагают большие надежды на цифровую трансформацию, как в странах-участниках ЕС, так и других стран мира. Показательным является тот факт, что внедрение цифровых инноваций, закреплено в нормативно-правовых актах Европейского союза. В феврале 2020 г. Европейская комиссия приняла первый прикладной документ в рамках реализации цифровой повестки – Стратегию Европейского союза. Анализируя данную стратегию, можно утверждать, что ЕС видит в современной цифровой повестке основу, для возможности экономического роста и укрепления своего потенциала. 18 июня 2021 г. был опубликован проект «О европейском подходе для искусственного интеллекта». Оба законопроекта имеют характерную особенность – Европейская комиссия планирует в дальнейшем широко внедрять и использовать искусственный интеллект для различных нужд общества – в производственной сфере, интеллектуальной, политической и других областях деятельности.

На сегодняшний день разработка и применение достижений искусственного интеллекта является основной тенденцией развития цифровой повестки дня в странах ЕС [7, 9].

Специальные, особые и свободные экономические зоны как вид территорий со специальным режимом предпринимательской деятельности известны во всем мире и зарекомендовали себя в качестве одного из эффективных инструментов привлечения инвестиций в национальную экономику. Однако эффективность внедрения экспериментального режима всегда определяется теми преференциями, которые государство предоставляет бизнесу – налоговые, таможенные льготы, бесплатные земельные участки, дотации и т. д. Так, как говорилось выше, Китай обязан своим экономическим ростом именно свободным и экспериментальным зонам, в то время как в некоторых странах введение экспериментального режима не дало ожидаемого эффекта. Например, в Индии специальные экономические зоны «Make in India» не оправдали ожиданий в плане привлечений инвестиций и превращения Индии в промышленный «хаб». В связи с чем внедрение экспериментальной правовой экономической зоны должно быть тщательно спланировано с точки зрения предлагаемых преференций и возможностей для предприятий цифровой сферы.

Так, в рамках Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ «О реализации экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций» в России был установлен экспериментальный режим на территории Томской области, Камчатского края, Чукотского, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов для запуска беспилотных летательных аппаратов. Чуть ранее в марте 2021 г. Правительство Российской Федерации выбрало в качестве пилотных проектов для тестирования экспериментальных режимов IT-проекты компаний МТС и Яндекса. Все направления для внедрения инновационных технологий в рамках государственных программ ФЗ-258, представлены на рис. 2 [12; 13. С. 43–50].

Рис. 2. Направление технологий, по отношению к которым может применяться экспериментальный режим

Основными проблемами государственного регулирования экспериментальных режимов в сфере цифровых инноваций на сегодняшний день являются:

1. Параллельное регулирование некоторых сфер в отдельных нормативно-правовых актах. Некоторые разночтения могут наблюдаться в государственных программах федерального значения и в региональных нормативно-правовых актах. Толкование законодательной инициативы должно быть единым для всех нормативно-правовых документов, для чего рекомендуется проводить комиссии по каждой программе в области цифровизации.

На практике это представляется следующим образом: каждый законопроект должен быть рассмотрен рабочей группой, в состав которой должны входить юристы-ученые. Они дают положительное или отрицательное заключение на каждый законопроект, после чего отправляют данный законопроект депутатам на доработку или голосование. Отрицательное решение членов рабочей группы обязательно должно учитываться депутатами при голосовании. Наличие замечаний, противоречий и коллизий законопроекта с другими нормативно-правовыми документами дает повод для его пересмотра и корректировки в соответствии с полученными замечаниями.

2. Отсутствие конкретных критериев оценки эффективности экспериментальных режимов. Предполагается, что для каждого экспериментального режима будут выбираться свои критерии оценки, которые будут закреплены в программе, что позволит всесторонне оценивать результативность проекта. Например, для отрасли цифровых инноваций, это могут быть вполне конкретные цифры высвободившихся финансовых средств в результате применения инновационных технологий. Так, в качестве критериев можно рассматривать сокращение сроков реализации задачи, что также приводит к высвобождению финансовых средств, полную или частичную замену рабочей силы средствами современных технологий, и, например, финансовую экономию на производственных ресурсах, сокращение логистических затрат и других материальных издержек.

3. Длительный период согласования поправок к нормативно-правовым актам по результатам окончания экспериментального режима. Результатом может стать решение распространения полученного опыта на другие регионы или решение о невозможности распространения данного опыта. Так или иначе, решение обычно принимается с большой задержкой, не менее одного года. Для цифровой отрасли предлагается установить приоритетный режим рассмотрения документации. Так, например, в июле 2022 г., по сообщению В. В. Володина, для некоторых законопроектов был установлен приоритетный порядок их рассмотрения, для чего был изменен график заседаний. Аналогичным образом рекомендуется установить приоритетный режим рассмотрения для законопроектов в сфере цифровой инновации [10].

4. И последняя проблема – установление закрытого списка технологий, для которых могут применяться экспериментальные режимы (закрытый список – перечень, редактирование которого не предусмотрено). Так, например, в Постановлении Правительства Российской Федерации от 28.10.2020 № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций» внесен закрытый перечень технологий, по отношению к которым может быть применен экспериментальный режим [6]. Цифровая среда

развивается, информационные технологии проникают во многие сферы деятельности, активно развиваются, в связи с чем рекомендуется установление открытого (редактирование которого предусмотрено) перечня технологий применяемых в рамках экспериментально-правовых режимов. Открытый перечень предусматривает регулярное занесение цифровых технологий в перечень технологий, по которым применим экспериментальный режим. Аналогичным образом может быть создана рабочая группа, которая работает в сфере цифровых инноваций и состоит из ученых в области ИТ, а также из руководителей крупных компаний, работающих на основе информационных технологий. Целью работы данной группы станет создание и продвижение цифровых инноваций [8. С. 472–481].

Заключение. Активное развитие информационных и цифровых технологий предполагает возникновение новых сфер регулирования общественных отношений, в связи с чем процесс законотворчества должен быть в большей степени упрощен, бюрократические проволочки должны быть сведены к минимуму, процесс должен быть упорядочен и рационален, а возможности специальных и экспериментальных правовых режимов должны отвечать запросам поставщиков цифровых инноваций для скорейшего их развития и внедрения на территории Российской Федерации.

Список литературы

1. Экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций в России. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Экспериментальные_правовые_режимы_\(песочницы\)_в_сфере_цифровых_инноваций_в_России](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Экспериментальные_правовые_режимы_(песочницы)_в_сфере_цифровых_инноваций_в_России) (дата обращения: 16.08.2022).
2. Бородушко И. В. Экспериментальные правовые режимы как фактор цифровой трансформации инновационной предпринимательской среды // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 4 (86). С. 86–98.
3. Громова Е. А. Специальные и экспериментальные режимы как способ преодоления барьеров внедрения компонентов цифровой индустрии в промышленных регионах // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2021. Т. 21, № 3. С. 48–54.
4. Насколько эффективны особые экономические зоны. URL: <https://journal.open-broker.ru/research/naskolko-effektivny-oez/> (дата обращения: 16.08.2022).
5. «Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) (ред. от 24.06.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/ (дата обращения: 16.08.2022).
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 28.10.2020 № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций». URL: <http://static.government.ru/media/files/o8LH12RcKX2aDbzOOyGYp78LPATZqQu7.pdf> (дата обращения: 24.08.2022).
7. Проект регламента Европейского Союза «О Европейском подходе для искусственного интеллекта» от 18.06.2021. URL: <https://zakon.ru/blog/2021/10/27/>

obzorproekta_reglamenta_evropejskogo_soyuza_o_evropejskom_podhode_dlya_iskusstvennogo_intellekta__re (дата обращения: 18.08.2022).

8. Санченко И. Д. Возможные проблемы применения экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций // Вопросы российской юстиции. 2021. № 16. С. 472–481.

9. Стратегия ЕС по данным: барьеры и цифровая трансформация. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/strategiya-es-po-dannym> (дата обращения: 18.08.2022).

10. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200622/1573324503.html> (дата обращения: 18.08.2022).

11. Указ Президента Российской Федерации 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 16.08.2022).

12. Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 258-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_390366/2ba4ea732b4523361915ec38043e88b8024ee172/#dst100004 (дата обращения: 16.08.2022).

13. Noskova Yu. B., Lupashko N. M. Experimental legal regimes in the field of digital innovation as a way to integrate the digital economy of the Russian Federation into the global economic space // European and Asian Law Review. 2020. № 1. Pp. 43–50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eksperimentalnye-pravovye-rezhimy-v-sfere-tsifrovyyh-innovatsiy-kak-sposob-integratsii-natsionalnoy-ekonomiki-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 16.08.2022).

В. В. Харин,

ассистент кафедры специальной подготовки
и обеспечения национальной безопасности,

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

«ПРАВОВЫЕ ПЕСОЧНИЦЫ» (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ) И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИИ

Аннотация. В современных условиях для государства и общества большое значение имеет использование научных достижений (новых технологий и продуктов) и, как следствие, их своевременная законодательная регламентация. Оптимальным инструментом в данной деятельности выступает использование «правовых песочниц» (экспериментальных правовых режимов), которые позволяют апробировать использование и правовое регулирование новых технологий и продуктов. В нашей стране возможность использования «правовых песочниц» представителями общества появилась лишь в 2021 г. с принятием и вступлением в юридическую силу Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». Данный закон является инновационным и «огромным шагом» в рамках правового урегули-

рования цифровых технологий, однако он имеет определенное количество спорных и нерегламентированных моментов, которые и рассмотрены в настоящей статье.

Ключевые слова: цифровые технологии, правовое регулирование, правовые песочницы, экспериментальный правовой режим, законодательство

«LEGAL SANDBOXES» (EXPERIMENTAL LEGAL REGIMES) AND SOME ASPECTS OF THEIR IMPLEMENTATION IN RUSSIA

Abstract. In modern conditions, the use of scientific achievements (new technologies and products) and, as a result, their timely legislative regulation is of great importance for the state and society. The optimal tool in this activity is the use of “legal sandboxes” (experimental legal regimes), which allow testing the use and legal regulation of new technologies and products. In our country, the possibility of using “legal sandboxes” by representatives of society appeared only in 2021 with the adoption and entry into force of the Federal Law of July 31, 2020 No. 258-FZ “On experimental legal regimes in the field of digital innovation in the Russian Federation”. This law is an innovative and “huge step” in the framework of the legal regulation of digital technologies, however, it has a certain number of controversial and unregulated points, which are discussed in this article.

Keywords: Digital technologies, Legal regulation, Legal sandboxes, Experimental legal regime, Legislation

В XXI в. большое внимание уделяется развитию новых технологий и новым технологическим открытиям. Цифровой прогресс (изобретение и внедрение новых технологий и продуктов) стал основополагающей движущей силой изменения общественных коммуникаций. Внедрение и использование актуальных новшеств и открытий научного мира становится достоянием и преимуществом не только отдельно взятых государств, но и конкурентным преимуществом компаний (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей): возникают новые экономические сферы, новые технологии коренным образом преобразуют бизнес-процессы (логистику, продажи, производство), повышают эффективность деятельности отдельных операций со стороны субъектов бизнеса и т. д. Естественно, что «преобразования инновационных технологий и достижений» отражаются и на конечном потребителе – отдельно взятой личности или социальной группе.

Ученые, например, такие как Клаус Шваб, отмечают то, что в настоящее время мировое сообщество находится в сложных социально-экономических преобразованиях, детерминантой которых стала «Четвертая промышленная революция». Научные достижения – новые открытия, технологии и продукты – выступает основным революционным компонентом, качественно преобразовывая деятельность общества и государства. Данная революция протекает и настоящее время, коренным образом изменяя общество [7. С. 16].

Использование цифровых технологий предопределяет развитие современного общества и государства, а значит для оперативного легального внедрения данных новшеств необходимо своевременное создание правовых регламентаций новых технологий и продуктов со стороны государства в лице законодательных органов.

Однако на практике правовое регулирование не успевает за «технологическим процессом»: складываются такие ситуации, что научные достижения довольно быстро интегрируются в общественную деятельность, а правовое регулирование данных новшеств «тормозится» законодательно-бюрократическим аппаратом, отсутствием понимания сущности технологий, безопасности, эффективности, полезности данных новшеств и т. д.

Зачастую законодатель из-за отсутствия полноценной картины о новшестве (ее эффективности, возможности регулирования) и для обеспечения безопасности общества и государства идет на крайние меры – запрет практического использования инноваций. Ярким примером в данном случае может служить отношение к криптовалюте и технологиям блокчейн, когда в 2014–2016 годах представители правоохранительных органах (Следственный комитет РФ, Генеральная Прокуратура РФ) а также представители министерств и Правительства РФ высказывались за запрет и ограничения деятельности данных новшеств. Центральный Банк России в тот период рассматривал криптовалюты как денежные суррогаты, легальное использование которых должно быть ограничено.

Как можно видеть в настоящее время, отношение к данным технологиям со стороны государства в лице его представителей пересмотрено: в 2017 г. был подготовлен проект постановления Правительства о создании «крипторубля» («цифрового рубля») в качестве третьей формы российской национальной валюты. Данный проект до сих пор совершенствуется и готовится к практическому внедрению Центральным Банком России.

Для предотвращения «подобных практик» и «двойственного» отношения к инновациям имеют место быть в качестве эксперимента (экспериментальных условиях) наблюдение, анализ, исследование реализации конкретной инновационной технологии или продукта: практические аспекты использования, возможные модели правового регулирования, сложности регламентации и т. д. С данной целью были разработаны специализированные правовые режимы – правовые песочницы (экспериментальные правовые режимы), которые используются во многих государствах, в том числе и в России.

Сам термин «песочница» (sandbox) был заимствован зарубежными юристами из теории программирования, в рамках которой он определяется как «изолированная среда для запуска потенциально-опасного кода» [8. С. 941]. Правовая песочница (регулятивная песочница, экспериментальный правовой режим) – особый режим правового регулирования, который позволяет субъектам-участникам данного режима использовать новые технологии и продукты в своей деятельности, производить и разрабатывать новшества без нарушений действующего законодательства. Фактически субъектам, которыми выступают, как правило, юридические лица, создают особые условия, отменяя для их деятельности часть действующего законодательства государства, чтобы данные субъекты «легально» (без нарушения действующего законодательства) смогли на практике опробовать новые, ранее не применявшиеся технологии или разработать и на практике оценить свои новшества.

Использование правовых песочниц имеет общее положительное воздействие и в настоящее время выступает одним из наиболее эффективных инструментов

правовой регламентации использования цифровых и технологических инноваций, так как субъекты данной деятельности получают возможность правомерно внедрить новшество или разработать, понаблюдать и проанализировать за практическими достоинствами и недостатками новой технологии (продукта), а законодатель на основе полученного опыта или в рамках эксперимента в правовой песочнице может применять различные модели правового регулирования инновации, выявить и изучить законодательные проблемы (коллизии и пробелы), с которыми можно столкнуться при интеграции правового регулирования новой технологии или продукта в действующую законодательную базу и т. д.

Стоит отметить, что правовая песочница является относительно новым инструментом. Впервые правовые песочницы были созданы в Великобритании в 2016 г. В рамках данного нововведения представители власти «туманного Альбиона» дали возможность на практике (реально) проанализировать использование новых технологий (выявить их практические плюсы и минусы), но под строгим надзором органов власти. Эксперимент оказался удачным, так как за первый год после нововведения опробовать инновации пожелали около 150 претендентов (было получено огромное количество заявок), 50 из которых было одобрено. Уже в 2017 г. в рамках эксперимента внедрил новые технологии в свое производство 41 участник. Как показал данный эксперимент, 90 % участников в дальнейшем закрепили новые технологии в своих компаниях, законодатель смог оперативно и «грамотно» скорректировать действующее законодательство, а мировое сообщество получило наглядный положительный опыт использования правовых песочниц [5. С. 46].

В дальнейшем подобные экспериментальные правовые режимы научили создавать и применять и в других странах (Индонезия, Таиланд, Гонконг, Сингапур, Австралия, страны Европы, Объединенные Арабские Эмираты и т. д.) [6].

В нашем государстве о необходимости и перспективах использования правовых песочниц высказывались еще в конце 2016 г. Так, заместитель председателя Центрального Банка России Ольга Скоробогатова в своих выступлениях и интервью неоднократно отмечала, что «мегарегулятор» планирует создание «экспериментальной платформы» для «тестирования» новых технологий в финансовой сфере. Был создан даже специализированный комитет ЦБ России – Комитет по развитию финансового рынка, который изучал возможности и последствия использования инновационных технологий и продуктов в финансовой сфере, нарабатывал рекомендации и методички по использованию таких технологий [3]. В 2018 г. ЦБ России удалось запустить внутриотраслевую экспериментальную площадку, однако для создания крупномасштабных и межотраслевых экономических экспериментальных площадок необходимы были изменения в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» или принятие отдельного закона по использованию правовых песочниц [6].

Тяжелый для мирового сообщества период 2019–2020 гг., который был связан с эпидемией «Covid-19», наглядно показал практическую эффективность новых цифровых и информационных технологий, которые можно эффективно использовать в повседневной деятельности. Представители бизнеса были заинтересованы

в возможностях легального использования новых технологий для перестроения или улучшения своей бизнес-модели в связи с актуальными требованиями потребителей. Законодатель, оценив все преимущества и практическую значимость своевременных технологических и цифровых инноваций бизнеса, в лице Минэкономразвития РФ разработал соответствующий законопроект, который был принят 31 июля 2020 г. в виде Федерального закона № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [2]. Однако практическое использование данного закона было назначено на январь 2021 г. с той целью, чтобы регуляторы и заинтересованные субъекты смогли ознакомиться с нововведением и перестроить (создать) структуры для данного направления деятельности в уполномоченных органах и органах регуляторах, а также продумать и подготовить свои заявки на использование экспериментальных правовых режимов со стороны представителей бизнес-структур.

Однако стоит отметить, что «правовые песочницы» в России использовались и ранее, но инициаторами создания подобных площадок выступали исключительно представители государственных или муниципальных представителей власти. В качестве примера можно привести Федеральный закон 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» [2], который, в частности, позволил в Москве в экспериментальном режиме исследовать практическое применение беспилотного транспорта.

Экспериментальная деятельность Министерства труда РФ, которая в 2018 г. запустила в качестве пилотного проекта электронный оборот документов, связанных с трудовой деятельностью, результатом которого стало интегрирование в трудовое законодательство РФ использования электронной трудовой книжки [9].

Новый же закон стал инновационным в том плане, что дал возможность интеграции и использованию передовых цифровых и других новшеств негосударственным субъектам бизнеса с целью оперативного внедрения и правового регулирования достижений научной сферы. Данный закон, по мнению специалистов, должен стать адекватным инструментом нормативно-правового регулирования процесса интенсивной цифровизации сфер общественной деятельности.

Данный закон является весьма значимым нововведением для правовой адаптации цифровых технологий, однако, как и любому нововведению, данному закону свойственны определенные недостатки, противоречия и недоработки, которые имеют практическую значимость.

В частности, данный закон в пункте 2 статьи 1 отражает, в каких практических сферах может применяться экспериментальное правовое регулирование. Также законодатель ограничил использование данного инструмента восемью сферами. Да, пункт 9 предполагает, что данный перечень является открытым: «иные направления разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций, установленные Правительством Российской Федерации» (<http://ivo.garant.ru/>). Однако возможности введения дополнительных сфер использования экспериментальных правовых площадок решается не на уровне контролирующих или уполномоченных органов

(что позволило бы в индивидуальных случаях использовать этот режим оперативно в других сферах с индивидуальным подходом), а исключительно Правительством РФ [4. С. 37].

Также можно обратить внимание на пункт 8 статьи 1, который в качестве сферы применения экспериментальных правовых режимов предусматривает «предоставление государственных и муниципальных услуг и осуществление государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, осуществление иных полномочий и функций государственными органами и органами местного самоуправления» [4. С. 37]. Как можно видеть, в рамках данной сферы представлена возможность использования экспериментальных режимов в государственных органах и органах местного самоуправления, но не в судебной системе. Российским законодательством запрещено принятие решений по судебному разбирательству искусственными (виртуальными и цифровыми) технологиями, однако новые цифровые технологии, апробированные в рамках экспериментальных правовых режимов, смогли бы существенно повысить скорость и эффективность судопроизводства. В качестве примера можно привести апробирование и регламентацию дистанционного участия в судебном заседании и удостоверение личности по биометрическим данным. В период действия экспериментального режима провести такие заседания с использованием цифровых технологий будет гораздо проще – не придется каждый раз обращаться к Верховному Суду РФ за разрешением. Кроме того, суды смогут отработать данные процедуры на практике.

В статье 2 настоящего документа даны основные понятия, которые используются в рамках настоящего нормативного правового акта. В рамках понятий «субъект экспериментального правового режима» и «претендент», мы можем увидеть, что законодатель ограничил использование экспериментальных правовых режимов только юридическими лицами, государственными или муниципальными органами. Физическое лицо не может выступать субъектом экспериментального правового режима, а значит, не имеет возможности в рамках эксперимента правомерно использовать цифровые нововведения в своей жизнедеятельности с дальнейшим их закреплением и правовой регламентацией.

Также здесь стоит отметить, что, согласно статье 2, муниципальный орган может выступать исключительно инициатором и не может выступать уполномоченным или координирующим органом, что на практике лишает муниципалитеты возможности активно участвовать в данной деятельности, когда инициатива правового эксперимента исходит не от муниципалитета, но реализуется данный эксперимент на территории данного (конкретного) муниципалитета: местные власти не имеют возможности (полномочий) контролировать, согласовывать и индивидуализировать правовые ограничения в каждом конкретном случае.

В ст. 5 Федерального закона № 258 регламентированы возможные последствия экспериментального правового режима при причинении вреда жизни, здоровью, имуществу человека или имуществу юридического лица, в том числе при правомерных действиях. Согласно данной правовой норме акцент делается исключительно на гражданское законодательство (возмещение имущественного ущерба и вреда), но не регламентированы вопросы применения и реализации уголовной и администра-

тивной ответственности при наличии оснований для их применения. Так, субъекты экспериментальных правовых режимов подлежат уголовной или административной ответственности на общих условиях (основаниях) или в рамках экспериментального правового режима определенные нормы уголовного и административного законодательства могут не действовать на субъектов эксперимента? Не раскрытие таких важных аспектов противоречит одному из закрепленных в статье 4 принципов использования экспериментальных правовых режимов: «недопустимость ограничения... умаления гарантий защиты прав граждан и юридических лиц, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами...».

Актуальным аспектом правового регулирования экспериментальных правовых режимов в России выступает период, на который данный режим может назначаться – а именно три года. Помимо этого, в индивидуальных случаях по решению Правительства РФ данный период может быть продлен на один год. С одной стороны, довольно продолжительные временные границы правового эксперимента способствуют более качественной и полноценной апробации цифровой новации, что впоследствии отражается на эффективности и качестве правовой интеграции данной новации в законодательство и значимости и целесообразности использования. Однако, анализируя опыт зарубежных стран (в Великобритании, Австралии экспериментальный режим предоставляется максимум на 12 месяцев, в Сингапуре – временной период данного режима не может превышать 3–6 месяцев), а также осознавая на практике, с какой скоростью появляются и внедряются новые технологии, можно отметить, что период в три года довольно продолжительный [4. С. 38].

Также, согласно статьям 16 и 17 Федерального закона № 258, предусмотрено, что действие экспериментального правового режима прекращаются «при вступлении в силу федерального закона, применение которого ведет к прекращению или изменению действия такого экспериментального правового режима». А учитывая скорость российской законотворческой деятельности, можно предположить, что в сфере экспериментального правового режима в течение трех (четырёх) лет высока вероятность правовых изменений, которые тем или иным образом будут касаться условий экспериментального правового режима.

Анализируя положения тех же статей 16 и 17 Федерального закона № 258 в отношении прекращения экспериментального правового режима «при вступлении в силу федерального закона...». Данная трактовка не полноценно отражает условие прекращения в виде появления или обновления законодательства экспериментальной сферы, так как не учитываются региональные законы и нормативные правовые акты муниципалитетов, которые могут внести существенные изменения в условия экспериментального правового режима, однако на течение данного режима никак не повлияют, исходя из того, что не являются федеральными законами.

Актуальными и сложными аспектами выступают также использование экспериментальных правовых режимов и законодательство о персональных данных [9]. В частности, в настоящее время большое количество цифровых технологий, призванных оптимизировать бизнес-процессы, связаны со сбором данных

о клиентах (потенциальных клиентов), в том числе и сведений, составляющих категорию персональных данных. Личные данные – особая ценность для общества в XXI в., ввиду чего, в частности в России реализованы довольно строгие правила «использования и получения» персональных данных. Ограничение положения законодательства о персональных данных в рамках правового экспериментального режима противоречило бы принципу использования подобных режимов – статья 4 Федерального закона № 258 (обеспечение безопасности личности, общества и государства), и при фактическом выявлении нарушений законодательства о персональных данных означала прекращение правового эксперимента на основании пункта 2 статьи 17 Федерального закона № 258 «выявлены случаи нарушения прав и свобод человека и гражданина, причинения вреда интересам государства».

Соотношение экспериментального правового режима и законодательства о персональных данных Федеральным законом № 258 не регламентировано, что также можно рассматривать как недостаток настоящего закона.

Таким образом, стоит отметить, что законодательство Российской Федерации сделало «большой шаг» в сторону оперативной регламентации и использования новейших цифровых технологий, введя возможность использования «правовых песочниц» юридическими лицами, органами власти и муниципалитетами. Был разработан и принят соответствующий Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», который регулирует процесс внедрения и использования экспериментальных правовых режимов. Однако данный закон содержит определенное количество спорных и нерегламентированных моментов, которые на практике могут «понижить» эффективность и возможность применения экспериментальных правовых режимов и нуждаются в законодательном разрешении (дополнении).

Список литературы

1. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ // СПС «Гарант». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/74451176/paragraph/1/doclist/4111/showentries/0/highlight/О%20реализации%20экспериментальных%20правовых%20режимов%20в%20сфере%20цифровых%20инноваций:1> (дата обращения: 18.09.2022).

2. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/73945195/> (дата обращения: 18.09.2022).

3. Борисьяк Д. ЦБ создаст экспериментальную платформу для банков // Ведомости. 2016. 21 сентября.

4. Громова Е. А. К вопросу об экспериментальных правовых режимах создания цифровых инноваций (регуляторных песочницах) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 3. С. 36–40.
5. Достов В. Л., Шуст П. М., Рябкова Е. С. Институт «регулятивных песочниц» как инструмент поддержки финансовых инноваций // Деньги и кредит: журнал. 2016. № 10. С. 45–49.
6. Регулятивная песочница // Информационный портал «Википедия». URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Регулятивная_песочница (дата обращения: 18.09.2022).
7. Развитие регулирования: новые вызовы в условиях радикальных технологических изменений: доклад к XX апрельской междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 88 с.
8. Щеглов К. А. Метод реализации «песочницы» для потенциально опасных программ // Известия высших учебных заведений. Приборостроение. 2017. № 10. С. 940–944.
9. Юридические эксперименты в ИТ. Как кастомизировать закон под себя // Информационный портал «Хабр». URL: <https://habr.com/ru/company/croc/blog/515904/> (дата обращения: 18.09.2022).

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ТРУДОВЫХ И СВЯЗАННЫХ С НИМИ ОТНОШЕНИЙ

Ю. С. Гусакова,

кандидат юридических наук, доцент,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

НЕКОТОРЫЕ ЦИФРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация. Несомненно, трудовые правоотношения базируются на конституционно закрепленных трудовых правах человека, возможности трудовой деятельности в той или иной сфере, а также возможности вступления в трудовые правоотношения по своему усмотрению. Свобода труда заключается и в наличии права, возможности, выбрать самостоятельно получаемую специальность, профессию, место работы. Помимо прочего, трудовой договор может выступать юридическим фактом, который выступает наиболее важным обстоятельством, на основании которого происходит само возникновение и динамика трудовых правоотношений. Еще одной функцией трудового договора является выполнение роли правовой формы организации труда в учреждениях, организациях. Сегодня доступны различные виды взаимодействия работника и работодателя по заключению, изменению и расторжению трудовых договоров от бумажного до электронного.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, трудовые правоотношения, работник, работодатель, трудовое законодательство, трудовой договор

SOME DIGITAL FEATURES OF THE FORMALIZATION OF LABOR RELATIONS

Abstract. Undoubtedly, labor relations are based on constitutionally enshrined human labor rights, the possibility of working in a particular field, as well as the possibility of entering into labor relations at one's discretion, labor freedom also consists in the right, the opportunity to choose an independently obtained specialty, profession, place of work. Among other things, an employment contract can act as a legal fact, which is the most important circumstance on the basis of which the very emergence and dynamics of labor relations occur. Another function of the employment contract is to fulfill the role of the legal form of labor organization in institutions, organizations. Today, various types of interaction between an employee and an employer on the conclusion, modification and termination of employment contracts are available, from paper to electronic.

Keywords: Law, Digital technologies, Labor relations, Employee, Employer, Labor legislation, Employment contract

В условиях развития гражданских инициатив и создания соответствующих экономических условий усиление роли должного регулирования трудовых правоотношений, несомненно, возрастает. Как правило, трудовые правоотношения основаны на заключении трудового договора. Рассматривая институт трудового договора, следует отметить, что его становление прошло длительный путь формирования. На сегодняшний день Конституция Российской Федерации устанавливает фундаментальное положение, согласно которому каждый человек имеет право на труд в безопасных условиях, запрещены любые формы дискриминации труда (ст. 37) [1]. Таким образом, государство становится гарантом жизненных ценностей и благ личности в сфере труда. Свободная реализация прав на труд – это один из наиболее важных способов обеспечения достойной жизни человека.

В настоящее время особая актуальность в эффективном правовом регулировании трудовых правоотношений обусловлена и различными негативными тенденциями. Так, пандемия 2020 г., вызванная распространением COVID-19, показывает, что от эффективности мер правового регулирования трудовых правоотношений, в частности норм относительно заключения трудового договора, зависит и эффективность функционирования экономики, что в сложившейся ситуации достаточно важно.

Прежде всего, следует определить понятие трудового договора и те характерные особенности, которые связаны с процессом его заключения и дальнейшей реализации. Наиболее важные подходы относительно общих положений и вопросах заключения закреплены в главах 10, 11 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ). Основываясь на положениях ст. 56 ТК РФ, следует выделить комплекс признаков, присущих трудовому договору:

- в нем отражается достигнутое соглашение между заинтересованными субъектами правоотношения (работодатель, работник);
- работодатель предоставляет заранее определенную работу, обеспечивает весь комплекс условий для осуществления труда, оплачивает труд;
- работник лично выполняет заранее определенную трудовую функцию в интересах работодателя [2].

Как всегда в качестве сторон трудового договора выступают работодатель и работник. На основе законодательного определения трудового договора, следует осуществить важнейшие его признаки:

- наличие личного характера выполнения трудовой функции работником;
- в качестве предмета договора выступает процесс труда, но не его результат (как в гражданско-правовом договоре, например, строительного подряда);
- к числу обязательных функций работодателя относится обязанность организации труда и, что важно, при этом труд должен осуществляться в здоровых и безопасных условиях;
- работник выполняет возложенные трудовые обязанности в соответствии с правилами внутреннего трудового распорядка;
- вознаграждением работника за осуществляемую трудовую деятельность является выплата заработной платы.

По причине того, что трудовой договор представляет собой соглашение и не все условия его являются императивными, исходя из системы трудового законода-

тельства, стороны вправе самостоятельным путем определить его условия. В качестве примера можно привести процесс определения индивидуальных условий труда для конкретного работника. Тем не менее степень свободы в определении сторонами конкретных условий трудового договора является ограниченной, что вытекает из сущности ст. 8 ТК РФ.

Определенно, вводится запрет на ухудшение положения работника закрепленными в трудовом договоре условиями, по отношению к действующему законодательству. В качестве наглядной реализации положения ст. 8 можно привести норму ст. 60 ТК РФ, согласно которой вводится правовой запрет на требование по выполнению работы, которая прямо не вытекает из трудовой функции, определенной в рамках трудового договора. Существенные изменения, затрагивающие вопросы осуществления трудовой деятельности, выходящие за рамки заключенного соглашения, допускаются только при наличии дополнительных соглашений [2].

В установленных законом случаях или по соглашению сторон трудовая деятельность может быть прекращена. Соответственно, в закреплении подобного подхода реализуется конституционно закрепленное право на труд, обладающий свободным характером.

Очевидно, что понятие трудового договора следует охарактеризовать как весьма многогранное явление, включающее в себя различные аспекты, его можно рассмотреть в следующих контекстах:

- соглашение;
- правоотношение либо его форма;
- самостоятельный институт науки трудового права;
- объективно выраженная реализация права на свободный труд;
- событие, имеющее свойство юридического факта.

Несомненно, трудовые правоотношения базируются на конституционно закрепленных трудовых правах человека, возможности трудовой деятельности в той или иной сфере, а также возможности вступления в трудовые правоотношения по своему усмотрению [5. С. 112]. Свобода труда заключается и в наличии права, возможности, выбрать самостоятельно получаемую специальность, профессию, место работы.

Помимо прочего, трудовой договор может выступать юридическим фактом, который выступает наиболее важным обстоятельством, на основании которого происходит само возникновение и динамика трудовых правоотношений. Еще одной функцией трудового договора является выполнение роли правовой формы организации труда в учреждениях, организациях. Посредством трудового договора за работником закрепляются определенные обязанности (что выражается в занимаемой должности, наличии определенной профессии и иные факторы), определяющие особенности осуществления трудовой деятельности.

Выступает трудовой договор и в качестве основополагающего, базового института трудового права, обладающим чрезвычайно важным значением. Очевидно, что в таком свете, трудовой договор является совокупностью, системой правовых норм, которые становятся фундаментом для формирования важнейших функциональных характеристик, среди которых понятие, содержание, сроки, особенности заключения договора, а также его изменения и особенностей прекращения.

Помимо прочего, трудовой договор выступает наиболее важным документом, в котором происходит оформление трудовых правоотношений. Законодательно, система требований к его форме отражается в ст. 67 ТК РФ. При заключении трудового договора, важно наличие следующих показателей:

- письменная форма;
- два экземпляра для каждой из сторон;
- наличие подписей сторон [2].

Вступление в трудовые правоотношения, как правило, свидетельствует о наличии необходимой степени правоспособности, чтобы совершить такие действия, которые направлены на вступление в соответствующее трудовое правоотношение. Нормы о правоспособности работника закреплены в ст. 20 ТК РФ. Исходя из той же нормы, в качестве работодателя, право на подписание трудового договора закреплено за:

- физическим лицом (например, индивидуальным предпринимателем);
- органами управления юридического лица или же теми лицами, которые в соответствии с действующим законодательством и локальным правовым регулированием могут выступать в качестве представителей юридического лица.

Как правило, если работодателем выступает физическое лицо, трудовой договор подписывается им лично. Когда работодателем выступает организация, то органы управления юридического лица вправе в установленном порядке передать полномочия работодателя по заключению трудовых договоров определенному лицу. При этом порядок определения того лица, которое уполномочено от имени организации заключать трудовые договоры, находится в зависимости от организационно-правовой формы юридического лица.

Нельзя не отметить, что действующим законодательством, несмотря на закрепление фактически императивной нормы о заключении трудового договора в письменной форме, предусмотрены и особенности правового регулирования относительно тех договоров (нарушение письменной формы), которые были совершены в устной форме. Так, согласно ст. 67 ТК РФ, о фактическом заключении трудового договора свидетельствует:

- с ведома работодателя, либо по его поручению, допуск работника к выполнению той или иной работы;
- указанный факт на работодателя возлагает обязанность – оформить в установленном законодательством порядке возникшие трудовые правоотношения;
- законом установлен срок на совершение данного действия – три рабочих дня с момента допуска к работе [2].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [3] сформулированы пояснения о том, что в качестве представителя работодателя (в контексте допуска от имени юридического лица – работодателя работника к осуществления трудовой деятельности) выступает лицо, уполномоченное на осуществление найма трудового персонала. При этом такое положение следует как из требований, установленных нормативными правовыми актами различного уровня, так и внутренними нормативными актами организации.

Подобная ситуация, связанная с фактическим допущением к работе, находит свое отражение в положениях ст. 16 ТК РФ. Несомненно, работник заинтересован в так называемом легальном трудоустройстве, так как оно связано с многими правовыми последствиями. Подразумевается, как надлежащая оплата труда, так и нормы социального регулирования и пр. В фактическом отражении целого ряда условий осуществления трудовой деятельности, по сути, закрепляются соответствующие последствия и применения в связи с этим определенного уровня трудовых гарантий.

И. А. Паламарчук формулирует следующее определение трудовых гарантий: «Гарантии – это способы правового регулирования обеспечения осуществления прав, определенных трудовым законодательством (а также иными нормативными правовыми актами, коллективными и трудовыми договорами), используемые как при совершении действий (бездействий), так и при наступлении событий, влияющих на права работников и работодателей» [4. С. 8].

Несомненно, трудовые гарантии являются наиболее важным закреплением основ для защиты сторон трудового договора. Кроме того, надлежащее оформление трудовых правоотношений позволяет повысить уровень государственного контроля и надзора в трудовой сфере. Тем не менее, несмотря на значительное количество императивных норм в законодательстве, при заключении трудового договора, особую роль приобретает соглашение сторон, а также диспозитивное определение многих условий трудового договора (например, заработная плата, режим рабочего времени, особенности внутреннего распорядка и пр.).

Как было указано выше, трудовой договор подразумевает целый комплекс аспектов, которые входят в данное понятие, что предопределяет его важность и значимость. Его также принято трактовать в качестве трудовой «сделки», выражающей волю и действия сторон, которые направлены на установление, изменение или прекращение трудовых прав и обязанностей (факт, влекущий за собой значимые последствия). В трудовом договоре можно выделить ряд наиболее важных элементов:

- субъекты трудовых правоотношений;
- соответствующее волеизъявление;
- соблюдение определенной формы;
- наполнение особым внутренним содержанием.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что правовое положение сторон трудового договора определяет систему прав и обязанностей каждой из сторон.

Нельзя не отметить, что имеет место обстановка, при которой в полной мере многие граждане не могут реализовать свои трудовые права. Объяснить это можно тем, что многие предприятия, организации, закрыты на период введения ограничительных мер. Влияние последствий коронавируса на заключение трудового договора заключается и в том, что, в связи с установленными требованиями, необходимо заключение договора в письменном виде, между тем в сложившихся условиях это становится зачастую невозможным.

Возникают вопросы относительно возможности дистанционного заключения трудового договора, связанного с санитарно-эпидемиологической обстановкой (например, многие сотрудники выполняют работу в режиме удаленного доступа). Между тем норм в законе относительно возможностей заключения трудового договора по-

средством дистанционной формы не обозначено. Представляется, что актуальным на сегодняшний день является введение в ТК РФ норм, позволяющих урегулировать:

1. Вопросы дистанционного заключения трудового договора в связи с невозможностью заключения в письменной форме, обусловленной текущей санитарно-эпидемиологической обстановкой (равно как и иными негативными факторами). Введение такой нормы можно предусмотреть для выполнения работы, не связанной с нахождением на рабочем месте, предоставленном работодателем и пр.

2. Кроме указанного, актуальную проблему представляет отсутствие нормы в ТК РФ, регламентирующей временный перевод сотрудников в связи с определенными обстоятельствами на удаленную работу.

В ТК РФ вступили в силу изменения с 1 января 2022 г. в отношении всего кадрового делопроизводства и всех видов работодателей и работников, включая внедрение электронных трудовых книжек и ведение всего кадрового документооборота в электронном виде. Таким образом, доступны все виды взаимодействия работника и работодателя по заключению, изменению и расторжению трудовых договоров при использовании портала Госуслуг [6].

Важно сказать, что с 2021 г. заключить электронный трудовой договор можно только в двух случаях: если гражданин выполняет профессиональные обязанности удаленно или если работодатель – участник эксперимента по цифровизации кадрового документооборота, и это возможно только с согласия работника [7].

На наш взгляд, ведение в ТК РФ определенных преобразований сможет помочь урегулировать те вопросы, которые особенно актуальны в текущее время. Так как и работодатели, и работники в текущих условиях испытывают затруднения в вопросах заключения и реализации трудовых договоров, обусловленных пандемией. При этом современные условия диктуют поиск новых решений существующих проблем, что станет основой для успешного введения дистанционных форм взаимодействия по вопросам трудовых правоотношений.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2022. – 272 с.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru/document/>

4. Паламарчук, И. А. Заключение, изменение и прекращение трудового договора: гарантии и компенсации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / Паламарчук И. А.; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова]. Москва, 2013. 28 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005534052>

5. Трудовое право: учебник для прикладного бакалавриата / В. Л. Гейхман [и др.]; под ред. В. Л. Гейхмана. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 382 с. // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/445026>

6. Приказ Минтруда России от 14.05.2020 № 241 «Об утверждении перечня работодателей – участников эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой». URL: <https://lawabc.ru/>

7. Федеральный закон от 24.04.2020 № 122-ФЗ «О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой». URL: <https://lawabc.ru/>

М. А. Драчук,

кандидат юридических наук, доцент,

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ КАК ВЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ТРУДА

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу основных направлений публично-правового управленческого воздействия на сферу труда в условиях цифровой экономики. Автор полагает, что введение электронного документооборота в сфере трудовых отношений, использование цифровых технологий в экономике, решение связанных с этим проблем – задача, прежде всего, государственная, напрямую связанная с управлением рынком труда и рациональным использованием трудовых ресурсов. Правильное ее решение поможет упростить и унифицировать оформление трудовых отношений, будет способствовать эффективному разрешению трудовых споров, проведению мероприятий по контролю (надзору) в сфере труда и занятости. В выбранном в настоящее время направлении развития трудового законодательства требуется совершенствование перечня наиболее значимых в сфере оформления трудовых отношений документов, формирование современных типовых форм таких документов и/или программ по их составлению.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, трудовые отношения, электронный документооборот, занятость

DIGITALIZATION OF RELATIONS AS A VECTOR OF PUBLIC ADMINISTRATION AT WORK

Abstract. This article is devoted to the analysis of the main directions of public-legal management impact on the sphere of labor in the digital economy. The author believes that the introduction of electronic document management in the field of labor relations, the use of digital technologies in the economy, the solution of related problems is primarily a state task, directly related to the management of the labor market and the rational use of labor resources. Its correct solution will help to simplify and unify the registration of labor relations, will contribute to the effective resolution of labor disputes, the implementation of measures for control (supervision) in the field of labor and employment. In the currently

chosen direction of development of labor legislation, it is necessary to improve the list of the most significant documents in the field of registration of labor relations, the formation of modern standard forms of such documents and / or programs for their compilation.

Keywords: Law, Digital technologies, Labor relations, Electronic document management, Employment

Введение. Четвертая промышленная революция, связанная с цифровизацией экономики и трансформацией трудовых отношений, привнесла изменения в содержание правового регулирования трудовых и тесно с ними связанных отношений, перечисленных в ст. 1 Трудового кодекса Российской Федерации [7].

Так, с 1 января 2020 г. работодатель в силу ч. 1 ст. 66.1 Трудового кодекса РФ формирует в электронном виде основную информацию о трудовой деятельности и трудовом стаже каждого работника и передает ее для хранения в информационных ресурсах Пенсионного фонда Российской Федерации. Установленный перечень сведений формируется и обрабатывается безотносительно к волеизъявлению работника, а также независимо от того, имеет ли место ведение сведений о трудоустройстве данного работника и оформлении трудовых отношений с ним в документарном виде.

В связи с цифровизацией рынка труда был изменен Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» [4]. В редакции закона с 1 января 2020 г. содержатся упоминания об информационно-аналитической системе Общероссийская база вакансий «Работа в России», государственном информационном ресурсе «Справочник профессий», включенном в федеральную государственную информационную систему «Единая система нормативной справочной информации», а также о федеральной государственной информационной системе «Федеральный реестр инвалидов». Указанные своды цифровой информации являются основанием для оказания соответствующих государственных услуг и нацелены на организацию рынка труда как единого пространства для поиска вакансий заинтересованными кандидатами на трудоустройство, а также платформы для консолидации предложений от работодателей всех форм собственности.

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 18.05.2017 № 590 «О формировании, ведении и об актуализации государственного информационного ресурса «Справочник профессий»» [6] для каждой профессии (специальности, должности) указывается наименование профессионального стандарта (при наличии) и наименование федерального государственного образовательного стандарта профессионального образования по профессиям, специальностям и направлениям подготовки. Поскольку трудовая функция связана с частью экономического вида деятельности работодателя (ВЭД из общероссийского классификатора, или ОКВЭД), она может быть заменена цифровым кодом, производным от кода ОКВЭД, к которому в силу нормативного требования о взаимосвязи профессиональных и образовательных стандартов можно присоединять цифровые коды указанных стандартов единого образца, соединяющего ВЭД, код трудовой функции, предусмотренный для нее профстандарт и необходимую квалификацию.

В свете указанных выше тенденций 24.04.2020 также был принят Федеральный закон № 122-ФЗ «О проведении эксперимента по использованию электронных

документов, связанных с работой» [5]. Эксперимент проводился 15 ноября 2021 г. включительно и завершился масштабными изменениями трудового законодательства.

Так, с 1 сентября 2022 г. в силу ст. 2 Федерального закона от 22.11.2021 № 377-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» [3] применяются положения Трудового кодекса Российской Федерации, касающиеся взаимодействия Единой цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России» и информационной системы работодателя, позволяющей обеспечить подписание электронного документа в соответствии с требованиями Трудового кодекса Российской Федерации, хранение электронного документа, а также фиксацию факта его получения сторонами трудовых отношений, с единым порталом государственных и муниципальных услуг, указанные, в частности, в ст. 22.1–22.3 Трудового кодекса Российской Федерации.

Масштабный сдвиг существующей парадигмы обязательного присутствия работника на рабочем месте для организации производственных процессов и необходимого контроля над трудовыми действиями произошел также в новейшей истории по причинам, обусловленным пандемией коронавирусной инфекции COVID-19. Организация удаленной работы оказалась в принципе возможной, более того, для отдельных работников достаточно эффективной при том, что работодатель при желании в значительной мере может сократить производственные затраты на организацию работы в «дистанте» без особых потерь в ее качестве и сроках выполнения.

Связанные воедино реалии и тенденции цифровизации в 1) мировом, 2) национальном экономическом и 3) форс-мажорном векторах развития с очевидностью качественно и окончательно изменили традиционное трудовое право прошлого века, платформа которого легла в основу структуры и содержания Трудового кодекса Российской Федерации и просуществовала двадцать лет. Конечно же, возникает вопрос, как следует оценивать соответствующие изменения в области государственного управления сферой труда? Являются ли они полезными или усложняют жизнь работника и работодателя?

Основная часть. Если очень фрагментарно проанализировать сам вектор цифровизации в трудовых отношениях как управленческое решение государства, то напрашиваются следующие выводы.

Первое. Весь объем цифровых реформ для работников старших возрастных групп не является обязательным условием дальнейшей занятости. Так, в силу ст. 22.2 Трудового кодекса Российской Федерации «лицо, имеющее по состоянию на 31 декабря 2021 года трудовой стаж, при приеме на работу к работодателю, который осуществляет электронный документооборот либо принял решение о введении электронного документооборота, вправе дать согласие на взаимодействие с работодателем посредством электронного документооборота». А вправе и не дать. Будет ли данное обстоятельство влиять на конкурентоспособность работника на рынке труда – покажет время, но, скорее всего, никаких существенных особенностей взаимодействия работодателя с группами «цифровых» и «нецифровых» работников не будет, кроме необходимости видеть среди «цифровых» всех сотрудников тех специальностей, которые сопровождают корпоративное управление – кадровую службу, юрисконсульты, экономистов, бухгалтеров, секретариат, так как взаимодействие этих лиц

с кадровыми цифровыми документами других сотрудников обычно обусловлено спецификой их трудовых действий и корпоративным распределением полномочий.

Если даже «документарный» работник будет единственным во всей компании, особых проблем вести его бумажное кадровое делопроизводство нет, поскольку все кадровые документы идентичны между собой независимо от формы их существования и способа подписания. Более того, «цифровой» сотрудник может просить о выдаче ему любого документа в бумажной копии. Следовательно, задача электронного документооборота в трудовых отношениях решается скорее как экологическая и организационная – экономия ресурса.

Второе. В случае использования электронных хранилищ государственной цифровой платформы «Работа в России» существует очевидное преимущество для работодателя в снижении уровня личной ответственности за сохранность и безопасность баз данных, включающих в себя персональные данные. Уменьшается стоимость сопровождения электронного документооборота. Но вот в вопросах модификации сведений кадрового учета свобода работодателя будет резко снижена, так как попытки изменить содержание электронного документа всегда оставляют цифровой след, поэтому при проведении проверок в рамках государственного контроля (надзора) в сфере труда или при рассмотрении трудового спора многие возможности работодателя «улучшить» свое положение полностью исключаются.

Это обстоятельство говорит также о явном усилении публично-правовых начал в управлении сферой труда при кажущемся частно-правовом характере документооборота.

Третье. Наиболее значимыми из всех фактов взаимодействия работника и работодателя законодатель посчитал заключение трудового договора, договора о материальной ответственности, ученического договора, договора на получение образования без отрыва или с отрывом от работы, внесение в них изменений, подписание согласия на перевод, заявления об увольнении, отзыве заявления об увольнении, а также ознакомление с уведомлением об изменении определенных сторонами условий трудового договора или приказом (распоряжением) о применении дисциплинарного взыскания. Эти операции законодатель считает верным подтверждать самым доказательным способом в сравнении со всеми иными кадровыми документами.

К этому перечню есть вопросы. Основной из них – почему законодатель разделил процедуру подписания трудового договора и ознакомления с локальными нормативными актами. Если следовать определенному в ст. 57 Трудового кодекса Российской Федерации перечню условий, подлежащих обязательному включению в содержание трудового договора, то их добрая половина является бланкетной и предполагает, что по этому вопросу принят соответствующий локальный акт работодателя, если только речь идет не о работодателях – микропредприятиях или некоммерческих организациях. Судебная практика демонстрирует множественные случаи предоставления работодателем своих локальных нормативных актов удобного работодателю содержания при том, что в трудовом договоре имеется лишь указание на то, что работник его якобы видел, причем чаще всего без идентификации даты принятия и прочих реквизитов. Соответственно, в большей мере целям и задачам трудового законодательства соответствует включение в систему наиболее значимых фактов трудовой жизни ознаком-

ления работника с локальными актами работодателя, выгруженными в тот же ресурс, в котором отражается событие подписания трудового договора.

Другой спорный момент – разделение факта ознакомления работника с приказом (распоряжением) о применении дисциплинарного взыскания и с таким же приказом, но о применении к работнику материальной ответственности за ущерб, причиненный им работодателю в пределах суммы, не превышающей средней заработной платы работника. По существу, привлечение работника к трудовой ответственности – это единый комплекс норм, и материальная ответственность работника своим основанием видит именно дисциплинарный проступок работника, а не что-то иное, за исключением случая причинения работником ущерба не при исполнении им своих трудовых обязанностей.

По той же логике в списке приоритетных для контроля за личным характером обязательства работника в перечень включены заключение договора о материальной ответственности, ученического договора и договора об обучении в период работы, а также изменения к ним – по всем этим соглашениям возможно привлечение работника к возмещению ущерба работодателю в случае неисполнения принятых на себя обязательств.

Поэтому совершенствование списка самых значимых для разрешения споров и/или контроля (надзора) в сфере трудовых отношений документов – необходимость.

В том же критичном ключе следует высказаться относительно того, что заявление работника о намерении прекратить запущенную им процедуру увольнения по собственному желанию почему-то не назвали «отзывом заявления (уведомления) работника о расторжении трудового договора по его инициативе», хотя вроде бы мы говорим в сфере тенденций цифровизации об осовременивании трудового законодательства. Наконец, по ст. 22.3 Трудового кодекса Российской Федерации работнику или претенденту на трудоустройство предлагается направлять работодателю заявления и уведомления, которые предусмотрены трудовым законодательством (а там много чего нет из необходимых для нормального производственного процесса).

Четвертое. Важный момент цифровизации в трудовых отношениях – унификация и упрощение кадрового документооборота. Из перечня наиболее значимых для разрешения споров и/или контроля (надзора) в сфере трудовых отношений документов, который был проанализирован чуть выше, видно, что работодателю предлагается вспомнить, что в трудовом законодательстве среди управленческих актов приказы (распоряжения) вовсе не самый необходимый документ. Очень в этом смысле порадовала норма части первой ст. 68 Трудового кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 22.11.2021 № 377-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации», а именно: «Прием на работу оформляется трудовым договором. Работодатель вправе издать на основании заключенного трудового договора приказ (распоряжение) о приеме на работу. Содержание приказа (распоряжения) работодателя должно соответствовать условиям заключенного трудового договора.»

Работодатели формируют приказы по поводу и без. Например, об отпуске приказ трудовым законодательством не предусмотрен (особенно с позиций логики он лишней при предоставлении отпуска по беременности и родам). Не нужен приказ о введении в действие нового локального акта, начислении премии, пред-

усмотренной системой оплаты труда, поручении работнику работы пределах его трудовой функции и т. д. В реальности таких документов масса, более того, их иногда запрашивают и суды, и органы контроля (надзора) как нечто само собой разумеющееся. Альтернатива приказам – распорядительные надписи на документах типа «в приказ», «юристу до 01.01.2023» и т. п. А идея законодателя, видимо, еще и цифровые образцы главных кадровых документов (типовые формы или программы для работы непосредственно на платформе).

Можно ли считать это плюсом? Безусловно. Работник в свете современных образовательных и профессиональных стандартов должен иметь компетенции и использовать их во благо работодателя, а не ждать приказа, так как, по существу, молчаливое ожидание указаний – это простой по вине работника. Поэтому «отучать» от приказа и инструкции и учить подробно и ответственно составлять условия договоров в трудовых отношениях – задача, решаемая и решаемая именно в условиях цифровой экономики.

Пятое. Чем еще обусловлена цифровизация трудовых отношений в сфере труда, которая требует государственного вмешательства? В нашу жизнь активно вливаются технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта. Искусственный интеллект – это теория и практика создания интеллектуальных машин и/или интеллектуальных компьютерных программ и предполагает использование компьютеров для понимания и воспроизводства свойств человеческого интеллекта.

Искусственный интеллект вызывает экономический интерес тем, что его носитель или способ воспроизводства призван исключить проявления так называемого человеческого фактора – тип личности, скорость мыслительно-моторных реакций, психоэмоциональные особенности, утомляемость, болезни, необходимость заботы о близких и т. п. Это крайне выгодно, даже несмотря на значительность затрат по созданию и использованию искуина (искусственный интеллект).

В этой связи в ближайшем будущем вполне возможна ситуация, при которой в некоторых отраслях экономики полностью или части произойдет полная или частичная потеря интереса в использовании именно человеческого труда.

Известные примеры таких технологий, пусть даже кажущихся далеким будущим, вполне реальны. Так, в Дубае поезда метрополитена переведены на режим перевозки пассажиров без участия машиниста. Компания «Газпром нефть», к примеру, поручила искусственному интеллекту вопросы разработки месторождений. Сбербанк на сегодняшний день уже внедрил искусственный интеллект практически во все бизнес-процессы. Например, кредиты согласовывает искусственный интеллект со средним временем операции 7 минут.

Подобных примеров можно привести множество, и их уже нельзя назвать частными случаями. Очевидно, что усиление использования искусственного интеллекта – это возможная и очень вероятная причина роста неустойчивого характера занятости (прекаризации).

Неустойчивая занятость обычно определяется как вынужденная утрата работником стандартных трудовых отношений, основанных на трудовом договоре с неопределенным сроком действия, полным нормированным рабочим временем и оплатой труда не ниже гарантированного законодательством минимума.

МОТ выделяет четыре нестандартные формы занятости: а) временную занятость (в том числе проектную, сезонную и другую разовую занятость); б) работу на условиях неполного рабочего времени (включая работу «с нулевым рабочим временем»); в) трудовые отношения с двумя и более работодателями (например, заемный труд); г) скрытую занятость (трудовые отношения, выдаваемые за гражданско-правовые, неоформленные отношения по найму и др.). Стабильность классических трудовых отношений при таком подходе очевидно ничем не поддерживается [1].

И. А. Филипова также соглашается с тем, что цифровизация общества повлияет на сферу труда, следствием чего станет, наряду с прочим, рост рынка гибкой занятости, внештатных сотрудников-фрилансеров [9].

Одновременно, как верно указывает О. В. Чесалина, цифровизация требует как первичного, так и последующего постоянного повышения профессионального уровня работника, его квалификации, в том числе в цифровых процессах, а проблемы в регулировании отношений, связанных с обучением работника, оплатой такого обучения, его сроков и тому подобным не решены в рамках классического подхода к регулированию трудовых отношений [8]. Л. В. Зайцева верно ставит и следующий вопрос – о возможной (вернее, невозможной) ответственности тех работников, кто просто не осилил нововведения, хотя старательно обучался и никоим образом дисциплину не нарушал [2].

Для исключения ситуации перехода в прекариат значительной части трудовых ресурсов, а также для разумного сочетания искусственного интеллекта и живого труда необходима активная государственная экономическая и социальная политика и адекватные ей международные формы сотрудничества. Государство должно действовать разумно и последовательно, обеспечивая баланс интересов труда и бизнеса, с полным осознанием того, что развитие интернет-технологий и искусственного интеллекта дестабилизирует сложившиеся отношения на современном рынке труда. Полученное работником одно образование не гарантирует, даже в условиях непрерывного повышения квалификации, стабильной работы по профессии и длительной эффективной занятости.

Заключение. Следует констатировать, что тенденции цифровизации на рынке труда будут усиливаться в той мере, в которой это будет необходимо экономически и определено в рамках национальной политики в сфере труда.

Введение электронного документооборота в сфере трудовых отношений, использование цифровых технологий в экономике, решение связанных с этим проблем – задача, прежде всего, государственная, напрямую связанная с управлением рынком труда и рациональным использованием трудовых ресурсов. Правильное ее решение поможет упростить и унифицировать оформление трудовых отношений, будет способствовать эффективному разрешению трудовых споров, проведению мероприятий по контролю (надзору) в сфере труда и занятости. В выбранном в настоящее время направлении развития трудового законодательства требуется совершенствование перечня наиболее значимых в сфере оформления трудовых отношений документов, формирование современных типовых форм таких документов и/или программ по их составлению.

В связи с усилением тенденций использования цифровых технологий, искусственного интеллекта также возможно высвобождение работников (структурная безработица), которое очевидно потребует увеличения социальной нагрузки на государство, в частности, на переобучение работников, создания новых рабочих мест, выплату пособий по безработице и стипендий на время переобучения. Данные затраты напрямую должны связываться с общественной пользой от использования цифровых технологий и искусственного интеллекта, своевременно реформировать законодательство о занятости населения и предусматривать необходимое налоговое бремя для исполнения государством своих социальных обязательств.

Список литературы

1. Лютов Н. Л. Трансформация трудового правоотношения и новые формы занятости в условиях цифровой экономики // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 115–130.
2. Зайцева Л. В. Правовые аспекты применения локальных систем электронного документооборота для регулирования трудовых отношений // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 3. С. 36–39.
3. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 22.11.2021 № 377-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400854/ (дата обращения: 19.09.2022).
4. О занятости населения в Российской Федерации: Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/ (дата обращения: 19.09.2022).
5. О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой: Федеральный закон от 24.04.2020 № 122-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351124/ (дата обращения: 19.09.2022).
6. О формировании, ведении и об актуализации государственного информационного ресурса «Справочник профессий»: Постановление Правительства Российской Федерации от 18.05.2017 № 590 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217103/ (дата обращения: 19.09.2022).
7. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 19.09.2022).
8. Чесалина О. В. Стабильность занятости и право на переобучение в условиях цифровизации экономики: факторы риска и необходимые правовые реформы // Российская юстиция. 2019. № 6. С. 68–70.
9. Филипова И. А. Правовое регулирование труда – 2020: смена парадигмы как следствие цифровизации экономики // Юрист. 2018. № 11. С. 31–35.

Л. В. Зайцева,

доктор юридических наук, доцент,
Тюменский государственный университет

ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ДЛЯ ДИСТАНЦИОННОГО ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИТ-СПЕЦИАЛИСТОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация. В условиях санкционного давления на Россию актуализируются вопросы импортозамещения в сфере цифровых технологий. В стране наблюдается дефицит соответствующих высококвалифицированных специалистов. Правительство принимает определенные меры в этом направлении, но они не решают всех проблем. Улучшить ситуацию могло бы привлечение необходимых специалистов из-за рубежа на дистанционной основе. Но этому препятствуют отдельные нерешенные проблемы трудового законодательства РФ. Отдельные направления его совершенствования рассматриваются в предлагаемой статье.

Ключевые слова: дистанционная работа, ИТ-специалисты, иностранные работники, заработная плата, охрана труда, коллизионные нормы, финансовые санкции

LEGAL RESTRICTIONS FOR DISTANT ATTRACTING IT SPECIALISTS LIVING ABROAD

Abstract. In the context of sanctions pressure on Russia, the issues of import substitution in the field of digital technologies are being updated. There is a shortage of relevant highly qualified specialists in the country. The government is taking certain measures in this direction, but they do not solve all the problems. Attracting the necessary specialists from abroad on a remote basis could improve the situation. But this is hindered by certain unresolved problems of the labor legislation of the Russian Federation. Separate directions of its improvement are considered in the proposed article.

Keywords: Remote work, IT specialists, Foreign workers, Wages, Labor protection, Conflict of laws regulations, Financial sanctions

Правовая неопределенность, пробелы и противоречия правового регулирования отдельных видов трудового договора, нетипичных форм занятости создают отдельные ограничения для рынка труда, которые негативным образом сказываются на развитии импортозамещения. Например, привлечение ИТ-специалистов, программистов-разработчиков из числа иностранных и российских граждан, проживающих за рубежом, возможное на дистанционной основе, сталкивается с проблемами, которые необходимо решать путем внесения изменений в трудовое, а также налоговое и финансовое законодательство.

Сегодня в России ощущается дефицит ИТ-специалистов. По данным исследования, проведенного по заказу Минсвязи России Ассоциацией «Апкит», сегодня потребность в таких сотрудниках составляет более 200 тыс. [3] и будет расти, достигнув к 2024 г. 300 тыс. [4]. И хотя в начале 2022 г. в области информационных технологий на четверть снизилось количество вакансий, но все же наблюдается

их дефицит. А изменения спроса-предложения объясняется тем, что, во-первых, непрофильные организации сократили свои программы развития цифровизации, готовясь к экономическим неурядицам, а, во-вторых, специалисты стали искать компании, устойчивые к санкционным рискам [1].

В связи со специальной военной операцией по данным РАЭК из России выехало порядка 50–70 тыс. IT-специалистов. Ассоциация прогнозировала и вторую волну «релаксации» примерно в 70–100 тыс. чел. [12]. Но в конце мая премьер-министр М. Мишустин заявил, что назад в страну вернулось 85 % от ранее уехавших [6]. В середине лета по официальным данным утечка в IT-сфере снизилась, и наиболее пессимистические прогнозы не оправдались, выехало из страны порядка 20 тыс. вместо ожидаемых 170 тыс. [3].

Несмотря на снижение оттока специалистов и уменьшение числа вакансий, дефицит кадров остается достаточно острым. Как известно, специалисты в области цифровизации необходимы для обеспечения программ экономического развития и импортозамещения.

Для стабилизации ситуации и предотвращения выезда за рубеж специалистов из IT-сферы органы государственной власти предприняли целый ряд мер. Таких как, введение льготной ставки по кредитам для аккредитованных организаций (в целях стимулирования предпринимательства в рассматриваемой сфере); 3 %-й ипотечной ставки для IT-специалистов; финансирование грантов в сфере программного обеспечения, создаваемого отечественными разработчиками [11], установление отсрочки от призыва на военную службу военнообязанных с соответствующим высшим образованием [9].

Для иностранных IT-специалистов установлен упрощенный порядок получения вида на жительство, для чего в июне 2022 г. были внесены изменения в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [13].

Тем не менее все перечисленные меры снизили лишь остроту проблемы, но вряд ли могут ее устранить, учитывая, что дефицит квалифицированных кадров в отрасли возник задолго до событий, с которыми связаны все перечисленные шаги правительства.

Какие еще барьеры, которые можно было бы разрушить уже сегодня, могли бы облегчить ситуацию на высокотехнологичном сегменте рынка труда?

Во-первых, это отсутствие легальной возможности привлекать необходимых работников на дистанционной основе, независимо от того, где они проживают. Мы уже писали о нелогичности целого ряда разъяснений Минтруда России, обосновывающих невозможность заключения трудового договора с дистанционным работником, проживающим за рубежом [2. С. 242–243]. Но поскольку аргументы Министерства вызывают все новые вопросы, то появляются все новые письма, изменяющие аргументы, но не суть отношения к подобным возможностям. Одно из последних по этому поводу писем Министерства труда и социальной защиты РФ 2022 г. [7], в отличие от предыдущих, объясняет, что законодательство РФ распространяется лишь на иностранцев, находящихся на территории страны. Это, на наш взгляд, скорее иллюстрирует старую проблему российского трудо-

вого права, в котором отсутствуют коллизионные нормы. Представляется, что в условиях виртуализации работы и рынка труда, следует, наконец, решить этот вопрос и включить в Трудовой кодекс норму, позволяющую в случае удаленной занятости применять нормы трудового права страны, в юрисдикции которой находится работодатель, как благоприобретатель результатов трудовой деятельности работника.

Кроме того, в письме Минтруда 2017 г. [8] содержится аргумент, который также, по мнению министерства, не позволяет реализовать трудовые отношения дистанционно за рубежом поскольку работодатель физически не способен выполнить все свои обязанности по отношению к такому работнику в области охраны труда. И если инструктажи и всякого рода обучение можно проводить и дистанционно, то как расследовать несчастный случай, связанный с производством, как того требует ТК РФ? В этом случае можно было бы или дополнить приказ Минтруда «Об утверждении Положения об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях, форм документов, соответствующих классификаторов, необходимых для расследования несчастных случаев на производстве» [10], включив в него возможности применения онлайн-процедур, электронного документооборота и т. п. Или, как крайний вариант, можно было бы сделать исключение и освободить работодателя от обязанности расследования в случае нахождения за рубежом дистанционного работника, как иностранного, так и российского гражданина. В таком случае надо будет внести и соответствующие изменения в Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», исключив из числа застрахованных указанную категорию. Последнее, конечно, представляется менее подходящим решением.

Во-вторых, развитию дистанционной занятости за рубежом в значительной степени мешают финансовые санкции, введенные против нашей страны. Сегодня фактически отсутствует комплекс мер по преодолению санкций в целях исполнения работодателями обязанностей по своевременной оплате труда лиц, оказавшихся за рубежом. До недавнего времени в литературе рассматривалась возможность использования в этих целях криптовалюты [5. С. 19]. Но с принятием и дальнейшим изменением в России закона о цифровой валюте [14] вопрос оказался предсказуемо закрыт, поскольку теперь федеральный закон запрещает применение криптовалюты в качестве платежного средства.

Сегодня вопрос о преодолении финансовых ограничений при перечислениях заработной платы может быть решен только с участием банков стран, не вводивших санкций против РФ. Особая роль здесь отдана дружественным странам, с регуляторами которых ЦБ России совместно создает единое платежное пространство, включая обеспечение взаимодействия систем быстрых платежей. Это, прежде всего, касается стран ЕАЭС, БРИКС и ШОС.

Также пока возможно перечисление заработной платы на электронные кошельки, поскольку антироссийские санкции коснулись не всех систем. Возможность перечисления зарплаты на электронный кошелек подтвердил в 2022 г. Роструд,

дав соответствующее разъяснение. Вместе с тем нельзя не заметить, что при применении электронного кошелька повышаются транзакционные издержки. Кроме того, не все мировые компании-операторы являются кредитными организациями, что приходит в противоречие со ст. 136 ТК РФ. С этой точки зрения можно было бы подумать об усовершенствовании формулировок указанной статьи, установив альтернативу платежа исключительно на счет в кредитной организации хотя бы в исключительных случаях.

Таким образом, расширению возможностей привлечения высококвалифицированных специалистов с помощью дистанционных технологий сегодня мешает целый ряд пробелов российского законодательства, которые могут быть достаточно легко устранены.

Список литературы

1. В России резко упал спрос на ИТ-специалистов. Число резюме растет, число вакансий падает. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2022-09-05_chislo_it-rezume_rastetinteres (дата обращения: 10.09.2022).
2. Зайцева Л. В., Абакумова О. А. Виртуальная мобильность и трансграничная дистанционная работа: наступившая реальность и правовая неопределенность // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 239–250.
3. ИТ-кадры для цифровой экономики в России. Оценка численности ИТ-специалистов в России и прогноз потребности в них до 2024 г. Москва, 2020.. URL: https://apkit.ru/files/it-personnel%20research_2024_APKIT.pdf (дата обращения: 10.09.2022).
4. Катастрофический дефицит. Цифровому прорыву предрекли острую нехватку ИТ-специалистов // Деловой Петербург. 24.01.2020. URL: https://www.dp.ru/a/2020/01/24/Katastroficheskiy_deficit (дата обращения: 10.09.2022).
5. Лескина Э. И. Вопросы цифровизации в сфере труда // Право и цифровая экономика. 2020. № 2. С. 17–21.
6. Мишустин сообщил о возвращении 85 % ИТ-специалистов, уехавших за рубеж // РБК, 27 мая 2022. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/05/2022/6290b8009a7947311d9f42c7> (дата обращения: 10.09.2022).
7. Письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 15.02.2022 № 14-4/10/В-1848 «О законодательстве, применяемом в случае заключения трудового договора о дистанционной работе с иностранными гражданами для осуществления трудовой деятельности за пределами РФ» // СПС КонсультантПлюс.
8. Письмо Минтруда России от 16.01.2017 № 14-2/ООГ-245 // Официальные документы (приложение к «Учет. Налоги. Право»). 2017. № 7.
9. Постановление Правительства РФ от 28.03.2022 № 490 «Об утверждении Правил предоставления права на получение отсрочки от призыва на военную службу гражданам Российской Федерации, работающим в аккредитованных организациях, осуществляющих деятельность в области информационных технологий» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 14. Ст. 2271.
10. Приказ Минтруда России от 20.04.2022 № 223н «Об утверждении Положения об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях, форм документов, соответствующих классификаторов,

необходимых для расследования несчастных случаев на производстве». URL: <http://pravo.gov.ru>, 01.06.2022

11. Распоряжение Правительства РФ от 01.04.2022 г. № 714-р «О выделении в 2022 г. из резервного фонда Правительства РФ бюджетных ассигнований в связи с ограничительными мерами, предпринятыми в отношении РФ иностранными государствами» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 15. Ст. 2546.

12. РАЭК спрогнозировала отъезд до 100 тыс. ИТ-специалистов в апреле. РБК, 22 марта 2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/03/2022/6239c48b9a7947da733b01fd> (дата обращения: 10.09.2022).

13. Федеральный закон от 28.06.2022 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 27. Ст. 4608.

14. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

Ю. И. Клепалова,

кандидат юридических наук, доцент,

Российский государственный университет правосудия

ЦИФРОВИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКИХ ОСМОТРОВ РАБОТНИКОВ ТРАНСПОРТА

Аннотация. Цель настоящего исследования – сформулировать проблемы правового регулирования проведения медицинских осмотров работников, связанных с движением транспорта, с применением цифровых технологий. Учитывая тенденцию повсеместного внедрения цифровых технологий, законодателю следует рассмотреть вопрос о целесообразности проведения медицинских осмотров «в дистанционном формате» только после предварительных консультаций со специалистами в области транспорта и здравоохранения. Выявлена необходимость изменения критериев оценки состояния здоровья работников транспорта, поскольку имеющиеся на данный момент отдельные показатели состояния здоровья, а также необходимость оценивать наличие воздействия на работника психотравмирующего фактора могут быть определены и установлены только в процессе личного контакта с врачом. Требуется устранить противоречие норм трудового законодательства и законодательства об охране здоровья граждан, поскольку последнее позволяет на данный момент проводить дистанционные осмотры только в качестве повторных консультаций с лечащим врачом.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, транспорт, новации, медицинский осмотр, телемедицина, традиции, правовое регулирование

DIGITALIZATION OF MEDICAL EXAMINATIONS TRANSPORT WORKERS

Abstract. The purpose of this study is to formulate the problems of legal regulation of medical examinations of workers associated with the movement of transport, using digital

technologies. Given the trend towards the widespread introduction of digital technologies, the legislator should consider the advisability of conducting medical examinations «in a remote format» only after prior consultations with specialists in the field of transport and healthcare. The need to change the criteries for assessing the state of health of transport workers has been identified, since the currently available individual indicators of the state of health, as well as the need to assess the presence of an impact on an employee of a psychotraumatic factor, can be determined and established only in the process of personal contact with a doctor. It is necessary to eliminate the contradiction between the norms of labor legislation and legislation on the protection of the health of citizens, since the latter currently allows remote examinations only as repeated consultations with the attending physician.

Keywords: Law, Digital technologies, Transport, Innovations, Medical examination, Telemedicine, Traditions, Legal regulation

Сфера транспорта – одна из наиболее важных с точки зрения экономики сфер общественной жизни, обеспечивающая удовлетворение нужд человека, всего общества в целом и государства. Это не только значительный сегмент сферы занятости населения нашей страны, но и источник повышенной опасности, как для участников дорожного движения, так и для окружающих, что обуславливает повышенные требования к качеству правового регулирования этой сферы и делает любую ошибку нормотворческих органов еще более ощутимой с точки зрения возможных негативных последствий, создающих угрозу жизни и здоровью человека.

Транспортные средства относятся к источникам повышенной опасности [2]. Любые нарушения в сфере транспортной безопасности существенно нарушают охраняемые общественные правоотношения независимо от поведения правонарушителя, размера вреда, наступления последствий и их тяжести [5]. На основе анализа законодательства можно сделать вывод о существовании следующих видов транспорта: воздушный (гражданская авиация), морской и внутренний водный, железнодорожный, автомобильный и внеуличный [4].

Общественные отношения, возникающие в сфере транспорта, представляют собой многоаспектное явление, регулируемые разными отраслями права. Одно из них – трудовое право, которое, помимо прочего, устанавливает требования к такому важному фактору безопасности, как медицинские осмотры лиц, участвующих в движении транспортных средств.

Проанализируем проблемные аспекты порядка прохождения медицинских осмотров работников транспорта. В связи с развитием цифровых технологий, цифровизацией кадрового делопроизводства, расширением применения дистанционного труда, законодательного регулирования этих процессов, а также внесения изменений в законодательство [10] в части закрепления возможности использования телематических технологий, актуальным и проблемным становится вопрос о возможности проведения медицинских осмотров в «дистанционном» формате, особенно предрейсовых и предсменных, что привело к появлению на рынке огромного числа организаций, предлагающих программно-аппаратные комплексы для проведения «дистанционных» медицинских осмотров.

Указанная практика была порождена неопределенностью формулировок нормативных актов, регулирующих порядок проведения медицинских осмотров: в частности, ни в одном акте не указано, что предрейсовые медицинские осмотры проводятся в «очной» форме при непосредственном контакте освидетельствуемого и медицинского работника, указывается лишь кем, где и когда они проводятся. Так, предсменные, предрейсовые и послесменные, послерейсовые медицинские осмотры работников автомобильного и внеуличного транспорта проводятся медицинскими работниками, медицинской организацией или иной организацией, осуществляющей медицинскую деятельность при наличии соответствующей лицензии [6]. Проведение предрейсовых или предсменных медицинских осмотров работников, производственная деятельность которых непосредственно связана с движением поездов и маневровой работой на железнодорожном транспорте, осуществляется в помещении (комната ожидания и кабинет медицинского приема), расположенном в депо, линейном пункте по предъявлению служебного удостоверения [7].

Таким образом, указание на то, что вышеуказанные медицинские осмотры проводятся непосредственно в медицинской организации только при личном присутствии работника, отсутствует, что привело к тому, что некоторыми работодателями стали закупаться и использоваться программно-аппаратные комплексы, в частности, для организации дистанционных медицинских осмотров водителей автомобилей. Полагаем, что такая практика противоречит действующему законодательству, поскольку законодательство о здравоохранении не содержит понятия и не регламентирует порядок оказания медицинской помощи и осуществления медицинской деятельности в дистанционной форме, т. е. без непосредственного контакта врача и пациента. Телемедицинские технологии могут применяться для оказания медицинской помощи только лечащим врачом для целей осуществления коррекции ранее назначенного лечения при условии установления им диагноза и назначения лечения на очном приеме (осмотре, консультации) [10].

Предрейсовые медицинские осмотры работников транспорта проводятся с целью выявления: состояний и заболеваний, препятствующих выполнению трудовых обязанностей, признаков алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения [6]. Выяснить указанные обстоятельства возможно только путем установления соответствующих изменений физиологических и других показателей жизнедеятельности организма человека, к тому же в ходе проведения предрейсового медицинского осмотра работников железнодорожного транспорта, которые осуществляют производственную деятельность, непосредственно связанную с движением поездов и маневровой работой, выявляется также наличие психотравмирующих ситуаций и факторов, ухудшающих работоспособность. Полагаем, что выявление указанных обстоятельств формально, путем ответа на вопросы, задаваемые программным комплексом, не отвечает требованиям обеспечения транспортной безопасности и не может осуществляться программным комплексом.

На данный момент нельзя утверждать, что существует компьютерная программа, которая позволяет на основании визуальных признаков сделать вывод о психологическом состоянии человека. Также нельзя исключать тот факт, что медицинский работник может обладать достоверной информацией о каких-то событиях в жизни

работника, получив ее в ходе проведения медицинского осмотра от представителя работодателя или других работников, и на основании этого предположить о его неудовлетворительном психологическом состоянии, не допустив, таким образом, его в рейс и обеспечив транспортную безопасность – сохранение жизни и здоровья людей.

Полагаем, что возможность проведения предрейсовых медицинских осмотров «бесконтактным» способом, с использованием телемедицинских технологий соответствует цели обеспечения транспортной безопасности при соблюдении следующих условий: во-первых, программно-аппаратные комплексы должны позволять получать всю необходимую информацию о состоянии здоровья, в результате чего станет возможным сделать достоверный вывод о состоянии здоровья работника и наличии основания для его выхода в рейс, это технический вопрос, на который должны ответить технические специалисты; во-вторых, нормативная база, регулирующая порядок проведения предрейсового осмотра работников транспорта и законодательство о здравоохранении не должны противоречить друг другу: пока наблюдается их рассогласование, ответ на вопрос о возможности дистанционных предрейсовых медицинских осмотров будет отрицательным.

Исследуем тенденцию развития законодательства по данному вопросу. С сентября 2022 г. предполагается введение [11] в использование автоматизированной централизованной базы персональных данных, касающихся состояния здоровья членов летного экипажа гражданского воздушного судна и диспетчеров управления воздушным движением, формирование которой планируется осуществлять, в том числе путем передачи в нее информации о результатах предрейсовых осмотров летного экипажа, проводимых с использованием программно-аппаратных комплексов [8].

Может ли данное правовое регулирование, вводимое для одной категории работников, стать общей тенденцией развития регулирования в отношении всей сферы транспорта? Необходимо отметить, что современные исследования в части влияния цифровизации на проведение медицинских осмотров работников транспорта в целом положительно оценивают последствия замены врачей на современные технологии в контексте экономии финансовых ресурсов работодателя [12. С. 88–95; 9. Рр. 5–11]. Вместе с тем ряд исследований [3] посвящен выявлению технических и операционных факторов, снижающих достоверность оценки состояния водителя, например: вопрос идентификации пользователя, самостоятельное использование водителями бесконтактных термометров, отсутствие методов и средств выявления наличия наркотических и психотропных веществ, невозможность определить психоэмоциональное состояние водителя без личного контакта с врачом.

Отсутствие возможности при помощи цифровых технологий обнаружить и измерить уровень концентрации наркотических и психотропных веществ, нарушающих функциональное состояние, подтверждается исследованиями отечественных ученых [1. С. 60–66]. Важность рассматриваемой проблемы подтверждается также и иностранными исследованиями. Например, исследования итальянских ученых в части методов обнаружения наркотических веществ работниками в сфере гражданской авиации и аэропортовым сектором выявили, что сбор мочи является

единственным методом выявления наличия опиатов, кокаина, амфетаминов, с использованием иммунохимического теста [13].

Таким образом, принимая во внимание объективную реальность повсеместного внедрения цифровых технологий, законодателю следует рассмотреть вопрос о целесообразности проведения медицинских осмотров, в первую очередь предрейсовых/послерейсовых, с применением дистанционных программ только после предварительных консультаций со специалистами в области транспорта и здравоохранения. В случае установления необходимости внедрения цифровизации в данной сфере необходимо в первую очередь изменить критерии оценки состояния здоровья работников транспорта, поскольку, например, разработанные на данный момент отдельные показатели состояния здоровья, а также наличие воздействия на работника психотравмирующего фактора могут быть определены и установлены только в процессе личного контакта с врачом. Во-вторых, необходимо, устранить противоречие норм трудового законодательства и законодательства об охране здоровья граждан, поскольку последнее позволяет на данный момент проводить дистанционные осмотры только в качестве повторных консультаций с лечащим врачом.

Список литературы

1. Бакуткин В. В., Бакуткин И. В., Зеленев В. А. Специализированная система предрейсовых медицинских осмотров с применением цифровых технологий // Санитарный врач. 2021. № 5. 2021. С. 60–66.
2. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/?ysclid=17yqt0f1n767690600 (дата обращения: 12.09.2022).
3. Никифоров М., Melnik O. Digital medicine technologies for pre-trip medical examination of drivers. URL: https://www.researchgate.net/publication/347918146_Digital_medicine_technologies_for_pre-trip_medical_examination_of_drivers (дата обращения: 09.09.2022 г.)
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.07.2004 № 395 «Об утверждении Положения о Министерстве транспорта Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48722/?ysclid=17yt7j3nx9378581708 (дата обращения: 01.09.2022).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327611/?ysclid=17yvywnoka628905877 (дата обращения: 11.09.2022).
6. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 15.12.2014 № 835н «Об утверждении Порядка проведения предсменных, предрейсовых и послесменных, послерейсовых медицинских осмотров» // ИПП «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70880038/?ysclid=17yqu5y4cm107080467> (дата обращения: 12.09.2022).
7. Приказ Министерства транспорта РФ от 12.01.2021 № 4 «Об утверждении Порядка проведения обязательных предрейсовых или предсменных медицинских ос-

мотров на железнодорожном транспорте» // ИПП «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400196568/?ysclid=17yr10veq3725956060> (дата обращения: 11.09.2022).

8. Приказ Министерства транспорта РФ «Об утверждении Порядка проведения предполетного и послеполетного медицинских осмотров членов экипажа гражданского воздушного судна, а также предсменного и послесменного медицинских осмотров диспетчеров управления воздушным движением» от 10.12.2021 № 438 // ИПП «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403200518/?ysclid=17yr94me4p68712003> (дата обращения: 01.09.2022).

9. Сарсенова А. О., Попова Т. В. Промышленная медицина Казахстана в условиях цифровизации здравоохранения // Сборник Prospects and key tendencies of science in contemporary world. Proceedings, of II International Multidisciplinary Conference. Madrid, 2020. Pp. 5–11.

10. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 28.11.2011. № 48. Ст. 6724.

11. Федеральный закон от 11.06.2021 № 208-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации и статью 7 Федерального закона «О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос»» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202106110067?ysclid=17yr55xpd372209500> (дата обращения: 12.09.2022).

12. Черняева Д. В. Значение телемедицины в трудовых отношениях // Закон. 2019. № 11. С. 88–95.

13. Treglia Michele, Margherita Pallocci, Giorgio Ricciardi-Tenore, Flavio Baretti, Giovanna Bianco, Paola Castellani, Fabrizio Pizzuti, Valeria Ottaviano, Pierluigi Passalacqua, Claudio Leonardi, Luca Coppeta, Agostino Messineo, and Roberta Tittarelli. 2022. «Policies and Toxicological Screenings for No Drug Addiction: An Example from the Civil Aviation Workforce» International Journal of Environmental Research and Public Health 19, no. 3: 1501. URL: <https://doi.org/10.3390/ijerph19031501> (дата обращения: 01.09.2022).

Г. Н. Крайнов,

доктор исторических наук, профессор,
Российский университет транспорта

ОТВЕТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА НА ВЫЗОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. На основе диалектического метода в статье анализируются вызовы цифровизации для будущего сферы труда с учетом опубликованного в 2019 г. Глобальной комиссией Международной организации труда доклада «Работать ради лучшего будущего». В статье рассмотрены вопросы влияния цифровой экономики на занятость населения, социально-правовую защиту работников, предоставления

права на профессиональное обучение в течение всей жизни и др. Автором анализируется стратегия справедливого перехода к цифровой экономике на основе соблюдения принципов трипартизма, социального диалога и консультаций с заинтересованными сторонами по вопросам использования и влияния на трудовые отношения цифровых технологий.

Ключевые слова: сфера труда, цифровизация, цифровая экономика, профсоюзы, Международная организация труда (МОТ), социально-трудовые отношения, социальная справедливость

THE INTERNATIONAL LABOR ORGANIZATION'S RESPONSE TO THE CHALLENGES OF DIGITALIZATION

Abstract. Based on the dialectical method, the article analyzes the challenges of digitalization for the future of the labor sphere, taking into account the report “Working for a better future” published in 2019 by the Global Commission of the International Labor Organization. The article discusses the impact of the digital economy on employment, social and legal protection of employees, granting the right to lifelong professional training, etc. The author analyzes the strategy of a fair transition to the digital economy based on compliance with the principles of tripartism, social dialogue and consultations with stakeholders on the use and impact of digital technologies on labor relations.

Keywords: Labor sphere, Digitalization, Digital economy, Trade unions, International Labor Organization (ILO), Social and labor relations, Social justice

Введение. Сегодня цифровизация постепенно охватывает все сферы жизнедеятельности человека и общества. Цифровизация экономики стала актуальной государственной политикой, в том числе и в России. Внедрение машинного производства, автоматизация, роботизация, использование искусственного интеллекта радикально влияют на труд и трудовые отношения. Аутсорсинг, дистанционный труд с использованием компьютерных технологий, интернационализация и прекаризация труда стали обычным явлением наших дней [1].

Какие же вызовы создает цифровизация для будущего сферы труда и какие ответы на эти вызовы можно сегодня дать?

Основная часть. Вопросами регулирования социально-трудовых отношений в мировом масштабе занимается специализированное учреждение ООН – Международная организация труда (МОТ). Членами МОТ на сегодняшний день являются 187 государств (в ООН входят 193 государства), в них проживает около 98 % населения земного шара. И поэтому одобренные Международной организацией труда социально-трудовые нормы имеют универсальный характер [2].

В 2019 г. МОТ отметила свое 100-летие. К этому юбилею Глобальной комиссией Международной организации труда был опубликован доклад «Работать ради лучшего будущего» и принята Декларация столетия МОТ «О будущем сферы труда». В них определена современная социально-трудовая стратегия МОТ в условиях противоречивой глобализации, которая направлена на совершенствование норм, основополагающих принципов и прав в сфере труда; создание более широких возможностей для женщин

и мужчин по обеспечению достойной занятости; расширение охвата и повышение эффективности социальной защиты для всех; поддержание социального диалога. Также названы цели создания новых более благоприятных перспектив для людей труда: обеспечение гарантированной социальной защиты и поддержки от рождения до старости; предоставление возможностей для профессионального образования и др.

В стратегии МОТ выдвигается задача межгосударственного регулирования процесса глобализации в целях уменьшения ее негативных последствий, а также разработка Международного трудового кодекса с целью защиты социально-трудовых прав работников.

Россия является активным членом МОТ и ратифицировала 77 Конвенций. В 2018 г. Россией была ратифицирована Конвенция № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения», которая определяет ответственность государства за социальное обеспечение населения [3].

Необходимо реализовать стратегию Международной организации труда о справедливом переходе к цифровой экономике, когда работодатели и работники в процессе консультаций, переговоров с участием профсоюзных организаций будут достигать соглашения по использованию цифровых технологий, искусственного интеллекта [4].

В сфере труда сегодня ущемляются социально-трудовые права работников, наблюдаются попытки изменения трудового законодательства с целью ущемления прав профсоюзных организаций и их членов. Сегодня профсоюзам практически очень сложно организовать и провести экономическую забастовку, они зависят от работодателя, администрации, не имеют авторитета и влияния в трудовом коллективе. Профсоюзы, призванные защищать социально-трудовые права работников, остаются пассивными, используют старые формы и методы работы времен индустриальной экономики, не успевают реагировать на вызовы формирующейся цифровой экономики [5].

Заключение. Таким образом, вызовы цифровизации для будущего сферы труда являются острыми, противоречивыми и порой непредсказуемыми. Радикальные изменения в модели экономического развития и всего уклада приводят к отрицанию устаревших профессий, специальностей, росту безработицы, но в то же время формируется новая цифровая экономика с использованием информационных, компьютерных, квантовых и других технологий с высококвалифицированными специалистами.

Большое внимание регулированию социально-трудовых отношений в условиях перехода к современной цифровой экономике уделяет Международная организация труда, которая к своему 100-летию в 2019 г. приняла два документа: доклад Глобальной комиссии МОТ по вопросам будущего сферы труда «Работать ради лучшего будущего» и Декларацию столетия МОТ «О будущем сферы труда». В этих документах определена современная стратегия справедливого перехода к цифровой экономике, учитывающей интересы человека труда.

Список литературы

1. Зубков С. А., Крайнов Г. Н. Мировое профсоюзное движение в условиях глобализации: монография. Москва: МИИТ, 2021. 281 с.

2. Крайнов Г. Н. «Догоняющая модернизация» России: прошлое и настоящее // *Общественные науки и современность*. 2021. № 2. С. 79–89. DOI: 10.31857/S 086904990014924–8

3. Крайнов Г. Н. *Технология подготовки и реализации кампании по рекламе и PR*. Санкт-Петербург: Лань, 2018. 372 с.

4. Крайнов Г. Н. *Формы и методы патриотического воспитания студентов на занятиях по истории* // *Современные проблемы науки и образования*. 2019. № 3. – С. 62–67.

5. Krainov G. N., Rudneva S. E., & Fedyakin A. V. (2021). International Labour Organization And The Future Of The World Of Work. In D. K. Bataev, S. A. Gapurov, A. D. Osmaev, V. K. Akaev, L. M. Idigova, M. R. Ovhadov, A. R. Salgiriev, & M. M. Betilmerzaeva (Eds.), *Social and Cultural Transformations in The Context of Modern Globalism*, vol 117. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Pp. 879–885. European Publisher. URL: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.11.118> (дата обращения: 1.07.2022).

О. С. Лиликова,

кандидат юридических наук, доцент,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ДИСТАНЦИОННЫХ РАБОТНИКОВ В РОССИИ

Аннотация. В данной статье исследуются особенности дистанционной работы в Российской Федерации, ее виды, достоинства и недостатки. Лица, исполняющие свои трудовые обязанности, дистанционно имеют те же права и обязанности, что и их стационарные коллеги, действующие в офисе. Но есть ряд особенностей, сопряженных с документооборотом, охраной труда, начислением зарплаты и прочих выплат. Организация контроля за удаленными работниками зависит от специфики занятия и масштабов компании. Рассмотрены предпосылки перехода на дистанционную работу. Обозначены некоторые проблемы выполнения работы в удаленном режиме.

Ключевые слова: дистанционный труд, организация труда, работодатель, работник, рабочее время, трудовое законодательство, удаленная работа, цифровые технологии

DIGITAL TECHNOLOGIES IN LABOR RELATIONS: PECULIARITIES OF LABOR REGULATION OF REMOTE WORKERS IN RUSSIA

Abstract. This article explores the features of remote work in the Russian Federation, its types, advantages and disadvantages. Persons performing their labor duties remotely have the same rights and obligations as their stationary colleagues acting in the office. But there are a number of features associated with document management, labor protection,

payroll and other payments. The organization of control over remote workers depends on the specifics of the occupation and the size of the company. The prerequisites for the transition to remote work are considered. Identified some problems of working remotely.

Keywords: Remote work, Labor organization, Employer, Employee, Working hours, Labor legislation, Remote work, Digital technologies

В результате развития научно-технического прогресса и расширения рынка труда, в том числе и в рамках международного сотрудничества, приобрело актуальность такое явление как дистанционная работа. Работать дистанционно могут представители самых разных профессий: переводчики, дизайнеры, журналисты, программисты, разработчики, преподаватели, юристы и многие другие.

Привлечение дистанционного работника для выполнения определенного рода работ чрезвычайно актуально. В подобных трудовых отношениях имеют интерес как люди разных профессий, которые, как правило, не заинтересованы в жестких рамках сотрудничества с организациями, так и разного рода компании, которые испытывают необходимость в привлечении специалистов, но не желают связывать себя долгосрочными формами сотрудничества. Работодателям не нужно затрачивать на содержание дорогих рабочих кабинетов, помещений, а работники не тратят время и деньги для того, чтобы приехать к месту работы и, как правило, работают в комфортных для себя условиях.

Использовать дистанционную форму занятости могут предприятия всех отраслей, поскольку в штате каждой организации есть часть работников, которые могут работать дистанционно. Современные средства коммуникации позволяют это делать. Однако не всех работников можно переводить на дистанционную работу, поскольку часть работников, которые непосредственно вовлечены в процессы производства и требуют специального помещения, оборудования, не могут выполнять свою работу дистанционно. Поэтому каждая организация нуждается в сбалансированном соотношении дистанционных работников к другим сотрудникам. Оптимальная доля дистанционных работников организации зависит от вида и специфики деятельности данной организации.

К предпосылкам формирования дистанционной занятости можно отнести следующие факторы: рост безработицы, снижение численности рабочей силы, а также сокращения занятости населения; нестабильность рынка труда, трудности с трудоустройством в связи с наличием малолетних детей; непрогнозируемые волны сокращений [5. С. 162].

Пандемия COVID 2019 г. в значительной степени сказалась как на экономической сфере, так и на самом существовании населения в целом. Некоторые сотрудники были вынуждены переключиться на дистанционную работу для предотвращения распространения коронавирусной инфекции. Для того, чтобы уменьшить процент заболеваемости, было принято решение переводить работников на дистанционную работу, везде, где это было возможно. Во время самоизоляции и вынужденного перевода на дистанционную работу, некоторые работники, а также работодателя выявили ряд преимуществ дистанционной (удаленной) работы и ее недостатки.

По данным социологического опроса российские сотрудники, которые работают дистанционно, выделяли следующие преимущества:

- меньше разговоров между сотрудниками (27 %);
- больше свободного времени (23 %);
- меньше стресса (18 %);
- больше времени на семью (18 %);
- отсутствие обязательного дресс-кода (14 %);
- возможность подработки (13 %);
- уменьшившийся контроль со стороны руководства (9 %).

Наряду с этим были выделены и недостатки «удаленки»:

- рабочий день стал ненормированным (37 %);
- необходимость сочетать семейные и должностные обязанности (31 %);
- технические сложности при работе в сети Интернет (28 %);
- меньше возможности обсуждения чего-либо с коллегами (27 %);
- дома больше отвлекающих факторов, в том числе маленькие дети или домашние питомцы (26 %);
- ухудшилось физическое состояние работника из-за сидячего образа жизни (19 %);
- меньше внимания своему внешнему облику и физической форме (14 %);
- прокрастинация (13 %) [10].

В России термин «Дистанционная работа» официально был использован в главе 49.1 Трудового кодекса Российской Федерации [1]. В последующем активно в главу 49.1 вводились дополнения и поправки. Так, в данный момент в соответствии с частью 1 ст. 312.1 ТК РФ такой работой считается выполнение трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения, вне стационарного рабочего места, местности или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии применения информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет и сетей связи всеобщего пользования.

Другими словами, под местом нахождения для целей ТК РФ понимается не местность в целом, а именно конкретный адрес, к такому выводу можно прийти, на основании анализа положений ст. 57 ТК РФ. Следовательно, выполнение дистанционной работы возможно не только в другом, но также в том же населенном пункте, в каком располагается работодатель или его подразделение. Главное условие, работа не должна исполняться на подконтрольной нанимателю территории.

При исполнении трудовой функции, а также при взаимодействии работника и работодателя по вопросам, связанным непосредственно с работой, в обязательном порядке должны (обязаны) применяться информационно-телекоммуникационные сети [7. С. 350].

В законодательстве можно отметить несколько первостепенных факторов относительно регулирования законных отношений дистанционных работников:

- работодатель может перевести сотрудника на дистанционную работу по своей инициативе в случаях: катастроф, как природного, так и техногенного характера, производственных аварий, несчастных случаев, которые произошли на

производстве, пожара, наводнения, землетрясения, эпидемии, а также в случаях, когда ставится под угрозу жизнь или жизненные условия населения;

- дистанционная работа (удаленная работа) не может являться поводом к снижению заработной платы;
- работника можно уволить за прогул;
- при временном переводе на удаленную работу наниматель обеспечивает необходимым оборудованием.

По окончании срока временной дистанционной работы, работодатель предоставляет работнику прежнюю работу, которая предусмотрена трудовым договором, а работник, в свою очередь, обязан приступить к ее выполнению.

Время взаимодействия дистанционного сотрудника с работодателем включается в рабочее время, в независимости от того, в какое конкретно время было взаимодействие, другими словами, связь по рабочим вопросам до или после смены также должна оплачиваться. В свою очередь, если работодатель взаимодействует со своим сотрудником внерабочее время, по рабочим вопросам этом может быть расценено, как сверхурочная работа. А в свою очередь, сверхурочная работа, согласно ТК РФ, может осуществляться работником только с его письменного согласия, и оплачивается данная работа как сверхурочная работа.

Документы чаще всего направляются в электронном виде, это очень удобно, занимает совсем немного времени, но возможны случаи, когда могут быть направлены, а в отдельных случаях именно должны быть направлены документы на бумажном носителе.

В целом в настоящее время нельзя сказать, что вопрос дистанционной работы законодательно не урегулирован. Реализовать заключение трудового договора можно с помощью обмена электронными документами, такая ситуация значительно облегчает практику найма.

Обязательным условием электронного документооборота, которое четко установлено законом, является использование сторонами трудового договора усиленных квалифицированных электронных подписей при обмене электронными документами. По мнению законодателя, усиленная квалифицированная электронная подпись является самым строгим видом электронной подписи [2]. Использование такой подписи избавит стороны от проблем с доказательством наличия между ними трудовых отношений.

Многие исследователи и практики обращают внимание на отсутствие контроля со стороны работодателя за «удаленным» сотрудником. Однако главная проблема заключается не в отсутствии возможности контролировать сотрудников, а в обеспечении эффективной коммуникации с ними и возможности своевременно получать результаты качественного труда. Эта цель может быть достигнута за счет более конкретизированных процедур и условий взаимодействия работника и работодателя.

Важно учесть, что правоотношения между дистанционным сотрудником и работодателем возникают по трудовому договору и соглашению о переводе на дистанционную работу, при этом Верховный суд указал на то, что если сотрудник осуществляет свои прежние трудовые функции в новых условиях с ведома или по поручению работодателя или по поручению его представителя, стороны фактиче-

ски договариваются об изменении трудового договора. В связи с этим соглашение нужно считать заключенным, даже если в трудовом контракте сотрудника ничего не сказано про дистанционную (удаленную) работу. Суды при решении неоднозначных ситуаций должны проверять практические обстоятельства труда, какие возможно определить из:

- должностных записок о переводе на дистанционную работу;
- наличия у сотрудника удаленного допуска к рабочей системе;
- факта, что все рабочие моменты решались посредством электронной переписки;
- факта, что сотруднику предоставлен адрес коллективной электронной почты;
- факт выполнения работником трудовых обязанностей может быть подтвержден свидетельскими показаниями [4].

Дистанционная работа в Российской Федерации с каждым годом становится более популярной. Если в 2020 г. переход на дистанционную работу был обязательным из-за пандемии COVID-19, то в 2021 и 2022 г. многие работники выбирали переход на дистанционную работу добровольно или же устраивались сразу только на дистанционную работу. Данный факт способствовал введению и изменению законодательства в сфере дистанционной работы.

В настоящее время в действующем Трудовом кодексе РФ содержатся нормы права, которые регулируют дистанционную работу на территории Российской Федерации. В 2021 г. в ТК РФ были внесены основные изменения в главу 49.1 ТК [3], которые затронули:

- организацию труда и охрану труда дистанционных работников;
- дополнительные основания прекращения трудового договора;
- порядок временного перевода работника на дистанционную работу по инициативе работодателя.

В связи с данными изменениями появились новые термины и определения к ним в главе 49.1 ТК РФ:

- постоянная удаленная работа;
- временная дистанционная работа;
- периодическая удаленная работа.

Несмотря на все изменения в законодательстве Российской Федерации, связанные с дистанционной работой, на доктринальном уровне ведутся споры о несовершенстве законодательной базы.

Основная часть главы 49.1 ТК РФ посвящена процедуре электронного документооборота. В ст. 312.3 ТК РФ закреплено, что основная часть дистанционной работы происходит путем электронного документооборота.

Во многих Российских фирмах в настоящее время электронный документооборот игнорируется, и работникам приходится приходить к работодателю и лично сдавать документы на бумажном носителе. Данный порядок затрачивает большое количество времени дистанционных работников и создает определенные трудности. Поэтому правовед О. А. Кожевников предлагает решение данной проблемы: ввести для работодателей определенную ответственность, если электронный документооборот отсутствует [6. С. 564].

На доктринальном уровне в настоящее время ведется множество споров о ст. 312.4 ТК РФ, регулирующей рабочее время и время отдыха сотрудника «на дистанте». Многие ученые-правоведы высказывают мнение, что трактовка в ст. 312.4 ТК РФ является либеральной, поэтому приводит к возникновению вопросов в части организации работы в ночное время суток, праздничные дни, а также с оплатой труда в данных ситуациях. Предлагаем внести дополнения в ст. 312.4 ТК РФ, которые позволят работодателю установить норму рабочего времени. Отследить дистанционную работу можно с помощью ее трансляции в онлайн-режиме.

По ст. 312.8 ТК РФ, если дистанционный работник не выходит на работу в течение двух дней, то данное нарушение является основанием для увольнения. Считаем, что данная норма права является весьма неубедительной, так как она идет в разрез с другими нормами трудового права в России, которые закреплены на законодательном уровне. Считаем, что законодателю стоит обратить внимание на данную проблему и необходимо доработать данную норму права.

Согласно ст. 312.6 ТК РФ такому сотруднику полагается компенсация за использование личного оборудования, но до сих пор качественно не разработан ее порядок выплаты. А также на законодательном уровне не урегулирован механизм обучения работников по взаимодействию в режиме дистанционной работы, порядку пользования оборудованием и программными средствами для осуществления дистанционной работы. На наш взгляд, данную проблему необходимо решить разъяснениями законодателя, в которых бы четко был прописан расчет компенсации и порядок обучения работников по взаимодействию в режиме дистанционной работы.

На сегодняшний день одной из проблем является организация труда несовершеннолетних лиц, которые осуществляют свою работу в дистанционном режиме. Этот вопрос не раз поднимался на доктринальном уровне, так как в главе 49.1 ТК РФ законодательно не закреплены особенности регулирования труда несовершеннолетних дистанционных работников. При изучении законодательства Российской Федерации мы видим, что не имеется ограничений по приему на дистанционную работу несовершеннолетних лиц.

М. В. Слугина считает, что труд несовершеннолетних лиц всегда являлся особым объектом регулирования трудовых правоотношений, а в настоящее время права несовершеннолетних дистанционных работников в Российской Федерации не имеют правовой защиты [9. С. 467]. У работодателей часто возникает вопрос «Каким образом заключать трудовой договор с несовершеннолетними дистанционными работниками?», на который в настоящее время не имеется ответа в законодательстве Российской Федерации.

Считаем, что в главу 49.1 ТК РФ необходимо ввести статью, которая будет регулировать труд дистанционных несовершеннолетних работников.

Еще одной актуальной проблемой остается регулирование законности трудовых отношений о дистанционной работе с лицами, которые проживают за пределами Российской Федерации. Так как в современном мире многие лица проживают за территорией РФ, но дистанционно выполняют работу в России, поэтому у работодателей возникает вопрос «Каким образом заключать трудовой договор с иностранными работниками?».

Минтруд России еще в 2016 г. выдвигал следующую позицию: «Сотрудничество с такими гражданами следует осуществлять в рамках гражданско-правовых отношений» [8. С. 112]. Но в ст. 7 ТК РФ не имеется прямого разрешения на заключение трудовых договоров с такими работниками. Как следует из главы 49.1 ТК РФ местом заключения договора между работодателем и дистанционным работником признается местонахождение работодателя, если трудовой договор был подписан путем обмена электронными документами. Поэтому трудовые отношения независимо от местонахождения дистанционного работника будут считаться возникшими на территории Российской Федерации. Следовательно, возникает конфликт с правом государства дистанционного работника, в котором он проживает. Также дистанционные работники, которые проживают за рубежом, не имеют права на обязательные социальные страхования, как пенсионное, медицинское, социальное на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством. Что напрямую противоречит Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., который провозглашает право каждого на социальное обеспечение, которое включает в себя социальное страхование, а также предоставление пособий по рождению и уходу за ребенком. Данную норму права следует урегулировать на законодательном уровне и внести изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации.

Несмотря на то, что институт дистанционной работы в Российском праве является молодым, но уже смог найти закрепление в обществе и законодательстве Российской Федерации. На сегодняшний день вопросы, связанные с регулированием трудовых отношений с дистанционными работниками, являются актуальными и открытыми для введения дополнений в главу 49.1 ТК РФ.

В настоящий момент действующее законодательство Российской Федерации имеет ряд пробелов в данном вопросе. Поэтому мною были выдвинуты предложения по внесению изменений в действующий ТК РФ, чтобы данный вид занятости не смог ущемлять права дистанционных работников, а также работодателей. Различные нюансы, которые возникали бы в ходе трудовой деятельности, могли иметь прямое отражение в действующем законодательстве Российской Федерации.

В заключение на основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что дистанционная работа имеет как плюсы, так и минусы для всех сторон трудового договора. Появляется множество неоднозначных ситуаций, которые еще пока еще не нашли соответствующего отражения в законодательстве, так как данные правоотношения стали более распространены с недавнего времени, при этом уже большинство компаний на основании опыта, приобретенного в период пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19), укрепляют позиции дистанционных работников, внедряют все большее количество профессий, реализовывать трудовые функции которых, как оказалось, можно не выходя из дома, этот список в ближайшем будущем будет только увеличиваться. Потери организаций, связанные с переходом на дистанционный формат, в значительной степени могут быть компенсированы положительными результатами: экономией денежных средств на аренду офиса, эффективностью труда, уменьшением сотрудников выходящих на «больничный», сокращением конфликтов между сотрудниками, уменьшением профессионального выгорания. И сейчас прошло совсем мало времени для полноценного анализа

плюсов и минусов дистанционной работы. Нужно продолжать осуществлять мониторинг и исследование такого нового формата работы, как дистанционная, чтобы действительно качественно определить плюсы и минусы, а также делать прогнозы, касающейся развития данного направления.

Таким образом, использование дистанционной работы значительно расширяет возможности прав работников, является эффективным средством борьбы с безработицей и текучестью кадров, сезонными эпидемиями и форс-мажорными обстоятельствами, а также свидетельствует о социально-ориентированном характере. Однако в таких правоотношениях работодатель является слабой стороной, которая несет на себе как проблему невозможности осуществления полного контроля за соблюдением работником трудовой дисциплины, так и все трудности, связанные с правовой неопределенностью их надлежащего оформления и уведомления.

В связи с тенденциями развития дистанционной работы законодательство учитывает проблемные факторы и пробелы, которые существуют на сегодняшний день в сфере дистанционной работы, и уже сейчас вносятся изменения, что говорит о том, что правовое регулирование отношений дистанционных сотрудников и работодателей все еще находится в активном развитии и законодатель учитывает разнообразные нюансы для наилучшего и справедливого разрешения спорных ситуаций.

При этом стоит отметить, что дистанционная работа не заменяет традиционную занятость, а лишь дополняет ее. В связи с этим нельзя утверждать, что трудовое законодательство нацелено на полный переход к удаленным формам работы.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_34683/ (дата обращения: 01.09.2022).

2. Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (дата обращения: 01.09.2022).

3. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях: Федеральный закон от 08.12.2020 № 407-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370070/

4. О признании незаконным приказа об увольнении за прогул, восстановлении на работе, взыскании среднего заработка за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда: Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.09.2019 № 5-КГ19-106. URL: <https://base.garant.ru/72878346/>

5. Киселева Е. В. Развитие дистанционного труда в России: преимущества и недостатки // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 6. С. 162–164.

6. Кожевников О. А., Чудиновских М. В. Регулирование труда дистанционных работников в России и за рубежом // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. № 3. С. 563–583.

7. Корякова Е. А., Изюмова Е. А. Дистанционный труд в России: особенности и проблемы правового регулирования // Вопросы Российской юстиции. 2021. № 11. С. 350–351.

8. Международные трудовые стандарты и российское трудовое право: перспективы координации: монография / Э. Н. Бондаренко, Е. С. Герасимова, С. Ю. Головина [и др.]; под редакцией С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. Москва: Норма; ИНФРА-М, 2016. – 256 с.

9. Слугина М. В., Яворская С. А. Проблемные аспекты правового регулирования труда дистанционных работников в России // Аллея науки. 2020. Т. 2, № 4. С. 466–471.

10. Сообщения и материалы информационного агентства «РБК». URL: <http://www.https://chr.rbc.ru> (дата обращения: 01.09.2022).

Н. И. Минкина,

кандидат юридических наук, доцент,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации

ТЕНДЕНЦИИ К ИЗМЕНЕНИЮ ПРЕДМЕТА ТРУДОВОГО ПРАВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены происходящие на практике и в законодательстве изменения предмета российского трудового права. Многие трансформации связаны со стремительным развитием цифровых технологий. Наблюдается тенденция к расширению круга субъектов, на которых следует распространять действие трудового законодательства. Это касается самозанятых лиц и граждан, осуществляющих свой труд при нетипичной, в частности платформенной, занятости. Также поднимаются проблемы подмены трудовых отношений гражданскими, правового регулирования труда осужденных лиц и правовой природы труда государственных и муниципальных служащих, разрешение которых влияет на формирование нового предмета анализируемой отрасли права. Автором сделан вывод об очевидной модификации предмета современного трудового права России, расширение пределов которого предстоит определить законодателю.

Ключевые слова: трудовое право, предмет, субъекты, цифровые технологии, занятость, законодательство, трудовое правоотношение

TRENDS IN CHANGING THE SUBJECT OF LABOR LAW IN THE DIGITAL AGE

Abstract. This article presents an opinion on the changes in the subject of Russian labor law that are taking place in practice and in legislation. Many transformations are associated with the rapid development of digital technologies. There is a tendency to expand the range of subjects to which the effect of labor legislation should be extended. This applies to self-employed persons and citizens who carry out their work with atypical,

in particular platform, employment. The problems of substitution of civil labor relations, legal regulation of the work of convicted persons and the legal nature of the work of state and municipal employees, the resolution of which affects the formation of a new subject of labor law, are also raised. The author concludes that there is an obvious modification of the subject of modern labor law in Russia, the expansion of the limits of which will have to be determined by the legislator.

Keywords: Labor law, Subject, Subjects, Digital technologies, Employment, legislation, Labor relations

Если раньше советское, российское трудовое право и законодательство характеризовалось относительной архаичностью, в смысле большей стабильностью своих правовых норм, то начиная с 2020 г. Трудовой закон с определенной периодичностью претерпевает серьезные изменения и дополнения. Большая часть всех трансформаций и новаций в трудовых отношениях связана с ускоренным развитием цифровых технологий и их господством в настоящей жизни общества, сопровождающимся сенсорной революцией.

В числе таких последних существенных изменений можно назвать: наиболее детальное правовое регулирование дистанционного труда, частичный переход на электронный документооборот, развитие цифрового взаимодействия между работодателями и работниками, расширенное применение электронных подписей, а также в целом новые возможности электронного сотрудничества разных участников социально-трудовых отношений друг с другом и с публичными органами власти. Данный перечень далеко неполный, накапливаемый практический опыт зачастую начал опережать соответствующие законопроекты и реальные изменения трудового законодательства Российской Федерации (далее – РФ). И сегодня очевидна растущая динамика предстоящего в стране совершенствования нормативных правовых актов в сфере труда по мере внедрения искусственного интеллекта в нашу действительность.

Указанные обстоятельства связаны не только с непосредственным «оцифровыванием» существующих трудовых и связанных с ними отношений, их элементов, но и появлением новых современных возможностей в реализации труда человеком, в том числе в происходящих процессах роботизации производства. Таким образом, наблюдается не только изменение собственно содержания привычного трудового правоотношения, но и возникают новые формы трудовой деятельности, например, платформенная занятость, что не подпадает под классическое понимание предмета трудового права (ст. 1 и ст. 15 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ, кодекс) и поэтому напрямую не регулируется нормами действующего трудового законодательства. Как это ранее было в отношении гражданских правоотношений (до введения в действие ст. 19.1 кодекса), признаваемых в установленном законом порядке трудовыми отношениями. Благодаря данному уточнению в предмете трудового права в судебной практике выработаны четкие критерии по разграничению трудовых и смежных гражданских отношений, связанных с трудом.

Между тем современная правоприменительная деятельность обостряет нерешенные вопросы и демонстрирует ряд новых проблем и закономерностей, заслужи-

вающих своего отдельного внимания и изучения. Обобщенно отметим следующие из них относительно предмета трудового права.

Во-первых, говоря о трудовых отношениях на основании заключенных гражданско-правовых договоров, признаваемых таковыми на практике чаще всего в судебном порядке согласно ст. 11, 19.1 ТК РФ, на сегодняшний день в реальной жизни встречаются все чаще. Однако граждане-исполнители по такому гражданскому договору (с фактически сложившимися трудовыми отношениями) не желают признавать их таковыми, проявляя очевидную заинтересованность в свободных отношениях, оформленных в рамках гражданского договора, намеренно отказываясь от социального пакета льгот и гарантий, предусмотренных трудовым законодательством РФ, в пользу материальных благ и иных корыстных побуждений. Такой тренд вряд ли можно однозначно оценить соответствующим публичным интересам с точки зрения уплаты необходимых налогов. Также отмеченная современная практика не подтверждает провозглашенную в международных правовых актах и Трудовом законе презумпцию существования трудовых отношений.

Данная проблема не решается и по материалам (документам) государственной инспекцией труда с учетом ее полномочия, установленного в ст. 19.1 кодекса. Как показывает практика, такие материалы, как правило, не подготавливаются в силу явного отсутствия заинтересованности граждан в защите своих трудовых прав. Однако в тоже время при очевидности ситуации возникает необходимость в выработке практики соответствующего признания таких отношений трудовыми в принудительном порядке по материалам государственной инспекции труда или иных уполномоченных на то законом государственных органов, направляемым в соответствующий суд. Тем самым под защиту норм трудового законодательства фактически попадет достаточно широкий круг лиц, с обеспечением им необходимого социального страхования в настоящем и будущем времени, одновременно закрепляя сбалансированные условия по доходам и расходам в бюджете страны.

Во-вторых, за последнее десятилетие в стране и мире в целом наблюдается значительный рост числа трудовых цифровых платформ, и число занятых на них сегодня, по утверждениям специалистов, трудно поддается точной оценке. При этом так называемая платформенная занятость зачастую не сопровождается заключением трудового договора и значительно отличается от традиционных трудовых отношений. Отсутствие же четкого и гибкого как международного, так и национального законодательного регулирования деятельности платформенных компаний является одним из важных современных вызовов платформенной экономики в каждой стране. Данный вопрос актуален при определении государственной политики в силу необходимости закрепления статуса занятых на цифровых платформах лиц, прежде всего, с позиции их социальной защищенности, в том числе по социальному страхованию от безработицы, несчастных случаев и профессиональных заболеваний, а также по защите в области охраны труда и техники безопасности. К сожалению, в реальной жизни многие онлайн-платформы снимают с себя обязательства и ответственность в качестве работодателей, относя таких работников к категории независимых подрядчиков (или исполнителей), лишая их основных гарантий в трудовых отношениях [4. С. 42]. В этой связи платформенная занятость и иные

нетипичные формы занятости объективно нуждаются в особом правовом регулировании, как минимум, в рамках законодательства о занятости в России [3. С. 9].

При этом наряду с растущим применением цифровых платформ трудовые отношения постепенно усложняются с внедрением в них систем искусственного интеллекта, а это, в свою очередь, приведет к необходимости законодательного уточнения в содержании трудового правоотношения (как главного элемента в предмете отрасли права) разделения труда между людьми и машинами в процессе роботизации и автоматизации производства.

В-третьих, одним из самых дискуссионных за последние годы стало определение правового положения самозанятых граждан. Представляется целесообразным решение вопроса о закреплении в трудовом законодательстве РФ для них социальных гарантий (в частности, по временной нетрудоспособности, безработице, страховой пенсии) и иных трудовых гарантий, включая определение норм рабочего времени и времени отдыха, оплаты труда и др. В этой связи на самозанятых отчасти распространить особые, отдельные правила отечественного трудового законодательства.

В настоящее же время, как известно, самозанятость – это только специальный налоговый режим, который позволяет реально пополнить доходы бюджетной системы РФ. Однако вопрос непосредственно о трудовом статусе самих самозанятых граждан в процессе их деятельности опрометчиво остается нерешенным и открытым [5. С. 334–335]. Поэтому законодателю предстоит выработать определенный трудово-правовой механизм по защите новых субъектов, что представляет собой особую социальную ценность.

Подробная регламентация правового положения самозанятых лиц позволит снять и некоторые практические спорные ситуации. Так, например, в течение 2022 г. регулярно встает вопрос о том, может ли индивидуальный предприниматель заключить сам с собой трудовой договор. Минтруд Российской Федерации в своем письме от 20.06.2022 № 14–6/ООГ-4069 уже дал разъяснение о том, что деятельность гражданина в качестве индивидуального предпринимателя без образования юридического лица (с привлечением третьих лиц либо без них) трудовой деятельностью по смыслу трудового законодательства не является и запись об этом виде деятельности не может быть отражена в трудовой книжке. Кроме того, речь идет о том, что трудовое законодательство применяется в отношении индивидуальных предпринимателей только в части осуществления прав и возникновения обязанностей, возникающих у них как у работодателей. Но, несмотря на официальный комментарий, не все эксперты разделяют такую позицию, допуская возможность некоего отношения между физическим и юридическим лицом фактически в одном субъектном составе [6]. Новые пределы предмета трудового права позволят однозначно решить этот и подобные ему вопросы.

Итак, с целью всеобщего обеспечения конституционной свободы труда (ст. 37 Основного закона), а также охраны труда человека новые формы реализации права на труд должны быть легитимными и в определенной мере защищаться на уровне закона, наряду с обычными трудовыми правоотношениями, порождаемыми на основании заключенного трудового договора или фактического допуска гражданина

к работе (ст. 15, 67 Трудового кодекса РФ). С учетом данных, анонсируемых депутатами Государственной Думы Федерального Собрания РФ, в течение 2022 г. ведется разработка принципиально нового по содержанию закона «О занятости населения в РФ», в рамках которого планируется регламентация по главам отдельно трудового статуса самозанятых лиц и лиц, осуществляющих свою трудовую деятельность с использованием цифровых платформ. Как видно, практическое внедрение новых форм занятости сделало неизбежными законодательные изменения, направленные, по сути, на расширение сферы трудового регулирования.

Кроме того, в-четвертых, давно назрела необходимость в разработке новой правовой концепции использования труда осужденных лиц. Исследователи в специальной юридической литературе уже на протяжении 10–15 лет обозначают острую проблему толкования специфики труда названных лиц по нормам Уголовно-исполнительного кодекса РФ на стыке с нормами Трудового кодекса, что приводит к множественным противоречиям, несогласованиям, неясностям, и как следствие, нарушениям требований закона гуманистической направленности, прежде всего, в области оплаты и охраны труда. По этой причине все чаще можно встретить позицию юристов, согласно которой предлагается почти все сомнения в интерпретации двух обозначенных актов решать в пользу Трудового кодекса, а также сместить регулирование трудовых отношений с осужденными лицами из публично-правовой сферы в частно-правовую, что означает непосредственную отдельную правовую регламентацию специфики труда таких лиц в нормах Трудового кодекса России [9. С. 83–84]. При этом не нужно забывать, что труд осужденных по определенным соответствующим направлениям и профессиям сегодня может быть реализован с использованием различных цифровых платформ, что существенно будет способствовать их социализации и адаптации к современным условиям жизни при освобождении.

Также нужно заметить, что в научной литературе присутствуют и более широкие подходы к определению предмета современного трудового права, в частности, М. А. Драчук обосновывает в своих трудах мнение об изменении в будущем рассматриваемого предмета с включением в него полностью всех форм и видов занятости и трудоустройства в России, соответственно с распространением на них действия трудового законодательства [2. С. 44–49]. Более того, некоторые ученые неизменно считают, что в сфере трудового законодательства должен оставаться труд государственных и муниципальных служащих без его отнесения к области административного права или самостоятельной отрасли российского права. Аналогичные подходы можно встретить и в доктрине трудового права за рубежом, в частности на Украине [1. С. 34–35]. Однако в отношении категории лиц, находящихся на службе, такой подход представляется весьма сомнительным в силу приобретенной специфики содержания служебных правоотношений, что не позволяет нам сохранить их в составе предмета трудового права. Но и эта позиция сегодня, как мы видим, оспаривается.

Изменение предмета трудового права находится в тесной взаимосвязи с вопросом о необходимости пересмотра доктрины трудового правоотношения, основанной на наемных отношениях и несамостоятельном труде. И в настоящее время

это активно обсуждается в научных кругах и исследовательских центрах. Так, С. Ю. Чуча предлагает модифицировать доктрину трудового права и теорию комплекса единых трудовых правоотношений (представленную в фундаментальных трудах В. Н. Скобелкина и Н. Г. Александрова) с целью распространения трудового законодательства на любые отношения с применением несамостоятельного труда: платформенные, самозанятых (индивидуальных предпринимателей), оказывающих услуги одному (единственному) нанимателю и иные, которые могут появиться в цифровом будущем, с перспективой регламентации особенностей такого труда в отдельных соответствующих главах кодифицированного акта о труде [8. С. 118].

Иными словами, обозначаемый новый подход к формированию современной доктрины предмета трудового права, главным образом, ставит под сомнение обязательность признака наличия заключенного трудового договора, выводя его в ранг необязательных характеристик.

В завершении нужно отметить, что учение о предмете трудового права имеет весьма богатую историю в нашей стране [7. С. 457–477]. Но в настоящее время очевидно прослеживается тенденция к изменению предмета трудового права (как в теоретическом и доктринальном плане, так и на практическом уровне) и тем самым расширению круга субъектов, на которых следует распространять трудовое законодательство. Предмет трудового права и законодательства смещается от традиционных (классических) пределов по вектору наиболее глобального охвата разных новых форм человеческого труда. В последующем от российского законодателя будет зависеть обширность таких подходов, в частности, в новом законе «О занятости населения в РФ» и дополнениях к Трудовому кодексу, а также конкретное их наполнение по содержанию. Многие из поднятых в статье вопросов по компонентам в составе предмета трудового права являются до сих пор весьма дискуссионными, и разные страны мира выбирают свой путь развития и правового регулирования новых общественных отношений, появляющихся в цифровую эпоху. Однако при этом несомненным и важным является дуализм целей наблюдаемого расширения предмета трудового права, он заключается как в защите частных, так и публичных интересов (в их совокупном балансе). В первом случае при регулировании новых форм труда непосредственно нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, обеспечивается провозглашенная в Конституции РФ защита прав человека, связанная с предоставлением социального страхования и гарантий, прежде всего, в области охраны труда и участия в социальном партнерстве. Во втором же случае защита публичных интересов выражается в легальном непосредственном закреплении на уровне закона нетипичных форм занятости людей, включая их переход из теневой сферы, определении пределов и условий их реализации, в том числе среди прочего связанных с уплатой налогов в федеральный бюджет, отчетностью при взаимодействии с государственными органами власти и другими нюансами.

Список литературы

1. Венедиктов С. В. Некоторые особенности сферы применения трудового права на Украине // Трудовое и социальное право. 2019. № 3 (31). С. 31–36.
2. Драчук М. А. Управление трудовыми ресурсами и предмет трудового права: легальное соотношение // Кадровик. 2021. № 3. С. 44–49.

3. Куренной А. М. Некоторые актуальные проблемы правового регулирования трудовых отношений // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 4 (118). С. 4–12.

4. Мамлеева Э. Р., Трофимова Н. В., Сазыкина М. Ю. Цифровые трудовые платформы и платформенная занятость // Уфимский гуманитарный научный форум. 2021. № 2 (6). С. 38–46.

5. Минкина Н. И. Изменения рынка труда и концепция нового правового регулирования занятости населения в России // В сборнике: Государство и право в эпоху глобальных перемен. Материалы международной научно-практической конференции / под редакцией Д. Л. Проказина. Барнаул, 2022. С. 334–335.

6. Новости для юриста (подготовлено экспертами компании «Гарант»). Вправе ли ИП заключить трудовой договор с самим собой? URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/57401944/paragraph/53810:0> (дата обращения: 17.08.2022).

7. Федин В. В. Предмет трудового права // Lex russica (Русский закон). 2005. Т. 64, № 3. С. 457–477.

8. Чуча С. Ю. Предмет трудового права в постиндустриальном информационном обществе и доктрина трудовых правоотношений // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2022. Т. 19, № 2. С. 117–120.

9. Шилова Н. П. Особенности труда лиц, осужденных к лишению свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 5. С. 78–84.

С. В. Парамонова,
начальник Управления кадров,
старший преподаватель кафедры трудового права,
Уральский государственный юридический университет
имени В. Ф. Яковлева

ОБРАЗ БУДУЩЕГО ТРУДОПРАВОВЫХ ПРОЦЕДУР В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. Цифровая эпоха – эпоха стремительного развития информационного общества в условиях высшей степени неопределенности. Свое значение утрачивают ресурсы материального порядка, повышается роль информации. На алгоритмах и взаимодействии строится новая реальность. В сфере труда достаточно много алгоритмизированных процедур и взаимодействия, поэтому влияние технологий на эту сферу в силу ее особого приоритета не стоит оставлять без внимания. С целью посмотреть, как технологии меняют и могли бы менять процедуры в сфере труда, проанализированы отдельные моменты последних новаций в трудовом законодательстве. Предпринята попытка дать определение понятию «трудоправовая процедура».

Ключевые слова: Трудоправовая процедура, трудовые отношения, электронный кадровый документооборот, электронное взаимодействие, цифровая экономика, цифровые технологии

THE IMAGE OF THE FUTURE OF LABOR LAW PROCEDURES IN THE DIGITAL AGE

Abstract. The digital age is the era of the rapid development of the information society in conditions of the highest degree of uncertainty. The resources of the material order are losing their significance, the role of information is increasing. A new reality is built on algorithms and interaction. There are a lot of algorithmic procedures and interactions in the world of work, so the impact of technology on this area, due to its special priority, should not be ignored. In order to see how technologies change and could change procedures in the sphere of labor, some moments of the latest innovations in labor legislation are analyzed. An attempt was made to define the concept of «labor legal procedure».

Keywords: Labor legal procedure, Labor relations, Electronic personnel document management, Electronic interaction, Digital economy, Digital technologies

Сегодня никого не удивить терминами, связанными со словом «цифра» в его новом звучании: «Цифровые технологии», «Цифровая платформа», «Цифровая экономика», «Цифровое государство». Новая терминология проникла во все сферы деятельности человека и незаметно практически вытеснила из обихода прилагательное «электронный». Несмотря на отсутствие устоявшихся определений указанных понятий, расхождения в представлении этапов технического и технологического развития цивилизации, а также неравномерность соответствующих состояний общества на уровне территориальной организации, считается, что мир находится в особом историческом периоде, именуемом цифровой эпохой, Индустрией 4.0 [17].

Цифровая эпоха характеризуется отказом от аналоговых технологий и господством технологий цифровых. В контексте исследуемого вопроса под цифровой технологией понимается такая технология, которая строится на алгоритмах и в сочетании с возможностями совместного использования или сетевой основы приводит к расширению взаимодействия и повышению его эффективности за счет снижения транзакционных издержек. Развитие цифровых технологий повлекло за собой такие явления, как цифровизация и цифровая трансформация. Между данными явлениями иногда ставят знак равенства, но чаще цифровая трансформация связывается не просто с цифровыми технологиями, а с прорывными цифровыми технологиями (облачные технологии, Big Data, IoT, искусственный интеллект) [10, 11].

Ученые правоведы полагают, что цифровая трансформация является логическим продолжением процесса информатизации, очередным этапом эволюции применения новейших средств информатизации, чем и объясняется смена терминологии [6. С. 91–92]. Эксперты Центра подготовки руководителей цифровой трансформации ВШГУ РАНХиГС выделяют три этапа внедрения информационных технологий: автоматизация (внедрение ИТ-решений, повторяющих процессы), цифровизация (внедрение ИТ-решений, улучшающих процессы), цифровая трансформация (внедрение ИТ-решений, моделирующих процессы) [3. С. 2–3;

15. С. 22–23]. Последние два этапа предполагают реинжиниринг реальных процессов, за счет которого, по сути, достигается наибольшая эффективность, потому что в процессах, в их сетке в связи с внедрением «цифры» происходят качественные и количественные изменения.

Представления науки и практики о цифровой эпохе, а также видение ситуации государством сходятся в том, что цифровая трансформация влечет глубокие и всесторонние изменения в производственных и социальных процессах, связанные с заменой аналоговых технических систем цифровыми системами и широкомасштабным применением цифровых технологий. Эта мысль нашла свое отражение в приказе Минкомсвязи России от 01.08.2019 № 428 [9], где кроме того обозначено, что цифровая трансформация охватывает не только производственную деятельность, но и изменение организационных структур компаний и бизнес-моделей, а также процессы жизнедеятельности населения.

Цифровая эпоха – эпоха алгоритмов и взаимодействия. Наибольшую ценность в период таких глобальных преобразований и стремительного развития информационного общества, безусловно, приобретает информация. При этом растут требования к самой информации. Прежде всего, важно, чтобы информация была актуальной и достоверной. Алгоритмы и построенное на них взаимодействие призваны обеспечить требуемое качество информации. Под взаимодействием в данном случае подразумевается взаимная связь явлений, сущностей различной природы и человеческие коммуникации. В правовом измерении алгоритмы и взаимодействие, а также возникающая в ходе их осуществления информация приобретают юридическое значение.

Алгоритмизация взаимодействия присуща природе правовой процедуры. Под правовой процедурой, как правило, и в самом общем виде понимается нормативно установленный порядок действий участников тех или иных отношений. Некоторые исследователи особо подчеркивают, что действия участников отношений должны быть направлены на достижение правового результата, а порядок их действий определяется не только на нормативном, но и на индивидуальном уровне [13. С. 34]. Доводы о том, что с позиции права процедура и процесс – понятия связанные, но не тождественные, убедительны [4, 14]. Вместе с тем по техническим соображениям предлагается исходить из того, что механизм работы с процедурой при ее переводе в цифровой формат аналогичен тому, что применяется для процесса в любых его проявлениях.

Процедуры присутствуют как в праве материальном, так и в процессуальном праве [4]. Сфера труда – одна из тех сфер, где многогранное взаимодействие участников системы отношений имеет приоритет и предопределяет специфику правового регулирования. Закономерно, что процедурная составляющая в трудовом праве проявляется достаточно ярко и есть основания полагать, что будет только расширяться, поскольку фактическая реализация прав и обязанностей субъектов протекает в регламентированных формах. Процедура в отрасли присутствует как в нормотворческой деятельности, так и в различных формах реализации норм права. Процедура в сфере труда в качестве правового средства вносит динамику в механизм правового регулирования и отвечает за его эффективность [8. С. 148–149].

Примечательно, что в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ) норм с процедурными элементами значительно больше, чем в предыдущих кодифицированных актах. Вероятно, этим можно объяснить изобилие в нормах указаний на то, каким образом должен подтверждаться факт должного совершения процедуры. Зачастую, данные указания выражаются в таких формулировках, как «под роспись», «в письменной форме». Обнаружить систему в применении формулировок достаточно сложно. Скорее всего, законодатель изначально предполагал их равнозначность и в какой-то степени соотносил их с документальным оформлением, о котором в нормативных положениях, к сожалению, с аналогичными изъятиями также упоминается.

Более 10 лет назад профессором С. Ю. Головиной подмечено, что требование, обращенное законодателем к работнику или работодателю, предупреждать другую сторону «в письменной форме» о событиях и своих намерениях в свете применения новых технологий коммуникации потеряло свое однозначное толкование [1, С. 61]. На многообразие средств взаимодействия, доступных сегодня для сторон трудовых отношений, профессора С. Ю. Головина и Л. В. Зайцева продолжают указывать, приводя в качестве примера разнообразную судебную практику, которая отражает фактическое состояние дел в сфере труда [2, С. 247–251]. Игнорировать данные обстоятельства в современных условиях нельзя.

Принимая во внимание современный контекст, полагаясь на теоретические представления о правовой процедуре, а также учитывая отраслевую специфику, допустимо произвести попытку дать следующее определение трудовправовой процедуре. Под трудовправовой процедурой предлагается понимать порядок действий, образующий модель (программу) поведения субъектов правоотношений в сфере труда и направленный на достижение правового результата, выраженного в установленной форме, в нормотворческой деятельности и (или) в различных формах реализации права, который предписан трудовым законодательством и (или) иными актами, содержащими нормы трудового права, и (или) предусмотрен условиями трудового договора.

В связи с тем, что цифровая эпоха – реальность, в которой мир уже находится, а будущее прогнозировать все сложнее и сложнее, в научном сообществе происходящие события вызывают определенную тревогу. В одних случаях тревога связана с тем, что развитие технологий значительно опережает правовое регулирование, правовая интерпретация происходящих социальных и технических изменений запаздывает, классические правовые режимы становятся препятствием на пути инноваций, поскольку затраты на них заведомо высоки [12]. В других случаях тревожность вызывает неопределенность в понимании того, как следует поступать с новыми вызовами и рисками, например, приватностью и безопасностью, обеспечить которые не просто, но крайне необходимо [16].

Без информационно-телекоммуникационной сети Интернет сегодня сложно представить функционирование прорывных цифровых технологий. Исследователи, изучающие влияние сети на трансформацию юридических процедур, установили, что под ее воздействием появляются новые процедуры, изменяются или вовсе прекращают свое существование действующие процедуры [7]. Кроме того,

исследователями констатируется наличие фактов дублирования процедур в традиционной и электронной форме, а также тенденции к усложнению и усилению процедурной составляющей права. Последнее, там, где это явно не оправдано, видится плохим сигналом и поводом задуматься над целесообразностью и эффективностью, чего собственно и стремиться общество достичь, внедряя цифровые технологии.

Рассматривая новации, связанные с внедрением цифровых технологий в сферу труда, приходится признать, что законодатель пока не счел нужным придерживаться ни теоретико-правовых воззрений, ни требований правил внедрения ИТ-решений, зарекомендовавших себя на практике. В частности, речь идет о новациях, связанных с электронным документооборотом (далее – ЭДО). В конце 2021 г. в ТК РФ были внесены соответствующие изменения и дополнения, которые назвать комплексным подходом пока нельзя, ибо они вряд ли способны в сфере труда обеспечить не просто должное электронное, а платформенное взаимодействие (взаимодействие в единой информационной среде), что является сегодня трендом и основой цифровой экономики.

Применительно к вопросу влияния цифровых технологий на трудовые процедуры следует отметить, что на текущий момент затруднительно определить, к какому этапу внедрения ИТ-решений можно было бы отнести развертывание информационных систем работодателей или государства в виде цифровой платформы «Работа в России» для ЭДО. Казалось бы, внедрение цифровых технологий в сферу труда должно как минимум претендовать на цифровизацию, поскольку ЭДО призван улучшить применяемые процедуры. Однако это далеко не так, потому что реинжиниринг процедур проведен не был, а, значит, и не было определено, какие процедуры должны возникнуть, какие измениться, а какие прекратить свое существование. Об этом свидетельствует то, что в основной массив норм ТК РФ, где содержится внушительный объем процедур, изменений не последовало.

Законодатель не предложил, пускай даже в отсылочном варианте, определение понятию «электронный документ». В конечном итоге сам же вынужден был «подогнать» под «документ» в широком понимании этого слова действия субъектов правоотношений и способы их реализации. По факту все трудовые процедуры стали документированными процедурами, хотя в аналоговом мире не каждая процедура требует или подразумевает оформление документа как такового. В тексте ТК РФ такая привычная традиционная форма обращения к работодателю, как заявление, упоминается только в 12 случаях (например, ст. 62, 72.1, 77, 84.1, 122, 124, 125, 136, 170, 185.1, 222, 235, 254, 258, 261, 377). В основном писать заявления – это обычай, сложившийся по причине отсутствия иного доказуемого впоследствии способа сообщения работодателю информации или своей воли.

В значительном количестве случаев форма обращения к работодателю в нормативных положениях отсутствует или заменена на фразы «по желанию» (ст. 152, 186), «по просьбе» (ст. 72.1, 93, 194, 128, 322). Ряд процедур предполагают согласие либо отказ работника, причем иногда в одной процедуре может быть и инициатива работника, и его же согласие или отказ (ст. 72.1, 77, 84.1, 96, 99, 113, 124, 125, 180

и др.). Существуют трудовые процедуры, где четко обозначено действие, которое работник обязан совершить, но могут быть размыты форма и способ его совершения: сообщать (ст. 64.1, 136, 157, 214 и др.), извещать (ст. 142, 214), объяснять (ст. 193, 229.2, 247), предупреждать (ст. 71, 80). Действия работодателя в трудовых процедурах зачастую также размыты в части формы и способа совершения: уведомлять (ст. 74, 84.1, 86, 142), сообщать (ст. 64), предупреждать (ст. 60.2, 71, 71, 79, 180, 292, 295, 296 и др.), извещать (ст. 123, 136, 162), требовать (ст. 207, 312.2), предлагать (ст. 74, 76, 81, 83, 84, 180, 261).

Отдельного внимания заслуживают действия по ознакомлению. Так, современные технологии вполне позволяют упростить решение вопроса своевременного ознакомления работника с документами, будь то организационно-распорядительная документация, локальные нормативные акты или акты социального партнерства [5]. Для подтверждения факта получения документа и ознакомления с ним совсем не обязательно работнику документ подписывать или создавать отдельный документ и подписывать его. Как раз тот случай, когда формулировка «под роспись» давно утратила смысл и процедура изжила себя. В реализации действующих нормативных положений это выглядит абсурдным. В некоторых случаях следовало бы отказаться от процедуры ознакомления работника с документом, содержание которого дублирует другой документ, который работник подписывает. К таким документам относятся приказы (распоряжения), подготавливаемые на основании трудового договора или дополнительного соглашения к нему, воспроизводящие их основные условия. Законодатель по какой-то причине принял соответствующее решение только в отношении приказа (распоряжения) о приеме на работу, да еще и зачем-то вообще сделал его не обязательным.

К слову сказать, к организационно-распорядительной документации законодатель изначально отнесся пренебрежительно. Так, в главе 12 ТК РФ нет ни одного указания на необходимость оформления приказов, фиксирующих состояния изменения трудового договора. При этом такие приказы работодателями издаются. Более того, сведения о них, а также о других приказах (например, о поощрении работника) вносятся в трудовую книжку и (или) сведения о трудовой деятельности работника. Кадровая документация – важная составляющая ключевых процедур, она фиксирует их ход и результат. На практике принято говорить об оформлении кадровой операции. ЭДО здесь не просто оправдан, он реально уже давно существовал и в легализации собственно не нуждался.

Представляется, что ЭДО является одной из составляющих электронного взаимодействия участников отношений в сфере труда. ЭДО не может и не должен подменять собой электронное взаимодействие, он объективно не может быть сведен к вопросам оформления отношений, не может быть подвергнут регулированию исключительно трудовым законодательством. Важно выделять и соответствующим образом обеспечивать комплексное правовое регулирование в зависимости от уровня и предмета электронного взаимодействия и уровня и предмета ЭДО в сфере труда, включая локальный уровень.

Электронное взаимодействие осуществляется не только и не столько путем обмена документами. При этом не стоит забывать о наличии элементов электрон-

ного взаимодействия с работодателем в процессе использования работником сети Интернет непосредственно для выполнения трудовой функции. Приоритетом в создании условий для внедрения и развития ЭДО в сфере труда должны стать процессы стандартизации и унификации кадрового делопроизводства, определяющие требования к минимально допустимому набору видов и содержанию документов, которыми оформляются трудовые отношения и кадровые операции, независимо от того, в бумажном или электронном виде они подготавливаются и производятся. Электронный вид данных документов должен быть урегулирован только в части требований к их форматам, т. е. описанию структуры файла, содержащего сведения о метаданных электронного документа.

Электронное взаимодействие требует унификации и стандартизации, но в несколько упрощенном рамочном варианте, который не должен предусматривать такого многообразия терминов, обозначающих в принципе одно действие, но с разным содержанием, а также создание документов там, где от этого давно стоит отказаться и уж тем более не множить. Непосредственно в ТК РФ следовало бы заложить простые единообразные правила относительно и электронного взаимодействия в целом, и ЭДО в частности, одновременно избавив нормативные положения от излишней путаной детализации в каждой конкретно взятой процедуре.

Поработав соответствующим образом с текстом ТК РФ на предмет совершенствования трудовправовых процедур, а, затем, приведя в порядок и иные акты, содержащие нормы трудового права, можно избавиться и от противоречий, и от пробелов в правовом регулировании, облегчить правовой материал и вынести нормы технического характера, что называется за скобки. Назрела потребность посмотреть в сторону предоставления сторонам возможности уточнения, а может быть даже моделирования процедур на индивидуальном договорном уровне, безусловно, со всеми обеспечительными и гарантийными мерами, не отступая от принципов трудового права.

Такой подход соотносится с тем, что электронное взаимодействие само по себе и в составе ЭДО призвано удовлетворить потребность в обеспечении эффективного взаимодействия сторон трудовых отношений между собой и с государством, продуктивного межведомственного взаимодействия, гарантирующего качество социальных услуг, а также проактивного контроля соблюдения трудового законодательства. Законодатель же пошел несколько иным путем. Можно сказать, он выбрал путь наименьшего сопротивления, пожертвовав качеством и, как ему кажется, обеспечив скорость принятия решений.

В соответствии со ст. 22¹ ТК РФ Минтрудом России разработаны Единые требования к составу и форматам документов, связанных с работой. Проект соответствующего приказа размещен на портале regulation.gov.ru. Планируемый к подписанию документ носит технический характер, что отвечает поставленным задачам. При этом вопрос стандартизации и унификации кадровой операции, информация о которой образует содержание документа, так, по-видимому, и останется открытым. Соответственно, проактивный контроль соблюдения трудового законодательства в принципе пока невозможен. Хотя логично сразу заложить такие

алгоритмы подготовки документов, которые позволят пресечь грубые нарушения в момент формирования документа, не говоря уже о том, чтобы удаленно в любой момент осуществлять проверку документов автоматизированную или ручную.

Наибольший интерес представляет справочник основных видов электронных документов, связанных с работой, который содержится в проекте приказа Минтруда России. Справочник отражает видение регулятора относительно того, какими должны быть документы, связанные с работой. Много вопросов вызывает выделение групп документов, но главное даже ни это. Недоумение вызывают такие виды документов, как согласие, отказ, ознакомление, извещение, уведомление, сообщение, просьба, предупреждение. К категории не просто неожиданных, а скорее экстравагантных следует отнести такие документы, как причина отказа в заключении трудового договора, отмена поручения о выполнении дополнительной работы, согласие работника, оформленное путем заключения отдельного соглашения к трудовому договору, на увеличение продолжительности рабочего времени, согласие работника, оформленное путем заключения отдельного соглашения к трудовому договору, о замене части ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска отдельно устанавливаемой денежной компенсацией, соглашение сторон о продлении действия срочного трудового договора.

Комментировать перечень видов документов весьма затруднительно ввиду того, что найти разумные объяснения происходящему сходу вряд ли получится. Очевидно пока только одно, повод задуматься над теми вопросами, которые были обозначены выше, однозначно и еще более очевидно имеется. Приходится с определенной долей ностальгии вспоминать период, когда в сфере труда первичной учетной документацией уделялось должное внимание. Впервые в практику унифицированные формы кадровых приказов (распоряжений) и ряда других документов вошли в 1997 г., изменялись в 2001 г., а последняя редакция 2004 г. перестала быть востребованной с 2013 г.

Думается, что это и было этапом автоматизации, поскольку формы создавались на основе универсальности с учетом реальной практики для машинного автоматического заполнения и повсеместно были внедрены в специализированное программное обеспечение, которое активно тиражируется. Без преодоления этапа автоматизации невозможно двинуться дальше. Создается ощущение, что сегодня движение к следующему этапу поставлено на паузу. В предлагаемом варианте решений законодателя реальной цифровизации и уже тем более цифровой трансформации не случится, будет только иллюзия. Однако будущее таково, что рано или поздно трудовые процедуры станут совершенно иными, документ в знакомом нам значении и понимании исчезнет из них навсегда.

Список литературы

1. Головина С. Ю. Современное состояние терминологии трудового законодательства // Современное состояние законодательства и науки трудового права и права социального обеспечения: материалы 6-й Международной научно-практической конференции / под. ред. К. Н. Гусова. Москва: Проспект, 2010. С. 59–65.

2. Головина С. Ю., Зайцева Л. В. Электронный кадровый документооборот: от правового эксперимента к практике // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 2. С. 241–256.
3. Государство как платформа: люди и технологии / под ред. М. С. Шклярук. Москва: РАНХиГС, 2019. URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2019-01/16-01-2019-GovPlatform.pdf> (дата обращения: 18.09.2022)
4. Душакова Л. А. Анализ подходов к пониманию правовой процедуры // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2011. № 4.
5. Кончева В. А., Одинцов С. В. Перспективы и тенденции развития в России электронного делопроизводства и документооборота в трудовых правоотношениях // Современное право. 2020. № 3.
6. Кузнецов П. У. Цифровая трансформация государственного управления как этап развития информатизации в России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2021. Т. 21, № 1. С. 84–95.
7. Макаров В. О. Трансформация юридических процедур под влиянием сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Волгоград, 2019. 434 с.
8. Насалевич Т. С. Процедуры в науке трудового права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 38. С. 143–152.
9. Приказ Минкомсвязи России от 01.08.2019 № 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы “Цифровая экономика Российской Федерации”» // Документ опубликован не был. Доступен в СПС КонсультантПлюс.
10. Прохоров А., Коник Л. Цифровая трансформация. Анализ, тренды, мировой опыт. Москва: ООО «КомНьюс Групп», 2019. 372 с.
11. Сибел Т. Цифровая трансформация. Как выжить и преуспеть в новую эпоху / Томас Сибел; перевод с английского Юлии Гиматовой. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2021. 253 с.
12. Синюков В. Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // Lex russica (Русский закон). 2019. № 9 (154). С. 9–18.
13. Смольянов М. С. Понятие и признаки юридической процедуры // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2010. № 6. С. 23–34.
14. Соколов Т. В. Процедура и процесс: синонимичные понятия или различные правовые явления? // Юридические записки. 2014. № 2. С. 27–37.
15. Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить / под ред. Е. Г. Потаповой, П. М. Потеева, М. С. Шклярук. Москва: РАНХиГС, 2021. 184 с.
16. Трансформация права в цифровую эпоху: монография / под ред. А. А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 432 с.
17. Шваб К. Четвертая промышленная революция: пер. с англ. / Клаус Шваб. Москва: Эксмо, 2016. 209 с.

А. Е. Пономарченко,
старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

СТАНОВЛЕНИЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. Новые коммуникационные и информационные технологии являются одной из движущих сил экономического прогресса и занятости, в частности развитие электронной коммерции и удаленной работы. Они также произвели революцию в трудовой жизни, изменив рабочие системы и методы, производственные процессы, условия труда, а также трудовые отношения в организациях, тем самым бросив вызов традиционным методам организации труда, которые больше не адаптируются. Цель настоящей статьи заключается в исследовании проблемы влияния цифровизации на трудовые отношения и трудовое законодательство, особое внимание уделено изменениям структуры занятости. Исследуется вопрос необходимости внесения изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и иные нормативные правовые акты, содержащие нормы о труде, с учетом требований инноваций.

Ключевые слова: занятость, гиг-экономика, цифровая платформа, фриланс, трудовые отношения, цифровизация, дистанционные работники, трудовой договор

FORMATION OF LABOR RELATIONS IN THE DIGITAL ECONOMY

Abstract. New communication and information technologies are one of the driving forces of economic progress and employment, in particular the development of e-commerce and remote work. They have also revolutionized work life by changing work systems and methods, production processes, working conditions, and labor relations in organizations, thereby challenging traditional work organization methods that are no longer adaptable. The purpose of this article is to study the problem of the impact of digitalization on labor relations and labor legislation, special attention is paid to changes in the structure of employment. The issue of the need to amend the Labor Code of the Russian Federation and other regulatory legal acts containing labor standards, considering the requirements of innovations, is being investigated.

Keywords: Employment, Gig economy, Digital platform, Freelancing, Labor relations, Digitalization, Remote workers, Employment contract

Достижения в области информационных технологий произвели революцию в том, как люди сегодня относятся к работе. Благодаря технологиям трудовые отношения стали более гибкими, появилась возможность самостоятельно определять, где и когда выполнять свои трудовые обязанности, возможность удаленного сотрудничества с коллегами по всему миру. Распространение COVID-19 также привело к активному использованию домашнего офиса, онлайн трансляций и вебинаров вместо офисных встреч. Кризис показал, насколько перспективна может быть такая форма работы.

Создание и активное развитие онлайн-платформ породили «гиг-экономику», новую модель трудовых отношений при которой организации не заключают трудовые договоры с работниками, т. е. не нанимают их в штат, а привлекают независимых исполнителей или фрилансеров в целях реализации конкретных проектов на определенный временной период. Распространенными цифровыми платформами являются «Uber», «Yandex Taxi», «Atlas Delivery» и другие.

Гиг-экономика описывает бизнес-модель, в которой работники полагаются на цифровую платформу для связи с клиентами для предоставления своих товаров и услуг [5. С. 921]. Во всем мире прогнозируется, что число работников, предоставляющих свои товары и услуги таким образом, будет расти.

«Гиг-экономика» – это термин, описывающий растущий рынок определенных нестандартных условий работы, когда организации сотрудничают с независимыми подрядчиками краткосрочный период времени. Идея гиг-экономики включает в себя все виды таких нестандартных форм работы, в том числе неполный рабочий день, временную, внештатную и самозанятую работу. Однако этот термин чаще всего используется для описания работы, связанной с цифровыми приложениями или посредническими цифровыми платформами.

Функция цифровых платформ – помочь клиенту избежать транзакционных издержек, связанных с поиском контрагента, решением вопроса доверия, ценообразованием и оплатой.

На сегодняшний день платформенная занятость набирает популярность как среди организаций, которым нужна помощь на определенное время, так и среди работников, предпочитающих более гибкий и независимый график работы. Однако трудность заключается в том, что те, кто работает в рамках платформенной занятости, не вписываются в параметры Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (Далее – ТК РФ) [4], который регулирует традиционные отношения между работником и работодателем. Также новая форма занятости вызывает споры, поскольку работодатели не платят страховые взносы и налоги с заработной платы, а работники могут не получать минимального размера оплаты труда, отсутствуют гарантии трудовых прав и средства защиты при увольнении. Следовательно, оценка правильного статуса занятости важна для определения прав, которыми обладает такого рода работник.

В рамках настоящей статьи рассмотрим два основных вида цифровых платформ: 1) платформа, обеспечивающая работу по требованию; 2) платформа, обеспечивающая фриланс. Регулирование деятельности указанных платформ в полном объеме не подпадает под действие трудового законодательства. Если говорить о первом виде платформы, то признаки трудовых отношений возникают с платформой, поскольку потребитель личного труда выступает в качестве потребителя услуг самой платформы. Работник и потребитель не имеют возможность влиять на матчнинг [5] (подбор работника и потребителя) и цену, матчнинг и определение цены осуществляется самой платформой. Например, курьер «Delivery Club», он действует от имени и в интересах компании, что выражается в его униформе.

Платформы, обеспечивающие фриланс – платформы удаленной работы для фрилансеров, чаще всего организованные в виде маркетплейсов. В данном случае наблюдается минимальное вмешательство со стороны цифровых платформ [3. С. 55].

В 2013 г. в ТК РФ появилась глава 49.1, регулирующая особенности труда дистанционных работников. Согласно ст. 312.1 дистанционной (удаленной) работой (далее – дистанционная работа, выполнение трудовой функции дистанционно) является выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, и сетей связи общего пользования.

Назревает вопрос, могут ли фрилансеры заключать с маркетплейсом договор о дистанционной (удаленной) работе? Для того чтобы ответить на поставленный вопрос, рассмотрим условия дистанционной работы:

- 1) выполнение трудовой функции вне места нахождения работодателя;
- 2) использование информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, и сетей связи общего пользования;
- 3) согласно ст. 15 ТК РФ наличие контроля и управления со стороны работодателя [2. С. 274].

Существенными чертами фриланса как формата занятости являются: самостоятельность в организации трудовой деятельности, трудовая автономия и квазизависимость, индивидуальный характер труда, полизанятость, спорадичность, ориентированность на результат, лоскутность карьеры, а также участие в формировании виртуальных рынков труда (бирж удаленной работы). Автономия фрилансеров означает независимость в трудовой, финансово-экономической, социальной сферах [1. С. 82].

Следовательно, говорить о наличии трудовых отношений между фрилансерами (гиг-работниками) и цифровыми платформами (маркетплейс) мы не можем поскольку цифровые платформы выступают в качестве посредника, они сводят покупателя товара или услуги с продавцом, но не могут управлять и контролировать действия фрилансеров.

В рассмотренных выше видах цифровых платформ работники получают вознаграждение в зависимости от выполняемой ими работы, и у них может быть более одного контракта одновременно. Хотя вышеуказанные категории гиг-работников можно объединить вместе, поскольку они в основном получают работу с помощью цифровых платформ, платформы могут различаться по характеру контрактов, функционированию и проблемам [9]. Риски, связанные с этим типом занятости, включают неуверенность в получении адекватного дохода, отсутствие социальной защиты, трудности в ведении коллективных переговоров

или отсутствие других преимуществ, связанных с полной занятостью. Одним из отличительных элементов гиг-работы, который усложняет регулирование гиг-экономики, являются треугольные отношения между работником (производителем), конечным пользователем (заказчиком) и цифровым посредником (поставщиком платформы или агрегатором). Наличие данного элемента не дает квалифицировать сложившиеся отношения как трудовые и относить «независимых подрядчиков» и «фрилансеров» к категории «работник».

Наличие контроля над гиг-работниками со стороны платформ и отсутствие мер социального обеспечения привели к спорам о том, следует ли рассматривать гиг-работников как «наемных работников» или «независимых подрядчиков». В то время как контроль, осуществляемый платформами, является наиболее важным юридическим критерием для определения статуса работника, характер контроля над условиями труда имеет центральное значение для регулирования трудовых отношений в гиг-экономике. Чем выше степень контроля со стороны организации, тем больше вероятность того, что работники будут классифицированы как «наемные работники». Некоторые страны, такие как США и Индия, предпринимали попытки по созданию тестов, направленных на то, чтобы определить является ли работник «наемным работником» или «независимым подрядчиком», контролирует ли работодатель рабочий процесс и насколько работник интегрирован в бизнес работодателя.

Самый спорный случай связан с цифровой платформой Uber. В 2019 г. Калифорния приняла закон «AB 5» [8], который призвал Uber рассматривать своих водителей как наемных работников. Хотя Uber потерял свою привлекательность, 58 % калифорнийцев проголосовали за Предложение 22, альтернативную модель, предложенную компаниями. Когда водители Uber снова подали иск в суд, он был отклонен Верховным судом Калифорнии, который пришел к выводу, что водители Uber контролируют важные аспекты своей работы, такие как расписание, транспортные средства, место работы и их способность работать в конкурирующих организациях. Таким образом, они являются независимыми подрядчиками. Однако в последствии в Калифорнии был принят так называемый Gig Worker Law, согласно которому самозанятые, работающие на цифровых платформах, фактически являются его работниками [7. С. 463].

До принятия Gig Worker Law в России суды встали именно на такую позицию по вопросу об ответственности за качество продукции и услуг. В решении по иску Елены Гращенковой к «Яндекс.Такси» (она попала в аварию по вине водителя такси, не справившегося с управлением, и на время потеряла трудоспособность), суд указал, что ответственность за жизнь и здоровье пассажира в данном случае несет не только сам водитель, но и компания-агрегатор. Противоположную позицию занимает США, где юридическое подразделение NLRB (Национальный совет по трудовым отношениям) применило решение SuperShuttle в служебной записке 2019 г., в которой говорилось, что водители Uber являются независимыми подрядчиками [7. С. 472]. Аналогичную позицию занимает Великобритания, Верховный суд Соединенного Королевства постановил, что с водителями Uber следует обращаться как с «наемными работниками», вопреки судебному решению в Калифорнии [6. С. 215].

В качестве альтернативы несколько стран экспериментировали с промежуточной категорией, «зависимыми подрядчиками» [9], как в Канаде, Италии и Испании, но получили смешанные результаты. В Италии и Испании, еще до появления агрегаторов платформ, законодательные органы признали промежуточную категорию работников, находящихся между наемным работником и подрядчиком, на основании таких факторов, как: 1) сотрудничество; 2) продолжительность отношений; 3) функциональная координация с заказчиком; 4) и др.

Таким образом, подводя итог вышесказанному мы приходим к выводу, что в результате активного развития гиг-экономики необходимо пересмотреть действующее трудовое законодательство и внести в него соответствующие изменения, сделать его более гибким, не нарушая при этом специфику гиг-занятости. Основная юридическая проблема заключается в определении статуса работников гиг-экономики, поскольку на сегодняшний день у них отсутствует доступ к правовым средствам защиты своих трудовых прав как у традиционных работников (гиг-работники не защищены от незаконного увольнения, не имеют право на гарантированный оплачиваемый отпуск, а также право на получение определенных социальных гарантий и пр.). Помимо определения правового статуса необходимо определить правовую природу договоров, заключаемых с гиг-работниками, которая отличает гиг-работников от наемных и других категорий работников.

Список литературы

1. Калашникова И. В., Филиппова К. В. Фриланс и российский рынок труда // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2020. № 4 (59). С. 81–90.
2. Курсова О. А. Контроль как признак трудового отношения: генезис и трансформация // Вопросы трудового права. 2021. № 4. С. 274–278.
3. Линец А. А. Правовая природа отношений, возникающих в связи с исполнением личного труда в рамках гиг-экономики // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2021. № 5. С. 47–69.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (1 ч.). Ст. 3.
5. Янченко Е. В. Гиг-экономика: риски прекаризации занятости // Экономика труда. 2022. Т. 9, № 5. С. 909–930. DOI 10.18334/et.9.5.114795
6. Bergvall-Kareborn, B., Howcroft D. Amazon Mechanical Turk and the Commodification of Labour // *New Technology, Work and Employment*. 2014. Vol. 29, No 3. Pp. 213–223.
7. Lewin, D. IR and HR perspectives on workplace conflict: What can each learn from the other? // *Human Resource Management Review*. 2001. No. 11 (4). Pp. 453–485.
8. Woodcock, Jamie and Graham, Mark (2019). *The Gig Economy: A Critical Introduction*. Cambridge: Polity. <https://politybooks.com/bookdetail/?isbn=978150953...>
9. World Employment and Social Outlook 2021: The role of digital labour platforms in transforming the world of work. International Labour Office – Geneva: ILO, 2021. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-dgreports/-dcomm/-publ/documents/publication/wcms_771749.pdf (дата обращения: 06.09.2022).

А. А. Сапфирова,
доктор юридических наук, доцент,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И. Т. Трубилина

ЛОКАЛЬНЫЕ НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ДОБРОСОВЕСТНОГО РАБОТОДАТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В статье исследуются вопросы локального нормотворчества работодателя и их влияния на имидж добросовестного работодателя в условиях цифровизации. В статье рассмотрена система локальных нормативных актов работодателя, среди которых особое внимание уделено исследованию введенных после 1 января 2021 г. обязательных локальных нормативных актов, появлением которых они обязаны, в том числе и цифровизации труда и экономики. К их числу относятся обязательные локальные нормативные акты, регламентирующие дистанционный труд, вопросы внедрения и ведения электронного кадрового документооборота, охрану труда и обработку и защиту персональных данных работников. Один из выводов, сделанных автором, заключается в том, что правильно выстроенная система локальных нормативных актов – это один из самых востребованных и полезных инструментов, который сможет помочь работодателю эффективно управлять организацией в условиях цифровизации для формирования его имиджа добросовестного работодателя.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, локальные нормативные акты, охрана труда, дистанционный труд, электронный кадровый документооборот, персональные данные работников, добросовестный работодатель

LOCAL REGULATORY ACTS AS A MEANS OF FORMING THE IMAGE OF A BEAUTIFUL EMPLOYER IN CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Abstract. The article examines the issues of local rule-making of the employer and their impact on the image of a conscientious employer in the context of digitalization. The article considers the system of local regulations of the employer, among which special attention is paid to the study of mandatory local regulations introduced after January 1, 2021, the appearance of which they are obliged to, including the digitalization of labor and the economy. These include mandatory local regulations governing remote work, the implementation and maintenance of electronic personnel records, labor protection and the processing and protection of personal data of employees. One of the conclusions made by the author is that a properly built system of local regulations is one of the most popular and useful tools that can help an employer effectively manage an organization in the context of digitalization in order to form its image as a conscientious employer.

Keywords: Law, Digital technologies, Local regulations, Labor protection, Remote work, Electronic personnel document management, Personal data of employees, Conscientious employer.

Введение. Современное трудовое законодательство претерпевает значительные изменения, обусловленные, в том числе внедрением «цифры» в документооборот в сфере труда. Несомненно, цифровизация кадрового учета повлияла не только на деятельность специалиста по кадрам, но и в целом на систему оформления трудовых отношений. Другое дело, каким образом цифровизация отразится на качестве работы специалиста по кадрам, на качестве кадровой документации и, тем более, на качестве трудовой деятельности работника и работодателя?

Выполняя все требования законодательства, работодатель, тем самым, формирует имидж добросовестного работодателя, а «цифра» активно способствует этому формированию через такие элементы, как отчеты работодателя в электронной форме, электронный кадровый документооборот, электронная цифровая подпись и т. д.

Одним из средств для формирования имиджа «добросовестного работодателя» являются локальные нормативные акты, проблемами которых занимались многие ученые, представители науки трудового права. К их числу относятся О. Ю. Павловская [3], И. Ю. Рогалева [7], Г. В. Хныкин [12] и другие.

Локальные нормативные акты – это акты, принимаемые работодателем в соответствии с трудовым законодательством и содержащие нормы трудового права. В них можно улучшить положение работников по сравнению с установленным трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права. Именно поэтому нельзя не согласиться с Г. В. Хныкиным, считающим, что в локальных нормативных актах можно закрепить, помимо норм, деловые обычаи, обыкновения, корпоративные традиции, этические нормы, определяющие социальные ориентиры работодателя, направленные на смягчение негативных последствий рыночных отношений [13. С. 7]. Здесь хотелось бы добавить, что локальные нормативные акты направлены и на смягчение активности цифровой политики в сфере труда. Они позволяют работодателю пересмотреть подход к выбору работников, сохранению рабочих мест и в принципе к взаимодействию с работниками на условиях «цифровой» прозрачности и адекватности, что способствует формированию имиджа «добросовестного работодателя».

Система локальных нормативных актов, разрабатываемых и утверждаемых работодателем, включает в себя локальные нормативные акты по разным направлениям трудовой деятельности в условиях цифровизации. Но все же анализ локальных нормативных актов позволил предположить, что их система состоит из обязательных ее элементов и факультативных (необязательных). В рамках настоящей статьи подробнее остановимся на обязательных локальных нормативных актах, появлением которых они обязаны, в том числе и цифровизации труда и экономики. Их обязательность обусловлена нормами Трудового кодекса РФ, предусматривающими также и особый порядок их принятия: они утверждаются работодателем с учетом мнения представительного органа работников.

Основная часть. Во-первых, локальные нормативные акты по вопросам дистанционного труда.

С 1 января 2021 г. вступили в силу изменения в Трудовой кодекс РФ, регламентирующие труд дистанционных работников [8]. Эти изменения – как раз тот случай, когда редакция проекта была понятнее по содержанию и элементарнее в применении, чем принятый закон [6]. Это одна из новых форм занятости, как в России, так и в Европе [14].

Так, согласно ст. 312.3, 312.6 Трудового кодекса РФ, взаимодействие дистанционного работника и работодателя осуществляется в формах, предусмотренных, в том числе и локальным нормативным актом, в котором устанавливается порядок их взаимодействия, обмена электронными документами, использование видов электронных цифровых подписей, порядок выплаты компенсации за использование работником принадлежащего ему (арендованного им) оборудования, программного обеспечения, средств защиты информации и т. д., а также порядок, сроки и размеры возмещения расходов на использование указанного оборудования, программного обеспечения, средств защиты информации и т. д.

Обратим внимание, что работодатель должен принять и локальный нормативный акт о временном переводе работников на дистанционную работу (ст. 312.9 Трудового кодекса Российской Федерации). Имеются в виду случаи, когда работника без его согласия переводят на дистанционную работу при наступлении условий, ставящих под угрозу жизнь и нормальные жизненные условия всего населения или его части (катастрофа, производственная авария, эпидемия и т. д.)

Во-вторых, локальные нормативные акты по вопросам внедрения и ведения электронного кадрового документооборота.

В связи с вступившими в силу изменениями в ТК РФ [9] с 30 ноября 2021 г. работодатель вправе вводить электронный кадровый документооборот. Основанием введения должен быть локальный нормативный акт работодателя (ч. 2 ст. 22.2 Трудового кодекса РФ), в котором закрепляются все процедуры «перевода» работодателя из бумажного в электронный документооборот. Порядок осуществления электронного кадрового документооборота также должен быть оформлен отдельным локальным нормативным актом (ч. 3 ст. 22.2 Трудового кодекса РФ).

В-третьих, локальные нормативные акты в области охраны труда.

Изменения, внесенные в Трудовой кодекс РФ и вступившие в силу с 1 марта 2022 г. [10], обусловили необходимость наличия у работодателя как обязательных, так и факультативных локальных нормативных актов по охране труда.

К числу обязательных локальных нормативных актов по охране труда относится только Положение о системе управления охраной труда (ст. 217 ТК РФ), примерное положение о которой вступило в силу 1 марта 2022 г. [5]: представляет собой политику и цели конкретного работодателя по охране труда и процедуры по достижению этих целей.

Остальные локальные нормативные акты могут быть приняты работодателем, например, Положение об учете и рассмотрении обстоятельств и причин, приведших к возникновению микротравм (ст. 226 ТК РФ), Положение о комитетах (комиссиях) по охране труда (ст. 224 ТК РФ), Положение по управлению профессиональными рисками (ст. 218 ТК РФ) и т. д.

В-четвертых, локальные нормативные акты об обработке и защите персональных данных работников.

Законодательство о персональных данных состоит, прежде всего, из Федерального закона «О персональных данных» (далее по тексту – Закон о персональных данных) [11] и иных нормативных правовых актов, которые приняты во исполнение данного закона и направлены на обеспечение защиты персональных данных. Для нас законодательство о персональных данных представляет интерес, поскольку с 1 сентября 2022 г. вступили в силу изменения в Закон о персональных данных, согласно которому все работодатели должны уведомить Роскомнадзор о том, когда они начали обрабатывать персональные данные работников и с какой целью.

Обратимся к тексту Закона о персональных данных, согласно п. 2 ст. 18.1 которого работодатель должен разработать систему локальных нормативных актов, направленных на защиту персональных данных работников. Однако содержание данной нормы вызывает определенные вопросы.

В частности, законодатель требует, чтобы работодатель издал документы, определяющие его политику в отношении обработки персональных данных.

Вопрос в терминологии: что здесь имеет в виду законодатель под словом «документы»? Обратившись к словарям С. Ожегова и Д. Ушакова, видим, что документ – это важная деловая бумага, которая является доказательством чего-то [1, 2]. Видимо, законодатель придает особое значение документу, который называет «политикой». Это следует из дальнейшего текста нормы, закрепляющей необходимость издания, помимо политик, локальных нормативных актов.

Чем же отличается «политика» от локальных нормативных актов? Политика – это одна из сфер человеческой деятельности, в которой государства в лице органов государственной власти и их должностных лиц, а также общественные институты реализуют свои цели и интересы [4]. Принимая во внимание данное определение, которое практически ничем не отличается от определений, данных в словарях С. Ожегова и Д. Ушакова, можно сформулировать, что понимает под политикой Закон о персональных данных. Нам представляется, что это важный документ, в котором работодатель обозначает свои цели и интересы в области обработки и защиты персональных данных работников. С учетом ст. 86–90 ТК РФ Политика содержит нормы трудового права.

Политика и локальные нормативные акты, отличаясь названием, по сути, содержат нормы трудового права, но законодатель, на наш взгляд, выделяет ее из всей системы локальных нормативных актов работодателя, подчеркивая ее важность.

Обратим внимание на множественность документов, которые определяют политику в отношении обработки персональных данных работников. Можно предположить, что документов должно быть 2 и более. Это значит, что политик должно быть 2 и более. Нам представляется, что суть политики как документа сводится к тому, что она должна быть единственной и должна определять важное направление, обозначающее цели и интересы работодателя в области обработки и защиты персональных данных работников. Думается, что законодатель применил термин

«документы» как собирательный, охватив Политику и локальные нормативные акты одним словом – «документы». Однако во избежание двойного толкования следует скорректировать редакцию п. 2 ст. 18.1 Закона о персональных данных.

Согласно п. 2 ст. 18.1 Закона о персональных данных, работодатель должен издать локальные нормативные акты по обработке персональных данных и по процедурам, направленным на предупреждение, выявление нарушений и устранение их последствий.

И здесь от работодателя требуется разработать и утвердить целую систему обязательных локальных нормативных актов, которые бы регулировали не только обработку персональных данных, но и их предупреждение и защиту.

Из требований п. 2 ст. 18.1 Закона о персональных данных можно предположить, что по каждой цели обработки персональных данных необходимо утвердить отдельный локальный нормативный акт, в котором указать перечень обрабатываемых персональных данных, категории субъектов, способы, сроки их обработки и хранения, порядок их уничтожения. Например, в Положении об обработке персональных данных работников с целью соблюдения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, в связи с трудовыми отношениями важно конкретизировать цель, указав кадровый и бухгалтерский учет, оформление трудовых отношений, обеспечение личной безопасности работников и так далее, а также перечислить те персональные данные, которые обрабатываются работодателем, способы и сроки обработки, порядок уничтожения персональных данных по достижении целей обработки.

Кроме того, важно разработать еще одну систему локальных нормативных актов, направленных на предотвращение нарушений персональных данных, устранение их последствий. Это могут быть Положение о предупреждении нарушений персональных данных, Положение о защите персональных данных.

Данные локальные нормативные акты не должны содержать норм, ухудшающих положение работников по сравнению с законодательством, но и не должны содержать норм, возлагающих на работодателей не предусмотренные законодательством дополнительные права и обязанности.

Заключение. Анализируя изложенную выше систему обязательных локальных нормативных актов, которые работодатель должен разработать, начиная с 1 января 2021 г., можно сделать несколько выводов. Во-первых, во многом необходимость их принятия продиктована внедрением «цифры» в трудовую деятельность работников и работодателей. «Цифра» обусловила необходимость четкой регламентации взаимодействия работника и работодателя для удобства их мониторинга не только органами статистики, но и надзорными органами (возможно, для последующего внедрения и развития электронного надзора). Во-вторых, локальное нормотворчество работодателя – это не только обязанность работодателя разработать нормы во исполнение требований законодателя, но и возможность устранить неточности, упущения, откровенные пробелы, допущенные законодателем. И здесь можно неоднократно подчеркивать, что работодатель должен эффективно управлять своей организацией, а правильно выстроенная система локальных нормативных актов – это один из самых востребованных и полезных

инструментов, который сможет помочь работодателю в формировании его имиджа добросовестного работодателя.

Список литературы

1. «Документ»: Толковый словарь С. И. Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=6880> (дата обращения: 17.09.2022).
2. «Документ»: Толковый словарь Д. Ушакова. URL: <https://slovar.cc/rus/ushakov/395400.html> (дата обращения: 17.09.2022).
3. Павловская О. Ю. Локальные нормативные акты работодателя: Трудоправовой аспект. Часть 1, 2, 3 // Кадровик. 2019. № 5. С. 8–16; № 6. С. 16–23.
4. «Политика». URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0> (дата обращения: 17.09.2022).
5. Приказ Минтруда России от 29.10.2021 № 776н «Об утверждении Примерного положения о системе управления охраной труда» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_403335/ (дата обращения: 18.09.2022).
6. Проект Федерального закона № 973264–7 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной и удаленной работы» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 21.07.2020) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/565358535> (дата обращения: 18.09.2022).
7. Рогалева И. Ю. Субъекты локального регулирования // Экономика. Право. Общество. 2016. № 2 (6).
8. Федеральный закон «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» от 08.12.2020 № 407-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370070/ (дата обращения: 18.09.2022).
9. Федеральный закон «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» от 22.11.2021 № 377-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400854/ (дата обращения: 18.09.2022).
10. Федеральный закон «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» от 02.07.2021 № 311-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389002/ (дата обращения: 18.09.2022).
11. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 17.09.2022).
12. Хныкин Г. В. Локальные нормативные акты трудового права. Иваново: Изд-во Иван. ун-та, 2004. – 260с.
13. Хныкин Г. В. Локальные источники российского трудового права: теория и практика применения: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. – 294 с.
14. New Forms of Employment in Europe / Edited by Blanpain R., Hendrickx F. Wolters Kluwer, 2016. 416 p. // Новые формы занятости в Европе / под ред. Бланпэна Р., Хендрикса Ф. Москва: Волтерс Клувер, 2016. 416 p.

Н. А. Солянкина,
старший научный сотрудник,
отдел исследований в области гражданского,
экологического и социального права,
Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАДРОВОЙ РАБОТЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ВОПРОСЫ ПРАВА

Аннотация. В последние годы широкое распространение получили такие термины как «информационное общество», «цифровая экономика». Формирование современного информационного общества связано с ростом роли информации в жизни людей и развитием цифровых технологий. Новые способы организации производственных процессов накладывают отпечаток и на развитие социально-трудовых отношений, в частности, на регулирование правовой связи между наемными работниками и нанимателями. Появление дистанционных форм занятости, развитие электронной бухгалтерии и документооборота, реализация новых способов организации труда с использованием программных средств постановки задач обуславливает трансформацию процесса управления персоналом. Внедрение новых цифровых технологий позволяет вывести кадровую работу организации на более качественный уровень, который позволяет: оптимизировать кадровую политику и работу с инструкциями, регламентами, правилами для персонала; правильно работать с вакансиями в условиях цифровой трансформации; автоматизировать операционную работу и работу с документацией; анализировать и визуализировать данные и готовить отчетность с помощью цифровых инструментов. Применение цифровых технологий в кадровой работе позволяет адаптироваться к новым вызовам современности и становится ведущим субъективным фактором конкурентоспособности компании на рынке.

Ключевые слова: цифровая трансформация, трудовая сфера, кадры, документооборот, подбор персонала, рабочее время, отчетность

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE ORGANIZATION'S HR WORK AND LEGAL ISSUES

Abstract. In recent years, such terms as «information society», «digital economy» have become widespread. The formation of the modern information society is associated with the growing role of information in people's lives and the development of digital technologies. New ways of organizing production processes leave their mark on the development of social and labor relations, in particular, on the regulation of the legal relationship between employees and employers. The emergence of remote forms of employment, the development of electronic accounting and workflow, the implementation of new ways of organizing work using automated task allocation systems leads to the transformation of the personnel management process. The introduction of new digital technologies makes it possible to bring the organization's personnel work to a higher level, which allows: to optimize personnel policy and work with instructions,

regulations, rules for personnel; correctly work with vacancies in the conditions of digital transformation; automate operational work and work with documentation; analyze and visualize data and prepare reports using digital tools. The use of digital technologies in personnel work allows you to adapt to the new challenges of our time and becomes the leading subjective factor in the company's competitiveness in the market.

Keywords: digital transformation, labor sphere, personnel, workflow, recruitment, working hours, reporting

Введение. Изменения последних десятилетий оказали существенное влияние на внедрение технологических инноваций и развитие всех сфер жизни общества. С каждым годом прорывные технологии, достижения научно-технического прогресса становятся все доступнее, что приводит, в том числе, к необходимости адаптации процесса управления трудом. С помощью цифровых технологий происходит сбор, хранение, обработка и передача данных, что способствует эффективности осуществления бизнес-процессов. Использование новых технологий, обращение к искусственному интеллекту, а также работа с большими объемами данных полностью меняет управленческие процессы и активно влияет на рынок труда.

Цифровая трансформация экономики является способом достижения социально-экономического развития в Республике Беларусь, поэтому данное направление относится к приоритетным целям при построении ИТ-государства. С этой целью создается определенная правовая и регуляторная среда, воплощаются крупные инфраструктурные проекты, идут организационно-технологические преобразования всех отраслей экономики.

Цифровизация трудовой сферы является элементом построения цифровой экономики. В Республике Беларусь завершилась пятилетняя Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг. Как отмечает В. В. Шпилевская, «в рамках выполнения государственных программ информатизации Министерством труда и социальной защиты Республики Беларусь разработаны, внедрены и функционируют республиканские автоматизированные информационные системы, предназначенные для автоматизации процесса деятельности органов по труду, занятости и социальной защите: государственная информационная система социальной защиты (ГИССЗ); автоматизированная справочная статистическая система «Труд и соцзащита» (АССС); автоматизированная система управления «Занятость» и др.» [10. С. 28].

Программа социально-экономического развития Беларуси на 2021–2025 гг. [4] направлена на обеспечение стабильности в обществе и рост доходов населения за счет модернизации экономики, создание комфортных условий для работы и самореализации человека, для достижения достойного уровня жизни. Инструментом успешной реализации данной программы является Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. Она закрепляет процедуру внедрения наукоемких способов управления национальной экономикой, всеми сферами жизни общества в последующий период (в настоящее время включает 82 мероприятия) [3].

Основная часть. Высокопродуктивные цифровые технологии и системы автоматизации работы активно внедряются в повседневную жизнь. Как отмечает И. В. Петришенко «процессы цифровизации поставлены в качестве приоритета для развития каждой отрасли экономики» [5]. Пересмотр существующих подходов – действенный способ вывести экономику Республики Беларусь на более высокий уровень, обеспечив достижение целей устойчивого развития в долгосрочном прогнозе, что провоцирует потребность в реорганизации трудовой деятельности для достижения максимального эффекта.

Цифровая трансформация кадровой работы организации – это система управленческих процессов (целенаправленных решений и действий), в которой ключевым моментом управления становятся данные в цифровой форме. Обработка больших объемов кадровой информации с использованием цифровых технологий облегчает делопроизводство, способствует повышению эффективности как управления персоналом, так и всей организацией в целом.

Характер происходящих изменений глобально воздействует и на рынок труда. Принципиально важно понимать, что внедрение прогрессивных информационных технологий в определенной степени способствует совершенствованию общественных отношений в сфере труда. Юридические и физические лица, выступая нанимателями, должны надлежащим образом уделять повышенное внимание документам в кадровой работе. В целом цифровую трансформацию кадровой работы организации можно свести к определенным направлениям, которые были обозначены автором ранее [6. С. 205], тем не менее нуждаются в развитии.

Диджитализация подбора персонала. Ключевым для любой организации ресурсом являются кадры. Как показывает практика, человеческий фактор чаще всего оказывается наиболее сложным в управлении [1. С. 32]. В связи с этим одной из самых актуальных проблем любой организации является проблема подбора персонала, поскольку трудовой коллектив организации в целом, и каждый работник в частности, способствуют формированию конкурентоспособности предприятия. Ведь именно квалифицированные кадры обеспечивают эффективную деятельность предприятия, поэтому в последние годы повышается значимость развития кадрового потенциала организации. В условиях цифровой трансформации формирование кадрового потенциала выступает одной из ключевых задач государственной политики [2. С. 76].

Мероприятия по подбору и поиску персонала можно определить как «действия, направленные на поиск и привлечение специалистов на рынке труда» [6. С. 205]. Данные специалисты должны соответствовать предъявляемым требованиям и обладать достаточной квалификацией для выполнения работы. Процедура подбора осуществляется разными способами и может включать такие стадии. Специалисты по подбору персонала оценивают резюме кандидатов, проводят собеседование; осуществляют тестирования; анализируют характеристику с прежнего места работы и др.

Социальные сети, форумы и чаты, группы и сообщества в мессенджерах, онлайн конференции и многое другое являются аккумулятором электронных следов человека. Анализ такой информации может помочь в поиске персонала,

в тоже время оценка и отбор кандидата может происходить и без участия человека. Однако ученые неоднозначно оценивают процесс диджитализации поиска квалифицированных работников. Имеется две точки зрения на развитие этого процесса. Первая – продолжение начатых преобразований и с учетом традиционной модели привлечения работников, и вторая – сохранение устоявшихся, общепринятых способов привлечения персонала, поскольку только так можно сохранить эмоциональное восприятие кандидата. Снижение личного контакта обезличивает такую процедуру, что не всегда может положительно отразиться на последующей работе.

Автоматизация работы с документами персонала. Законодательство о труде Республики Беларусь устанавливает определенные правила по оформлению кадровых документов и ведению личных дел работников. Перечень необходимых кадровых документов зависит от меняющихся подзаконных актов в сфере труда, в частности, актов Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь. Надлежащее ведение документов по кадрам направлено на оформление правовой связи между сторонами трудового правоотношения, т. е. юридическое оформление и закрепление трудовых прав и обязанностей нанимателя и работника.

Работа с кадрами включает в себя работу с большим количеством различных документов. Документооборот в большинстве предприятий до сих пор организован в бумажном формате. Еще пару десятков лет назад, ведение, например, бухгалтерского учета происходило в бумажном виде и писалось от руки. Однако с появлением программного обеспечения произошел переворот в ведении бухгалтерского и управленческого учета. Такое изменение ожидает работников с кадрами. На смену бумажным документам приходит электронный документооборот.

Как показывает практика, большое количество организаций не уделяют должного внимания оформлению кадровой документации, вследствие чего кадровый документооборот ведется с нарушением требований нормативных правовых актов. С целью исключения такой ситуации целесообразно использовать многофункциональные программы, которые способствуют улучшению качества выполняемой работы кадровыми службами. Системы электронного управления документами облегчают формирование документов, обеспечивают мгновенный доступ к информации, передают большие объемы данных в компьютерных сетях, а также помогают контролировать потоки использования внутренних и внешних документов организации.

Проблема прироста объемов документов сегодня остро стоит для всех. Оцифровка документации и появление электронных подписей выступило одним из значимых элементов в развитии цифрового государства. Это способствует внедрению электронного делопроизводства и управлению документооборотом. Установка корпоративных систем управления должна помочь справиться с обычными действиями кадровых служб. Надежным способом хранения, а также средством борьбы со скоплением бумажных документов является сканирование бумажных носителей с целью организации электронного архива. Переход на электронный документооборот сократит временные затраты на поиск информации и упростит доступ к получению необходимых документов.

Организация процесса труда. Сегодня происходят кардинальные изменения в сфере труда. Автоматизация все больших объемов профессиональной деятельности, уменьшение количества работников с низким уровнем образования требует выработки новых способов организации работы. Как отмечает Л. Г. Титаренко и Р. В. Карапетян «цифровая трансформация формирует все больший спрос на новые рабочие места, прежде всего в сфере информационно-коммуникативных технологий» [7. С. 54]. Цель собственника имущества при организации трудовой деятельности – сделать труд работников продуктивным и экономически выгодным. Обязанности на нанимателя при организации труда работников предусмотрены в ст. 55 Трудового кодекса Республики. «Вести учет фактически отработанного работником времени; выдавать заработную плату в сроки и размерах, установленных законодательством, коллективным договором, соглашением или трудовым договором; своевременно оформлять изменения в трудовых обязанностях работника и знакомить его с ними под роспись; создавать условия для ознакомления работника с локальными правовыми актами, затрагивающими его права и обязанности; исполнять другие обязанности, вытекающие из законодательства, локальных правовых актов и трудовых договоров» [8]. На это направлено внедрение корпоративных систем управления делопроизводством. Возникает острая необходимость в «эффективных электронных, автоматических оценочных механизмах системы управления персоналом» [6. С. 206], которые будут исключать влияние на межличностные отношения в трудовом коллективе.

Статистическая отчетность по кадровой службе. Представление статистической отчетности является важным направлением работы с персоналом. Статистические отчеты можно условно граadirовать на те, которые самостоятельно подготавливает и сдает кадровая служба, и те, которые формирует бухгалтерия (вместе с тем, при подготовке таких отчетов требуется получение актуальной информации от кадровой службы). Стоит напомнить, что представление искаженных данных государственной статистической отчетности, может повлечь наступление административной или уголовной ответственности в соответствии с законодательством Республики Беларусь. Таким образом, ответственные за достоверность информации специалисты кадровой службы должны обладать точными сведениями для безукоризненного составления отчетов. Обращение за помощью к компьютерным программам, использование информационных технологий в аккумулировании информации о трудовой деятельности работающих в организации лиц значительно облегчает выполнение таких обязанностей и исключает возможные ошибки, связанные с человеческим фактором.

Экономика и общество постепенно принимают цифровую трансформацию. Граждане и организации, активно осваивающие цифровые возможности, добиваются больших результатов и получают существенную экономическую прибыль. Однако при реализации мероприятий по диджитализации процессов управления персоналом не исключено появление определенных факторов, которые могут неоднозначно отразиться на достижении целевых показателей. К ним можно

отнести: недостаточные фактические объемы финансирования проводимых мероприятий; неудовлетворительное состояние кадрового обеспечения организации в сфере информатизации (цифрового развития); длительность периода принятия локальных правовых актов, необходимых для эффективной реализации мероприятий по цифровой трансформации в организации; недостаточно эффективное управление ресурсами и др.

Стоит отметить, что внедрение цифровых технологий порождает «угрозу сфере занятости, провоцируя сокращение рабочих мест, ухудшение условий труда» [7. С. 54], формирует предпосылки для социального неравенства.

Как справедливо отмечает И. А. Филипова, основными последствиями цифровой трансформации сферы труда становятся: ликвидация значительной части рабочих мест; из-за многократного роста информационной нагрузки не сохраняются прежние условия труда; остается вопрос будет ли число новых рабочих мест больше, чем число ликвидируемых; скорость развития технологий обуславливает потребность в получении новых навыков, чтобы продолжить работу [9, с. 84]. Все это результат перехода к цифровой экономике. Отношения в сфере трудового права нуждаются в пересмотре и дополнительных гарантиях, а цифровая трансформация и автоматизация не должна стать заменой человеческого труда.

Заключение. Резко ускоряющиеся процессы цифровизации порождают необходимость пересмотра организации управления трудом в целях возрастания его маневренности, гибкости и приспособления к условиям дистанционной работы. Использование автоматизированных систем выстраивания задач, управление организацией с учетом действенной расстановки трудовых ресурсов, электронная бухгалтерия и документооборот, цифровой контроль и усиление безопасности в цифровой среде позволяют результативно достигать целей Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси».

На наш взгляд, экономически целесообразно перейти на электронные, безбумажные технологии, что приведет к повышению производительности труда. Цифровая трансформация кадровой работы способствует появлению новых решений, позволяющих усовершенствовать внутренний и внешний документооборот в организации, преодолеть рутину повседневности и высвободить для работы «ценные человеческие ресурсы» для выполнения других трудовых функций и сфокусироваться на оптимизации производительности труда. Использование передовых технологий обеспечит экономию затрат на приобретение услуг организацией, но в тоже время не стоит допускать понижение трудового статуса работника.

Список литературы

1. Бейч Э. Консалтинговый бизнес: основы профессионализма: перевод с английского. – Санкт-Петербург [и др.]: Питер, Питер принт, 2006. 272 с.
2. Маляренко Н. А., Кириллов А. В. Формирование стратегии управления персоналом // Новое поколение. 2017. № 11 (1). С. 74–80.

3. О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 фев. 2021 г. № 66, в ред. постановления 24.02.2021 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

4. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы: Указ Президента Респ. Беларусь, 29 июля 2021 г. № 292 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

5. Петришенко: цифровая экономика стала частью национальной стратегии Беларуси. URL: www.belta.by/economics/view/petrishenko-tsifrovaja-ekonomika-stala-chastiju-natsionalnoj-strategii-belarusi-340157-2019/ (дата обращения: 11.08.2022).

6. Солянкина Н. А. Использование цифровых технологий в кадровой работе // Передовые технологии и материалы будущего: сборник статей IV Международной научно-технической конференции «Минские научные чтения-2021», Минск, 9 декабря 2021 г.: в 3 т. Минск: БГТУ, 2021. Т. 3. С. 203–208.

7. Титаренко Л. Г., Карапетян Р. В. Цифровая трансформация трудовой сферы: сравнительный анализ показателей России и Беларуси // Социология. 2021. № 1. С. 52–69.

8. Трудовой кодекс Республики Беларусь: 6 июля 1999 г., № 296-З: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.05.2021 г. № 114-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

9. Филипова И. А. Влияние цифровых технологий на труд: ориентиры для трудового права: монография. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского, 2021. 106 с.

10. Шпилевская В. В. Информатизация в Республике Беларусь и становление электронного правительства. Минск: Минский государственный ПТК полиграфии, 2019. 55 с.

К. Л. Томашевский,

доктор юридических наук, профессор,
Международный университет «МИТСО»

ПЛАТФОРМИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ТРУДА КАК НОВЫЙ ТРЕНД В РАЗВИТИИ НЕТИПИЧНЫХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ

Аннотация. В настоящей статье анализируется такой новый тренд в развитии нетипичных форм занятости как платформизация отношений в сфере труда. Его появление обусловлено повсеместной цифровизацией общественных отношений, что не могло не сказаться и на трудовых и непосредственно с ними связанных отношениях. Под тенденцией платформизации отношений в сфере труда понимается расширение сферы применения труда платформенных работающих, выполняющих

работу посредством цифровых платформ, постепенно вытесняющих с рынка труда работников, состоящих в классических трудовых отношениях. Данная тенденция иллюстрируется примерами урегулирования их статуса в зарубежном праве, свидетельствующими о том, что платформенные отношения постепенно, но все же входят в сферу действия трудового права.

Ключевые слова: платформизация, цифровизация, тренд, тенденция, трудовые отношения, цифровая платформа, платформенный работающий

PLATFORMIZATION RELATIONS IN SPHERE OF LABOUR AS A NEW TREND IN THE DEVELOPMENT OF ATYPICAL FORMS OF EMPLOYMENT

Abstract. This article analyzes such a new trend in the development of atypical forms of employment as the platformization of labour relations. Its appearance is due to the widespread digitalization of public relations, which could not but affect labor and directly related relations. The trend of platformization of labour relations is understood as the expansion of the scope of labour of platform workers who perform work through digital platforms, gradually displacing workers in classical labor relations from the labor market. This trend is illustrated by examples from domestic and foreign law, indicating that platform relations are gradually entering the scope of labour law.

Keywords: Platformization, Digitalization, Trend, Labour relations, Digital platform, Platform worker

Современный этап развития общественных отношений в постиндустриальную эпоху (информационного общества, Индустрии 4.0) характеризуется повсеместным, тотальным внедрением цифровых технологий во все сферы жизни общества. Не является исключением и сфера труда, трудовой деятельности, трудовых отношений, в которую вовлечены более 3,3 млрд трудящихся в мире по состоянию на 2022 г.

Платформенная занятость во всем мире показывает гигантские показатели роста в последние пять лет. По данным МОТ число цифровых платформ, обеспечивающих работу, по некоторым оценкам увеличилось со 142 в 2010 г. до 777 в 2020 г. [9. С. 43]. Большинство из них относятся к сектору доставки, за которыми следуют онлайн-платформы, предоставляющие услуги такси и небольшое количество гибридных платформ, предлагающих различные услуги, включая электронную коммерцию [15]. Очевидно, что за прошедшие с 2020 г. 1,5 года число платформ в мире могло значительно увеличиться.

По экспертным оценкам специалистов Высшей школы экономики на 2022 г. общую численность занятых в российской платформенной экономике на уровне 15,5 млн чел., в том числе в качестве основной работы – на уровне 1,7 млн чел. [4. С. 4]. Доля платформенных занятых от общего числа работающих составляла на 2017 г.: около 1 % в среднем по Европейскому союзу и 6 % в США [15].

Если нетипичные формы занятости стали себя проявлять в сфере труда и завоевывать популярность в странах Запада примерно с 1980-х гг., а в Армении, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане и Российской Федерации уже после распада

СССР – с 1990-х гг., то цифровизация (диджитализация) – это тенденция в развитии общественных отношений, проявившаяся в начале XXI века, в последние 20 лет. В свою очередь платформизация отношений в сфере труда как новый тренд в развитии нетипичных форм занятости – это вообще явление последних 10 лет. В основном эта тенденция стала проявляться после мировых финансово-экономического кризисов 2008 и 2014 г., которые заставили компании искать новые источники экономической активности, уменьшения издержек на транзакции. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что появление цифровых платформ, предоставляющих работу, обусловлено возможностями, предоставляемыми современными ИТ технологиями (появление смартфоном, приложений), а также повышенной мобильностью молодых специалистов и рабочих, ищущих альтернативные или дополнительные способы заработка. Как отмечают эксперты МОТ, развитие платформенной экономики нельзя рассматривать изолированно, это еще один эпизод в развитии гибких форм занятости [15. Р. 6].

В историческом аспекте уместно напомнить, что многие исследователи в трудовом праве обращали внимание на тенденцию флексибилизации трудовых отношений, начавшуюся с 1980-х гг. Так, по мнению австрийского ученого-юриста М. Рисака, все изменения в мире труда с 1980-х и 1990-х гг., как с точки зрения работодателей, так и с точки зрения работников, направлены на повышение гибкости. Это стало возможным благодаря дерегулированию и расширению пространства для маневра обеих сторон... повышенная гибкость может также означать меньшую защищенность работников, усиление конкуренции между ними и гонку на понижение в отношении заработной платы и условий труда [17].

На смену тенденции флексибилизации и политике либерализма на рынке труда в 1990-х гг. пришла так называемым политика *flexicurity*. Исторически зародившаяся и впервые обоснованная в Дании политика *flexicurity* (гибкой защищенности, гибкобильности, гибкозащищенности), а затем законодательно реализованная в Нидерландах означала своего рода «золотой треугольник» с «трехсторонним сочетанием гибкости на рынке труда, гарантированного социального обеспечения (в том числе для безработных) и активной политикой государства на рынке труда. В свою очередь Европейская комиссия трактовала *flexicurity* как интегрированную стратегию одновременного повышения гибкости и безопасности на рынке труда. Гибкость разработана и реализована в Европейском союзе в рамках четырех компонентов политики: 1) гибкие и надежные договорные отношения; 2) комплексные стратегии обучения на протяжении всей жизни; 3) эффективная активная политика на рынке труда; и 4) современные системы социального обеспечения, обеспечивающие адекватную поддержку доходов при смене места работы [10. Р. 143].

По мнению Н. Л. Лютова флексикьюрити – правовая политика, заключающаяся в целенаправленном сочетании гибкости регулирования рынка труда и организации отношений в сфере труда, с одной стороны, и стабильности в отношении занятости и доходов. Увеличение гибкости на рынке труда в странах Европейского союза стало во многом проявляться путем более широкого внедрения гибких форм «нетипичных» трудовых договоров: срочного трудового договора, облегчения перехода на неполное рабочее время, внедрения многосторонних трудовых отношений, разовой

работы и других нестандартных форм занятости [2. С. 44]. Появления этой политики были замечены также белорусскими учеными Е. В. Мотиной и К. Л. Томашевским в развитии трудового законодательства Беларуси [3; 6].

Примерно с 2014 г. в условиях нарастающего влияния цифровизации на все сферы жизни общества, его цифровой трансформации во многих странах мира проявила себя еще одна тенденция такая как платформизация отношений в сфере труда, под которой нами понимается расширение сферы применения труда платформенных работающих, выполняющих работу посредством цифровых платформ, постепенно вытесняющих с рынка труда работников, состоящих в классических трудовых отношениях.

Многие западные и отечественные ученые в области трудового права (А. Алоизи, В. Де Стефано, Ева Кохер, М. Рисак, Дж. Празл, Н. Л. Лютов, О. В. Чесалина, И. В. Шестерякова и др.) активно включились в обсуждение правовой природы платформенной занятости, ее отличие от классических трудовых отношений для упорядочения разрозненной судебной практики, а также определения возможных путей распространения на эту новую нетипичную форму занятости норм трудового законодательства и права социального обеспечения, хотя бы в усеченном объеме [1; 2; 7; 8; 10–12; 14; 16–19]. Объем этой статьи не позволяет подробно проанализировать их точки зрения, поэтому ограничимся изложением собственного мнения относительно черт тенденции платформизации отношений в сфере труда.

На наш взгляд, тенденция платформизации отношений в сфере труда проявила себя в следующих четырех аспектах:

1) в цифровой экономике происходит трансформация классического понятия «работник» (employee), за счет появления категории «трудящийся (работающий) платформы» (platform worker), который может квалифицироваться в одних порядках применительно к тем или иным цифровым платформам как работник, в других – как лицо, подобное работнику, в третьих – как самозанятое лицо, в четвертых – как исполнитель по гражданско-правовому договору. Все это влечет разнообразные правовые последствия как с точки зрения трудового права, права социального обеспечения и налогового права, о чем мы ранее уже писали [5]. Происходит трансформация и стороны работодателя, так его функции реализует алгоритм цифровой платформы, при сохранении трудовой правосубъектности за юридическим лицом, котором принадлежит эта платформа или ее агентом, который вступил в правоотношения с платформенным работающим;

2) одновременно с основными субъектами трудового права (работником и работодателем) трансформируются и признаки классического трудового правоотношения (при рассмотрении трудовправовой модели платформенной занятости). Вместо подчинения работника хозяйской власти нанимателя (в том числе внутреннему трудовому распорядку), экономической зависимости и прямой субординации, что характерно для традиционных трудовых отношений при платформенной занятости наблюдается косвенная субординация, алгоритмический контроль, основанный на искусственном интеллекте при сохранении признака экономической зависимости. По сути стирается четкая грань между трудовыми и гражданско-правовыми отношениями, поскольку платформенный работающий может выполнять не четко опре-

деленную трудовую функцию, а микрозадания, поступающие со стороны цифровой платформы. При этом на практике платформенный работающий, как правило, не так жестко связан режимом рабочего времени и времени отдыха, как классический работник. Цифровая платформа крайне редко предлагает к заключению трудовой договор, облекая отношения в форму какого-либо гражданско-правового договора (возмездного оказания услуг, агентский договор и какой-либо иной) или вообще избегая договора;

3) зарубежная судебная практика ряда западных стран (Великобритании, Испании, Франции, частично США и др.) и отдельных стран ЕАЭС (постановление судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РК от 06.12.2021 по иску Оспан к ТОО «Glovo Kazakhstan») уже стала признавать правоотношения с платформенными работающими отдельных цифровых платформ (Uber, Delivery и др.) трудовыми отношениями даже при отсутствии четкого законодательного регулирования;

4) в ряде стран мира наблюдаются попытки и законодательного урегулирования правового статуса платформенных работающих, причем этот опыт достаточно разнообразен и может быть условно подразделен на четыре подхода государств по вопросу квалификации работающих платформы.

Первый подход воплощает принцип невмешательства со стороны законодателя (на данный момент он воплощен в Беларуси и России). Это предполагает, что не существует четкого регулирования нормами трудового права работы посредством цифровых платформ, и, следовательно, классификация как зависимых работников, так и самозанятых лиц должна отдаваться на усмотрение судов. Это возможное решение, но оно может привести к правовой неопределенности как для платформенных работающих, так и для цифровой платформ, поскольку классификация ее сотрудников, а также связанные с этим права и издержки будут варьироваться в зависимости от точки зрения, которую судьи принимают в каждом отдельном случае.

Второй подход состоит в установлении промежуточных форм между зависимым работником и самозанятым лицом, таких как два термина, относящихся к понятию «работник» в Великобритании (employee / worker) или понятие «экономически зависимый самозанятый работник» в Испании. Идея, лежащая в основе этого подхода, заключается в том, что работа на платформе не может соответствовать особенностям наемного труда или самозанятости, и поэтому необходимо иметь регулирование, специфичное для этого вида занятости. Это возможное решение, хотя необходимо учитывать тот факт, что при увеличении числа категорий платформенных работающих правовая неопределенность, которая может существовать при отнесении работника к той или иной категории, также увеличится.

Третий подход заключается в усилении презумпции существования трудового договора и отмене бремени доказывания со стороны платформенного работающего (т. е. установлении презумпции трудовых отношений, если иное не доказано платформой, ее провайдером). То есть сама платформа должна демонстрировать существование подлинной самозанятости. К слову этот подход вполне может сочетаться с первым или вторым одновременно.

Наконец, существует четвертый подход обхода четкой классификации государством платформенных работающих в качестве зависимых работников или

самозанятых лиц с предоставлением обоим классам одинаковых трудовых прав и одинакового доступа к минимальной социальной защите.

Далее кратко проиллюстрируем вышеуказанные подходы примерам из законодательных инициатив и реализованных реформ в отдельных странах.

Закон штата Калифорния № 5 (АВ-5) от 18.09.2019 является примером усиления презумпции трудовых отношений. Его существование предполагается, если только работодатель не продемонстрирует, что он не осуществляет никакого контроля над работником платформы, или последний управляет своим собственным бизнесом, или выполняемая деятельность выходит за рамки основной деятельности платформы. Схожий вариант предусмотрен Законом № 12/2021 от 28.09.2021, принятым в Испании, в котором предполагается, что работники платформы доставки и транспортировки являются зависимыми, поскольку они находятся в неявной или косвенной зависимости от алгоритмов, хотя платформе разрешено доказывать обратное.

Итальянский закон № 128 от 02.11.2019 также усиливает презумпцию наличия трудовых отношений для платформенных работающих, но добавляет второй вариант (промежуточный статус). Хотя платформенные работающие являются самозанятыми, но испанский Закон предусматривает, что на них должен распространяться коллективный договор для данного сектора деятельности. Если коллективного договора нет, Закон предусматривает «минимальный уровень защиты», который заключается в признании определенных прав самозанятых работников платформы, включая оплату их страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Аналогичный подход реализован во французском законе № 2016–1088 от 08.08.2016, внесший дополнения в Кодекс труда Франции, где исходя из концепции «социальной ответственности» платформы по отношению к своим работникам, даже тем, кто работает не по найму, она обязана выплачивать любые взносы по страхованию от несчастных случаев на производстве, которые работник мог платить (ст. L.7342–2), а также признавать их право на профессиональное обучение и вступление в профсоюз. Кроме того, Закон № 2019–1428 от 24.12.2019, основанный на понятии социальной ответственности, предусматривает, что самозанятые работники транспортных платформ должны иметь «устав», в котором платформа предусматривает «дополнительные гарантии социальной защиты» (ст. L.7342–9).

Третий подход отражен в чилийском законе № 21431 от 08.03.2022, который создает «контракт для независимых работников цифровой платформы» в рамках трудового кодекса, с тем чтобы предоставить им права, в том числе на ведение коллективных переговоров.

Примером четвертого подхода можно считать опыт Китая. Положение о защите прав и интересов работников платформы от 07.07.2021, распространяет право на местную минимальную заработную плату на всех работников платформы, будь то иждивенцы или самозанятые. Аналогичным образом, в декабре 2020 г. в Республике Корея была одобрена реформа страхования по безработице, в соответствии с которой работники платформы будут иметь право на такую страховку, и платформа должна будет уведомить их о своей страховке, а также удерживать и выплачивать соответствующие взносы [15. Р. 28–29].

В заключение статьи отметим, что проведенное сравнительно-правовое исследование позволяет утверждать, что в условиях цифровой трансформации, наблюдаемой во многих странах мира, в последние 10 лет проявила себя такая тенденция такая как платформизация отношений в сфере труда, под которой нами понимается расширение сферы применения труда платформенных работающих, выполняющих работу посредством цифровых платформ, постепенно вытесняющих с рынка труда работников, состоящих в классических трудовых отношениях.

Универсального решения проблемы урегулирования минимальных условий труда платформенных работающих в мире пока не найдено и вряд ли это возможно в ближайшей перспективе.

Вместе с тем судебной практикой уже выработаны определенные критерии для признания отношений с некоторыми платформенными работающими трудовыми, а законодатели зарубежных страны выработали по меньшей мере четыре подхода по вопросу урегулированию их статуса и возможности распространения на них части социально-трудовых гарантий.

Законодательным органам Беларуси и России еще только предстоит выработать свой взвешенный подход к возможному решению этой проблемы. Оптимальным способом представляется наделение платформенных работающих частью трудовых прав и гарантий, предоставленных обычным работникам, в том числе гарантии права на минимальную заработную плату, на расследование и учет несчастных случаев на производстве, а также выплату пособий по временной нетрудоспособности.

Белорусскому же законодателю следует начать с закрепления самого понятия трудового отношения в ст. 1 ТК, его признаков на основе рекомендации МОТ № 198 «О трудовом правоотношении» 2006 г., предусмотреть презумпцию трудовых отношений, учтя опыт ст. 19.1 ТК РФ и критически оценив признаки трудового отношения в ст. 27 ТК Казахстана.

Список литературы

1. Лютов Н. Л. Адаптация трудового права к развитию цифровых технологий: вызовы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 98–107.
2. Лютов Н. Л. Влияние нетипичных форм занятости на социально-экономическое развитие // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Том 16, № 1. С. 43–50.
3. Мотина Е. В. Модель Flexicurity: понятие, содержание и пути реализации в трудовом законодательстве // Юстиция Беларуси. 2012. № 8. С. 44–49.
4. Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия : аналитический доклад / О. В. Синявская, С. С. Бирюкова, Е. С. Горват, Д. Е. Карева, Д. А. Стужук, К. О. Чертенков; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: НИУ ВШЭ, 2022.
5. Томашевский К. Л. Платформенная занятость: между трудовым, гражданским и налоговым правом // Юстиция Беларуси. 2021. № 8. С. 10–15.
6. Томашевский К. Л. Понятие трудово-правовой политики гибкозащищенности и ее реализация в Республике Беларусь // Юстиция Беларуси. 2011. № 11. С. 52–54.

7. Чесалина О. В. Трудоправовые гарантии для лиц, занятых посредством платформ // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2020. № 1. С. 108–117.
8. Трудовое право: национальное и международное измерение: монография. В 2 т. Т. 2: Трансформация трудовых отношений и проблемы отдельных институтов трудового права. Нетипичная занятость / под ред. С. Ю. Головиной и Н. Л. Лютова. Москва: НОРМА, 2022. С. 246–264.
9. Хасенов М. Х. Современные подходы к регулированию платформенной занятости // Трудовое и социальное право. 2022. № 3 (43). С. 42–45.
10. Aloisi A., De Stefano V. Your Boss, Is an Algorithm: Artificial Intelligence, Platform Work and Labour. – Oxford: Hart Publishing, 2022. – 174 pp.
11. Bekker S., Mailand M. The European flexicurity concept and the Dutch and Danish flexicurity models: How have they managed the Great Recession? Social Policy & Administration. 2019. Vol.53. Pp. 142–155. URL: <https://doi.org/10.1111/spol.12441> (дата обращения: 17.09.2022).
12. Chesalina O. Platform Work as a New Form of Employment: Implications for Labor and Social Law, in: New Forms of Employment: Current Problems and Future Challenges. – Springer, Wiesbaden, 2020. Pp.153–167.
13. Chesalina O. Social and Labour Rights of ‘New’ Self-Employed Persons (and in Particular Self-Employed Platform Workers) in Russia. Russian Law Journal. 2020. № 8 (2). Pp. 52–53.
14. De Stefano V. The rise of the “just-in-time workforce”: on-demand work, crowdwork and labour protection in the “gig-economy” / International Labour Office, Inclusive Labour Markets, Labour Relations and Working Conditions Branch. – Geneva: ILO, 2016. Conditions of work and employment series; No. 71). URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/—ed_protect/—protrav/—travail/documents/publication/wcms_443267.pdf (дата обращения: 18.09.2022).
15. Decent work in the platform economy Reference document for the Meeting of experts on decent work in the platform economy (Geneva, 10–14 October 2022). Conditions of Work and Equality Department. Geneva, 2022. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/—ed_norm/—relconf/documents/meetingdocument/wcms_855048.pdf (дата обращения: 17.09.2022).
16. Kocher, E. Digital work platforms at the interface of labour law: regulating market organizers. – Oxford; New York: Hart. 2022. 262 p.
17. Risak M. Working in 2030: Heaven or Hell? Why Regulation, Standards, and Workers’ Representation Will Still Matter. Managing Work in the Digital Economy. 2021: 99–110. doi: 10.1007/978-3-030-65173-2_7 (2021). URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC 7983111/> (дата обращения: 17.09.2022).
18. Prassl J., Risak M. Uber, Taskrabbit, & Co: Platforms as Employers? Rethinking the Legal Analysis of Crowdwork (February 16, 2016). Comparative Labor Law & Policy Journal, Forthcoming, Oxford Legal Studies Research Paper No. 8/2016. URL: <https://ssrn.com/abstract=2733003> (дата обращения: 17.09.2022).
19. Shesteryakova, I. V., Shesteryakov, I. A. Labor on Online Platforms: Theoretical and Practical Issues // European and Asian Law Review. 2022. № 5(1). P. 32–37.

И. А. Филипова,

кандидат юридических наук, доцент,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени Н. И. Лобачевского

РОСТ ТЕХНОСФЕРЫ: ВЛИЯНИЕ НА ТРУД И ЕГО РЕГУЛИРОВАНИЕ

Аннотация. Целью исследования является анализ изменений, происходящих в сфере труда, связанных с развитием цифровых технологий и распространением их на практике. Цифровая трансформация сферы труда ведет к цифровому контролю работодателей за выполнением работниками трудовых обязанностей, к росту платформенной занятости и повышению уровня автоматизации труда, т. е. замене человеческого труда машинным. Следствием перечисленных изменений становятся перемены на рынке труда: часть рабочих мест ликвидируется, а условия труда на оставшихся изменятся, так же как и на вновь создаваемых рабочих местах. Результаты проведенного анализа дают возможность сделать вывод о необходимости адаптации права к происходящим изменениям для обеспечения эффективности правового регулирования в новых условиях. Речь идет о поправках, в первую очередь, в трудовое законодательство, кроме того, потребуется внесение изменений в источники конституционного права, а также создание новых норм международного права через принятие соответствующих конвенций Международной организацией труда.

Ключевые слова: умная среда, искусственный интеллект, нейротехнологии, виртуальная реальность, платформы цифрового труда, автоматизация труда, трудовое законодательство

GROWTH OF THE TECHNOSPHERE: IMPACT ON LABOR AND ITS REGULATION

Abstract. The purpose of this study is to analyze the changes taking place in the world of work associated with the development of digital technologies and their spread in practice. The digital transformation of the world of work leads to digital control of employers over the performance of labor duties by employees, to an increase in platform employment and an increase in the level of labor automation, that is, the replacement of human labor by machine labor. These changes result in changes in the labor market: some jobs are eliminated, while working conditions in the remaining ones change, as well as in new jobs being created. The results of the analysis made it possible to draw a conclusion about the necessary adaptation of the law to the ongoing changes in order to ensure the effectiveness of legal regulation in the new conditions. We are talking about amendments, first of all, to labor legislation, in addition, amendments to the constitutional legislation will be required, as well as the creation of new rules of international law through the adoption of relevant conventions of the International Labor Organization.

Keywords: Smart environment, Artificial intelligence, Neurotechnology, Virtual reality, Digital labor platforms, Labor automation, Labor legislation

Введение. Техносфера – это часть природной среды, преобразованной человеком и представляющей собой сосредоточение техногенных объектов, являющихся следствием развития техники и результатом применения различных технологий. В условиях происходящей цифровой трансформации наибольшее воздействие на общество оказывают цифровые технологии, среди которых технологии искусственного интеллекта, робототехники и сенсорики, виртуальной и дополненной реальности, Интернета вещей, беспроводной связи, квантовые технологии, нейротехнологии, новые производственные технологии. Перечень технологий, имеющих первостепенное значение, периодически изменяется и дополняется, подобные технологии чем дальше, тем больше будут оказывать влияние на сферу труда, вызывая потребность в реагировании на изменения со стороны права.

Основная часть. Как развивающиеся и получающие распространение на практике цифровые технологии влияют на окружающую среду? В качестве основных тенденций, вызываемых ими, можно выделить: технологизацию среды, ее интеллектуализацию и гибридизацию. Технологизация среды свидетельствует о том, что в окружении людей остается все меньше естественного, повышается уровень искусственности. Увеличивается доля людей, проживающих в больших городах и высотных зданиях, наполненных продуктами цифровых технологий. На практике находят все большее распространение разнообразные устройства, способные повысить уровень комфорта в квартире, доме и офисе, в общественном пространстве. Интеллектуализация означает, что окружающая среда «умнеет», все более распространенными становятся такие системы как «умный город», «умный дом», «умный автомобиль», «умная одежда», «умные аксессуары» и т. д. Со временем «умная среда», основанная на работе цифровых сенсоров, датчиков, элементов искусственного интеллекта и на Интернете вещей, будет становиться более плотной и всепроникающей. Гибридизация сред происходит за счет размывания границ между физической и цифровой реальностью, она связана с распространением, в первую очередь, VR/AR технологий и развитием нейротехнологий [1. С. 81–82]. Усиливающийся с 2021 г. тренд на создание метавселенных как раз и свидетельствует о надвигающейся гибридации сред.

Каковы последствия внедрения цифровых технологий в сферу труда? Цифровая трансформация меняет труд: технологии предоставляют новые возможности сторонам трудовых отношений – работникам и работодателям. Из-за массовости трудовых отношений и жизненно важного для большей части людей наличия работы любые изменения в сфере труда имеют огромное социальное значение. Улучшит ли цифровая трансформация труда положение этих людей как работников? В числе ее основных последствий:

- 1) распространение цифровых средств контроля за выполнением трудовых обязанностей;
- 2) платформизация труда;
- 3) повышение уровня автоматизации труда.

К цифровым средствам контроля относятся видеорекамеры на рабочих местах, датчики, отслеживающие расположение работников в пространстве, их передвижение и контакты, различные носимые устройства (браслеты, кепки, наушники

и т. д.), «умная» обувь и одежда, сканирующая состояние человека и воспринимающая сигналы из внешней среды. За счет использования подобных средств контроля со стороны работодателя работник трудится как будто «под стеклом», где каждый его шаг фиксируется, данные передаются системам искусственного интеллекта и анализируются ими, в результате чего работодатель может получить прогноз на будущее относительно конкретного работника и принять соответствующее решение, опираясь на выводы, представленные системой.

Другое последствие цифровой трансформации – платформизация труда. Динамика увеличения численности платформ цифрового труда наглядно представлена в тексте доклада Международной организации труда, опубликованном в ноябре 2021 г. [2. С. 30]. Согласно данным этого доклада, только за десять лет с 2010 по 2020 г. количество платформ выросло более чем в пять раз, и рост продолжается. Платформенная занятость имеет свои особенности, некоторые из них носят положительный характер для работников (увеличение степени автономии в работе, возможность «цифровой» трудовой миграции), другие – отрицательный (нестабильность работы, отсутствие социальных гарантий).

Еще одно последствие цифровизации в сфере труда – повышение уровня автоматизации производства, означающее замену все большей части человеческого труда машинным. Об этом свидетельствует увеличение:

- единиц робототехники в мире;
- доли машинного труда (количества роботов на число работников);
- наличия программ с искусственным интеллектом;
- числа «умных заводов»;
- взаимодействий человека с искусственным интеллектом.

В свою очередь, следствиями автоматизации станут:

- 1) ликвидация значительного числа имеющихся рабочих мест;
- 2) изменение условий труда на оставшихся рабочих местах;
- 3) создание новых рабочих мест;
- 4) ускоряющееся изменение условий труда на рабочих местах.

Да, новые рабочие места будут создаваться, но какими они станут? Среди них будет много рабочих мест:

- находящихся под алгоритмическим управлением (искусственный интеллект управляет – человек подчиняется);
- связанных с обучением искусственного интеллекта (искусственный интеллект обучается и «умнеет» – человек предоставляет данные для его обучения).

В результате, многие люди превратятся в «цифровых поденщиков», ценность такого работника минимальна, он легко заменим другим, тем самым, перспективы значительной части работников ухудшаются.

Все сказанное выше приводит к мысли о растущей потребности в правовом регулировании, адекватном происходящим изменениям в обществе в целом и в сфере труда в частности. Речь идет о необходимых поправках в трудовое законодательство, связанных с включением ряда новых норм в различные институты трудового права. Для примера рассмотрим несколько необходимых поправок.

В институт трудоустройства требуется включить нормы, устанавливающие обязанность работодателя предупредить об использовании систем искусственного интеллекта для отбора претендентов на работу, ввести запрет на использование систем искусственного интеллекта, применяющих технологии распознавания эмоций, психического здоровья соискателей, а также определить условия трудоустройства с использованием виртуальной реальности (все больше рабочих мест будут переноситься в виртуальную среду, равно как и процедура найма со временем все чаще будет осуществляться виртуально).

Институт охраны труда необходимо дополнить:

- запретом навязчивого мониторинга работников с помощью цифровых средств контроля (т. е. наблюдение не должно быть тотальным);
- определением условий использования нейроустройств на рабочих местах;
- ограничениями по времени ношения гаджетов для труда в виртуальной реальности.

Кроме того, придется сформулировать правила, обеспечивающие безопасность совместной работы с другими работниками лиц со сложными нейропротезами, дополненными искусственным интеллектом.

Институты рабочего времени и времени отдыха должны обеспечить закрепление «права на отключение» как одного из новых прав, позволяющих работнику за пределами рабочего времени быть недоступным для работодателя. Это право стало особенно актуальным в период пандемии COVID-19 с переводом большинства работников на удаленную работу. Со временем придется решить вопрос о включении (или невключении) в рабочее время онлайн-присутствия цифрового аватара работника на виртуальном рабочем месте.

Большого количества изменений и дополнений потребует институт гарантий и компенсаций. Уже сегодня на повестке дня стоит вопрос о включении работников платформ в сферу действия трудового права, среди будущих вопросов:

- установление квот на рабочие места как защита от замены людей роботами;
- решение вопроса о правомерности предпочтения, отдаваемого работодателем, работнику с высокой степенью адаптивности к роботам, виртуальной среде;
- обеспечение переобучения работника, чье рабочее место займет робот и т. д.

При отсутствии урегулирования этих новых вопросов в трудовом законодательстве решение по каждому из них будет принимать работодатель, ориентируясь исключительно на свои интересы.

Заключение. Трудовое право нуждается в дополнениях и изменениях, позволяющих сохранить баланс между работниками и работодателями, который нарушается из-за цифровой трансформации сферы труда [3. С. 99–110]. Потребность во внесении изменений, связанных с цифровизацией сферы труда и ее последствиями, касается не только трудового права, она затрагивает и конституционно-правовое регулирование. Растет необходимость включения в Конституцию РФ принципа открытости алгоритмов (прозрачности принятия решений искусственным интеллектом) и принципа защиты персональных данных, а также цифровых прав в публично-правовом понимании термина и нейроправ, защищающих пси-

хическую неприкосновенность человека. Потребуется дополнить и международно-правовое регулирование, в частности, принять решения на уровне конвенций Международной организации труда о признании работников платформ субъектами трудового права, о гарантированном контроле человека над искусственным интеллектом в сфере труда и о соответствии систем искусственного интеллекта этическим стандартам, обеспечивающим соблюдение фундаментальных прав личности и недопустимость дискриминации применительно к трудовым отношениям.

Список литературы

1. Филипова И. А. Влияние цифровых технологий на труд: ориентиры для трудового права: монография. – Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. 2021. 106 с.
2. Перспективы занятости и социальной защиты в мире: роль платформ цифрового труда в трансформации сферы труда. Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. Москва: МОТ, 2021. 282 с.
3. Gruber-Risak M. Working in 2030: Heaven or Hell? Why Regulation, Standards, and Workers' Representation Will Still Matter / Managing Work in the Digital Economy. Challenges, Strategies and Practices for the Next Decade. – Springer, 2021. Pp. 99–110.

Ю. В. Холодионова,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин,
Тюменский государственный университет

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В «ЦИФРЕ»: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

Аннотация: В своем исследовании автор указывает на необходимость продолжения внедрения электронной коммуникации в трудовых отношениях при условии создания соответствующей инфраструктуры по защите передаваемой информации, соблюдения цифровых прав работника и работодателя. Анализируется пандемийный и послепандемийный периоды (2020–2022 гг.), когда возросла роль обращения к цифровым сервисам в целях охраны здоровья работников и работодателя, а также приводятся примеры, когда положения, закрепленные в подзаконных нормативных актах, стали основой для совершенствования действующего трудового законодательства.

Ключевые слова: трудовые отношения, электронный документооборот, цифровые права работника, цифровые права работодателя, цифровая платформа «Работа в России», электронная подпись, электронная трудовая коммуникация

LABOR RELATIONS IN «DIGITAL»: PROS AND CONS

Abstract: In his study, the author points out the need to continue the introduction of electronic communication in labor relations, subject to the creation of an appropriate infrastructure for the protection of transmitted information, compliance with the digital

rights of the employee and employer. The period of 2020–2022 (pandemic and post-pandemic) is analyzed, when the role of accessing digital services in order to protect the health of workers and the employer has increased, and examples are given when earlier, the provisions enshrined in by-laws became the basis for improving the current labor legislation.

Keywords: Labor relations, Electronic document management, Digital rights of an employee, Digital rights of an employer, Digital platform «Work in Russia», electronic signature, eElectronic labor communication

Введение. Начало 20-х гг. XXI в. уже не раз сопровождалось социально-правовыми потрясениями, непосредственно влияющими на трудовые отношения. Конституционное право на труд в последние годы менялось по способу реализации, появились новые формы и новые профессии, продолжается внедрение удаленного формата взаимодействия между работниками, в том числе, и кандидатами в работники, и работодателями. Есть немало примеров и ошибок 2020 г. (пандемийного), когда во главу угла ставилась необходимость «ухода» на иной формат работы, чтобы сохранить здоровье работников и работодателей. Было также и сопротивление прямым указаниям норм подзаконных актов, многочисленные штрафы и необоснованные увольнения. Однако бесспорным «плюсом» в такой непростой правовой ситуации можно признать обоснованную необходимость перехода к «цифре», т. е. созданию соответствующих норм для дальнейшего оперативного реагирования на такие вызовы.

Первостепенным «звонок» в цифровое будущее стало письмо Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 6 марта 2020 г. № 14–2/ООГ-1773 «О подаче заявления об увольнении по собственному желанию, подписанного электронной подписью, по электронной почте», которое, по сути, указало на то, как в условиях новой пандемической реальности согласовывать волю работников и работодателя, когда нет возможности лично явиться, например, для подачи заявления об увольнении. Этот документ указывал на возможности работодателя в перспективе самостоятельно выбрать форму ведения кадровых документов, кроме случаев, когда определенный перечень документов по требованию закона может оформляться только в письменном виде.

Еще в 2018 г., задолго до начала пандемических ограничений, все чаще судами выносились определения об отказе в признании направления электронных документов или их образов для выражения своей воли. Так, определением Верховного Суда Республики Коми от 29.03.2018 № 33–1853/2018 было оставлено без изменения решение Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 4 декабря 2017 г. по причинам направления скан-копии заявления об увольнении по собственному желанию специалисту по кадрам по электронной почте. Поскольку такой вариант уведомления отсутствовал в локальных актах организации, то работодатель не предпринял меры к увольнению работника. Представитель работодателя пояснил, что основанием для увольнения по собственному желанию является только оригинал заявления, а не его копия или скан. Безусловно, в таких условиях увольнение состояться не может, а трудовые отношения должны продолжаться.

Нарастающая масса таких судебных решений, когда ни в законе, ни в локальных актах не прописывается, электронная трудовая коммуникация потребовала совершенствования законодательства для более понятной практики его применения. Пандемийный 2020 г. показал, что этот новый вызов нуждается в более пристальном внимании со стороны законодателя.

Еще одним решающим фактором в пользу электронной трудовой коммуникации и поэтапного внедрения электронного документооборота (ЭДО) стало внесение изменений в главу 49.1 Трудового кодекса Российской Федерации, в частности, был снят спор о разнице между «удаленкой» и «дистанционкой», когда переход на иной формат работы стал возможен не только при собственно дистанционной работе, когда работник выполняет свои обязанности, не контактируя с работодателем, но и при условии наличия пандемических показаний, ограничивающих время пребывания в офисе. Некоторые работодатели даже столкнулись с ситуациями, когда работники, привыкнув к работе «из дома», отказывались от возврата в очный формат работы. В таких случаях важно было определить те виды работ, которые не могут осуществляться «из дома» для обеспечения соблюдения прав работников. Кроме того, у многих работодателей сформировалась или находится в стадии завершения формирования система электронной коммуникации с работниками: корпоративные чаты с разной степенью защиты информации (чаще всего – без таковой), переписка преимущественно через сервисы корпоративной почты (и в связи с этим появился новый вызов – запрет на пересылку рабочей информации на личную почту), электронная трудовая книжка, точнее – сведения о трудовой деятельности в электронном виде и т. д. Исходя из сложившихся обстоятельств, потребовалось внедрение новых норм в локальном нормотворчестве и ознакомление с ними работников.

Основная часть. Дальнейшее развитие цифровизации предполагает в недалеком будущем полный отказ от бумажной документации, что потребует создания защищенных сервисов, не доступных для хакерских атак и возможностей составления подложных документов. Электронная коммуникация уже не является недоступной для большинства работников, ведь с ее помощью есть возможность оперативного ознакомления с решениями работодателя, особенно, в части кадровых изменений. Важным этапом на пути внедрения электронного документооборота стал Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи», который, по сути, приравнял электронный документ и бумажный, при условии, что об этом стороны договорились. В пункте 4 статьи 11 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» также указывается на то, что обмен электронными сообщениями, каждое из которых подписано электронной подписью или иным аналогом собственноручной подписи отправителя такого сообщения, рассматривается как обмен документами.

Следовательно, в цифровой реальности уже начали появляться предпосылки для вытеснения бумажной коммуникации. А что в ТК РФ? В действующем законе с ноября 2021 г. были добавлены нормы об электронном документообороте (статья 22.1), порядке его ведения (статья 22.2) и порядке взаимодействия работодателя и работника посредством электронного документооборота (статья 22.3). Теперь можно вести речь о наличии юридического обоснования внедрения электронной

коммуникации в трудовых отношениях. Основная цель электронного документооборота (ЭДО) заключается в создании, использовании, подписании и хранении электронных документов без использования бумажных аналогов. Внедрение такой системы затронет интересы не только уже работающих граждан, но и тех, кто будет впервые поступать на работу. Статья 65 ТК РФ отсылает к статье 22.3 ТК РФ, предусматривающей в таких случаях подачу документов лицом, поступающим на работу, в форме, согласованной с работодателем, в том числе в виде «цифровых» документов. Для тех, кто поступает на дистанционную работу, такой формат заключения трудовых договоров становится как бы «по умолчанию», т. е. не требуется прибытие в офис, а документация подписывается УКЭП или УНЭП (усиленной квалифицированной или неквалифицированной подписью), согласно статье 312.3 ТК РФ. Работодатель может использовать или не использовать электронный документооборот – это его право, в настоящее время статья 22.2 ТК РФ, определяющая права и обязанности работодателя, не содержит императивной нормы о внедрении ЭДО. Если о внедрении принимается решение и издается приказ, то по сути это означает изменение основных принципов коммуникации с работниками, начиная с ознакомления с приказами и заканчивая увольнениями через созданные служебные записки по определенному формату. Однако, переход на иной формат взаимодействия потребует обязательного письменного ознакомления с решением работодателя. Из этого правила может быть исключение: если поступающий на работу гражданин до 31 декабря 2021 г. не имел стажа и бумажные документы на него не оформлялись, то это позволяет перевести трудовую коммуникацию с ним в электронный формат без письменного уведомления. По аналогии с переходом на «электронную» трудовую книжку, кто-то «перешел», а кто-то нет, поэтому в настоящее время документы оформляются для тех, кто «перешел» – в электронном виде, а для тех, кто отказался – еще и дополнительно в бумажном, и ЭДО оформляется электронно при наличии согласия работника. Если согласие отсутствует, то продолжается ведение бумажной документации.

Еще пара моментов, на который нужно обратить особое внимание: «переход» возможен только на электронный формат, обратного перехода законом не предусмотрено. Именно для этого работников необходимо своевременно уведомить и получить письменные согласия для уверенности их самих в принятом решении и уверенности работодателя, что такой формат работы допустим в его коллективе. С 1 марта 2023 г. электронных трудовых документов может стать больше, но, как мы уже отмечали выше, обязательным останется требование к работодателю об организации процедуры ознакомления с введением ЭДО всех работников, в том числе, отсутствующих на рабочих местах по уважительным причинам. Использование работодателями для ЭДО платформы «Работа в России» или иных платформ, которые создают основу для электронной коммуникации внутри трудовых отношений, позволит отслеживать деятельность в режиме «реального времени» и отсрочить проведение плановых проверок, а также снизить категории рисков, если деятельность связана с ними.

В настоящее время для облегчения перехода на электронную трудовую коммуникацию создана и действует за счет средств федерального бюджета интернет-плат-

форма «Работа в России», для бесплатного использования которой достаточно авторизации через сервисы «Госуслуги». Не ограничивается право работодателя и на создание собственной информационной системы, однако, при таких условиях комплекс создания, использования и защиты персональных данных переходит в разряд обязанностей работодателя, т. е. работодатель дополнительно добавляет «себе» трудовые обязанности.

При внедрении электронной трудовой коммуникации закон обязывает использовать УКЭП – усиленную квалифицированную электронную подпись, при этом использование этого инструмента, например, при заключении трудового договора или договора о полной материальной ответственности, приказов о примененном взыскании работодатель обязан его использовать, а на работника возлагается только такое право. Это объясняется разницей статусов сторон трудового договора и их компетенциями.

В условиях ограничений, вызванных пандемиями или иным форс-мажором, допустим обмен электронными документами или их образами. Для ясности напомним, что существует разница между электронным документом и электронным образом документа. Электронный документ может быть подвергнут правке, а его образ – нет. Кроме того, в электронном образе документа может отсутствовать подпись лица, его иницирующего. Особую актуальность использование электронных образов документом получило в 2020 г., когда из-за ограничений по пандемическим показаниям и необходимости быстрого реагирования на меняющиеся условия, работодателям было предложено направлять оперативные решения работникам с помощью такого формата. Однако, такое информирование должно быть облечено в форму локального нормативного акта, не допускается уведомление по смс и тем более направление приказов по смс, так невозможно отследить, тем ли человеком используется сим-карта, который является работников данного работодателя. Тем же локальным нормативным актом должно быть прописано, что при завершении такой ситуации, когда оперативное информирование требует срочности, возобновляется «бумажное» информирование, и, соответственно, личное ознакомление работников.

Если говорить о «плюсах» Федерального закона от 22 ноября 2021 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации», то они очевидны. В настоящее время поиск работы возможен без участия соискателя в очном собеседовании (хотя иногда это по-прежнему требуется), направление документов возможно с помощью информационных систем работодателя и «Работа в России», равно, как и уведомление о трудоустройстве, при этом, не требуется издания приказа о приеме на работу, достаточно заключенного трудового договора. Внедрение ЭДО позволит создать большую «прозрачность» проведенных кадровых процедур, в том числе, в части отчетности перед государственными органами и в случае наличия трудового конфликта или спора. Из «минусов» – скорее уклон в сторону увеличения дистанционных трудовых отношений и об этом свидетельствует продолжающийся фактор пандемического риска роста заболеваемости среди работающего населения. Однако, с другой стороны, даже таким способом можно увидеть медленную, но стабильность в трудовых отношениях и в целом на рынке труда. Эффективность труда зависит от самих работников, их способности к самоорганизации и пони-

манию того, что качество их труда целиком и полностью зависит от них. При выполнении трудовых обязанностей в дистанционном формате в перспективе может избавить самих работников и работодателя от фиксации прогулов, опозданий на работу, применения дисциплинарных взысканий за совершенный дисциплинарный проступок. Пребывание «в сети» будет означать начало трудовой деятельности, электронная отчетность работодателю – своевременность выполненных трудовых обязанностей, при гарантированности права на отдых («не в сети»), в том числе, права на оплачиваемый отпуск и достойную заработную плату. Понимание порядка информирования о начале трудовой деятельности, четкое разграничение пределов компетенций отдельных работников, сроки выполнения работы и т. д. – эти и другие факты вполне могут быть согласованы в локальном нормативном акте и переведены в электронную трудовую коммуникацию.

Как отмечал в 2018 г. профессор А. С. Генкин в своем докладе «Парадоксы и трансформация: рынок труда в цифровой экономике»: «Главное последствие новых технологий для рынка труда – появление возможности дистанционной работы» [2]. Этот тезис в те времена мог восприниматься без должной доли уверенности, однако, как показывает практика, возможности дистанционного труда все больше завоевывают рынок как квалифицированной, так и неквалифицированной рабочей силы. В большей степени можно наблюдать узкое направление работы, когда от кандидата или уже работника требуется точное соблюдение правил совместной работы, следование им и направление работодателю отчета о проведенной работе. Как указывает в своем исследовании К. Л. Томашевский, «цифровизация трансформирует существующие рабочие места, обуславливая потребность обретения работниками новых навыков для выполнения новых задач, которые вызывают необходимость постоянного повышения квалификации, получения новых знаний на протяжении всей жизни, умения использовать новое программное обеспечение, новые автоматизированные и роботизированные технологические процессы» [11. С. 398–413]. Все эти аспекты, описанные Кириллом Леонидовичем, вписываются в навыки, в том числе выполнения труда при электронной трудовой коммуникации. Как представляется, собирая от работников согласие на внедрение ЭДО, работодатель должен взять на себя обязанность обучения работы с новой информационной системой, проверки полученных знаний и навыков и получения итогов обучения с целью определения соответствия работников поручаемой работе. Это не испытание при приеме на работу, а целенаправленная проверка их знаний и навыков, которыми они будут пользоваться в период трудовой деятельности. И в такой ситуации риски неправильного понимания поставленной задачи и необратимые негативные последствия как для работника, так и для работодателя (в том числе, аварии или техногенные катастрофы или пересылка конфиденциальной информации по незащищенным каналам связи – если в более широком масштабе) будут показывать качество усвоенных знаний, и, соответственно, степень участия каждой из сторон трудового договора в реализации этого задания. Электронная трудовая коммуникация должна создавать нормальный рабочий режим, когда, независимо от места нахождения работника на территории РФ, его трудовые обязанности выполняются на проговоренных условиях; работник понимает, какую

работу от него ожидают, а работодатель, в свою очередь, какой будет результат такой работы. По мнению другого исследователя, профессора Н. Л. Лютова, «технологическая революция оказывает мощнейшее влияние не только на количественные, но и на качественные характеристики занятости. С этой точки зрения важно не только то, что отдельные профессии уходят в прошлое, а новые возникают, но и то, что традиционные подходы к трудовому правоотношению становятся все менее применимыми» [4. С. 98–105]. С этой позиции применение электронной коммуникации становится вполне оправданным. Соглашаясь с Никитой Леонидовичем, отметим, что выстраивание взаимодействия в системе «работник-работодатель» становится более понятным, исходя из тех навыков, которые приобрел данный работник и которым его обучил работодатель.

На основании исследований, проведенных Московской школой управления «Сколково» и Агентства стратегических инициатив в 2014 г., предметный перечень профессий настоящего и будущего «разделен» на до и после 2020 г. Однако, как можно заметить, в том числе и на основании личных наблюдений, многие профессии уже находятся на стадии исчезновения и замены машинным трудом или искусственным интеллектом. Специалисты разработали «Атлас новых профессий», который содержит детальное обоснование появления новых и прекращения существования некоторых профессий, и электронная коммуникация практически во всех сферах указывается как необходимый минимальный надпрофессиональный навык. Так, например, при внутриотраслевой специализации профессия биоэтика будет требовать подготовки специалиста по нормативно-правовым и этическим аспектам деятельности медицинских, диагностических и биоинженерных центров, в которых осуществляется трансплантология и генетическое моделирование, а в качестве надпрофессиональных навыков требованиями являются системное мышление, клиентоориентированность, работа в условиях неопределенности, мультиязычность и мультикультурность, работа с людьми [4. С. 26]. Выполнение работы такого специалиста потребует работы с персональными данными, передачей информации по информационным системам с ключами защиты, что, по сути, вновь подтверждает тезис о влиянии цифровизации на трудовые отношения и необходимости дальнейшего совершенствования электронной трудовой коммуникации.

Заключение. Подводя итог настоящему исследованию, отметим следующие результаты, которые были получены. Процесс внедрения электронной (цифровой) коммуникации будет продолжаться, постепенно вытесняя привычную бумажную. Безусловно, до тех пор, пока в ТК РФ будут указаны требования ведения бумажного документооборота, и работодатели, и работники будут «сверять часы» по документам, с которыми требуется ознакомление, в том числе, в виде личной подписи. Ресурсы для создания соответствующей инфраструктуры для перехода на электронный формат взаимодействия создаются в ускоренном темпе, пример тому – «Работа в России» и, если ранее речь шла об отдельных случаях использования удаленного доступа к документам, то в последние несколько лет это стало уже насущной необходимостью. Разумеется, потребуется время, чтобы обучить пользоваться таким форматом взаимодействия, понимания способов со-

бирания «обратной связи», а также анализа и оценки тех случаев, которые будут указывать и на несовершенства такого процесса. Охрана здоровья по-прежнему является основой для сохранения экономически активного населения, и также по-прежнему сохраняется угроза внешнего воздействия различных факторов по отношению к здоровью работников и работодателей. Для поддержания этого важного условия внедрение электронной трудовой коммуникации видится вполне своевременным и закономерным и задача законодателя создать для этого понятные условия, а правоприменителей – быть готовыми к реализации трудовых прав в «цифре».

Список литературы

1. Атлас новых профессий. Московская школа управления «Сколково», Агентство стратегических инициатив. 2014. 168 с. URL: https://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf (дата обращения: 30.08.2022).
2. Генкин А. С. Парадоксы и трансформация: рынок труда в цифровой экономике, Архангельск, 28 апреля 2018 г. URL: <https://narfu.ru/upload/medialibrary/928/Genkin-A.-S.-Paradoksy-i-transformatsiya-rynok-truda-v-tsifrovoy-ekonomike.pdf> (дата обращения: 29.08.2022).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (дата обращения: 21.08.2022)
4. Лютов Н. Л. Адаптация трудового права к развитию цифровых технологий: вызовы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103): 98–105. URL: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.103.6.098-107>. (дата обращения: 29.08.2022).
5. Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/12184522/> (дата обращения: 20.08.2022).
6. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.
7. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 22.11.2021 № 377-ФЗ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402990504/> (дата обращения: 22.08.2022).
8. О подаче заявления об увольнении по собственному желанию, подписанного электронной подписью, по электронной почте: Письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 06.03.2020 № 14-2/ООГ-1773. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73848891/> (дата обращения: 22.08.2022).
9. Определение Верховного Суда Республики Коми от 29.03.2018 № 33-1853/2018. URL: <https://судебныерешения.рф/33364512> (дата обращения: 23.08.2022).

10. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 3; 2006. № 27. Ст. 2878; 2013. № 14. Ст. 1668; 2020. № 50. Ст. 8052.

11. Томашевский К. Л. Цифровизация и ее влияние на рынок труда и трудовые отношения (теоретический и сравнительно-правовой аспекты) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право 2, 2020: 398–413. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.210> (дата обращения: 29.08.2022).

Е. В. Чичина,

кандидат юридических наук, доцент,

Белорусский государственный экономический университет

НЕСТАНДАРТНАЯ ЗАНЯТОСТЬ: К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Аннотация. Целью данной работы является новое осмысление терминологического аппарата, используемого при научных исследованиях правового аспекта нестандартной занятости, в документах Международной организации труда и национальных документах программного характера. В статье исследуется нестандартная занятость в контексте процессов цифровизации белорусской экономики и государства. В ходе работы выявляется и обозначается проблема терминологической неопределенности в отношении исследуемого феномена. Автор последовательно анализирует устоявшийся термин «нестандартные формы занятости» на предмет его соответствия национальному понятийно-категориальному аппарату и приходит к выводу о необходимости его уточнения. В качестве промежуточного вывода, имеющего методологическое значение, выделены признаки, характерные для различных проявлений нестандартной занятости, которые могут и должны быть учтены при подборе обобщающего термина.

Ключевые слова: занятость, цифровые технологии, цифровизация, нестандартные формы занятости, формы занятости, термин, признаки

NON-STANDARD EMPLOYMENT: ON THE QUESTION OF TERMINOLOGICAL DETERMINATION

Abstract: This work aims to create a new understanding of the terminological apparatus that is used in scientific research on the legal aspect of non-standard employment, found in ILO (International Labour Organization) documents and in national policy documents. The article examines non-standard employment in the context of processes of digitalization of the Belarusian economy and state. The article then consequently identifies and indicates the problem of terminological uncertainty in relation to the phenomenon under study. The author consistently analyses the well-established term “non-standard forms of employment” for its compliance with the national conceptual and categorical apparatus and concludes that it needs to be clarified. As an intermediate conclusion that has methodological significance, the characteristic features of various manifestations of non-standard employment are indicated, which can and should be taken into account when choosing a generalizing term.

Keywords: Employment, Digital technology, Digitalisation, Non-standard forms of employment, Forms of employment, Terms, Features

Как отмечается в докладе Международной организации труда «Будущее сферы труда», подготовленном к 100-летию организации в качестве одной из юбилейных инициатив, сфера труда претерпевает кардинальные перемены. Это преобразование – результат целого ряда различных факторов, от поступательного развития технологий и изменения климата до демографических изменений в экономике и занятости [1].

Одним из признанных факторов, влияющих как на состояние сферы труда, так и на ее динамику, является развитие цифровых технологий.

Такое влияние бесспорно признается и на национальных уровнях. Как правило, общие положения в отношении развития нестандартной занятости в целом, отдельных ее форм или функций включаются в документы программного характера (программы, стратегии, концепции), формируя государственную и профсоюзную политику в данной сфере.

В Республике Беларусь принят ряд программных документов, указывающих на необходимость трансформации устоявшихся подходов к регулированию рынка труда в контексте цифрового развития экономики и государства.

Так, дальнейшая либерализация и повышение гибкости занятости населения обозначены как стратегия управления рынком труда в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития на период до 2035 года, которая выступает как системообразующий документ для последующей разработки прогнозов и программ социально-экономического развития страны на средне- и краткосрочную перспективы. Одним из основных стратегических направлений должно стать использование прогрессивных форм занятости (пп. 5.1 Стратегии).

Соответственно в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг. в качестве самостоятельного вектора развития сферы труда, не увязанного исключительно на развитие цифровых технологий, но непосредственно связанного с ним, обозначается последовательное расширение практики использования гибких (нестандартных) форм занятости населения в целях внедрения перспективных и востребованных на рынке труда форматов работы (пп. 5.2).

Действительно, качественные и количественные характеристики нестандартной занятости имеют прямую зависимость от развития самих цифровых технологий, процесса цифровизации как целостного явления и степени его экономической значимости.

Так, например, запрос рынка на дистанционную работу получил возможность своей реализации под воздействием технологического фактора (доступность цифровых технологий), что привело не только к росту занятости в такой форме [2], но также и к ее правовой регламентации.

Новым явлением, порожденным развитием цифровых технологий, стала платформенная занятость, которая сегодня активно осмысливается в системе существующих правовых категорий [3, 4].

Растущий ИТ-сектор экономики является наиболее приспособленным для применения и других нестандартных форм занятости, которые, хотя и не имеют в своем содержании «диджитальной составляющей», но в данном секторе экономике

становятся востребованными и даже приобретают новые характеристики. В качестве примера можно привести проектную занятость как разновидность временной занятости, пришедшую на смену занятости процессной [5].

Итак, цифровое развитие современной экономики и государства с неизбежностью оказывает воздействие на состояние рынка труда, изменяет устоявшийся уклад в сфере занятости, формирует новые потребности и возможности.

Тематика, так или иначе связанная с нестандартной занятостью, в последние годы стала целым направлением научных исследований разной отраслевой принадлежности.

При достаточной определенности в отношении понимания существа и ключевых характеристик исследуемого явления, в многочисленных научных работах и документах программного характера упоминаются самые разнообразные термины: «нестандартные формы занятости», «нетипичные формы занятости», «атипичные формы занятости», «гибкие формы занятости» и др. Между тем неопределенность и вариативность терминологии не способствует делу научного познания и не обеспечивает юридико-технические требования, предъявляемые к правотворческому процессу.

Обратимся к вопросу терминологической определенности при регламентации нестандартной занятости (отдельных ее аспектов) и рассмотрим его более подробно.

Как усматривается из приведенного выше терминологического спектра, общим образующим понятием, претендующим на универсальность, является «форма занятости».

Нельзя не отметить, что в науке трудового права существует разнообразие мнений относительно выделяемых форм и видов занятости. Наиболее устоявшимся является понимание форм занятости как установленных законом сфер деятельности, где граждане реализуют свое право на труд [6. С. 15] Соответственно, к формам занятости (применительно к Республике Беларусь) можно отнести: работу по трудовому договору, членство (участие) в определенных коммерческих юридических лицах, индивидуальную предпринимательскую деятельность, деятельность по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма, ремесленную деятельность, адвокатскую деятельность, нотариальную деятельность, творческую деятельность в качестве творческого работника, военную службу, обучение в дневной форме получения образования и т. д. Как правило, приведенные способы реализации права на труд имеют собственный правовой режим (правовую форму, правовую оформленность), что отделяет их от понятия вида занятости, являющегося результатом классификации. Уже на данном этапе рассуждений и аргументации употребление термина «формы» применительно к нестандартной занятости вызывает сомнения.

Если допустить возможность использования термина «формы занятости» в качестве методологически оправданной условности, последовательно возникает и следующий вопрос. Так какие же формы трудовой занятости можно признать нестандартными? Учитывая экономические показатели и тенденции, а также опираясь на данные государственной статистики, стандартной формой занятости следует признать работу по трудовому договору, относительно которой все другие формы трудовой занятости будут являться нестандартными.

Таким образом, исследование явления нестандартной занятости «от родового понятия формы занятости – к содержанию видового понятия нестандартной занятости» нельзя признать продуктивным ни для научной, ни для практической цели. Полагаем, что закреплению термина «нестандартные формы занятости» в немалой степени поспособствовала терминология, используемая в документах МОТ. В качестве примера можно привести название обзора МОТ 2017 г. «Нестандартные формы занятости: анализ проблем и перспективы решения в разных странах» (Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects) [7] (далее – Обзор). Примечательно, что в тексте самого обзора часто упоминается иной термин – «нестандартные трудовые отношения».

По нашему мнению, в деле поиска наиболее точного термина, охватывающего максимальное число элементов и признаков сформированного на уровне представлений понятия нестандартной занятости, допустимо избрать и обратный путь.

Общая направленность усилий МОТ в сфере нестандартной занятости сводится к определению политических мер и выработке защитных механизмов, обеспечивающих достойный труд «на нестандартных рабочих местах». Иначе говоря, внимание фокусируется на новых формах организации несамоостоятельного (в полной мере или в значительной степени) по своей природе труда с точки зрения их охвата защитными мерами. Экспертами МОТ были выделены четыре основные группы нестандартных форм занятости: временная занятость, занятость на условиях неполного рабочего времени, временный заемный труд и многосторонние трудовые отношения, замаскированные трудовые отношения и зависимая самостоятельная занятость [7]. Какие общие признаки характерны для выделенных групп трудовой занятости и могут использоваться для целей обобщения?

Прежде всего отметим, что классификации подвергнута трудовая занятость; занятость учебная, служебная, социальная и иные виды деятельности остались за пределами объема исследуемого понятия.

Важно также учесть, что для всех групп характерна реализация труда в рамках общественных отношений по его применению. Иначе говоря, в связи и по поводу применения труда складываются общественные отношения. Занятость в сущностном своем значении – как состояние связи человека с трудом определенного рода, имеющим социальное или экономическое значение – не всегда порождает общественные отношения. Например, лица, производящие продукцию растениеводства, животноводства на земельном участке, предоставленном им для ведения личного подсобного хозяйства, огородничества, традиционных народных промыслов с позиции белорусского законодательства признаются занятыми в экономике. Очевидно, что общественных отношений по поводу такого труда не возникает.

Далее, для выделенных на международном уровне групп нестандартной занятости характерно то, что во всех случаях они представлены несамостоятельным (зависимым) трудом, будь то найм или иные тяготеющие к нему новые формы привлечения труда (зависимая самостоятельная занятость).

Безусловно, необходимым обобщающим признаком является особый (нестандартный) способ организации или привлечения труда, который приводит к ослаблению хозяйской власти работодателя.

И, наконец, нестандартная занятость находит свое проявление как в рамках трудовых правоотношений, регулируемых законодательством о труде, так в ином правовом поле. То есть нестандартную занятость нельзя в полной мере отождествлять с трудовым правоотношением.

Обозначенные признаки позволяют очертить объем исследуемого понятия и уточнить термин, который будет более точно вписан в понятийно-категориальный аппарат, сформированный в рамках национальной правовой системы.

Итак, в качестве промежуточных выводов кратко резюмируем.

1. Развитие цифровых технологий признается на международном и национальном уровнях ключевым фактором, влияющим на состояние рынка труда, структуру занятости и правовое положение трудящихся и требующим учета в государственных политических мерах.

2. Нестандартная занятость как феномен, отдельные ее виды и функции имеют прямую зависимость от развития цифровых технологий, цифровизации белорусской экономики и государства, их экономической значимости.

3. Тематика, связанная с нестандартной занятостью, в последние годы стала целым направлением научных исследований разной отраслевой принадлежности. При значительной научной разработанности правовых аспектов нестандартной занятости отмечается неопределенность в вопросе терминологии. Выявлено, что в многочисленных научных работах и документах программного характера упоминаются самые разнообразные термины: «нестандартные формы занятости», «нетипичные формы занятости», «атипичные формы занятости», «гибкие формы занятости» и др.

4. Закреплению широко употребляемого термина «нестандартные формы занятости» в немалой степени поспособствовала терминология, используемая в документах МОТ. Между тем самим термином «нестандартная занятость» по международным экспертным оценкам охватываются четыре группы нестандартных организационных форм занятости: временная занятость, занятость на условиях неполного рабочего времени, временный заемный труд и многосторонние трудовые отношения, замаскированные трудовые отношения и зависимая самостоятельная занятость.

В качестве признаков, присущих всем классификационным группам и требующих учета при подборе обобщающего термина, который будет более точно вписан в понятийно-категориальный аппарат, сформированный в рамках национальной правовой системы, можно выделить: трудовой характер занятости; наличие общественных отношений по поводу труда; несамостоятельный (зависимый) характер труда; особый способ организации или привлечения труда, приводящий к ослаблению хозяйской власти работодателя; реализация как в рамках трудовых правоотношений, регулируемых законодательством о труде, так в ином правовом поле.

Список литературы

1. Международное бюро труда. 2019. Работать ради лучшего будущего – Глобальная комиссия по вопросам будущего сферы труда. Женева: МБТ. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/dgreports/-/cabinet/documents/publication/wcms_662472.pdf (дата обращения: 18.09.2022)

2. Красовская Н. И. Дистанционная работа в Республике Беларусь / Н. И. Красовская, Н. М. Черноруцкая // Проблемы в развитии трудовых и гражданско-правовых отношений в условиях цифровой трансформации общества: сб. науч. тр./редкол.: Е. А. Волк (отв. ред.) [и др.]. Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2022. С. 90–97.

3. Томашевский К. Л. Правовой статус платформенных работающих (многообразии подходов) // Проблемы в развитии трудовых и гражданско-правовых отношений в условиях цифровой трансформации общества: сб. науч. тр. / редкол.: Е. А. Волк (отв. ред.) [и др.]. Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2022. С. 177–186.

4. Чесалина О. В. Юридическая природа платформенной занятости // Трудовое право: национальное и международное измерение: монография / под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. Москва: Норма, 2022. С. 246–271.

5. Пряженников М. О. Трудоправовые аспекты проектной занятости // Трудовое право: национальное и международное измерение: монография / под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. Москва: Норма, 2022. С. 332–361.

6. Медведев О. М. Правовые проблемы обеспечения занятости населения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.05 / О. М. Медведев; МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва, 1994. 40 с.

7. ILO. Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects. Geneva, 2016. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/@publ/documents/publication/wcms_534326.pdf (дата обращения: 18.09.2022).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ

С. В. Воронкова,
кандидат юридических наук,
магистр общественного здравоохранения,
старший научный сотрудник лаборатории № 31,
Научно-исследовательский институт промышленной
и морской медицины федерального медико-биологического агентства

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ТРУДНОДОСТУПНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация. В статье рассматривается современное развитие электронного здравоохранения труднодоступных удаленных северных территорий России. Анализируются нормативно-правовые акты, регулирующие оказание медицинской помощи посредством телемедицинских технологий. Приводятся результаты нескольких исследований по изучению популярности сервисов телемедицины среди населения Российской Федерации. С учетом выявленных проблем правового регулирования возникающих общественных отношений предлагается гармонизировать законодательство в зависимости от субъектного состава получателей медицинских услуг в северных широтах: коренного населения; трудоспособного пришлого населения, задействованного на промышленных объектах; экипажей судов в акватории Северного морского пути.

Ключевые слова: правовое регулирование, цифровые технологии, электронное здравоохранение, Арктика, Северный морской путь, медицинская помощь, телемедицина

LEGAL REGULATION OF E-HEALTH IN REMOTE TERRITORIES

Abstract. The article discusses the modern development of e-health in remote northern territories of Russia. Regulatory legal acts regulating the provision of medical care through telemedicine technologies are analyzed. The results of several studies on the popularity of telemedicine services among the population of the Russian Federation are presented. Taking into account the identified problems of legal regulation of emerging public relations, it is proposed to harmonize legislation depending on the subject composition of recipients of medical services in the northern latitudes: indigenous population; able-bodied alien population involved in industrial facilities; crews of ships in the waters of the Northern Sea Route.

Keywords: Legal regulation, Digital technologies, e-Health, Arctic, Northern Sea Route, Medical care, Telemedicine

Введение. Реализация проектов по повышению доступности качественных медицинских услуг и медицинских товаров является первостепенной основной

задачей применения информационных и коммуникационных технологий, которые должны способствовать развитию социальной сферы, системы государственного управления, взаимодействия граждан и государства за счет преимуществ платформ онлайн-медицины [13].

Вопросы формирования медицинской деятельности с применением цифровых технологий имеют исключительно актуальное значение в национальном и международном аспекте, так как электронное здравоохранение является не только новой областью медицины, но и новой сферой правового регулирования [4].

По мнению первого заместителя министра здравоохранения Российской Федерации В. Фисенко: «Когда мы говорим о доступности медицинской помощи в труднодоступных районах, мы, конечно, имеем в виду в первую очередь первичную медицинскую помощь и скорую медицинскую помощь. Мы должны прийти к единой диспетчерской службе по оказанию скорой медицинской помощи. Это проще создавать в регионах, где есть устойчивая связь. Как обеспечить доступность медицинской помощи на удаленных территориях? У нас не должно быть федеральной системы здравоохранения, муниципальной, частной, государственной – у нас должна быть одна национальная система здравоохранения» [18].

Современные подходы к развитию цифрового здравоохранения в России в своей основе содержат следующие принципы: 1) организация медицинской помощи за счет централизации всех данных в цифровом виде; 2) применение методов искусственного интеллекта для обработки данных; 3) обеспечение коммуникации всех участников процесса, а также дистанционный мониторинг здоровья [20].

Результаты последних исследований по изучению популярности сервисов телемедицины среди населения показывают, что только 17 % россиян пользовались услугами телемедицины, но 80 % готовы протестировать подобные сервисы. Возраст большинства пользователей таких сервисов находится в пределах 34 лет. Приоритетными целями онлайн-обращений респонденты назвали: получение результатов анализов и диагностики (56 %), получение экстренной консультации врача (53 %), получение повторных и плановых консультаций (52 %), постоянное наблюдение врача при хронических заболеваниях (46 %), дистанционное послеоперационное наблюдение (37 %). По форме оказания взаимодействия респонденты выбрали видеозвонок (41 %), общение по телефону (27 %), консультацию посредством мессенджеров (22 %) [16].

В соответствии с Основами государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г. и Стратегией развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г., одной из основных задач для развития Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) является обеспечение доступности первичной медико-санитарной помощи. Однако, по мнению экспертов, традиционная модель организации оказания медицинской помощи населению данного региона на сегодняшний момент недостаточно эффективна [15], что делает приоритетной задачей разработку новой модели здравоохранения Арктической зоны; приближение медицинской помощи к пациенту чрезвычайно важно для граждан, проживающих в сельской местности, особенно на территориях с малой плотностью населения. Кроме того, в распорядительных документах обра-

щается внимание на ряд барьеров, препятствующих повышению качества медицинских услуг, среди которых проблема устаревания медицинских технологий, дефицит квалифицированных специалистов, проблемы развития телемедицины [11].

В соответствии с положениями действующих правовых актов оказание медицинской помощи с применением телемедицинских технологий в Российской Федерации возможно медицинскими организациями государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения в соответствии с видами работ (услуг), указанными в лицензии на осуществление медицинской деятельности [9]. При этом закреплён порядок оказания медицинской помощи как при дистанционном взаимодействии медицинских работников между собой, так и при дистанционном взаимодействии медицинских работников с пациентами и (или) их законными представителями.

Особенно актуально создание в Российской Федерации единого цифрового контура здравоохранения на основе Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ) в соответствии с национальным проектом «Здравоохранение» [14], а также путем взаимодействия медицинских информационных систем частных медицинских организаций с ЕГИСЗ [6]. Несмотря на обязательность передачи сведений ЕГИСЗ в целях создания единого цифрового контура в здравоохранении [12], ограниченность в различного рода ресурсах (кадровых, финансовых и т. д.) для субъектов малого и среднего предпринимательства затрудняет этот процесс.

По результатам опроса [3], к началу 2022 г. 94 % российских клиник используют в своей работе медицинские информационные системы (МИС) и знают о необходимости передачи данных в ЕГИСЗ. Однако только 31 % клиник начали процесс интеграции в единый цифровой контур, а 38 % – лишь собираются это сделать в ближайшем будущем. Вызывает опасения тот факт, что 31 % представителей рынка частной медицины пока так и не определились относительно способа выполнения требований Минздрава России.

В литературе высказывается предположение, что государственная система здравоохранения в целом достаточно закрыта от взаимодействия с частными медицинскими организациями, так как видит в них только желание заработка. Именно поэтому государственные и частные компании в сфере телемедицины не взаимодействуют друг с другом, а действуют обособленно [17].

Имеющаяся информация о востребованности экспертной помощи при подключении к ЕГИСЗ (в виде консультаций, семинаров с участием квалифицированных специалистов, распространения справочных материалов) у 88 % представителей частных медицинских организаций [3] может содействовать оказанию помощи со стороны органов исполнительной власти при проведении профилактических мероприятий в рамках осуществления государственного контроля и надзора.

Между тем функционирование ЕГИСЗ преследует несколько задач, среди которых, во-первых, информационное обеспечение государственного регулирования в сфере здравоохранения; во-вторых, информационная поддержка деятельности медицинских организаций (включая поддержку осуществления медицинской деятельности); в-третьих, информационное взаимодействие поставщиков и пользователей информации ЕГИСЗ; в-четвертых, информирование населения по вопросам веде-

ния здорового образа жизни, профилактики заболеваний, получения медицинской помощи, передачи сведений о выданных рецептах на лекарственные препараты из МИС МО в информационные системы фармацевтических организаций; в-пятых, обеспечение доступа граждан к услугам в сфере здравоохранения в электронной форме, а также взаимодействия информационных систем (в том числе информационных систем государственных внебюджетных фондов).

В этой связи следует выделить основные блоки контингентов, нуждающихся в медицинской помощи посредством телемедицинских технологий в отдаленных территориях Российской Федерации, среди которых: коренное население Крайнего Севера; трудоспособное пришлое население, работающее вахтовым методом в промышленном комплексе АЗРФ; экипажи судов, выполняющих рейсы в акватории Северного морского пути.

Для каждого из перечисленных контингентов пациентов приоритетными будут различные виды, формы и методы медицинской помощи, а также многообразие комплексных проблем при ее оказании, в связи с чем правовое регулирование электронного здравоохранения требует дифференцированного подхода.

Несмотря на значительный массив документов стратегического планирования, в исследовании ведущего разработчика платформы региональной телемедицинской системы, которую используют сегодня 14 регионов России [19], выявлено, что формат «пациент – врач» используется чаще как средство помощи в экстренных ситуациях, а не как эффективный инструмент в ежедневной работе врачей. Согласно статистике за 2021 г. только в 6–7 % случаях жители Якутии и Оренбургской области выступали инициаторами телемедицинских консультаций (ТМК). Исключением является Тюменская область, где свыше 60 % обращений были инициированы больными (табл. 1).

Таблица 1

**Показатели проведения телемедицинских консультаций (ТМК)
в медицинских организациях (МО) отдаленных регионов [19]**

Показатель	Республика Саха (Якутия)	Тюменская область	Оренбургская область
Общее количество консультаций	4435	2010	4302
Консультации с использованием ВКС, %	6	26	14
По инициативе пациента:	6	61	7
– доля МО, проводящих 80 % ТМК, %	6	0,2	5
– доля врачей, проводящих 80 % ТМК, %	11	1	18
ТМК, проведенные лучшей МО:	538	881	2617
– в том числе, от общего количества, %	21	43	61
ТМК, проведенные лучшим врачом	504	232	997
– среднее количество ТМК за смену	2,0	0,9	4,0
– в том числе, от общего количества, %	11	12	23

В результате указанного исследования выявлены определенные зоны риска и особенности проведения ТМК:

- организация консультаций в соответствии с предпочтениями врача, а не пациента;
- проведение консультации без видеосвязи занимает меньше времени, поэтому чаще проводится консультирование в виде текстовых сообщений; только 26 % консультаций по видео-конференц-связи иницируются врачом;
- финансовая незаинтересованность врачей по причине отсутствия отдельного тарифа на ТМК;
- отсутствие отдельных квот на ТМК (за исключением единичных регионов);
- из-за трудностей создания условий для легального консультирования 63 % врачей используют незащищенные каналы связи в мессенджерах WhatsApp, Viber, Telegram, а также мобильную связь;
- невозможность осуществления контроля качества и безопасности оказываемых услуг;
- отсутствие гарантий соблюдения врачебной тайны и сохранности персональных данных;
- невозможность привлечения медицинского работника к ответственности в случае возникновения нежелательных последствий для здоровья.

В дополнение следует согласиться с выводом, что неправильная постановка диагноза пациенту на основе «механизма телемедицины» должна иметь идентичные классическим способам оказания медицинской помощи правовые последствия, а проблемы правового регулирования можно классифицировать следующим образом:

- проблемы, связанные с интеграцией массива законодательства и вновь создаваемых норм права, регулирующих отношения в этой сфере;
- проблемы стандартизации телемедицинских технологий;
- финансово-правовые проблемы оказания медицинских услуг в цифровом формате [5].

Для сравнения: зарубежными авторами отмечено, что продолжающиеся цифровые преобразования в здравоохранении способствуют как выгоранию врачей, так и уменьшению его последствий. При этом двое из трех врачей считают, что лечение пациентов только в виртуальных или гибридных условиях лучше всего соответствует их образу жизни, несмотря на значительное отсутствие интереса к телемедицине до пандемии [21].

Как утверждают эксперты в области производственной медицины [1], на сегодняшний день финансирование удаленного промышленного здравоохранения происходит за счет бизнеса, которым инвестировано более 30 млрд рублей за последние 10 лет. Обращается внимание на отсутствие государственного финансирования медицинской помощи работающим на Крайнем Севере вахтовым методом. Однако эффективность удаленного здравоохранения как вида первичной медико-санитарной помощи и составляющей всей системы здравоохранения России, особенно в АЗРФ, предполагает комплексность решений в сфере медицины, информационных технологий, развития инфраструктуры и мобильности, участия промышленности.

Вместе с тем План мероприятий (дорожная карта) развития телемедицины и выездных форм оказания медицинской помощи, в том числе на маршрутах кочевий коренных малочисленных народов в АЗРФ [8], предусматривает следующие мероприятия, ответственных исполнителей и сроки выполнения:

1. Расширение практики оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий (Минздрав России, органы исполнительной власти субъектов РФ, 2024 г.).

2. Подготовка медицинских организаций ФМБА России, участвующих в медицинском обеспечении плавания судов в акватории Северного морского пути, к участию в оказании медицинской помощи на борту судов с применением цифровых, в том числе телемедицинских, технологий (ФМБА России, Минздрав России, ГК «Росатом», 2023 г.).

3. Проработка возможности размещения на объектах социальной инфраструктуры (в том числе зданиях учреждений по предоставлению услуг связи и информационных услуг) пунктов доступа жителей Арктической зоны в целях получения медицинской помощи с применением телемедицинских технологий (органы исполнительной власти субъектов РФ, 2023 г.).

4. Проработка возможности обеспечения медицинских организаций доступом к информационно-телекоммуникационной сети Интернет в Арктической зоне (Минцифры России, Минздрав России, органы исполнительной власти субъектов РФ, 2023 г.).

5. Проработка возможности обеспечения мобильных медицинских бригад (передвижных медицинских комплексов) средствами связи, обеспечивающими доступ к сети Интернет или сетям передачи данных медицинских организаций на маршрутах выезда при оказании медицинской помощи жителям Арктической зоны, в том числе на маршрутах кочевий коренных малочисленных народов (Минцифры России, Минздрав России, органы исполнительной власти субъектов РФ, 2023 г.).

Наряду с общими подходами правового регулирования оказания медицинской помощи посредством телемедицинских технологий, для акватории Северного морского пути необходимы видятся разработка и установление особого правового режима, в том числе при медицинском обеспечении судов и развитии прибрежной инфраструктуры, а также непосредственно медицинском обслуживании экипажей.

В научных исследованиях отмечается [2], что на этапе оказания помощи в условиях судна риски неоказания (некачественного оказания) медицинской помощи в первую очередь связаны со следующими факторами:

- отсутствие врача на борту судна,
- отсутствие на судах помещений медицинского назначения,
- отсутствие на судах необходимых лекарственных препаратов и медицинских изделий,
- отсутствие на судах средств осуществления телемедицинских консультаций,
- некачественная медицинская подготовка командного состава судна.

Кроме того, развитие системы экстренной эвакуации и оказания медицинской помощи членам экипажей морских судов в акватории Северного морского пути предполагает наличие необходимых средств связи. В случае осуществления кон-

сультаций с применением телемедицинских технологий в мобильных условиях, консультирующая медицинская организация обеспечивает мобильные средства связи и оборудование для проведения консультаций. На судне данные обязательства возлагаются на судовладельца.

В основе медицинской консультации – прямая связь между судном и консультационным центром. Функционирование системы медицинской помощи на море предполагает обмен информацией в режиме реального времени между различными оперативными и медицинскими организациями.

Связь для медицинских консультаций, в том числе с применением телемедицинских технологий, должна удовлетворять требованиям строжайшей конфиденциальности и сохранения врачебной тайны. Хронологическая запись всех полученных сообщений необходима для обеспечения сохранения данных, что может быть востребовано для юридических процедур при возникновении прецедентов.

В соответствии с законодательством [7] медико-санитарное обеспечение является составляющей безопасности морской деятельности, а среди приоритетных направлений выделено оснащение кораблей (судов) телемедицинскими комплексами с возможностью их подключения к национальным и ведомственным телемедицинским системам.

При проведении поисково-спасательных операций и оказании медицинской помощи экипажам судов в АЗРФ осуществляется взаимодействие федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и организаций [10], в том числе:

- Министерство здравоохранения РФ осуществляет организацию медицинских консультаций, медицинской помощи и медицинской эвакуации пострадавших людей в подведомственные медицинские организации;

- Федеральное медико-биологическое агентство осуществляет организацию медицинских консультаций при проведении спасательных операций, медицинской эвакуации пострадавших на береговом участке силами специального медицинского автотранспорта в подведомственные медицинские организации.

Участники взаимодействия участвуют в проведении поисковых и спасательных операций на море и оказании медицинской помощи в соответствии с их задачами, указанными в соответствующем районе операции Бассейновом плане поиска и спасания.

Таким образом, сведения о количестве потенциальных пользователей, территория, где необходимо покрытие спутниковой связью, о конкретных населенных пунктах дороги (маршрутов) с приведением географических координат, количестве населения, типе связи, пропускной способности спутниковых каналов связи и т. п. предполагают участие нескольких федеральных и региональных органов исполнительной власти, правительств регионов, медицинских организаций, администраций портов, судовладельцев.

Учитывая решение жизненно важных вопросов при оказании медицинской помощи с применением средств связи, задержки на канале связи недопустимы. Уровень защиты данных и доступности канала должен обеспечивать сохранение конфиденциальной информации (и ее запись), в том числе врачебной и государственной

тайны, а также возможность синхронного участия в оказании помощи нескольких специалистов.

Заключение. Следует отметить, что выработка подходов к решению проблем правового регулирования и охраны общественных отношений, связанных с цифровыми технологиями в сфере здравоохранения в нашей стране, находится на начальном этапе. Интеграция области телемедицинских технологий (электронного здравоохранения) в общую систему норм охраны здоровья является сложной комплексной задачей, качественное решение которой должно предусматривать межведомственное и междисциплинарное взаимодействие государства, общества и бизнеса.

Важным аспектом является детальная проработка правовых норм в целях охраны здоровья граждан в отдаленных российских территориях по трем стратегическим направлениям: коренному населению, работникам промышленности Арктической зоны Российской Федерации, экипажам судов в акватории Северного морского пути.

Список литературы

1. Антипов С. А. Удаленная промышленная медицина в Арктической зоне. Актуальные вопросы. Доклад на V Международной конференции и выставке по судостроению и разработке высокотехнологичного оборудования для освоения континентального шельфа OMR-2022. 14.09.2022. URL: <https://omr-russia.ru/aboutconference> (дата обращения: 18.09.2022).
2. Грабский Ю. В., Бумай О. К., Воронкова С. В. Пути совершенствования медико-санитарного обслуживания работников водного транспорта в Арктической зоне Российской Федерации // Труды Международной конференции и выставки по судостроению и разработке высокотехнологичного оборудования для освоения континентального шельфа OMR-2022. Санкт-Петербург. 13–16 сентября 2022 г. Москва: Перо, 2022. С. 77–80.
3. Как проходит цифровизация частной медицины в России: итоги опроса НАМО и «ЭлНетМед». EverCare. 22.03.2022. URL: <https://evercare.ru/news/kak-prokhorit-cifrovizaciya-chastnoy-mediciny-v-rossii-itogi-oprosa-namo-i-elnetmed> (дата обращения: 18.09.2022).
4. Карцхия А. А. Формирование цифрового здравоохранения как вызов времени // Право и цифровая экономика. 2021. № 3. С. 39–46.
5. Лапина М. А. Организационно-правовые и финансовые аспекты цифровизации и внедрения технологий искусственного интеллекта в области здравоохранения. Финансы: теория и практика. 2022. № 26 (3). С. 169–185.
6. Национальный проект «Здравоохранение». Федеральный проект «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ)»: Методические рекомендации по организации информационного взаимодействия медицинских информационных систем медицинских организаций частной системы здравоохранения с единой государственной информационной системой в сфере здравоохранения (Версия 1.0), утверждены Минздравом России 14.08.2020 // СПС «Консультант Плюс».

URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=Sv2dmHTUL9in2PFu1&cacheid=92E598CFF2C1CEB08B474F67C7D19308&mode=splus&rnd=> (дата обращения: 18.09.2022).

7. Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.07.2022 № 512 // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=8v0MpHTLrbSrNzT9&cacheid=745C1D819DD9FC8ECFD69145A0EBD64E&mode=splus&rnd=DPFVpA&base=LAW&n=423278#zD0NpHTcJm8JqzD61> (дата обращения: 18.09.2022).

8. Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») развития телемедицины и выездных форм оказания медицинской помощи, в том числе на маршрутах кочевий коренных малочисленных народов Российской Федерации в Арктической зоне: Приказ Минздрава России от 23.03.2022 № 195 // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=dS0NpHTOmeOKT5hV3&cacheid=AE007F1C3927417FDFBA92AF3C3652D3&mode=splus&rnd=DPFVpA&base=LAW&n=414457#6RBNpHT3NNvPsZrI> (дата обращения: 18.09.2022).

9. Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий: Приказ Минздрава России от 30.11.2017 № 965н // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=veBNpHTyihtXzgpt&cacheid=9983644CBD2364A248C29190A7CA6000&mode=splus&rnd=DPFVpA&base=LAW&n=287515#cnLNpHTxwX5IHdlG> (дата обращения: 18.09.2022).

10. Об утверждении Правил осуществления взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и организаций при проведении поисковых и спасательных операций на море: Постановление Правительства Российской Федерации от 25.11.2020 № 1928 // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=i4MNpHT86se73tfv&cacheid=9AB5241B2104E6066C1E191B58577DB6&mode=splus&rnd=DPFVpA&base=LAW&n=369454#7aXNpHT0FiCJemSC> (дата обращения: 18.09.2022).

11. Об утверждении Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 14.08.2019 № 1797-р // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=IBYNpHTsZqOnYTSm&cacheid=57DD5AF063F92FF431C82C0ED6FBE92D&mode=splus&rnd=DPFVpA&base=LAW&n=384169#TpiNpHTqUIgqQ2Ov> (дата обращения: 18.09.2022).

12. О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения: Постановление Правительства РФ от 09.02.2022 № 140 // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=mL5JyQ&base=LAW&n=409253&dst=100022&field=134#AASgiHTQnFriXJ6s> (дата обращения: 18.09.2022).

13. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196819/ (дата обращения: 18.09.2022).

14. Паспорт национального проекта «Здравоохранение», утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16 // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://>

www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=Q3vNpHTwJnqvphLt&cacheid=76C979FBA326A5C936EFD1735DAC9CD7&mode=splus&rnd=DPFVpA&base=LAW&n=319209#DdDOPHTov2zWWSos1 (дата обращения: 18.09.2022).

15. Перспективы развития здравоохранения в Арктике. Росконгресс. 06.06.2022. URL: <https://roscongress.org/materials/perspektivy-razvitiya-zdravookhraneniya-v-arktike/> (дата обращения: 18.09.2022).

16. Результаты исследования по популярности сервисов телемедицины среди населения. EverCare. 15.09.2022. URL: <https://evercare.ru/news/kompaniya-rzhd-medicina-i-analiticheskiy-centr-nafi-proveli-sovmestnoe-issledovanie-po> (дата обращения: 18.09.2022).

17. Сазонова М. Цифровизация медицины: основные проблемы правового регулирования. 30.12.2021 // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/news/1511887/> (дата обращения: 18.09.2022).

18. Система здравоохранения: доступность, качество, курс на результат. Восточный экономический форум. 07.09.2022. Дальний Восток. URL: <https://roscongress.org/sessions/eef-2022-sistema-zdravookhraneniya-dostupnost-kachestvo-kurs-na-rezultat/discussion/> (дата обращения: 18.09.2022).

19. Телемедицина регионов. Уроки пандемии. EverCare. 04.08.2022. URL: <https://evercare.ru/news/telemedicina-regionov-uroki-pandemii> (дата обращения: 18.09.2022).

20. Цифровая медицина – ключевое направление развития. Международный форум по цифровому здравоохранению. 22.04.2019. Москва. URL: https://www.sechenov.ru/pressroom/news/tsifrovaya-meditsina-klyuchevoenapravlenie-razvitiya/?sphrase_id=1137566 (дата обращения: 18.09.2022).

21. Lawrence K., Nov O., Mann D., at all. The Impact of Telemedicine on Physicians' Afterhours Electronic Health Record «Work Outside Work» During the COVID-19 Pandemic: Retrospective Cohort Study // JMIR Med Inform. 2022. Vol. 10, № 7.

П. С. Гуляева,
аспирант,

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации

МЕДИЦИНСКИЕ НАНОРОБОТЫ КАК ОБЪЕКТ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ, РИСКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Цель: выработка подходов к исследованию правовых основ применения медицинского наноробота. Помимо традиционного методологического инструментария, применяются конвергентные и надотраслевые технологии синтеза научного знания. В условиях правового и доктринального вакуума сформулированы подходы к теоретико-правовому исследованию феномена медицинского наноробота. Научная новизна обусловлена необходимостью науч-

ного осмысления, а в будущем и правового регулирования, общественных отношений, возникающих в процессе формирования 6-го нанотехнологического уклада. Практическая значимость связана с исследованием вопросов применения устройства, функционирующего внутри клетки тела человека.

Ключевые слова: робототехника, наноробот, нанотехнологии, этика, eHealth, коммуникация робота и человека, *in vivo*

MEDICAL NANOROBOTS, AS AN OBJECT OF THEORETICAL AND LEGAL RESEARCH: PROBLEMS, RISKS, PROSPECTS

Abstract. Purpose: development of approaches to the study of the legal basis for the use of a medical nanorobot. Methods: in addition to the traditional methodological tools, convergent and supra-industry technologies for the synthesis of scientific knowledge are used. Results: in the conditions of a legal and doctrinal vacuum, approaches to the theoretical and legal study of the medical nanorobot phenomenon are formulated. Scientific novelty: due to the need for scientific understanding, and in the future, legal regulation, social relations arising in the process of formation of the 6th nanotechnological order. Practical significance: associated with the study of the application of a device that functions inside the cells of the human body.

Keywords: Robotics, Nanorobot, Nanotechnologies, Ethics, eHealth, Robot-human communication, *In vivo*

Робототехника является актуальной темой научной и общественной дискуссии, объединяя проблематику технологической и гуманитарной сферы.

Медицинские роботы в XXI в. стали основой передовых научных решений в сфере клинической медицины. Такие разработки помогают интегрировать информацию о пациентах (результаты лабораторных исследований, диагностики, включая визуализацию) и обобщенную статистическую и справочную информацию (анатомические атласы, статистика).

Макро- и микроразмерные роботы применяются непосредственно в решении хирургических задач и в рамках терапевтического лечения. Данные форматы снижают факторы дрожания рук медиков при выполнении процедур, включая инвазивные, обеспечивают диагностику в интерактивном и динамическом режиме, облегчают процесс восстановления пациента. Макророботы массово применяются при реабилитации нарушений опорно-двигательной системы.

Применение так называемой мягкой робототехники обусловлено использованием биосовместимых материалов и возможностями данных технологий к биомимикрии.

Исследования вопросов наноробототехники, особенно применяемой в медицинской сфере, осложняются особыми условиями функционирования устройств. Уникальность среды *in vivo* заключается в применении нанороботов не просто внутри человеческого тела, но внутри клетки, включая диагностику, а также терапевтическое и хирургическое воздействие.

Например, проект Cyberplasm представляет собой миниатюрного робота, циркулирующего в кровотоке в целях осуществления диагностики; устройство

способно обеспечивать свою деятельность благодаря энергии глюкозы в крови и спроектировано по образу морской миноги [1. С. 34].

Следующий проект Bacteriorobot представляет собой генетически видоизмененную бактерию сальмонеллы, оснащенную нанороботами, которые впрыскивают токсичное лекарственное вещество в пораженные клетки, избегая здоровых [2].

Современная наука демонстрирует значительные достижения в области нанороботехники, в частности, в 2020 г. было создано наноустройство диаметром в сто тысяч раз меньше человеческого волоса, размер которого ограничивается 16 атомами.

По вопросам, связанным с исследованием правовых аспектов регулирования оборота и использования медицинских нанороботов, предлагается обратиться к области робототехники как более общему понятию. В настоящее время существует множество исследований в этой сфере как в правовой, так и иных областях научного знания в России и за рубежом. В отечественной юридической науке такие исследования можно разделить на две группы:

- научные работы в области отраслевого регулирования сфокусированы на гражданско-правовых и уголовно-правовых аспектах [3. С. 9];
- статьи, касающиеся концептуальных подходов, в таких вопросах как правовой статус автономных устройств, проблемы их гипотетической правосубъектности [4. С. 515].

В части регулирования робототехники можно отметить несколько действующих нормативных актов и проектов: например, Модельная конвенция робототехники и технологий искусственного интеллекта, Проект федерального закона «Об инновационных транспортных средствах», Национальная стратегия развития технологий искусственного интеллекта на период до 2030 года, Проект федерального закона «Об обороте роботов, их составных частей (модулей)» [5. С. 379–391].

В результате мониторинга научных статей и норм можно предположить, что существует три основных типа роботов:

- гражданские (промышленные, бытовые, медицинские, образовательные, научные, иные);
- служебные (правоохранительные, военные);
- военные (воздушные, сухопутные, морские).

На основании вышеизложенного можно сделать предварительный вывод о том, что медицинская наноробототехника как объект исследования слабо интегрирована в науку и практику регулирования.

В условиях научно-исследовательского вакуума предлагается следующая классификация медицинских нанороботов, включающая деление на непосредственно нанороботов и наноманипуляторов [6. С. 1, 5].

Нанороботы:

- молекулярные устройства (1–20 нм, предназначены для выполнения механических движений в результате соответствующих внешних раздражителей) [7. С. 17992–17993, 17997];
- наномоторы (10 нм до 10 мюметров, способные преобразовывать энергию из окружающей среды, в том числе химическую, световую, магнитную, ультраз-

вуковую, электрическую, в энергию для собственного автономного движения) [8. С. 6285];

– ДНК-нанороботы (5–100 нм, сконструированы на основе технологии так называемого ДНК-оригами, которые способны загружать и транспортировать молекулы лекарства к цели с помощью молекулярного распознавания) [9. С. 297, 302].

Наноманипуляторы:

– наноманипуляторы, основанные на оптических/магнитных/акустических пинцетах (нанороботы используют пинцеты как концевой эффектор робота для обработки наноразмерных биологических образцов в бесконтактном режиме) [10. С. 1200];

– наноманипуляторы, основанные на атомной микроскопии (такие устройства используют наноразмерный наконечник в качестве конечного эффектора, манипулирующего биологическими образцами в различных условиях, в том числе в воздушной и жидкой средах) [11. С. 703, 712];

– наноманипуляторы, основанные на электронной микроскопии (выполняют роботизированные операции с биологическими образцами с использованием электронной визуализации).

В качестве примеров предлагаются конкретные характеристики некоторых вышеуказанных устройств: например, ДНК-нанороботы сконструированы по образцу структуры ДНК, наномоторы приспособлены получать энергию от магнита или ультразвука, а устройства, оснащенные оптическими, магнитными или акустическими пинцетами, способны манипулировать отдельными клетками.

Возвращаясь к общеправовым проблемам, на основании вышеизложенного можно предположить, что для медицинских нанороботов характерны регуляторные и доктринальные противоречия, свойственные робототехнике в целом и искусственному интеллекту, а также дополнительный набор рисков.

К условно регулярным теоретико-правовым проблемам можно отнести следующие вопросы:

– правовой статус (правовое содержание с учетом степени самообучаемости и автономности, разграничение непосредственно робота и программы, проблема гипотетической правосубъектности устройства);

– понятийно-категориальный аппарат (отсутствие критериев разграничения понятий «искусственный интеллект», «робот», «бот», «программный робот» и соответственно «наноробот» и «медицинский наноробот»);

– юридическая ответственность (вопросы распределения ответственности за неблагоприятные последствия между медицинским персоналом, техническими специалистами, разработчиками).

Попытка выработки системного подхода к понятию медицинского наноробота обнаруживает теоретико-правовые задачи, аналогичные проблематике искусственного интеллекта; в частности, речь идет о противоречиях, обусловленных автономностью устройства.

В части понятийного аппарата, как в случае с искусственным интеллектом, наблюдается проблема разграничения дефиниций между родовым и частными подпонятиями (табл. 1).

Таблица 1

**Сравнение характеристик дефиниций «наноробот»
и «медицинский наноробот»**

Наноробот	Медицинский наноробот
Размер сопоставим с молекулой	Устройство, относящееся к группе нанороботов или наноманипуляторов
Владеет функциями движения, обработки и передачи информации, исполнения программ	Владеет функциями движения, обработки и передачи информации, исполнения программ, в частности, эффективно перемещается по кровеносной системе человека
Способен взаимодействовать с наноразмерными объектами или манипулировать ими в наномасштабе	Функционально пригоден для клеточных манипуляций и имитации биосигналов, адресной доставки лекарств, минимально-инвазивной хирургии, медицинской диагностики, детоксикации
	Ресурсное обеспечение деятельности осуществляется за счет энергии глюкозы в крови, света, тепла

В условиях разнообразия технологий и безграничного потенциала развития прогнозируется возникновение проблемы гетерогенности правовых статусов различных устройств в будущем.

В части уникальных проблем, свойственных робототехнике, и в частности медицинским нанороботам, обнаружены следующие коммуникативно-этические риски:

- проблема взаимодействия робота и человека как биологического организма и как личности;

- юридические и этические противоречия, связанные с воздействием *in vivo* на клеточном уровне и непосредственно внутри клетки.

В рамках пленарного заседания конференции «Цифровые технологии и право» 23 сентября 2022 г. И. А. Филипова отметила роль нейропротезирования и разнообразные риски, связанные с данным явлением. В том числе проблему неравенства, возникающую в случае улучшения качества способностей пациента и его преимуществ перед другими представителями человечества. Медицинская наноробототехника продолжает и раскрывает новое измерение данной проблематики.

Резюмируя вышесказанное, можно сформулировать подходы к изучению медицинских нанороботов в рамках теории права:

- теоретико-правовое исследование проблематики медицинских нанороботов невозможно, если ограничиться традиционными инструментами или исключительно методологией юриспруденции;

- предполагается, что необходимо интегрировать принципы междисциплинарности и выйти за рамки правоведения в части методологии и восприятия самого объекта исследования;

– актуальными являются надотраслевые и конвергентные технологии формирования научного знания.

Проблематика медицинских нанороботов носит комплексный и междисциплинарный характер, относится к малоизученным областям и содержит пробелы в правовом регулировании и доктринальном осмыслении.

Нанотехнологии, в частности медицинские нанороботы, являются особой сферой для гуманитарного и правового исследования. Как отмечают зарубежные ученые, данные устройства не подчиняются в полной мере законам макромира, что формирует пространство рисков нового типа, как технологических, так и юридических [12. С. 4].

Список литературы

1. Поезжаева Е. В. Искусственный интеллект в теории механизмов машин и робототехнике. Пермь: Изд-во Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2020. 117 р.

2. Kriorus. URL: <https://kriorus.ru/news/Yuzhnokoreyskim-uchenym-udalos-ispolzovat-nanoroboty-v-medicine> (дата обращения: 05.05.2022).

3. Морхат П. М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта. Гражданско-правовое исследование: монография. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 113 с. EDN: XPNJLF

4. Khisamova Z. I., Begishev I. R. On Methods to Legal Regulation of Artificial Intelligence in the World // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. 2019. Vol. 9, № 1. Pp. 515–520. EDN: PQJFKO. DOI: 10.35940/ijitee.A9220.119119

5. Бегишев И. Р. Проект федерального закона «Об обороте роботов, их составных частей (модулей)» // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 2. С. 379–391. DOI: 10.21202/1993-047X.15.2021.2.379-391

6. J. Li et al. Micro/nanorobots for biomedicine: Delivery, surgery, sensing, and detoxification // Sci. Robot. 2017. Vol. 2, № 4. Art. no. eaam6431. Pp. 1–20. DOI: 10.1126/scirobotics.aam6431

7. S. Chen et al. An artificial molecular shuttle operates in lipid bilayers for ion transport // J. Am. Chem. Soc. 2018. Vol. 140, № 51. Pp. 17992–17998. DOI: 10.1021/jacs.8b09580

8. M. Guix et al. Nano/micromotors in (bio)chemical science applications // Chem. Rev. 2014. Vol. 114, № 12. Pp. 6285–6322. DOI: 10.1021/cr400273r

9. Rothmund P. W. K. Folding DNA to create nanoscale shapes and patterns // Nature. 2006. Vol. 440, № 7082. Pp. 297–302. DOI: 10.1038/nature04586

10. X. Li et al. In vivo manipulation of single biological cells with an optical tweezers-based manipulator and a disturbance compensation controller // IEEE Trans. Robot. 2017. Vol. 33, № 5. Pp. 1200–1212. DOI: 10.1109/TRO.2017.2718554

11. Li M. et al. Advances in atomic force microscopy for single-cell analysis // Nano Res. 2019. Vol. 12, № 4. Pp. 703–718. DOI: 10.1007/s12274-018-2260-0

12. Fosch-Villaronga E., Drukarch Y. On healthcare robots // eLaw Center for Law and Digital Technologies. Leiden University, the Netherlands, May 2021. 87 p.

А. В. Марковский,

кандидат медицинских наук, магистр юриспруденции,
Читинская государственная медицинская академия

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей правового регулирования использования цифровых технологий в медицинской деятельности в современных условиях формирования цифровой экономики и единого информационного пространства. Анализируются правовые основы системы телемедицины в контексте необходимости защиты персональных данных, соблюдения врачебной тайны и совершенствования мер ответственности медицинских организаций.

Ключевые слова: цифровые технологии, здравоохранение, телемедицина, персональные данные пациентов, врачебная тайна

LEGAL REGULATION OF THE DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN HEALTH CARE

Abstract. The article is devoted to the study of the characteristics of the legal regulation of the use of digital technologies in medical activities in modern conditions of the formation of a digital economy and a single information space. The legal basis of the telemedicine system in the context of the need to protect personal data, compliance with medical secrets and the need to improve the measures of responsibility of medical organizations are analyzed.

Keywords: Digital technologies, Healthcare, Telemedicine, Personal data of patients, Medical secrets

Развитие информационно-телекоммуникационных технологий и формирование единого информационного пространства представляют собой важнейшие факторы повышения эффективности государственного управления всеми сферами общественных отношений, включая сферу здравоохранения. Здоровье представляет собой важнейшее из естественных неотъемлемых благ личности, в силу чего повышение качества его охраны следует признать одним из важнейших направлений деятельности государства. Таким образом, расширение применения цифровых технологий в здравоохранении следует признать одним из наиболее значимых направлений информатизации российского общества, в том числе в образовательных целях [17]. Вместе с тем, наряду с очевидными преимуществами, к числу которых следует отнести повышение качества и оперативности предоставления медицинских услуг, расширение использования цифровых технологий в медицине влечет закономерное возникновение пробелов правового регулирования соответствующей деятельности [16].

На первоначальном этапе информатизации здравоохранения его необходимость обуславливалась, с одной стороны, требованием к систематизации сведений о пациентах, с другой же – потребностью в обеспечении оказания медицинской помощи жителям отдаленных и труднодоступных местностей [9]. На сегодняш-

ний день телемедицину следует рассматривать в качестве одного из наиболее значимых структурных элементов процесса информатизации здравоохранения, который включает в свое содержание такие структурные элементы, как технологии: 1) повышения квалификации работников сферы здравоохранения; 2) обмена информацией в ходе оказания медицинских консультаций; 3) обмена информацией между медицинскими организациями и дистанционного контроля состояния здоровья пациента [8. С. 68].

Категория телемедицины впервые получила закрепление в Российской Федерации в 2001 г. с принятием Концепции развития телемедицинских технологий. Данный программный акт определял телемедицину как совокупность информационных технологий здравоохранения, в том числе дистанционного проведения диагностических консультаций, мониторинга состояния здоровья пациентов, а также проведения консультативных, научных и просветительских мероприятий [13]. В 2011 г. Министерством здравоохранения и социального развития РФ была утверждена Концепция создания единой государственной системы информатизации здравоохранения [6]. Однако на законодательном уровне категория телемедицины получила закрепление только в 2017 г. с принятием Федерального закона Российской Федерации № 242-ФЗ, причем в соответствии с указанным актом понятие телемедицины охватывает исключительно сферы дистанционного оказания медицинских услуг и электронного документооборота в сфере здравоохранения [15]. Данным актом были определены основные направления использования цифровых технологий в медицинской деятельности, в том числе возможность электронного документирования сведений о состоянии здоровья пациента и получения информированного согласия на медицинское вмешательство в электронной форме. В развитие указанных положений федеральные законы «Об основах охраны здоровья граждан» и «О наркотических средствах и психотропных веществах» дополнены положениями о выдаче с письменного согласия гражданина рецептов на лекарственные средства в электронной форме, подписываемых усиленной электронной цифровой подписью медицинского работника или медицинской организации соответственно. Кроме того, изменения внесены в нормативное определение рецепта на лекарственный препарат, закрепленное в Федеральном законе РФ от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ [12]. Данный акт также дополнен положениями об обязательной идентификации лекарственных средств и обеспечении их производителями и иными осуществляющими оборот субъектами внесения сведений о препаратах в систему мониторинга.

В целях реализации положений вышеперечисленных нормативных актов с 2017 г. по настоящее время принят ряд подзаконных нормативных актов Правительства РФ. Так, распоряжениями от 19 июля 2017 г. № 1526-р [1] и от 15 ноября 2017 г. № 2521-р [3] утвержден перечень медицинских услуг, предоставление доступа к которым в электронной форме является обязательным для учреждений здравоохранения. Данный перечень включает в себя вызов медицинского работника на дом, получение информации о прикреплении к учреждению здравоохранения, оказанной медицинской помощи и запись для диспансеризации и прохождения медицинского осмотра.

Обострение санитарно-эпидемиологической обстановки в начале 2020 г. актуализировало процесс цифровизации здравоохранения. В практической среде отмечается, что применение цифровых технологий в медицине позволило существенно повысить эффективность здравоохранения посредством повышения скорости оказания медицинской помощи, а также ее доступности. Так, А. Каприн по данному поводу отметил, что за 2020 г. количество консультаций, осуществляемых Национальным медицинским исследовательским центром радиологии, с использованием технологий телемедицины составило 5500, в то время как ранее соответствующий показатель составлял от 200 до 250 консультаций ежегодно [18].

Вместе с тем правовое регулирование цифровых технологий в медицине в ряде случаев не отвечает потребностям сферы здравоохранения. Так, в соответствии с действующим законодательством к числу медицинских изделий относятся некоторые виды программного обеспечения, в том числе использующего технологии искусственного интеллекта, применение которых в медицинской сфере позволяет решить ряд проблем, вызванных нехваткой медицинского персонала, а также существенно повысить качество оказания медицинских услуг. Кроме того, применение технологий искусственного интеллекта является перспективным в развитии телемедицины и дистанционных систем диагностики [11. С. 26].

Критерии для отнесения программного обеспечения к медицинским изделиям нормативно закреплены в письме Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения от 13 февраля 2020 г. № 02И-297/20 и включают в себя:

- принадлежность программного обеспечения к числу программ для электронно-вычислительной техники или ее модулей независимо от аппаратной платформы и способов доступа к нему;
- самостоятельность, предполагающая, что программное обеспечение не является структурным элементом другого медицинского изделия;
- целевое назначение;
- наличие результата, выраженного в автоматической интерпретации (в том числе с использованием технологий искусственного интеллекта) данных, полученных от медицинских изделий, и предназначенного для оказания медицинской помощи [5].

Как видно из вышеперечисленного перечня критериев, программное обеспечение, построенное на основе использования технологий искусственного интеллекта, во всех случаях признается медицинским изделием. Соответственно, его использование в сфере здравоохранения предполагает получение регистрационного удостоверения, порядок выдачи которого регламентирован Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1416 [14]. При этом п. 15.1.1 приказа Минздравсоцразвития от 6 июня 2012 г. № 4н относит программное обеспечение, построенное на основе использования технологий искусственного интеллекта, к числу медицинских изделий 3-го класса риска [7].

Смежной с проблемой лицензирования программного обеспечения, использующего технологии искусственного интеллекта, следует признать проблему ответственности за вред, причиненный здоровью пациентов. Применение искусственного интеллекта в медицинской деятельности предполагает повышенную ответственность

субъектов оказания медицинских услуг за ошибки, вызванные сбоями в работе систем искусственного интеллекта либо даже последними неверных рекомендаций вследствие недостатка требуемых фактических данных [20. С. 90].

Отдельно следует остановиться на проблемах защиты персональных данных пациентов и соблюдения врачебной тайны. С одной стороны, развитие технологий электронного документооборота в сфере здравоохранения предоставляет медицинским организациям возможность получения сведений о состоянии здоровья пациента, его заболеваниях, перенесенных операциях, что позволяет определить наиболее эффективную методику лечения. Однако, с другой стороны, с развитием цифрового документооборота неизбежно возрастает риск неправомерного получения доступа к информации о здоровье граждан. Как указывают по данному поводу Л. К. Пипия и А. Г. Елкин, упрощение обмена информацией между медицинскими организациями и повышение его скорости должны осуществляться с учетом необходимости обеспечения защиты персональных данных и информационных сетей от несанкционированного доступа [10. С. 35]. В контексте правового регулирования объективной потребностью следует признать разработку четких критериев для доступа, хранения и использования сведений о здоровье граждан, размещаемых в информационных системах. Дискуссионным является также вопрос относительно правомерности самостоятельного получения медицинским работником сведений о частной жизни гражданина, которые имеют значение для постановки диагноза и определения методики лечения. Действительно, гражданин может быть не осведомлен о влиянии на его состояние здоровья каких-либо факторов либо по тем или иным причинам скрывать соответствующие сведения, что также влечет возникновение коллизии между законодательством об охране здоровья граждан и защите персональных данных [19. С. 104].

Согласно п. 9 ч. 1 ст. 6 Федерального закона РФ от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», обработка таких данных допускается без согласия их субъекта для достижения исследовательских или статистических целей при условии их обезличивания. Однако ч. 1 ст. 10 указанного закона относит к категории специальных персональных данных, исключения для обработки которых без согласия субъекта не предусматриваются, сведения о состоянии здоровья [4]. Единственным исключением является обработка сведений о состоянии здоровья граждан, осуществляемая субъектами, профессионально занимающимися медицинской деятельностью и наделенными обязанностью по хранению врачебной тайны.

В практической среде высказывается предложение о необходимости нормативного закрепления оснований и порядка использования персональных данных пациентов без согласия последних по аналогии с тем, как это сделано применительно к Единой государственной информационной системе здравоохранения. В частности, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 9 февраля 2022 г. № 140 федеральная интегрированная электронная медицинская карта предназначается для выполнения следующих функций:

– хранение обезличенных сведений о здоровье пациентов для создания методов и алгоритмов машинного обучения и создания систем поддержки принятия медицинских решений, основанных на технологиях искусственного интеллекта;

- поддержка разработки таких технологических решений, их хранение, функционирование и верификация;
- доступ медицинских организаций к основанным на технологиях искусственного интеллекта технологическим решениям [2].

Однако в отношении частных медицинских организаций и используемых ими цифровых технологий соответствующие нормативные положения не закреплены.

Наконец, следует выделить такую проблему правового регулирования цифровых технологий в здравоохранении, как отсутствие личного контакта медицинского работника с пациентом. Порядок организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий предусматривает применение соответствующих технологий для дистанционного взаимодействия между медицинскими работниками, пациентами и законными представителями последних, как правило, в форме консультирования, при этом на наблюдающего за состоянием здоровья пациента лечащего врача возлагается обязанность по незамедлительному реагированию на отклонения его показателей. Соответственно, применение цифровых технологий не может осуществляться без добровольного информированного согласия пациента и не освобождает от ответственности при ненадлежащем оказании медицинских услуг.

Однако в практике имеют место случаи противоречия между пониманием целей использования цифровых технологий непосредственно медицинскими организациями и контролирующими органами. Так, в одном случае перевозчик был привлечен к административной ответственности за нарушение требований к порядку проведения предрейсовых и послерейсовых осмотров водителей, которые осуществлялись с использованием программно-аппаратного комплекса «Телемедик» без присутствия медицинских работников.

Как видно из изложенного, несмотря на декларированное в ряде программных документов построение цифровой системы здравоохранения и внесение соответствующих изменений в основополагающие нормативные правовые акты, основной тенденцией последнего времени следует признать формирование критериев признания программного обеспечения к числу медицинских изделий и особенностей их применения в здравоохранении. При этом вплоть до настоящего времени должным образом не урегулированы вопросы ответственности за вред, причиненный пациенту вследствие неверных решений, принятых на основе интерпретации данных программным обеспечением, построенным с использованием технологий искусственного интеллекта, не определен правовой режим данного программного обеспечения, не до конца определены основания ответственности за сбор и использование в автоматизированном режиме сведений о состоянии здоровья пациента, относящихся к категории персональных данных, частными медицинскими организациями.

В ряде случаев законодательные инициативы не только не обеспечивают развития цифровых технологий, но и, напротив, сдерживают его, примером чему может служить Постановление Правительства РФ от 2 июля 2020 г. № 973 «Об особенностях организации оказания медицинской помощи при угрозе распространения заболеваний, представляющих опасность для окружающих». Данный акт допускает

применение телемедицинских технологий, однако листок трудоспособности и рецепты на лекарственные препараты при коррекции ранее назначенного лечения, по общему правилу, формируются при личном приеме медицинским работником. Иными словами, высший исполнительный орган рассматривает технологии телемедицины как носящие дополнительный по отношению к личному приему пациентов граждан характер.

Список литературы

1. Козлова А. С., Новикова А. Г. Направления развития цифровой экономики: телемедицина / Экономика, управление, финансы: материалы VIII Международной научной конференции. Москва, 2018. С. 67–79.
2. Марковский А. В. Актуальные вопросы правового обеспечения медицинской деятельности // Актуальные аспекты медицинской деятельности в молодежной среде: сборник статей I Научно-практической конференции с международным участием. Киров, 2021. С. 160–163.
3. Марковский А. В. Финансово-правовая грамотность в цифровую эпоху // Цивилистика: право и процесс. 2022. № 1 (17). С. 69–74.
4. Марковский А. В. Цифровизация высшего образования: проблемы и перспективы // Национальные приоритеты современного российского образования: проблемы и перспективы: сборник научных статей и докладов XIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. Т. Н. Шурухина, Е. В. Глухих. Владивосток, 2021. С. 85–90.
5. Об обращении лекарственных средств: Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 16. Ст. 1815.
6. Об утверждении Концепции развития телемедицинских технологий в РФ и плане ее реализации: приказ Министерства здравоохранения РФ № 344, РАМН № 76 от 27.08.2001 // «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98525/18513fc8c22be762dea2ce5f3638195cd9a71107/ (дата обращения: 09.09.2022).
7. Об утверждении Правил регистрации медицинских изделий: Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1416 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1. Ст. 14.
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья: Федеральный закон от 29.07.2017 № 242-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4791.
9. О внесении изменений в перечень услуг, утвержденных распоряжением Правительства РФ от 25.04.2011 № 729-р: распоряжение Правительства РФ от 19.07.2017 № 1526-р // «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220544/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 09.09.2022).
10. О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения: Постановление Правительства РФ от 09.02.2022 № 140 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 8. Ст. 1152.

11. О перечне услуг в сфере здравоохранения, возможность предоставления которых гражданам в электронной форме посредством единого портала государственных и муниципальных услуг обеспечивает единая государственная информационная система в сфере здравоохранения: распоряжение Правительства РФ от 15.11.2017 № 2521-р // «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283003/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 09.09.2022).

12. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

13. О программном обеспечении: письмо Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения от 13.02.2020 № 02И-297/20 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/73567702/> (дата обращения: 09.09.2022).

14. Пипия Л. К., Елкин А. Г. Применение новых технологий в здравоохранении // Наука за рубежом. 2018. № 68. С. 1–44.

15. Понкин И. В., Понкина А. А., Лаптев В. С. Концепт телемедицины: суть, достоинства, недостатки и перспективы // Наркология. 2014. № 10 (154). С. 25–30.

16. Приказ Минздравсоцразвития России от 28.04.2011 № 364 «Об утверждении Концепции создания единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113731/ (дата обращения: 09.09.2022).

17. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 07.07.2020 № 686н «О внесении изменений в приложения № 1 и № 2 к приказу Министерства здравоохранения Российской Федерации от 6 июня 2012 г. № 4н «Об утверждении номенклатурной классификации медицинских изделий» // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/74492493/> (дата обращения: 09.09.2022).

18. Титова А. В. Цифровизация здравоохранения: на пути к «электронной карте здоровья». URL: <https://roscongress.org/materials/tsifrovizatsiya-zdravookhraneniya-na-puti-k-elektronnoy-karte-zdorovya/> (дата обращения: 09.09.2022).

19. Чельшева Н. Ю. Право на доступ к генеалогической информации и ее защиту в системе личных неимущественных прав // Право и образование. 2019. № 5. С. 95–107.

20. Swanson A., Khan F. The Legal Challenge of Incorporating Artificial Intelligence into Medical Practice // Journal of Health & Life Sciences Law. 2012, October. Vol. 6. P. 90.

А. Р. Поздеев,

доктор медицинских наук, профессор кафедры,
Ижевская государственная медицинская академия Минздрава России

А. В. Килина,

кандидат медицинских наук, доцент кафедры,
Ижевская государственная медицинская академия Минздрава России

Е. С. Наймушина,

кандидат медицинских наук, заведующая кафедрой,
Ижевская государственная медицинская академия Минздрава России

СПЕЦИФИКА МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВРАЧЕЙ-ПЕДИАТРОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕЖИМА

Аннотация. В статье проанализированы особенности медицинской деятельности врачей-педиатров по обслуживанию детского населения в рамках «экспериментального правового режима» по развитию цифровых технологий на прикрепленной к участку территории, а также включая телемедицину и методы получения и дальнейшей обработки данных о здоровье детей, их диагнозах. Показана специфика медицинской деятельности врачей педиатров при применении телемедицинских технологий на территории экспериментального правового режима цифровых инноваций в ситуациях «врач-врач», «врач-пациент», при несогласии родителя или законного представителя от проведения экстренной помощи, необходимой по жизненным показаниям.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, врач-педиатр, телемедицинские технологии, «врач-врач», «врач-пациент», биобезопасность

SPECIFICS OF MEDICAL ACTIVITIES OF PEDIATRICIANS IN THE GROUND OF THE EXPERIMENTAL LEGAL REGIME

Abstract. The article analyzed the features of the medical activities of pediatricians to serve the child population in the ground of the experimental legal regime for the development of digital technologies, as well as including telemedicine technologies, technologies for collecting and processing information about the state of health of children and their diagnoses. The specifics of the medical activities of pediatricians in the use of remote medicine in the field of experimental legal regime of digital innovations in situations of “doctor-doctor,” “doctor-patient,” in case of disagreement of the parent from the medical care required for vital reasons, are shown.

Keywords: Law, Digital technologies, Pediatrician, Telemedicine technologies, “Doctor-doctor,” “Doctor-patient,” Biosecurity

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [4] разрешает заниматься медицинской деятельностью, в том числе с применением технологий телемедицины, методов получения и дальнейшей обработки данных о здоровье граждан, их диагнозах с определенными экспериментальными инновациями. Под правовым режимом понимают «базовый правовой режим, в котором в наибольшей

степени проявляются закрепленные (закрепляемые) в отрасли, сфере методы, функции, принципы регулирования» [7]; «порядок регулирования, выраженный в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования» [5], которая будет иметь свою специфику.

В сфере экспериментального правового режима цифровых инноваций непосредственно медицинская деятельность не может отклоняться от рамок, определенных ст. 2. Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ООЗГ) [3].

Экспериментальный правовой режим медицинской деятельности, применяющих инновации (телемедицинские технологии), сопряжен с рядом изъятий из общих требований к медицинской деятельности ООЗГ. В ст. 36.2 ООЗГ «Особенности медицинской помощи, оказываемой с применением телемедицинских технологий» указывается на возможность исключения ряда обязательных требований применительно к медорганизациям, работающим в частной системе здравоохранения. Так, при организации системы медицинской помощи на основе дистанционных технологий телемедицины взаимодействие «врач – врач» и «врач – пациент» может меняться, не нарушая обязательных требований. Например, в отношении методов получения и дальнейшей обработки данных о здоровье детей, их диагнозах для целей профилактики, оценки эффективности лечения, наблюдения за состоянием здоровья. На основе обработки полученных данных цифровыми методами (в том числе «искусственным интеллектом») принимаются решения о необходимости контактной работы врача с пациентом, так и направлением к узким специалистам (для осмотра, консультации). Если в качестве пациента выступает ребенок взаимодействие «врач-пациент» подразумевает обязательное участие законных представителей (родителей), что по нашему мнению требует дополнительного нормативного регулирования. Если осуществляется медицинская деятельность для спасения ребенка в рамках главы 31.1 КАС РФ [2] для подачи административного иска возможно привлечение представителя органа опеки и попечительства путем телемедицины.

Законодатель устанавливает, что телемедицинские технологии применяются при соблюдении требований к персональным данным, к врачебной тайне (ст. 36.2 ООЗГ). Институт врачебной тайны известен со времени появления клятвы Гиппократова: «Что бы при лечении – а также и без лечения – я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной» [6]. Врачебная тайна, как известно, тесно взаимосвязана с личной и семейной тайной, защищаемой ст. 23.1 и 24.1 Конституции Российской Федерации [1]. Перевод медицинских данных о состоянии здоровья, диагнозах в цифровую форму методами сбора и обработки сведений, их накопление на территории экспериментальных правовых режимов в Российской Федерации таит серьезные угрозы раскрытия такой информации и передачи третьим лицам. Особую озабоченность ученых и практиков вызывает случаи оцифровывания и вывоза за пределы границ территории РФ биоматериала, генома человека (жителя РФ). В настоящее время вопросы эти не урегулированы на законодательном уровне, таят риски для биобезопасности страны [8, 9].

Таким образом, медицинская деятельность для врачей-педиатров на территории экспериментального правового режима цифровых инноваций имеет специфику, а также риски, связанные с обработкой, накоплением, материала о состоянии здоровья и диагнозах несовершеннолетних граждан Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution/> (дата обращения: 05.09.2022).
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федеральный закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ (дата обращения: 05.09.2022).
3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc (дата обращения: 05.09.2022).
4. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ (дата обращения: 05.09.2022).
5. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. – М.: Юридическая литература, 1989. С. 185–191.
6. Клятва Гиппократова. URL: Клятва Гиппократова – Википедия (wikipedia.org) (дата обращения: 05.09.2022).
7. Медицинское право России: учебник / отв. ред. А. А. Мохов. М.: Проспект, 2021. С. 22–24.
8. Мохов А. А. Генетические технологии и безопасность: правовой аспект // Публичное право сегодня. 2022. № 1 (11). С. 29–44.
9. Поздеев А. Р., Поздеева О. С., Поздеев В. В. Гены гистосовместимости в популяции удмуртов во взаимосвязи с реализацией принципов охраны здоровья детей и приоритета профилактики // Право и противодействие пандемии: возможности и перспективы: монография. М.: Проспект, 2021. С. 446–455.

А. А. Шутова,

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник,

Научно-исследовательский институт цифровых технологий и права;
доцент кафедры уголовного права и процесса,
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 3D-БИОПРИНТЕРА

Аннотация. В статье исследуются некоторые проблемы правового регулирования 3D-биопринтеров, используемых для создания органных и тканевых конструкций, анализируется правовой статус «медицинского биопринтера», рассматриваются вопросы необходимого дальнейшего совершенствования правового

регулирования биомедицинских принтеров, используемых для печати тканеинженерных конструкций и прототипов органов. В работе изучается понятийно-категориальный аппарат в сфере биопринтных технологий, необходимый для рассмотрения вопросов уголовной ответственности за незаконное обращение биопринтеров, за незаконное изготовление органов и тканей, напечатанных на биопринтере.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, биопринтные технологии, правовое регулирование, охрана, уголовный закон

FEATURES AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION OF THE 3D BIOPRINTER

Abstract. The article examines some problems of legal regulation of 3D bioprinters used to create organ and tissue constructs, analyzes the legal status of the “medical bioprinter”, discusses the issues of necessary further improvement of the legal regulation of biomedical printers used to print tissue-engineered structures and organ prototypes. The paper studies the conceptual and categorical apparatus in the field of bioprinting technologies, which is necessary to consider the issues of criminal liability for illegal circulation of bioprinters, for the illegal manufacture of organs and tissues printed on a bioprinter.

Keywords: Law, Digital technologies, Bioprinting technologies, Legal regulation, Protection, Criminal law

Введение. На современном этапе развития технологий наблюдается непрерывный процесс внедрения новейших технологий во все сферы жизнедеятельности человека. 3D-печать (от англ. Three-Dimensional Printing Technology) порождает серьезные вызовы правовой системе, которая значительно отстает в своем развитии. Одной из разновидностей 3D-печати является технология 3D-биопринтинга, которая активно развивается как в медицине, так и в фармацевтике. Несомненно, подобная технология обладает множеством положительных сторон, к которым можно отнести перспективу замены больных органов на здоровые, решение проблемы нехватки органов и тканей для трансплантации, возможности замены костей, хрящей, кровеносных сосудов и внутренних органов (сердце, почки, печень и другие органы) у человека. Производство биопринтных органов позволит сократить время на проведение операции, тем самым может сохранить жизнь нуждающимся в органах и (или) тканях людям. При создании биопринтных органов из «родной» дезоксирибонуклеиновой кислоты (далее – ДНК) указанный орган не будет отторгаться организмом человека.

В Плане мероприятий (дорожной карте) «Хелнет» указывается, что значительное влияние в регенеративной медицине играют 3D-биопринтеры. Применение 3D индивидуально напечатанных титановых имплантатов позволит значительно сократить время проведения и сложность операционного вмешательства. В то же время целесообразно вести исследования, направленные на возможность трехмерной печати биологически подобных костей и межпозвонковых дисков [1]. В представленном документе органы и ткани, напечатанные на 3D-биопринтере, называются бионическими протезами и органами.

Основная часть. Исследование вопросов правового регулирования технологии биопринтинга осложнено необходимостью изучения данного вопроса со всех сторон. С развитием технологии биопринтинга неизбежно придется вносить изменения в законодательство, в том числе регулирующие вопросы трансплантации. В связи с этим уже сейчас требуется детальным образом изучить вопросы определения правового статуса биопринтных органов, особенностей заключения договоров, направленных на их создание, оборот и последующую трансплантацию в тело человека, а также выявление особенностей ответственности за нарушение таких договоров и возмещения причиненного вреда, иные вопросы ответственности за правонарушения в указанной сфере. По мнению В. Пашкова, А. Гаркуши, общие дебаты последних лет сводятся к попытке разрешить колебание между юридическими попытками регулирования 3D-биопринтинга и концепцией полного запрета на такую деятельность [2. С. 480–482].

С учетом коммерциализации сферы биопринтинга стоит обратить внимание на возможные негативные последствия, которые могут наступить в результате использования биопринтных органов и тканей человека. Пациенты, которым может быть причинен вред, могут столкнуться с вопросом о субъекте причинения вреда: это будет производитель 3D-продукции или медицинская организация, которая предоставила услуги по трансплантации 3D-продукции в тело человека?

Полагаем, что многие специалисты могут воспринять попытку правового регулирования применения и использования биомедицинских технологий достаточно настороженно в связи с тем, что практики воспринимают данные действия как препятствие к развитию технологии, стремление со стороны государства установить над ней контроль. Однако, по мнению автора, целью правовой регламентации подобных общественных отношений является необходимость своевременного предупреждения и пресечения противоправных деяний в данной сфере, которые могут возникнуть с внедрением биопринтных технологий, а также выбор наиболее эффективной модели правового регулирования подобных правоотношений, в том числе и с использованием уголовно-правовых средств.

Тезис № 1. Отечественное законодательство не содержит норм, регламентирующих понятие и устанавливающих принципы применения 3D-биопринтеров.

На данный момент остается неясным, будет ли биопринтер относиться к медицинскому изделию или нет. В связи с этим возникает вопрос о том, можно ли правовой режим, включая понятийно-категориальный аппарат медицинских изделий, распространить и на биопринтеры. Для этих целей следует детальным образом исследовать правовой режим самих медицинских изделий и требований, предъявляемых к ним. Так, в соответствии со ст. 38 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [3] к медицинским изделиям относятся «любые инструменты, аппараты, приборы, оборудование, материалы и прочие изделия, применяемые в медицинских целях отдельно или в сочетании между собой, а также вместе с другими принадлежностями, необходимыми для применения указанных изделий по назначению, включая специальное программное обеспечение, и предназначенные производителем для профилактики, диагностики, лечения и медицинской реابي-

литации заболеваний, мониторинга состояния организма человека, проведения медицинских исследований, восстановления, замещения, изменения анатомической структуры или физиологических функций организма, предотвращения или прерывания беременности, функциональное назначение которых не реализуется путем фармакологического, иммунологического, генетического или метаболического воздействия на организм человека. Медицинские изделия могут признаваться взаимозаменяемыми, если они сравнимы по функциональному назначению, качественным и техническим характеристикам и способны заменить друг друга».

Указанное законодательное определение понятия «медицинское изделие» является довольно абстрактным в связи с тем, что представляет собой широкий пласт «прочих изделий», функционально разных по своему предназначению. Так, к медицинским изделиям относятся как непосредственно «лечебные» медицинские изделия (бинты, повязки, скальпели, иглы, программное обеспечение для техники и т. д.), так и, по нашему мнению, имеющие лишь косвенную связь с «медицинскими изделиями» (лежанки для больных, бахилы и т. д.).

Тезис № 2. Биопринтер представляет собой роботизированное устройство, и его можно отнести, согласно ст. 38 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», к оборудованию как к разновидности медицинского изделия или разработать иной правовой режим.

Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1416 «Об утверждении Правил государственной регистрации медицинских изделий» [4], к медицинским изделиям предъявляются требования эффективности и безопасности, недопустимости причинения вреда здоровью и жизни пациента. Представленная точка зрения подтверждается следующим примером. Роботизированный эндоскопический хирургический комплекс Da Vinci [5] был зарегистрирован 20 марта 2017 г. в качестве медицинского изделия. Поэтому можно утверждать, что законодательное определение понятия «медицинские изделия» является более емким и должно включать в себя понятие «медицинский робот».

Однако, исходя из положений приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации, при классификации медицинских изделий учитывают различные критерии, к которым относятся: функциональное назначение, условия применения, длительность применения, инвазивность, наличие контакта с телом, способ введения и т. д. Тот факт, что изделие является высокотехнологичным, в целом учитывается в рамках оценки функционального назначения и условий применения изделия. Но на данный момент отдельного критерия, напрямую учитывающего принадлежность изделия к сфере робототехники, нет. В то же время с учетом развития в том числе и интеллектуальных систем роботов возможность принятия ими решений может влиять на классификацию медицинского изделия.

Учитывая большой пласт изделий, относящихся к понятию «медицинские» (иглы, ингаляторы, бахилы, пипетки и т. д.), необходимо выделить понятие «медицинский робот» в качестве одного из видов медицинских изделий, указав его в тексте приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации. В целях уточнения и конкретизации понятий «медицинские изделия» и «медицинский

робот» необходимо обратить внимание на функциональное назначение робота, его конструктивные признаки, позволяющие использовать его в качестве протезов и заканчивая замещением медицинского персонала.

Тезис № 3. В определении понятия «медицинский робот» следует указать, что медицинский робот:

– применяется в целях оказания медицинской помощи (медицинских услуг) населению;

– управляется средствами заложенной в него программы (с использованием специального программного обеспечения);

– полностью или частично выполняет функции организма человека или его отдельных органов.

Необходимость конкретизации и уточнения определения понятия «медицинские изделия» применительно к включению в него понятия «медицинский робот» косвенно подтверждается некоторыми нормативными правовыми актами, принятыми в последние годы [6]. Так, в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р [7], значительное внимание уделяется такому направлению совершенствования, как регулирование применения технологий искусственного интеллекта и робототехники в сфере охраны здоровья граждан. В указанном документе также повышенное внимание уделяется решению проблемы неопределенности в вопросах отнесения робототехники к медицинским изделиям, подлежащим государственной регистрации, а также определяется направление работы в рамках создания многоаспектной правовой платформы в области робототехники [8].

Однако согласно вышеобозначенной статье, критерием, относящим изделие к медицинскому, также является его функциональное предназначение: диагностика, лечение, профилактика, медицинская реабилитация, мониторинг состояния организма человека, проведение медицинских исследований, восстановления, замещения, изменения анатомической структуры или физиологических функций организма, предотвращения или прерывания беременности, функциональное назначение которых не реализуется путем фармакологического, иммунологического, генетического или метаболического воздействия на организм человека.

В связи с этим стоит задуматься о том, сможет ли 3D-биопринтер осуществить хотя бы одну из вышеперечисленных функций. Несомненно, если использование биопринтного органа или ткани человека является одним из средств поддержания или сохранения его жизни, то его использование будет оправдано и соответствует одной из функций медицинского изделия – лечению.

Однако предполагаем, что 3D-биопринтинг может стать привлекательной технологией и для пластических хирургов, косметологов, специалистов по эстетической медицине, которые будут использовать биопечатные органы или ткани для того, чтобы человек стал более красивым, молодым, спортивным (с субъективной точки зрения). Применительно к этой составляющей можно говорить о том, что 3D-биопринтер способствует выполнению задач по замещению и изменению анатомической структуры или физиологических функций организма.

Тезис № 4. Определение оборотоспособности 3D-биопринтеров в гражданско-правовом смысле.

Пункт 2 ст. 129 ГК РФ допускает ограничение в оборотоспособности некоторых объектов гражданских прав либо совершение сделок по специальному разрешению. Полагаем, что стоит установить некоторые законодательные ограничения на оборот биопринтеров, разрешая их продажу только покупателям, являющимся специальными субъектами, – медицинским и иным организациям, а также индивидуальным предпринимателям, осуществляющим медицинскую деятельность на основании лицензии. На данный момент покупателями биопринтеров выступают академические организации и университеты.

Тезис № 5. Для производителей (изготовителей) медицинских биопринтеров стоит установить необходимость регистрации медицинского изделия – биопринтера в Федеральной службе по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзор).

Производители биопринтеров должны получить регистрационное удостоверение на медицинское изделие – 3D-биопринтер, в котором будут отражены класс потенциального риска применения медицинского изделия и иные установленные законом сведения.

Тезис № 6. Получение лицензии для оказания биопринтных услуг.

По правилу, установленному соответствующим Постановлением Правительства Российской Федерации [9], медицинскую деятельность, помимо прочего, составляют работы или услуги в рамках оказания медицинской помощи, при трансплантации органов и (или) тканей, обращении донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях. Поскольку конечной целью 3D (трехмерной) биопечати является пересадка готового биопринтного органа человеку, полагаем необходимым распространить действие указанного Постановления Правительства Российской Федерации на организации, которые будут заниматься «выращиванием» биопринтных органов и тканей с целью последующей трансплантации человеку.

Потребуется также и сопутствующие изменения в номенклатуру медицинских услуг, дополнения в части квалификационных требований к персоналу и оборудованию для заявителя на подобный вид медицинских услуг.

Тезис № 7. 3D-биопечать относится к высокотехнологичной медицинской помощи.

Во-первых, оказание подобного вида медицинской помощи, особенно на начальных этапах развития, будет являться крайне высокочрезвычайным. Соответственно, полагать, что государство будет в состоянии компенсировать стоимость медицинских вмешательств для всех желающих, несколько оптимистично.

Во-вторых, с точки зрения содержания услуги биопринтинг едва ли может быть каким-либо еще видом и формой оказания медицинской помощи.

В-третьих, для проведения операций с применением биопринтных органов и (или) тканей необходимы стерильное помещение и иные особые условия эксплуатации.

Заключение. На данный момент 3D-печать является одной из самых прорывных инновационных технологий, в то время как 3D-биопечать революционизирует индустрию медицинских технологий. Дискуссии среди ученых за последние годы

сводятся к попытке разрешить колебание между юридическими попытками регулирования 3D-биопринтинга и концепцией полного запрета на такую деятельность. Полагаем, что в этом ключе стоит предпринять попытку объединения справедливого баланса между интересами всего человечества и отдельно взятой личности, а также новой технологии. Полагаем, что будущее данной технологии будет зависеть от комплексного решения вопросов, в том числе правового, а не разрозненного подхода к различным составляющим данной технологии.

Список литературы

1. План мероприятий («дорожная карта») «Хелснет» Национальной технологической инициативы (утв. решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России). Текст плана официально опубликован не был // СПС «Гарант».
2. Pashkov V., Harkusha A. 3-D Bioprinting Law Regulation Perspectives // *Wiadomości Lekarskie*. 2017. Vol. LXX, № 3 cz I. Pp. 480–482.
3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2011. № 48. Ст. 6724.
4. Об утверждении Правил государственной регистрации медицинских изделий: Постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2012 № 1416 // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2013. № 1. Ст. 14.
5. Комплекс роботизированный хирургический эндоскопический Da Vinci® SITM, модели IS 3000 с принадлежностями. URL: http://reestrinform.ru/reestr-meditcinskikh-izdeliy/reg_number-%D0%A4%D0%A1%D0%97_2010/06970.html
6. Об утверждении перечня видов технологий, признаваемых современными технологиями в целях заключения специальных инвестиционных контрактов: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.11.2020 № 3143-р // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2020. № 50 (ч. V). Ст. 8251.
7. Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.: распоряжение Правительства Российской Федерации от 19.08.2020 № 2129-р // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2020. № 35. Ст. 5593.
8. Бегишев И. Р. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники: анализ основных положений // *Baikal Research Journal*. 2020. Т. 11, № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-razvitiya-regulirovaniya-otnosheniy-v-sfere-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-i-robototehniki-analiz-osnovnyh/viewer> (дата обращения: 05.05.2022).
9. О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково») и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 01.06.2021 № 852 // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2021. № 23. Ст. 4091.

БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИИ, КРИПТОВАЛЮТЫ И ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ ФИНАНСЫ В ПРАВОВЫХ РЕАЛИЯХ

А. Л. Белоусов,

кандидат экономических наук, доцент,
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

АДАПТАЦИЯ ПОДХОДОВ К РЕГУЛИРОВАНИЮ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В рамках статьи внимание уделено вопросам изменения подходов к регулированию финансового сектора в условиях цифровизации. Раскрыто понятие финансовой технологии. Приведены примеры реализуемых в финансовом секторе в настоящее время новых цифровых решений. В частности, это новые каналы взаимодействия между потребителями и финансовыми организациями, технология блокчейн, а также уже успешно работающие финансовые платформы. Акцент сделан на анализе и оценке воздействия внедряемых в финансовой сфере новых информационных технологий и адаптации регуляторной политики Банка России и соответствующего правового поля к данным изменениям. Сделан вывод о том, что для Центрального Банка России одной из важнейших задач на ближайшую перспективу является изменение институциональной среды функционирования финансового сектора в условиях реализации на практике новых цифровых решений и технологий.

Ключевые слова: цифровизация, финансовый маркетплейс, финансовый рынок, Банк России, регулирование, блокчейн, финансовая технология

ADAPTATION OF APPROACHES TO THE REGULATION OF THE FINANCIAL SECTOR IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Abstract. Within the framework of the article, the author's attention is paid to the issues of changing approaches to the regulation of the financial sector in the context of digitalization. The concept of financial technology is disclosed. Examples of new digital solutions currently being implemented in the financial sector are given. In particular, these are new channels of interaction between consumers and financial institutions, blockchain technology, as well as already successfully operating financial platforms. Emphasis is placed on the analysis and assessment of the impact of new information technologies being introduced in the financial sector and the adaptation of the regulatory policy of the Bank of Russia and the relevant legal framework to these changes. It is concluded that one of the most important tasks for the Central Bank of the Russian Federation in the near future is to change the institutional environment for the functioning of the financial sector in the context of the implementation of new digital solutions and technologies in practice.

Keywords: Digitalization, Financial marketplace, Financial market, Bank of Russia, Regulation, Blockchain, Financial technology

Введение. Процессы цифровизации и развитие информационных технологий оказывают влияние на развитие практически всех отраслей экономики. Не стал исключением и финансовый сектор, представители которого активно внедряют новые цифровые решения. Это обусловлено как стремлением повысить эффективность своей текущей деятельности, оптимизировав издержки и перестроив бизнес-процессы, так и получить новые каналы взаимодействия с потребителями финансовых услуг. Особую актуальность это приобретает в текущей ситуации в условиях рецессии российской экономики и беспрецедентного санкционного давления со стороны недружественных государств.

На сегодняшний день все отчетливее чувствуется влияние современных цифровых решений на работу финансового сектора. Так, в качестве примеров из практики можно привести применение кредитными организациями технологий искусственного интеллекта и алгоритмов машинного обучения. Помимо этого, все большую значимость в бизнесе получают инструменты управления большими данными. И этот процесс и дальше будет иметь хороший импульс для развития. В этой связи обоснованно можно говорить о начале нового этапа в развитии российского финансового сектора. Это требует определенного переосмысления со стороны и Банка России, и законодателей и, как следствие, выработки новых подходов к регулированию отечественного финансового рынка.

Основная часть. Реализация на практике в финансовом секторе цифровых технологий обусловила формирование новой модели построения бизнеса в данной сфере, которая получила название «финтех» (сокращение от финансовые технологии) [2. С. 456]. Здесь важно отметить, что в настоящее время в российском правовом поле отсутствует четкое легальное понятие финтеха. Поэтому имеет смысл обратиться к позиции регулятора финансового рынка. ЦБ РФ определяет финтех как «предоставление финансовых услуг и сервисов с использованием инновационных технологий, таких как «большие данные» (Big Data), искусственный интеллект и машинное обучение, роботизация, блокчейн, облачные технологии, биометрия и других» [4. С. 414].

В этой связи оправданным является изучение зарубежных подходов к регулированию финансовых технологий. В научных исследованиях зарубежных авторов содержатся различные подходы к пониманию понятия и сущности финансовых технологий [8. С. 18]. В частности, определенный интерес вызывает исследование R. R. Surobo, посвященное как теоретическим аспектам, так и практическим перспективам развития финансовых технологий [9. С. 590].

Также имеет смысл обратить внимание на консультативный документ, выпущенный Базельским комитетом по банковскому надзору. В нем финтех определяется как «порожденные технологиями финансовые инновации, которые могут привести к созданию новых бизнес-моделей, приложений, процессов или продуктов, которые впоследствии скажутся на финансовых рынках, институтах или производстве финуслуг» [5. С. 492].

Благодаря появлению и развитию современных информационных технологий участники финансового рынка получают в свое распоряжение новые технологические платформы, позволяющие по-новому коммуницировать с потребителями своих услуг. Например, все большее число клиентов финансовых организаций используют мобильные приложения. Это стало возможным благодаря росту рынка смартфонов, вытесняющим классические мобильные устройства, а также массовому внедрению высокоскоростного и относительно дешевого мобильного интернета [6. С. 320].

Также отмечаем все более широкое применение технологии блокчейн в работе организаций финансового сектора. Это позволяет как обеспечивать защиту информации, так и применять на практике смарт-контракты, оптимизируя текущий документооборот и взаимодействие с контрагентами [1. С. 90].

Стоит сказать о том, что в последние годы в обиход прочно вошло такое понятие, как маркетплейс. В финансовом секторе одним из инициаторов создания маркетплейсов стал регулятор. Так, для Банка России создание финансовых маркетплейсов является важным шагом на пути обеспечения доступа потребителей к финансовым услугам и усиления конкуренции в финансовом секторе через перевод финансовых услуг в цифровую среду. Для реализации этих задач и становления необходимой институциональной базы был принят Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы». На сегодняшний день финансовые маркетплейсы уже получили должное развитие на практике. По состоянию на 18.09.2022 в реестре операторов финансовых платформ зарегистрировано уже шесть маркетплейсов. Как представляется, создаваемые финансовые площадки уже в ближайшей перспективе смогут поменять существующую парадигму функционирования финансового рынка в аспекте взаимоотношений продавцов и потребителей финансовых услуг [4. С. 417].

Нельзя забывать и о все более широком спектре применения криптовалют на практике. Так, уже известны примеры признания криптовалют со стороны финансовых регуляторов в значительном числе государств. В настоящее время перед законодателем стоит непростая задача создания необходимой институциональной среды для их развития и обеспечения как публичных интересов, так и защиты частных субъектов, совершающих операции с криптоактивами [7. С. 54].

Важно отметить, что помимо цифровизации в настоящее время ощущается влияние и иных современных трендов на векторы развития финансового сектора. В частности, в последние несколько лет особую актуальность приобрели ESG-концепции. Отражением этого направления стало формирование зеленой повестки для финансового сектора и стимулирование развития ответственного кредитования, завязанного на экологические критерии [3. С. 580].

Заключение. В качестве вывода можно отметить, что современное общество уже в полной мере вошло в эпоху цифровизации. Она несет в себе как ряд безусловных преимуществ, так и набор определенных рисков и угроз. Поэтому для регулятора в лице Банка России одной из важнейших задач на ближайшую перспективу является адаптация институциональной среды финансового сектора к новым

условиям. Для реализации подобной непростой задачи особую роль приобретает отвечающее веяниям времени полное и четко структурированное правовое поле. Обновленное законодательство позволит, с одной стороны, создать условия для эффективного внедрения участниками финансового рынка новых цифровых решений, а с другой – обеспечит безопасность функционирования как всей финансовой системы в целом, так и ее отдельных участников.

Список литературы

1. Белоусов А. Л., Шустров А. А. Возможности применения технологии блокчейн в сфере страхования // Дайджест-финансы. 2022. Т. 27, № 1 (261). С. 89–107. EDN: BDYRXQ. DOI: <https://doi.org/10.24891/fc.25.1.196>
2. Белоусов А. Л., Левчук Е. Ю. Диджитализация банковского сектора // Финансы и кредит. 2018. Т. 24, № 2 (770). С. 455–464.
3. Белоусов А. Л. Правовые и организационные аспекты внедрения ESG-стандартов в российском банковском секторе // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 3. С. 577–586. EDN: MNXSWV. DOI: <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.577-586>
4. Белоусов А. Л. Теоретические и практические аспекты формирования финансового маркетплейса в Российской Федерации // Russian Journal of Economics and Law. 2021. Т. 15, № 3. С. 413–424. DOI: <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2021.3.413-424>
5. Правовые и финансово-экономические средства достижения целей устойчивого развития / Г. Ф. Ручкина, М. А. Лапина, И. В. Понкин и др.; под ред. Г. Ф. Ручкиной, М. А. Лапиной. Москва: Изд-во Прометей, 2022. 698 с. ISBN 978-5-00172-310-3. EDN: IIWQJI
6. Трансформация публично-правовых средств развития экономики и финансов / Л. В. Голоскоков, А. В. Куракин, З. А. Саидов и др. Москва: Компания КноРус, 2019. 410 с. ISBN 9785436533636.
7. Kuchina Y. Existing Approaches to Define Cryptocurrency for Possible Legal Regulation // International Journal of Law in Changing World. 2022. Vol. 1, No. 1. DOI: <https://doi.org/10.54934/ijlcw.v1i1.7>
8. Razzaque A., Hamdan A. Role of Financial Technology FinTech: A Survey // Proceedings of the International Conference on Artificial Intelligence and Computer Vision (AICV2020). AICV 2020. Advances in Intelligent Systems and Computing. Vol 1153 / A. E. Hassanien, A. Azar, T. Gaber, D. Oliva, F. (eds). Springer, Cham. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-44289-7_11
9. Suryono R. R., Budi I., Purwandari B. Challenges and Trends of Financial Technology (Fintech): A Systematic Literature Review // Information. 2020. № 11. P. 590. DOI: <https://doi.org/10.3390/info11120590>

А. В. Бородин,

кандидат экономических наук,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации

Т. А. Кузовкова,

доктор экономических наук, профессор,
Московский технический университет связи и информатики

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБРАЩЕНИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ И ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ: ОТ СТИХИЙНОГО СЛЕДОВАНИЯ ТРЕНДАМ К СНИЖЕНИЮ БАРЬЕРОВ

Аннотация. Недостаточность научной разработки правового обеспечения сдерживает темпы применения цифровых технологий в финансовой сфере. В результате исследования сущности электронных денег, цифровой валюты, цифровых финансовых активов во взаимосвязи с обеспечивающими их информационными технологиями и нормативно-правовым инструментарием выявлены потенциальные опасности и риски оборота цифровой валюты и электронных денег, что актуализирует проблему правовых отношений в цифровой среде. Проведенный анализ правовых инструментов в российской и международной практике показал необходимость поэтапного формирования правового поля функционирования цифровой валюты.

Ключевые слова: правовое обеспечение, цифровые технологии, цифровая валюта, цифровые финансовые активы, цифровая экономика, электронные деньги, финансовые инструменты

LEGAL SUPPORT OF THE DIGITAL RUBLE AND DIGITAL CURRENCIES: FROM SPONTANEOUS FOLLOWING TRENDS TO LOWER BARRIERS

Abstract. The lack of scientific development of legal support hinders the pace of application of digital technologies in the financial sector. As a result of the study of the essence of electronic money, digital currency, digital financial assets in conjunction with the information technologies and regulatory tools that provide them, potential dangers and risks of digital currency and electronic money circulation have been identified, which actualizes the problem of legal relations in the digital environment. The analysis of legal instruments in Russian and international practice showed the need for a phased formation of the legal field for the functioning of digital currency.

Keywords: Legal support, Digital technologies, Digital currency, Digital financial assets, Digital economy, Electronic money, Financial instruments

В России и многих странах мира развитие цифровой экономики финансовых технологий актуализировало разработку альтернативных, передовых способов платежей. Сформировавшиеся два века назад принципы и условия мировой политики, экономических и финансовых отношений в условиях перехода к новому технологическому укладу диктуют необходимость цифровой трансформации товарно-денежных и финансовых отношений путем применения и развития цифровых валют, в частности цифрового рубля. К факторам использования цифрового

рубля относятся: необходимость минимизации рисков политики санкций в отношении России, конкуренция со стороны других стран, трансграничных компаний и децентрализованных инструментов [1, 2, 5].

Предложенная Центральным банком России (ЦБ) концепция цифрового рубля исходит из целесообразности его выпуска как третьей формы денежных средств, которая будет обращаться совместно с наличными и безналичными рублями [13. С. 193]. При этом в отличие от криптовалют цифровая валюта ЦБ будет равноценной формой национальной валюты, которая может эмитироваться с помощью цифровых технологий.

Цифровой рубль дополнит денежное обращение и будет использоваться одновременно с наличными деньгами и средствами на счетах в банках. По сути, единая система денежного обращения в трех формах (наличная, безналичная, цифровая) соответствует текущим потребностям экономики и открывает возможности применения цифровой валюты в реальном и виртуальном мегапространстве.

Разработкой третьей формы валюты занимаются многие страны. Китай предполагает использование цифрового юаня в 2023 г. как платежного средства, включая налоговые платежи [11]. В декабре 2021 г. ЦБ завершил создание прототипа платформы цифрового рубля. В России в начале 2022 г. началось тестирование цифрового рубля несколькими банками. При этом два из участвующих в тестировании банка (ВТБ, ПСБ) успешно провели полный цикл операций перевода цифровых рублей между клиентами с использованием цифровых кошельков и банковских мобильных приложений. Заметим, что информация об этом не получила должного освещения в СМИ.

Хотя криптовалюта (в специальной литературе наряду с термином «цифровая валюта» – «digital currency» часто используется термин «криптовалюта» – «cryptocurrency») является разновидностью цифровой валюты, между ними существуют фундаментальные различия, представленные в табл. 1. Обращает на себя внимание, что большинство различий является и преимуществами, и недостатками, особенно в части централизации и децентрализации систем. Централизованная система обеспечивает контроль, но есть возможность утраты персональной информации, децентрализованная – возможность мошенничества и криминала.

Таблица 1

Различия между крипто- и цифровой валютами

Характеристики	Цифровая валюта	Криптовалюта
Структура	Централизация	Децентрализация
Анонимность	Требование идентификации пользователя	Нет таких требований, но транзакции регистрируются и отслеживаются
Прозрачность	Непрозрачны – нельзя узнать о переводах по адресу кошелька	Прозрачность: все могут увидеть транзакции в публичном блокчейне

Продолжение табл. 1

Характеристики	Цифровая валюта	Криптовалюта
Манипуляция транзакциями	Центральный орган решает проблемы по заморозке транзакции в случае мошенничества	Регулирование сообществом
Правовые аспекты	Во многих странах есть нормативно-правовая база (Директива 2009/110/ЕС, Статья 4А Единообразного торгового кодекса в США)	В большинстве стран официальный статус не определен. Нормативно-правовая база лишь в процессе создания.

При выпуске и обороте цифровой валюты используются современные технологии на основе Distributed Ledger Technology (DLT): Blockchain, Directed Acyclic Graph (DAG) и др., в основе которых лежит реализация принципа распределенного реестра. Общепринятое международное определение распределенного реестра таково: «Распределенный реестр (distributed ledger) – это реестр (записей), который распределен в наборе распределенных node (нода – компьютер, устанавливающий программное обеспечение под конкретную цифровую валюту для участия в одноранговой сети) или узлов сети, серверов и синхронизирован между ними с использованием механизма консенсуса». В соответствии с ISO распределенный реестр проектируется так, чтобы не допускать изменения записей (в реестре), обеспечивать возможность добавления, но не изменения записей, содержать проверенные и подтвержденные транзакции [8]. Как форма цифровой базы данных, распределенный реестр обновляется и хранится независимо каждым участником в глобальном сетевом пространстве. Изначально эти технологии были разработаны только для транзакций и цифровых валют, но рыночное применение этих инноваций расширяет варианты использования [1].

Технология блокчейн (Blockchain) относится к многофункциональным и многоуровневым информационным технологиям (IT), предназначенным для надежного учета различных видов активов [7]. Это распределенная база данных, которая содержит непрерывно возрастающий (с каждой новой записью) набор упорядоченных записей (блоков), каждый блок содержит метку времени и связь с предыдущим блоком, т. е. построена по определенным правилам как непрерывная последовательная цепочка блоков, содержащих информацию, копии которых хранятся на множестве компьютеров независимо друг от друга.

Однако, несмотря на снижение издержек на трансграничные переводы, операции с валютами и ценными бумагами, обмен документами, улучшение системы операционного аудита, упрощение финансового контроля, цифровая трансформация финансового сектора сопровождается высокими рисками финансового мошенничества, связанными с недостаточной разработанностью правового поля применения цифровых валют. Отметим, что правовое обеспечение оборота цифровых валют является составной частью создания системы правового регулирования цифровой экономики.

Единственным законодательным актом, напрямую регулирующим вопросы использования электронных денежных средств, является ФЗ «О национальной платежной системе» от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ. При этом за 11 лет в него внесено более тридцати изменений и дополнений, что свидетельствует о постоянной «догоняющей» работе с данным законом.

Для полноценного функционирования электронных денег в большинстве стран отсутствует законодательная база, которая только подстраивается под существующее законодательство.

Международное и национальное законодательство в области финансовых инструментов и правового регулирования по объективным причинам быстроты научно-технического прогресса не успевает за развитием цифровых технологий [10–12].

В современном мире применяются три модели регулирования цифровых финансов, опробованные в развитых странах.

В США применяется «ограничительное регулирование», при котором любые цифровые платежи включаются в стандартную систему финансового регулирования в зависимости от целей, на которые они направлены, в Великобритании, Сингапуре – инициативное регулирование: если компания, разрабатывающая новые финансовые технологии, заявила о том, что вступила на поле, где пока нет закона, то ее освобождают от ответственности, что дает компаниям возможность свободно экспериментировать в «песочнице», в развивающихся странах (Китай, Бразилия) наблюдаем пассивное регулирование. При пассивном регулировании бизнес и рыночные механизмы стихийно определяют оптимальную тактику регулирования, а государство следует за трендами.

По нашему мнению, ФЗ от 31.07.2020 № 259-ФЗ значительно ограничивает оборот цифровой валюты. Так, юридические и физические лица, определенные в п. 5 ст. 14 указанного Федерального закона не вправе принимать цифровую валюту в качестве оплаты товаров, услуги, работы, т. е. оплата чего-либо цифровой валютой прямо запрещена. Также прямо запрещено распространение информации о предложении и приеме цифровой валюты.

Вместе с тем владение цифровой валютой, совершение гражданско-правовых сделок с ней и операций разрешены и подлежат судебной защите при ряде условий. Так, понятие цифровой валюты нашло отражение в федеральных законах от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», в которых, исходя из целей этих законов, цифровая валюта признается имуществом.

Продажа цифровой валюты рассматривается Минфином России на основании Налогового кодекса как продажа имущества, в связи с чем полученный доход подлежит налогообложению. Однако порядок подтверждения расходов по операциям с цифровой валютой и перечень необходимых документов в настоящее время не установлены. Кроме того, Минфин России письмом от 2 декабря 2020 г. № 05–06–11/105854 разъяснил, что организация выпуска, выпуск, органи-

зация обращения цифровой валюты в России регулируются в соответствии с федеральными законами, которые до настоящего времени еще не приняты и их разработка осуществляется в настоящее время. При этом в соответствии со статьей 75 Конституции Российской Федерации денежной единицей в Российской Федерации является рубль, а введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускается.

Успевают ли государство реагировать на новые тренды в экономике, вопрос, скорее, риторический. Недостает прежде всего активности экспертного сообщества, которое сформулирует требования к законодателям, обоснует эти требования и представит проекты законодательных актов. Одновременно и законодатели недостаточно привлекают экспертов, ограничиваясь зачастую лишь специалистами профильных ведомств и не вынося разрабатываемые проекты законов на широкую аудиторию. Конечно, все законопроекты размещаются для широкого доступа на интернет-ресурсах Государственной Думы Российской Федерации, но в общем потоке они теряются, и необходимо акцентированно обсуждать столь сложные и требующие специальных знаний проблемы, как цифровизация нашей экономической и правовой сферы.

Любопытно, что одной из немногих сфер, где государство превентивно отрегулировало оборот цифровой валюты и цифровых финансовых активов, оказались антикоррупционные ограничения для государственных служащих. Так, в соответствии с п. 7 части 2 ст. 1 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ, любая цифровая валюта относится к иностранным финансовым инструментам. Пока в законодательстве нет никакой дифференциации цифровой валюты, лицам, поименованным в части 1 статьи 2 этого закона, запрещено владеть и пользоваться (в том числе косвенно, через третьих лиц) любой цифровой валютой вне зависимости от страны выпуска или выпущенной кем-либо в нейтральном статусе. Такой подход подтверждается и положениями части 6 ст. 27 Федерального закона № 259-ФЗ – указанные лица, если они ранее приобрели цифровую валюту, обязаны избавиться от нее вне зависимости от страны выпуска.

Указ Президента РФ от 10.12.2020 № 778 установил, что граждане, претендующие на замещение государственных должностей Российской Федерации или должностей федеральной государственной службы, а также федеральные государственные служащие (рекомендовано распространить эти требования и на госслужащих субъектов Российской Федерации, и на муниципальных служащих) представляют (вместе со сведениями, представляемыми по форме справки) уведомление о принадлежащей им, их супругам и несовершеннолетним детям цифровой валюте (при ее наличии).

Таким образом, проведенный анализ сущности цифрового рубля, цифровых финансовых активов, цифровой валюты и их перспектив через призму правового обеспечения показывает необходимость опережающего правового регулирования, направленного на снижение барьеров при их обращении и одновременно минимизацию рисков, связанных с использованием цифровых финансовых активов и цифровых валют для финансирования противоправной деятельности.

Список литературы

1. Емелин И. А. Цифровые валюты и стратегия цифровой трансформации. Государственная служба. 2021. № 1. С. 13–18.
2. Машин С. Внедрение цифровой валюты в России. URL: <https://vc.ru/x-holding/227822-vnedrenie-cifrovooy-valyuty-v-rossii> (дата обращения: 26.08.2022).
3. Кузовкова Т. А., Тимошенко Л. С. Анализ и прогнозирование развития инфокоммуникаций. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Горячая линия-Телеком, 2016. 174 с.
4. Кузовкова Т. А., Шаравова О. И., Кузовков Д. В. Выявление закономерностей развития цифровой экономики и базовых признаков нового технологического уклада // Экономика и качество систем связи. 2019. № 2 (12). С. 3–13.
5. Кузовкова Т. А., Шаравова О. И. Основы цифровой экономики: учебное пособие. Москва: ООО Компания «Ай Пи Эр Медиа», 2021. 115 с.
6. Агеев В. Н., Власов А. В. Потенциал применения цифровых финансовых активов // Финансовый журнал. 2020. Т. 12, № 6. С. 100–112.
7. ISO 22739:2020 Blockchain and distributed ledger technologies. URL: <https://www.iso.org/standard/73771.html> (дата обращения: 15.07.2022).
8. Ибрагимова Л. Г. Проблемы развития электронных и цифровых денег. Проблемы регулирования использования электронных денег в Российской Федерации. URL: <https://byfly-kabinet.ru/problemu-razvitiya-elektronnyh-i-cifrovyyh-deneg-problemy-regulirovaniya-i.html> (дата обращения: 26.08.2022).
9. Пшеничников В. В., Бабкин А. В. Электронные деньги как фактор развития цифровой экономики // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. Т. 10, № 1. С. 32–42.
10. Эксперты предложили России создать новую платежную единицу. URL: https://www.rbc.ru/economics/30/03/2022/6242deaa_9a79476061873005 (дата обращения: 26.08.2022).
11. Выбор Китая в развитии своей цифровой валютной системы. URL: <https://prc.today/vybor-kitaya-v-razvitii-svoej-czifrovoj-valyutnoj-sistemy/> (дата обращения: 26.08.2022).
12. Федченко А. Н. Проблемы правового регулирования электронных денег в России // Юрист. 2011. № 15. С. 39–41 (дата обращения: 23.08.2022).
13. Годовой отчет Банка России 2021. 375 с. URL: http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/40915/ar_2021.pdf (дата обращения: 26.08.2022).

С. П. Бортников,

доктор юридических наук, доцент,

Самарский государственный экономический университет

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФИНАНСОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

Аннотация. Парадигма рационального выбора является недостаточной основой для будущего развития блокчейна. В исследовании предпринята попытка выработать новое понимание правовой природы блокчейна и возможности кодификации норм, регулирующих данный институт в системе «права и политической экономии». Блокчейн следует понимать как гораздо большее, чем машину, позволяющую автоматизировать транзакции в системе рационального выбора. Блокчейн вместо этого следует рассматривать как технологическую инфраструктуру. Признание инфраструктурного измерения технологии блокчейн может помочь определить новую роль права в регулировании транзакций с применением технологии блокчейн, в том числе и для правительства, в использовании публичных финансов и при осуществлении своей деятельности. Точнее говоря, определение блокчейна как «инфраструктурного явления» помогает нам признать, что право и вообще регулирование не должны рассматриваться как простое облегчение работы невидимой руки рынка посредством блокчейна.

Ключевые слова: криптоактивы, биткоин, блокчейн, эфир, право и криптоэкономика, право и политическая экономия, цифровые активы, самообеспеченные правила и традиционные законы

LEGAL REGULATION OF BLOCKCHAIN FINANCIAL TECHNOLOGY IN THE MODERN ERA

Abstract. This article suggests that the paradigm of rational choice is not a sufficient basis for the future development of the blockchain. The study attempted to develop a new understanding of the legal nature of blockchain and the possibility of codifying the norms governing this institution in the system of “law and political economy.” Blockchain should be understood as much more than a machine that allows you to automate transactions in a rational selection system. Blockchain should instead be understood as a technological infrastructure. The recognition of the infrastructure dimension of blockchain technology can help determine the new role of law in regulating transactions using blockchain technology, including for the government, in using public finance and in carrying out its activities. More precisely, the definition of blockchain as an “infrastructure phenomenon” helps us to recognize that law and regulation in general should not be seen as simply facilitating the work of the invisible hand of the market through blockchain.

Keywords: Cryptoasset, Bitcoin, Blockchain, Ethereum, Law and cryptoeconomics, Law and political economy, Digital assets, Self-sufficient rules and traditional laws

Введение. Среди широкого спектра финтехнаправлений особое место следует отвести технологии блокчейн, довольно новой технологии общего назначения,

которая бросает вызов существующей системе права, экономики и общества. У технологии блокчейн есть одна особенность, которая выделяет ее в ряду иных финансовых технологий: она, по своей сущности и дизайну, является глобальной и транснациональной. При этом блокчейн действует, исходя из собственных правил и принципов, которые имеют качество внутреннего закона. То, что мы можем назвать *lex cryptographia* блокчейна, было разработано на основе рационального выбора человеческого поведения. Блокчейн адаптирует положения неоклассической экономики в новой парадигме рационального выбора, используя блокчейн полуавтоматическим способом, через все сферы жизни, и без учета каких-либо границ. Соответственно, в настоящее время широта применений технологии блокчейна оказывает существенное влияние на глобальное право и цифровую экономику.

Новые технологии вынуждают критически оценивать их место в существующих правовых системах и обществе в целом. Достижения в области искусственного интеллекта (ИИ), биотехнологии и технологии блокчейн меняют существующие социальные модели и оказывают соответствующее воздействие на правовой статус-кво. Пока отсутствует правовая идентификация блокчейна, институт относительно мало понятен, ведутся дискуссии о нем. Блокчейн – это цифровой реестр, который работает на децентрализованной одноранговой (peer-to-peer) цифровой сети компьютеров и облегчает онлайн-транзакции многих видов.

Сущность технологии блокчейн и ее функция. У блокчейна есть одна особенность, которая выделяет его из череды иных инноваций – он по своей природе и проектирует глобальную, транснациональную технологию [9. С. 34]. Он был разработан специально для того, чтобы обойти национальные границы и существующие институты. Блокчейн облегчает передачу данных и экономически значимых активов независимо от географического положения участников блокчейн-сети («узлов»).

Новые технологии исторически оказывают трансформационное, даже разрушительное воздействие на существующий экономический уклад. Одним из важнейших основ современного капитализма считается учет в виде системы двойной записи [1. С. 93–95; 7]. Следующим самым значительным достижением развития учета является технология блокчейн. Говорят, что контейнеризация произвела революцию в международной торговле и облегчила многие глобализационные процессы [8. С. 241]. Можно ожидать, что блокчейн, вероятно, станет «программным» эквивалентом транспортного контейнера для упрощения международной торговли.

Потенциальное влияние блокчейна на современное общество, экономику и право становится еще более очевидным с учетом того, в каких сферах он используется [3]. Первое и по-прежнему самое важное применение блокчейна относится к области криптовалют и иных цифровых активов [9]. Стоит обратить внимание на обстоятельства применения как технологии блокчейн, так и самих цифровых активов. Биткоин и криптовалютная активность появились во время мирового финансового кризиса 2008 г. [11]. Причем биткоин был попыткой обойти существующие правила и структуру глобальной финансовой системы. Парадокс, но цифровые активы и блокчейн, несомненно, являются продуктом глобализации, но появились как противоборствующий ей фактор, призванный обойти национальные и юридические границы, установленные в процессе глобализации.

С момента создания биткоина значение криптовалют неуклонно росло. Цена биткоина впервые превысила цену унции золота 3 марта 2017 г. Цена была закрыта на \$ 1,268, в то время как унция золота остановилась на \$ 1,233. С тех пор виды криптовалют росли экспоненциально, предпринята попытка правовой проработки категории «криптовалюта». Ожидается, что цифровые активы станут основными активами в ближайшем будущем. Взрыв рынка криптовалют предсказуемо привел к негативной реакции правительств по всему миру, вставших на защиту национальных интересов и качественно новой денежной экспансии в национальные юрисдикции. Ответные меры правительств могут принимать различные формы и во многом зависят от того, как соответствующие юридические субъекты воспринимают угрозу, создаваемую цифровыми активами и лежащими в их основе технологиями.

В настоящее время уже сама по себе технология блокчейн становится важным фактором в использовании многих институтов финансового права в их современном виде: это относится к заключению договоров бюджетного кредитования, формам и порядку проведения финансовых расчетов, возможности принятия цифровых финансовых активов и пр. Технология блокчейн – это технология общего назначения, которая может использоваться для достижения множества целей; хотя первоначально воспринималась как криптовалютная технология, призванная обходить финансовые учреждения и центральные банки. В настоящее время уже обсуждается вопрос о ее «мирном» адаптированном применении как на уровне коммерческих организаций, так и государственных органов. Как частный сектор, так и правительство уже находятся в процессе внедрения или, по меньшей мере, применения технологии [4].

Адаптация механизма блокчейн в финансовых правилах и институтах. Принятие технологии блокчейн хозяйствующими субъектами, инвесторами и особенно правительствами не обходится без коллизий с существующими традиционными институтами. По словам де Филиппи и Райта, блокчейн ускоряют переход власти «от правовых правил и правил, управляемых государственными органами, к криптоправилам и протоколам, регулируемым децентрализованными сетями на основе блокчейна» [6]. Кроме того, было высказано предположение о том, что блокчейн и другие распространенные реестры представляют собой «самую серьезную проблему, когда-либо создававшуюся для монополии государства в связи с обнаружением, формированием, ведением и проверкой публичных институтов». Это связано с тем, что доверие к блокчейну идет на смену доверию правительству. По мнению Сатоши Накамото (Satoshi Nakamoto), псевдонимичного разработчика биткоина, технология блокчейн может привести к обществу, где самообеспеченные правила вытеснят традиционные законы. В отличие от права, где его исполнение обеспечивается в большей степени силой и авторитетом государства и его аппаратом принуждения, блокчейн-технология за счет распределенного реестра и самого механизма функционирования системы является технологией, внутренние законы существования которой обеспечивает соблюдение необходимых правил. Как говорит один из разработчиков Ethereum, блокчейн создает «новый вид правовой системы» [12]. «Опираясь на понятие *lex informatica*, ученые сегодня даже говорят о развитии *lex-cryptographia* внутри блокчейна, отражающей якобы автономное «торговое право» эпохи Средневековья, *lex mercatoria*» [5].

Но блокчейн может оказаться еще более значимым в сегодняшней правовой оценке – это не просто состояние, в котором кодекс признается законом, но и новое применение права как результат кодификации. Правительства всего мира правомерно беспокоятся в связи с ростом применения блокчейна и сопутствующих ему функциональных возможностей. Эта обеспокоенность была выражена членами Конгресса и другими чиновниками США во время слушаний в банковском комитете Сената по введению в оборот валюты Facebook Libra. По другую сторону Атлантики министр финансов Франции Брюно Ле Мэр (Bruno Le Maire) назвал Libra «угрозой монетарному суверенитету».

Правовое регулирование новой технологии. В то время как первоначально внимание было сконцентрировано в основном на криптовалютах, в настоящее время фокус начинает смещаться в сторону технологии, поддерживающей криптовалюты. Для регулирования блокчейна действуют различные виды законов, прежде всего законы о защите данных, и в частности, в рамках Европейского союза – Общие правила защиты данных (General Data Protection Regulation (GDPR) – Регулирование (EU) 2016/679 Совета Парламента ЕС от 27 апреля 2016 г. и Директива 95/46/ЕС (General Data Protection Regulation) 2016 г.

Закон блокчейна формируется природой технологии, ее использованием, а также усилиями на различных уровнях управления по ее регулированию. Статья выделяет два слоя взаимодействия между традиционным правом и блокчейном:

- право в рамках блокчейна, который получил название *lex cryptographia*,
- право взаимодействия между реальным миром и онлайн-миром.

Наиболее актуальным вопросом для правоведов, работающих в области блокчейна, а также права и технологий является определение роли права в его взаимодействии с новыми технологиями. В XX в. существовала давняя традиция сужать использование закона в обществе, чтобы структурировать стимулы для человека. Это связано с подавляющим влиянием теории рационального выбора в праве. Соответственно, от права можно требовать лишь структурирования стимулов для развития технологии, с тем чтобы технология развивалась в соответствии с целями политики. Важно, что блокчейн также является регуляторной технологией, так как он руководит поведением лиц, работающих в блокчейн-сети. Этот результат управления поведением достигается за счет использования так называемой «криптоэкономики» (*crypto-economics*). Технология Blockchain встраивает криптоэкономические принципы, облегчающие ее внутренние операции и использование, основанные на теории рационального выбора. Она позволяет применять парадигму рационального выбора полуавтоматическим способом и в глобальном масштабе. Органы власти и ученые, работающие в этой области, должны помнить об этом потенциале по нескольким причинам. В настоящее время хорошо известно, что теория рационального выбора не всегда достоверно описывает человеческое поведение. Результаты исследования в социальных науках, таких как поведенческая экономика, неоднократно доказывали этот момент. Соответственно, вмешательство правительства часто может потребоваться для защиты лиц, участвующих в блокчейне, а также пострадавших третьих лиц. В целом нам нужна новая основа для понимания и регулирования технологии блокчейн.

Но блокчейн – это гораздо больше, чем механизм, предполагающий, что физические лица действуют рационально, и позволяющий автоматизировать транзакции и социальные коммуникации.

Блокчейн можно понимать как технологическую инфраструктуру. Признание инфраструктурного измерения технологии блокчейн может помочь определить новую роль для права в его взаимодействии с блокчейном, а также для правительства в его взаимодействии с технологией. Точнее, я утверждаю, что блокчейн следует понимать как «инфраструктурное достояние». Соответственно, законодательство и регулирование не должны перекладываться на роль облегчения функционирования невидимой руки рынка посредством и внутри блокчейна, а должны преследовать более интервенционные задачи, такие как обеспечение доступа на недискриминационных условиях к потенциальным пользователям по модели «сетевого нейтралитета».

Экономико-правовое и финансово-правовое значение блокчейна может исследоваться на двух уровнях: на уровне *lex-cryptographia* «социальной экономики», а также на уровне *lex-cryptographia* цифрового мира, с одной стороны, или на уровне взаимодействия между правом человеческого мира и блокчейн-технологией с другой [2].

Как и всякое иное явление, блокчейн-технология проходит определенные стадии развития. В настоящее время завершается анархо-либертарная фаза и мир переходит к этапу актуализации института. Уже предпринимаются попытки существенного осмысления правовых и социальных последствий применения блокчейна, его значения для управления финансами и т. д. Можно предположить, что в процессе перехода к фазе зрелости появятся новые финтехинституты и технологии, расширится применение нейросетей, возникнет необходимость правовой идентификации биокибернетических устройств и субъектов. В процессе развития блокчейна возникают проблемы правового регулирования различного сочетания государственных и частных форм и явлений, транснационального и внутреннего законодательства.

Заключение. В настоящее время в разных странах разрабатываются нормативные акты, формирующие основы и порядок взаимодействия *lex cryptographia* с существующей правовой системой. Данный процесс требует правового осмысления феномена блокчейна как технологии и как внутреннего порядка осуществления «деятельности» кибернетических систем. Традиционная правовая система предполагает волевое действие лиц, органов, публичных субъектов. Распределенный реестр требует иного подхода, когда невозможно определить центр принятия решения, когда решение принимается математическим алгоритмом без участия человека и пр. Требуется определенное доверие к блокчейну и иным цифровым технологиям, работе искусственного интеллекта. Нужны поддержка населения и государственное доверие, устранение пробелов и обеспечение взаимодействия между государственным и частным секторами, а также физическим и нефизическим миром.

Список литературы

1. Вебер М. Хозяйство и общество. Москва: ИД Высшей школы экономики, 2017. С. 93–95.
2. Козырев А. Н. Цифровая экономика и цифровизация в исторической ретроспективе // Цифровая экономика. 2017. № 11. URL: <http://digital-economy.ru/stati/tsifrovaya-ekonomika-i-tsifrovizatsiya-v-istoricheskoy-retrospektive> (дата обращения: 10.05.2020).
3. Леднева Ю. В., Поветкина Н. А. «Финтех» и «регтех»: границы правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 46–67.
4. Ручкина Г. Ф., Шайдуллина В. К. Финансовые технологии в России и за рубежом: тенденции правового регулирования создания и использования // Банковское право. 2018. № 2. С. 7–17.
5. Aaron Wright, Primavera De Filippi. Decentralized Blockchain Technology and the Rise of Lex Cryptographia. URL: <https://ssrn.com/abstract=2580664> (дата обращения: 10.03.2020).
6. Brendan Markey-Towler, Anarchy, Blockchain and Utopia: A Theory of Political-Socioeconomic Systems Organised using Blockchain. URL: <https://ssrn.com/abstract=3095343> (дата обращения: 02.01.2020).
7. Bruce G. Carruthers, Wendy Nelson Espeland. Accounting for Rationality: Double-Entry Bookkeeping and the Rhetoric of Economic Rationality // J. Sociology. 1991.
8. Daniel M. Bernhofen, Zouheir El-Sahlid, Richard Kneller. Estimating the Effects of the Container Revolution on World Trade. // J. Int’l Econ. 2016. January. URL: https://www.researchgate.net/publication/256050923_Estimating_the_Effects_of_the_Container_Revolution_on_World_Trade (дата обращения: 18.01.2022).
9. Financial Conduct Authority, Guidance on Cryptoassets/ URL: <https://www.fca.org.uk/publication/consultation/cp19-03.pdf> (дата обращения: 5 февраля 2020).
10. Primavera De Filippi & Samer Hassan, Blockchain Technology as a Regulatory Technology: From Code is Law to Law is Code, 21 First Monday (2016) (special issue on “Reclaiming the Internet” with distributed architectures). URL: https://www.researchgate.net/publication/311447869_Blockchain_Technology_as_a_Regulatory_Technology_From_Code_is_Law_to_Law_is_Code (дата обращения: 18 января 2022).
11. Satoshi Nakamoto, Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System (2008). URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf/> (дата обращения: 18 января 2022).
12. The Future of the Blockchain: Interview with Ethereum Co-founder Gavin Wood, Simpleweb. URL: <https://simpleweb.co.uk/the-future-of-the-blockchain-interview-with-ethereum-co-founder-gavin-wood/> (дата обращения: 18 января 2022).

Ж. М. Корзоватых,

кандидат экономических наук, доцент,
Государственный университет управления

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. Целью исследования является определение направлений совершенствования правового обеспечения системы бухгалтерского учета в условиях цифровой трансформации, направленных на создание правового инструментария цифровой экономики и обеспечения информационной безопасности данных, используемых для эффективного управления организацией. Применение IT-технологий дает возможность трансформировать систему бухгалтерского учета, информирующую обо всех бизнес-процессах экономического субъекта, снижая риск возникновения ошибок, повышая качество отражения в системе бухгалтерского учета фактов хозяйственной жизни, предотвращая искажения показателей отчетности, вызванных «человеческим фактором». Правовой защите должна подлежать интерактивность информации, представленной в учете и отчетности организаций, позволяющая руководству компании, имея беспрепятственный доступ к данным, мгновенно в режиме реального времени получать полные и достоверные сведения для решения управленческих задач.

Ключевые слова: право, цифровая экономика, цифровизация, цифровая трансформация, цифровые технологии, блокчейн, бухгалтерский учет, бухгалтерская (финансовая) отчетность, достоверность

LEGAL ASPECTS OF LEGAL REGULATION DEVELOPMENT OF THE ACCOUNTING SYSTEM IN CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION

Abstract. The purpose of the study is to identify areas for improving the legal support of the accounting system in the context of digital transformation, aimed at creating legal tools for the digital economy and ensuring information security of data used for effective management of the organization. The use of IT technologies makes it possible to transform the accounting system that provides information about all business processes of an economic entity, reducing the risk of errors, improving the quality of reflection in the accounting system of the facts of economic life, preventing distortions of reporting indicators caused by the “human factor”. The interactivity of the information provided in the accounting and reporting of organizations should be subject to legal protection, which allows the company’s management, having unhindered access to data, to instantly receive complete and reliable information in real time to solve management tasks.

Keywords: Law, Digital economy, Digitalization, Digital transformation, digital technologies, Blockchain, Accounting, Accounting (financial) statements, reliability

IT-технологии уже кардинально изменили системы учета и контроля отдельных бизнес-процессов организации, и проникают в управленческие процессы экономического субъекта, трансформируются в финансовую сферу, денежное обращение и функционал платежных систем. Информационные технологии используются в системе хозяйственного учета организации, где на каждом уровне учетного процесса формируется информация, используемая заинтересованными внутренними и внешними пользователями [9. С. 130–136]. Для эффективного управления организацией на основе выработки альтернативных вариантов и принятия управленческих решений в рамках выполнения тактических и стратегических целей компании руководство использует данные хозяйственного учета. Для решения поставленных задач руководство компании использует не только первичные данные, но и показатели бухгалтерской (финансовой), управленческой и других видов внутренней отчетности организации получая необходимые релевантные данные. В условия многозадачности возникают вопросы, решение которых связано с анализом большого объема информации, поэтому особенно важным является использование цифровых технологий в деятельности компаний [8. С. 6–13].

На сегодняшний день в условиях применения IT-технологий, создаются условия для цифровой трансформации данных бухгалтерского учета, как одного из компонентов системы хозяйственного учета организации. Цифровизация влияет на все стадии учетного процесса – от обработки первичной документации до формирования отчетности. Применение IT-технологий увеличивает точность и эффективность обрабатываемых первичных и отчетных данных, а также скорость обмена релевантной информацией, необходимой для принятия управленческих решений. Использование цифровых технологий меняет методологию бухгалтерского учета, дополняет профессиональные компетенции сотрудников компании, а саму систему информационного обеспечения выводит на новый качественный уровень безопасности. Благодаря IT-технологиям происходит отражение фактов хозяйственной жизни в цифровом формате в режиме реального времени в единой информационной базе, обеспечивая быстрый доступ и обмен электронными данными между всеми заинтересованными пользователями, сокращается интервал между получением информации и ее обработкой, минимизируется риск возникновения ошибок и искажений в учете и в процессе принятия управленческих решений, так как искусственный интеллект обеспечивает оперативный контроль на всех этапах учетного процесса [4. С. 124–129].

Для оценки текущего состояния организации и перспектив ее дальнейшего развития в условиях цифровизации в систему бухгалтерского учета трансформируются новые дополнительные инструменты отражения в отчетности информации о финансовом, социальном, экологическом положении организации, деловой активности и корпоративном управлении, способы группировок новых объектов учета, таких как цифровые активы, а также способов регистрации фактов хозяйственной жизни. Применение IT-технологий дает возможность трансформировать систему формирования информации об экономическом объекте, позволяет снизить риск возникновения ошибок, повысить качество отражения в системе бухгалтерского учета фактов хозяйственной жизни, предотвратить искажение показателей

отчетности, вызванных «человеческим фактором». Посредством цифровизации повышается достоверность и прозрачность данных учета [3. С. 52–57].

Процесс цифровой трансформации системы бухгалтерского учета, позволяющий повысить оперативность и актуальность бухгалтерской информации, происходит не так быстро, и начинается с начальных стадий учетного процесса. К функциям системы бухгалтерского учета добавляется консолидация системы управления и IT-сервисов. Переход от бумажных носителей информации к цифровым позволяет производить обработку данных, минимизировать риски возникновения ошибок, осуществлять анализ посредством IT-инструментария. В конечном итоге позволит за короткий промежуток времени обрабатывать и анализировать большой объем информации, расширяя аналитические возможности учета.

Но нельзя забывать о том, что помимо открытой информации существует и информация ограниченного доступа. Ограниченность доступа направлено на охрану данных организации, свободное распространение которых нарушают коммерческую тайну или интересы экономического субъекта.

Таким образом, цифровые технологии позволяют представить в интерактивном цифровом формате отчетность организации, увеличивая скорость получения информации и ее достоверность, давая больше возможностей руководству компании эффективно управлять ею. Положительным моментом является проведение анализа первичных и отчетных данных бухгалтерского учета в режиме реального времени непосредственно в текущем отчетном периоде, а не после его окончания, в следствии чего доступность информации для обработки и анализа руководством компании становится более быстрой и удобной. При этом нельзя не отметить, что внедрение цифровых технологий снижает трудовые и временные затраты на обработку и анализ показателей отчетности, уменьшая риск возникновения технических и счетных ошибок в отчетности, избегая искажения информации о реальном положении организации и повышая производительность труда всех сотрудников экономического субъекта.

Исследования оценки уровня цифровой зрелости российских компаний «Digital IQ в России», проведенные специалистами компаний PwG и АBBYY выявили, что порядка 67 % респондентов из числа руководителей и специалистов промышленных предприятий, банков, телекоммуникационных компаний считают, что цифровизация бизнес-сообщества является приоритетным направлением развития компании. При этом были выявлены факторы, препятствующие развитию «цифрового интеллекта»: цифровое доверие, надежность и прозрачность деятельности организация. Доверие является основой для реализации цифровых стратегий организации [10].

Одним из основных прорывов в области цифрового доверия является технология блокчейн. Блокчейн представляет собой децентрализованную систему – распределенную базу данных, не имеющую центра, дающую возможность онлайн передавать информацию, проводить проверку и анализ. Это система, состоящая из системы блоков, образующих своеобразную «матрешку», в которой каждый из последующих блоков выполняет свою определённую задачу фиксации информации посредством электронной цифровой подписи, связанной с предыдущими блоками [1. С. 69–79].

Технология блокчейн построена таким образом, что исключается возможность изменения, утечки данных. Информация вносится один раз и недоступна для после-

дующих изменений. Она считается достоверной и предполагает создание единого информационного пространства. Хранение информации данных о совершаемых операциях происходит на большом количестве независимых компьютеров в виде записей в объединенном регистре, создавая систему устойчивых учетных сведений. Несомненным преимуществом использования технологии блокчейн является высокая защищенность информации. Благодаря криптографической защите изменение или уничтожение информации в объединенном регистре представляется невозможным. Применение технологии блокчейн для ведения бухгалтерского учета значительно упрощает взаимодействие с внешними контрагентами, поскольку позволяет безопасно регистрировать транзакции, обеспечивает беспрецедентную прозрачность и повышает эффективность бизнеса. Так, например, формирование и списание дебиторской и кредиторской задолженности будет происходить в режиме онлайн у обеих сторон сделки, что устранил необходимость в сверке расчетов. Любой факт хозяйственной жизни отражается максимально оперативно, в результате чего отпадает необходимость ожидания обработки первичных документов бухгалтером. Технология блокчейн имеет прочную основу для оценки имущества и обеспечивает уверенность сторон в праве собственности и истории активов.

Использование технологии блокчейн позволит уменьшить расходы на административную работу персонала, сократить количество бумажных носителей, исключить влияние «человеческого фактора» при работе с документацией, повысить уровень доверия к цифровым технологиям [2. С. 6–17].

Изменения учетного процесса затрагивают компетенции профессии бухгалтера, дополняя профессиональные компетенции навыками, связанными с «цифровой грамотностью», а профессиональное суждение, основанное на профессиональном опыте, знаниях, навыках помогает руководству компании в принятии управленческих решений [5. С. 93–100]. Под влиянием цифровой среды и трансформации профессии бухгалтера, компетенции становятся изменчивыми, превращаются в «динамические портфели». В этой ситуации компании ориентируются не на штат сотрудников, а на совокупный «портфель компетенций» специалистов, который формируется под определенные стратегии компании [11. С. 1053–1064].

Таким образом, цифровая экономика, базирующаяся на цифровых технологиях, меняет подходы и способы сбора, анализа и хранения информации в учетном процессе экономических субъектов, порождая спрос на специалистов, владеющих «портфелем цифровых компетенций».

Кардинальные изменения наблюдаются в функционале информационных систем бухгалтерского учета. На смену фиксации фактов хозяйственной жизни организации приходят функции формирования интегрированной отчетности, на основе клиент-ориентированного подхода, обеспечивая кастомизацию интересов заинтересованных пользователей. Увеличение задач, требующих решения расширяет функциональность системы бухгалтерского учета, используя новые инструменты и функции.

Особое внимание при внедрении и использовании цифровых технологий должно быть уделено созданию правового инструментария цифровой экономики, нормативно-законодательному регулированию защиты данных. В настоящее время правовые аспекты в сфере систематизации и кодирования информации, переход на документооборот, основанный на цифровых IT-технологиях, требует детальной

проработки правовых, организационных и технических аспектов. Цифровая экономика в нашей стране находится на этапе становления и динамического развития, а правовая сторона этого процесса появилась с момента принятия распоряжения Правительства РФ от 28.06.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [6]. Значимость нормативной базы по интеграции цифровых информационных технологий определяется стратегией развития информационного общества на 2017–2030 годы. Правовой вакуум в регулировании цифровой сферы сказывается на отношениях в финансовой сфере, связанных с использованием цифровых IT-технологий [7. С. 163–167].

Внедрение IT-технологий требует внесения дополнений и изменений в действующее законодательство, направленных в том числе на создание правового инструментария цифровой экономики и обеспечение информационной безопасности, в части:

- применения понятийного аппарата в цифровой сфере;
- определения правовых режимов новых видов информации;
- разработки требований, условий и порядка сбора, хранения, обработки и доступа совместимой информации в процессе использования IT-технологий;
- проработки системы контроля, мониторинга и надзора за выполнением разработанных требований;
- разработки подходов и принципов налогообложения в цифровой экономике;
- определения ответственности в цифровой экономике.

Совершенствование правового регулирования должно быть направлено не на «точечное» устранение пробелов, противоречий, а на формирование правового режима с детальной проработкой нормативно-законодательных актов. Цифровые технологии являются динамичными, постоянно эволюционирующими, что требует своевременной адаптации законодательной базы к этим изменениям.

Таким образом, развитие системы бухгалтерского учета в цифровой среде связано с внедрением и широким применением IT-технологий и инструментов, нацеленных на устранение существующих недостатков учетной системы. Целью цифровизации системы бухгалтерского учета является получение качественной, полной, достоверной и релевантной информации на любой стадии учетного процесса в режиме реального времени, для принятия управленческих решений путем минимизации человеческого фактора. Совершенствование правового регулирования, направленного на создание правового инструментария цифровой экономики позволит внедряемым цифровым IT-технологиям выйти на более высокий уровень формата управления экономическим субъектом.

Список литературы

1. Баев А. А., Левина В. С., Реут А. В., Свидлер А. А., Харитонов И. А., Григорьев В. В. Блокчейн-технология в бухгалтерском учете и аудите // Учет. Анализ. Аудит = Accounting. Analysis. Auditing. 2020. № 7 (1). С. 69–79.
2. Булыга Р. П., Сафонова И. В. Технология блокчейн как инструмент повышения информационной прозрачности экосистемы бизнеса // Учет. Анализ. Аудит = Accounting. Analysis. Auditing. 2021. № 8 (4). С. 6–17.

3. Карпова Т. П. Направления развития бухгалтерского учета в цифровой экономике // Известия СПбГЭУ. 2018. № 3. С. 52–57.
4. Корзоватых Ж. М. Развитие системы бухгалтерского учета в условиях цифровой экономики // Вестник университета. 2021. № 11. С. 124–129.
5. Морозова Н. Г., Корзоватых Ж. М. Траектории трансформации профессии бухгалтера в условиях цифровизации // E-Management. Т. 5, № 1. С. 93–100.
6. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319701/ (дата обращения: 05.09.2022).
7. Смирнов Д. А., Боташева Л. Э. К вопросу о правовых аспектах развития цифровой экономики // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 3 (47). С. 163–167.
8. Чайковская Л. А. Инструменты цифровой экономики как способы обеспечения достоверности бухгалтерской отчетности // Учет. Анализ. Аудит = Accounting. Analysis. Auditing. 2022. № 9 (3). С. 6–13.
9. Чеботарева З. В., Матковская Я. С., Шаповал Е. В. Проблемы разобщенности компонентов хозяйственного учета в российских организациях в условиях цифровизации экономики // Вестник университета. 2022. № 4. С. 130–136.
10. Digital IQ в России 2020. URL: <https://www.pwc.ru/digitaliq> (дата обращения: 02.08.2022).
11. Korzovatykh Z. M., Morozova N. G., Ang H. T. L. Improving Competitiveness of Personnel in the Digital Economy // Studies in Systems, Decision and Control this link is disabled. 2021. Pp. 1053–1064.

О. И. Ларина,

кандидат экономических наук, доцент,
Государственный университет управления

Н. В. Морыженкова,

кандидат экономических наук, доцент,
Государственный университет управления

ПРОБЛЕМЫ СТАНДАРТИЗАЦИИ КИБЕРРИСКОВ В ТРАДИЦИОННЫХ И ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМАХ

Аннотация. Бурный рост киберпреступности вынуждает участников финансового рынка уделять все большее внимание вопросам информационной безопасности. Активное развитие цифровых технологий приводит к появлению новых видов киберрисков, что приводит к необходимости постоянного использования различных методов их идентификации. В то же время отсутствие накопленных исторических данных о количестве и последствиях реализации киберрисков затрудняет разработку унифицированных подходов к количественной оценке киберрисков. В настоящее время эти подходы развиваются по пути совершенствования и модификации имеющихся показателей оценки других видов риска, что впоследствии должно привести

к созданию специализированного стандарта по управлению киберрисками. Статья выполнена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 20-010-00346 по теме «Исследование влияния современных цифровых технологий на институциональное развитие финансового рынка и системный анализ последствий цифровизации финансового рынка».

Ключевые слова: киберриск, цифровые технологии, стандарты оценки рисков, риск информационной безопасности, кибербезопасность, оценка киберрисков, правовое регулирование

PROBLEMS OF STANDARDIZATION OF CYBER RISKS IN TRADITIONAL AND DECENTRALIZED PAYMENT SYSTEMS

Abstract. The rapid growth of cybercrime is forcing financial market participants to pay more and more attention to information security issues. The active development of digital technologies leads to the emergence of new types of cyber risks, which leads to the need for the constant use of various methods for their identification. At the same time, the lack of accumulated historical data on the number and consequences of the implementation of cyber risks makes it difficult to develop unified approaches to the quantitative assessment of cyber risks. Currently, these approaches are being developed along the path of improving and modifying the existing indicators for assessing other types of risk, which should subsequently lead to the creation of a specialized standard for cyber risk management. The article was carried out within the framework of a grant from the Russian Foundation for Basic Research under project No. 20-010-00346 on the topic «Study of the impact of modern digital technologies on the institutional development of the financial market and a systematic analysis of the consequences of digitalization of the financial market».

Keywords: Cyber risk, Digital technologies, Risk assessment standards, Information security risk, Cyber security, Cyber risk assessment, Legal regulation

Пока в российском правовом регулировании происходит формирование подходов к сфере альтернативных платежей (к которым авторы статьи относят криптовалютные, децентрализованные платежные системы), актуальным вопросом является развитие стандартизации систем риск-менеджмента, включая правовую проработку действующих стандартов, в том числе возможно создание новых специализированных стандартов.

Так, ущерб от преступлений в онлайн-среде для всей мировой экономики в 2020 г. оценивается в размере около 1 трлн долларов США, что явилось ростом более чем на 50 % по сравнению с 2018 г. [6] Что касается сферы платежей, то в 2021 г. количество случаев мошенничества в сфере финтеха увеличилось на 70 %. Эти случаи были выявлены именно в сфере альтернативных платежей. Криптовалютные биржи зафиксировали рост случаев на 140 %, мошенничества с цифровыми кошельками – на 200 % [2]. Для России данная проблема также актуальна.

Обозначенные факты указывают на актуальность анализа киберрисков в банковской и платежной сфере, систематизации накопленного опыта и выявления лучших практик для предотвращения подобных инцидентов. Благодаря применению новых цифровых технологий в бизнес-процессах, способы выполнения рабочих задач становятся все более децентрализованными и диверсифицированными, что

создает новые риски информационной безопасности и ставит новые вопросы, касающиеся безопасности финансовых учреждений. В зависимости от вида цифровых информационных технологий могут возникать специфические виды киберрисков. Например, облачное хранение данных размывает границы между организациями, что усложняет контроль и защиту данных, также они способствуют масштабам и увеличению скорости возникновения новых киберрисков. Благодаря технологии «Интернет вещей» увеличивается трафик и подключается значительное количество устройств, которые оказываются подверженными киберрискам. Искусственный интеллект также может привести к возникновению новых специфических рисков.

Понятие «киберриск» часто трактуется как синоним риска информационной безопасности. Можно дать следующее определение этому явлению: киберриск (или риск нарушения информационной безопасности) – это возможность несанкционированного присвоения и/или хищения и/или изменения и/или удаления данных в целях причинения ущерба банку и/или его клиентам. В нормативных документах Центрального банка РФ риск информационной безопасности трактуется шире и включает в себя киберриск [3].

Таким образом, систематизируя киберриски, авторы выделяют следующие их группы. По цели атаки: киберриски могут быть направлены на физически существующие активы, а также на нематериальные активы, на репутацию компании или даже отдельной личности, на бизнес-процессы и информационные системы.

По продолжительности влияния: киберриски подразделяются на операционные (влияющие на текущие операции), тактические (способные повлиять на операции в текущем месяце) и стратегические (имеющие характер продолжительного влияния).

По направлениям атак (по причинам возникновения рисков) можно выделить следующие виды:

- риски, возникшие вследствие кражи персональных данных и конфиденциальной информации;
- риски, возникшие вследствие перерыва в операционной деятельности;
- риски, возникшие вследствие кибервымогательства;
- риски, возникшие вследствие мошенничества с банковскими картами;
- риски, возникшие вследствие DDos-атак на банки;
- риски, возникшие вследствие взлома банкоматов;
- риски, возникшие вследствие вредоносного программного обеспечения;
- риски, возникшие вследствие фишинга.

По источнику возникновения киберриски можно разделить на внутренние и внешние. Результаты исследований показывают, что внутренние риски гораздо серьезнее по воздействию, так как обнаружить инсайдеров достаточно сложно. Люди могут совершать невинные и спонтанные ошибки, которые по отдельности малозначительны, но через них происходит передача конфиденциальных данных третьему лицу. Этот фактор риска стал особенно важным в условиях пандемии и режима работы на дому, когда процедуры внутреннего контроля пришлось в определенной степени смягчить. Вот почему для организаций важно осуществлять надзор в режиме реального времени и регулярно делать прогнозы и обновлять регулярные

и внеочередные процедуры контроля, чтобы защитить информационную систему, конфиденциальную внутреннюю и внешнюю связь и целостность данных [4].

Таким образом, возможность реализации рисков и вероятность ущерба ставят актуальную задачу управления киберрисками. При этом методы управления киберрисками могут быть достаточно традиционные: передача (например, страхование), избегание (отказ от проекта внедрения определенного сервиса или технологии), принятие (готовность понести ущерб), минимизация (принятие мер). Как специфическая деятельность, кибербезопасность связана с защитой цифровых ресурсов. Она охватывает все, от сетей до оборудования и информации, которая обрабатывается или передается. Кибербезопасность – это процесс, специально разработанный для защиты компьютеров, компьютерных сетей и данных в цифровом формате от несанкционированного доступа третьих лиц или их уничтожения и атак в киберпространстве [5].

Традиционно все методы оценки рисков можно разделить на качественные и количественные. Качественные методы оценки киберрисков предполагают использование некоторых общих концепций, которые можно было бы адаптировать под конкретную организацию. Это позволяет каждой организации использовать свои параметры для привязки значений, что позволяет легко определять и комбинировать дополнительные факторы [1]. Практически все модели качественной оценки киберриска предполагают в той или иной мере определение вероятности наступления риска и масштаба последствий. Например, это может быть определение источников угроз, возможных событий угроз, существующих уязвимостей, вероятностей возникновения, вероятности воздействия, последствий и тяжести воздействия [7].

Особое значение в количественной оценке киберриска в финансовом секторе имеют два показателя: стоимость под киберриском (Cyber VaR, CVaR) и факторный анализ информационных рисков (FAIR). Показатель CVaR был разработан путем модификации показателя стоимость под риском (VaR) для количественной оценки киберриска. CVaR используется для оценки киберриска в финансовом выражении, а также позволяет принимать решения о проведении инвестиций в области кибербезопасности.

Ограниченность применения Cyber VaR связана с его зависимостью от исторических данных, которые не всегда доступны и не обязательно предсказывают будущее, а также трудности, с которыми приходится сталкиваться при попытке количественно оценить все уязвимости, которые злоумышленник может атаковать. Несмотря на эти ограничения, метод Cyber VaR демонстрирует большие перспективы благодаря своей способности использовать структурированный и количественный подход к управлению рисками в области, в которой такого подхода исторически не было [8].

Факторный анализ информационных рисков – это метод Cyber VaR (стандартная модель Value-at-Risk для информации и операционных рисков), выбранный в качестве «международной стандартной модели управления информационными рисками» Open Group, глобальным консорциумом, в который входят более 500 организаций-членов, включая HP, IBM, Oracle и MITRE [9].

Таким образом, развитие стандартизации систем риск-менеджмента должно включать модификацию действующих стандартов с учетом новых рисков цифровой экономики. В настоящее время подходы к оценке киберрисков развиваются по пути модификации риск-метрик, используемых для оценки других видов рисков. По мнению авторов, возможно создание нового специализированного стандарта по управлению киберрисками, позволяющего унифицировать этот процесс, используя наилучшие, уже сформированные практики.

Список литературы

1. Ларина О. И., Морыженкова Н. В. Управление рисками цифровизации финансовых рынков // *Банковское дело*. 2021. № 4. С. 20–25.
2. Мошенничество с банковскими картами и платежами // TAdviser – портал выбора технологий и поставщиков. 22.03.2022. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Мошенничество_с_банковскими_картами_и_платежами](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Мошенничество_с_банковскими_картами_и_платежами) (дата обращения: 30.08.2022).
3. О требованиях к системе управления операционным риском в кредитной организации и банковской группе: Положение Банка России от 08.04.2020 № 716-П. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74179372/#312> (дата обращения: 31.08.2022).
4. Adane K. Development of Advisory Knowledge-Based Expert System to Identify and Mitigate Unintentional Insider Threats in Financial Institutions of Ethiopia // *IUP Journal of Computer Sciences*. 2020. Vol. 14, Iss. 3. Pp. 7–23.
5. Al-Sassam S., Al-Alawi A. I. The Significance of Cybersecurity System in Helping Managing Risk in Banking and Financial Sector // *Journal of Xidian University*. 2019. Vol. 14, Iss. 7. Pp. 1522–1536.
6. Cremer F., Sheehan B., Fortmann M. et al. Cyber risk and cybersecurity: a systematic review of data availability // *The Geneva Papers on Risk and Insurance – Issues and Practice*. 2022. URL: <https://doi.org/10.1057/s41288-022-00266-6> (дата обращения: 31.08.2022).
7. Framework for Improving Critical Infrastructure Cybersecurity // NIST – National Institute of Standards and Technology. Version 1.1, April 16, 2018. URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/cswp/nist.cswp.04162018.pdf> (дата обращения: 30.08.2022).
8. Jones N., Tivnan B. Cyber Risk Metrics Survey, Assessment, and Implementation Plan // The Homeland Security Systems Engineering and Development Institute (HSSEDI)™ Operated by The MITRE Corporation. 2018. URL: https://www.mitre.org/sites/default/files/publications/pr_18-1246-ngci-cyber-risk-metrics-survey-assessment-and-implementation-plan.pdf (дата обращения: 31.08.2022).
9. What is FAIR? // FAIR Institute. URL: <http://www.fairinstitute.org/> (дата обращения: 30.08.2022).

Е. С. Лысенко,

кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургская академия следственного комитета

Е. Ю. Семенов,

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры информационных технологий
в деятельности органов внутренних дел,

Орловский юридический институт Министерства внутренних дел России
имени В. В. Лукьянова

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЕТЕ НОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Цель исследования заключается в определении современного правового статуса криптовалюты, в том числе как объекта гражданского оборота, а также в исследовании проблем правоприменения при регулировании соответствующих правоотношений. Криптовалюты в работе рассматриваются в сравнении с иными средствами платежа, позволяющими осуществлять безналичные расчеты в электронной форме: электронными денежными средствами, цифровыми финансовыми активами. Рассмотрена судебная практика по делам о спорах, возникающих при совершении сделок с криптовалютой. На основе анализа судебной практики сделаны выводы о совершенствовании правового регулирования отношений, в которых объектом является криптовалюта.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровая валюта, электронные денежные средства, цифровая валюта, безналичные денежные средства, оборот криптовалют, объекты гражданских прав

FEATURES OF REGULATION OF CRYPTO CURRENCY TURNOVER IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE LIGHT OF NEW LEGISLATIVE CHANGES

Abstract. The purpose of the study is to determine the current legal status of cryptocurrencies, including as an object of civil turnover, as well as to study the problems of law enforcement in the regulation of relevant legal relations. Cryptocurrencies are considered in the work in comparison with other means of payment that allow non-cash payments in electronic form: electronic money, digital financial assets. The judicial practice on cases of disputes arising during transactions with cryptocurrency is considered. Based on the analysis of judicial practice, conclusions are drawn about the improvement of the legal regulation of relations in which the object is a cryptocurrency.

Keywords: Cryptocurrency, Digital currency, Electronic money, Digital currency, Non-cash funds, Cryptocurrency turnover, Objects of civil rights

Одним из значимых явлений современного цифрового общества являются так называемые электронные деньги. В качестве электронных денег называют электронные денежные средства и цифровую валюту, именуемую так же криптовалютой (в обиходе также именуемую криптой).

Названные термины синонимами не являются. В литературе по этому поводу справедливо указывается то, что существуют электронные деньги, имеющие привязку к официальным государственным валютам и (или) иным реальным активам (например, драгоценным металлам), или без таковой. В качестве примера электронных денежных средств, привязанных к официальным валютам или иным финансовым активам, приводят расчетные единицы, обращающиеся в рамках WebMoney Transfer – системы электронных расчетов, позволяющей осуществлять учет и передачу имущественных прав [6. С. 122]. В качестве аналогичной можно привести отечественную систему расчетов «Яндекс.Деньги», недавно переименованную в «ЮMoney».

Особенность данных систем в том, что расчетные единицы, применяемые в указанных платежных сервисах, приобретаются за реально существующие и официально признаваемые: валюты, драгоценные металлы или иные финансовые активы. По большому счету это системы, которые позволяют совершать операции с реально существующими деньгами, финансовыми активами через специально созданную информационную систему.

С некоторыми оговорками можно сказать, что электронные денежные средства в рассмотренном понимании стали определенным этапом эволюции расчетов с безналичными денежными средствами.

Так, А. В. Сарнакова, Н. С. Жижин справедливо указывают на то, что правовая природа как безналичных, так и электронных денежных средств базируется на том, что в их основе лежат наличные деньги, являющиеся первоисточником их экономической и правовой значимости, что в соответствии со ст. 128 ГК РФ позволяет напрямую отнести последние к числу объектов гражданских прав и вещей [15. С. 27].

Криптовалюты, в отличие от классических денежных средств (в том числе выраженных в электронной форме), являются средствами платежа, как правило, не имеющими под собой связи с наличными денежными средствами или какими-то иными финансовыми активами. Хотя и из этого правила уже есть исключения. К примеру, развитие рынка криптовалют привело к появлению так называемых стейблкоинов – цифровых токенов, стоимость которых привязана к фиксированной экономической единице [14].

Датой рождения криптовалют принято считать 31 октября 2008 г. [4]. В основе функционирования биткоина заложено два элемента: база данных, построенная на основе принципа децентрализации и применения криптографических методов шифрования, именуемая блокчейном (с английского дословно переводится как «цепь блоков»), и процесс выпуска новых денежных средств и проверки достоверности транзакций, совершенных в рамках сети, именуемый майнингом [8, 11].

Собственно название «криптовалюта» образовано сочетанием слов «криптография» и «валюта». Связано это с тем, что для защиты транзакций, совершаемых при помощи криптовалюты, широко используют криптографические методы.

Создание биткоина, его активное распространение и резкое увеличение стоимости подтолкнули энтузиастов к созданию собственных криптовалют, базирующихся на аналогичной технологии (альткоинов).

Помимо названной выше, важнейшей особенностью криптовалют является отсутствие какого-либо органа, наделенного властными полномочиями, который напрямую мог бы воздействовать на операции по обращению криптовалют. Например, у административно-властных институтов внутри государств нет возможности ограничивать эмиссию криптовалют [10. С. 65].

Суды, давая оценку криптовалютам, акцентируют внимание именно на указанных особенностях. Девятый арбитражный апелляционный суд в одном из своих постановлений указал на то, что криптоденьги от денег в их классическом понимании отличаются, прежде всего, способом их возникновения в цифровом пространстве. Чтобы реальные денежные средства возникли в цифровом пространстве, их вначале необходимо внести на счет или электронный кошелек, а вот криптоденьги, напротив, появляются уже в электронном виде [22].

Активное распространение криптовалют подтолкнуло и активное развитие специальных торговых площадок, функционирующих в сети Интернет, – так называемых криптобирж.

На сегодня масштабы распространения рынка криптовалют поражают своими объемами. По данным сайта coinmarketcap.com, по состоянию на 06.09.2022 в мире насчитывается 20 878 криптовалют с общей рыночной капитализацией \$ 998 973 375 644,635, а количество бирж, на которых возможно их обращение, – 527.

Существенные объемы рынка криптовалют потребовали соответствующей реакции со стороны государств. И государства, в том числе Российская Федерация, с момента активного распространения криптовалют пытаются выработать соответствующую государственную политику по регулированию их обращения.

Важно отметить, что легальное признание криптовалюты со стороны государственных финансовых регуляторов фактически не влияет на их использование для взаимных, в том числе трансграничных, расчетов между гражданами.

При этом государственные финансовые институты, осуществляющие контроль за финансово-расчетными операциями во всем мире, не выработали единого подхода к правовому статусу криптовалют. Где-то они признаются легальным средством платежа, где-то не признаются. Где-то их оборот ограничен какими-то условиями.

Осторожное отношение государств к правовому регулированию криптовалют прежде всего основано на их главных особенностях:

- сложности или невозможности осуществления контроля за эмиссией криптовалют;
- возможности осуществления операций обмена с относительной или полной анонимностью;
- широком распространении криптовалют на черном рынке для расчетов по незаконным сделкам, для совершения преступлений;
- сложностях при налоговом учете операций с криптовалютой.

Привлекательность использования криптовалюты для незаконных сделок, совершения преступлений прямо связана с ее сущностью, которая значительно затрудняет или вовсе делает невозможным отслеживание совершаемых с ее использованием операций [3. С. 15; 16. С. 10].

Длительная работа по выработке единого государственного подхода к правовому регулированию рынка криптовалют в Российской Федерации, которая активно велась с 2014 г., привела к принятию Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [30] (далее – ФЗ № 259), который определил основные направления правового регулирования рассматриваемого явления.

Рассматриваемый акт закрепил понятия «цифровые финансовые активы» и «цифровая валюта».

Цифровые финансовые активы – это активы, хотя и обращающиеся на основе технологии распределенного реестра, но все же, в отличие от криптовалют, базирующиеся на реально существующих валютах и иных финансовых инструментах (эмиссионных ценных бумагах, правах участия в капитале непубличного акционерного общества, правах требования передачи эмиссионных ценных бумаг и пр.) (п. 2 ст. 1 ФЗ № 259).

По сути, понятием «цифровые финансовые активы» обозначается запись в информационной системе на основе распределенного реестра, которая удостоверяет наличие у лица определенных гражданских прав, чаще всего обязательственных (денежные требования, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг и т. п.) [12. С. 72].

В цивилистической литературе многие авторы обращают внимание на то, что цифровые финансовые активы не являются новым видом права (наряду с вещным, обязательственными, корпоративными и иными), а лишь определяют новый способ фиксации уже существующих (например, обязательственных или корпоративных) прав, осуществляемый в цифровой форме [17. С. 77; 7. С. 332; 1. С. 113].

Можно считать, что на сегодня определенная система правового регулирования электронных денежных средств и цифровых финансовых активов сложилась. В соответствии с установленным нормативно-правовым регулированием указанные объекты признаются объектом гражданского оборота, имуществом. При этом существует возможность регулировать оборот данного имущества, давать правовую оценку действиям (в том числе и незаконным), осуществляемым с этим имуществом, а также в случае необходимости обращать взыскание на такое имущество в интересах управомоченных лиц.

По отношению к криптовалютам, которые активно используются для расчетов и по законным операциям и не менее активно используются для совершения преступлений, а также становятся объектами преступного посягательства однозначного вывода об их правовой природе сделать нельзя даже сегодня, после вступления в силу ФЗ № 259.

Вместе с тем для решения вопросов о правовом статусе криптовалют в обороте, о правовом статусе лиц, совершающих операции с криптовалютами, и в том числе для решения вопросов квалификации преступных деяний, совершенных с применением или в отношении криптовалют, очень важно определить их правовую, прежде всего гражданско-правовую, природу [12. С. 75].

Отдельные авторы убеждены, что криптовалюту следует относить к иному имуществу, так как для отнесения ее к вещи она не имеет осязательных свойств, а для отнесения ее к имущественному праву владелец не наделяется правом требования к другим лицам [9. С. 25].

Относя криптовалюту к иным видам имущества, авторы в том числе ссылаются на судебную практику. Например, на постановление Девятого арбитражного апелляционного суда, который 4 февраля 2020 г. оставил в силе Решение Арбитражного суда г. Москвы от 29.11.2019 по делу № А40-164942/19-27-1380, где криптовалюта отнесена к иному имуществу в связи со становлением информатизации общества и развитием цифровых технологий, а также с тем, что Гражданский кодекс РФ не предусматривает исчерпывающего перечня объектов гражданских прав [22].

Интересна по данному вопросу позиция М. А. Егоровой, О. В. Кожевиной, утверждающих, что необходимости в закреплении криптовалюты как отдельного объекта гражданских прав нет. На наш взгляд, вполне справедливо утверждение о том, что возможно отнести криптовалюту к иному виду имущества с разработкой соответствующего правового режима этого имущества, а при разработке правил регулирования иных связанных с криптовалютой отношений учитывать особенности криптовалюты как специфичного вида иного имущества [5. С. 85].

Как известно, правовой режим оборота криптовалют в России сегодня в первую очередь определяется ФЗ № 259, давшим конкретное определение криптовалютам. Согласно названному акту, это «цифровая валюта», являющаяся совокупностью электронных данных, которые содержатся в информационной системе, принимаемые в качестве средства платежа, в отношении которой нет лица, обязанного перед всеми обладателями данной цифровой валюты, но есть оператор информационной системы или узлы информационной системы, которые обеспечивают порядок выпуска электронной валюты в соответствии с правилами информационной системы, а также осуществляют функции по внесению записей (изменений в записи) в такую информационную систему. В законодательном определении отдельно подчеркнуто, что цифровая валюта не является официальной денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства, международной или иной расчетной единицей.

Отметим, что из приведенного определения следует, что криптовалюта признается средством платежа. Однако данная норма противоречит ст. 14 ФЗ № 259, запрещающей российским юридическим и физическим лицам принимать в качестве встречного предоставления плату за товары, услуги и прочее в криптовалюте [2. С. 35]. Возможно, данное противоречие будет устранено, когда выработается правовой механизм, регулирующий легальный оборот криптовалют в Российской Федерации. То есть будет выработано законодательство, регулирующее организацию оборота криптовалюты, о котором говорится в п. 4 ст. 14 ФЗ № 259.

Стоит отметить, что ФЗ № 259 признает криптовалюту имуществом, но только в отдельных, конкретно указанных случаях:

– в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распростра-

нения оружия массового уничтожения (ст. 3 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма») [26];

– в правоотношениях, регулируемых Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [28];

– в правоотношениях, регулируемых Федеральным законом от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [24];

– в правоотношениях, регулируемых Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [29];

– в правоотношениях, регулируемых Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [27].

Также цифровая валюта признается иностранным финансовым инструментом, в правоотношениях, регулируемых Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» [25].

Признание криптовалюты имуществом для целей названных выше законов необходимо для придания определенности деяниям, в которых она используется для совершения конкретных преступлений (например, для легализации доходов, полученных преступным путем).

Определение криптовалюты как имущества в делах о банкротстве позволит арбитражным судам включать ее в конкурсную массу должников, чего раньше не делалось ввиду неопределенности правового статуса криптовалют.

Так, например, Галстян обратился в Арбитражный суд Новосибирской области с заявлением о включении требования в размере 1 441 267 руб. 27 коп. в реестр требований кредиторов должника на том основании, что заключил с ним договор, в рамках которого передал должнику в качестве инвестиций криптовалюту Ethereum, которую должник по истечении срока договора не возвратил. Указанное требование удовлетворено не было. Апелляционный суд, оставив решение без изменения, указал, что сделка с криптовалютой Ethereum не порождает денежного обязательства на стороне должника, так как с учетом письма Центрального банка Российской Федерации от 27.01.2014 «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», выпуск на территории Российской Федерации денежных суррогатов запрещается и, соответственно, криптовалюта не является денежным средством [21].

Вместе с тем указания на то, что цифровая валюта признается имуществом для целей гражданско-правового оборота на сегодня в законодательстве нет.

На наш взгляд, государство сознательно не признает криптовалюту объектом гражданского оборота наряду с другими объектами ввиду невозможности осуществления контроля за операциями, которые при помощи криптовалюты осуществляются.

Считаем необходимым обратить внимание на то, что закон прямо определил, что судебная защита в отношении требований, связанных с обладанием цифровой

валютой, предоставляется только в случае, информирования о фактах обладания цифровой валютой и совершения гражданско-правовых сделок и (или) операций с цифровой валютой в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах (п. 6 ст. 14 ФЗ № 259).

Указанная норма уже нашла отражение в новейшей судебной практике. Так, Г. Т. А. обратилась в суд с иском к М. о взыскании неосновательного обогащения. Возражая против иска, М. указывала, что денежные средства получила для последующего вложения в различные криптовалюты, о чем Г. Т. А. была уведомлена. Также до Г. Т. А. доводилась информация о рисковом характере операций с криптовалютой. Суды первой и апелляционной инстанций требование Г. Т. А. удовлетворили, указав, что М. не представила достаточных и допустимых доказательств обоснованности получения спорных денежных средств. Отменяя решения нижестоящих судов и направляя дело на новое рассмотрение, суд кассационной инстанции указал, что требования, связанные с обладанием цифровой валютой, подлежат судебной защите только при условии информирования о фактах обладания цифровой валютой и совершения гражданско-правовых сделок и (или) операций с цифровой валютой в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах (п. 6 ст. 14 ФЗ № 259), поэтому судам нужно исследовать указанные обстоятельства и уже после этого принимать соответствующее решение [18].

Вместе с тем современная судебная практика содержит примеры, когда в спорных правоотношениях, возникающих в связи с приобретением криптовалюты, суды не принимают во внимание положения ФЗ № 259 о криптовалютах, в частности, пренебрегают рассмотренным выше правилом о непредоставлении судебной защиты лицам, не задекларировавшим сделки с криптовалютой. Достаточно много таких примеров именно в делах о неосновательном обогащении.

А. обратилась в суд с требованием о взыскании неосновательного обогащения, указав, что 10.05.2021 по указанию Ж. перевела Ч. денежные средства для покупки криптовалюты биткоин. Однако после осуществления манипуляций криптовалюта истцу так и не поступила. Суд первой инстанции требования к Ч. удовлетворил, посчитав, что у последнего не было правовых оснований для приобретения или сбережения обозначенных денежных средств. Вышестоящие суды решение суда первой инстанции отменили, установив, что спорные денежные средства приобретены Ч. в результате сделок по продаже криптовалюты, осуществленных на интернет-ресурсе www.bitzlato.com [19].

В аналогичном деле О. обратился в суд с иском к С. М. о взыскании неосновательного обогащения, указав, что 24.02.2022 перечислил ответчику денежные средства для приобретения криптовалюты, которую от С. М. так и не получил. Суд первой инстанции в удовлетворении требования отказал, сославшись на то, что в Российской Федерации отсутствует какая-либо правовая база для регулирования платежей, осуществляемых в виртуальной валюте, а истец принял на себя риск несения любой финансовой потери или ущерба. Апелляционный суд решение отменил, взыскал сумму неосновательного обогащения. Суд кассационной инстанции отменил решение суда апелляционной инстанции и направил дело на новое рассмотрение, указав на необходимость дополнительного исследования того, что переговоры о продаже криптова-

люты велись не между О и С. М., а между С. Н. (супругом С. М.) и Д. (лицо, которое, по заявлению истца, ему неизвестно). Отметим, что в этом деле судами также исследовались вопросы обоснованности поступления денежных средств, в том числе по сделкам с криптовалютой, а вопросы допустимости судебной защиты (отказа в судебной защите) с учетом положений ФЗ № 259 не рассматривались [20].

Считаем достаточно показательным тот факт, что в представленных делах споры разрешены вообще без учета положений ФЗ № 295, хотя и возникли после его вступления законную в силу. Данное обстоятельство может свидетельствовать о том, что статус криптовалюты и сделок с ней все еще остается недостаточно определенным, в том числе и при рассмотрении соответствующих споров.

Также следует отметить, что практически во всех делах, связанных с неосновательным обогащением при приобретении криптовалют, есть один отличительный признак. Собственно, спор возникает на том основании, что зачастую определить принадлежность криптокошельков затруднительно, так как они регистрируются без указания персональных данных. При этом, как показывают материалы судебной практики, нередко случаи, когда переговоры о приобретении криптовалюты ведутся одними лицами, а фактические расчеты происходят между другими.

Вместе с тем рассмотренная правоприменительная практика наталкивает на мысли о необходимости дальнейшего совершенствования регулирования отношений с криптовалютой таким образом, чтобы мотивировать лиц, осуществляющих сделки с криптовалютой, проводить их через официально зарегистрированные учетные записи, однозначно позволяющие идентифицировать лиц, которым они принадлежат.

И оговорки о предоставлении судебной защиты лицам, задекларировавшим факт обладания криптовалютой, безусловно, необходима, но ее явно недостаточно. Законодательство, регулирующее отношения в сфере обращения криптовалют, нужно продолжать развивать по пути придания прозрачности таким операциям.

При этом запрещать сделки с криптовалютой лицам, не имеющим официально зарегистрированных учетных записей на биржах или кошельков с привязкой к конкретному физическому лицу, на наш взгляд, не стоит. Как показывает практика, технически это сделать достаточно сложно, а иногда и вовсе невозможно. Однако вопросы предоставления судебной защиты лицам, которые участвовали в сделках с криптовалютой и понесли какие-либо убытки, государство должно разрешать только в отношении тех лиц, кто такие операции осуществляют официально, от собственного имени, на основе регистрации с указанием данных, позволяющих однозначно такое лицо идентифицировать.

Список литературы

1. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 111–119.
2. Вяжев Д. Ю., Тищенко О. В. Криптовалюта как объект гражданско-правового регулирования // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2022. № 2 (48). С. 35–38.

3. Гринько С. Д. Проблемы квалификации коррупционных преступлений при использовании цифровой валюты в качестве взятки // Юрист. 2022. № 6. С. 13–16.
4. Давыдов-Громадин Д. Юбилейная. Bitcoin отпраздновал 10-й день рождения // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5bdb09649a794763d369acc4>].
5. Егорова М. А., Кожевина О. В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 81–91.
6. Камышанова А. Е., Брилева А. Д. Правовое регулирование криптовалюты в России: проблемы и перспективы // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4 (208). С. 121–123.
7. Конобеевская И. М. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Известия Саратовского университета. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 3. С. 332.
8. Малахов А. О биткоине очень просто // Официальный сайт Лаборатории Касперского. URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/bitcoin-easy-explanation/12668/>
9. Мамаева А. А., Миннуллина К. А., Татарина Е. П. Правопреемство цифровой валюты: защита интересов наследников // Наследственное право. 2021. № 4. С. 24–26.
10. Мартыянова Г. В., Сокрут Е. Р. Правовое регулирование криптовалюты и NFT в российской федерации // Аграрное и земельное право. 2022. № 6 (210). С. 65–66.
11. Молотилин Т. Как устроены криптовалюты // Яндекс Дзен. URL: <https://zen.yandex.ru/media/nplus1/kak-ustroeny-kriptovaliuty-5c88e32fb48e4700af8e4492>
12. Ображиев К. В. Преступные посягательства на цифровые финансовые активы и цифровую валюту: проблемы квалификации и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2022. № 2. С. 71–87.
13. Перов В. А. Проблемные вопросы, возникающие при расследовании уголовных дел о преступлениях с использованием криптовалюты // Российский следователь. 2020. № 7. С. 24.
14. Рябцевич П. Другая криптовалюта. Главные преимущества и недостатки стейблкоинов // Официальный сайт издательства «РБК». URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/604c759d9a79477279647edbРБК> (дата обращения: 18.09.2022).
15. Сарнакова А. В., Жижин Н. С. Вопросы соотношения безналичных денежных средств, электронных денежных средств и цифрового рубля // Юрист. 2022. № 5. С. 26–33.
16. Самолысов П. В. Правовое регулирование майнинга криптовалют // Право и цифровая экономика. 2020. № 3. С. 10.
17. Ситдикова Р. И., Ситдигов Р. Б. Цифровые права как новый вид имущественных прав // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 9. С. 77.
18. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19.04.2022 по делу № 88–8224/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
19. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.08.2022 № 88–19240/2022 по делу № 2–2204/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
20. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12.07.2022 по делу № 88–14461/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

21. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 16.07.2020 № 07АП-1897/2020(1) по делу № А45-28956/2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAP007&n=157606#wq3ssHT6уsx84Cf7> (дата обращения: 16.09.2022).

22. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 04.02.2020 № 09АП-76537/2019 по делу № А40-164942/2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=n2GssHTYDurxySAg1&cacheid=5B0359443062E58B25AF109EA8E9C01D&mode=splus&rnd=FT31gw&base=MARB&n=1815093#baKssHTiKo1Fkojq> (дата обращения: 16.09.2022).

23. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 04.02.2020 по делу № А40-164942/2019 в г. Москва // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=JwKssHT8kXbrOAWb2&cacheid=08F26FA941D23D58C50A26736E853A50&mode=splus&rnd=FT31gw&base=MARB&n=1815093#m5YssHTEPZACt1Jp> (дата обращения: 16.09.2022).

24. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=Fc1tsHTOHqEaMfp11&cacheid=2846C68FCC105EFA8E77EF0355453042&mode=splus&rnd=FT31gw&base=LAW&n=422117&dst=100000001#3sZusHTLPIgeKqK1> (дата обращения: 16.09.2022).

25. Федеральный закон от 07.05.2013 № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=Fc1tsHTOHqEaMfp11&cacheid=627F6532834AE00AFD115F826803D10B&mode=splus&rnd=FT31gw&base=LAW&n=385032#OonusHTgNoIQueuz> (дата обращения: 16.09.2022).

26. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=Fc1tsHTOHqEaMfp11&cacheid=76E99549E02F4F8C70D836914E7C08DD&mode=splus&rnd=FT31gw&base=LAW&n=389829&dst=100000001#gUDvsHTwvqlvLRBD2> (дата обращения: 16.09.2022).

27. Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=Fc1tsHTOHqEaMfp11&cacheid=45A8BF79E504380A16298E547A2FFD5B&mode=splus&rnd=FT31gw&base=LAW&n=413528&dst=100000001#HqPvsHTEQ4LAFxLb> (дата обращения: 16.09.2022).

28. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=Fc1tsHTOHqEaMfp11&cacheid=246F02FBCAC5EF969A89802D565CA2D1&mode=splus&rnd=FT31gw&base=LAW&n=420507&dst=100000001#aShvsHTm2QTn1k4q> (дата обращения: 16.09.2022).

29. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=Fc1tsHTONqEaMfp11&cacheid=032A6141D4A18005638B342408F94FA8&mode=splus&rnd=FT31gw&base=LAW&n=413544&dst=1000000001#OfxvsHTaIb4JHDjp> (дата обращения: 16.09.2022).

30. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=gTYssHTgdsB5YCbN1&cacheid=E96D60816E83CCBA4F14067DCD0337F5&mode=splus&rnd=FT31gw&base=LAW&n=422194&dst=1000000001#MG1tsHT2Q8M7xChX> (дата обращения: 16.09.2022).

G. N. Makhmudova,

Doctor of Economics, DSc,

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek

N. F. Gulomova,

Doctor of Economics, PhD,

Tashkent University of Information Technologies

named after Muhammad al-Khwarizmi

D. M. Mirzaev,

National Bank for Foreign Economic Affairs of the Republic of Uzbekistan

LEGAL ASPECTS OF CRYPTOCURRENCY AND BLOCKCHAIN TECHNOLOGIES: UZBEKISTAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Abstract. This article discusses the possibilities of blockchain technologies and cryptocurrencies. The authors analyzed the legislation of foreign countries in the field of blockchain and cryptocurrency, which led to the conclusion about the effectiveness of the legal regulation of relations related to the use of digital technologies, as well as the possibility of borrowing the rules of law and experience for the legal system of Uzbekistan.

Keywords: Cryptocurrency, Financial institutions, Blockchain, Technologies, mining, Legal regulation, Legal status

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ И БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИЙ: ОПЫТ УЗБЕКИСТАНА И ИНЫХ СТРАН

Аннотация. В данной статье рассмотрены возможности блокчейн-технологий и криптовалют. Авторами проанализировано законодательство зарубежных стран в сфере блокчейна и криптовалюты, которые позволили сделать вывод об эффективности правового регулирования отношений, связанных с использованием цифровых технологий, а также о возможности заимствования норм права и опыта для правовой системы Узбекистана.

Ключевые слова: криптовалюта, финансовые институты, блокчейн, технологии, майнинг, правовое регулирование, правовой статус

Economic mechanisms for the development of innovative activities of the digital economy in the regions include financial institutions and their capabilities. In this regard, financial institutions are always at the forefront of innovation and the use of new technologies. The presence of regulated financial institutions is very important in supporting electronic payment, electronic money, electronic banking, electronic trading, electronic mortgage, i. e. financial transactions, which are the foundations of the digital economy. The Development Bank of Singapore (DBS) estimates that financial institutions that have not implemented a digital model could see an 18 % drop in ROE (return on equity) over a 5-year period. For this reason, there is a need for financial institutions to quickly enter the secure FinTech industry based on Internet consumer financing, mobile payments and Internet insurance [1].

FinTech (financial technology) is a new financial technology designed to improve and automate the delivery and use of financial services. Fintech also includes the development and use of cryptocurrencies such as bitcoin. The UK is at the forefront of supporting and implementing FinTech, that is, financial technologies. An average of £ 20 billion is transferred annually through this system. A high concentration of financial institutions is located in London, making it one of the best platforms for FinTech startups. Singapore is the second largest FinTech hub in the world after the UK. The country has allocated 225 million dollars to financial technology projects and holds a FinTech festival every year, which is why it has become the “FinTech Center of Asia”.

Blockchain is becoming the most important technologies the financial institutions. According to research and consulting company Gartner [2], the development of blockchain goes through the following three stages:

- In the first stage – in 2018–2021, enterprises will use various methods of blockchain-based technologies in their activities in order to reduce costs;
- after the first phase of several high-level successes, in 2022–2026, confidence in these technologies will emerge, leading to its rapid growth and adoption. The value added to the business will be 176 billion dollars by 2025;
- in the third stage – in 2027–2030, blockchain technologies will become more popular in society, and it is predicted that the world market will reach 3 trillion dollars by reducing costs and increasing revenues. For example, records of money statements can be stored on the blockchain. Cryptocurrencies are used to record information about who transferred virtual money from the blockchain, to whom and how much. Blockchain provides many opportunities to detect and repel hacking attacks on major websites on centralized servers.

Crypto asset management is also an important part of the digital economy. Most of the scientific literature is devoted to the main principles of financial legislation, regulation of the market of digital payment instruments, principles of taxation and setting norms in the field of digital finance. The digital economy’s problems related to taxation are as follows: immateriality, lack of accurate description of income; new business models and the scope of e-commerce and the difference in jurisdiction between the seller and the

buyer. Since all transactions and other relationships are done electronically in the digital economy, taxation of their business income becomes important. An example of this is the activity of IT giants that dominate the world economy, such as “Google”, “Amazon”, “Facebook” and “Apple” (known as GAFA). The Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) estimated that these large companies avoid paying taxes between 100 billion and 240 billion dollars annually. This corresponds to 4 to 10 % of global corporate taxes. This is because these businesses mainly generate revenue from advertising and the sale of user data.

In addition, one of the biggest problems of the digital economy is the problem of regulating and taxing cryptocurrency. In a number of developing countries, cryptocurrency has been given the status, some treat it as a commodity, currency, property (Table 1) [3].

Table 1. Legal status and taxation of cryptocurrency in different countries

Country	Legal status of cryptocurrency	Taxation of cryptocurrency transactions
Australia	Property	Profit tax / Income tax
Austria	Intangible asset	Income tax
Great Britain	Payment method	Corporate tax/Income tax
Germany	Currency	Capital growth tax; Wealth tax; VAT
Israel	Goods	Income tax; Tax on capital growth
Malta	Stock	Personal income tax; Income tax
Singapore	Service	Corporate tax; goods and services tax
USA	Property	Property tax; tax on annual gross income; profit tax; capital gains tax; payroll tax
Japan	Payment method	Tax on profits
Russia	Property	Personal income tax; Tax on profits

Today, we are witnessing that the digital economy is not fully compatible with the tax system. Most types of electronic business or cryptocurrencies are not taxed in many countries, which means that it is impossible to tax according to the current legal documents. It can be seen that, although currently cryptocurrency does not have an official status at the international level, it is actively used in mutual settlements. Many countries are developing legal frameworks for the independent taxation of e-commerce. Appropriate international regulations are required to effectively regulate it [4, 5].

Cryptocurrency transactions, including “mining”, should be legally defined as part of tax objects. In Japan, in 2017, the Foreign Exchange Regulation Act came into force, according to which cryptocurrencies, including bitcoins, received the status of a means of payment, while the yen remained the official currency. At the legislative level, it is necessary to ensure the possibility of using cryptocurrency as a means of payment,

mainly in foreign trade and the use of a mechanism for measuring money for accounting. An important element of the legal regulation of any financial market is the institution of licensing. In Germany, persons providing services in the cryptocurrency market (platforms, etc.) and carrying out transactions with cryptocurrencies on a permanent and commercial basis (carrying out speculative activities) must obtain an appropriate license from BaFin. In this case, it is appropriate to reflect the norms on the regulation of cryptocurrencies in the national legislation or other regulatory legal documents [6].

Blockchain and cryptocurrencies were legalized in Uzbekistan in 2018. However, Uzbekistan has legally prescribed a ban on paying with cryptocurrencies. The only means of payment in the country is the sum. It is possible to sell cryptocurrencies in the country only through specialized crypto exchanges. The Presidential Resolution of July 3, 2018 “On measures to develop the digital economy and the sphere of crypto assets turnover in the Republic of Uzbekistan” defines the types of activities in the field of crypto assets turnover, namely: mining and the activities of service providers in the field of crypto assets turnover [7]. The Resolution outlined the most important tasks such as implementation and development of activities in the field of crypto-assets’ turnover, including mining (activities to maintain the distribution platform and create new blocks with the ability to receive remuneration in the form of new units and commission fees in various cryptocurrencies), smart contracts (an agreement in electronic form, the exercise of rights and responsibilities for which is carried out by automatic execution of digital transactions), consulting, emission, exchange, storage, distribution, management, insurance, crowdfunding (collective financing), as well as blockchain technologies for diversifying various forms of investment and entrepreneurial activity.

Later, President Sh. Mirziyoyev signed a decree dated April 27, 2022 No. UP-121 that amended a number of acts of the head of state in order to “develop digital technologies” and “create favorable conditions for business entities [7]. The Decree approved the Regulations on a special regulatory regime in the sphere of crypto assets turnover (“unique crypto regulatory regime”). Participants of the special regime after registration can carry out pilot projects without obtaining licenses and permits for a period of not more than three years. Only legal entities can engage in mining using electricity produced by a solar photovoltaic station. In this case, they have the right to enjoy tax, customs and other benefits and preferences in the field of renewable energy use. All electronic systems for such exchange trading must be located on servers within the country. Individuals are allowed to sell cryptocurrency. Moreover, residents of the Republic of Uzbekistan have the right to conclude transactions exclusively for the sale of crypto-assets and tokens on crypto-exchanges.

Thus, at present, the cryptocurrency in the Republic of Uzbekistan at the initial stage of adoption. The process of legal regulation of cryptocurrencies should follow the path of a clear legislative definition of the concept of cryptocurrencies, regulatory regulation of the “exchange” of cryptocurrencies for the national currency of the Uzbekistan and foreign currency, control over the activities of “miners” and providers of services for the exchange of virtual currencies, regulation of settlement operations, determination of features taxation. It is appropriate to describe the rights and obligations, privileges and incentive mechanisms in the digital economy. It is

important to adopt regulatory norms for the environment of the digital economy, digital commerce, e-sports, cryptocurrency and other areas. Cryptocurrency should become the object of not only domestic control, but also international. The experience of legislative regulation in Japan and Germany can become a subject of borrowing for the legal systems of other countries.

References

1. URL: <https://www.ig.com/uk/news-and-trade-ideas/shares-news/uk-fintech-companies-continue-to-lead-the-way-180921>
2. URL: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2019-09-12-gartner-2019-hype-cycle-for-blockchain-business-shows>
3. Gulomova N. Improving the development system of digital economy in the regions of Uzbekistan: dissertation № B2020.2.PhD/Iqt608, 2021.
4. Hadzhieva E. Impact of Digitalisation on International Tax Matters, 2019.
5. Actual problems of the tax system in the digital economy: Round table, Economics. Taxes. Law, 2018.
6. Kamalyan V. Legal regulation of cryptocurrencies and blockchain technologies in Germany and Italy // Actual Problems of Russian Law. 2020. Vol. 15, № 7. Pp. 197–206.
7. URL: <https://regulation.gov.uz/ru/d/44561>

А. П. Перетолчин,

кандидат юридических наук, преподаватель,
Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел России

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Цель исследования заключается в формировании научно-методического инструментария оценки развития цифровых финансовых активов как относительно нового инструмента современной экономики. Представляется, что проблемы, связанные с системным анализом развития и правового регулирования цифровых финансовых активов, в настоящее время недостаточно проработаны. В связи с чем целесообразно изучить существующие подходы к правовому регулированию цифровых финансовых активов в Российской Федерации, выявить существующие пробелы отечественного законодательства в сфере обращения цифровых финансовых активов, оценить перспективы развития правового регулирования указанных инструментов и сформировать предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: право, цифровые финансовые активы, токен, криптовалюта, акция, цифровые права, блокчейн

LEGAL REGULATION OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The purpose of the research is to form scientific and methodological tools for assessing the development of digital financial assets as a relatively new tool of the modern economy. It seems that the problems associated with the systematic analysis of the development and legal regulation of digital financial assets are currently insufficiently worked out. In this connection, it seems appropriate to research the existing approaches to the legal regulation of digital financial assets in the Russian Federation, identify existing gaps in domestic legislation in the field of circulation of digital financial assets, assess the prospects for the development of steam regulation of these instruments and form proposals for its improvement.

Keywords: Law, Digital financial assets, Token, Crypto currency, Item of securities, Digital rights, Blockchain

Введение. За последние годы цифровые финансовые активы (далее – ЦФА) становятся все более востребованы в системе коммерческих и иных взаимоотношений в киберпространстве и даже за его пределами. Высокий интерес к ЦФА, а также связанным с ними процессам обусловлен глобальной цифровизацией. Происходящие в настоящее время трансформации в сфере экономики и информационных технологий позволяют упростить различные виды деятельности человека, в том числе и в области финансовых отношений. К тому же одним из ключевых факторов, стимулирующих процесс виртуализации отдельных экономических процессов, стала глобальная пандемия. Рост популярности цифровых ценностей, в частности криптовалют, вызвал потребность в их правовом регулировании.

Следует отметить, что развитие таких интернет-инициатив благоприятно сказывается на экономике отдельно взятого государства, увеличивает его инвестиционную привлекательность, раскрывает экономический и интеллектуальный потенциал. Но наличие установленных случаев нарушений прав и интересов участников экономических отношений в сфере обращения ЦФА, а также ущемление интересов государства и общества позволяет сделать вывод о необходимости создания продуманной и актуальной нормативной базы.

Следует акцентировать внимание на новеллу в процессе правового регулирования современных криптографических инструментов, которой является Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о цифровых финансовых активах), вступивший в законную силу с 1 января 2021 г. [2].

Однако сама структура и содержание вышеуказанного закона предусматривает выстраивание целой системы законодательных и подзаконных актов, направленных на регулирование современных блокчейн-технологий и созданных на их базе инструментов, в том числе и таких, как криптовалюты, цифровые финансовые активы. Однако до настоящего времени такая структура выстроена не была, что в конечном итоге создает существенные сложности в правовом регулировании

рассматриваемых технологий, приводит к ограниченности и узкопрофильности принятого закона, а в отдельных случаях и к нулевой эффективности и невозможности применения некоторых его норм. В связи с чем представляется целесообразным проведение анализа и формирование предложений по преодолению существующих проблем и пробелов в правовом регулировании общественных отношений, связанных с цифровыми валютами и ЦФА. В рамках данной статьи прежде всего будут рассмотрены вопросы правовой регламентации цифровых финансовых активов.

Цель исследования: формирование научно-методического инструментария оценки развития цифровых финансовых активов – относительно нового инструмента современной экономики. Проблемы, связанные с системным анализом развития и правовым регулированием цифровых финансовых активов, в настоящее время недостаточно проработаны.

Задачи исследования:

- изучить существующие подходы к правовому регулированию цифровых финансовых активов в Российской Федерации;
- выявить существующие пробелы отечественного законодательства в области обращения ЦФА;
- оценить перспективы развития правового регулирования цифровых финансовых активов в Российской Федерации.

Объектом исследования являются существующие проблемы правового регулирования цифровых финансовых активов.

Предметом статьи являются административные и гражданско-правовые нормы, регулирующие порядок обращения цифровых финансовых активов, а также практика применения соответствующих правовых норм и позиции ученых относительно эффективности существующей в Российской Федерации системы правового регулирования ЦФА.

Методологической основой являются: метод теоретического анализа, исследование, анализ, синтез и обобщение научной и учебной литературы.

Предложенные в работе выводы и заключения базируются на требованиях формальной логики, условной определенности, непротиворечивости, последовательности суждений и умозаключений.

Теоретическая и практическая значимость данного исследования состоит в выводах, которые могут быть использованы как в научно-исследовательской деятельности по данному направлению, так и в законотворчестве при разработке и совершенствовании административного, уголовного и гражданско-правового законодательства.

Пробелы в законодательстве Российской Федерации о цифровых финансовых активах. В последние годы рынок криптовалют набирает обороты. Его капитализация на 2021 г. впервые в истории превысила \$ 1 трлн, а такие монеты, как Bitcoin и Ethereum обновили максимумы своей стоимости. Поступательно, вслед за ключевыми продуктами технологии блокчейна, росли в цене и созданные на их базе цифровые активы. В итоге у отдельных категорий граждан, активно работающих с современными криптографическими финансовыми инструментами, появились

проблемы легализации полученных доходов, а также возникли вопросы возможности реализации своей деятельности и полученной прибыли в правовом поле [1].

Несмотря на то, что в России с 1 января 2021 г. в силу вступил федеральный закон, регулирующий ЦФА, некоторые вопросы все же остались нераскрытыми.

Настоящий нормативный правовой акт регулирует отношения, связанные с использованием новых цифровых инструментов, которые могут оказать существенное влияние на российский финансовый рынок. Законодатель РФ воздержался от полного запрета криптовалюты и цифровых токенов, поскольку такое табу могло бы привести к существенному развитию отдельных сегментов теневой экономики. Однако в рамках данного закона был предусмотрен целый ряд ограничений обращения цифровых финансовых активов.

Отечественный законодатель определил ЦФА как «цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы» [2]. Таким образом, к категории цифровых финансовых активов законодатель отнес права обладания и осуществления операций, реализованные в информационной системе, которая отвечает закрепленным в законодательстве требованиям. Что уже вызвало массу вопросов, так как в значительной степени противоречит складывающейся мировой практике и фактическим обстоятельствам.

Кроме того, не оправдались ожидания того, что Закон о цифровых финансовых активах урегулирует процесс первичного размещения цифровых финансовых активов (ICO), но и процедуру выпуска и обращения виртуальной валюты, включая криптовалюты, а также майнинг. А особенности инвестирования с использованием цифровых инструментов, основанных на системе блокчейн, по-прежнему вызывают серьезные споры в российском юридическом сообществе [9].

На этапе рассмотрения и принятия законодательного акта Центральный Банк РФ, Министерство экономического развития РФ, Росфинмониторинг РФ и Генеральная прокуратура РФ выразили радикально противоположные позиции относительно того, как регулировать ЦФА, что во многом замедлило принятие закона и привело к трем радиальным изменениям текста законопроекта [6. С. 79].

Трудности с принятием Закона о цифровых финансовых активах показали, что российский законодатель не смог быстро определить, что такое криптовалюта и ЦФА и как их регулировать. В то же время в заключительной редакции проекта законодатель все же указал, что указанные криптографические инструменты существуют, однако не объяснил в полной мере как они регулируются. В связи с чем порядок их оборота в значительной степени остался вне правового регулирования.

Между тем тот факт, что криптовалюта признана объектом гражданских прав, показывает, что в ближайшем будущем все же следует ожидать принятия нормативного правового акта, который будет регулировать порядок ее использования.

Что касается цифровых финансовых активов, называемых в криптографической среде токенами, большинство положений рассматриваемого закона, посвящено именно им, а также процедуре их выпуска. В связи с этим представляется актуальной необходимостью изучения того, какие риски и выгоды они несут для российских инвесторов и других участников финансового рынка, а также соответствуют ли они тенденциям развития цифровой экономики.

Так, до принятия закона российские ученые выражали различные опасения, связанные с токенами. В частности, указывалось, что существующие правовые режимы объектов гражданских прав могут быть заменены правовым режимом токена [8. С. 865], подчеркивалось, что возникает проблема определения характера прав на токены и средств правовой защиты их владельцев [5. С. 43]. Кроме того, были выражены определенные опасения по поводу сложностей налогообложения [10. С. 1413–1421].

Таким образом, принятие Закона о цифровых финансовых активах обуславливает необходимость рассмотрения основных положений законодательства, касающихся цифровых финансовых активов, его влияния на финансовый рынок и инвесторов, а также сферы финансовых технологий.

Принятая в итоге версия законопроекта во многом аналогична его второй редакции, однако, в отличие от нее, содержит меньше запретов и ограничений, которые распространяются на оборот цифровых токенов. Российские научные изыскатели называют этот вариант, в отличие от двух предыдущих, компромиссным [3. С. 54]. Действительно, из его текста были исключены многие положения, препятствующие легализации ЦФА.

Несмотря на то, что в целом принятый подход к регулированию ЦФА и их выпуска был достаточно полно отражен в принятом нормативно-правовом акте, в нем все еще имеются существенные недостатки, в частности вызванные вопросами к определению правового статуса рассматриваемых инструментов.

Согласно ст. 1 рассматриваемого закона, цифровые финансовые активы – это не что иное, как определенный объект, существующий в цифровой форме и удостоверяющий корпоративные права их владельца. Данный тезис прямо следует из ч. 4 ст. 1 Закона, согласно которой вопросы выпуска цифровых токенов, если они удостоверяют права на ценные бумаги, subsidiarily регулируются Федеральным законом от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» с учетом особенностей, предусмотренных настоящим Законом о цифровых финансовых активах.

Из вышесказанного становится очевидным, что в Законе о цифровых финансовых активах понятие цифровых финансовых активов исходит из принятого в криптографическом сообществе понятия токена, однако существенно сужает его. Кроме того, в законе не предусмотрено разделение цифровых финансовых активов на типы в зависимости от их назначения. Это не учитывает реальную ситуацию, в рамках которой существуют инвестиционные и служебные токены, гибридные цифровые финансовые активы (стейблкоины), и иные виды токенов.

В то время как инвестиционные токены подтверждают право на участие в управлении компанией, служебные токены не обладают этими качествами и подтверждают право на какую-либо вещь (услугу) или скидку. Оба типа токенов принципиально

отличаются друг от друга, а это значит, что они требуют разных подходов к регулированию их выпуска и обращения.

Гибридные цифровые финансовые активы представляют из себя цифровые права, включающие одновременно и ЦФА, и иные цифровые права. Иными словами, гибридные ЦФА имеют признаки как цифровых финансовых активов, так и утилитарного цифрового права.

В связи с этим принятие единой процедуры выпуска и учета всех цифровых активов в едином механизме ставит под сомнение возможность легального обращения отдельных типов токенов в России. Этот шаг российского законодателя нельзя оценить положительно.

Таким образом, Закон о цифровых финансовых активах не содержит четкого, соответствующего современным реалиям понятия токенов, не дает их характерных особенностей. В нем перечислены только те права, которые могут быть ими подтверждены. Представляется, что такое положение дел является серьезным изъяном в законодательстве и не будет способствовать внесению ясности в сферу правового регулирования цифровых технологий. В связи с этим российскому законодателю следует внести поправки в закон или выпустить официальное разъяснение, которое позволит отличать различные типы цифровых финансовых прав друг от друга.

Исходя из положения п. 5 ст. 1 Закона о цифровых финансовых активах, к первичному размещению токенов (ICO) применяется российское законодательство. Это правило применяется даже в том случае, если цифровые токены выпущены с участием иностранных юридических лиц. Такое правовое закрепление подтверждает верховенство российского законодательства, что нельзя назвать чрезмерным ограничением. Это соответствует международным тенденциям, касающимся ICO.

Так, например, в Сингапуре, который по праву признан исследователями одним из лидеров в области цифровизации, на основании п. 339 Закона о ценных бумагах и фьючерсах в случае приобретения гражданином Сингапура цифровых токенов законодательство Сингапура применяется экстерриториально к иностранному оператору платформы, на базе которой осуществляется размещение таких цифровых токенов [7. С. 1–9]. Следовательно, лица, проводящие ICO и находящиеся за пределами Сингапура, должны иметь соответствующую лицензию, выданную компетентным органом этого государства. Такой подход обеспечивает правовую основу для судебного преследования операторов платформ независимо от их местонахождения и места, где было совершено преступление. Таким образом, экстерриториальное применение российского законодательства к лицам, осуществляющим ICO в России, можно оценить положительно, однако компетентным органам следует дать официальные разъяснения, чтобы иностранные организации, привлекающие средства российских инвесторов, понимали последствия деятельности в России.

Кроме того, следует решить, как будет регулироваться ICO, если российское законодательство вступит в противоречие с иностранным законодательством. Эти вопросы чрезвычайно важны и должны быть решены в процессе разработки регулятивного законодательства во исполнение Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Ст. 2, 3 и 15 Закона о цифровых финансовых активах устанавливают правила ИСО. Таким образом, проводить ИСО может только непубличное акционерное общество. В то же время только лицензированная организация может регистрировать выпуск токенов и хранить записи о совершенных с ними операциях. Это требование направлено на защиту прав инвесторов, а также на поддержание стабильности фондового рынка.

ИСО может быть проведено только на основании решения, соответствующего требованиям ст. 3 Закона о цифровых финансовых активах. Так, в частности, решение о выпуске цифровых финансовых активов должно содержать информацию об эмитенте цифровых токенов; информацию о типе прав, удостоверенных токенами, количестве токенов, их цене, а также способе их оплаты; информация об операторе информационной системы, в которой выпускаются цифровые финансовые активы, и т. д.

Несмотря на то, что перечень информации, которая должна быть отражена в решении по данному вопросу, достаточно широк, Центральный банк России вправе устанавливать дополнительные требования к решению о выпуске цифровых финансовых активов. Это демонстрирует его ключевую роль в выпуске подзаконных актов в области цифровых финансовых активов.

Учитывая тот факт, что размещение токенов происходит в цифровой среде, законодатель предусмотрел требование о том, что решение о выпуске ЦФА должно быть подписано усиленной квалифицированной электронной подписью и размещено на веб-сайте эмитента и оператора информационной системы. Это положение закона позволяет гарантировать, что решение о выпуске токенов действительно исходит от человека, который вправе это сделать.

Анализ положений Закона о цифровых финансовых активах и их сравнение с правилами выпуска акций позволяет сказать, что российское законодательство максимально приблизило правила ИСО к тому, как осуществляется выпуск акций. Из закона ясно, что в Российской Федерации к ЦФА принят подход, аналогичный подходу к регулированию ценных бумаг [4. С. 879–880]. Такой подход не является российским изобретением. Так, в Сингапуре, согласно Закону о ценных бумагах и фьючерсах, токен рассматривается как цифровое выражение ценной бумаги. Опыт применения законодательства о ценных бумагах к токенам имеется и в других странах.

Принятие в России Закона о цифровых финансовых активах является одним из важнейших событий для страны. С его помощью значительный сегмент цифровой экономики будет выведен из тени. Несмотря на проявленное в 2018 г. стремление сохранить баланс между тотальным контролем и «анархией» в правоотношениях, связанных с цифровыми активами, законодатель все же пошел по пути ужесточения контроля. Это было сделано для защиты прав инвесторов, но в то же время для защиты интересов государства в финансовом секторе. Государство, четко установив контроль за оборотом цифровых финансовых активов, с одной стороны, снизит свои риски, а с другой – сможет обеспечить судебную защиту обманутым инвесторам. Между тем обоснованность методов, выбранных Россией для регулирования деятельности операторов ИСО, по-прежнему вызывает сомнения. Принятые правила

дают больше преимуществ крупным инвестиционным банкам и IT-компаниям. Это может негативно сказаться на развитии начинающих проектов.

Перспективы развития правового регулирования цифровых финансовых активов в Российской Федерации. После принятия Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ, со стороны Федеральной налоговой службы (далее – ФНС России) поступило предложение о внесении в Налоговый кодекс Российской Федерации соответствующих поправок. В процессе рассмотрения законопроект неоднократно критиковался со стороны специалистов в области финансов, но в итоге поправки в соответствующее законодательство уже в первом чтении были одобрены Государственной Думой Российской Федерации в феврале 2021 г.

Одним из предложений ФНС России стало введение налога на криптовалюту, так как она была официально приравнена к имущественным активам. Также ФНС России считает необходимым обязать всех граждан, владеющих ЦФА и иными криптоактивами, уведомлять о совершении сделок, превышающих сумму в шестьсот тысяч рублей. За просрочку в предоставлении соответствующей информации предлагается ввести штраф – 10 % от суммы совершенных сделок, а за уклонение от оплаты налогов на криптовалюты – 40 %. Уведомлять же ФНС России предлагалось в срок до 30 апреля соответствующего года.

В свою очередь Министерство финансов Российской Федерации приступило к разработке поправок в Уголовный кодекс РФ: неоднократное уклонение от уплаты налогов по результатам вышеуказанной деятельности предлагалось наказывать штрафом, принудительными работами, а в особых случаях и лишением свободы в ситуации, когда сумма произведенных за три года операций будет соответствовать крупному или особо крупному размеру. Однако в настоящее время многие из рассматриваемых вопросов и предложений не были реализованы в полной мере.

Стоит отметить, что Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ, хотя и заложил основы регулирования цифровой финансовой отрасли, но не является совершенным. Это обусловлено тем, что на сегодняшний момент отсутствует ответ на вопрос о том, что делать физическим или юридическим лицам, чтобы инвестиции в криптовалюты и ЦФА, либо операции с криптовалютами и ЦФА не несли существенных рисков, связанных с нарушением законодательства.

Положительным моментом является то, что в рассматриваемом законе прописано понятие «цифровая валюта», относимое к монетам, эмитированным в рамках блокчейн-технологий, которые определены как совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных. Следовательно, закон не относит криптовалюты, такие как Bitcoin или Ethereum, к цифровым финансовым активам. Таким образом, на данный момент для приобретения криптовалюты гражданам не нужно соблюдать какие-либо условия, поскольку в законе на текущий момент они не оговорены. Но отдельным категориям граждан, например чиновникам, сотрудникам силовых структур, не разрешено приобретать и продавать криптовалюту, что следует из информационного письма Минтруда России от 16 декабря 2020 г. № 18-2/10/В-12085.

Положение обменных систем и криптобирж выглядит несколько иначе, в Законе о цифровых финансовых активах существует понятие «оператор обмена цифровых финансовых активов». Оно соотносится с существующим подходом к определению обменных систем и цифровых бирж, однако в законе не установлено к какой юрисдикции могут относиться эти обменные системы, могут ли они находиться в международном правовом поле и признаются ли зарубежные лицензии или необходимо строгое соблюдение российской юрисдикции.

Стоит отметить, что будущее российского финансового рынка зависит в том числе от ответов на вопросы, которые ставят финансовые технологии, поскольку цифровизация, повышая доступность, удобство пользования финансовыми услугами и снижая их цену, порой создает новые проблемы и усложняет ранее существовавшие.

На данный момент на пути активизации цифровой трансформации финансового сектора стоит выделить ряд барьеров. На сегодняшний день российский финансовый рынок отражает высокую концентрацию операций, осуществляемых относительно небольшим количеством финансовых посредников. На рынке финансовых услуг присутствует разрыв между крупными банковскими учреждениями и малыми, средними кредитными организациями. Крупные банки укомплектованы высококвалифицированными кадрами и развитыми ИТ-службами, также они активно инвестируют в цифровые технологии, что позволяет им извлекать большую выгоду и быть более конкурентоспособными.

Не менее важным барьером является и то, что в сферу регулирования Банка России входят различные финансовые институты, однако цифровые финансовые экосистемы зачастую остаются за рамками существующего правового регулирования. В связи с чем у ЦБ РФ нет должной возможности проверять все аспекты деятельности соответствующих экосистем. Соответственно, существуют определенные риски потери некоторыми экосистемами устойчивости, что в перспективе может иметь негативные последствия для большого числа людей и для экономики страны в целом.

Для эффективного функционирования финансового сектора в дальнейшем необходимо уточнение соответствующих нормативных актов. Стоит при этом продолжать работу над снижением рисков утечки данных, неправомерного использования информации о гражданах. Актуальным является вопрос о безопасном хранении биометрических данных, минимизации киберрисков, связанных с обработкой персональных данных.

Заключение. Таким образом, законодательная новелла в области ЦФА вводит существенные ограничения, но в то же время открывает определенные возможности для развития бизнеса в операциях с цифровыми финансовыми активами. Анализ показал, что терминология, используемая в Законе о цифровых финансовых активах, не всегда соответствует концепциям и стандартам, установленным в международной юридической и деловой практике, а также современным реалиям.

Переход от традиционной системы оказания финансовых услуг к цифровой предоставляет массу возможностей как крупным финансовым игрокам, так и перспективным стартапам для работы с финансовыми организациями и активами. Однако оборотной стороной медали является то, что на глобальный финансовый рынок выходят крупные технологические компании, которые получают все больше

инструментов для расширения своего влияния на глобальном рынке. Все это порождает целый ряд рисков и барьеров, среди которых на первый план выдвигаются риски монополизации секторов. В то же время цифровая трансформация становится частью объективной реальности и снижение ее темпов в ближайшее время, вероятнее всего, наблюдаться не будет, в том числе и на территории Российской Федерации.

Более того, существующие геополитические реалии создают серьезные основания для роста внимания отечественного законодателя к рассматриваемым технологиям, позволяют рассматривать их в качестве средства стратегического маневрирования, снижения санкционного давления на экономику и разблокировки отдельных финансовых процессов, реализации бесперебойной оплаты товаров и услуг, поставляемых заграничными партнерами, и выполнения принятых долговых обязательств.

Это находит отражение в принимаемых в настоящее время решениях. Так, премьер-министр РФ Михаил Мишустин 13 сентября 2022 г. дал Министерству финансов РФ, Центральному банку РФ и другим ведомствам отдельные поручения по итогам состоявшейся 30 августа стратегической сессии, посвященной финансовому развитию страны. В их числе большой блок указаний относительно развития цифровых валют и цифровых финансовых активов. До 1 декабря 2022 г. Минфину при участии Центробанка необходимо представить согласованные предложения по развитию в стране рынка цифровых финансовых активов, включая использование децентрализованных технологий. На основании изложенного можно сделать вывод о том, что вопросы правового регулирования цифровых финансовых активов в ближайшее время подвергнутся существенной переработке и расширению. Однако представляется, что данные изменения, чтобы они были действительно эффективными и отражали современные тенденции, должны быть реализованы во взаимодействии с соответствующими специалистами и представителями научного сообщества, занимающимися анализом проблематики юридического статуса технологии блокчейн и созданных на ее базе цифровых инструментов.

Список литературы

1. «Закон о ЦФА разочаровал». Юристы о проблемах регулирования криптовалют // rbc.ru. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/600eba6f9a79470a85424efa/> (дата обращения: 05.01.2022).
2. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.
3. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Цифровые финансовые активы: проблемы и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6. С. 43–54.
4. Alekseenko A. P. Russian approach to ICO regulation // Revista Gênero e Direito. 2020. Vol. 9, № 4. Pp. 874–881.
5. Belykh V. S., Bolobonova M. O. Legal Regulation of Digital Financial Assets in Russia: Controversial Issues of Theory and Practice // Russian Law: theory and practice. 2019. Vol. 2. Pp. 38–47.

6. Emtseva S. S., Morozov N. V. Comparative Analysis of Legal Regulation of ICO in Selected Countries // KnE Social Sciences. 2018. Vol. 3 (2). Pp. 77–84.

7. Gorian E. Singapore's cybersecurity act 2018: A new generation standard for critical information infrastructure protection // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2020. Vol. 138. Pp. 1–9.

8. Savelyev A. Some risks of tokenization and blockchainization of private law // Computer Law & Security Review. 2018. Vol. 34 (4). Pp. 863–869.

9. Sarnakov I. Digital financial assets: segments and prospects of legal regulation in the BRICs countries // BRICS Law Journal. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/digital-financial-assets-segments-and-prospects-of-legal-regulation-in-the-brics-countries> (дата обращения: 04.02.2022).

10. Troyanskaya M., Tyurina Y., Ermakova E. Taxation of Digital Financial Assets: International Practices And Comparative Legal Analysis // Talent Development & Excellence. 2020. Vol. 12 (2). Pp. 1413–1421.

С. Ю. Перцева,

кандидат экономических наук, доцент,
Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НЕЛЕГАЛЬНЫМ ФИНАНСОВЫМ ОПЕРАЦИЯМ

Аннотация: В статье рассматриваются основные цифровые технологии, внедряемые для противодействия нелегальным финансовым операциям. Изучается влияние цифровизации экономики на систему противодействия незаконным операциям в финансовой сфере. Автор уделяет особое внимание применению технологий RegTech и SupTech. Эти технологические решения позволяют своевременно обнаруживать, выявлять и снижать риски реализации незаконных финансовых сделок. Представлены конкретные примеры цифровых решений для борьбы с нелегальными финансовыми операциями.

Ключевые слова: нелегальные финансовые операции, цифровизация, цифровые решения, криптовалюта, технологии RegTech, SupTech, регулирование

DIGITAL TECHNOLOGIES IN COUNTERING ILLEGAL FINANCIAL TRANSACTIONS

Abstracts: The research deals with leading digital solutions, which countering illegal financial transactions. The author studies the impact of digitalization of the economy on the system of countering illegal transactions in the financial sector. The author pays special attention to the use of RegTech and SupTech technologies. These technological solutions make it possible to detect and reduce the risks of illegal financial transactions on time. Specific examples of digital solutions for combating illegal financial transactions are presented.

Keywords: Illegal financial transactions, Digitalization, Digital solutions, Cryptocurrency, RegTech and SupTech technologies, Regulation

Острейшей проблемой национальной и мировой экономики являются нелегальные финансовые операции. По данным ФАТФ, размеры таких операций достигают 5 % мирового ВВП [7].

Согласно экспертному мнению, к нелегальным финансовым операциям принято относить следующие формы (табл. 1).

Таблица 1

Основные формы нелегальных финансовых операций

Форма	Описание
Незаконный вывоз капитала	Осуществляемое в нарушении законодательных норм перемещение в денежной или товарной форме капитала за границу в целях получения прибыли и реализации других интересов
Манипулирование на финансовом рынке	Совокупность действий, искажающих цены, спрос, предложение и объем торгов активами на финансовом рынке в целях получения прибыли и реализации других интересов
Мошенничество в финансовой сфере	Совершение противоправных действий путем обмана, злоупотребления доверием в финансовой сфере в целях незаконного обогащения
Неправомерное использование инсайдерской информации	Применение непубличной информации, которая может оказать влияние на стоимость активов и ситуацию на финансовом рынке в целях незаконного обогащения
Прочие финансовые операции сомнительного характера	Финансовые операции, отличающиеся нерегулярностью, обладающие признаками, указывающими на необычный характер, целью которых является легализация доходов, полученных преступным путем или финансирование терроризма

Источник: составлено автором на основе научной литературы.

В условиях цифровой трансформации общественной жизни и финансовых отношений меняются как инструменты, участники, способы осуществления нелегальных финансовых операций, так и методы их выявления, противодействия и борьбы с ними [1].

Цифровые решения, внедряемые в финансовую сферу, значительно меняют ее, а, именно:

1. Трансформируются традиционные бизнес-модели и бизнес-процессы. Применяются новые технологические решения, разрабатываются инновационные алгоритмы и процедуры выявления преступной деятельности.

2. Меняется потребительское поведение. Индивиды создают новые схемы и инструменты осуществления финансовых транзакций. В частности: появляются криптовалюты как ответ на мировой финансовый кризис 2008–2009 гг.; возника-

ют настроения недоверия к официальным эмитентам валют и регуляторам; наблюдается стремление ряда участников финансовых отношений к минимизации контроля за операциями со стороны государственных структур, что обуславливает анонимный характер сделок.

3. Формируется современный инновационный институциональный дизайн. Возникают новые участники финансовых отношений: агрегаторы, криптобиржи и т. п.

4. В ответ на введение и ужесточение геополитических санкций разрабатываются инновационные продукты и цифровые решения, позволяющие минимизировать негативные санкционные последствия. В частности, в России разрабатывается, активно тестируется, а с 2023 г. будет внедрен проект цифровой рубль. Он со временем должен стать полноценным средством платежа. Кроме того, рассматривается возможность осуществления платежей за экспорт и импорт России в цифровых активах. Интересен опыт Ирана, который летом 2022 г. легализовал использование криптовалюты для трансграничных платежей. Так, бизнесмены Исламской Республики могут импортировать автомобили, используя для оплаты криптовалюту вместо долларов США или евро.

Цифровая трансформация современного общества носит объективный характер, обуславливая новый этап развития финансовых отношений.

Следует отметить, что инновационные технологии провоцируют возникновение новых видов рисков финансовой сферы:

- киберрисков и киберинцидентов;
- рисков появления новых (прорывных и подрывных) технологических решений;
- рисков альтернативного финансирования, например, краудфандинга, сделок ICO (первичное размещение токенов), DeFi (система децентрализованных финансов) т. п.;
- рисков, присущих функционированию рынка криптовалют и т. д.

Поэтому основное внимание национальных и международных структур уделяется вопросам регулирования процессов внедрения и массового применения цифровых технологий для осуществления финансовых операций.

Так, Банк России, являясь высокотехнологичным регулятором, внимательно отслеживает рынок теневых финансовых услуг.

На передовой финансового контроля (анализа легальности финансовых операций) находятся коммерческие банки, неукоснительно соблюдающие нормы национального законодательства и принципы FATF.

Активно внедряя цифровые технологии в свою деятельность, кредитные организации используют определенные инструменты (индикаторы) для выявления преступных финансовых операций:

1. Для выполнения требований KYC (Know your customer – принцип «знай своего клиента») банки интегрируют API (Application programming interface – интерфейс программирования приложений) разных сервисов, содержащих сведения о клиентах как из официальных, так и из неофициальных источников (например, «СПАРК» или похожих систем). Данные нужны банкам для скоринга клиентов и мониторинга рисков событий. Во всех банках KYC-процесс организован примерно одинаково.

2. Для соблюдения AML (Anti-Money Laundering – система противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем) каждый банк выстраивает систему онлайн- и офлайн-контроля банковских операций с помощью собственных или сторонних сервисов. Банки, обладающие IT-лабораториями, соединяют данные о клиенте с данными о его транзакциях. В результате возникает новый объект контроля (например, соотношение назначения платежа с видом деятельности сторон в сделке, датой их регистрации, объемом бизнеса, регионом регистрации и информацией на сайте). Такой подход позволяет автоматически отследить необычные ситуации.

Для повышения эффективности противодействия легализации преступных доходов и выявления нелегальных финансовых операций применяются следующие цифровые технологии (табл. 2).

Таблица 2

Инновационные цифровые технологии [2]

Инновационный инструмент	Краткая характеристика
Облачные системы	Новационная масштабируемая эластичная технология, представляющая собой вид вычислений для предоставления услуг через Интернет
Роботизация	Технология, позволяющая организациям конфигурировать программное обеспечение (программных роботов) на исполнение механических операций на уровне пользовательского интерфейса) использует программное обеспечение для выполнения повторяющихся задач и автоматизации процессов
Визуализация	Метод инновационного использования изображений и интерактивных технологий для изучения больших наборов данных с высокой плотностью. Визуализация дополняет интеллектуальные ресурсы предприятий и деловых площадок, предоставляя удобные в использовании интерактивные материалы с богатой графикой
Расширенная аналитика	Способ совершенствования финансовой деятельности на основе прогнозного моделирования
Когнитивные вычисления	Технология, включающая в себя: машинное обучение; распознавание речи; обработку аутентичного текста; машинное зрение; искусственный интеллект
Вычисления в оперативной памяти	Технология, предусматривающая хранение данных на портативном запоминающем устройстве для получения быстрого отклика. Данные сжимаются, требования к хранилищу снижаются. Результатом является высокая скорость совершения операции и доступ к большому количеству данных
Технология блокчейн	Технология, представляющая собой цифровой регистр, где транзакции проверяются и надежно хранятся в сети распределенных и подключенных узлов, без управляющего центрального органа

Одной из новаций современной цифровой эпохи является появление криптовалют. На текущий момент криптоиндустрия насчитывает более 20 000 виртуальных монет [5].

Единого мнения по поводу легализации и использования криптовалют в качестве законного платежного средства у национальных регуляторов нет. В России с 01.01.2021 вступил в силу Федеральный закон от 31 июля 2020 г. №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах», согласно которому криптовалюта не признается законным средством платежа, а является имущественным активом.

В отчете глобальной информационной системы SWIFT зафиксировано, что криптовалюты могут являться инструментом отмывания денег. На это указываются три причины [6]:

- 1) фиксируется значительный рост числа криптовалют с высокой анонимностью;
- 2) движение таких валют часто скрывается с помощью специальных сервисов-миксеров;
- 3) в даркнете существуют маркетплейсы, где можно приобрести дорогостоящие активы с помощью криптовалют, в том числе предметы роскоши и недвижимость.

Поскольку национальные регуляторы и мировое сообщество видит в криптовалютах и их обороте угрозы, FATF разработало индикаторы выявления незаконной криптовалютной деятельности. К ним относятся:

- 1) использование технологических решений, повышающих анонимность;
- 2) отсутствие или слабое регулирование криптовалют в регионе, где реализована транзакция (не отвечает стандартам AML/KYC);
- 3) необычный и нерегулярный характер сделок;
- 4) неясными являются природа денег и назначение платежа;
- 5) связь с преступной деятельностью.

Полагаем, что важным аспектом, способствующим повышению эффективности противодействия нелегальным транзакциям может стать технологизация регулирования финансовых операций [3].

Речь идет о разработке и внедрении мероприятий по реализации технологий RegTech (Regulatory Technology) и SupTech (Supervisory Technology).

Технология RegTech позволит упростить выполнение финансовыми организациями требований регулятора и может быть направлена на оценку системы внутреннего контроля, процессов идентификации клиентов, защиты информации, управления рисками, мониторинга транзакций и отчетности. Внедрение технологии RegTech обусловит оптимизацию процессов соблюдения регуляторных требований, приведет к ускорению и удешевлению операций, в том числе связанных с проверкой клиентов и транзакций, обеспечит противодействие киберрискам.

Внедрение технологии SupTech позволит регулятору повысить эффективность регулирования и надзора за деятельностью участников финансового рынка. Это также должно помочь автоматизировать и упростить административные процедуры, перевести процессы сбора информации и принятия решений в цифровой формат, увеличить достоверность и качество данных, повысить эффективность принятия решений регулятором.

Следует обратить внимание на то, что цифровые технологии, позволяющие оперативно выявлять, идентифицировать и максимально быстро противодействовать реализации нелегальным финансовым операциям в России.

Так, компания «Диасофт» разработала для коммерческих банков цифровой сервис по настройке роботизированных цепочек бизнес-процессов, который может полностью автоматизировать построение отчетных форм в программных продуктах. Предложенные платформы имеют встроенные механизмы учета объектов главной книги (счета, документы, клиенты, проводки) и типовой набор форм обязательной отчетности для сдачи регулятору. Функционал роботизации бизнес-процессов по расчету нормативов и подготовке отчетности уже эксплуатируется в ряде финансовых организаций.

Компания R-Style Softlab разработала для банков цифровое решение для проверки паспортов. Модуль позволяет автоматически проверять паспорта клиентов – физических лиц по базе МВД, а по недействительным паспортам получать информацию о причинах недействительности. Технология работает следующим образом: на первом этапе модуль получает из систем банка запросы на проверку, затем отправляет эти запросы и получает ответ из МВД, а далее пересылает полученный ответ в системы банка.

Таким образом, цифровая трансформация общественной жизни и экономики оказывает существенное влияние на реализацию финансовых операций. Данное влияние носит противоречивый характер. С одной стороны, инновационные технологии способствуют росту нелегальных финансовых операций, разработке новых способов их реализации. С другой стороны, цифровые решения позволяют внедрять новые методы и инструменты противодействия таким операциям посредством применения новых регуляторных технологий (RegTech и SupTech). Основываясь на таких инновационных инструментах, как искусственный интеллект, облачные вычисления, расширенная аналитика и т. п., регуляторные технологии позволяют не только соблюдать нормы национального законодательства и принципы FATF, но и прогнозировать финансовые преступления, выявлять связи между субъектами сделок, а значит, предотвращать нелегальную финансовую деятельность. Это способствует повышению эффективности противодействия нелегальным операциям в современной цифровой экономике.

Список литературы

1. Реалии и перспективы цифровой трансформации экономики / В. Д. Миловидов, В. А. Онучак, С. Ю. Перцева, Е. В. Пилевина, К. А. Патрунина, Д. Д. Крыканов, Я. А. Салтыкова, А. А. Уланов, Г. И. Чекин М., 2020.
2. Основные направления развития технологий Suptech и RegTech на период 2021–2023 годов. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/120709/SupTech_RegTech_2021-2023.pdf (дата обращения: 02.09.2022).
3. Официальный сайт компании Coinmarketcap. URL: <https://coinmarketcap.com/ru/all/views/all/> (дата обращения: 02.09.2022).

4. Официальный сайт сообщества ZDNET. URL: <https://www.zdnet.com/article/money-from-bank-hacks-rarely-gets-laundered-through-cryptocurrencies/> (дата обращения: 02.09.2022).

5. Официальный сайт ФАТФ. URL: <http://www.fatf-gafi.org/> (дата обращения: 02.09.2022).

6. Перцева С. Ю. Противодействие нелегальным финансовым операциям в цифровой экономике // Уголовно-правое воздействие на бизнес: монография / под общ. и науч. редакцией Э. Л. Сидоренко, А. Г. Волеводза и др. М.: Проспект, 2021.

7. Перцева С. Ю. Финтех-индустрия и информационная безопасность. / Мировое и национальное хозяйство. 2018. № 4. URL: <https://mirec.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/fintech-industry-and-information-society.pdf> (дата обращения: 02.09.2022).

Л. Н. Салимов,

доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры финансов и кредита,

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова

КРИПТОВАЛЮТЫ И ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ ФИНАНСЫ: ПОТЕНЦИАЛ МЕХАНИЗМОВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ИНВЕСТОРОВ

Аннотация. Исследование имеет целью идентифицировать достаточность правовой защиты тех участников рынка криптовалют и децентрализованных финансовых сервисов, которые признаны инвесторами в рамках действующего законодательства России. Существенная особенность статьи заключается в анализе генезиса инвестиционного права в контексте развития методологических положений инвестологии, а также в выявлении правовых коллизий и направлений совершенствования инвестиционного законодательства России.

Ключевые слова: инвестиционное право, цифровые технологии, криптовалюты, децентрализованные финансы, краудинвестирование, инвестиционные платформы, инвестиционный риск

CRYPTOCURRENCIES AND DECENTRALIZED FINANCE: POTENTIAL OF LEGAL PROTECTION MECHANISMS FOR INVESTORS

Abstract. The study aims to identify the sufficiency of legal protection of those participants in the cryptocurrency market and decentralized financial services that are recognized by investors within the framework of the current legislation of Russia. The essential feature of the article is the analysis of the genesis of investment law in the context of the development of the methodological provisions of investology, as well as the identification of legal conflicts and areas of improvement of the investment legislation of Russia.

Keywords: Investment law, Digital technologies, Cryptocurrencies, Decentralized finance, Crowdfunding, Investment platforms, Investment risk

Рынок криптовалют и развитие децентрализованных финансовых сервисов объективно требует исследования возможности обеспечения правовой защиты тех участников вышеуказанных явлений развития современной экономики, которые считают себя инвесторами.

Китай стал первой крупной экономикой, которая ввела полный запрет на криптовалюту. В научной статье «Конец войны или начало сражения? Регулирование криптовалют в Китае» профессор Chao Xi, анализируя возможные последствия тотального запрета операций с криптовалютами, отметил, что китайские суды могут признать инвестиции в криптоактивы недействительными на том основании, что такие инвестиции представляют собой нарушения общественного порядка [2].

Аналогичные исследования были проведены индийским ученым Aweek Chakravarty в научной статье «Проблемы с оценкой исков о возмещении ущерба, связанных с криптоактивами, в инвестиционном арбитраже». Автор вышеуказанного научного исследования проанализировал прикладные аспекты проблем, связанных с оценкой различных типов криптоактивов в качестве инвестиций в рамках инвестиционного арбитража на основе договоров, и указал на то обстоятельство, что существующий режим инвестиционного договора столкнется со значительными проблемами при использовании криптоактивов в качестве инвестиций из-за нескольких особенностей, которые отличают их от традиционных классов активов [1].

Через судейские разбирательства по обвинению в мошенничестве и различного рода участии обвиняемых в организации финансовых пирамид приобрела новые черты в контексте развития такого явления, как децентрализация финансового рынка.

Как правило, главными аргументами адвокатов вышеуказанных обвиняемых являются следующие обстоятельства. Во-первых, пострадавшие имели возможность ознакомиться с документами, регулирующими взаимоотношения между организацией, которая по мнению обвинителя имеет признаки финансовой пирамиды, и лицами, которые впоследствии стали считать себя пострадавшими в результате реализации вышеуказанных гражданско-правовых отношений. Во-вторых, в вышеуказанных документах отсутствует любое упоминание о гарантированности возврата денежных средств, переданных пострадавшими в пользу обвиняемого.

Представляет интерес потенциал правового регулирования использования термина «инвестиции» и производных терминов как в вышеуказанных документах, так и в устном общении, предшествующем моменту вовлечения граждан в деятельность организации с признаками финансовой пирамиды. Размещение сбережений в банках, негосударственных пенсионных фондах и иных традиционных институтах финансового рынка минимизирует возможности манипулирования терминами, создающими ложное впечатление у граждан относительно инвестиционного характера использования их денежных средств.

И в России, и за рубежом термин «инвестиции» используется чрезмерно широко, и отсутствует четкая грань между инвестициями и «не-инвестициями», чем, несомненно, пользуются не только мошенники, но и добросовестные участники финансового рынка ввиду искреннего непонимания границ экономики инвестиционных отношений.

Инвестиционное право и до появления криптовалют и децентрализованных финансов на российском рынке не было достаточным для надежной правовой защиты инвесторов и противодействия мошенникам, в том числе финансовым пирамидам. Считаем, что это было обусловлено дефицитом методологических исследований в области инвестологии. В общественном сознании инвестиции – это либо любое вложение денежных средств, либо вложение денежных средств с целью извлечения прибыли или достижения чистого денежного потока. Справочно: чистый денежный поток – это разность между притоком денежных средств и их оттоком. Именно такие представления о сущности инвестиций стали фактором активизации мошенничества на финансовом рынке. Отметим, что законодатель в России определил инвестиции иначе. В частности, согласно Федеральному закону от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений», инвестиции – денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта [6].

Однако само название вышеуказанного закона свидетельствует о широте спектра видов и форм инвестиций. Действительно, вышеуказанный закон регулирует только ту часть инвестиций, которые осуществляются в форме капитальных вложений. Ряд ученых считают некорректным отождествлять термины «инвестиции» и «капитальные вложения». В частности, С. Д. Яхваров и А. И. Абдуллин в научной статье «Инвестиции и капиталовложения: уместно ли отождествление в юридическом контексте?» на основании сравнительного анализа нормативно-правовых актов сформулировали различия в содержании вышеуказанных понятий [7]. В ранее опубликованных научных работах автор настоящей статьи сформулировал принципиальные отличия между понятиями «инвестиции», «капитальные вложения», «текущие вложения», «инвестиционный риск» и другими смежными понятиями, раскрывающими сущность инвестиционной деятельности [3. С. 282].

Ситуация усугубляется отсутствием правового разграничения понятий «инвестиционный риск» и «случайность», что расширяет возможности организации финансовых пирамид и мошенничества на финансовом рынке, не опасаясь судебного преследования и наказания. Позитивными факторами противодействия мошенникам стали государственные и общественные инициативы по повышению финансовой грамотности населения. Однако формирование рынка криптовалют и децентрализованных финансов усугубила состояние правовой защищенности инвесторов в силу следующих причин. Во-первых, природа криптовалют в контексте применения криптографии для обеспечения анонимности каждого владельца токена сужает возможности государственного правового регулирования прав и законных интересов вышеуказанных участников и, как следствие, повышает инвестиционную привлекательность криптовалют и связанных с ними децентрализованных финансовых сервисов для тех участников, которые предъявляют спрос на конфиденциальность. Во-вторых, большинство потенциальных и действующих покупателей криптовалют не имеют в достаточной мере четкого представления о том, чем они

владеют (!). Де-факто покупатели криптовалюты действуют в русле психологии лотерей, тотализаторов, пари и иных алеаторных сделок. Как правило, фундаментальный и технический анализ не применяется для принятия решения о продаже криптовалюты; решение принимается интуитивно.

Конструктивным считаем признание криптовалюты в качестве инвестиционного инструмента: согласно Федеральному закону «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ цифровая валюта предлагается и (или) может быть принята в качестве инвестиций [5].

Однако в случае использования россиянами криптовалюты в качестве инвестиций на P2P-платформах вне юрисдикции РФ есть риск блокировки, в том числе в рамках санкционной политики недружественных стран. Как следствие, наше видение решения вышеуказанной проблемы заключается в следующем. Во-первых, развитие национальных краудинвестиционных платформ в контексте включения криптовалют в качестве инвестиционных инструментов. Центральный Банк РФ в процессе формирования нормативной базы инфраструктуры финансового рынка ввел ряд терминов для обеспечения правового регулирования децентрализованных финансовых сервисов, в том числе термин «оператор инвестиционных платформ». Согласно ст. 5 Федерального закона «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.08.2019 № 259-ФЗ, для инвестирования с использованием инвестиционной платформы разрешено приобретать цифровые финансовые активы, но об использовании цифровых финансовых активов в качестве инструмента инвестирования в вышеуказанном законе не упоминается [4].

Во-вторых, в контексте расширения ШОС, БРИКС, ЕАЭС и других интеграционных объединений с участием России целесообразно обеспечить правовую защиту криптоинвестиций россиян с использованием инвестиционных платформ в юрисдикции дружественных стран и оказать содействие формированию наднациональных инвестиционных платформ. В-третьих, открытым остается вопрос о правовом регулировании противодействия информационной дискриминации россиян, в том числе посредством применения виртуальной частной сети (VPN) и иных технических средств.

В настоящей статье были определены направления обеспечения правовой защиты тех участников рынка криптовалют и децентрализованных финансовых сервисов, которые признаны инвесторами в рамках действующего законодательства.

Список литературы

1. Chakravarty A. Challenges to the Assessment of Damages Claims Involving Crypto-Assets in Investment Arbitration // *Global Jurist*. 2020. Vol. 20. № 2.
2. Xi C. The End of the War or the Commencement of Battle? Cryptocurrency Regulation in China // *Cryptocurrency Regulation in China*. April 19, 2022. Chao Xi, The End of the War or the Commencement of Battle.
3. Салимов Л. Н. Инвестиции: дискуссионные аспекты исследования сущности // *Проблемы современной экономики*. 2008. № 3 (27). С. 282–285. EDN: KZGXWD

4. Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.08.2019 № 259-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330652/ (дата обращения: 18.09.2022).

5. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 18.09.2022).

6. Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22142/ (дата обращения: 18.09.2022).

7. Яхваров С. Д., Абдуллин А. И. Инвестиции и капиталовложения: уместно ли отождествление в юридическом контексте? // ВЭПС. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsii-i-kapitalovlozheniya-umestno-li-otozhdestvlenie-v-yuridicheskom-kontekste> (дата обращения: 18.09.2022).

Ю. М. Саранчук,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых
и уголовно-правовых дисциплин,

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

Н. Н. Косаренко,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых
и уголовно-правовых дисциплин,

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТ НА ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕАЭС: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Современное состояние правового регулирования в сфере оборота криптовалют в государствах-членах ЕАЭС характеризуется различными национальными подходами, одновременно дискуссионным остается вопрос о создании единой криптовалюты ЕАЭС. В статье проводится сравнительно-правовой анализ правовых моделей регулирования оборота криптовалют в государствах-членах ЕАЭС, рассмотрены концептуальные решения ряда государств-членов ЕАЭС по формированию правовых механизмов регулирования в сфере оборота криптовалют.

Ключевые слова: криптовалюта, виртуальная валюта, цифровая валюта, токен, цифровой актив, майнинг, концепция, правовая модель

LEGAL MODELS OF CRYPTOCURRENCY REGULATION IN THE EAEU ECONOMIC SPACE: CURRENT STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Abstract. The current state of legal regulation in the sphere of cryptocurrency turnover in the EAEU member states is characterized by various national approaches, at the same time, the issue of creating a unified cryptocurrency of the EAEU remains debatable. The article provides a comparative legal analysis of the legal models of regulating the turnover of cryptocurrencies in the EAEU member states, examines the conceptual decisions of a number of EAEU member states on the formation of legal regulatory mechanisms in the sphere of cryptocurrency turnover.

Keywords: Cryptocurrency, Virtual currency, Digital currency, Token, Digital asset, Mining, Concept, Legal model

Стремительно развивающийся процесс цифровизации ставит перед юридической наукой вопросы о правовой природе новых цифровых объектов. Нужно отметить, что замена материальной формы объекта на цифровую форму не является совершенно новым явлением. Примером тому могут служить безналичные деньги и безналичные расчеты, бездокументарные ценные бумаги. Однако, все указанные объекты на момент их возникновения в правовом поле имели и сохраняли материальные (вещественные) аналоги, а потому правовое регулирование отношений с них использованием выстраивалось на основе соответствующих дополнений существовавшего правового режима, отражающих особенности обновленной формы.

Характеризуя криптовалюту как объект правовых отношений, можно выделить следующие ее признаки:

- отсутствует физическая форма представления;
- генерируется в результате вычислительного процесса (майнинга);
- для функционирования используются криптографические алгоритмы;
- анонимность использования;
- трансграничность передачи;
- является средством платежа;
- является финансовым активом;
- наличие механизма взаимной передачи с децентрализованной эмиссией и системой учета.

Первичные эффекты интеграции на экономическом пространстве ЕАЭС в значительной мере себя исчерпали и цифровая трансформация – перспективный механизм выведения ее на новый уровень [5. С. 19]. Постановка задачи использования цифровых технологий, в том числе криптовалют обусловлена, в первую очередь, реализацией положений Договора о Евразийском экономическом союзе [1] и иных нормативных правовых актов ЕАЭС и является существенным условием роста национальных экономик государств – членов, и как следствие, происходит формирование национального законодательства в государствах-членах ЕАЭС в рассматриваемой сфере, и это формирование осуществляется в рамках

различных правовых моделей. При этом важным фактором становится проблема различного рода рисков в отношении стабильности и устойчивости традиционно сложившейся денежно-кредитной системы.

На сегодняшний день в мировой практике до конца не выработаны единые подходы как к пониманию криптовалют как в содержательном, так и регулятивном аспекте, тем не менее можно сформировать обобщенную правовую модель государственного регулирования оборота криптовалют и выделить ряд ее ключевых элементов, наличие которых является определяющим, это:

- разработка понятийного аппарата;
- наличие общего или специального законодательного регулирования;
- определение правового статуса субъектов отношений;
- формирование системы государственных регуляторов и контрольно-надзорных органов;
- внесение изменений в законодательство о юридической ответственности.

Оценка современного состояния законодательного регулирования государств-членов ЕАЭС в сфере оборота криптовалют в рамках данной статьи будет проводиться на основе вышеуказанной обобщенной правовой модели, иными словами – ее элементы будут выступать критериями сравнительно-правового анализа.

Разработка понятийного аппарата. В настоящий момент в нормативных правовых актах государств-членов ЕАЭС, собственно, как и в мировой практике не сложился единый подход к использованию категориально-понятийного аппарата: используются такие категории, как криптовалюта, цифровая валюта, виртуальная валюта, электронные деньги, токен.

Законодательство Республики Армения не относит криптовалюты к электронным деньгам, между тем не существует никаких норм, запрещающих оборот криптовалют в стране.

На уровне нормативных правовых актов Президента Республики Беларусь определены категории цифровой знак (токен), признанный цифровым активом и являющийся объектом гражданских прав [9], криптовалюта – как универсальное средство международного валютного обмена, как частный случай токена [9, 10], майнинг – отличительным признаком которого является деятельность, исключаящая создание собственных цифровых активов [10].

Законодательство Казахстана оперирует понятием цифрового токена, относящегося к цифровым активам, причем последние подразделяются на обеспеченные и необеспеченные. Обеспеченный цифровой актив является средством удостоверения имущественных прав на товары или услуги, необеспеченный цифровой актив формируется как вознаграждение «за участие в поддержании консенсуса в блокчейне», цифровой майнинг определен применительно к алгоритмам реализации блокчейна с использованием энергетических мощностей [7].

В Кыргызской Республике введено понятие виртуального актива и цифрового токена как вида виртуального актива – средства удостоверения как имущественных, так и неимущественных прав, включая право требования на иные объекты гражданских прав, определение майнинга также сформулировано применительно к технологии блокчейн при условии непрерывного электроснабжения [6].

Российское законодательство [12] вводит категорию «цифровая валюта» как средство платежа, важной характеристикой, которого выступает признак, что оно «не является денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей». Понятие майнинга в законодательстве Российской Федерации до настоящего времени официально не определено, хотя на стадии рассмотрения в Государственной Думе находится законопроект «О майнинге в Российской Федерации», в котором майнинг отождествляется с выпуском, генерацией, деятельностью по майнингу цифровой валюты в Российской Федерации [8].

Обращает на себя внимание такой факт, как разработка Национальным банком Киргизии и Центральным Банком России Концепции соответственно цифрового сома [11] и цифрового рубля [4], как одной из форм национальной валюты.

Позиционирование криптовалюты как платежного средства устанавливает более жесткие требования к ее обороту, а определение посредством цифровых активов делает более широкими возможности применения норм гражданского законодательства.

Наличие общего или специального законодательного регулирования. Проблема формирования нормативной правовой базы в сфере оборота криптовалют не является новой в том смысле что она возникает во многих случаях появления новых общественных отношений еще не урегулированных правом, но вызванных объективным развитием уже существующих: разрабатывать ли новый закон с новой предметной областью, новыми правовыми механизмами, новой системой регуляторов (в максимальном случае – кодифицированный нормативный правовой акт) или вносить точечные изменения в уже действующее законодательство, имея в виду возможную его дальнейшую кодификацию; существует и промежуточный вариант, включающий принятие базового закона и внесение изменений в профильные законодательные акты. Использование базового законодательного акта позволяет более четко определить границы регулирования, а регулирование на основе профильных законодательных актов с учетом компетентных рекомендаций и разъяснений предусматривает большую гибкость регулирования. И здесь, на наш взгляд, универсального решения не существует, много зависит как от воли законодателя, так и национальных законотворческих тенденций и сложившихся традиций, не следует забывать и о финансово-экономической базе, на которой планируется реализация новых законодательных положений.

В Армении на законодательном уровне не принято ни одного правового акта в рассматриваемой сфере, в Республике Беларусь регулирование осуществляется на основании декретов и указов Президента Республики и принятых в их исполнение нормативных правовых актами Совета Министров, органов исполнительной власти и Национального банка.

Цифровые активы в Республике Казахстан являются объектами гражданских прав; регулирование рассматриваемых отношений осуществляется путем внесения изменений и дополнений в базовый закон в сфере использования информационных технологий – «Об информатизации» [7]. По мнению авторов, это уже сложившийся, можно сказать, традиционный для данной страны механизм нор-

мотворчества, в перспективе ведущий к созданию кодифицированного акта в сфере использования информационных технологий, примерами эффективной работы такого механизма могут служить недавно принятые в Казахстане Экологический кодекс (2021 г.) и Кодекс О здоровье народа и системе здравоохранения (2020 г.).

В Кыргызской Республике в 2022 г. внесены изменения в Гражданский кодекс в части включения виртуальных активов в перечень объектов гражданских прав, принят законодательный акт о виртуальных активах [6], предметную область которого составляют в том числе отношения в сфере оборота криптовалют (виртуальных активов, согласно положениям законодательного акта).

В Российской Федерации к объектам гражданских прав отнесены цифровые права, определение которых сформулировано отсылочной нормой к положениям федеральных законов «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте...» и «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ...» (в части утилитарных цифровых прав). Федеральный закон «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте...» является базовым в сфере регулирования оборота цифровых валют и в этом заключается специфика российского национального подхода в рассматриваемой области, отличающая ее от подходов других государств-членов ЕАЭС.

Следующим значимым моментом в развитии правового регулирования оборота цифровых валют в России следует считать разработку и опубликование Концепции цифрового рубля, разработанной Банком России [4], и подготовленной Правительством Российской Федерации Концепции законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют [3], последняя предусматривает конкретные шаги по внесению изменений в российское законодательство в области оборота цифровых валют:

- определение целей и задач законодательного регулирования оборота цифровых валют;
- установление состава субъектов регулирования по аналогии с цифровыми финансовыми активами;
- механизм совершения операций с клиентами (физическими и юридическими лицами);
- перераспределение полномочий между органами исполнительной власти, осуществляющими регулятивные и контрольно-надзорные функции в области оборота цифровых валют;
- внесение изменений в законодательные акты в рамках реализации рассматриваемой Концепции, в том числе в законодательство о юридической ответственности, – по сути, не являясь нормативным правовым актом, рассматриваемая концепция играет роль направляющего стержня в формировании основ государственного регулирования сферы оборота цифровых валют.

В продолжении к вышесказанному рассмотрим те перспективные законодательные изменения, необходимость которых обусловлена введением национальной цифровой валюты – киргизского цифрового сома. Совместное рассмотрение указанных изменений вызвано тем, что официальные концепции введения национальных цифровых валют разработаны национальными правительствами и ре-

гуляторами банковской сферы на сегодняшний момент только в этих государствах-членах ЕАЭС и имеют много общих характерных черт, одной из которых является использование двухуровневой розничной модели, в которой финансовые организации (коммерческие банки) рассматриваются как полноценные участники расчетных операций. Обратим внимание, что рассматриваемая модель реализации национальных цифровых валют не является единственной, но на данный момент рассматривается как наиболее целесообразная с точки зрения реализации интересов всех участников отношений в сфере оборота криптовалют: национального регулятора финансовых организаций, физических и юридических лиц.

На первом уровне рассматриваемой модели формируется статус национального банка как оператора цифровой платформы и эмитента; на втором уровне представлены финансовые организации и национальные казначейства, первые как звено взаимодействия с конечными пользователями (клиентами), второй – в качестве специального участника, осуществляющего взаимодействие с бюджетными организациями и обеспечения доходной и расходной частей государственного бюджета.

Официальное введение криптовалют (цифровых виртуальных валют) в государствах-членах ЕАЭС неизбежно коснется изменений национального законодательства о платежных системах. В настоящий момент такие изменения внесены только в соответствующее законодательство Российской Федерации в части оборота цифровых финансовых активов.

С экономической точки зрения вполне очевидно, что совершение операций с цифровой валютой способно принести ее обладателю существенные экономические выгоды. В связи с этим у государства возникает естественный фискальный интерес в отношении операций с подобными объектами. Безусловно вопрос налогообложения не является преимущественным в перечне задач по правовому регулированию обращения цифровой валюты, однако очевидна необходимость внесения изменений и в налоговое законодательство в части декларирования сведений по операциям с использованием цифровых валют, введение в налоговое законодательство ответственности за непредоставление в установленном порядке в налоговые органы информации об обороте и об остатке цифровой валюты, за неуплату налога по операциям с использованием цифровой валюты.

Повышенные риски влечет за собой использование криптовалют в финансовых операциях по оплате товаров и услуг, запрещенных к обороту на территориях государств-членов ЕАЭС, незаконном выводе денежных средств, их легализации и финансировании терроризма, следствием чего вызывается обоснованность внесения изменений в соответствующее профильное законодательство.

Определение правового статуса субъектов отношений. Правовой статус участников отношений в сфере оборота криптовалют будет прежде всего определяться выбранной моделью регулирования, так, например, выбор розничной одноуровневой модели предусматривает возложение на национальный банк функции розничного обслуживания, т.е. исключает использование инфраструктуры финансовых организаций (коммерческих банков) для взаимодействия с клиентами, а розничная двухуровневая модель, в которой финансовым организациям (коммерче-

ским банкам) отведена роль транзитных агентов, ограничивает использование их инфраструктуры. Немаловажным факторами в рассматриваемом вопросе являются и запрет (разрешение) на легальный оборот криптовалют, не являющихся национальными валютами, легализация майнинга.

Правовое ранжирование участников отношений в сфере оборота криптовалют, создание условий для лицензирования деятельности цифровых платформ, связанных с генерацией криптовалют, контроль операций в соответствии с законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма – позиции установления правового статуса субъектов, направленные на защиту их прав и законных интересов.

Формирование системы государственных регуляторов и контрольно-надзорных органов. Разнообразие отношений, затрагиваемых введением в легальный оборот криптовалют, вызывает и необходимость перераспределения государственных регулятивных и охранительных функций в рассматриваемой сфере. Примерную модель перераспределения таких функций можно представить в следующем виде:

- регистрацию и (или) лицензирование операторов цифровых платформ, осуществляющих генерацию криптовалют целесообразно возложить на регулятора в сфере кредитно-финансовой деятельности (национальный банк);

- государственный надзор за исполнением законодательства в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма возлагается на уполномоченный орган в соответствии с национальным законодательством в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма;

- налоговый контроль в сфере проведения операций с криптовалютами в отношении как резидентов, так и нерезидентов – национальный уполномоченный налоговый орган;

- контроль за соблюдением законодательства в рамках национального домена сети «Интернет» осуществляет национальный уполномоченный орган в сфере использования информационных технологий и массовых коммуникаций;

- надзор за соблюдением всего законодательства при осуществлении деятельности, связанной с оборотом криптовалют осуществляется национальными органами прокуратуры.

Внесение изменений в законодательство о юридической ответственности. Специфика новых отношений, связанных с оборотом криптовалют, влечет за собой необходимость формулировки новых уголовных и административно-деликтных составов, связанных с нарушением законодательства в сфере оборота криптовалют. Поскольку регулятивное законодательство большинства государств-членов ЕАЭС находится в стадии становления, правовой массив, предусматривающий административную и уголовную ответственность на сегодняшний день весьма незначителен. Примерами могут служить изменения внесенные в ст. 214 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях, предусматривающую административную ответственность за «совершение операции с деньгами

и (или) иным имуществом, повлекшей легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, когда эти нарушения совершены лицами, осуществляющими деятельность по выпуску цифровых активов, организации торгов ими, а также предоставлению услуг по обмену цифровых активов на деньги, ценности и иное имущество». Протоколы по данному составу уполномочены составлять должностные лица органов внутренних дел [2].

В Российской Федерации в рамках реализации Концепции [3] запланирована разработка законопроектов, предусматривающих административную ответственность за «организацию незаконного оборота цифровых финансовых активов и нарушение правил совершения сделок с ними», а также за «организацию незаконного приема цифровой валюты в качестве встречного предоставления» и уголовную ответственность за «уклонение от обязанности декларирования сведений об операциях, связанных с использованием цифровой валюты»; одновременно совершение преступления с использованием цифровой валюты будет рассматриваться в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. Составление протоколов и рассмотрение дел об административных правонарушениях, связанных с незаконным оборотом цифровых финансовых активов планируется отнести к компетенции Банка России; а по делам, связанным с незаконным оборотом цифровых валют – к компетенции Федеральной налоговой службы России, а расследование нового вида преступлений отнесено к подследственности Следственного Комитета [3].

В заключении выскажем авторскую позицию по поводу перспектив введения наднациональной криптовалюты ЕАЭС. В качестве ближайшей перспективы в области создания единой наднациональной валюты ЕАЭС следует рассматривать поэтапную гармонизацию национальных законодательств государств-членов ЕАЭС по двум направлениям: формирование в принципе нового законодательства, учитывающего особенности механизмов цифровой трансформации в кредитно-финансовой сфере (революционный подход), либо в рамках уже сложившихся подходов вносить точечные изменения в действующее законодательство (эволюционный подход).

Список литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 05.06.2014).
2. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 05.07.2014 № 235-V ЗРК // Казахстанская правда. 2014. №135 (27756). 12 июля.
3. Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют – URL: <http://static.government.ru/media/files/Dik7wBqAubc34ed649ql2Kg6HuTANrqZ.pdf> (дата обращения: 12.09.2022).
4. Концепция цифрового рубля (подготовлена Банком России). URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf/ (дата обращения: 12.09.2022).

5. Криптовалюты и блокчейн как атрибуты новой экономики. Разработка регуляторных подходов: международный опыт, практика государств-членов ЕАЭС, перспективы для применения в Евразийском экономическом союзе. М., Евразийская экономическая комиссия, 2019. 74 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/71f/Doklad_FINAL.pdf/ (дата обращения: 11.09.2022).

6. О виртуальных активах: Закон Кыргызской Республики от 21.01.2022 №12 // Эркин Тоо. 2022. № 12. 28 января.

7. Об информатизации: Закон Республики Казахстан от 24.11.2015 № 418-V ЗРК // Казахстанская правда. 2015. № 227 (28103). 26 ноября.

8. О майнинге в Российской Федерации: проект федерального закона № 127303-8. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/127303-8> (дата обращения: 14.09.2022).

9. О развитии цифровой экономики: Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=pd1700008&q_id=5860731 (дата обращения: 12.09.2022).

10. О реестре адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков и особенностях оборота криптовалюты: Указ Президента Республики Беларусь от 14.02.2022 № 48. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=p32200048&q_id=5860740 (дата обращения: 12.09.2022).

11. Об утверждении Концепции цифрового сома: Постановление Правления Национального банка Кыргызской Республики от 25.05.2022 № 2022-П-14/32-3-(ПС) // Официальный веб-сайт Национального банка Кыргызской Республики от 27 мая 2022 г.

12. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.09.2022).

Н. А. Сагтарова,

доктор юридических наук, профессор,
Башкирский государственный университет

Г. Р. Гафарова,

кандидат юридических наук, доцент
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева

ТЕХНОЛОГИЯ БЛОКЧЕЙН КАК ЦИФРОВАЯ ПЛАТФОРМА ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. Внедрение современных технологий цифрового формата в бюджетной сфере должно обеспечивать эффективность бюджетной деятельности государства, качество управления бюджетным процессом. К тому же, цифровизация бюджетной сферы трансформирует традиционные способы реализации принципов, на которых строится бюджетная система, что обуславливает потребность со-

вершенствования правового обеспечения рассматриваемой сферы. Представляется важным осмыслить и обобщить современные научные подходы и достигнутый практический опыт функционирования цифровых технологий и освободиться от устаревших методов бюджетной деятельности государства. В статье обращается внимание на основные направления применения технологии блокчейн в сфере функционирования публичных финансов. Авторами выявлены правовые особенности внедрения и применения блокчейн технологии в реализации таких принципов бюджетной системы как прозрачность (транспарентность) и участия граждан в бюджетном процессе. В статье проанализированы некоторые проблемы использования цифровых технологий в механизме реализации указанных принципов, изучены возможности совершенствования правового регулирования и перспективы их решения. Делается вывод о целесообразности системного подхода в правовом регулировании использования технологии блокчейн, поскольку цифровые технологии не должны быть единственным фактором обеспечения эффективности бюджетной деятельности.

Ключевые слова: бюджет, принципы бюджетной системы, цифровые технологии, право, государство, блокчейн, информационная система, бюджетная деятельность, законодательство

BLOCKCHAIN TECHNOLOGY AS A DIGITAL PLATFORM FOR THE IMPLEMENTATION OF INDIVIDUAL PRINCIPLES OF THE BUDGET SYSTEM

Abstract. The introduction of modern digital format technologies in the budgetary sphere should ensure the efficiency of the state's budgetary activities, the quality of budget process management. In addition, the digitalization of the public sector transforms the traditional ways of implementing the principles on which the budget system is built, which necessitates the need to improve the legal support of the sphere under consideration. It seems important to comprehend and summarize modern scientific approaches and the achieved practical experience in the functioning of digital technologies and to get rid of outdated methods of budgetary activities of the state. The article draws attention to the main directions of application of blockchain technology in the field of public finance. The authors reveal the legal features of the introduction and application of blockchain technology in the implementation of such principles of the budget system as transparency (transparency) and participation of citizens in the budget process. The article analyzes some problems of using digital technologies in the mechanism for implementing these principles, studies the possibilities of improving legal regulation and the prospects for their solution. The conclusion is made about the expediency of a systematic approach in the legal regulation of the use of blockchain technology, since digital technologies should not be the only factor in ensuring the efficiency of budgetary activities.

Key words: budget, principles of the budget system, digital technologies, law, state, blockchain, information system, budget activity, legislation

Введение. Бурное развитие цифровой трансформации коснулось всех сфер жизнедеятельности государства и общества. Сфера бюджетной деятельности на

всех уровнях, бюджетного процесса также находится в цифровом поле, где использование цифровых технологий обуславливает необходимость правового регулирования современных бюджетных отношений, во взаимосвязи с принципами бюджетной системы. Цифровые технологии используются в процессе формирования, распределения и использования публичных финансов, обеспечивая не только эффективную реализацию принципов бюджетной системы, но в конечном итоге – взаимообусловленность и гармонизацию публичных и частных финансовых интересов, повышая при этом доверие общества и усиление роли государства.

Основная часть. Для реализации принципов бюджетной системы, а также повышения эффективности существующих механизмов бюджетирования, контроля за целевым расходованием бюджетных средств, в современных условиях развития Российского государства необходимым и принципиально важным является дальнейшее совершенствование информационно-технологической составляющей бюджетного процесса. Данная задача очевидна сегодня и для научного сообщества, в связи с чем многие российские специалисты и ученые предлагают активизировать эксперименты по внедрению в бюджетные процедуры блокчейн технологии.

Следует отметить, что технология блокчейн стала распространяться на различные виды деятельности государства и хозяйствующих субъектов. Исходной сферой применения блокчейна являлась сфера обращения криптовалют, далее рассматриваемая технология стала заметно проникать в различные значимые области: энергетическую, сферу функционирования транспорта, банковских, в том числе, финансовых услуг, здравоохранения, медицины и другие. Вместе с тем, блокчейн стал одновременно внедряться в управленческую сферу государства, что способствует не только трансформации сформировавшейся модели документооборота в современную и перспективную, но активному преобразованию формата реализации функций государства.

Блокчейн в управлении государственными финансами рассматривается специалистами в практической плоскости налогообложения, таможенного регулирования и контроля, в автоматизации деятельности финансовых органов, в совершенствовании контрольных механизмов в сфере публичных финансов, в антимонопольном регулировании и др. [3]. В частности, применение технологии блокчейн в процессе функционирования публичных финансов сводится к следующим формам: 1) формирование бюджетов с учетом алгоритмов и их исполнение с применением в основе смарт-контрактов; 2) отслеживание и сбор данных о доходах бюджета в рамках действия режима реального времени, нивелирование возможностей избежания налогообложения автоматизированного формата; 3) высокая степень прозрачности процесса уплаты таможенных платежей; 4) трансформация контрольных мероприятий в автоматизированный режим, применение единого риск-ориентированного подхода; 5) выявление нарушений посредством автоматизированного анализа полной и неизменной совокупности транзакций в рамках движения денежных потоков; 6) формирование децентрализованной системы реализации публичных закупок высокой степени прозрачности.

В качестве приемлемых областей для применения технологии блокчейн можно указать следующие: казначейский контроль, обеспечение сопровождения госу-

дарственных контрактов, осуществление публичной закупочной деятельности, доведение субсидий и иных межбюджетных трансфертов до их получателей, выпуск и размещение государственных (муниципальных) ценных бумаг. Посредством применения блокчейн технологий в обозначенных выше направлениях публичной финансовой сферы представляется возможным решения ряда важных задач, а именно нивелирование совокупности различных рисков (правовых, операционных, репутационных), роста уровня общественного доверия к органам государственной власти и их деятельности. [6. С. 44–56].

Сегодня в Российской Федерации все еще не достигнута ясная позиция в отношении целесообразности применения технологии блокчейн в процессе управленческой деятельности государства, несмотря на наличие сформированной концепции внедрения и использования новых цифровых платформ и технологий (Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы), ориентиром которой является дальнейшее развитие национальной платежной системы, формирование цифровой экономики, совершенствование информационного общества, обеспечение национальных интересов, устойчивости финансовой системы и ее дальнейшая перестройка в связи с новыми политическими и экономическими обстоятельствами международного характера. При этом стоит сказать, что отдельные позитивные тенденции по вопросу применения новейших информационных технологий в рамках функционирования финансовой системы государства уже заметны. Так, сегодня уже готов к активному использованию отечественный аналог SWIFT на базе блокчейн-технологии, который являясь децентрализованной системой межбанковского обмена финансовыми сообщениями, позволит обеспечить безопасность всем субъектам в банковской сфере.

На основании ст. 85 НК РФ в настоящее время отдельные субъекты налоговых правоотношений (органы государственной власти, учреждения, организации, должностные лица) должны доводить до сведения налоговых органов информацию, связанную с учетом организаций и физических лиц по требованиям, закрепленных в данной статье. Так, применение блокчейн-технологии избавит указанных субъектов от данной обязанности. К примеру, нотариусы в процессе осуществления отдельных нотариальных действий посредством Единой информационной системы нотариата и электронной подписи сообщают налоговому органу о выданных ими свидетельствах о праве на наследство и о нотариальном удостоверении договоров дарения. Думается, что электронный документооборот в данном случае должен быть трансформирован на цифровой.

Следует отметить, что в рамках налогового администрирования уже используется отечественная цифровая платформа распределенных реестров, которая позволяет обеспечить открытый и легкий процесс льготного кредитования малого и среднего бизнеса. Данная технология является системой децентрализованного формата с множеством элементов, «построенную на принципах микросервисной архитектуры, основными компонентами которой являются узлы (ноды) распределенного реестра для обеспечения инфраструктуры системы, записи и хранения данных о транзакциях в реестре» [11]. Отдельные специалисты подчеркивают, что

взаимодействие налоговых органов и кредитных организаций с использованием блокчейна уже имеет место быть [1. С. 22–22].

Функционирование совокупности бюджетов бюджетной системы РФ на современном этапе основано на четырнадцати принципах, для реализации которых внедрение цифровых технологий в разной степени является обязательным. При этом следует указать, что все принципы бюджетной системы взаимообусловлены, взаимодействуют или взаимодополняют друг друга, изменяя формат их реализации. Рассмотрим отдельные аспекты правового регулирования использования цифровых технологий в процессе реализации принципов «прозрачности (открытости)» и «участия граждан в бюджетном процессе».

Принцип прозрачности (транспарентности) бюджетной системы наиболее ярко демонстрирует потребность в цифровой трансформации, обеспечивающую тесную взаимосвязь не столько между всеми участниками бюджетного процесса, сколько между государством и обществом. Использование конструкции цифровой трансформации в процессе мобилизации и использовании бюджетных средств, направленное на обеспечение открытости финансовых ресурсов государства и муниципальных образований – показатель эффективности бюджетной деятельности. Следует отметить, что по оценке специалистов, финансовая транспарентность России – одна из наиболее высоких в мире. По показателям международного индекса открытости бюджета наша страна находится на 15 месте из более 100. Кроме того, показатели открытости бюджета РФ и отечественной контрактной системы высоко оцениваются также в международном индексе Open Data Barometer» [2].

Исследованию принципа прозрачности посвящены ряд работ, которые раскрывают его содержание, значение. Так, по мнению С. В. Кожушко, «принцип транспарентности бюджетного права представляет собой непосредственный бюджетно-правовой регулятор, являющийся результатом обобщения опыта правотворческой и правореализационной деятельности, который обеспечивает прямые и обратные связи и выполняет роль «дорожной карты» для развития всех институтов бюджетного права» [7. С. 56]. По мнению Д. А. Савина, который отмечает: «сквозь призму принципа прозрачности (открытости) должна оцениваться деятельность субъектов, получающих бюджетное финансирование» [9. С. 37–42]. Т. А. Вершило справедливо отмечает в рамках исследования бюджетных отношений нового формата, что среди приоритетов политики государства важную роль выполняет открытость бюджетной информации, кроме того и для рекомендаций МВФ по обеспечению прозрачности бюджетной сферы» [4. С. 8–11]. По смыслу ст.36 БК РФ для реализации данного принципа уполномоченным субъектам соответствующих бюджетных отношений необходимо обеспечить:

1) обязательное опубликование в СМИ и открытость информации по всем стадиям бюджетного процесса (п. 1 и п. 2);

2) возможность посещения информации на едином портале бюджетной системы РФ через интернет (п. 3).

Статья 36 БК РФ содержит п. 4 закрепляющий еще одно составляющее принципа транспарентности: стабильность и (или) преемственность бюджетной классификации Российской Федерации, а также обеспечение сопоставимости показа-

телей бюджета отчетного, текущего и очередного финансового года (очередного финансового года и планового периода). Если п. 1 и 2 ст. 36 прямо указывают на особый объект бюджетных правоотношений – информацию, содержащую данные о бюджетном процессе, то информационная составляющая п. 4, полагаем, не позволяет реализовать в полной мере прозрачность бюджетных отношений, поскольку «стабильность», «преемственность» и «сопоставимость показателей» отражают такие свойства как прочность, устойчивость, последовательность, а также соизмеримость и сравнимость показателей, что в правоприменительной практике не повышает качество открытости, доступности информации взаимодействия органов государственной власти и общества с использованием информационных систем.

В тесной связи с принципом транспарентности, реализация которого фактически предопределяет широкое участие граждан и общества в управлении публичными финансами, находится принцип участия граждан в бюджетном процессе. В рассматриваемом контексте участие граждан в бюджетном процессе следует понимать, во-первых, в качестве их постоянного и непрерывного взаимодействия с институтами государственной власти в процессе принятия управленческих решений в определении направлений и целей использования бюджетного ресурса, а также в рамках контроля за его расходованием. Как правило, граждане непосредственно на прямую не имеют право принимать управленческие решения, однако способны повлиять на управленческий процесс, а также поведение уполномоченных субъектов [10. С. 26–30]. Формат гражданского взаимодействия заложен в действующем законодательстве (например: указы избирателей, инициативное бюджетирование, обращение с предложениями, заявлениями и жалобами в органы государственной власти, общественный контроль).

Необходимо признать, что в целом Закон о бюджете – один из важнейших для общества и граждан актов государственной власти, признавая то, что традиционные формы представительной демократии не всегда могут выполнить идеально свою функцию, международные организации рекомендуют использовать в качестве дополнительно эффективной формы – прямое участие граждан в бюджетном процессе. Так, ОЭСР рекомендует проводить обсуждение бюджета с участием граждан, включая в рассмотрение вопросы, связанные с приоритетами развития и расходами бюджетных ресурсов [14]; базовые положения участия общественности в бюджетно-налоговой политике, одобренные ООН, предполагают достижения следующий показателей: 1) своевременное осуществление механизмов участия (до момента принятия бюджета); 2) общественному обсуждению должна подвергаться вся совокупность ключевых вопросов («открытость»); 3) органами власти, как правило, должна обеспечиваться с общественностью обратная связь («сбалансированность»)» [13].

Вовлечение граждан в бюджетный процесс посредством цифровых технологий обуславливает необходимость внесения в информационную систему информацию о количественных параметрах проектов бюджетов, мобилизации и расходовании бюджетных средств. В настоящее время эффективным средством реализации данного принципа является информационная система «Электронный бюджет». Ключевой целью создания и развития данной системы

как указано в Распоряжении Правительства РФ от 20.07.2011 №1275-р является достижение и обеспечение таких параметров функционирования органов государственной власти как прозрачность, открытость, подотчетность, в том числе, эффективность финансового управления субъектов государственной сферы управления путем формирования единого информационного пространства, применения в управленческом механизме общественными финансами различных информационных технологий.

Однако, как показывает практика, во многих субъектах Российской Федерации публичное обсуждение бюджета с гражданами не проводится и механизмы инициативного бюджетирования не предусмотрены. Например, в городе Москва в публичных слушаний проекта бюджета, которые проводятся в Общественной палате города Москвы, обычные граждане не участвуют, в круг участников входят члены самой палаты, представители Правительства Москвы, Контрольно-счетной палаты города Москвы и экспертного сообщества [5].

Отдельные аспекты проявления формы участия электронного формата необходимо отметить в процессе функционирования портала «Российская общественная инициатива», в рамках которого существует возможность у граждан РФ подачи предложений в сфере социально-экономического развития страны, совершенствования институтов и механизмов государственного, в том числе муниципального уровня управления. Инициативное предложение либо позиция гражданина, которое отвечает совокупности установленных требований, может рассматриваться соответствующей экспертной группой, которая выносит заключение либо о принятии конкретной инициативы либо об ее отклонении. При этом экспертная группа должна мотивировать принятое решение.

Сегодня вопросам участия граждан в управленческом процессе государственных органов уделяется внимание практически во всех субъектах Российской Федерации, а также в отдельных муниципальных образованиях посредством разработки и запуска специальных сервисов электронной формы. Так, по решению органов власти активно внедряются в работу платформы электронного участия, в рамках функционирования которых, предусматривается внушительный ряд форм и методов гражданской активности. Как правило, через подобные интернет-платформы граждане принимают участие в выборе различных приоритетных проектов через голосование, выражают личное мнение в форме опроса, формируют собственные предложения и т.д. [8. С. 88–106]. В качестве наглядного примера такой платформы можно назвать портал «Активный гражданин», который функционирует в городе Москва.

В контексте реализации принципа прозрачности (транспарентности) автоматизация некоторых процессов бюджетной системы, на всех ее уровнях без исключения, с использованием технологии блокчейн позволит повысить: качество функционирования бюджетных средств, в том числе процесса их предоставления; эффективность механизма финансового контроля и применения мер государственного принуждения к нарушителям финансовой дисциплины. Применяемые в настоящее время технологические решения, определяющие контроль времени

совершаемых операций, исполнения согласованных транзакций, надежность системы, непрерывность данных пока не удовлетворяют требования.

Как отмечает В. А. Кинсбургская: «... технологические особенности блокчейна, предполагающие прослеживаемость и неизменность информации о совершенных транзакциях, в совокупности с функциональными свойствами смарт-контрактов будут способствовать снижению коррупционных проявлений в процедурах бюджетного финансирования, а также предоставят возможность установления баланса между транспарентностью и анонимностью в процессе закупочной деятельности» [6. С. 64–66].

Резюмируя вышесказанное, следует обозначить, что высокая степень прозрачности всех финансовых операций, проводимых в блокчейне, осуществления мониторинга за ними в режиме реального времени, в перспективе должны стать основными факторами обеспечения соблюдения принципа транспарентности при расходовании публичных финансов, в том числе участие общественности и граждан в бюджетном процессе.

Заключение. Главными результатами реализации рассматриваемых принципов в оцифрованной бюджетной сфере, как представляется, должны являться:

- 1) внедрение технологии обработки огромного массива информации всех стадий бюджетного процесса;
- 2) скорость распространения технологий цифрового формата на всех без исключения уровнях бюджетной системы;
- 3) создание единого информационного пространства бюджетной сферы;
- 4) доступность и открытость необходимой информации.

Достижение указанных результатов в настоящее время нуждается в совершенствовании правового регулирования и адаптации действующих норм. При этом, следует указать, что цифровые технологии не должны быть единственным фактором эффективности и результативности бюджетной деятельности государства. В решении проблем использования цифровых технологий в бюджетной сфере, в реализации принципов бюджетной системы необходим системный подход.

Список литературы

1. Бакаева О. Ю. Блокчейн в налоговом администрировании: возможности, риски, перспективы // *Налоги*. 2021. № 4. С. 20–22.
2. Бегтин И. Информационный барьер: как нацпроекты сделали бюджет менее прозрачным // *Национальные проекты*. 2019. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/20/09/2019/> (дата обращения: 02.08.2022).
3. Варнавский А. Блокчейн на службе государства. URL: <https://ict.moscow/presentation/blokchein-na-sluzhbe-gosudarstva/> (дата обращения: 02.08.2022).
4. Вершило Т. А. Прозрачность (открытость) бюджетных отношений в условиях цифровой экономики // *Финансовое право*. 2018. № 8. С. 8–11.
5. Доклад Центра налоговой политики МГУ им. М. В. Ломоносова «Бюджетный процесс в Москве и других крупных мегаполисах. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=58045&p=attachment> (дата обращения: 02.08.2022).

6. Кинсбургская В. А. Теоретическое осмысление целесообразности применения технологии блокчейн в бюджетных отношениях (на основе изучения опыта Нидерландов) // *Финансы и управление*. 2020. № 1. С. 53–66.
7. Кожушко С. В. Принцип прозрачности бюджетного права: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 45.
8. Ревякин С. А. Функциональность электронных платформ общественного участия: при чем здесь социальные сети? // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2019. № 3. С. 88–106.
9. Савин Д. А. Реализация принципа прозрачности (открытости) в бюджетной деятельности институтов развития // *Финансовое право*. 2021. № 6. С. 37–42.
10. Саттарова Н. А. Принцип участия граждан в бюджетном процессе // *Финансовое право*. 2022. № 6. С. 26–30.
11. ФНС России представила передовые технологии налогового администрирования на вебинаре IOTA и CIAT // *Официальный сайт ФНС России*. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/international_activities/10778632/?fbclid=IwAR1pcPkJLvr8amAZ-5lryhwBcxh0jVexks3Jjc426fSAyyiNuSueUXm_KzA (дата обращения: 02.08.2022).
12. Allen D. W. E., Berg C., Lane A. M., Potts J. Cryptodemocracy and its institutional possibilities // *Review of Austrian Economics*. 2018. Pp. 1–12. Article in press. P. 6.
13. Global Initiative for Fiscal Transparency «Principles of Public Participation in Fiscal Policy». URL: <https://fiscaltransparency.net/public-participation-principles-and-guide> (дата обращения: 02.08.2022).
14. OECD «Recommendations of the Council on budgetary governance». URL: <https://www.oecd.org/economy/surveys/Greece-2020-OECD-economic-survey-Overview.pdf>.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И РОБОТОТЕХНИКИ

А. О. Алексеев,

кандидат экономических наук, доцент,
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
начальник управления организации научных исследований

И. Е. Алексеева,

кандидат экономических наук, доцент,
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет

О. С. Ерахтина,

кандидат юридических наук, доцент,
Пермский филиал Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»

ОБ ОЦЕНКЕ РИСКА ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В статье исследуются факторы, влияющие на определение уровня риска применения систем искусственного интеллекта. Авторы приходят к выводу, что для определения уровня риска, необходимо оценить влияние таких взаимосвязанных факторов, как тип технологии ИИ, сфера его применения, а также статус разработчика. Для решения данной задачи предлагается построить симплекс в трехмерном пространстве или использовать лепестковую гистограмму. Делениями шкал оценки рисков предлагается определять категории риска (чрезвычайно высокий, высокий, значительный, средний, умеренный, низкий). Соответственно уровень риска применения определенной технологии ИИ можно определить как площадь симплекса или треугольника.

Ключевые слова: технологии искусственного интеллекта, оценка риска, статус разработчика, тройственное представление рисков

RISK ASSESSMENT OF THE APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Abstract. The article examines the factors influencing the determination of the risk level of the use of AI systems. The authors conclude that in order to determine the level of risk, it is necessary to assess the influence of such interrelated factors as the type of AI technology, its scope, and the status of the developer. To solve this problem, it is proposed to construct a simplex in three-dimensional space or use a petal histogram. It is proposed to determine risk categories by divisions of risk assessment scales (extremely high, high, significant, medium, moderate, low). Accordingly, the level of risk of applying a certain AI technology can be defined as the area of a simplex or triangle.

Key words: Artificial intelligence technologies, Risk assessment, Developer status, Triple representation of risks

Как правило, рассматривая вопрос о рисках применения технологий искусственного интеллекта (ИИ), исследователи указывают на угрозу личной и общественной безопасности, вред жизни и здоровью, имущественный вред.

Применение риск-ориентированного подхода (РОП) в сфере разработки и применения систем ИИ направлено на минимизацию указанных рисков. РОП представляет собой систему управления рисками, которая состоит из нескольких этапов: выявления рисков; их оценки; принятия мер по управлению рисками.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении взаимосвязанных факторов, влияющих на определение уровня риска применения систем ИИ.

В проекте Регламента Европейского союза «О европейском подходе для искусственного интеллекта» [4], системы ИИ по уровню риска делятся на четыре группы:

1) системы искусственного интеллекта с неприемлемо высоким уровнем риска (системы для манипулирования поведением человека, системы для создания социальных рейтингов и др.);

2) высокорисковые системы искусственного интеллекта (роботы – ассистенты в хирургии, управление и эксплуатация критической инфраструктуры и др.);

3) системы искусственного интеллекта с ограниченным риском (чат-боты, виртуальные помощники, умные дома и др.);

4) системы искусственного интеллекта с минимальным риском (видеоигры, спам-фильтры и др.).

По мнению разработчиков проекта Регламента, основными факторами, влияющими на оценку уровня риска, являются размер потенциального вреда и возможность его причинения неограниченному кругу лиц. В целом, данный подход заслуживает поддержки. Вместе с тем полагаем, что определение уровня риска будет также зависеть от оценки вероятности материализации риска.

Полагаем, что оценка вероятности материализации риска зависит от ряда факторов. В данной статье рассмотрим, как на уровень риска влияют такие факторы как тип технологии ИИ, сфера его применения, а также статус разработчика.

Для оценки уровня риска применения технологий ИИ предлагается использовать тройкий корень риска, основаниями которой являются аналоги элементов классической философской модели познания «субъект – средство – объект» (рис. 1).

В настоящей работе вместо субъекта познания предлагается рассматривать разработчика, являющегося самостоятельным источником рисков, технологии искусственного интеллекта или робототехнической системы; вместо объекта познания – область или сферу применения технологии искусственного интеллекта и робототехники (здравоохранение, безопасность, производство, развлечение, обучение и т. п.), от которой зависит перечень охраняемых благ людей (жизнь, здоровье, имущественные права и др.), а в качестве средства познания – саму технологию искусственного интеллекта и робототехники, которая также отличается присущей ей уровнем риска (рис. 2)

Рис. 1. Классическая философская модель познания «субъект – средство – объект»

Рис. 2. Тройкий корень оценки риска ИИ

Рассмотрим, как на возможность материализации риска негативных последствий применения технологий ИИ влияют такие факторы, как тип технологии, сфера ее применения и статус разработчика.

Классификация технологий ИИ. В статье «Подходы к гражданско-правовой ответственности разработчика технологий искусственного интеллекта: на основе классификации технологий» [1. С. 49–50] авторами предложена классификация технологий ИИ по различным основаниям, среди которых были использованы следующие критерии:

1. Способность самостоятельно определять круг задач и без вмешательства человека находить пути их решения:

1.1. «Слабый» («пассивный»). Способен выполнять заранее определенные виды задач и ими же ограничен.

1.2. «Сильный» («активный»). Способен достичь или превысить уровень человеческого интеллекта и применять свои способности решения задач применительно к любым поставленным задачам, подобно человеческому мозгу.

2. Способность осуществлять деятельность (функционирование) без вмешательства человека:

2.1. Низкая автономность, способность осуществлять заданные программы и процедуры только по команде пользователя.

2.2. Высокая автономность, способность осуществлять заданные программы и процедуры без активного участия пользователя.

Стоит признать, что авторы довольно условно делят технологии искусственного интеллекта на две категории: с низкой и высокой автономностью, на прак-

тике выделяют большее число категорий, например в автомобилестроении SAE International выделили шесть уровней автономности [11].

3. Способность без непосредственного вмешательства человека овладевать новыми функциями:

3.1. Самообучаемый. Обладает возможностью без непосредственного вмешательства разработчика овладевать новыми навыками и способностями, в том числе извлекать знания и продукционные правила, а затем ими пользоваться на основе информации, не предусмотренной разработчиком при первичном обучении, или в процессе обновления ИИ.

3.2. Необучаемый. Не обладает возможностью без непосредственного вмешательства человека овладевать новыми навыками и способностями.

4. Ограниченность сферы применения ИИ. (Общность):

4.1. Узкий. Сфера действия ИИ заранее определена и ею ограничена.

4.2. Общий. Нет четко заданных границ применения ИИ, как правило, общий ИИ представляет собой комплекс узких ИИ.

5. Оснащенность программными и (или) аппаратными средствами, предназначенными для фиксации информации о деятельности ИИ («черный ящик»):

5.1. Оснащен «черным ящиком».

5.2. Не оснащен «черным ящиком».

На настоящий момент развития технологий ИИ значимыми критериями для оценки возможности материализации риска негативных последствий являются следующие его характеристики: автономность, самообучаемость, общность и наличие «черного ящика».

В настоящем исследовании не будем рассматривать системы ИИ, применение которых создает неприемлемо высокий уровень риска причинения вреда, поскольку, очевидно, что будут введены существенные ограничения на их производство и введение в гражданский оборот, либо даже установлен запрет на их производство, как это предлагается в проекте Регламента ЕС.

Очевидно, что самообучаемые, высокоавтономные, многофункциональные системы ИИ, неоснащенные «черным ящиком» относятся к высокорисковым системам. В то время как необучаемые, низкоавтономные системы ИИ, оснащенные «черным ящиком», относятся к группе систем ИИ с минимальным риском. Определить системы ИИ, которые необходимо отнести к группе систем с ограниченным риском, можно при помощи матрицы, состоящей из возможных комбинаций характеристик ИИ. Например, высокоавтономная, необучаемая система, неоснащенная «черным ящиком» может быть отнесена к системам с ограниченным риском.

Сферы применения технологий ИИ. Системы ИИ интегрированы практически в каждую сферу экономики: строительство, промышленность, транспорт, торговлю, сельское хозяйство, ЖКХ, финансовые услуги, здравоохранение, образование и многие другие.

Как правило, исследователи к сферам, критически важным для безопасности, относят транспортную инфраструктуру, сельское хозяйство, здравоохранение, образование [2].

Вместе с тем поддерживаем подход, согласно которому, наряду со сферой применения систем ИИ, необходимо проводить оценку уровня риска тех видов деятельности, при осуществлении которых он используется [2].

Так, в сфере здравоохранения ИИ может быть применен для помощи врачам при постановке диагноза, назначении лекарственных препаратов, проведении операций – данные деятельности сопряжены с высоким риском. Наряду с этим ИИ используется для регистрации пациентов, обработки и анализа медицинских данных, автоматического оповещения медицинского персонала. Представляется, что данные виды деятельности относятся к группе ограниченного риска.

В сельском хозяйстве системы ИИ могут собирать и анализировать информацию о почве, температурных режимах, условиях вызревания семян. Такие системы могут быть использованы также для автоматизации процесса сбора урожая, борьбы с сорняками, поддержания температурного режима в теплицах и при осуществлении других видов деятельности. Представляется, что данные сферы деятельности также относятся к группе ограниченного риска.

Сферу транспорта большинство авторов также относят к высокорисковой сфере. Однако и здесь необходимо учитывать для сопровождения каких видов деятельности применяется ИИ. Транспортная система включает инфраструктуру (дороги, трубопроводы, аэропорты, железнодорожные станции и пр.), транспортные средства. Системы ИИ используются для повышения безопасности и эффективности транспортного процесса, управления пассажиропотоками и грузовыми потоками. Сфера транспорта – это также оказание услуг по перевозке грузов и пассажиров. Если деятельность по управлению транспортной инфраструктурой относится к категории высокого риска, то деятельность по оказанию услуг относится к категории ограниченного риска.

Вопрос о том, какие сферы или виды деятельности являются критическими должен решать определенный орган власти [2]. В сфере финансов – это орган, контролирующий предоставление финансовых услуг, в сфере здравоохранения – орган, контролирующий предоставление медицинских услуг и т. п. [3].

Экономико-правовой статус разработчика. Представляется, что при оценке возможности материализации риска негативных последствий важное значение имеет такой фактор, как экономико-правовой статус разработчика.

Как ранее было указано, РОП представляет собой систему управления рисками, которая состоит из трех основных этапов. На первом этапе необходимо выявить внутренние и внешние риски. Внешние риски (изменение экономической и политической ситуации, стихийный бедствия, экологические катастрофы и др.) предотвратить силами отдельной компании нельзя. В то время как внутренние риски возникают в отдельно взятой компании, их можно спрогнозировать, оценить и предотвратить своими силами.

Полагаем, что к способам минимизации внутренних рисков относятся:

- наличие человеческого капитала;
- наличие производственного капитала;
- наличие опыта выполнения аналогичных проектов;
- наличие независимой внешней оценки (аудит);

- наличие экономических способов, обеспечивающих исполнение обязательств (размер чистых активов, размер уставного капитала, размер ежегодной выручки от реализации товаров, отчисления в спецфонды и др.);
- отсутствие судебных споров, взыскания налоговых санкций;
- правовой статус компании (организационно-правовая форма, состав учредителей, структура собственности и др.);
- другие (по усмотрению органа государственной власти, осуществляющего контроль в определенной сфере экономической деятельности).

Представляется, что требования к экономико-правовому статусу разработчиков высокорисковых систем ИИ и систем ИИ должны быть установлены на нормативном уровне. Применение систем с минимальным риском находится в зоне гражданско-правового регулирования, а потому контрагент компании-разработчика должен самостоятельно оценивать указанные риски и применять меры для их минимизации.

Таким образом для определения уровня риска применения ИИ, необходимо оценить влияние таких взаимосвязанных факторов, как тип технологии ИИ, сфера его применения, а также статус разработчика.

Для решения данной задачи можно построить симплекс в трехмерном пространстве (рис. 3, а) или использовать лепестковую гистограмму (рис. 3, б).

Делениями шкал оценки рисков предлагается определять категории риска (чрезвычайно высокий, высокий, значительный, средний, умеренный, низкий). Соответственно уровень риска применения определенной технологии ИИ можно определить как площадь симплекса (см. рис. 3, а) или треугольника (см. рис. 3, б).

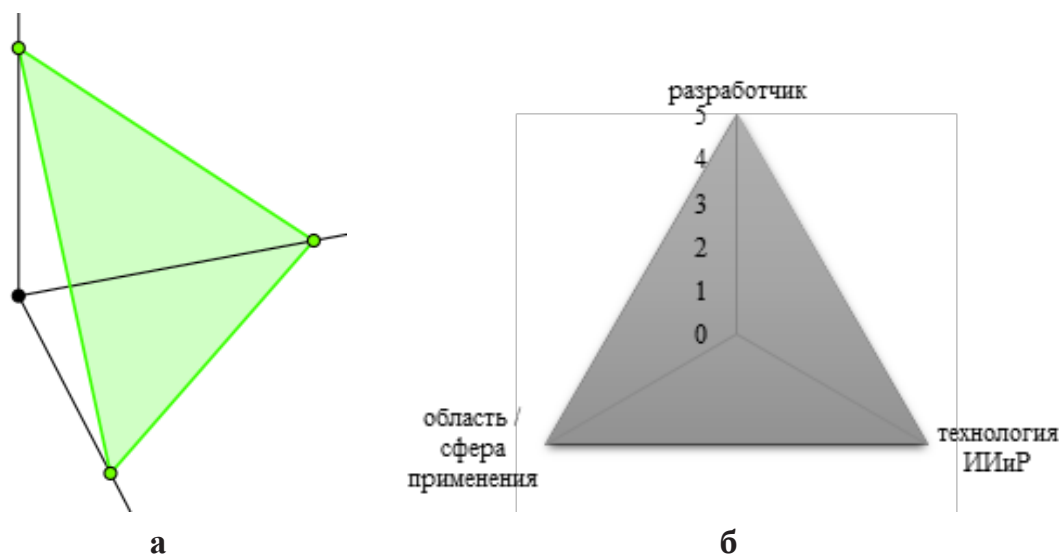

Рис. 3. Способы представления технологий искусственного интеллекта и робототехники согласно тройственному представлению рисков:
а) – симплекс, б) – лепестковая диаграмма

Рассмотрим пример анализа риска различных технологий ИИ, используемых в разных сферах применения, разработчиками, имеющими различный статус (рис. 4):

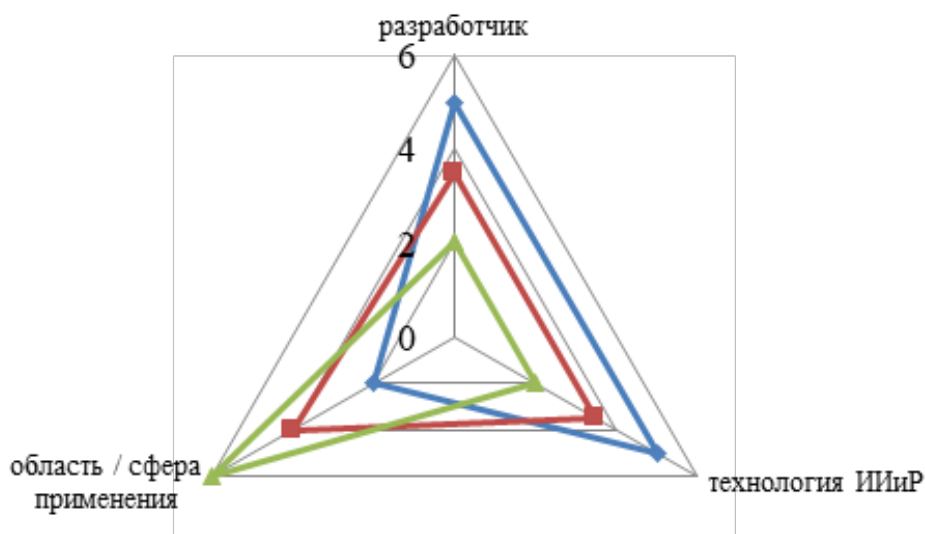

Рис. 4. Пример оценки риска трех различных технологий:

- зеленый:** нерискованный разработчик, использующий неопасную технологию ИИ, но в высоко ответственной области;
- синий:** очень рискованный разработчик, использующий очень рискованные технологии, но в области с низкой ответственностью;
- красный:** среднерискованный разработчик, использующий среднерискованные технологии в высоко ответственной сфере применения

Список литературы

1. Алексеев, А. О. Подходы к гражданско-правовой ответственности разработчика технологий искусственного интеллекта: на основе классификации технологий / А. О. Алексеев, О. С. Ерахтина, К. С. Кондратьева, Т. Ф. Никитин // Информационное общество. – 2020. № 6. – С. 47–57.
2. Joshua, Ellul. Should we regulate Artificial Intelligence or some uses of software? // Discover Artificial Intelligence. – 2022. – 2:5. <https://doi.org/10.1007/s44163-022-00021-9>
3. OECD (2010), Risk and Regulatory Policy: Improving the Governance of Risk, OECD Reviews of Regulatory Reform, OECD Publishing, Paris. <https://doi.org/10.1787/9789264082939-en>
4. European Commission, Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and Amending Certain Union Legislative Act (2021). URL: <https://www.europarl.europa.eu/portal/en> (дата обращения: 01.09.2022).

Е. Б. Ахметов,
магистр юридических наук,
докторант Евразийского национального университета
имени Л. Н. Гумилева,
Институт законодательства и правовой
информации Республики Казахстан

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ПРАВО

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы применения искусственного интеллекта в области права. Основное внимание уделяется выявлению основной функции, системы применения искусственного интеллекта. Научная новизна заключается в изучении важных соподчиненных руководящих начал, влияние которых является определяющим при применении искусственного интеллекта в области права. Автором сделан вывод о том, что специалисты в области права должны применять искусственный интеллект. Также сделан краткий обзор применения искусственного интеллекта в Республики Казахстан и его реализации в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Ключевые слова: интеллектуальный интерфейс, искусственный интеллект, управленческая деятельность, публичные права, интересы граждан, должностные лица, машиночитаемое право

ON THE QUESTION OF THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON LAW

Abstract. The article discusses the use of artificial intelligence in the field of law. The main attention is paid to the identification of the main function, the system of application of this artificial intelligence. The scientific novelty lies in the study of important subordinate guiding principles, the influence of which is decisive in the application of artificial intelligence in the field of law. The author concludes that specialists in the field of law should apply artificial intelligence in the field of law. A brief overview of the use of artificial intelligence in the Republic of Kazakhstan and its implementation in the countries of the near and far abroad was made.

Keywords: Intellectual interface, Artificial intelligence, Management activities, Public rights, Interests of citizens, Officials, Machine-readable law

Introduction. Kazakhstan will develop a Digital Code. So that one document regulates all activities related to the use of advanced technologies, including robots, blockchain and artificial intelligence. Modern problems require modern solutions, therefore, the Ministry of digital development, innovation and aerospace industry allocated 156 million tenge for services for the development of the draft Digital Code of the Republic of Kazakhstan.

It was decided to develop the draft Digital Code in connection with the approved state concepts: the Concept of Legal Policy until 2030 and the Concept of development of the information technology industry.

The Ministry of Digital Development, Innovation and Aerospace Industry stated that the Digital Code is more relevant than ever: digital products and technologies are actively distributed in all spheres of society, which requires adequate and prompt legal regulation.

The Digital Code will bring together laws on informatization, personal data protection, communications, electronic digital signature, and public services. The Code will regulate the use of artificial intelligence, blockchain, and big data management technologies. The Ministry promises to prioritize the protection of citizens' personal data from unauthorized leaks.

Main body. Let's start with the concept of «intelligence». Intelligence is traditionally understood as a property of the human psyche that allows him to correctly interpret the data received from the outside and adapt to new situations. A person has cognitive abilities or cognitive functions. These are the highest functions of the human brain. They connect a person with the outside world, allowing you to get an idea of it and interact with it. Such abilities include thinking, speech, learning (including self-learning), orientation in space, and so on. This includes the ability to acquire and apply abstract knowledge through interaction with the environment.

When defining intelligence, one can use both the term “cognitive functions” and «creative function», because cognition is one of the aspects of creativity. A person's intelligence provides him with the opportunity to create something new in addition to what is already available, that is, to implement a creative (creative) function.

So, artificial intelligence is the ability of intelligent systems to perform cognitive functions that are usually inherent in humans. The presence of artificial intelligence allows the machine to learn from its own experience, adjusting to the specified parameters and performing tasks that were previously available only to humans. Thus, it can be argued that artificial intelligence is possessed by intelligent systems (machines, or rather hardware and software complexes) that are able to solve creative tasks related to a specific subject area. Knowledge about this area is stored in the memory of the intelligent system.

The main components of artificial intelligent systems are:

- a knowledge base that allows you to search, store and transform information;
- a problem solver, that is, a block capable of finding solutions thanks to the strategy built into it;
- intelligent interface for communicating with a person [1].

Prerequisites for thinking about the possibility of creating artificial intelligence can be found in the works of Modern philosophers, for example, a representative of mechanistic materialism Rene Descartes (known for his statement «Cogito ergo sum» (I think, therefore, I exist), as well as well-known lawyers from the course «Theory of State and Law» Thomas Hobbes, author of the famous «Leviathan».

The beginning of research in the field of artificial intelligence can be attributed to the first half of the XX century. At the beginning of the second decade of the 20th century, Bertrand Russell and Alfred North Whitehead published three volumes of *The Principles of Mathematics*, a work devoted to the logic and philosophy of mathematics. On the pages of the work, the authors sought to show that mathematics is reduced to logic using a set of axioms and a number of basic concepts. *The Principles of Mathematics* significantly

advanced the development of mathematical logic and showed how universal the idea of formal systems can be. This work influenced the work of other researchers, including Alan Turing, a graduate of Cambridge University, who described in 1936 an abstract computing «Turing Machine», which can be considered a computer model.

In 1938, the German engineer Konrad Zuse created a programmable mechanical model of a computer. The first computer using only electronic components was created in 1941 with the participation of IBM. With the advent of computers – electronic computing machines with high performance, the question arose: is it possible to create a machine whose intellectual capabilities will be identical to or superior to human intelligence?

In 1943, American researchers Warren McCulloch and Walter Pitts published the work «Logical Calculus of ideas inherent in nervous activity.». The work laid the foundations of neural networks. These authors, as well as Frank Rosenblatt, can be considered the developers of the first artificial intelligence systems that appeared by the end of the 50s and modeled the process of interaction between the human eye and the brain. In the 50s of the XX century, the first expert systems were created that describe the algorithm of actions for choosing a solution depending on specific conditions.

Somewhat later, machine learning appeared, thanks to which information systems were able to independently formulate rules and find solutions based on data analysis, without first drawing up a list of possible solutions by a person.

As we can see, the development of artificial intelligence went in two main directions: mathematical logic and neural networks, that is, two main approaches to the creation of artificial intelligence began to form even then: top-down and bottom-up.

The term «artificial intelligence» was first used by the American computer scientist John McCarthy at a scientific seminar on this topic at Dartmouth University in 1956.

The course of research in the field of artificial intelligence and the process of improving such a phenomenon as artificial intelligence is easier to understand by breaking it into certain stages. The division into stages is very conditional, some researchers distinguish a greater number of stages, others – less, the boundaries of the periods sometimes do not coincide, they are given different names. The relatively well-established names of several stages on the slide are presented in quotation marks. Let's analyze these stages in general terms [2].

The first stage in the development of artificial intelligence systems is the period of the 50s of the XX century, associated with the increase in the level of computing technology and attempts to design the first artificial intelligence systems. The advent of electronic computers created the necessary hardware support for the development of computer science and cybernetics as sciences. If computer science is the science of methods and processes of collecting, storing, processing, and transmitting information using computer technology, then cybernetics is the science of optimal management of complex dynamic systems. Cybernetics studies the general principles of control and communication underlying the operation of systems having different natures (natural or technological).

In the 60s of the XX century, computer capabilities were supplemented with search, sorting, and information generalization operations that allow automating certain human activities. This second stage is often called the “Golden Age of Artificial Intelligence”.

Researchers are beginning to speculate about the appearance of human-like intelligent machines in less than 20 years.

The next stage is associated with the awareness of the importance of knowledge that is not of a formal nature, to which mathematical methods have not previously been applied, for the synthesis of algorithms for solving problems. This knowledge can include information that specialists in various fields of activity (doctors, chemists) worked with, that is, people who had expert knowledge. Expert systems were created on the basis of such knowledge. The name of this stage found in the literature as “The First Winter of artificial Intelligence” indicates unfulfilled inflated expectations and financial problems that followed when investor interest greatly decreased.

The very limited power of computers of that time (insufficient memory, relatively low information processing speed), combinatorial explosion (the effect of a sharp increase in the time required for the system to solve the problem with an increase in the amount of input data) and a number of other reasons prevented the planned results from being achieved.

At the fourth stage, in the 80s of the XX century, there was a leap in the development of intelligent technologies through the spread of expert systems offering solutions capable of learning and communicating with a person in a natural language. This has again increased interest in artificial intelligence. Automated processing centers appeared, which were created to solve new tasks due to the complexity of communication systems, when it was necessary to ensure the information security of the resource. This caused an infusion of huge investments in the development of appropriate programs and hardware and software complexes. With the advent of tools for training multilayer neural networks, interest in neural networks has returned again [3].

The fifth stage is the “Second Winter of artificial Intelligence”, it was caused by excessive business enthusiasm for artificial intelligence, which led to another disappointment and a natural reduction in funding. Some of the companies that invested in the creation of specialized equipment went bankrupt. Expert systems turned out to be expensive to maintain.

At the same time, the capacity of personal computers, the production of which was carried out by Apple and IBM, was growing. Interest in the products of companies that produce expert systems for business has fallen.

Since the late 80s, some researchers have been insisting on a new approach to artificial intelligence based on robotics with a “body”. These researchers believed that in order to show real intelligence, a machine needs to have its own body. Perceiving information, it must move, contact with the outside world, which requires sensorimotor skills. This revived the ideas of cybernetics that had not been in demand for several previous decades.

The sixth stage falls on the years 1993–2011. Developments in the field of artificial intelligence are beginning to be used in various fields:

- Deep Blue supercomputer wins against man in chess (1997);
- competitions of autonomous robot cars are held (since 2004);
- there is a proliferation of «intelligent agents», the use of robotics in production and in everyday life is expanding.

The ongoing seventh stage has been going on for almost 10 years, which, based on the duration of the previous stages, may indicate a transition to a new stage in the coming

years. The current stage is associated with the beginning of a technological transition – the change of one technological mode to another and the entry of society into the era of the Fourth Industrial Revolution, changing the principles of production, transforming production processes, services and the basics of communication in society.

The current level of artificial intelligence development. The society is entering the era of the Fourth Industrial Revolution, as a result of which a transition to fully automated production controlled by artificial intelligence systems is expected. In 2016, the founder of the World Economic Forum, Klaus Schwab, called artificial intelligence one of the driving forces of the Fourth Industrial Revolution. The modern stage is characterized by the rapidly growing influence of artificial intelligence and other “end-to-end” technologies on all spheres of society.

How is society changing under the influence of technology?

First of all, changes in the economic sphere are manifested:

- the level of production automation is increasing;
- robotics is being introduced;
- artificial intelligence systems are being improved due to machine learning, which gives them the opportunity to develop themselves;
- “digital doubles” are created – copies of an object or process that help optimize production;
- the “Internet of things” is being introduced, capable of interacting with each other without human participation;
- “smart factories” are being created, initially aimed at production with almost no employees.

The equipment and control systems of “smart factories” organize themselves. These plants are able to produce products with an optimal manufacturing cycle of an individualized product at the price of mass production. This, of course, arouses the interest of investors and stimulates the creation of new production facilities according to such a model, which allows economists to call such production “factories of the future”.

If in the economic sphere the coming future is connected with the “smart factories” being created today, then the social environment will be connected with “smart cities”, also rebuilt on the basis of “end-to-end” technologies. An example of a smart city development strategy is the “Smart City” Concept, where:

- artificial intelligence is involved in making citywide management decisions;
- the Internet of Things allows the city to function as a single balanced organism;
- the «digital twin» of a real city makes it possible to analyze the likely consequences of ongoing changes related to housing and communal services, healthcare, public transport, landscaping, and so on.

As for the cultural or spiritual sphere, getting used to interacting with artificial intelligence (especially in the form of robots), people will gradually begin to perceive artificial intelligence as a participant in public relations.

Changes are also taking place in the political sphere, they relate to the transformation of decision-making processes, the introduction of “digital government” technology, the provision of public services through Internet platforms and the digitalization of lawmaking.

At the present stage, there is a qualitative transition from the computing era to the cognitive era, when computers of a new type quickly learn to work with structured and unstructured data. They are replacing people in solving a growing number of cognitive tasks. That is, the next rise in the development of artificial intelligence continues.

Can the “Third Winter of artificial Intelligence” come? This is not excluded, but it should be borne in mind that as a result of the ongoing digitalization, a person has already become accustomed to an artificial intellectual environment: smartphones, voice assistants, online platforms are an integral part of everyday life.

Proposals for the use of new computing technologies in law began to be expressed almost immediately after the creation of electronic computers already in the 40s of the XX century. An example of this is an article by the American economist and jurist Louis Kelso in the University of Colorado Law Journal. American lawyers developed this topic and singled out «jurimetry» as an independent research section – an area related to the application of electronic and computing technologies to solving legal problems. The slide shows one of the many articles on this topic published by Lee Levinger in the University of Minnesota Law Journal.

In 1959, the American Bar Association launched the publication of the journal “Modern Use of Logic in Law”, later this journal was renamed “Jurimetry”. At about the same time, similar studies were underway in Europe. For example, in 1958, at a conference on the mechanization of thought processes in England, the French lawyer Lucien Mel presented a report on the advantages of using computational methods in the field of law. He predicted the creation of special software and hardware complexes that will support lawyers by providing quick access to legal information and answering questions on law. The emergence of intelligent search engines can be attributed back to the 70s of the XX century, but intelligent systems, called by the author “legal machines” and capable of solving various legal problems, are only trying to create at the present time.

In the 70s-80s, American and European jurists were already actively discussing the topic of the influence of artificial intelligence on law. The discussions focused primarily on the possibilities of using artificial intelligence as a tool for organizing and facilitating their work (especially in the context of case law). Later, this will allow us to develop such a direction of Legal Tech as “predictive analytics”.

Please note that the articles whose titles are presented on the slide were published in the law journals of Stanford University and Harvard, that is, universities that are in the top of the world university ranking. In addition to articles, whole books on this topic began to be published. The teams of authors have been exploring the interrelationships of law and computer science, the impact of developments in the field of artificial intelligence on jurisprudence.

Specialized conferences have also begun to be held. The first international conference on artificial intelligence and law was held in 1987, after which it began to be held regularly (every two years) under the auspices of the International Association for Artificial Intelligence and Law, specially created for this purpose.

A good example of scientific work justifying the importance of this topic is the article “Artificial Intelligence and law: steps to a model of legal justification”. The article was published in 1990 by American researcher Edwina Risland, who received a mathematical education at MIT (Massachusetts Institute of Technology), and a law degree at Harvard.

Both universities occupy top positions in the world university rankings, that is, other universities are guided by them.

In her article, Edwin Risland talks about the synergetic effect of the interaction of law and artificial intelligence. She was one of the founders of the specialized scientific journal “Artificial Intelligence and Law”, which has been published since 1992 to the present. The editor-in-chief of the magazine, Kevin Ashley, can also be named among the specialists who have been dealing with this topic for many years.

Today, scientific legal journals and conferences organized by various research centers actively discuss the problems generated by the impact of artificial intelligence on law. The issues that cause a lively discussion include such as:

- possibilities of predictive analytics in law;
- the projected change in the judicial system due to the introduction of artificial intelligence in the activities of courts;
- new risks of discrimination in decision-making by artificial intelligence;
- threats to the confidentiality of information due to the spread of artificial intelligence, whose capabilities for searching and processing information significantly exceed human capabilities;
- concerns about machine learning algorithms without human participation, working on the principle of a “black box”, as a result of which the user does not know how the intelligent system comes to a certain result;
- automation of the creation of legal documents using neural networks and so on.

Machine-readable right. Society is changing. The legislator, trying to adapt the law to new conditions, constantly supplements it with new norms. The increase in the number of norms reduces the quality of legal matter, the coherence of norms among themselves is lost. Some rules contradict others. The situation is getting worse. A possible way out of it is to formulate norms so that artificial intelligence can “read” them.

The basis of law automation is the translation of law into machine-readable form. Machine-readable norms will be elements of smart laws, smart contracts (or contracts). Now the law is written in a natural language understandable to humans, but since artificial intelligence systems can solve an increasingly wide range of tasks, more and more legal issues are included in this circle, which means there is a need to “rewrite” the law so that artificial intelligence understands it.

Machine-readable information is code. A machine-readable norm is written as an algorithm in a programming language. Thus, if the rules of law are translated into program code, they will be able to be executed automatically, provided that the appropriate software is created.

It is clear that this is a complex and multifaceted process. We are at the very beginning of the journey. Currently, there is a process of creating machine-readable law through the description of regulatory legal acts in machine-readable form, that is, in a format that is easily processed by computer programs. Work on the “rewriting” of laws in the form of program code is underway in the USA, Germany, Great Britain, New Zealand and other countries. For example, the US has already adopted the Law on Open Government Data, it provides for machine-readable public assets of authorities as a prerequisite.

The advantages of a machine-readable right are:

- efficiency of data processing;

- accelerated legal examination of projects;
- improving the quality of legislation (through the identification and elimination of legal gaps and conflicts);
- accelerated execution of legal norms;
- reducing the number of errors and eliminating the so-called “human factor”;
- the reduction in the cost of many processes due to the reduction of court costs, simplification of the search and punishment of violators, and so on.

It is assumed that the introduction of machine-readable law will be gradual and will begin with registration actions and dispute resolution in typical situations. This will help to free the law enforcement officer from procedural red tape in cases where the probability of error is low. Before self-driving cars are allowed on the roads, it will also be necessary to “translate” traffic rules into a format that can be understood by autonomous vehicles with artificial intelligence.

One of the first steps towards the automation of law is the standardization of electronic document formats. Such standardization is a rather difficult task due to the many types of economic activities, each of which requires its own documents with a large variability of information, due to the many regulators with the lack of interdepartmental unification of document formats, due to incomplete compatibility with mobile platforms, and so on.

What is needed first?

- a metadata standard for describing various elements of the document, which will allow automatic processing of the necessary information;
- uniform requirements for the procedure for the development, description, verification of electronic documents by state bodies and participants in civil turnover;
- a single information space for access to published formats of electronic documents.

Work in this direction is underway. So, in 2020, the Competence Center for the implementation of the project “Regulatory Regulation of the digital Environment” created a working group on automation of law. Its tasks include discussing approaches to the development of machine-readable regulatory and regulatory-technical documents and formulating proposals for rulemaking in this area.

The need for legal regulation of artificial intelligence

The problem of legal regulation of relations in which artificial intelligence is present in one capacity or another is becoming more and more relevant. A study by authors from Stanford University “Artificial Intelligence and Life in 2030” lists the areas in which it will be intensively involved in the near future: transport, service, education, labor, and so on.

The currently available legislative framework often does not take into account the greatly increased level of technology. As an example, let’s take the level of development of autonomous robots, which already allows the introduction of robot assistants into people’s daily lives. Increasingly, industrial robots are replacing the work of dozens of workers in production, for example, at an automobile or aircraft factory. They perform the functions of welders, assemblers, metal carvers. In industrial workshops, workers have to work alongside collaborative robots. If large industrial robots perform their work in a space where people stay limited, then collaborative robots are directly designed to work together with humans. Robot loaders are used in warehouses, and robot vacuum cleaners are used in the household, of course, they are still quite simple. But the production of

autonomous vehicles that do not require human control has already begun. In fact, robots endowed with artificial intelligence begin to participate in relationships with people.

According to the existing legislation, a robot is an object whose owner is responsible for its actions. The issue of the need to form an updated legal framework that takes into account the development of technology is on the agenda in the United States, the European Union, Japan, South Korea, China and other countries.

At one time, the science fiction writer Isaac Asimov formulated the “laws of robotics”, later these rules were laid down as the basis for the development of robotics.

The first law. A robot cannot harm a person or allow this by its inaction.

The second law. A robot must obey orders given by a human, except in cases where these orders contradict the first law.

And finally, the third law. The robot must take care of its own safety, if it does not contradict the first two laws.

These rules are unspoken ethical requirements for robot developers, but the more advanced artificial intelligence becomes, the higher the need for the development of special legal norms regulating its use.

It is important to understand that the changes associated with the development of the same robots will affect all layers of society. According to a number of legal scholars, this pushes for the creation of a new branch of law, the so-called “robot law”, designed to unite the norms concerning the participation of robots in the life of society. In this case, the right of robots will include rules governing relations with robots endowed with artificial intelligence, that is, to determine the legal status of robots, establishing their responsibility for causing damage, protecting intellectual property created by them, granting certain rights, for example, to the inviolability of the body and code, and so on.

Yale University professor Jack Balkin talks about the «clash» of law and technology. In his article on robot law published in the California Law Journal in 2015, he argues that technology will evolve regardless of how people use it in their lives. The “freezing” of research in any case will not be absolute, so there is a need for legal regulation of a number of fundamental issues. He sees the main problems in the settlement of two issues:

- responsibility for the consequences of the actions of robots, when some people will use artificial intelligence, violating the rights of other people;
- “substitution effect” when some people replace other people or living beings with robots for certain purposes.

Jack Balkin believes that not only the first, already recognized by experts, but also the second problem will affect various areas of law and cause great difficulties in regulation.

The dilemma associated with the introduction of artificial intelligence, which draws the attention of another researcher, Professor of the University of Liege (this is Belgium) Nicolas Petit, is the following: engineers are afraid that strict rules can stifle innovation, they offer to provide immunity for the study of certain types of robots, philosophers raise ethical issues and predict the consequences, pushing for a complete a ban on research.

Nicolas Petit, in his 2017 article on the conceptual basis of artificial intelligence regulation, proposes a “regulatory compromise” based on the results of “weighing” the threats and opportunities created by the introduction of legal regulation of new technologies. Among the positive changes associated with the development of artificial intelligence and its inclusion in the life of society, there will be prompt information about natural disasters

and humanitarian disasters and the ability to automatically monitor compliance with legal norms by all subjects of relations (Petit gives an example: a drone sees a thief on the way to the place of delivery and warns law enforcement agencies about it). A negative consequence will be a reduction in confidentiality (including due to such monitoring) and the emergence of new risks for people, for example, a failure in the program of an industrial robot, which causes it to restart and injure an employee.

Conclusion. With all the serious risks, it is still impossible to abandon the development of technology. For example, in the 19th century, England was a leader in the emerging automotive industry, but in 1865 a new law was passed limiting the speed of cars in cities to two miles per hour and requiring that the front of the car at a distance of 60 yards (that's just over 50 meters) there was a signaller with a red flag, notifying passers-by about the danger. This law actually destroyed the nascent automotive industry in England and other countries came forward – France and Germany.

Among modern legal researchers working on the problems of artificial intelligence regulation, in addition to Jack Balkin and Nicolas Petit, we should mention British lawyer Richard Suskind, American researcher Kevin Ashley from the University of Pittsburgh (already mentioned earlier as editor of the specialized journal *Artificial Intelligence and Law*), Lawrence Solum, professor at Georgetown University, Hugo Pagallo, Professor of the University of Turin, Ryan Kahlo from the University of Washington – moreover, the latter two are mainly engaged in the problems of the very “right of robots” – and so on. It is clear that these authors are studying both the possibilities of the influence of law on the development and use of artificial intelligence, and the impact of developing artificial intelligence on law.

Список литературы

1. Баррат Д. Последнее изобретение человечества: искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens: [пер. с англ.]. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 303 с.
2. Демкин В. И. Искусственный интеллект в робототехнике / В. И. Демкин, Д. К. Луков // Вестник современных исследований. – 2018. № 6.3 (21). С. 456–458.
3. Джонс М. Т. Программирование искусственного интеллекта в приложениях; пер. с англ. А. И. Осипов. М.: ДМК Пресс, 2018. 311 с.
4. Маркофф Дж. Homo Roboticus: люди и машины в поисках взаимопонимания: пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 404 с.
5. Минделл Д. Восстание машин отменяется: мифы о роботизации: пер. с англ. / Д. Минделл. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 309 с.
6. Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: научная монография / РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». М.: Буки Веди, 2017. 257 с.
7. Рассел С. Искусственный интеллект: современный подход: пер. с англ. / С. Рассел, П. Норвиг; пер. К. А. Птицын. 2-е изд. М.: Вильямс, 2018. 1407 с.

Д. В. Бахтеев,

кандидат юридических наук, доцент,
Уральский государственный юридический университет
имени В. Ф. Яковлева

ЭТИЧЕСКИЕ КОДЕКСЫ КАК ОСНОВАНИЕ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. Целью исследования являлось проведение сравнительного анализа существующих подходов к этико-правовому регулированию деятельности по разработке интеллектуальных систем. На примере актов Еврокомиссии, Японии, а также негосударственных организаций – IBM, Bosch, JSAI, IEEE, российского Альянса в сфере искусственного интеллекта – проанализированы основные позиции этических кодексов. Предложена авторская модель этического кодекса разработчика, оператора и пользователя системы искусственного интеллекта, которая включает в себя следующие структурные элементы: общие принципы функционирования систем искусственного интеллекта; ценности и социальная интеграция; приватность; критерии эффективности; риски и ответственность; разработка и координация.

Ключевые слова: искусственный интеллект, машинное обучение, интеллектуальная система, этическое регулирование, кодекс этики, регулирование искусственного интеллекта, ответственность искусственного интеллекта

CODES OF ETHICS AS A BASIS FOR THE NORMATIVE REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Abstract. The aim of the study was to conduct a comparative analysis of existing approaches to the ethical and legal regulation of the development of intelligent systems. On the example of acts of the European Commission, Japan, as well as non-governmental organizations – IBM, Bosch, JSAI, IEEE, the Russian Alliance for Artificial Intelligence – the main positions of codes of ethics. The author's model of code of ethics for developer, operator and user of artificial intelligence system is proposed, which includes the following structural elements: general principles of functioning of artificial intelligence systems; values and social integration; privacy; effectiveness criteria; risks and responsibility; development and coordination.

Keywords: Artificial intelligence, Machine learning, Intelligent system, Ethical regulation, Code of ethics, Regulation of artificial intelligence, Responsibility of artificial intelligence

Несмотря на то что технология искусственного интеллекта еще не достигла своего максимума, в большинстве государств уже предприняты попытки разработать соответствующие формализованные этические и правовые системы. В большинстве развитых и развивающихся стран начаты работы по созданию нормативно-правовых подходов к регулированию этой технологии. В подавляющем большинстве случаев такими документами являются концепции, планы, програм-

мы, содержащие нормы-принципы, при этом конкретные охранительные нормы на момент написания работы еще не сформулированы. В данной статье проведен сравнительный анализ отдельных актов, разработанных государственными органами и негосударственными организациями с позиций направлений этико-правового регулирования группы технологических решений, связанных с искусственным интеллектом и машинным обучением.

Указанные совокупности норм (своды правил, кодексы, руководства, стратегии развития, указания и т. п.) создаются не только межгосударственными и государственными органами, но и частными организациями, их объединениями. Приведем примеры подобных актов и их основных положений.

Этическое руководство для заслуживающего доверия искусственного интеллекта, опубликованное Еврокомиссией 8 апреля 2019 г., в качестве основных этических принципов регулирования систем искусственного интеллекта называет:

- управление и надзор человека;
- техническую надежность и безопасность;
- конфиденциальность и управление данными;
- прозрачность;
- разнообразие, отсутствие дискриминации и справедливость;
- обеспечение благополучия общества и окружающей среды;
- ответственность [15].

Правительство Японии в 2016 г. создало стратегический совет по технологии искусственного интеллекта, в марте 2017 г. сформулирована «Стратегия технологии искусственного интеллекта», а в июне 2017 г. опубликован Проект принципов для исследования и разработки систем искусственного интеллекта, направленный для инициации международной дискуссии. Так, в этом документе указывается следующая система принципов:

- принцип сотрудничества;
- принцип прозрачности;
- принцип управляемости;
- принцип надежности;
- принцип безопасности;
- принцип конфиденциальности;
- принцип этики (уважать человеческое достоинство и индивидуальную автономию);
- принцип помощи пользователю;
- принцип ответственности.

Помимо общих принципов, важной особенностью данного проекта является требование его постоянного пересмотра [12], что коррелирует с незавершенностью развития технологии искусственного интеллекта.

Компания IBM в документе «Ежедневная этика для искусственного интеллекта» [16] приводит пять основных принципов применения этического регулирования при создании и использовании технологии искусственного интеллекта:

- ответственность;
- направленность на благо;

- объяснимость;
- честность;
- защита пользовательских данных.

Компания Bosch в отношении своих интеллектуальных продуктов указывает следующее:

– Все продукты Bosch, связанные с искусственным интеллектом, должны отражать наш принцип «Изобретено для жизни», который сочетает в себе стремление к инновациям и чувство социальной ответственности.

– Решения искусственного интеллекта, которые затрагивают людей, не должны приниматься без человеческого арбитра. Вместо этого искусственный интеллект должен быть инструментом для людей.

– Мы хотим разрабатывать безопасные, надежные и объяснимые продукты искусственного интеллекта.

– Доверие является одной из основополагающих ценностей нашей компании. Мы хотим разработать надежные продукты искусственного интеллекта.

– При разработке продуктов с искусственным интеллектом мы соблюдаем требования законодательства и ориентируемся на этические принципы [13].

В системах этических принципов от IBM и Bosch присутствует элемент, которого, как правило, лишены своды этических норм, сформулированных государственными образованиями. Речь идет об объяснимости. Этот принцип отличается от уже рассмотренного ранее в работе понятия прозрачности. Объяснимость в контексте настоящего исследования следует понимать как возможность разъяснения технологий обучения и функционирования системы, причем не только заказчику, но и пользователям, а также неопределенному кругу лиц. Также объяснимым должно быть происхождение датасета, использованного для обучения системы. Требование объяснимости тем не менее не должно содержать угрозы для конфиденциальности ни коммерческой тайны, ни персональных данных.

Японское общество искусственного интеллекта (JSAI), объединяющее 277 научных, образовательных и коммерческих организаций, сформулировало в своих рекомендациях касательно искусственного интеллекта следующие ключевые этические принципы:

- 1) вклад в человечество;
- 2) соблюдение законов и правил;
- 3) уважение конфиденциальности других;
- 4) справедливость;
- 5) безопасность;
- 6) честность;
- 7) социальная ответственность;
- 8) взаимодействие с обществом и саморазвитие;
- 9) соблюдение этических норм со стороны искусственного интеллекта [9].

Обратим внимание на то, что исключительно последний пункт рекомендаций JSAI относится к деятельности самой системы искусственного интеллекта, а не ее разработчиков и пользователей, что в целом отражает уже воспринятую Японией

толерантную модель. Компания IBM предпринимает попытки обучения системы искусственного интеллекта этическим нормам, и только после этого – прикладной функции [11]. Этические положения, как разновидность социальных норм, всегда ориентированы на субъекта, соответственно, требование к искусственному интеллекту соблюдать этические нормы наделяет его качеством субъекта, а не объекта этих норм.

IEEE – профессиональная организация, занимающаяся как технико-технологическими, так и этическими вопросами искусственного интеллекта, – выработала свод этических правил для разработчиков автономных и интеллектуальных систем [14]. Этот документ имеет следующую структуру:

I. Цели создания документа.

II. Общие принципы:

1) права человека: автономные и интеллектуальные системы должны создаваться и эксплуатироваться с уважением к правам человека,

2) благополучие: улучшение жизни людей должно быть главной целью для разработчиков,

3) управление данными: разработчики автономных и интеллектуальных систем должны предоставлять пользователям возможность доступа и безопасного распространения их данных, чтобы обеспечить возможность контроля над персональными данными,

4) эффективность: разработчики и операторы должны предоставлять доказательства эффективности системы и ее пригодности для достижения поставленных целей,

5) прозрачность: основа конкретного технологического решения должна быть обнаружима,

6) ответственность: все решения при создании и эксплуатации автономных и интеллектуальных систем должны быть однозначно обоснованы,

7) осознание недопустимости злоупотребления: разработчики автономных и интеллектуальных систем должны защищать всех от всех потенциальных ошибок и рисков,

8) компетентность: разработчики должны указать, а операторы – придерживаться правил и обладать знаниями для эффективной и безопасной работы.

III. Этические основы, в том числе решение таких вопросов, как потенциал автономных систем, морали во неморальных системах, последствия морального выбора и оценки решений в цифровой эпохе.

IV. Области использования:

1) устойчивое развитие науки и техники;

2) защита персональных данных;

3) правовые основы ответственности за решения и действия автономных и интеллектуальных систем;

4) программы по образованию и повышению осведомленности о названных технологиях.

Указанные совокупности (кодексы) этических норм не являются строго профессиональными, так как рассчитаны на выполнение этих норм различными

индивидами, организациями и органами государственной власти одновременно. Соответственно, такого рода этические системы стоит сравнивать скорее с воинской или космической этикой [1. С. 314–317], в том числе учитывая, что критические провалы в однородности этического осмысления функционирования систем искусственного интеллекта на уровне отдельного государства или крупной технологической организации могут привести к тяжелым последствиям для всей цивилизации.

Основные вопросы, затрагиваемые указанными сводами норм и их аналогами, касаются следующих аспектов создания и использования систем искусственного интеллекта:

- Обеспечение возможностей для извлечения выгоды при исследовании и разработке искусственного интеллекта.

- Межгосударственное (глобальное) управление, гонка технологий и международное сотрудничество.

- Экономические последствия, трудовая занятость людей, неравенство и технологическая безработица.

- Подотчетность, прозрачность и объяснимость.

- Наблюдение, конфиденциальность и обеспечение гражданских свобод.

- Справедливость, этика и права человека.

- Политическая манипуляция и пропаганда компьютерными методами.

- Человеческое достоинство и обеспечение психологического благополучия человека.

- Здоровье человека, аугментация и мозг-компьютерные интерфейсы.

- Надежность искусственного интеллекта.

- Безопасность и кибербезопасность.

- Автономное оружие.

- Риски катастроф и экзистенциальные риски.

- Сильный (общий) искусственный интеллект и суперинтеллект.

Представляется, что не все из приведенных положений вообще должны находиться в поле нормативного регулирования (к примеру, аугментация при соблюдении медицинских и гигиенических требований). Последние два пункта не могут подлежать конкретному регулированию в силу их отсутствия в настоящей реальности. При довольно частом упоминании пропаганды и fake-news практически (за исключением нескольких работ [3; 5; 6; 7]) не встречается упоминание проблемы, связанной с правами на объекты интеллектуальной собственности, созданные искусственным интеллектом. Однако в целом приведенные положения в целом вполне отражают направления изучения технологии искусственного интеллекта юристами. Следует также отметить, что в большинстве приведенных актов правовые нормы смешиваются с этическими и техническими, что может свидетельствовать о сближении соответствующих областей научного знания и формирования комплексного подхода к регулированию на основе как социальных, так и технических норм.

Корректным объектом этического и правового регулирования на настоящем этапе развития рассматриваемой технологии следует считать деятельность по раз-

работке и использованию систем искусственного интеллекта, субъектами в этом случае являются пока исключительно люди и их объединения, то есть разработчики конкретных систем искусственного интеллекта и конечные пользователи. Соответственно, рассматривать, как упоминалось выше, саму систему искусственного интеллекта как адресата социальных норм пока преждевременно.

Разработанный Альянсом в сфере искусственного интеллекта соответствующий кодекс этики [4] оговаривает исключительно случаи гражданского (невоенного) использования, что представляется значительным упущением. Кроме того, с позиций юридической техники документ по сути призывает к коллективному внешнему воздействию на участников данной технологии, что, на примере множества международных договоров, не является оптимальным: в логике развития любой критической технологии достаточно одного нарушителя, чтобы задать иной вектор ее становления. По нашему мнению, этико-правовое регулирование должно осуществляться «с низов» и исходить от непосредственных лиц, занятых разработкой интеллектуальных систем. Вместе с тем указанные недостатки рассматриваемого документа легко объяснимы широким кругом его подписантов.

Разрабатываемый автором Кодекс этики разработчика, оператора и пользователя системы искусственного интеллекта включает в себя следующие структурные элементы, организованные по тематическому признаку:

I. Общие принципы функционирования систем искусственного интеллекта – основанные на сущности данной технологии требования онтологического и аксиологического содержания.

II. Ценности и социальная интеграция – нормы, описывающие взаимодействие человека/общества и системы искусственного интеллекта.

III. Приватность – нормы, обеспечивающие безопасность обработки защищаемых законом данных системами искусственного интеллекта.

IV. Критерии эффективности – условия интеграции систем искусственного интеллекта в экономическую и иную деятельность.

V. Риски и ответственность – общие положения, касающиеся вопросов оценки рисков, вызванных функционированием прикладных систем искусственного интеллекта и возможностей по их преодолению.

VI. Разработка и координация – нормы, описывающие процесс создания систем искусственного интеллекта.

В качестве примеров общих норм такого кодекса, с учетом полученных результатов, приведем следующие принципы.

1. Учет и уважение основных конституционных прав человека и гражданина.
2. Улучшение качества жизни общества и индивидов как основная цель разработки и внедрения систем искусственного интеллекта.

3. Эффективность функционирования системы искусственного интеллекта по сравнению с показателями человека. Разработчик системы искусственного интеллекта должен быть готов предоставить доказательства этого качества.

4. Наделение пользователей интеллектуальных систем возможностью доступа к предоставленным данным, в том числе персональным данным и контроля над их использованием.

5. Возможность проверки эффективности действий и решений, осуществляемых и принимаемых при помощи системы искусственного интеллекта.

6. Прозрачность сбора базы данных, возможность ограниченного и полного доступа к ней, при необходимости и по специальному запросу – раскрытие разработчиком системы искусственного интеллекта программного кода этой системы полностью или частично.

7. Узкая специальная направленность каждой системы искусственного интеллекта при ее внедрении в практическую деятельность.

8. Компетентность разработчика системы искусственного интеллекта, в том числе в областях, в которых планируется внедрение этой системы.

9. Учет возможных рисков от внедрения системы искусственного интеллекта в практическую деятельность.

10. Установление презюмируемой ответственности за последствия ошибок, совершенных системой искусственного интеллекта [2. С. 168–170].

Помимо содержания, в силу отсутствия государственного принуждения в обеспечении, при разработке этических кодексов, особенно не являющихся профессиональными, нужно соблюдать ряд процедурных требований по их созданию и использованию. К ним следует отнести:

1. Разносторонний состав разработчиков: так, при формулировании положений кодекса, разработанного автором, привлекались не только ученые-философы и юристы, но и программисты, занимающиеся разработкой программных продуктов и машинным обучением, представители коммерческих структур, использующих автоматизированные, в том числе и интеллектуальные системы.

2. Альтруистичность целей: этические нормы могут быть сформулированы не во благо, а в субъективных интересах определенного человека или организации. Единственной разумной и добросовестной целью составления кодексов этики в сфере искусственного интеллекта должно быть взаимное обеспечение развития человека, общества и научно-технического прогресса.

3. Критика и динамический пересмотр положений кодекса: технология искусственного интеллекта крайне быстро меняется, отставание нормативных систем неизбежно, однако следует стремиться к учету актуального состояния как технологии, так и общества и правовой системы.

Нельзя, впрочем, забывать о том, что «подобно тому, как законы далеко не в полной мере отражают объективно сложившиеся связи и отношения между субъектами социальной деятельности, моральные кодексы могут как опережать развитие практики, так и служить тормозом на пути объективно складывающихся отношений и ценностей» [8. С. 103]. П. Боддингтон в качестве альтернативы этическим кодексам предлагает два стратегических подхода для ответа на этические вопросы, поднятые технологией искусственного интеллекта:

1) эпистемические стратегии, заключающиеся в распространении и публикации результатов в сети «Интернет» и максимальном обеспечении их доступности, в целях выработки подхода к обеспечению прозрачности и уменьшения непредсказуемости технологии;

2) технологические стратегии: верификация (достижение показателей эффективности) и валидация (соответствие поставленным задачам); установление тотального контроля человека над системами искусственного интеллекта [10. С. 4–5].

Данные подходы, несмотря на их очевидную корректность, все же можно охарактеризовать как стратегические, направленные в далекое будущее, но при этом требующие немедленного начала реализации. Нормативный подход к искусственному интеллекту через создание, модернизацию и использование этических кодексов и нормативно-правовых актов представляется более пригодным для решения тактических, ситуационных задач, которые поставлены перед обществом и государством уже сейчас. Превентивное регулирование технологий возможно, но не желательно, поскольку вектор развития прогресса предсказать на большой дистанции невозможно, однако юриспруденция способна предложить возможные модели и подходы потенциального регулирования.

Список литературы

1. Апресян Р. Г. Этика: учебник. М.: КНОРУС, 2017. С. 314–317.
2. Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы / Д. В. Бахтеев. М.: Проспект, 2021. С. 168–170.
3. Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. – 44 с.
4. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 414 с.
5. Пономарева Е. В. Субъекты и объекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 91–104.
6. Сесицкий Е. П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 218 с.
7. Сорокотягин И. Н. Профессиональная этика юриста: учебник для среднего профессионального образования / И. Н. Сорокотягин, А. Г. Маслеев. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. С. 103.
8. 人工知能学会 倫理指針 [Этическое руководство Общества Искусственного интеллекта] // 人工知能学会倫理委員会 [Комитет по этике Общества искусственного интеллекта]: официальный сайт. URL: <http://ai-elsi.org/archives/471> (дата обращения: 16.07.2022).
9. Boddington P. Towards a Code of Ethics for Artificial Intelligence. Cham: Springer, 2017. P. 4–5.
10. Dickson B. IBM researchers train AI to follow code of ethics // Venturebeat.com. 2018. 16 jul. URL: <https://venturebeat.com/2018/07/16/ibm-researchers-train-ai-to-follow-code-of-ethics/> (дата обращения: 16.07.2022).
11. Draft AI R&D Guidelines for International Discussion / The Conference toward AI Network Society (2017). – Ministry of Internal Affairs and Communications (Japan): official site. URL: http://www.soumu.go.jp/main_content/000507517.pdf (accessed: 16.07.2022).

12. Ethical Guidelines for Artificial Intelligence // Bosch: official site. 2020. 19 feb. URL: <https://www.bosch.com/stories/ethical-guidelines-for-artificial-intelligence/> (accessed: 16.07.2022).

13. Ethically Aligned Design: A Vision for Prioritizing Human Well-being with Autonomous and Intelligent Systems, First Edition / IEEE. – 2019. URL: <https://standards.ieee.org/content/dam/ieee-standards/standards/web/documents/other/ead1e.pdf> (16.07.2022).

14. Ethics guidelines for trustworthy AI // European Commission: official site. 2019. 8 apr. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/ethics-guidelines-trustworthy-ai> (accessed: 16.07.2022).

15. Everyday Ethics for Artificial Intelligence // IBM: official site. URL: <https://www.ibm.com/watson/assets/duo/pdf/everydayethics.pdf> (accessed: 23.03.2022).

16. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта // Альянс в сфере искусственного интеллекта. URL: https://a-ai.ru/wp-content/uploads/2021/10/Кодекс_этики_в_сфере_ИИ_финальный.pdf (дата обращения: 10.08.2022).

Е. А. Березина,

кандидат юридических наук, доцент,

Уральский государственный юридический университет
имени В. Ф. Яковлева

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ ВЫСОКОАВТОМАТИЗИРОВАННЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Работа посвящена рассмотрению особенностей правового регулирования общественных отношений, связанных с эксплуатацией высокоавтоматизированных транспортных средств в Российской Федерации. Анализируются основные положения действующих нормативных правовых актов, регулирующих данные общественные отношения как в сфере экспериментального правового режима, так и в сфере общего правового регулирования. Осуществляется конструктивно-критический анализ положений проекта федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Ключевые слова: технология, правовая технология, цифровые технологии, искусственный интеллект, автономные транспортные средства, высокоавтоматизированные транспортные средства, правовой эксперимент, экспериментальный правовой режим, правовое регулирование

LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS ON THE OPERATION OF HIGHLY AUTOMATED VEHICLES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The work concerns the legal regulation of public relations related to the operation of highly automated vehicles in the Russian Federation. The current legal acts regulating these public relations, both in the field of experimental legal regime and in

the field of general legal regulation, are analyzed. A constructive and critical analysis of the provisions of the draft Federal Statute «On Highly Automated Vehicles and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» is being carried out.

Keywords: Technology, Legal technology, Digital technologies, Artificial intelligence, Autonomous vehicles, Highly automated vehicles, Legal experiment, Experimental legal regime, Legal regulation

Введение. Стремительное развитие отношений в области использования цифровых технологий неизбежно влечет за собой необходимость обсуждения научным сообществом проблем социального регулирования данной группы общественных отношений, а также вопросов придания им правовой формы. «Можно определенно утверждать, что кардинально новая цифровая экономика нуждается в новых законодательных подходах и решениях» [37. С. 173].

Особенно актуальной является проблема правового регулирования общественных отношений в сфере использования систем искусственного интеллекта и робототехники, которой уделяется большое внимание как отечественными правоведами [4], так и правотворческими органами Российской Федерации [25].

Широкое применение систем искусственного интеллекта в различных сферах жизни общества (медицине, юриспруденции, геологии, военном деле и др.) вызывает потребность в упорядочении отношений, связанных с их созданием и использованием, с помощью правовых норм, устанавливающих права, обязанности, запреты и юридическую ответственность субъектов данных правоотношений.

Одной из областей применения систем искусственного интеллекта является их использование в транспортной сфере при разработке и дальнейшей эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств (ВАТС).

Научно-практические исследования в данной сфере общественных отношений уже несколько лет осуществляются большинством крупнейших автомобильных концернов, научно-исследовательскими институтами разных стран мира. Например, в Российской Федерации в таких разработках принимают участие компании «Когнитивные технологии» (Cognitive Technologies), одно из направлений деятельности которой связана с разработкой и внедрением программного обеспечения на основе технологий искусственного интеллекта для беспилотных систем наземного транспорта; ООО «Яндекс», ПАО «КАМАЗ», ПАО «Сбербанк» (Sber Automotive Technologies (SberAutoTech)) [38].

В последнее время появилось большое количество зарубежных и отечественных статей, в которых подробно освещены технические вопросы и принципы работы высокоавтоматизированных транспортных средств, перспективность их применения, основные преимущества и недостатки [3, 6, 45]. Но остается не до конца решенной проблема правового регулирования общественных отношений в сфере их эксплуатации, в том числе проблема юридической ответственности за вред, причиненный эксплуатацией ВАТС.

Анализ дорожно-транспортных происшествий, связанных с эксплуатацией высокоавтоматизированных транспортных средств. Точкой отсчета необходимости решения вопроса определения зоны ответственности изготовителей

автомобилей, их собственников, владельцев, операторов, а также разработчиков программного обеспечения, можно назвать первый инцидент с летальным исходом, который произошел в марте 2018 г. в Темпе, штат Аризона (США), когда беспилотный автомобиль, принадлежащий компании Uber, сбил женщину по имени Элейн Херцберг, переходящую автостраду с велосипедом в неполюженном месте в условиях плохой освещенности. В ходе расследования было выявлено множество факторов, вследствие которых произошел несчастный случай. Согласно отчету Национального совета по безопасности на транспорте США, вероятная причина аварии заключалась в том, что оператор не следил за работой автоматизированной системы вождения, поскольку во время поездки его постоянно отвлекал мобильный телефон. Кроме того, факторами, способствовавшими аварии, были (1) неадекватные процедуры оценки рисков безопасности Uber Advanced Technologies Group, (2) неэффективный надзор за операторами транспортных средств и (3) отсутствие адекватных механизмов для решения проблемы самоуспокоенности операторов – все это следствие «неадекватной культуры безопасности». Дополнительными факторами были (1) переход пешеходом в наркотическом опьянении шоссе вне пешеходного перехода и (2) недостаточный контроль Министерства транспорта Аризоны за автоматизированными испытаниями транспортных средств [40]. Также было установлено, что беспилотный автомобиль вовремя распознал препятствие, но в программу управления был заложен слишком высокий порог распознавания опасных объектов с целью предотвращения ложных срабатываний за 1,3 секунды до столкновения система управления автомобилем включила аварийное торможение, но это не удалось сделать, так как аварийные тормоза самой машины Volvo-XC 90 были отключены инженерами UBER во избежание конфликтов управления. Отмечалось, что программное обеспечение не смогло сразу распознать движущийся поперек дороги объект (женщину с велосипедом) как человека [7]. Кроме того, находящийся в салоне инженер-оператор, функции которого заключались в мониторинге показателей автомобиля и вмешательства в его управление в случае непредвиденных ситуаций, отвлекся на смартфон в момент аварии и нажал на тормоз уже после наезда на пешехода.

Авария подняла ряд проблемных вопросов об испытаниях автономных транспортных средств на дорогах общего пользования. Можно ли говорить, что технологии беспилотного вождения готовы к использованию их на дорогах общего пользования? Какие правовые нормы необходимы для того, чтобы урегулировать новые виды общественных отношений, связанных с эксплуатацией беспилотных автомобилей? Кто выступает в данных общественных отношениях в качестве субъектов правоотношений? Кто должен нести ответственность за вред, причиненный деятельностью, связанной с эксплуатацией беспилотных автомобилей? Готовы ли члены нашего общества к тому, чтобы доверять свою безопасность разработчикам беспилотных автомобилей? Как относятся представители общественности к технологиям беспилотного транспорта? Должны ли беспилотные автомобили и дальше проходить тестирование на дорогах общего пользования? Какое будущее у беспилотного транспорта?

Разбирательство причин аварии затянулось на несколько лет. После аварии Национальный совет по безопасности на транспорте США издал ряд рекомендаций

и подверг критике Uber. Была подчеркнута важность доработки систем предотвращения столкновений для беспилотных автомобилей. Компания Uber на некоторое время приостановила испытания беспилотных автомобилей в Аризоне, но затем вновь возобновила ее. С Uber была снята вся ответственность за смерть потерпевшей в аварии, полиция попросила провести дальнейшее расследование в отношении оператора [42]. В итоге в качестве основной причины аварии была названа невнимательность оператора беспилотного автомобиля, который отвлекся на свой телефон и не сумел вовремя отреагировать на аварийную ситуацию. Оператору было предъявлено обвинение в убийстве по неосторожности, хотя он не признает себя виновным [44]. На июнь 2022 г. разбирательство так и не завершено, оператор беспилотного автомобиля отказывается от сделки о признании вины, которая возможна по законодательству США, так как не считает себя виноватым в случившемся [41]. Если разработчики программного обеспечения приняли решение о возможности допуска беспилотного автомобиля на дороги общего пользования, значит, они решили, что автомобиль готов к эксплуатации в автономном режиме, почему же тогда не сработала система торможения, почему она не распознала пешехода и не остановилась? Значит, были технические ошибки и просчеты в системе управления автомобилем, которые сделали возможным наезд на пешехода. Следовательно, технология беспилотного вождения еще была не готова для эксплуатации. И в этом случае можно ставить под сомнение виновность оператора беспилотного автомобиля. В 2020 г. компания Uber продала свое подразделение ATG (Advanced Technologies Group), занимавшееся разработкой и тестированием беспилотных автомобилей, американской компании Aurora Innovation, решив отказаться от самостоятельной работы с беспилотными такси, но приобрела долю в Aurora Innovation [39]. Некоторые специалисты считают, что пятый, самый высокий уровень автономности автомобилей, очень далек и призрачен, и начинают переориентироваться на другие направления деятельности.

Как бы в итоге не закончилось судебное дело, приведенный с Uber пример демонстрирует наличие больших рисков эксплуатации беспилотных транспортных средств как для пешеходов, так и для собственников беспилотного транспорта, которые ставят свою безопасность и безопасность пассажиров в прямую зависимость от уровня знаний и квалификации разработчиков программного обеспечения и уровня машинного обучения искусственного интеллекта, используемого в беспилотных автомобилях. И эти риски должны быть учтены при осуществлении правового регулирования общественных отношений, связанных с производством и эксплуатацией беспилотных транспортных средств, отечественным законодателем.

По данным одного из крупнейших японских средств массовой информации «Лаборатория автономного вождения», занимающихся вопросами освещения технологий автономного вождения, по состоянию на конец июня 2022 г. в США произошло уже несколько несчастных случаев со смертельным исходом, в котором участвовали беспилотные автомобили. Рекордсменом по числу различных аварий, связанных с технологиями беспилотных транспортных средств, согласно статистике, приведенной Национальной администрацией безопасности дорожно-

го движения США за последние 11 месяцев, стала Tesla, на которую приходится 273 случая отчетов о различных видах ДТП с участием беспилотных автомобилей, за ней следует Honda с 90 отчетами [11].

В статье редакции «Лаборатория автономного вождения», которая была написана под руководством эксперта в этой области Т. Симоямы, приведена статистика аварий с участием беспилотных автомобилей [1]. Один из сравнительно недавних случаев – авария с участием беспилотного электромобиля Toyota e-Palette, наехавшего на слабовидящего японского спортсмена в Олимпийской деревне на Паралимпийских играх в Токио 26 августа 2021 г. [43].

Каждая из аварий имеет свои собственные причины. Так, 26 августа 2019 г. низкоскоростной беспилотный автомобиль, принадлежавший Университету Нагои, попал в аварию в ситуации, когда его стало обгонять обычное транспортное средство, ехавшее с большей скоростью. Беспилотный автомобиль внезапно перестроился в полосу, по которой шел обгон, в результате чего произошла авария. В качестве причины аварии в отчете Комитета по расследованию причин аварий названо то, что функция определения положения автономного транспортного средства ошибочно определила направление, в котором оно должно двигаться [33]. 7 мая 2016 г. произошло ДТП с электро автомобилем Tesla Motors, Inc. Model S, во время частично автоматизированного режима вождения. Автомобиль Tesla, движущийся в автоматическом режиме движения по шоссе во Флориде (США) столкнулся с большим прицепом. По данным Tesla Motors, яркость солнца и белый цвет прицепа не позволили системе автономного вождения распознать прицеп как «объект» [46].

Рассмотренные примеры демонстрируют нам, что отношения в сфере эксплуатации беспилотного транспорта, в области обеспечения их безопасности, а также в области привлечения тех или иных субъектов права к юридической ответственности требуют своего правового регулирования.

Практика правового регулирования эксплуатации ВАТС в РФ. В Российской Федерации законодательное регулирование в сфере эксплуатации ВАТС находится на этапе обсуждения законопроекта. Пока ведутся активные научные исследования в области искусственного интеллекта, используемого для автономного управления транспортными средствами, проводится анализ рисков в сфере эксплуатации беспилотных транспортных средств, осуществляется правовое регулирование на уровне подзаконных нормативно-правовых актов. А. Семенов, заместитель министра транспорта РФ, подчеркнул, что на настоящий момент в РФ уже пройден технологической этап готовности к эксплуатации автономных транспортных средств, влекущий за собой переход к следующему этапу, который связан с массовым использованием этих технологий. Одним из серьезнейших препятствий перехода к практическому внедрению ВАТС выступает «отсутствие необходимой и достаточной нормативной правовой базы» [17], – обозначил существующую проблему А. Семенов.

Нужно отметить, что в последние несколько лет государственные органы стали особенно активны в данном направлении правового регулирования. В 2018 г. вышло Постановление Правительства РФ «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств» [18].

тизированных транспортных средств» [23]. С 01.12.2018 в РФ внедрена правовая технология правового эксперимента эксплуатации беспилотного транспорта на автомобильных дорогах общего пользования [23].

Правовой эксперимент – это «апробация предполагаемых законодательных нововведений в ограниченном масштабе для проверки эффективности, полезности и экономичности экспериментальных правовых норм и отработки оптимальных вариантов будущих правотворческих решений общего действия» [35. С. 26]. Он предполагает наличие нескольких взаимосвязанных стадий: во-первых, разработку программы проведения эксперимента и иные подготовительные действия, которые необходимы для данного эксперимента; во-вторых, собственно проведение самого эксперимента, определение достигнутого в ходе эксперимента результата, в-третьих, подведение итогов эксперимента для определения уровня социальной и правовой эффективности данного эксперимента и принятия решения о возможности распространения действия нормативно-правовых актов на всю территорию государства.

Как отмечает В. В. Лазарев, «правовой эксперимент необходим, когда требуется предварительное обоснование того или иного важного общественно-политического мероприятия, проводимого государством, если целесообразность этого мероприятия нельзя определить умозрительно без практической проверки предлагаемых моделей» [12. С. 9]. Так, согласно п. 4 Положения о проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования ВАТС, целями и задачами эксперимента являются: а) апробация движения ВАТС в автоматизированном режиме управления; б) определение фактических значений характеристик автоматизированной системы вождения; в) определение ее фактической эффективности; г) подтверждение возможности эксплуатации ВАТС на автомобильных дорогах общего пользования; д) выработка технических требований для разработки технических регламентов и документов по стандартизации [23]. По результатам проведения правового эксперимента Минпромторг РФ должен, основываясь на отчетах испытательной лаборатории об итогах правового эксперимента, сформировать и передать Правительству РФ предложения о целесообразности дальнейшего применения и развития опыта, полученного в рамках реализации эксперимента (п. п. «в» п. 19 Положения) [23].

В правовом эксперименте эксплуатации беспилотного транспорта на автомобильных дорогах общего пользования первоначально предусматривалось участие только двух субъектов РФ – города Москвы и Республики Татарстан. С февраля 2020 г. к территориям проведения эксперимента добавили дополнительно 11 регионов [19]. Предполагалось, что правовой эксперимент должен быть завершен 1 марта 2022 г., но первоначально он был продлен до 1 июля, затем до 31 января 2022 г. [15].

28 мая 2018 г. в РФ была утверждена Стратегия развития автомобильной промышленности РФ на период до 2025 г. [31], в которую в 2019 г. были внесены изменения, предусматривающие, что одним из приоритетных направлений в сфере развития «новых видов высокотехнологичной продукции автомобильной промышленности, локализация производства которых на территории Российской

Федерации имеет критическое значение в среднесрочной перспективе, является развитие ключевых компонентов и технологий автономных (беспилотных) автомобилей» [18].

Параграф 2 главы 5 Стратегии, называющейся «Целевое видение новых рынков», к таким рынкам относит рынок самоуправляемых автомобилей и телекоммуникационные транспортные системы. В качестве одного из основных направлений политики государства в данной сфере должно быть установление требований, обеспечивающих безопасность эксплуатации ВАТС, которая зависит как от совершенствования программного обеспечения, улучшения транспортной сети, так и от норм права, регулирующих общественные отношения, связанные с эксплуатацией беспилотных транспортных средств.

Но пока технологии правового регулирования общественных отношений, связанных с эксплуатацией ВАТС, в РФ ограничиваются подзаконным правотворчеством.

Необходимо упомянуть о том, что одним из видов технологий правового регулирования общественных отношений является правотворческая технология, которая, по мнению В. Н. Карташова, выступает в качестве перспективного направления исследования в современных условиях жизни общества [10], и подразделяется на два вида – законотворческая технология и технология подзаконного правотворчества. Анализ нормативно-правовых актов РФ демонстрирует преобладание в сфере технологий нормативного правового регулирования общественных отношений, связанных с эксплуатацией беспилотного транспорта, правовых технологий именно второго вида – технологий подзаконного правотворчества [5].

В 2019 г была осуществлена попытка правового регулирования на уровне закона – в мае 2019 г в Государственную Думу РФ был внесен законопроект «Об опытной эксплуатации инновационных транспортных средств и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», но Решением комитета Государственной Думы по транспорту и строительству 19 октября 2019 г. законопроект был снят с рассмотрения Государственной Думы в связи с отзывом авторами законодательной инициативы [28].

Следующим инициатором урегулирования общественных отношений, связанных с эксплуатацией беспилотных автомобилей, на уровне федерального закона, а не только подзаконных нормативно-правовых актов, выступил Государственный Совет Республики Татарстан, который 27 февраля 2020 г. внес на рассмотрение Государственной Думы проект федерального закона «Об инновационных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [26]. Данный проект закона предлагал «рамочный формат» регулирования общественных отношений в области инновационного транспорта, который требовал конкретизации общих положений в подзаконном правотворчестве. Законопроект предусматривал закрепление правовых дефиниций «инновационное транспортное средство», «высокоавтоматизированное транспортное средство» и ряд других, но не решал многих проблем, которые должны были бы быть урегулированы на уровне закона: в частности, одного из главных вопросов – вопроса ответственности за вред, причиненный беспилотным

транспортным средством. Решением Комитета по транспорту и строительству ГД ФС РФ № 3.13–5/115–3 от 23 июня 2020 г. законопроект был возвращен в связи с несоблюдением требований части третьей ст. 104 Конституции Российской Федерации и ст. 105 Регламента Государственной Думы» [24].

В настоящее время правовое регулирование общественных отношений в сфере эксплуатации ВАТС и сегодня продолжает осуществляться на подзаконном уровне. 25 марта 2020 г. была утверждена «Концепция обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования» [22]. А уже 29 мая 2020 г. беспилотный автомобиль StarLine, разработанный коллективом российских исследователей г. Санкт-Петербурга (научно-производственное объединение «Старлайн»), прошел все тесты и испытания и получил сертификацию, дающую возможность проводить правовой эксперимент на дорогах общего пользования, а не только на специальных полигонах. Более того, к концу 2021 г. достижения разработчиков Старлайн позволили подготовить беспилотные автомобили к тестированию «без инженера-испытателя на борту, осталось только дождаться изменений нормативно-правовой базы» [8].

Министерство транспорта РФ с учетом позиций других федеральных органов исполнительной власти РФ, а также путем согласования с отраслевыми экспертными объединениями и организациями научно-технологического бизнес-сообщества, разработало план поэтапного запуска к 2024 г. ВАТС без оператора в салоне. А. Белоусов, первый заместитель Председателя Правительства РФ, по поручению Президента РФ утвердил разработанный Минтранс России ряд мероприятий «по тестированию и вводу в эксплуатацию на дорогах общего пользования ВАТС без присутствия инженера в салоне автомобиля» [16].

Осуществление предусмотренных мероприятий в период до 2024 г. даст возможность создать необходимые условия для внедрения высокоавтоматизированных транспортных средств в транспортный комплекс.

31 июля 2020 г. был принят Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». Ч. 2 ст. 1 данного закона относит «проектирование, производство и эксплуатацию» ВАТС к «направлениям разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций, по которым могут устанавливаться экспериментальные правовые режимы» [32]. Ч. 4 ст. 5 закона содержит правовую норму о «возмещении вреда ..., причиненного при реализации экспериментального правового режима», которая является бланкетной и содержит ссылку на Гражданской кодекс РФ. То есть никаких специальных правил возмещения вреда данный Федеральный закон не предусматривает. Ч. 7 ст. 5 Федерального закона указывает на возможность введения дополнительных гарантий защиты прав лиц, вступающих в правоотношения с субъектом экспериментального правового режима, на уровне федерального закона, что объясняется в том числе и необходимостью учета особенностей субъектного и объектного состава данных общественных отношений. К таким дополнительным гарантиям могут быть отнесены, например, «информирование о специальном регулировании», «возможность отказа от вступления в указанные правоотношения». Кроме того,

может предусматриваться требование о необходимости страхования гражданской ответственности.

Ст. 18 анализируемого федерального закона содержит перечень возможных выводов о результатах проведенного правового эксперимента, то есть регламентирует третью стадию проведения правового эксперимента – подведение итогов эксперимента для определения уровня социальной и правовой эффективности данного эксперимента и принятия последующего решения. Законодатель указывает три варианта решения: первый вариант предусматривает возможность придания специальному регулированию свойства общего регулирования; второй – ставит данную возможность в зависимость от внесения определенных изменений в специальное регулирование, которые позволят учесть результаты проведенного правового эксперимента, третий вариант решения противоположен первому, так как предусматривает «недопустимость придания специальному регулированию свойства общего регулирования».

В соответствии с ч. 4 ст. 10 ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах...» Правительство РФ 9 марта 2022 г. приняло Постановление «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций...» [29], вступившее в силу 25 марта 2022 г. В п. 52 Программы, которая была утверждена этим Постановлением, в качестве субъектов подзаконного правотворчества в сфере экспериментального правового режима названы Министерство транспорта РФ и Министерство промышленности и торговли РФ.

В п. 2 Программы содержатся дефиниции «автоматизированный режим управления», «водитель-испытатель», «высокоавтоматизированное транспортное средство» (ВАТС), «испытательная лаборатория», «оператор», «пассажир высокоавтоматизированного транспортного средства» и ряд других. Уже по перечню терминов видно, что в Программе особое внимание уделяется безопасности эксплуатации ВАТС: среди дефиниций есть «декларация о безопасности» ВАТС, «заключение о соответствии», «среда штатной эксплуатации», «устройство E-stop», позволяющее выполнить торможение (в том числе экстренное) ВАТС.

В данном подзаконном правовом акте также содержится правовая норма о необходимости страхования риска ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц, в пользу третьих лиц. При этом определена сумма для каждого ВАТС – 10 млн рублей (п. 10 Программы, который почти дословно повторен в п. 62 Программы, что является нарушением правил юридической техники – дублированием одних и тех же положений). В качестве гарантий безопасности эксплуатации ВАТС можно рассматривать предоставление испытательной лабораторией заключения о соответствии ВАТС требованиям безопасности (п. 11 Программы).

В Программе большое внимание уделено «оценке рисков причинения вреда жизни, здоровью или имуществу человека либо имуществу юридического лица, ущерба обороне и (или) безопасности государства»; «мерам, направленным на минимизацию названных рисков»; требованиям, предъявляемым к субъектам данного режима, требованиям безопасности, которым должно соответствовать само ВАТС (п. 16 Программы). Например, к таким требованиям относятся требования к авто-

матризованным системам управления, которые должны обеспечивать соблюдение ПДД; требования к методам контроля и надзора за параметрами ВАТС; требования к маркировке ВАТС; требования к обеспечению информационной безопасности, предотвращению возможности перехвата управления ВАТС, препятствию внешним незаконным воздействиям.

П. 28 Программы содержит правила поведения субъекта экспериментального правового режима в случае совершения дорожно-транспортного происшествия, повлекшего причинение вреда жизни и здоровью людей.

Поскольку в сфере цифровых инноваций по эксплуатации ВАТС устанавливается экспериментальный правовой режим, в положениях Программы закрепляются методико-технологические правила, критерии и показатели оценки эффективности и результативности, которые позволят продемонстрировать успешность (или нет) проводимого правового эксперимента. Для оценки результативности экспериментального правового режима используется правовая технология мониторинга, в ходе которой производится оценка соответствия деятельности субъекта экспериментального правового режима показателям эффективности и результативности [30]. К показателям эффективности относятся «пробег ВАТС», «количество осуществленных перевозок», «количество ДТП», осуществленных с нарушением правил дорожного движения, повлекшие тяжкий или средней тяжести вред здоровью людей, количество административных правонарушений (Приложение № 2 к Программе).

Зонами эксплуатации ВАТС Программа устанавливает г. Москву, г. Иннополис (Татарстан), федеральную территорию «Сириус» (для ВАТС 1-й категории) и г. Иннополис и инновационный центр «Сколково», г. Москва (для ВАТС 2-й категории).

Параллельно с проведением правового эксперимента по эксплуатации ВАТС в РФ осуществляется обсуждение законопроекта «О высокоавтоматизированных транспортных средствах...» [20].

Работа над законопроектом проходит очень интенсивно, уже было предложено четыре редакции (от 10.06.2021, от 13.07.2021, от 31.12.2021, от 14.04.2022) [20]. Последняя редакция законопроекта включает в себя всего 19 статей, 7 из которых посвящены внесению изменений в уже действующее законодательство. В проекте предусмотрены правила эксплуатации ВАТС на дорогах общего пользования. Ст. 2 четвертой редакции законопроекта от 14.04.2022 предусматривает дефинитивные нормы, содержащие определения таких понятий, как «автоматизированная система управления», «автоматизированный режим управления», «высокоавтоматизированное транспортное средство» (ВАТС), «владелец ВАТС». При этом часть понятий являются новыми по сравнению с первой редакцией законопроекта (например, вместо понятия «оператор ВАТС» вводится понятие «диспетчер», физическое лицо, осуществляющее диспетчерский контроль, деятельность по маршрутизации ВАТС, включая включение и выключение автоматизированной системы управления, и иное управление такими транспортными средствами, не относящееся к динамическому управлению; появляется новая дефиниция «состояние минимального риска»; убирается существовавшее ранее наряду с дефиницией «динамическое управление» дефиниция «стратегическое управление».

В ст. 8 закреплены обязанности производителя ВАТС, предусматривающие установление среды штатной эксплуатации, норм и процедур техобслуживания и ремонта, организацию обновления программного обеспечения ВАТС и информационно-консультационной поддержки эксплуатации ВАТС.

В свою очередь, диспетчер ВАТС обязан соблюдать порядок и правила эксплуатации ВАТС; диспетчерского контроля; «не допускать активации автоматизированной системы управления за пределами среды штатной эксплуатации; принять меры по прекращению эксплуатации ВАТС в случае выявления технических неисправностей, создающих угрозу безопасности дорожного движения» (ст. 9 Законопроекта).

Ст. 10 Законопроекта закрепляет обязанности владельца высокоавтоматизированного транспортного средства, состоящие в обеспечении исправного технического состояния ВАТС, страховании гражданской ответственности (здесь можно отметить особенность, которая была в первой редакции законопроекта, по сравнению с правилами, предусмотренными для экспериментального правового режима, – было учтено, что страхование гражданской ответственности осуществляется только в соответствии с ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [27], но в последней редакции ссылку на ФЗ от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ убрали); в соблюдении правил эксплуатации ВАТС; обеспечении установки обновлений и др.

Проанализировав текст законопроекта, можно сделать вывод, что он является «рамочным»: предусматривая обязанности владельца, производителя, диспетчера, законопроект не содержит конкретных положений о юридической ответственности данных лиц, предусматривая всего лишь одну бланкетную норму права, закрепленную в ст. 11 законопроекта, отсылающую правоприменителя к «законодательству Российской Федерации», предусматривающему ответственность. Хотя первая редакция законопроекта содержала ст. 10, состоящую из четырех частей, предусматривающих особенности ответственности изготовителя, владельца и оператора высокоавтоматизированного транспортного средства. Кроме того, бланкетными являются и все части ст. 6 законопроекта, закрепляющие полномочия органов государственной власти РФ в данной сфере. Так, для регулирования общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования данного законопроекта, Правительство РФ должно еще принять нормативно-правовые акты, регламентирующие порядок диспетчерского контроля; порядок страхования; порядок дорожного движения ВАТС и многое другое (всего 9 пунктов). При этом опять обнаруживается несовершенство законопроекта – встречается повтор в тексте – п. 2. ч. 1 ст. 6 полностью совпадает с п. 9 ч. 1 ст. 6 законопроекта, предусматривающим необходимость установления Правительством классификации, порядка учета и расследования ДТП с участием ВАТС.

Таким образом, законопроект, хотя в определенной степени и усовершенствованный за прошедшие четыре чтения, все еще требует доработки, особенно в части установления норм о юридической ответственности за вред, причиненный деятельностью, связанной с эксплуатацией ВАТС.

На несовершенство законопроекта обращает внимание и председатель Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, 19 мая 2022 г. подписавший экспертное заключение по анализируемому

законопроекту. Хотя в заключении говорится, что необходимость правового регулирования общественных отношений в сфере использования ВАТС сомнений не вызывает, эксперты подчеркивают, что в законопроекте присутствуют «недостатки концептуального характера», которые объединены в восемь самостоятельных групп. К ним, в частности, относятся: невозможность применения положений, содержащихся в проекте без принятия на его основе подзаконных нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации; необходимость переработки норм об особенностях страхования гражданской ответственности владельцев ВАТС; необоснованность отказа от регулирования страховых тарифов по обязательному страхованию Банком России; отсутствие норм, регулирующих порядок оформления документов о ДТП; отсутствие единства подходов в правовом регулировании общественных отношений в сфере эксплуатации различных видов автономного транспорта. В качестве недостатков законопроекта отмечается и отсутствие норм права, содержащих отсылку к положениям статьи 1079 ГК РФ, предусматривающих ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих; отсутствие решения вопроса о том, кто является причинителем вреда; отсутствие в проекте каких-либо повышенных требований к ВАТС при регулировании вопросов гражданского права (например, повышенных гарантий для потребителей при оказании услуг по перевозке пассажиров и багажа). Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства считает, что, хотя правовое регулирование общественных отношений в сфере эксплуатации ВАТС по таким вопросам, как учет ВТС, допуск их к эксплуатации, требования к техническому обслуживанию и т. д., относится к публично-правовому виду регулирования, «в частноправовых вопросах также необходимо закрепление императивных норм в части установления обязанностей производителя, владельца и диспетчера ВТС» [21].

В отношении законопроекта была осуществлена оценка регулирующего воздействия. В сводном отчете о ее проведении в разделе 4 «Анализ международного опыта в соответствующих сферах деятельности» указывается, что международный опыт в соответствующих сферах деятельности: «Отсутствует» [34], хотя в действительности, многими странами мира уже накоплен соответствующий опыт правового регулирования общественных отношений, связанных с эксплуатацией беспилотных транспортных средств, который было бы полезно изучить, учесть положительные моменты и предупредить или минимизировать негативные последствия, которые были обнаружены в сфере правового регулирования данных отношений в других государствах, при совершенствовании законопроекта. Также являются не до конца решенными вопросы, связанные с системами искусственного интеллекта, используемыми в ВАТС, в частности, вопрос о правовом статусе роботов и систем искусственного интеллекта, их месте в структуре правоотношения. Кроме того, проблемами выступают криминальные риски, связанные с эксплуатацией ВАТС [2]. Предметом анализа должны быть и вопросы этического, морально-нравственного, религиозного, технического характера, от решения которых зависит и дальнейшая разработка систем искусственного интеллекта, являющихся ядром в программе управления беспилотного автомобиля. Например, при неизбежности аварии, кто будет приоритетной целью сохранения жизни для автомобиля с отказавшими тормо-

зами – сидящий внутри пассажир или группа людей на автобусной остановке, куда беспилотный автомобиль может отвернуть от встречного транспорта? Очевидно, что на поведение живого человека, сидящего за рулем, в данной ситуации оказывает влияние как инстинкт самосохранения, так и морально-этические составляющие. У беспилотного автомобиля нет ни инстинктов, ни совести. Поэтому траектория его движения определяется исключительно заложенной в систему искусственного интеллекта компьютерной программой, у которой есть конкретные разработчики.

В ряде стран уже предприняты определенные шаги в данном направлении. Так, например, в Германии приняты основные правила для беспилотных автомобилей: во-первых, приоритет ответственности производителя; во-вторых, приоритет причинения материального вреда перед причинением вреда человека, отсутствие деления людей по какому-либо признаку (расе, возрасту, росту) [9].

Закключение. Совершенствование ВАТС является на сегодняшний день одним из наиболее перспективных направлений развития систем искусственного интеллекта. Ведущие автомобильные производители и транснациональные ИТ-компании вкладывают огромные средства в научные технические и программные разработки, так как будущий масштаб применения ВАТС на практике и потенциальная прибыль от их коммерческого использования несравнима ни с одной другой областью практического применения систем искусственного интеллекта в обозримом будущем. Вполне вероятно, что уже через несколько лет приобретение беспилотного автомобиля или вызов беспилотного такси будет совершенно обычным явлением. Технический прогресс неумолимо движется вперед, задача юридического сообщества состоит в анализе сравнительно недавно возникших общественных отношений в сфере создания и эксплуатации ВАТС и выработке предложений и рекомендаций по их упорядочению для отечественного законодателя.

Со своей стороны, законодатель должен способствовать процессу внедрения ВАТС в жизнь общества путем своевременного осуществления правового регулирования отношений в сфере их эксплуатации на дорогах общего пользования внесением конструктивных изменений в действующее законодательство и созданием новых нормативно-правовых актов, в частности, более интенсивной работой над уже существующим законопроектом о ВАТС путем устранения в нем отмеченных в работе несовершенств юридической техники, а также доработки положений законопроекта, посвященных ответственности за вред, причиненный эксплуатацией ВАТС. Низкая активность законодателя в данном направлении будет являться существенным препятствием для развития общественных отношений в этой сфере, в которые в качестве их участников вовлечены не только в исследовательские и конструкторские структуры, но и финансовые институты, в частности, страховые компании и кредитные организации, органы государственной власти и управления, поскольку они при осуществлении своей деятельности должны опираться на достаточную законодательную базу. В РФ уже формируется сообщество юристов, которые понимают всю значимость и необратимость происходящих технологических прорывов в информационно-технологической сфере и прилагают максимум усилий для развития научно-технического прогресса путем обеспечения его необходимыми эффективными законотворческими решениями.

Исследуя проблемы правового регулирования общественных отношений, связанных с эксплуатацией ВАТС, можно заметить, что, помимо объективно обусловленного отставания закона, характеризующегося статичностью, от динамично развивающихся общественных отношений, в качестве особенности правовых отношений в данной сфере выступает преобладание технологий подзаконного правотворчества, поскольку процесс принятия подзаконных правовых актов осуществляется более оперативно. Кроме того, преобладание технологий подзаконного правового регулирования объясняется в том числе необходимостью принятия хорошо продуманных решений на законодательном уровне при осуществлении правового регулирования общественных отношений в сфере эксплуатации ВАТС. Для повышения эффективности научных разработок в данной сфере и непосредственно правового регулирования Российская Федерация может заимствовать положительный правовой опыт других стран, например, Японии, в которой действует Межминистерская стратегическая программа продвижения инноваций «Инновации в области автоматизированного вождения» (SIP-adus) [14], представляющая собой проект исследований и разработок, связанных с автономным вождением. Проект предусматривает функционирование разных исследовательских групп, изучающих проблемы, связанные с внедрением автоматизированного вождения в транспортную систему: от вопросов ответственности за вред, причиненный беспилотным автомобилем, до технических вопросов, связанных с распознаванием искусственным интеллектом, используемым в беспилотных автомобилях, цвета на светофоре [45]. В рамках Программы продвижения инноваций ежегодно проводится научная конференция, на которой происходит международный обмен новейшей информацией об автоматизированных системах вождения. В этом году такая конференция пройдет уже в девятый раз 11–13 октября 2022 г. в г. Киото, на ней будут представлены мнения ведущих экспертов в области автоматизированных систем вождения со всего мира по таким вопросам, как обеспечение безопасности (методология валидации и верификации для обеспечения безопасности), кибербезопасность (превентивные меры против новых типов угроз для обеспечения устойчивой защиты автоматизированных систем вождения), влияние человеческого фактора на безопасное автоматизированное вождения, оценка социального воздействия технологий автоматизированного вождения и др. [36]. Отрадно то, что в Российской Федерации с этого года проводится Международная научно-практическая конференция «Цифровые технологии и право», в рамках которой ученые разных стран получают возможность обсуждать и проблемы правового регулирования общественных отношений, связанных с ВАТС [13].

Отмеченную выше осторожность, взвешенность решений в правовом регулировании на уровне закона в РФ можно объяснить и необходимостью оценить все риски использования беспилотного автотранспорта, сделать правильные выводы из проводимого в РФ правового эксперимента, проявить заботу об обеспечении безопасности всех участников дорожного движения. С другой стороны, отсутствие правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений на уровне закона может вызвать эффект сдерживания при внедрении в общественную жизнь новейших достижений науки и технологий. Законодателю важно найти необходимую и достаточную меру вмешательства государства в общественные

отношения, связанные с эксплуатацией ВАТС, и правильно обозначить пределы правового регулирования данных общественных отношений.

Таким образом, проблема правового регулирования общественных отношений в сфере производства и эксплуатации ВАТС для отечественного законодателя является чрезвычайно актуальной. На сегодняшний момент можно выделить несколько основных направлений правового регулирования в данной сфере: во-первых, упорядочение общественных отношений, связанных с производством ВАТС, определение правового статуса субъектов этих отношений, их прав и обязанностей (например, отношений между производителями ВАТС и разработчиками программного обеспечения, между производителями ВАТС и государством); во-вторых, регулирование общественных отношений, связанных с эксплуатацией ВАТС (например, отношений между производителями ВАТС и собственниками или владельцами ВАТС, между последними и пассажирами ВАТС, а также операторами и водителями-испытателями, между собственниками ВАТС и страховыми организациями, между собственниками и субъектами права, обеспечивающими поддержание технического состояния ВАТС [3]); в-третьих, охрана интересов личности, общества и государства в сфере эксплуатации ВАТС (например, закрепление новых правовых норм в КоАП РФ, УК РФ, ГК РФ).

При этом при осуществлении целенаправленного воздействия на общественные отношения в данной сфере следует разграничивать экспериментальный правовой режим, установленный ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», и «общее правовое регулирование», которое будет осуществляться на основании положений закона о ВАТС, обсуждение проекта которого сейчас осуществляется заинтересованными лицами. В отношении последнего можно отметить, что законодателю, уже имеющему определенную правовую стратегию (концепции, цели, планы, прогнозы, задачи, принципы регулирования общественных отношений в сфере использования ВАТС), важно выбрать необходимую правовую тактику (приемы, способы, методы, правила регулирования общественных отношений в сфере использования ВАТС) и эффективно использовать средства юридической техники при доработке законопроекта о ВАТС, при этом основываясь на позитивном правовом опыте в этой сфере других государств.

Список литературы

1. Аварии с участием беспилотных автомобилей // Лаборатория автономного вождения. 6 июня 2022 г. URL: https://jidounten-lab.com/y_1615 (дата обращения: 21.06.2022).
2. Бегишев И. Р. Высокоавтоматизированные транспортные средства: криминальные риски и правовые последствия // Информационное общество. 2022. № 4. С. 45–54.
3. Бегишев И. Р. Ответственность за вред, причиненный беспилотными транспортными средствами: комплексно-юридические аспекты // Транспортное право и безопасность. 2021. № 2(38). С. 68–74.
4. Бегишев И. Р. Уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робототехникой: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Казань, 2022. – 55 с.

5. Березина Е. А. Правовые технологии нормативного регулирования общественных отношений, связанных с эксплуатацией автономных (беспилотных) транспортных средств // Евразийский юридический журнал. 2020. № 6 (145). С. 104–109.
6. Благодир А. Л., Воронин В. Н. Перспективные направления использования беспилотных автотранспортных средств в России и за рубежом // Законодательство. 2021. № 9. С. 80–87.
7. В России готов ИИ, который «видит» стены насквозь // Russian Business Guide. 26.08.2020. URL: <http://www.rbgmedia.ru/post.php?id=10861> (дата обращения: 20.06.2022).
8. Всем выйти из транспорта! В Петербурге на улицы выпустят беспилотники // АиФ. Санкт-Петербург. 2021. № 41 (1450). 13–19 октября. URL: <https://smartcar.starline.ru/vsem-vyjti-iz-transporta-v-peterburge-na-ulitsy-vypustyat-bespilotniki/> (дата обращения: 20.06.2022).
9. Германия придумала 3 этических правила для беспилотных авто // Хайтек. Кейсы. 2016. 12 сент. URL: <https://hightech.fm/2016/09/12/3-rules> (дата обращения: 20.06.2022).
10. Карташов В. Н. Правотворческая технология – перспективное направление исследования в условиях модернизации и интеграции правовых систем // Инновационное развитие общества в условиях интеграции правовых систем/ под ред. Н. В. Сильченко. Гродно, 2013. 454 с.
11. Киреев А. Tesla стала рекордсменом по числу аварий с участием автомобиля без водителя // Хайтек. 16.06.2022. URL: <https://hightech.fm/2022/06/16/tesla-antirecords> (дата обращения: 21.06.2022).
12. Лазарев В. В. К вопросу о понятии и пределах эксперимента в области государства и права. Избранные труды. В 3 т. Т. 2: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение. М.: Новая юстиция, 2010. 504 с.
13. Международная научно-практическая конференция «Цифровые технологии и право» (23 сентября 2022 г., Казань). URL: <https://digitaltechnologiesandlaw.org/> (дата обращения: 25.06.2022).
14. Межминистерская стратегическая инновационная программа стимулирования – автоматизированное вождение для универсальных служб // Веб-сайт Совета по науке, технологиям и инновациям. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/english/sipadus_news.html (дата обращения: 20.06.2022).
15. Минпромторг РФ предложил продлить эксперимент по эксплуатации беспилотников на дорогах // ТАСС. 10.06.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14881573> / (дата обращения: 21.06.2022).
16. Новости пресс-центра Министерства транспорта РФ от 15.03.2021. URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/9875> (дата обращения: 21.06.2022)
17. Новости пресс-центра Министерства транспорта РФ от 15.06.2020. URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/9636> (дата обращения: 20.06.2022).
18. О внесении изменений в Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2018 № 831-р: Распоряжение Правительства РФ от 22.02.2019 № 263-р // СЗ РФ. 2019. № 9. Ст. 867.

19. О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 26.11.2018 № 1415: Постановление Правительства РФ от 22.02.2020. № 200 // СЗ РФ. 2020. № 9. Ст. 1200.

20. О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект Федерального закона (четыре редакции). ID проекта 02/04/06–21/00116763, дата создания 8 июня 2021 г.) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.06.2022).

21. О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Экспертное заключение Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 19.05.2022 № 219–2/2022 по проекту Федерального закона, ID проекта 02/04/06–21/00116763 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.06.2022).

22. О Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования: Распоряжение Правительства РФ от 25.03.2020 № 724-р // СЗ РФ. 2020. № 13. Ст. 1995.

23. О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств: Постановление Правительства РФ от 26.11.2018 № 1415 // СЗ РФ. 2018. № 49 (часть VI). Ст. 7619; 2020. № 9. Ст. 1200; 2022. № 7. Ст. 982.

24. О проекте Федерального закона № 910152–7 «Об инновационных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Решение профильного комитета (Комитет Государственной Думы по транспорту и строительству) от 23.06.2020 № 3.13–5/115–3. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/910152-7> (дата обращения: 20.06.2022).

25. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

26. Об инновационных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: законопроект № 910152–7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/910152-7> (дата обращения: 21.06.2022).

27. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 18. Ст. 1720.

28. Об опытной эксплуатации инновационных транспортных средств и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Законопроект № 710083–7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/710083-7> (дата обращения: 21.06.2022).

29. Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств: Постановление Правительства РФ от 09.03.2022 № 309 // СЗ РФ. 2022. № 12. Ст. 1817.

30. Об утверждении Правил мониторинга экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, оценки эффективности и результативности реализации экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, общественного обсуждения вопросов эффективности и результативности реализации экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций: Постановление Правительства РФ от 03.12.2020 № 2011 // СЗ РФ. 2020. № 50 (часть IV). Ст. 8217.

31. Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности РФ на период до 2025 г.: Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2018 № 831-р // СЗ РФ. 2018. № 19. Ст. 2804.

32. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5017; 2021. № 27 (часть I). Ст. 5159.

33. Отчет Комитета по расследованию причин аварии 26.08.2019. URL: https://www.nagoya-u.ac.jp/info/upload_images/20191206_report.pdf (дата обращения: 21.06.2022).

34. Отчет о проведении оценки регулирующего воздействия проекта акта с высокой степенью регулирующего воздействия проекта Федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» 02/04/06–21/00116763):сводный отчет // Проект Федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (подготовлен Минтранс России, ID проекта 02/04/06–21/00116763) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.06.2022).

35. Правовой эксперимент и совершенствование законодательства / под ред.: В. И. Никитский, И. С. Самощенко. М.: Юрид. лит., 1988. 304 с.

36. Пресс-релиз конференции от 23 мая 2022. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/english/220523_sip_adus.pdf (дата обращения: 25.06.2022).

37. Романовская В. Б. Тенденции развития права в эпоху постмодерна // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 1. С. 166–176.

38. Сбербанк создал компанию по развитию беспилотных автомобилей // РБК. 4 сентября 2020. URL: <https://www.rbc.ru/business/04/09/2020/5f5224d29a79477f90c62a06https://www.rbc.ru/business/04/09/2020/5f5224d29a79477f90c62a06> (дата обращения: 20.06.2022).

39. Bronson A. Uber продала подразделение робомобилей за \$ 4 миллиарда стартапу Aurora // Хабр. 8 дек. 2020. URL: <https://habr.com/ru/news/t/531978/> (дата обращения: 25.06.2022).

40. Collision Between Vehicle Controlled by Developmental Automated Driving System and Pedestrian // National Transportation Safety Board. URL: <https://www.nts.gov/investigations/Pages/HWY18MH010.aspx> (дата обращения: 20.06.2022)

41. Driver in fatal Uber crash rejects plea deal // UK business & finance news. 4 June 2022. URL: <https://www.businessfast.co.uk/driver-in-fatal-uber-crash-rejects->

plea-deal-death-in-tempe-was-1st-in-nation-for-self-driving-vehicle/ (дата обращения: 22.06.2022).

42. Garcia U. J. No criminal charges for Uber in Arizona death; police asked to further investigate driver // USA today 5 Mar. 2019. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/nation/2019/03/05/no-criminal-charges-uber-fatal-tempe-crash-tempe-police-further-investigate-driver/3072478002/> (дата обращения: 20.06.2022).

43. Shivas S., Kelly T. Toyota halts all self-driving e-Palette vehicles after Olympic village accident // Reuters. 28 aug 2021. URL: <https://www.reuters.com/business/autos-transportation/toyota-halts-all-self-driving-e-palette-vehicles-after-olympic-village-accident-2021-08-27/> (дата обращения: 21.06.2022).

44. Smiley L. 'I'm the Operator': The Aftermath of a Self-Driving Tragedy // Wired (monthly American magazine). 8 Mar. 2022. URL: <https://www.wired.com/story/uber-self-driving-car-fatal-crash/> (дата обращения: 22.06.2022).

45. Suganuma N., Yoneda K. Current Status and Issues of Traffic Light Recognition Technology in Autonomous Driving System// IEICE Transactions on Fundamentals of Electronics, Communications and Computer Sciences. 2022. Volume E 105–A, NO.5, MAY 2022. Published: May 01, 202/2. URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/transfun/E105.A/5/E105.A_2021WBI0002/_pdf (дата обращения: 25.06.2022).

46. Yampolskiy, R. Incident Number 52. in McGregor, S. (ed.) Artificial Intelligence Incident Database. Responsible AI Collaborative. URL: <https://incidentdatabase.ai/cite/52?lang=en> (дата обращения: 21.06.2022).

Е. В. Ельникова,

кандидат юридических наук, доцент,

Московский государственный юридический университет

университет имени О. Е. Кутафина

ПРАВОВЫЕ БАРЬЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНИКОВ В АГРОБИЗНЕСЕ

Аннотация. В статье затронуты правовые аспекты осуществления одного из важных направлений цифровизации сельского хозяйства в России. Рассматриваются проблемы правового режима беспилотников в сфере сельского хозяйства, раскрываются правовые условия, необходимые для их применения в целях повышения эффективности аграрного производства. Положительно оценивается изменение порядка использования воздушного пространства в части отмены обязательности получения разрешения для беспилотных воздушных судов. Автор считает необходимым для повышения уровня обеспечения агробизнеса беспилотными воздушными судами провести координацию правил их использования в воздушном пространстве с правилами агрохимических и иных мероприятий, осуществить стимулирование их собственного производства в сегменте квадрокоптеров, в том числе правовыми средствами.

Ключевые слова: беспилотное воздушное судно, беспилотный летательный аппарат, сельскохозяйственное производство, сельское хозяйство, агробизнес, квадрокоптер, разрешительный порядок, учет, цифровизация

LEGAL BARRIERS TO THE USE OF DRONES IN AGRIBUSINESS

Abstract. The article is devoted to the consideration of one of the important directions of digitalization of agriculture. The problems of the legal regime of unmanned aircraft in the field of agriculture in Russia are considered, the legal conditions necessary for their application in order to increase the efficiency of agricultural production are disclosed. The partial cancellation of the permissive procedure for the use of airspace for unmanned aircraft is positively assessed. It is noted that in order to increase the level of provision of agribusiness with unmanned aircraft, it is necessary to stimulate their own production in the quadrocopter segment, including by legal means.

Keywords: Unmanned aircraft, Unmanned aerial vehicle, Agricultural production, Agriculture, Agribusiness, Quadcopter, Licensing procedure, Accounting, digitalization

Введение. Стратегическое направление в области цифровой трансформации отраслей агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 г. [7], предусматривающее достижение высокой «цифровой зрелости» в сферах агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов к 2030 г., содержит развернутый перечень технологий, которые будут внедрены в ходе реализации названного документа, в том числе в сельском хозяйстве. В их числе, наряду с моделированием, прогнозированием, использованием цифровых двойников, сенсоры и маяки со спутниковым каналом передачи данных и иными упомянуты также современные беспилотные устройства (сельскохозяйственная техника, применяемые в агросекторе летательные аппараты).

В рамках данной статьи рассмотрим правовые проблемы, связанные с использованием беспилотных летательных аппаратов (далее – БЛА) в сфере сельского хозяйства, поскольку их наличие является одним из существенных факторов, препятствующих ускорению внедрения БЛА в практику деятельности агрохозяйств, несмотря на значительный экономический эффект от их применения.

Основная часть. Для начального этапа эпохи использования БЛА в сельскохозяйственном производстве было характерно наличие в целом неопределенности их правового режима вследствие отсутствия их нормативно-правовой квалификации, что вызывало проблемы в правоприменении, в том числе в практике судов, например, в отношении возможности применения мер ответственности за допущенные правонарушения.

В мировой практике БЛА используются в агробизнесе, прежде всего, для защиты посевов от вредоносных объектов, чтобы избежать негативного воздействия пестицидов на человека при распылении их на посевы. Кроме того, к возможным целям применения БЛА относят инвентаризацию сельхозугодий, создание электронных карт полей, оценку объема работ и контроль их выполнения, оценку всхожести сельскохозяйственных культур, охрану сельхозугодий, оперативный мониторинг состояния посевов [4. С. 50]. В отличие от спутникового мониторинга, предназна-

ченного для выявления состояния земель сельскохозяйственного назначения, в том числе неиспользуемых угодий, возможности БЛА шире, поскольку они способны осуществлять съемку даже при плохой видимости. Это предполагает оснащение их необходимыми техническими средствами для проведения аэрофотосъемки. Так, в комплект поставки беспилотных комплексов ZALA 421-16E 2 производства компании ZALA AERO концерна «Калашников» входят мультиспектральная камера и сдвоенный фотоаппарат для аэрофотосъемки сельскохозяйственных угодий [1].

По расчетам Международной ассоциации беспилотных систем, до 80 % будущего коммерческого рынка беспилотников придется на сельскохозяйственные дроны [10]. Однако это не означает, что приведенный расчетный показатель будет достигнут в рамках каждой страны. Во многом уровень использования БЛА определяется политикой государства в отношении возможности и условий их ввоза, оформления разрешительной документации, а также установления правил эксплуатации.

В отдельных странах (например, Узбекистане) проводится запретительная политика в отношении ввоза БЛА на территорию страны. После введения с 1 января 2015 г. полного запрета на ввоз, реализацию и использование беспилотных летательных аппаратов, кроме имеющих разрешение юридических лиц, в 2019 г. за перечисленные действия последовало введение уголовного наказания в виде лишения свободы до 3 лет [3]. В результате проведения политики, направленной на создание отечественного производства беспилотников, с 2022 г. в Узбекистане налажен выпуск беспилотных летательных аппаратов двойного назначения Lochin («Сокол») [9], которые могут использоваться как для гражданских, так и для военных нужд.

Наиболее активно используют БЛА для целей сельского хозяйства Япония, Канада, Китай, Бразилия, страны ЕС. США в предыдущем десятилетии несколько отставали в этом направлении, прежде всего, вследствие перегруженности воздушного пространства, а также создания системы управления воздушным движением без учета беспилотников, однако в последующий период это отставание было преодолено.

Международные авиационные правила в целях соблюдения безопасности запрещают несертифицированным самолетам летать в гражданском воздушном пространстве, чтобы избежать помех другим самолетам. В 2022 г. после шестилетнего процесса оценки, включающего обширные наземные и летные испытания, Министерство транспорта и безопасности дорожного движения Израиля впервые официально одобрило сертификацию беспилотной летательной системы (БАС) Hermes Starliner в гражданском воздушном пространстве. Таким образом, Израиль стал первой страной, разрешившей использование дронов в гражданском воздушном пространстве [2].

Европейское агентство авиационной безопасности (EASA) утвердило нормативную базу для эксплуатации беспилотных авиационных систем, а также их применения в европейской авиационной системе, в соответствии с которой беспилотники гражданского назначения классифицированы по весу: до 250 г, до 900 г, до 4 кг и до 25 кг. При этом для БЛА весом до 250 г отсутствуют требования к возрасту оператора и регистрации.

В России в целом фрагментарное использование БЛА в агросфере началось более десяти лет назад, однако до 2016–2017 гг. оно сдерживалось нехваткой са-

мих БЛА, а также отсутствием нормативно-правового регулирования. В России в основном производятся БЛА самолетного типа. Что касается квадрокоптеров как наиболее доступных по стоимости для аграрных предприятий, то они в основном импортируются из стран-производителей (в значительной степени из Китая), что в условиях санкционного режима может негативно отразиться на развитии этого направления в аграрном секторе.

В настоящее время приняты новые нормативно-правовые акты [6], а также дополнены действующие в части формирования правовой регламентации использования БЛА в воздушном пространстве, однако установленные ими правовые ограничения не всегда позволяют обеспечить правовые условия, необходимые для применения БЛА в целях повышения эффективности аграрного производства. Однако нельзя не отметить, что законодательство в сфере регулирования указанных отношений непрерывно совершенствуется.

На начальном этапе для полетов беспилотников в РФ был установлен разрешительный порядок использования воздушного пространства, независимо от класса воздушного пространства, в котором выполняется полет, который предусматривал необходимость направления в оперативные органы (центры) Единой системы организации воздушного движения РФ плана полета беспилотника и получения разрешения, а также обязательность получения его владельцем разрешения соответствующего органа местного самоуправления при необходимости использования воздушного пространства над населенным пунктом (п. 52 Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации [8]).

Обязательное получение разрешения для осуществления полета БВС затрудняло возможность их оперативного использования и сдерживало в целом их массовое применение, что и предопределило внесение изменений в указанные выше правила, согласно которым без разрешения допускаются полеты БВС с массой до 30 кг на высотах до 150 м, осуществляемые в светлое время суток в пределах прямой видимости, за исключением обозначенных зон [5].

В целом рассмотренные изменения можно оценить позитивно с позиций их влияния на расширение использования БЛА в сельскохозяйственном производстве, однако проблема в том, что они распространяются лишь на полеты БЛА, когда они находятся в зоне видимости внешнего пилота. С учетом значительных площадей сельхозугодий аграрных предприятий и фермерских хозяйств этого недостаточно, поскольку все больше становятся востребованными технические решения, обеспечивающие более высокий уровень автономности БЛА от управляющего им субъекта. Кроме того, значительная часть агротехнических работ, в частности по обработке полей пестицидами, в целях безопасности и получения максимального эффекта проводится в ночное время.

Еще одним направлением законодательного регулирования использования беспилотных воздушных судов (БВС) является требование их учета в установленном порядке с присвоением учетного номера, который необходимо нанести на БВС до начала полетов. Аналогичная практика существует и в правовых системах других государств. В отношении БЛА самолетного типа, максимальная взлетная масса которых превышает 30 кг, предусмотрена обязательная государственная ре-

гистрация в установленном порядке. Что касается БВС с максимальной взлетной массой до 30 кг, то в отношении них регистрация не проводилась, но в определенных случаях требуется постановка на учет. Если ранее учету подлежали БВС массой от 0,25 кг, то с принятием изменений сфера действия правил учета расширилась за счет включения в нее БВС массой от 0,15 кг. Согласно ч. 5 ст. 11.5 российского КоАП несоблюдение установленных требований в отношении учета БВС влечет применение административной ответственности в виде штрафа или лишения права управления БВС на срок до одного года. Для целей аграрного производства эти изменения не столь существенны, поскольку, как правило, в сфере сельского хозяйства используются БЛА большей массы.

Заключение. В целом правовой климат в России на данном этапе с позиций возможностей использования беспилотных воздушных судов в сельском хозяйстве можно охарактеризовать как вполне благоприятный. Существующие ограничения обусловлены соблюдением требований безопасности и находятся в русле правовых подходов иных государств, осуществляющих внедрение БВС в сферу сельского хозяйства. Однако для расширения функциональных возможностей применения БВС необходима дальнейшая работа в отношении координации правил использования их в воздушном пространстве с правилами, регулирующими осуществление агрохимических и иных мероприятий, а также стимулирование, в том числе и правовыми средствами, собственного производства в сегменте квадрокоптеров, что станет одним из факторов достижения продовольственной и технологической безопасности.

Список литературы

1. Беспилотники «Калашникова» помогут повысить урожайность в Крыму. URL: https://rostec.ru/news/bespilotniki-kalashnikova-pomogut-povyisit-urozhaynost-v-krymu/?sphrase_id=222591 (дата обращения: 30.05.2022).
2. Дроны и самолеты в небе: Израиль разрешил использование дронов в гражданском воздушном пространстве. URL: <https://b-mag.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).
3. За незаконное использование беспилотников ужесточена ответственность // Интернет-издание «Газета.uz». URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2019/05/03/drones/> (дата обращения: 30.05.2022).
4. Зубарев Е. Н., Фомин Д. С., Чащин А. Н., Заболотнова М. В. Использование беспилотных летательных аппаратов в сельском хозяйстве // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2019. № 2. С. 47–51.
5. О внесении изменений в Федеральные правила использования воздушного пространства Российской Федерации»: Постановление Правительства РФ от 03.02.2020 № 74 // Собрание законодательства РФ. 10.02.2020. № 6. Ст. 680.
6. Об утверждении Правил учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,15 килограмма до 30 килограммов, введенных в Российскую Федерацию или произведенных в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 25.05.2019 № 658 // Собрание законодательства РФ. 03.06.2019. № 22. Ст. 2824.

7. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отраслей агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов РФ на период до 2030 г.: Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2021 № 3971-р // Собрание законодательства РФ. 03.01.2022. № 1 (часть IV). Ст. 426.

8. Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 11.03.2010 № 138 // Собрание законодательства РФ. 05.04.2010. № 14. Ст. 1649.

9. Узбекистан начал выпуск собственных дронов Lochin // Интернет-издание «Газета.uz». URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/01/18/lochin/> (дата обращения: 30.05.2022).

10. Wihbey J. Agricultural drones change the way we farm. URL: <https://www.bostonglobe.com/ideas/2015/08/22/agricultural-drones-change-way-farm/WTrOWMV9j4C7kchvbmPr4J/story.html> (дата обращения: 30.05.2022).

О. А. Карпенко,

кандидат экономических наук, магистрант института права,
Самарский государственный экономический университет

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы правового статуса систем искусственного интеллекта и ответственности, возникающей при появлении сбоев и проблем в его работе. Целью работы является исследование вопросов существующего правового статуса современных систем искусственного интеллекта и вопросов ответственности, возникающей в различных случаях. Сделан вывод о том, что в целях дальнейшего развития современных цифровых технологий необходим грамотный и взвешенный подход к вопросам уточнения законодательства и разработки новых правовых положений, регулирующих современные экономические отношения с участием искусственного интеллекта и робототехники.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосубъектность, деликтоспособность, электронное лицо, правовой статус, интеллектуальная собственность, цифровые технологии

PROBLEMS OF THE LEGAL STATUS AND RESPONSIBILITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. This article discusses the issues of the legal status of artificial intelligence systems and the responsibility that arises when failures and problems occur in its operation. The purpose of the work is to study the issues of the existing legal status of modern artificial intelligence systems and issues of responsibility arising in various cases. As a result, it is concluded that in order to further develop modern digital technologies, a competent and balanced approach is needed to clarify legislation and develop new legal provisions

regulating modern economic relations with the participation of artificial intelligence and robotics.

Keywords: Artificial intelligence, Legal personality, Delictability, Electronic person, Legal status, Intellectual property, Digital technologies

В современный период развития технологий стремительно расширяются процессы применения искусственного интеллекта в экономической деятельности и в обычной жизни. В этой связи увеличиваются и различные практические правоприменительные прецеденты его применения, которые, в свою очередь, требуют урегулирования в существующем правовом поле.

Правовой статус искусственного интеллекта (далее – ИИ) в настоящее время до конца не ясен. В науке и литературе ведется дискуссия по вопросу правосубъектности ИИ. Рассматривается несколько вариантов решения вопроса с правосубъектностью ИИ.

1. Исследуется вопрос о том, что ИИ может обладать индивидуальной правосубъектностью, которой обладает человек. Но, сравнивая ИИ с человеком, отмечают, что тогда ИИ должен иметь самосознание и моральное право на соответствующий правовой статус. И в связи с тем, что ИИ фактически не имеет сознания, чувств, своих интересов и свободной воли, – не может сравниться с человеком и с его правосубъектностью. Но при этом сознание не является необходимым или достаточным условием правосубъектности и юридические лица также этим сознанием не обладают.

Аргументами против индивидуальной правосубъектности служат:

- ИИ самостоятельно не может быть привлечен к ответственности,
- не способен реализовать свои права и обязанности,
- не может самостоятельно принимать нравственных и субъективных решений.

2. Вопрос о том, что ИИ может обладать коллективной правосубъектностью и введения в оборот термина «электронное лицо» (далее – ЭЛ) – юридической фикции по аналогии с «юридическим лицом». ЭЛ схоже с ЮЛ, но обладает изначально большей нацеленностью на достижение конкретных результатов. Оно может быть создано для выполнения определенной работы и задач.

Но существуют и аргументы против придания ИИ коллективной правосубъектности:

Правосубъектность ЮЛ изначально не применима к роботам и объектам ИИ. Правосубъектность ИИ можно сравнить скорее с животными. Которые не могут реализовывать свои права и нести обязанности.

В ЮЛ решения принимают их владельцы и собственники, они имеют фиктивную автономию, а роботы ИИ обладают гораздо большей автономностью и могут самостоятельно принимать решения.

3. Электронное лицо представляет собой интегральное сочетание субъекта и объекта права. Здесь, с одной стороны, ЭЛ может выступать в качестве субъекта права, совершать самостоятельно определенные действия, принимать решения. А с другой – оно может являться чьим-то имуществом и его могут в любой момент отключить, продать, подварить, обменять, задать ему новую программу

и т. д. Но двоякое понимание статуса еще больше запутывает ситуацию и не понятно, как ЭЛ будет функционировать в обоих статусах одновременно.

4. ИИ рассматривают как объект права, т. е. как определенное имущество (робота или программу), принадлежащее конкретному физическому или юридическому лицу. Это мнение превалировало ранее, когда ИИ еще не пошел по пути своего быстрого развития и не начал создавать судебные прецеденты.

Если все же наделять ИИ правосубъектностью, то это будет в определенной степени удобно и эффективно для решения проблем, связанных с интеллектуальной собственностью. Но вместе с тем существуют и проблемы, связанные с его правосубъектностью:

- появление и необходимость разработки нового правового института,
- выстраивание правовых конструкций отношений с третьей стороной и владельцами ИИ,
- разработка законов, подзаконных нормативно-правовых актов и международных стандартов,
- необходимость идентификации роботов и ведения реестров ЭЛ, определение их полномочий,
- необходимость защиты реестров ЭЛ и содержащейся в них информации,
- организация общения роботов, закрепление за ними ответственности и наказаний за правонарушительные деяния,
- усиление правовой защиты людей от вторжения, несанкционированного доступа и незаконного принятия решений ИИ.

В итоге исследователи пришли к выводу, что вопрос о внедрении понятия ЭЛ может рассматриваться для сложных роботизированных систем.

В соответствии с Концепцией регулирования отношений в сфере технологий ИИ и робототехники до 2024 г., утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 19.08.2020 № 2129-р [1], в настоящее время отсутствует отдельное законодательное регулирование, учитывающее всю специфику применения технологий ИИ, и оно требует разработки в настоящий момент.

Здесь по своей значимости выделяется проблема возникновения ответственности за нанесение ущерба и причинение вреда ИИ, а также невозможность в ряде случаев объяснения принятого ими решения.

Как отмечено исследователем И. Н. Мосечкиным, обычно искусственный интеллект не стремится причинить вред, но вместе с тем возможен «некий аналог преступной небрежности» [5. С. 313–320] или же самонадеянности. Ситуация осложняется тем, что не всегда удается спрогнозировать и оценить всевозможные аспекты деяний искусственного интеллекта.

Настоящий период развития ИИ рассматривает юридическую ответственность его создателя в том случае, если ИИ не служит общим справедливым принципам права. Показательным примером этого являются случаи с киберпреступлениями – мошенничеством, связанным с операциями по банковским картам или конфиденциальной цифровой информацией. К примеру, когда программа выходит из-под контроля оператора (или владельца), и ИИ самопроизвольно и хаотически совершает преступления (например, хищение чужого имущества путем переда-

чи компьютерной информации – ст. 159.6 УК РФ). Судебная практика считает обязательным дополнительно квалифицировать любое подобное деяние как мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное посредством неправомерного доступа к компьютерной информации или на основании создания, использования и распространения вредоносных и вирусных программ, по ст. 272, 273 и 274.1 УК РФ (п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате») [2].

Здесь для разработки механизмов правового регулирования исследуемых процессов требуется активное вовлечение представителей компаний – разработчиков, исследовательских и иных организаций в процесс экспертной проработки создания новых правовых норм и уточнения уже имеющихся.

Теперь рассмотрим более подробно вопросы возникновения ответственности в случае применения ИИ.

Ученым П. М. Морхатом выделяется три основные модели определения ответственности за действия ИИ, повлекшие за собой вредоносные последствия:

1. ИИ рассматривается как принципиально невинный агент, а само противоправное деяние совершается непосредственно человеком – разработчиком, собственником (владельцем) и пользователем ИИ [6. С. 63–68].

Как видим, здесь ответственность может возлагаться на различных субъектов правоотношений. Однако в основном она возлагается на разработчика системы, который должен своевременно вносить изменения в программу работы и обучения ИИ, но всего предусмотреть, разумеется, невозможно.

2. ИИ реализует действия, являющиеся последствиями программирования. Здесь предусматривается, что лицо, запрограммировавшее систему, проявило преступную небрежность, халатность или самонадеянность.

3. Прямая ответственность ИИ за свои действия, которая не получает широкого распространения ввиду того, что несмотря на автономность или обучаемость ИИ, он тем не менее не обладает человеческим сознанием и его правосубъектностью, правоспособностью и, в конечном итоге, не может быть привлечен к ответственности.

Существует и возникновение проблем этического характера, когда робот принимал детей и темнокожих людей за животных и др. И под властью решения ИИ может оказаться человеческая жизнь и свобода, а высокая цена неверного решения может повлечь за собой в том числе уголовную ответственность. По словам Г. Г. Камаловой, уже сегодня ИИ могут быть использованы для совершения преступлений, включая причинение смерти и вреда здоровью, мошенничество, преступления в сфере сохранения тайны или компьютерной безопасности, правил оборота наркотических средств и др. [3. С. 383].

В случае негативных инцидентов возникает вопрос, в какой степени и за что должен отвечать разработчик и лицо, осуществляющее техническую поддержку систем ИИ.

Есть предложение перенести ответственность:

– на производителей, если причиной сбоя послужил дефект системы ИИ,

- на программистов и разработчиков, если неверная работа явилась следствием неточностей и недоработок системы,
- на самих пользователей, если ими изначально были заданы неверные параметры работы или нарушен режим эксплуатации.

По мнению исследователя В. А. Лаптева, ответственность за неправомерные деяния ИИ все-таки также несет лицо, владеющее и пользующееся им [3. С. 383].

Отсюда, новым подходом в правовом поле должно выступить положение о том, что ответственным лицом за работу ИИ в конкретно определенных случаях должен признаваться как его владелец или собственник, так и его пользователь, а также каждый из них по-отдельности.

Вторым ответственным лицом должен признаваться сам создатель (производитель, разработчик, программист ИИ), который задает программу его работы и деятельности.

Третьим ответственным лицом может являться сам собственник системы ИИ, которому принадлежит вещное право на него, к примеру, правом на машину, робота или технологию. И при нем существует еще служба технической поддержки, которая помогает в решении технических проблем, но при этом она может не может нести полную ответственность за ошибки, совершенные программой. И в зависимости от ситуации и от системы ИИ, ответственность может быть успешно и грамотно поделена между собственником и программистом, или технической службой. А в отдельных случаях, если техническая поддержка не предусматривается, ответственность может возлагаться напрямую на собственника.

Также в настоящий момент затрагивается также вопрос прямого возложения ответственности на объект ИИ, что подтверждают имеющиеся судебные прецеденты в зарубежном правовом поле, когда, к примеру, ИИ самостоятельно фотографировал объекты и создавал карты. Однако наше мнение заключается в нежелательности такого подхода ввиду многих обстоятельств и прежде всего того, что искусственный интеллект не подобен человеческому и не может обладать его правосубъектностью и деликтоспособностью.

В итоге можно констатировать, что до настоящего момента сохраняются проблемы определения ответственного субъекта и риски неопределенности. На сегодняшний момент ИИ рассматривается в качестве непосредственного объекта права. В настоящее время существуют нерешенные правовые проблемы и вопросы разработки правового поля области его применения и функционирования. Остро стоит проблема проработки механизмов различного вида ответственности за противоправные деяния, причинение вреда человеку и внешней среде в результате работы ИИ, при которых возможно несколько случаев развития событий.

Прежде всего, ответственность разработчика и собственника ИИ должна наступать в случае фактов реальных преступлений, киберпреступлений и мошенничества, которое является полноценным преступным деянием, содержащим умысел.

Во-вторых, ответственность может наступить в случае возникновения прецедента преступной небрежности или самонадеянности со стороны разработки и управления ИИ, которые не смогли предвидеть заранее нестандартную ситуацию, хотя теоретически могли бы.

В-третьих, проблемой является возникновение ответственности в случае не санкционированного сбоя в работе ИИ, неумышленно повлекшего противоправное деяние. Такие сбои невозможно заранее спрогнозировать, что означает отсутствие аналогичных правовых прецедентов.

Наряду с этим открытым остается правовой вопрос разграничения ответственности за противоправные деяния искусственного интеллекта и ее страхования. Юридическую ответственность за его деяния могут нести как непосредственный разработчик программы и служба технической поддержки, так и его пользователь (как лицо, задающее параметры работы или управляющее поведением), а также его владелец или собственник системы, представляющие собой три самостоятельных субъекта отношений. При этом ответственность за возникновение правонарушения может возлагаться на какого-то одного субъекта, так и может разделяться между ними. И далее вопрос того, в какой последовательности и пропорциях она будет распределяться между субъектами, подлежит дальнейшему исследованию.

Кроме того, остается непроясненным вопрос возложения ответственности при отсутствии непосредственно виновной стороны в случаях, когда причиной сбоя послужили факторы внешней среды. Он требует тщательной дальнейшей разработки правовых положений с учетом возможных вариантов развития событий для конкретных случаев возникновения ситуаций нестандартного, чрезвычайного или форс-мажорного характера.

В итоге можно констатировать, что в целях дальнейшего развития современных цифровых технологий необходим грамотный и взвешенный подход к вопросам уточнения законодательства и разработки новых правовых положений, регулирующих современные экономические отношения с участием ИИ и робототехники.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.06.2022).
2. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.06.2022).
3. Камалова Г. Г. Некоторые вопросы уголовно-правовой ответственности в сфере применения систем искусственного интеллекта и робототехники // Вестник Удмуртского университета. 2020. Вып. 3. С. 382–388.
4. Карпенко О. А. Ответственность искусственного интеллекта в современной правовой системе // Государственное регулирование общественных отношений в регионе: социально-экономические, правовые и историко-культурные аспекты: сборник научных статей. Чебоксары, 2022. С. 212–218.
5. Карпенко О. А. Проблема правовой ответственности в сфере применения технологий искусственного интеллекта // Экономика и управление: современные достижения и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием [редколлегия: М. Г. Родионов, С. П. Качесова, Е. Ю. Воробьева, А. А. Кузьмин]. Омск, 2021. С. 313–320.
6. Карпенко О. А. Методология правовых исследований в сфере применения искусственного интеллекта // Бизнес, менеджмент и право: предпринимательское

право – online перезагрузка: материалы Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Екатеринбург, 2020. С. 63–68.

7. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики, 2019. № 2. С. 79–102.

8. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник СПб. ун-та. Сер. Право. 2019. № 3. С. 461–476.

9. Морхат П. М. Проблемы определения юридической ответственности за действия искусственного интеллекта // Теория и история права и государства. 2017. № 9 (53). С. 70–74. С. 71.

А. А. Карцхия,
доктор юридических наук, профессор,
Российский государственный университет нефти и газа
имени И. М. Губкина

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В статье рассмотрен новый подход к использованию систем искусственного интеллекта (далее – ИИ), основанный на способах применения технологий ИИ, позволяющий определить наилучшие и оптимальные правовые модели использования возможностей ИИ в различных областях производства (услуг), социальной сфере или другой цифровой технологической среде. Цель исследования – определить понятие ИИ через практику применения технологий ИИ и экосистем ИИ, а также рассмотреть актуальные модели регулирования ИИ. Используя метод оптимального применения систем ИИ при создании новой технологической среды, оцениваются существующие правовые механизмы ИИ с учетом методов управления и правоприменительной практики. Выводы: общий генезис продолжающейся эволюции ИИ связан с постоянными техническими усовершенствованиями вычислительных технологий, фокусирующимися на использовании возможностей, аналогичных человеческому интеллекту, сознанию и творческой активности, что формирует потребность в адекватном правовом регулировании систем и технологий ИИ.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, метод регулирования, модели управления, стратегия развития

PROSPECTS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE REGULATION IN THE MODERN CONTEXT OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Abstract: The article considers a new approach to artificial intelligence systems (hereinafter referred to as AI) usage, based on the ways AI technologies application, which allows determining the best and optimal legal models for administration AI capabilities in various areas of industry (services), the social sphere or other digital

technological environment. The purposes of the study are to define AI concept through various ways of AI technologies and AI ecosystems application, as well as to consider current models of AI regulation. Applying method of optimal application of AI systems for creation of a new technological environment, the existing legal mechanisms of AI are assessed through management methods and law enforcement practice. Conclusions – the general genesis of AI ongoing evolution is caused by constant technical improvements of computing technologies, that is focused on usage of capabilities similar to human intelligence, consciousness and creative activity. Therefore it creates a demand of adequate legal regulation of AI systems and technologies therefore.

Keywords: Law, Digital technologies, Artificial intelligence, Intellectual property, Regulatory method, Management models, Development strategy

Последние два десятилетия были отмечены значительными достижениями в области искусственного интеллекта (далее – ИИ), обусловленными достижениями в алгоритмах машинного обучения, экспоненциальным ростом доступности больших данных, улучшенными и более дешевыми вычислительными технологиями. В настоящее время искусственный интеллект способен выполнять человеческие функции и обладает определенными автономными и когнитивными функциями. При эффективном применении искусственный интеллект способен обеспечить дополнительный рост глобального ВВП на 939 миллиардов долларов в общем стоимостном выражении во всех государственных секторах 16 крупнейших развитых экономик мира к 2035 г. [1, 2].

Искусственный интеллект становится стратегическим фактором. Многие страны приняли национальные стратегии в области искусственного интеллекта и практически реализуют национальные проекты по созданию и развитию искусственного интеллекта в своей экономике. Системы искусственного интеллекта становятся все более мощным фактором значимых прорывных достижений в технологиях и бизнесе, включая сферы применения автономных автомобилей, медицинской диагностики, новых промышленных способов производства.

В то же время использование технологий искусственного интеллекта сформировало особый исследовательский слой этических аспектов использования искусственного интеллекта, которые не рассматриваются в нашей статье, но, несомненно, заслуживают упоминания среди других общих проблем. Существует твердое мнение, что использование возможностей технологий искусственного интеллекта и интеграция методов искусственного интеллекта для бизнес-моделей во многом определяют успех компаний в современных условиях цифровизации.

Природа искусственного интеллекта проявляется в нескольких элементах. Искусственный интеллект – это набор технологий, объединяющих данные, компьютерные алгоритмы и вычислительные мощности, которые служат основой для создания экосистемы ИИ [3]. Искусственный интеллект относится к системам интеллектуального поведения [4], которые анализируют окружающую реальность и предпринимают действия с определенной степенью автономии для достижения определенных целей. Технологические системы ИИ выражаются как чисто программное обеспечение, работающее в виртуальном мире (голосовые помощники,

программы распознавания изображений, поисковые системы, системы распознавания речи и лиц и др.), или ИИ может быть встроен в аппаратные устройства (продвинутые роботы, автономные автомобили и дроны, сервисы Интернета вещей) [5].

Термин «искусственный интеллект» используется для обозначения широкого спектра явлений [6], от машинного обучения и интеллектуального анализа данных до искусственного общего интеллекта. Появление более сложных систем искусственного интеллекта поднимает новые сложные концептуальные вопросы о потенциальном статусе ИИ как новой формы идентичности, сопровождаемой юридическими правами и обязанностями, о концептуальных терминах и рамках, необходимых для понимания целей, требующих «интеллекта».

Искусственный интеллект первоначально понимался как моделирование процессов человеческого интеллекта с использованием компьютерных систем, включая обучение (получение информации и ее обработку в соответствии с определенными правилами), рассуждения (применение правил для достижения определенных выводов) и самокоррекцию [7].

В последние годы продолжилось развитие теоретических основ искусственного интеллекта, его практическое применение и риски, связанные с его использованием [8]. Одним из основных из них является научная концепция интеллектуального агента С. Рассела и П. Норвига [9], которая определяет искусственный интеллект как систему, адаптированную к процессу принятия решений, а затем оптимально выполняющую выбор.

Произошло возрождение объяснимого ИИ с описанием обширных и ценных исследований в философии, психологии и когнитивной науке о методах определения, оценки и отбора, представления и объяснения информации людьми [10]. Например, ключевым вопросом для определения оснований уголовной ответственности является виновное поведение субъекта, которое отсутствует в последнем из-за неспособности системы ИИ самостоятельно осознать последствия своих вредных операций [11]. Концепция ИИ «закона самостоятельного вождения» [12], созданная самим ИИ в виде компьютерных алгоритмов, основанных на глубоком машинном обучении, считается применяемой в будущем не только в отношении общественной или частной деятельности, но и к нормам социального поведения, касающимся систем ИИ. Современные глобальные угрозы и риски в эпоху после COVID-19 представляют особый интерес. Эта оценка могла бы послужить основой для разработки более подробных моделей безопасности и способствовать более эффективному контролю рисков [13].

Термин «искусственный интеллект» часто используется как обобщающее понятие, охватывающее ряд взаимодополняющих методов (технологий), разработанных на основе статистики, информатики и когнитивной психологии [14]. Термин «искусственный интеллект» не относится к конкретной технологии, а скорее является собирательным термином для различных методов, которые используют математические и статистические модели для моделирования когнитивных способностей [15].

В настоящем исследовании ИИ рассматривается с юридической точки зрения как правосубъектность в сочетании со способностью участвовать в имуществен-

ном гражданском обороте и как технологическая компьютерная система, которая работает на основе определенных принципов, т. е. способна делать прогнозы, рекомендации или решения, которые влияют на реальную или виртуальную среду; предназначена для заданного набора целей, определенных человеком, и предназначена для работы с различными уровнями автономии. Как упоминалось ранее [16], обычно системы искусственного интеллекта содержат большое разнообразие технологий, которые имеют независимое значение.

Для наиболее полной аналитической и всеобъемлющей оценки возможностей ИИ в статье анализируются три основных аспекта сущности ИИ: (1) методы использования систем и технологий ИИ для создания (машинное обучение, глубокое обучение); (2) формы функциональных приложений технологий ИИ (обработка речи, компьютерное видение); (3) области применения технологий искусственного интеллекта (транспорт, связь, медицина и т. д.). Согласно анализу, ИИ представляется субъектом права, имеющим значение для защиты должным образом заявленных прав и интересов правообладателей технологий ИИ и систем ИИ с целью дальнейшего развития правового регулирования и саморегулирования областей практического применения ИИ (рис. 1).

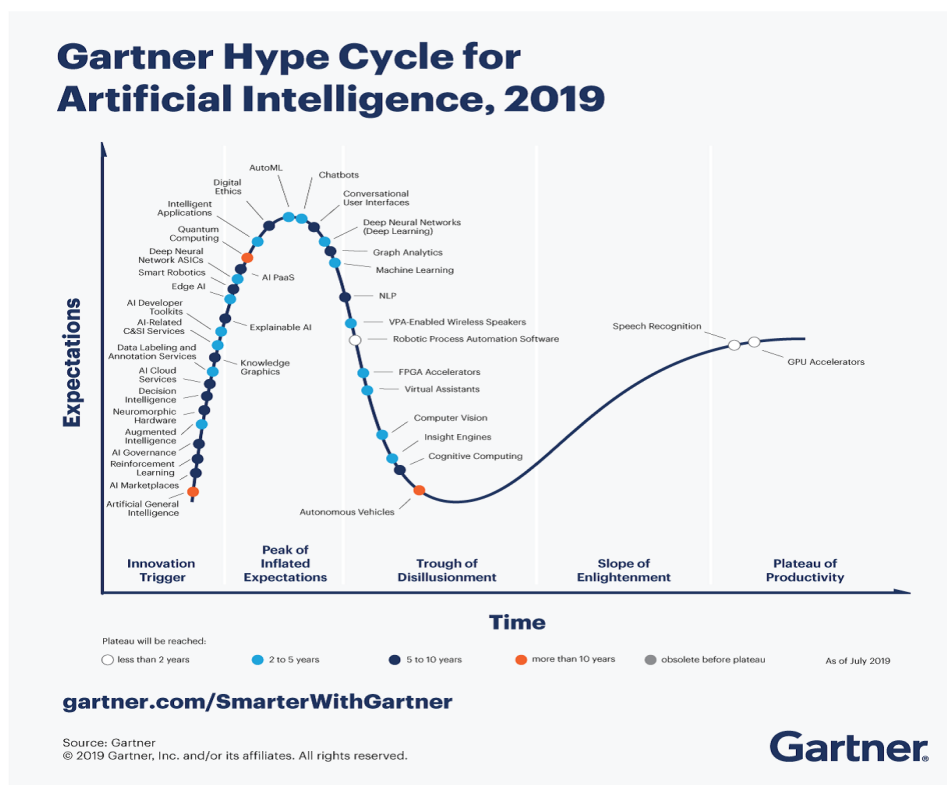

Рис. 1. Цикл развития ИИ в 2019 г. (по Gartner)

В соответствии с подходом, направленным на анализ современных технических, этических, правовых и социальных проблем, возникающих в связи с ИИ, с точки зрения рассмотрения новый теоретический и концептуальный анализ сопровождался изучением некоторых эмпирических данных, направленных на выявление сущности технологий ИИ как предмета регулирования (рис. 1).

В настоящее время нет общепринятого понимания или определения понятия «искусственный интеллект», точно так же, как нет и общей концепции ИИ. Но сама тема ИИ находится в постоянном развитии, как с точки зрения оценки сущности феномена ИИ, так и его возможностей, методов и областей практического применения. Общий генезис продолжающейся эволюции ИИ связан с постоянными техническими усовершенствованиями вычислительных технологий, которые фокусируются на использовании возможностей, аналогичных человеческому интеллекту, сознанию и творческой активности. Начиная с процессов автоматизации и роботизации, призванных заменить человеческий труд, ИИ значительно превосходит человеческие возможности в обработке данных, создании математических моделей, прогнозировании процессов и управлении ими.

Предлагается определить модель регулирования ИИ в зависимости от сферы применения и задач, поставленных для практического использования технологии или системы ИИ.

С точки зрения экономического и технологического прогресса, особенно после пандемии Covid-19, существует несколько направлений наиболее оптимального применения технологий искусственного интеллекта. Во-первых, автоматизированные алгоритмы с использованием обработки больших данных для изучения большего количества гипотез или расширенная аналитика с помощью современных средств науки о данных и технологий платформы машинного обучения, которые используются для решения технических проблем, управления бизнес-процессами, создания различных сервисов и выполнения общественных функций (например, предоставление государственных услуг и юридических, образовательных или медицинская помощь и т. д.). Во-вторых, использование технологии блокчейн, которая обеспечивает значительное снижение затрат и позволяет оптимизировать системы управления. Практически технологии искусственного интеллекта в наши дни широко используются в финансах и страховании, здравоохранении, промышленном и сельскохозяйственном производстве, оптимизации цепочки создания стоимости (поставок) товаров и услуг, государственном управлении, защите критической инфраструктуры и кибербезопасности и многом другом. В-третьих, комплексное использование вычислительной техники, «облачных» сервисов, Интернета вещей и технологий искусственного интеллекта для обработки больших объемов данных и получения предсказуемых результатов (табл. 1).

На основе данных, полученных с онлайн-платформы мониторинга и анализа международных научных исследований SciVal, концептуальные проблемы использования технологий искусственного интеллекта в цифровой экономике и новом технологическом режиме в настоящее время анализируются в некоторых научных исследованиях, таких как: С. Рассел, П. Норвиг. Искусственный интеллект: современный подход, 4-е изд. Пирсон, 2020 [10], Эрл Б. Хант. Искусственный интеллект. 1978 [17], Нильс Дж. Нильссон, А. Искусственный интеллект: Новый синтез. 1998 [18], Р. Гассер, М. Хьюнс, Распределенный искусственный интеллект 1993 [19], Х. Смит, П. А. Смит, Д. Коннолли, Б. В. Матисен. Умная энергетика и интеллектуальные энергетические системы. Энергия, Т. 137. 2019 [20] и др.

Таблица 1

Сферы практического применения ИИ систем

Бизнес интеллект	Системное моделирование	Нефть & газ	Энергетика
<ul style="list-style-type: none"> – Страхование; – составление договоров, сделок; – прогнозный анализ для принятия административных или юридических мер; – LegalTech; – автономные транспортные средства; – интеллектуальная медицина и здравоохранение; – финансы и расчеты, маркетинг и реклама; – сельское хозяйство и промышленность 	<ul style="list-style-type: none"> – Обработка сейсмических данных; – разработка стратегии расширения производства, увеличения извлечения и улучшения охраны труда, техники безопасности и управления окружающей средой; – комплексные операции; – цифровые близнецы; – прогнозирование полицейской и административной деятельности; – реагирование на угрозы 	<ul style="list-style-type: none"> – Системы бизнес-аналитики, моделирующая нефтегазовый сектор; – умные скважины и интеллектуальные месторождения; – мониторинг состояния подводных нефте- и газопроводов; – контроль движения жидкостей; – моделирование коллектора с разностными картами 	<ul style="list-style-type: none"> – Умная энергетика; – энергоемкие облачные технологии в центрах обработки данных

Искусственный интеллект можно описать, с нашей точки зрения, как комплексную способность системы правильно интерпретировать данные, полученные извне, учиться на этих данных, используя полученные знания для достижения конкретных целей и задач посредством гибкой адаптации в окружающем нас мире. С помощью компьютерных программ, аппаратного и программного обеспечения программируются устройства (агенты) с технологиями ИИ, которые могут воспринимать окружающую среду и предпринимать действия для достижения определенных целей или как минимум повышать вероятность достижения успешного результата. Технологии искусственного интеллекта часто включают поиск и оптимизацию информации, логические, вероятностные и статистические методы обработки данных, нейронные сети и аналитическую оценку.

Использование технологий и систем ИИ может осуществляться с определением трех важных аспектов: (1) методов создания искусственного интеллекта (например, машинного обучения); (2) функциональных приложений искусственного интеллекта (обработка речи, компьютерное зрение); (3) приложения технологий искусственного интеллекта (коммуникационные технологии или автономное транспортное средство). В нашем исследовании рассматривается специфический правовой аспект систем искусственного интеллекта – правовой статус и правовая защита искусственного интеллекта.

Методы создания искусственного интеллекта. Метод глубокого обучения включает в себя преобразование простых необработанных входных данных в высокоуровневые абстрактные представления, вычислительные модели с несколь-

кими уровнями абстракции. Циклический процесс когнитивных вычислений (поиск–ответ–коррекция–поиск) обогащает «опыт», знания и навыки ИИ.

Методы создания архитектуры взаимодействия между технологиями ИИ и людьми должны применяться в правовом регулировании значения операций систем ИИ, содержания их правовой природы и юридического указания как юридических фактов, порождающих определенные правовые последствия, в частности: в случае ущерба, причиненного системой ИИ, – в результате сбоя программы (неспособность системы контролировать) или получение отрицательного результата, не предусмотренного правилами (или его отсутствие), с целью определения пределов ответственности ИИ для привлечения к ответственности за нарушения (нарушение границ, нарушение безопасности и т. д.)

Функциональные приложения систем искусственного интеллекта включают обработку и распознавание речи, компьютерное зрение и идентификацию человека или другого объекта, оценку параметров исследуемого объекта, а именно человеческого тела, промышленного оборудования, окружающей местности или водного пространства, химического состава объекта и т. д. Довольно часто технологии искусственного интеллекта используются в сочетании друг с другом: глубокое обучение с компьютерным зрением; компьютерное зрение с автономным транспортным средством, телекоммуникациями и безопасностью; онтологическая инженерия с обработкой естественного языка; машинное обучение – в области естественных и медицинских наук.

Технологии искусственного интеллекта, методы машинного обучения используются для обнаружения незаконных действий, таких как фишинговые атаки, социальная инженерия, незаконное использование общедоступных профилей реальных людей, кражи и мошенничество, другие преступления против личности или манипулирование рынком с помощью роботов-агентов (ценовой сговор, создание картелей, фиктивное банкротство, незаконная торговля наркотиками и т. д.). Таким образом, правовой институт ответственности ИИ становится наиболее важным моментом правовой защиты ИИ.

Практическое применение искусственного интеллекта находится в постоянном развитии. В настоящее время формируется новый тип искусственного интеллекта (ИИ) – business intelligence (BI) для моделирования (прогнозирования) развития определенных событий и процессов экономического, социального и природного плана на основе методов математического моделирования и математической статистики для различных целей, включая моделирование возможных рисков (the probability of adverse consequences) в определенных процессах, основанных на технологии «цифровых двойников». Например, моделирование рисков в области страхования, составление и исполнение коммерческих контрактов или других деловых операций, прогнозный анализ для принятия решений или принятия законов и т. д.

Технологии искусственного интеллекта используются, например, для прогнозирования параметров добычи нефти, включая оценку параметров геомеханики, каротажа скважин, параметров бурения, прогнозов водонасыщенности и повышения нефтеотдачи пластов. В частности, цифровые технологии широко

используются многонациональной компанией Shell, которая формирует портфель 4D-технологий для мониторинга движения жидкостей в толстых нефтяных пластах на шельфе, моделирования коллекторов с использованием разностных карт, которые компания использует для добычи на шельфе, обработки сейсмических данных 4D и разработки стратегии компании по расширению добычи, увеличению извлечения, и улучшение управления охраной труда, промышленной безопасностью и окружающей средой (HSE).

Технологии искусственного интеллекта как методы математического моделирования используются в энергетике, добыче нефти и газа и так называемой «умной энергетике», «умных скважинах», «умных месторождения» и «интеллектуальных месторождениях», а также широко используются для определения таких методов, как «интегрированные операции», «интеллектуальные операции» или «интеллектуальная энергия», отражают пути применения технологий искусственного интеллекта в контроле и оперативном управлении производственными процессами в энергетическом секторе, при разведке и добыче углеводородов. Технологии искусственного интеллекта успешно применяются при мониторинге состояния подводных нефте- и газопроводов, где такие технологии позволяют обнаруживать и оценивать размер утечек углеводородов или повреждения резервуара или подводного трубопровода.

Юридические аспекты. Поскольку системы искусственного интеллекта являются участниками общественных отношений, они должны быть законными субъектами действующей системы законов и нормативных актов, которые охватывают государственное управление, коммерческие и корпоративные законы и иные нормативные акты, а также международное право.

В этом смысле, в правовой сфере необходимо сформулировать и получить ответ на несколько актуальных проблем: (1) влияние систем и технологий искусственного интеллекта на существующие правовые категории и институты, (2) способ правовой защиты основных прав и свобод граждан, а также (3) создание безопасной среды для использования систем и технологий искусственного интеллекта.

Применение систем искусственного интеллекта поставило под сомнение функциональность существующих правовых институтов в разрозненных отраслях права, их способность соблюдать баланс государственных, общественных и частных интересов. Закон должен регулировать любую технологию (включая искусственный интеллект), чтобы практически влиять на ее функционирование в целях, определенных законом и регуляторной политикой государства и с учетом частных интересов пользователей и правообладателей ИИ.

Не менее актуальным является вопрос правовой защиты искусственного интеллекта. Технологии искусственного интеллекта могут быть созданы и юридически защищены как интеллектуальная собственность посредством патентов на изобретения, или защищены авторским правом в виде компьютерных программ или описаний в научных статьях и технической документации, или распространяться как общедоступные компьютерные программы с открытым исходным кодом или платформы для совместной работы, или как технологические достижения, защищенные как коммерческая тайна или ноу-хау.

После патентного дела Alice (компьютерная программа для технологии искусственного интеллекта) [21] программы чаще признаются непатентоспособными для изобретений, поскольку это «абстрактные идеи», поскольку обычные методы программного обеспечения на обычном компьютере абстрактны. Однако патентование ИИ возможно при совокупном применении технологии ИИ и других способов патентования изобретений.

В связи с трансграничным, глобальным характером технологий искусственного интеллекта, его практической ценностью крайне важно определить и унифицировать правовой статус искусственного интеллекта в глобальных экономических отношениях. В этом отношении правовой статус ИИ может основываться на правовом принципе *lex voluntatis*, который обычно используется в международном частном праве, в соответствии с которым стороны сделки, имеющей правовые отношения с правовыми системами разных стран, могут по своему усмотрению избирать закон, применимый для регулирования их договорных обязательств и применяемый сторонами договоров или судебным учреждением или другими компетентными органами к сделке.

В настоящее время нет общего понимания или определения понятия «искусственный интеллект», точно так же нет и общей концепции, которая еще не разработана. Но сама тема ИИ находится в постоянном развитии, как с точки зрения оценки сущности феномена ИИ, так и его возможностей, методов и областей практического применения. Общий генезис продолжающейся эволюции ИИ связан с постоянными техническими усовершенствованиями вычислительных технологий, которые фокусируются на использовании возможностей, аналогичных человеческому интеллекту, сознанию и творческой активности. Как и процессы автоматизации и роботизации, призванные заменить человеческий труд, ИИ значительно превосходит человеческие возможности в обработке данных, создании математических моделей, прогнозировании процессов и управлении ими. Предлагается определить модель регулирования ИИ в зависимости от сферы применения и задач, поставленных для практического использования технологий или систем ИИ.

В ближайшем будущем, особенно после пандемии COVID-19, системы искусственного интеллекта смогут заменить людей и создать новую деловую и социальную среду, в которой люди не будут полностью контролировать ситуацию. Новые риски и проблемы, связанные с использованием искусственного интеллекта, могут привести к выходу ИИ из-под контроля человека или не будут адекватно оценены. Тем не менее потенциальное развитие систем и технологий искусственного интеллекта станет ведущей производительной силой новой технологической эры. Время покажет, насколько успешными будут попытки создать искусственный интеллект, подобный человеческому, «оцифровать» человеческий разум. По мнению автора, развитие искусственного интеллекта не должно быть связано только с попытками проникнуть в суть человеческого разума и интеллекта. Более плодотворным является путь совершенствования систем искусственного интеллекта (цифровых систем), когнитивных и других технологий будущего, которые позволяют человеку получать желаемые результаты за пределами своих интеллектуальных способностей.

Список литературы

1. Artificial Intelligence Collides with Patent Law. Center for the Fourth Industrial Revolution, World Economic Forum. 2018. P. 6. URL: <http://www3.weforum.org> (дата обращения: 01.09.2022).
2. World Economic Forum, 2020. URL: <https://www.weforum.org/our-impact/ai-procurement> (дата обращения: 01.09.2022).
3. White Paper on Artificial Intelligence – a European approach to excellence and trust. European Commission. 19.2.2020, COM(2020) 65. P. 3–4. URL: https://ec.europa.eu/info/publications/white-paper-artificial-intelligence-european-approach-excellence-and-trust_en (дата обращения: 01.09.2022).
4. Artificial Intelligence for Europe, 25.4.2018 COM(2018) 237 final. P. 2, 9–11. URL: <https://ec.europa.eu>. (дата обращения: 01.09.2022).
- 5 D. W. Hall, J. Pesenti. Growing the Artificial Intelligence Industry in the UK. P. 7. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/growing-the-artificial-intelligence-industry-in-the-uk> (дата обращения: 01.09.2022).
6. The Oxford Handbook of Ethics of AI / Edited by M. D. Dubber, F. Pasquale, S. Das. Oxford Handbooks, 2020.
7. McCarthy J., Minsky M. L., Rochester N., Shannon C. E. A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence. AI Magazine. 2006. Vol. 27, no. 4. Pp. 12–14.
8. Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Hardcover, Oxford University Press, 2016.
9. The New Physics of Financial Services. World Economic Forum in collaboration with Deloitte, August 2018. URL: <http://www3.weforum.org> (дата обращения: 01.09.2022).
10. S. Russell, P. Norvig. Artificial Intelligence: A Modern Approach, 4th Edition. Pearson, 2020. P. 1–5.
11. Tim Miller. Explanation in artificial intelligence: Insights from the social sciences // Artificial Intelligence. February 2019. Vol. 267. P. 1–38. URL: <https://doi.org/10.1016/j.artint.2018.07.007> (дата обращения: 01.09.2022).
12. Hallevy G. Liability for Crimes Involving Artificial Intelligence Systems / G. Hallevy. – Dordrecht: Springer, 2015. – 262 p.
13. Anthony J Casey, Anthony Niblett. Focus Feature: Artificial Intelligence, Dig data and the Future of Law/ (Fall 2016) 66. Universty of Toronto Press. Pp. 429–442. DOI: 10.3138/UTLJ.4006
14. S. Burton, I. Habli, T. Lawton, J. McDermid, F. Morgan. Mind the gaps: Assuring the safety of autonomous systems from an engineering, ethical, and legal perspective. Elsevier, Artificial Intelligence, Vol. 279, February 2020. URL: <https://doi.org/10.1016/j.artint.2019.103201>
15. D. W. Hall, J. Pesenti. Growing the Artificial Intelligence Industry in the UK. P. 8.
16. S. Klaus, C. Jung. Legal Aspects of “Artificial Intelligence” (AI), 10/2019 Information and Communication Technology. 2019. № 10. URL: <https://www.swlegal.ch/en/> (дата обращения: 01.09.2022).

17. Earl B. Hunt. Artificial Intelligence. Academic Press, 1975.
18. Nils J. Nilsson, Artificial Intelligence: A New Synthesis. Morgan Kaufmann Publishers, 1998.
19. R. Gasser, M. Huhns, Distributed Artificial Intelligence. Morgan Kaufmann, 1993.
20. H. Lund, P. A. Østergaard, D. Connolly, B. V. Mathiesen. Smart energy and smart energy systems // Energy. 2019. Vol. 137.
21. Alice Corp. v. CLS Bank International, 573 U.S. 208 (2014).

С. С. Крикунова,
аспирант,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА, ОСУЩЕСТВЛЯЕМУЮ С НАРУШЕНИЕМ ОСНОВНЫХ ПРАВ, СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов привлечения к ответственности искусственного интеллекта и технологий на его основе. Кроме того, рассматривается их влияние на основные права, свободы человека, гражданина. В настоящий момент не существует унифицированной позиции в отношении того, кто должен нести ответственность за противоправную деятельность, совершенную непосредственно самим искусственным интеллектом или с его помощью. Установление ответственности за противоправные действия и ненадлежащее использование искусственного интеллекта необходимо, так как у него имеются возможности нанести как физический, так и моральный вред, причинить ущерб и даже смерть.

Ключевые слова: право; информационно-телекоммуникационные технологии; искусственный интеллект; привлечение к ответственности; основные права и свободы человека и гражданина; защита безопасности; мировое сообщество

RESPONSIBILITY FOR THE ACTIVITIES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE CARRIED OUT IN VIOLATION OF FUNDAMENTAL HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS

Abstract. The article is devoted to the study of the issues of bringing artificial intelligence and technologies based on it to responsibility. In addition, their impact on the fundamental rights and freedoms of a person and a citizen is considered. At the moment, there is no single position regarding who should be responsible for illegal activities committed directly by artificial intelligence itself or with its help. Establishing responsibility for illegal actions and improper use of artificial intelligence is necessary, since it has the ability to cause both physical and moral harm, cause damage and even death.

Keywords: Law; Information and telecommunication technologies; Artificial intelligence; Accountability; Fundamental human and civil rights and freedoms; Security protection

Использование искусственного интеллекта потенциально несет угрозу возникновения рисков несоблюдения основных прав, свобод человека и гражданина. Учитывая особенности функционирования искусственного интеллекта, следует главным образом выделить наиболее уязвимые права на жизнь (в случаях использования транспортных средств на основе искусственного интеллекта), защиту личных данных, неприкосновенность частной, семейной жизни, человеческое достоинство, недискриминацию по признаку пола, расового, этнического происхождения, религии, убеждений, инвалидности, возраста, сексуальной ориентации.

В некоторых случаях, например, если искусственный интеллект внедряется в правовую сферу, может также пострадать право на эффективное судебное средство правовой защиты, справедливое судебное разбирательство, защиту прав потребителей. Преимущественно несоблюдение прав, перечисленных выше, может возникать на стадиях разработки, программирования, тестирования, функционирования.

В зависимости от правовой системы каждой отдельно взятой страны, может устанавливаться: материальная, административная, либо уголовная ответственность за правонарушения, совершенные с использованием искусственного интеллекта. Когда подобные действия создают угрозу и причиняют ущерб глобальной безопасности, должна быть установлена международная уголовная ответственность за них. Юрисдикция в таком случае преимущественно будет у государства, гражданином которого является преступник.

При формировании института ответственности не стоит забывать о том, что пострадавшие от подобного рода нарушений лица, должны пользоваться тем же уровнем защиты, что и лица, пострадавшие от вреда, причиненного другими технологиями. Это обеспечит соблюдение принципа справедливости. Вопросы юрисдикции будут определяться в каждом отдельно взятом случае самостоятельно, в зависимости от обстоятельств дела и по соглашению сторон.

Необходимо избежать возникновения правовой неопределенности в вопросах привлечения к ответственности за неправомерную деятельность, совершаемую искусственным интеллектом или с его помощью. Это применимо как для национального, так и для международного уровней правового регулирования. Своевременное принятие соответствующих законов предоставит возможность привлекать к ответственности виновных лиц, осуществлять мониторинг деятельности искусственного интеллекта, сотрудничества, обмена информацией в этой сфере, предотвратить ущерб, сократит риски и будет способствовать повышению безопасности.

Таким образом, стоит помнить о том, что научный прогресс и жизнь в обществе всегда сопряжены с угрозой, если они не контролируются должным образом. В связи с этим большой груз ответственности ложится как на государство, так и на самих граждан.

В заключение хотелось бы отметить слова Верховного комиссара ООН по правам человека Мишель Бачелет: «Чем выше риски нарушения прав человека, тем более жесткими должны быть правовые требования к применению технологий искусственного интеллекта» [1]. Данное суждение наиболее точно отражает позицию автора о том, что именно контроль за деятельностью искусственного интеллекта будет являться основополагающим гарантом соблюдения основных прав, свобод человека и гражданина.

Важно не ограничивать развитие технологических инноваций в сфере искусственного интеллекта, в противном случае такие ограничения приведут лишь к отставанию науки. Одновременно с этим необходимо создать такую атмосферу доверия на международной арене, при которой люди не будут бояться применения технологий искусственного интеллекта в повседневной жизни.

Требуется оценить все возможные риски, разработать методологию предотвращения негативно значимых последствий, установить ответственность за неправомерные действия искусственного интеллекта, утвердить перечень лиц, подлежащих такой ответственности, определить юрисдикцию и ввести обязательные этические принципы, предназначенные для повышения надежности при разработке, программировании, эксплуатации искусственного интеллекта. Это актуально и требуется для каждого государства, в котором динамично развивается искусственный интеллект.

Крайне важно, чтобы деятельность искусственного интеллекта была направлена в первую очередь на защиту людей и преследовала лишь одну, действительно значимую, глобальную цель – помощь всем людям. Ведь устойчивость, эффективность и производительность искусственного интеллекта напрямую зависят от того, насколько им соблюдаются основные права и свободы человека и гражданина.

Именно поэтому для защиты международного мира, безопасности, совершенствования укрепления мер доверия, повышения стабильности и дальнейшего роста качества технологий искусственного интеллекта требуется не забывать о важности внедрения в них установок, обязывающих не нарушать основные права, свободы, человека, гражданина, а также этические принципы.

Список литературы

1. Дзедзич М. Необходимы срочные действия в связи с рисками искусственного интеллекта для прав человека. URL: <https://news.un.org/en/story/2021/09/1099972> (дата обращения: 10.06.2022).

1. Dziejic M. Urgent action needed over artificial intelligence risks to human rights. URL: <https://news.un.org/en/story/2021/09/1099972> (дата обращения: 10.06.2022).

Л. А. Мукова,

кандидат юридических наук, профессор,
Высшее международное бизнес-училище

И. С. Цакова,

кандидат юридических наук, профессор,
Высшее международное бизнес-училище

ЕВРОПЕЙСКОЕ НОРМОТВОРЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В мае 2022 г. была принята Резолюция Европейского Парламента в отношении искусственного интеллекта в эру цифровизации (2020/2266 (INI)). На этом фоне сегодня Европейская Комиссия представляет видение, цели и пути успешной цифровой трансформации Европы к 2030 г. Это включает устранение слабых сторон и зависимостей. Одной из таких сторон является разработка общего для стран-участников рамочного законодательства по регулированию отношений в сфере цифровизации, потому что законодательные циклы часто не совпадают с темпами реального технического прогресса и экономическими циклами государств-участников, что побуждает политиков догонять и принимать правила, учитывающие варианты использования, уже имеющиеся на рынке. Кроме того, надежному регулятивному подходу к ИИ должен предшествовать всесторонний анализ пропорциональности и необходимости не препятствовать инновациям и конкурентоспособности компаний ЕС. В этой связи авторы статьи кратко представили основные направления европейского нормотворчества в области искусственного интеллекта (ИИ).

Ключевые слова: право, искусственный интеллект, цифровой компас Европы, нормотворчество, цифровизация, рынок, правовое регулирование, конкурентоспособность, цифровые технологии

EUROPEAN RULEMAKING IN THE FIELD OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. In May 2022, the Resolution of the European Parliament on artificial intelligence in the era of digitalization (2020/2266 (INI)) was adopted. Against this background, today the European Commission presents the vision, goals and paths for a successful digital transformation of Europe by 2030. This includes removing weaknesses and dependencies. One such side is the development of a common legislation (framework) for the participating countries to regulate relations in the field of digitalization, because legislative cycles often do not coincide with the pace of technological progress and economic cycles of the participating states, which encourages politicians to catch up and adopt rules that take into account use cases already available on the market. In addition, a robust regulatory approach to AI must be preceded by a comprehensive analysis of proportionality and the need not to hinder the innovation and competitiveness of EU companies. In this regard, the authors of the report briefly presented the main directions of European rule-making in the field of artificial intelligence (AI).

Keywords: Law, Artificial intelligence, European digital compass, Rule-making, Digitalization, market, Legal regulation, Competitiveness, Digital technologies

Введение. В настоящее время отмечается жесткая глобальная конкуренция в области ИИ, где ЕС не достиг необходимого уровня конкурентоспособности в сравнении с Китаем и США. Для достижения соответствующей позиции в мире ИИ и цифровизации ЕС уделяет особое внимание трем основным элементам: подходу к правовому регулированию, положению на рынке (так как транснациональные рынки и корпорации не могут быть легко отслежены за пределами национальных границ, поскольку у большинства технологических компаний есть клиенты, акционеры, сотрудники и поставщики во многих разных странах) и инвестициям. Обращение ЕС к этим трем элементам, и особенно к правовой регуляции, позволит его законодательным органам избежать излишних затрат, используя опыт США и Китая. Так, США еще не приняли горизонтальное цифровое законодательство и до сих пор сосредоточивались на отраслевых законах и содействии инвестициям, в том числе посредством налоговых мер в отношении инноваций в частном секторе, особенно среди технологических гигантов и ведущих университетов. Законодатель занят разработкой стандартов ИИ. США акцентирует внимание на предоставлении юридических рекомендаций для бизнеса, инвестировании в исследовательские проекты и устранении предполагаемых барьеров на пути инноваций, т. е. законодательная регуляция ориентирована на рынок и отсутствует комплексность в решении социально-экономических проблем государства [1]. В современной правовой регуляции Китая тоже наблюдается тенденция введения правил, а также этического кодекса ИИ. Китай обращается к разработке международных стандартов и к стратегическому участию в международных организациях по стандартизации ИИ [2].

1. Задачи, стоящие перед ЕС, по нормотворчеству в сфере искусственного интеллекта. Задачи, стоящие перед ЕС, по нормотворчеству в сфере искусственного интеллекта, базируются на Цифровом компасе Европы до 2030 г., разработанном Европейской Комиссией, который вращается вокруг четырех основных моментов:

1) *подготовленности общества (граждан и специалистов):* к 2030 г. по крайней мере 80 % всех взрослых должны обладать базовыми цифровыми навыками и около 20 млн специалистов должно работать в области ИКТ, при этом больше этих должностей должны занимать женщины;

2) *подготовленности эффективной цифровой инфраструктуры:* к 2030 г. все домохозяйства в ЕС должны иметь гигабитную связь, а все населенные пункты должны быть охвачены 5G; производство передовых и устойчивых полупроводников в Европе должно составить 20 % мирового производства; в ЕС должны быть развернуты 10000 климатически нейтральных периферийных кластерных узлов с высоким уровнем безопасности, а в Европе должен появиться первый квантовый компьютер;

3) *подготовленности цифровой трансформации участников рынка:* к 2030 г. три из четырех компаний должны использовать «Облако», большие информационные массивы и искусственный интеллект; более 90 % малых и средних предприятий должны достичь хотя бы базового уровня цифровой интенсивности, а коли-

чество стартующих компаний в ЕС, достигших рыночной стоимости в 1 млрд долларов США (так называемых «единорогов»), должно удвоиться;

4) *подготовленности цифровизации госуслуг, предусматривающей*: к 2030 г. все ключевые государственные услуги должны быть доступны онлайн, все граждане должны иметь доступ к своим электронным медицинским картам, а 80 % граждан должны использовать решения для электронной идентификации (eID) [3].

Считаем, что именно данные четыре области общественных отношений являются предметом общего правового регулирования в ЕС в связи с ИИ и цифровизацией. Исходя из базового значения ИИ и цифровизации для рынка и экономического развития стран Европы, следовательно, их мировой стабильности, основные направления регуляторной рамки обращены:

- к многонациональным финансово-инвестиционным проектам в области цифровизации, так как требуется значительное финансирование внедрения ИИ;

- цифровым правам и принципам, которые в онлайн-среде гарантированно смогут осуществляться таким же образом, что и за ее пределами, так как технологии искусственного интеллекта поднимают важные этические и юридические вопросы: так, некоторые технологии ИИ позволяют автоматизировать обработку информации в беспрецедентных масштабах, что открывает путь для массовой слежки и других видов незаконного вмешательства и создает угрозу основным правам, в частности правам на неприкосновенность частной жизни и защиту личных данных;

- продвижению правовыми средствами своей позитивной и ориентированной на людей цифровой повестки дня в международных организациях и посредством прочных международных цифровых партнерств (например, создание нового Совета ЕС – США по торговле и технологиям) и др.

2. Правовые вызовы перед европейским законодателем. Правовое регулирование искусственного интеллекта является одним из самых серьезных вызовов правовой системе как сообщества, так и национальным правовым системам государств-членов, так как очерчивает сложную картину, в которой задаются вопросы о необходимости предстоящего переосмысления основных понятий и институтов позитивного права. В сообщении Европейской комиссии описаны пять ключевых систем в контексте развития потенциала цифровых технологий: производство; здравоохранение; строительство; сельское хозяйство; мобильность. Предложение ЕС на уровне амбиций состоит в том, чтобы к 2030 г. 75 % европейских предприятий внедрились «облачные сервисы», большие массивы данных и искусственный интеллект (при базовом показателе 2020 г.: услуги «облаков» – 26 %, большие информационные массивы – 14 %, искусственный интеллект (ИИ) – 25 %) [4].

В заявленных стратегических задачах технологии искусственного интеллекта воспринимаются как ключевые наряду с использованием блокчейнов, автономных роботов, Интернета и т. д.

Европейская комиссия 19 февраля 2020 г. обнародовала свое видение будущей законодательной базы для обеспечения и ускорения развития высоких технологий / искусственного интеллекта в рамках Европейского союза [5]. Затем, 20.10.2020 последовали две резолюции Европарламента с рекомендациями и предложениями об ответственности за эксплуатацию систем ИИ и об этических

принципах разработки, внедрения и использования ИИ, робототехники и связанных с ними технологий [6].

Одним из фокусов будущего законодательства является создание конкретных требований для некоторых конкретных приложений ИИ, которые воспринимаются как «высокорисковые».

Подход в последующих документах и актах Европарламента и Еврокомиссии в рассматриваемой предметной области основывается на представлении о том, что вне зависимости от характеристик «автономии» и «адаптивности» одним из ключевых требований к политике регулирования ИИ и интеллектуальных роботов заключается в том, что оно должно быть основано на «человеческом факторе и надзоре» и использовать подход, основанный на оценке риска, т. е. этического фактора. Взаимосвязь между правовой и этической базой лежит в основе сообщения Европейской комиссии от апреля 2019 г. «Укрепление доверия к искусственному интеллекту, ориентированному на человека» [7]. Документ ссылается на Европейскую стратегию «Искусственный интеллект для Европы», опубликованную Комиссией в апреле 2018 г. Artificial Intelligence for Europe и недвусмысленно указывает на необходимость соответствующей правовой базы, которая также должна сопровождаться соответствующей этической базой [8].

В своей резолюции об ИИ от 03.05.2022 Европейский парламент отмечает, что к 2030 г. искусственный интеллект внесет в мировую экономику более 11 трлн евро. В контексте потенциальных возможностей, рисков и препятствий использования ИИ в Европейском парламенте рассмотрели шесть казусов. Они касаются здравоохранения, рынка труда, внешней политики, «зеленого курса», конкурентоспособности, демократии [9].

Признавая необходимость новых и работоспособных механизмов регулирования, Европарламент призывает Комиссию «предлагать законодательные акты для новых цифровых законов в таких областях, как ИИ, только в виде Европейских регламентов, поскольку единый цифровой рынок должен пройти процесс реальной гармонизации». Гибкость «цифрового права», технологическая нейтральность, соразмерность, риск, ориентированный на учет прав человека, – вот основные характеристики правового регулирования цифровых технологий. Наряду с этим оно должно предотвратить ненужную дополнительную административную нагрузку для МСП, start-up компаний, академических и исследовательских кругов, а также обеспечить правовую определенность за счет «надежных, практичных и недвусмысленных критериев применимости, определений и обязательств во всех правовых текстах, касающихся продажи, использования или развития технологий ИИ».

3. Новое положение об искусственном интеллекте. Предложение о новом регламенте ЕС устанавливает ряд юридических требований к системам ИИ с высоким уровнем риска в отношении данных и управления ими, документации и ведения учета, прозрачности и предоставления информации пользователям, надзора со стороны человека, надежности, точности и безопасности [10]. Соответствие этим требованиям предполагается установить путем введения стандартов или иных технических условий. Цель состоит в том, чтобы добиться гибкости в том, как поставщики систем ИИ выполняют применимые к ним требования, четко устанавливая

концептуально целенаправленный подход к регулированию, основанный на оценке рисков, с перечислением областей, в которых использование ИИ строго запрещено. «Запреты охватывают практики, которые имеют значительный потенциал для манипулирования людьми с помощью подсознательных методов, выходящих за рамки человеческого осознания, или для использования уязвимостей конкретных уязвимых групп, таких как дети или люди с ограниченными возможностями, для существенного изменения их поведения таким образом, чтобы это могло вызвать им или другому лицу психологический или физический вред». Поскольку другие манипулятивные действия или злоупотребления, которым могут помочь системы ИИ, могут быть охвачены действующим законодательством о защите личных данных, защите прав потребителей и цифровых услугах, которые гарантируют, что люди должным образом информированы и имеют свободный выбор не подвергаться профилированию или другим действиям, которые могут влиять на их реакции. Предложение также запрещает использование государственными органами социальных рейтингов на основе ИИ, а также запрещает использование систем удаленной биометрической идентификации в режиме реального времени в общедоступных местах для правоохранительных целей, за исключением некоторых ограниченных исключений. Системы ИИ, которые представляют высокий риск, допустят на европейский рынок при соблюдении определенных требований и предварительной оценки соответствия. Отнесение системы к категории высокого риска также будет основываться на действующем законодательстве о безопасности продукции и будет зависеть не только от функции, выполняемой системой ИИ, но и от конкретной цели и условий, для которых она используется.

4. Болгарская национальная стратегическая рамка. Для целей «цифрового перехода» болгарская национальная стратегическая рамка включает Концепцию развития искусственного интеллекта в Болгарии до 2030 г. [11]. Документ ссылается на европейские стратегические документы в области цифровых технологий и принимает следующее рабочее определение концепции искусственного интеллекта: «набор технологий, объединяющих данные, алгоритмы и вычислительную мощность», который может преобразовать основные отрасли промышленности, услуг и общества в целом. В документе изложены руководящие принципы будущего регулирования искусственного интеллекта на национальном уровне с акцентом на «надежность» технологии. Это связано с созданием нормативно-правовой базы, «гарантирующей соблюдение основных прав граждан, в том числе обеспечение безопасности продукции и установление юридической ответственности». При этом указывается, что принципы недискриминации, подотчетности, уважения человеческого достоинства, неприкосновенности личности должны быть интегрированы в системы ИИ на максимально ранней стадии процесса разработки. Законодательный подход, рекомендованный в концепции, заключается в том, чтобы избежать чрезмерного регулирования и позволить инновациям развиваться. «При переносе европейской правовой базы по ИИ в Болгарию также будут применяться общие принципы и правила ограничения административного регулирования и административного контроля над экономической деятельностью, чтобы об-

легчить и поощрять экономическую и исследовательскую деятельность в области ИИ, стимулируя естественный прогресс развития технологий в Болгарии.

Заключение. Позиция нынешней европейской политики базируется на следующих стратегических целях: открытая стратегическая автономия, диверсифицированный и беспрепятственный доступ к мировым рынкам сырья. Эти цели определяют перспективы европейской экономики с прицелом на 2030–2050 гг., они определенно связаны с подходом к климатической нейтральности, с акцентом на поставку сырья и переход к экономике замкнутого цикла, цифровизации. Вместе с этим они намечают ориентиры стратегического планирования будущей законодательной базы ЕС в сфере устойчивого развития, понимаемого как зеленая и цифровая экономика, основанная на системах искусственного интеллекта.

Как концепция эти цели продолжают политику сохранения ценностей европейской социальной и регуляторной модели.

Список литературы

1. H.R.6216 – National Artificial Intelligence Initiative Act of 2020. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6216/text> (дата обращения: 02.08.2022).

2. Notice of the State Council Issuing the New Generation of Artificial Intelligence Development Plan State Council Document [2017] No. 35, Translated by Flora Sapio (FLIA Scholar), Weiming Chen (FLIA Research Assistant), and Adrian Lo (FLIA Research Intern). URL: <https://flia.org/wp-content/uploads/2017/07/A-New-Generation-of-Artificial-Intelligence-Development-Plan-1.pdf> (дата обращения: 02.08.2022).

3. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions Digital Compass to 2030: The European Road to the Digital Decade, Annex COM(2021) 118 final. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/bg/IP_21_983 (дата обращения: 02.08.2022).

4. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions 2030 Digital Compass: the European way for the Digital Decade, COM/2021/118 final

5. White paper On Artificial Intelligence – A European approach to excellence and trust, COM/2020/65 final, https://ec.europa.eu/info/files/white-paper-artificial-intelligence-european-approach-excellence-and-trust_bg (дата обращения: 02.08.2022).

6. European Parliament resolution of 20 October 2020 with recommendations to the Commission on a civil liability regime for artificial intelligence (2020/2014(INL)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0276_BG.html, European Parliament resolution of 20 October 2020 with recommendations to the Commission on a framework of ethical aspects of artificial intelligence, robotics and related technologies (2020/2012(INL)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0275_BG.html (дата обращения: 02.08.2022).

7. Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, Building trust in human-centred artificial intelligence,

COM(2019) 168 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/BG/TXT/PDF/?uri=CELEX:52019D C 0168&from=BG> (дата обращения: 02.08.2022).

8. Artificial Intelligence for Europe, Брюксел, 25.04.2019, COM(2018) 237 final. URL: <https://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2018/EN/COM-2018-237-F1-EN-MAIN-PART-1.PDF> (дата обращения: 02.08.2022).

9. European Parliament resolution of 3 May 2022 on artificial intelligence in the digital age (2020/2266(INI)).

10. Proposal for a regulation of the European parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial intelligence act) and amending certain Union legislative acts, COM(2021) 206 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/BG/ALL/?uri=CELEX%3A52021PC 0206> (дата обращения: 02.08.2022).

11. Концепция за развитието на изкуствения интелект в България до 2030, Изкуствен интелект за интелигентен растеж и проспериращо демократично общество. URL: <https://www.mtc.government.bg/sites/default/files/konceptiyazarazvitieneaivbulgariyado2030.pdf> (дата обращения: 02.08.2022).

И. Э. Никитина,

доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного и гражданского права и процесса,
Московский международный университет,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Королевский филиал Международного юридического института

ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОТПРАВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ (МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ)

Аннотация. В работе исследуются преимущества и недостатки внедрения в уголовное судопроизводство инновационных технологий и соответствующих мер обеспечения информационной безопасности. Цель работы в определении соотношения между автоматизацией уголовного судопроизводства и международной системой защиты прав и свобод человека и гражданина. Рассмотрены конкретные примеры апробации зарубежными странами современных цифровых платформ в сфере правосудия, осуществления иммиграционной политики, предоставление статуса беженца. Уделено внимание повышению эффективности международного сотрудничества с использованием возможностей искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровые технологии, цифровые платформы, уголовное судопроизводство, международное сотрудничество, иммиграционная политика, защита прав и свобод человека

PROBLEMS OF INTRODUCING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE ADMINISTRATION OF JUSTICE (INTERNATIONAL ASPECTS)

Abstract. The article examines the advantages and disadvantages of introducing innovative technologies and appropriate measures to ensure information security in criminal proceedings. The purpose of the work is to determine the relationship between

the automation of criminal proceedings and the international system for protecting the rights and freedoms of man and citizen. Specific examples of testing by foreign countries of modern digital platforms in the field of justice, the implementation of immigration policy, and the granting of refugee status are considered. Attention paid to increasing the efficiency of international cooperation using the capabilities of artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, digital technologies, digital platforms, criminal justice, international cooperation, immigration policy, protection of human rights and freedoms

Введение. Одной из современных тенденций развития международного сотрудничества в борьбе с преступностью является взятый государствами курс на внедрение в уголовное судопроизводство инновационных технологий и соответствующих мер обеспечения информационной безопасности.

Так, в Европейском союзе был введен термин «e-Justice» (в переводе «электронное правосудие»), смысл которого, согласно позиции ЕС, заключается в использовании цифровых платформ для ряда процессуальных действий, в частности связанных с разрешением споров в судебном порядке, а также применением мер процессуального принуждения за совершение уголовно-наказуемых деяний.

Обозначенная сфера деятельности включает в себя планирование совершенствования системы межгосударственного информационного обмена, обеспечение гарантий доступа к справедливому правосудию путем создания «безопасной правовой среды», дальнейшего развития баз данных криминалистической и оперативной информации, широкое внедрение искусственного интеллекта в деятельность правоохранительных органов.

Основная часть. Искусственный интеллект AI (artificial intelligence, далее – ИИ) – это уникальное изобретение человечества, которое получило свое развитие, в основном в XXI в. С момента его существования не затихают споры об этических аспектах применения искусственного интеллекта в различных сферах жизнедеятельности общества.

Искусственный интеллект в значительной степени развивается на основе цифровых платформ и является межнациональным. Применение таких платформ, например, позволяет формировать национальную информационную безопасность (сфера информационного права и права кибербезопасности), систематизировать отношения в коммерческой сфере деятельности (гражданско-правовые отношения) и ряде иных правоотношений, которые так или иначе, восприняли те факторы и преимущества, которые несет в себе искусственный интеллект.

В уголовно-правовой сфере также используются возможности ИИ. Так, некоторые страны испытывали цифровые платформы в целях улучшения имеющихся механизмов функционирования аппарата суда. Интересен анализ тех результатов, которые были получены в результате апробации работы «цифрового судьи».

В США с целью сокращения числа приговоров, связанных с лишением свободы, а также во избежание риска роста преступности, внедрили автоматизированные механизмы, чтобы обеспечить независимое и беспристрастное рассмотрение дел, имеющих небольшой уровень общественной опасности.

В 2017 г. разразился скандал, причиной которого стало программное обеспечение цифровой платформы, в рамках которой определялась потенциальная возможность подсудимыми совершить рецидив (Compas).

Суть «автоматизированных решений» заключалась в следующем: темнокожие люди, согласно данным, загруженным в программное обеспечение машины на основе предыдущих судебных решений, с большей вероятностью могли совершить повторное преступление, и эта разница была весьма значительной (45 % против 24 %) [1].

Углубленное изучение этих показателей выявило, что в основе программного обеспечения были положены изначально дискриминационные данные, поскольку в XVIII, XIX, XX в. темнокожих людей намного реже отпускали, например, под залог, чем белых людей.

Таким образом, уже на первоначальном этапе был сформирован несправедливый подход к вынесению решений на цифровой платформе Compas.

Одним из основных аргументов против использования ИИ в сфере отправления правосудия и создания «машинного суда» является особая значимость соблюдения основных принципов и норм уголовного-судопроизводства. Такие принципы как справедливость, равенство, законность, гуманизм определяют основы уголовно-процессуальных правоотношений, в связи с чем заложить «правильные параметры» в программное обеспечение цифровой платформы для «автоматизированного суда» гораздо сложнее [2].

При этом возможного решения указанной проблемы пока что не найдено, так как для использования таких алгоритмических инструментов необходимо большое количество данных для обучения системы, если таких данных нет или же они противоречат принципам отправления правосудия – функционирование системы не представляется возможным, они не могут принимать решения самостоятельно [3].

Использование автоматизированных систем не является чем-то новым. Так, правоохранительные органы используют алгоритмы прогнозирования, чтобы обеспечить безопасность граждан той или иной страны (особое развитие эти технологии получили в Южной Корее и Сингапуре). Системы распознавания лиц позволяют идентифицировать подозреваемых, но даже они являются несовершенным аналитическим инструментом. Отмечалось, что особенно отчетливо это можно проследить опять же в отношении темнокожих людей, система распознавала преступников даже среди членов Конгресса США (такая же проблема возникала и в Китае).

Канадское правительство экспериментирует с внедрением возможностей ИИ в иммиграционное законодательство по крайней мере с 2014 г. Так, под эгидой Федерального правительства Канады совершенствуются цифровые технологии, направленные на автоматизацию определенной части деятельности иммиграционных властей, в целях оценки достоверности сведений, предоставляемых иммигрантами и лицами, ищущими убежища.

Правительство Канады также негласно обратилось к частному сектору с просьбой внести свой вклад в пилотный проект 2018 г. по внедрению ИИ в процесс принятия решений (Artificial Intelligence Solution), призванного оценивать в том числе заявления о гуманитарной помощи и сострадании, а также возможные

риски перед выдворением из страны. Эти виды заявлений часто используют беженцы, спасающиеся от насилия и войны, в качестве последнего средства, чтобы остаться в Канаде [4].

Последствия использования автоматизированного принятия решений в сфере иммиграции и беженцев далеко идущие. Ежегодно сотни тысяч людей въезжают в Канаду, подавая различные заявления на получение временного и постоянного статуса. Многие приезжают из охваченных войной стран в поисках защиты от насилия и преследования.

Однако в некоторых случаях «сложный эмоциональный характер» заявлений о предоставлении статуса беженца и иммиграции не может быть воспринят ИИ, что приводит к серьезным нарушениям прав человека, защищенным на международном и национальном уровнях. Возможны ошибки в форме предвзятости, дискриминации, нарушений неприкосновенности частной жизни, выбора надлежащей правовой процедуры и процедурной справедливости.

Выводы. Таким образом, использование искусственного интеллекта в отправлении правосудия (в широком смысле этого термина) на данном этапе требует осмысления и поиска новых подходов. Создание эффективных цифровых механизмов возможно, но каким образом заложить в программное обеспечение «машинного суда» основополагающие принципы уголовного судопроизводства и юридические критерии, которые были бы полностью очищены от исторических связей с наследием государственности и права той или иной страны, остается задачей будущего. Опыт США является ярким тому примером.

Список литературы

1. Rise of the racist robots – how AI is learning all our worst impulses. URL: <https://www.theguardian.com/inequality/2017/aug/08/rise-of-the-racist-robots-how-ai-is-learning-all-our-worst-impulses> (дата обращения: 17.06.2021).
2. Будет ли искусственный интеллект выносить судебные вердикты. URL: <https://rg.ru/2021/07/14/budet-li-iskusstvennyj-intellekt-vynosit-sudebnye-verdikty.html> (дата обращения: 23.11.2021).
3. Воронкова Е. О. Интуиция и искусственный интеллект в современной правотворческой и правоприменительной деятельности // Юридическая наука. 2020. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intuitsiya-i-iskusstvennyy-intellekt-v-sovremennoy-pravotvorcheskoj-i-pravoprimenitelnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 23.11.2021).
4. Electronic version first published by the International Human Rights Program and the Citizen Lab in September, 2018. URL: <https://ihrp.law.utoronto.ca/> and [https://citizenlab.ca.](https://citizenlab.ca/) (дата обращения: 18.09.2022).

М. А. Сарсембаев,

доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Консалтинговая группа «Болашак»

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И РОБОТИЗАЦИИ В ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА И ЭКСПОРТА В МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ КАЗАХСТАНА И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Аннотация. В развитых странах технологии искусственного интеллекта и роботизации используются в различных сферах. Казахстан изучает опыт этих стран, стремится обеспечить применение этих технологий в промышленности, машиностроении, иных отраслях экономики. В данной статье приводятся предложения о необходимости принятия новых казахстанских законов, новых конвенций для ускорения внедрения этих технологий в производственный процесс.

Ключевые слова: искусственный интеллект, робототехника, производство, экспорт, машиностроение, технология, закон

LEGAL PROBLEMS OF THE INTRODUCTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND ROBOTICS TECHNOLOGIES IN THE PRODUCTION AND EXPORT PROCESS IN THE MACHINE-BUILDING INDUSTRY OF KAZAKHSTAN AND FOREIGN COUNTRIES

Abstract. In developed countries, artificial intelligence and robotics technologies are used in various fields. Kazakhstan studies the experience of these countries, seeks to ensure the use of these technologies in industry, mechanical engineering, and other sectors of the economy. This article presents proposals on the need to adopt new Kazakh laws, new conventions to accelerate the introduction of these technologies to the production process.

Keywords: Artificial intelligence, Robotics, Manufacturing, export, Mechanical engineering, Technology, Law

Мы, научные сотрудники Консалтинговой группы «Болашак», исследующие тему «Национально-правовые и международно-правовые решения коренного перехода к цифровизации транспортного, сельскохозяйственного машиностроения Казахстана, к электромобильности, автопилотности его продукции» по линии Министерства высшего образования и науки Республики Казахстан, в курсе, что Министерство индустрии и инфраструктурного развития Республики Казахстан реализует проект по созданию целого ряда модельных цифровых фабрик (АО «АК Алтыналмас», АО «Евразиян Фудс», АО «Кентауский трансформаторный завод», АО «Химфарм», ТОО «Карлскрона», ТОО «Балтекстиль», ТОО «Алматинский вентиляторный завод») в целях внедрения цифровых технологий, получения эффектов от цифровизации, популяризации Индустрии 4.0 и выработки соответствующих мер государственной поддержки. Мы со своей стороны хотели бы оказать содействие нашему министерству индустрии своими организационно-правовыми

ми соображениями в вопросах внедрения, в частности, искусственного интеллекта как составной части цифровизации в деятельность заводов транспортного и аграрного машиностроения Казахстана. Оно может происходить так же, как в зарубежных странах, где уделяют значительное внимание вопросам необходимости использования технологий искусственного интеллекта в экономике, промышленности, машиностроении [1].

Было бы желательно присмотреться и изучить стратегические документы (акты «мягкого» права), принятые в 2017–2019 гг. Францией, Китаем, Канадой, Данией по вопросам искусственного интеллекта. В Республике Казахстан нет такого документа по вопросам технологий искусственного интеллекта. Было бы целесообразно разработать текст стратегического документа на эту тему. Если мы не будем разрабатывать, принимать и исполнять стратегические доктринальные документы по этим и другим темам, то мы рискуем перманентно оставаться в роли отстающих, догоняющих государств.

В перспективе на всех заводах транспортного и сельскохозяйственного машиностроения Республики Казахстан водителями электрокаров цехах, доставляющих со складов необходимые компоненты в цеха и отправляющих из цехов на склад изготовленную продукцию, водителями транспортных средств и сельскохозяйственных машин будут цифровые двойники человека в виде ящика, подключенного к нейронным сетям, весь механизм которого называется искусственным интеллектом. Сами заводы будут выпускать беспилотные транспортные средства и агротехнические машины, где вместо живых водителей будут технологические механизмы искусственного интеллекта. Нейронные сети представляют собой универсальную компьютерную программу, которая обучена посредством датчиков и сенсоров, установленных на автомобиле (электромобиле), распознавать и классифицировать участников дорожного движения, дорожные и иные объекты, не допускать наезда на участников движения посредством мгновенного торможения. В этом состоит суть искусственного мышления, искусственного интеллекта, выполняющего роль живого водителя. В этой связи мы полагаем бы целесообразным предложить анализируемому министерству в сотрудничестве с другими министерствами в ближайшей перспективе разработать тексты проектов будущих казахстанских законов под примерно такими названиями: «О регулировании особенностей в применении технологий искусственного интеллекта на территории Республики Казахстан», «О создании необходимых технических, технологических, цифровых условий для создания и совершенствования механизмов искусственного интеллекта, используемых в промышленности, машиностроении», в том числе в сфере транспортного и сельскохозяйственного машиностроения.

Международный и зарубежный технологический опыт решения юридических вопросов развитых стран первоначального периода становления и развития искусственного интеллекта [2] мог бы оказаться весьма полезным для Казахстана, приступающего к изучению и применению этой технологии в разных сферах, в том числе в машиностроении. Германия – одна из немногих стран, принявших закон «О дорожном движении Германии для целей использования высокоавтоматизированных автомобилей». Аналогичный закон мог бы стать

полезным и для Республики Казахстан. Кроме того, сотрудники министерства индустрии Республики Казахстан могли бы тщательно изучить международные документы: Азиломарские принципы искусственного интеллекта (2017), Монреальскую декларацию об ответственном развитии искусственного интеллекта (2017), Модельную конвенцию робототехники и искусственного интеллекта (Россия, 2018), Принципы искусственного интеллекта и рекомендации по национальной политике экспертной группе по искусственному интеллекту (ОЭСР, 2019), что оказало бы им содействие как в формулировании статей в приведенных выше названиях проектов казахстанских законов об искусственном интеллекте, так и в обосновании инициирования Казахстаном международной многосторонней конвенции о сотрудничестве, обмене опытом по применению искусственного интеллекта. Аналогичные конвенции могут быть приняты на региональной и двусторонней основе.

Обеспечив внедрение цифровых технологий в процесс «умного» («интеллектуального») производства, японские производители автомашин уделяют немалое внимание анализу Big data («Больших данных»), германские промышленники, производящие транспортные средства, считают необходимым концентрировать свое внимание на сборе первичной информации с сенсорных и иных датчиков, китайские специалисты в сфере цифровой экономики делают особый акцент на новейшие информационные технологии, но все вместе стремятся использовать потенциал сверхскоростных технологий связи 5G. Благодаря технологиям 5G производители транспортных средств развитых стран теперь при применении промышленного интернета вещей избавляются от кабелей. Это означает, что сегодня на автоконцернах этих стран все станки, конвейеры, различные виды оборудования, производственные участки соединены друг с другом беспроводно и качественно посредством датчиков, антенн, что является существенным преимуществом технологии связи 5G. Специализированные подразделения министерства индустрии могли бы довести до сведения промышленных, машиностроительных предприятий республики необходимость внедрения сверхскоростной технологии 5G, что позволило бы резко ускорить процесс производства, получать информацию о надвигающейся неисправности станка, оборудования до совершения факта поломки, избегая тем самым простоев производства, повысить качество и увеличить количество выпускаемой продукции.

На основании изложенного в данном пункте мы полагаем бы целесообразным министерству индустрии в сотрудничестве с Казтелекомом (или другим аналогичным учреждением) разработать проект нового будущего казахстанского закона: «О создании условий для внедрения сверхскоростной мобильной связи 5G в промышленный, машиностроительный оцифрованный производственный процесс и другие отрасли экономики республики».

Искусственный интеллект применяется не только в транспортно-машиностроительном производстве, он также не менее успешно применяется в сфере эксплуатации произведенных транспортных средств и агротехнических машин внутри Казахстана и в зарубежных странах. Автозавод «СарыаркаАвтоПром» или завод по выпуску сельскохозяйственной техники «Агромашхолдинг» (г. Костанай), например, может приобрести у казахстанского или зарубежного

IT-предприятия мобильное приложение типа «Smart Plaza», посредством машинного, компьютерного зрения которого можно в скоростном формате обрабатывать чеки многочисленных продаж автомобилей, комбайнов, сельскохозяйственного оборудования, запасных частей. Такое приложение берет на себя функцию сбора информации об осуществленных продажах, обрабатывает заявки покупателей того или иного транспортного средства, того или иного вида сельскохозяйственной техники, делает аналитику продаж машин на основе единовременной оплаты и отдельно – продаж машин в рассрочку. Кроме того, предприятия машиностроения должны знать, что IT-специалисты могут соединять разные элементы экосистемы. К примеру, можно соединить программу лояльности и сбор информации о продажах продукции заводов. Получив эти данные, специалисты завода могут делать прогнозы и влиять на продажи производимой продукции. К примеру, в программе лояльности можно начислять повышенные бонусы за покупку запасных частей именно этого завода, к конкретной модели автомашины: это наверняка приведет к увеличению потока покупателей, желающих приобрести именно эту модель машины именно этого конкретного завода. Есть платформа «TS Online» и IT-специалисты по этой платформе, дилерские подразделения автозавода или завода сельскохозяйственного машиностроения с их помощью могут оцифровать все внутренние процессы управления, благодаря которым оптовым и розничным покупателям техники не нужно проходить «бюрократические проволочки»: достаточно оставить в централизованной базе заявку-онлайн, которая обрабатывается в течение одного рабочего дня, тогда как раньше на согласование бумаг уходило 2–3 дня.

Благодаря искусственному интеллекту сотрудники дилерских подразделений того или иного автозавода могут оказать содействие покупателям в покупке той или иной продукции завода. В основу оцифрованного инструмента ценообразования заложена информация об истории продаж того или иного автомобиля, о спросе на него в соответствующих временных отрезках, ценовой чувствительности (ценах на него в том или ином филиале, городе), данные о ценах конкурентов на такую же марку автомобиля. Покупатель может наблюдать, как алгоритмы программы вычисляют, по каким причинам происходит колебание, изменение цен на автомобиль в том или ином городе, филиале. С учетом всех этих данных программа представляет ту цену, которая устроила бы и покупателя, и автозавод.

Заводы казахстанского машиностроения могут приобрести у вендоров (продавцов) IT-продукт типа «Retail Rocket». Такой сервис представляет собой искусственный интеллект, который способен подстраивать сайт, совершать рассылки и демонстрировать покупателю нужные товары, авто, компоненты к нему. Искусственный интеллект в процессе изучения истории покупок покупателем конкретных запасных частей к электромобилю способен определить линию поведения этого покупателя в ближайшей перспективе. Так, если человек купил электромобиль, через некоторое время данный сервис ненавязчиво будет показывать в блоках рекомендаций улучшенный навигатор, зимние и (или) летние шины, габаритные лампочки: тем самым владелец электромобиля постепенно придет к заключению о необходимости сделать дополнительный заказ на тот или иной компонент авто. А чтобы покупатель наверняка купил обозначенные

и иные автокомпоненты именно в дилерском филиале завода, скажем, «КАМАЗ-Инжиниринг» (г. Кокшетау), сотрудники филиала подключают такой искусственный интеллект, способный персонализированно делать email-рассылку. Причем делать это данный сервис будет не ежедневно, поскольку «понимает», что ежедневные письма одного и того же текста ничего, кроме раздражения и стойкого нежелания становиться покупателем, у адресата не вызовет. Поэтому данный искусственный интеллект пришлет ему персонально информацию о новом поступлении того или иного автокомпонента примерно в то время, когда потенциальный покупатель будет нуждаться в соответствующем компоненте и будет готов купить его. Подобного рода цифровые продукты уже зарекомендовали себя должным образом: их использование позволило учреждениям, организациям, предприятиям увеличить по целому ряду товаров на 27 %.

Есть смысл инициировать правительственное постановление или нормативный приказ министерства индустрии примерно под таким названием: «О необходимости внедрения технологий искусственного интеллекта в сферу продаж, экспорта-импорта продукции заводов транспортного и сельскохозяйственного машиностроения республики».

А теперь перейдем к анализу правовых проблем внедрения роботизации в рамках цифровизации производства и экспорта в машиностроительной отрасли Казахстана и зарубежных стран. В развитых странах мира робот, работающий в разных сферах, в том числе в машиностроительной отрасли, становится повседневной реальностью. Нас интересует в первую очередь интеллектуально-индустриальный робот, функционирующий в цехах промышленных, машиностроительных предприятий.

Для чего нам нужна роботизация? Во-первых, благодаря роботизации Казахстан мог бы по конкурентной цене производить необходимые для «зеленой» экономики компоненты: аккумуляторные батареи для разных видов электротранспорта, автомобили на водородном топливе, солнечные панели с возможностями аккумулирования электроэнергии для любой компании, любого предприятия. Во-вторых, промышленная робототехника предоставит возможность выпускать по доступным ценам небольшие партии практически любых товаров, в том числе компонентов транспортного и агротехнического машиностроения, что позволит перенести производство практически во все регионы страны, продукция которых будет сбываться на месте за минусом транспортных расходов.

Итак, промышленный робот в соответствии с определением стандарта ISO 8373: 2012 представляет собой «автоматически управляемый, перепрограммируемый многофункциональный» стационарный или мобильный манипулятор, «который программируется по трем или более осям». Общее число роботов в мире на начало 2021 г. превысило более 3 млн единиц [3].

Мы вынуждены пользоваться преимущественно статистическими показателями 2019 г., на начало 2020 г., поскольку пандемийные 2019–2020 гг. привели к достаточно резкому падению продаж роботов. Эксперты прогнозируют, что предпандемийные показатели могут быть достигнуты в 2023 г., но и этот прогноз может быть отодвинут в связи с жесткими санкциями против России. По показателю общего количественного потребления лидирует Китай: на его территории

действуют более 140 тысяч промышленных роботов, затем с большим отрывом следуют Япония (около 50 тысяч роботов) и США (более 33 тысяч роботов).

По показателю плотности (количество роботов на каждые 10 тысяч работников страны) на начало 2020 г. в десятке самых роботизированных стран планеты находились Сингапур (918 роботов на 10 тысяч работников), Южная Корея (855 промышленных роботов), Япония (364), Германия (346), Швеция (277), Дания (243), Гонконг (242), Тайвань (234), США (228), Италия (212). Реальными лидерами, согласно статистической информации Международной федерации робототехники, являются страны Азии (Сингапур, Южная Корея и Япония). Сингапур по праву занимает первое место в мире, поскольку плотность его роботов в настоящее время самая высокая – почти 1 000 единиц приходится на 10 тысяч работников. Усредненная плотность промышленных роботов в странах Азии составляет 118 единиц, в странах Европы – 114 роботов, в странах Америки – 103. В среднем по миру на каждые 10 тысяч работников приходится по 113 роботов. В СНГ лидирует Российская Федерация, в которой на каждые 10 тысяч ее работников приходится по 6 роботов [4].

У других 10 стран СНГ показатели еще ниже. В Республике Казахстан сегодня немного роботов. Например, в машиностроении Казахстане сегодня работают более 150 роботов, в автопроме республики – 15 роботов-манипуляторов. Но этого явно мало. Мы должны обратить особое внимание на внедрение сплошной роботизации в экономике, промышленности, машиностроении Казахстана. В этой связи мы разделяем мнение Дмитрия Верхотурова, который в своей статье «Роботостан. Роботы для Казахстана», в частности, пишет: «Автоматизированные производственные комплексы, внедренные в масштабах отраслей промышленности, покажут, что человеческий труд не может сравниться с машинным. Для Казахстана это особенно важно тем, что страна – относительно малолюдная, демографического взрыва не предвидится, да и он не прибавит ничего существенного к экономическому весу страны. А вот роботы могут резко увеличить экономический вес Казахстана в мире. Поскольку для проектирования и обслуживания роботов нужно совсем немного работников высокой квалификации, то общее количество роботов в стране может быть больше, чем численность населения в несколько раз, а вероятно, и в десятки раз. Если создать еще роботов по обслуживанию и ремонту роботов, то перевес машинной «рабочей силы» над людской можно увеличить до сотен раз. Мощность подобной производственной системы будет лимитироваться лишь степенью развития энергетики и наличием сырья. И то, и другое – также решаемые современной наукой и техникой задачи. В принципе, значение широкого использования роботов только-только начинает осознаваться, но еще далеко не так четко, как это нужно. Роботы позволяют обойти еще и такое важное явление в современном мире, как падение стимулов к труду при достижении определенного уровня благосостояния. В отличие от человека, робот безразличен к таким факторам» [5]. При необходимости обеспечения обороны страны, часть этих роботов можно переформатировать, перепрограммировать и сделать их роботизированными солдатами.

А по показателю производства промышленных роботов (это – очень важный показатель) безусловно лидирует Япония. Так, японская фирма «Epson» является одним из видных разработчиков-производителей промышленных роботов (6-осе-

вые). Примерами ее продуктов можно назвать: LS 3-B; LS 6-B, LS 10-B, LS 20-B; VT6L. Япония обеспечивает 47 % мировой потребности в промышленных роботах. Такой результат достигается благодаря кропотливой работе 130 компаний и фирм, в частности, таких, как: «Fanuc Ltd.», «Fuji Machine Mfg. Co.», «Yaskawa Electric Corp.», «Toshiba Machines Co.», «Mori Seiki Co.», «Okuma Corp.», «Hitachi Seiki Co», «Makino Milling Machines Co.». Далее следуют Южная Корея и некоторые европейские государства. Казахстан мог бы проинициировать разработку и подписание международно-правового акта – двустороннего договора о сотрудничестве с Японией в сфере робототехники. Аналогичное двустороннее соглашение Казахстан мог бы подписать со своим стратегическим партнером – Южной Кореей. Возникает вопрос: удастся ли Казахстану стать достойным партнером в этих двусторонних международно-правовых документах? Вполне. Ведь Япония сама начала свой робототехнический путь с копирования первого робота на основе американской лицензии, а сегодня она в производстве собственных моделей и марок роботов обогнала те же США. И мы сможем сделать примерно то же самое. Для начала нужно будет закупить партии разных моделей роботов в Японии, Южной Корее, Китае на основе функционирующих между нашими странами двусторонних торгово-экономических соглашений. Надо развернуть курсы по роботоведению во всех 7 550 средних школах, во всех 724 колледжах, во всех высших технических и технологических учебных заведениях, открыть при них лаборатории, кружки по робототехнике. По согласованию с министерством просвещения республики в программы школ было бы целесообразно ввести учебный предмет «Искусственный интеллект и робототехника». 493 683 зарегистрированных в Казахстане предприятий могли бы в той или иной степени оказывать содействие развитию робототехники. И нам нужно это сделать, поскольку нам необходимо выжить в условиях современного, порой алогичного, беспокойного мира.

Наибольшими потребителями роботов в странах мира являются промышленные, машиностроительные предприятия. Так, автомобильная промышленность среди других видов промышленности занимает 1-е место. В автопроме мира функционируют 923 тысячи промышленных роботов. В электротехнике и электронике находятся 672 тысячи роботов. Металлургия и машиностроение развиваются в том числе с помощью 281 тысячи роботов. В химической промышленности задействованы 182 тысячи роботов. Развитию пищевой промышленности содействуют 81 тысяча роботов.

Нами проанализировано законодательство и стратегические документы (акты «мягкого» права) 14 наиболее развитых в машиностроительном отношении государств, которые имеют соответствующее отношение к робототехнике, к конструированию различных типов роботов, а также нормативные документы Европейского союза по этим же робототехническим вопросам, в составе которой находятся 27 европейских государств, часть которых не только руководствуется нормами ЕС, но и национальными законами на эту же тему. Итого в орбиту роботизации вовлечены по крайней мере более 40 государств, субъектов современного международного права. В этих государствах разработаны и приняты 42 акта, в том числе 27 стратегических документов (актов «мягкого» права), 11 законов и 4 акта, которые по силе юридической обязательности находятся посредине меж-

ду стратегическими документами и законами. Возникает вопрос, почему общих стратегических документов почти в два раза больше, чем законов, и тем не менее индустриальные и иные роботы в этих странах создаются в больших количествах, причем их разнообразие и качество находятся на достаточно высоком уровне?

Во-первых, положения стратегических документов по вопросам робототехники воспринимаются субъектами робоправа как юридически обязательные нормы, поскольку они сами непосредственно, а также посредством своих организаций по робототехнике принимали участие вместе с государственными органами в их разработке и принятии. В Казахстане и странах ЕАЭС, СНГ, такие стратегические документы принимаются руководящими государственными органами при небольшом количестве заинтересованных в профессиональном отношении лиц. Нашими физическими и юридическими лицами эти документы воспринимаются с уважением и вместе с тем с ожиданием документов, имеющих более детализированный и в правовом отношении обязательный характер. Во-вторых, 11 законов в достаточно жесткой форме обеспечивают решение вопросов робототехники: они, естественно, работают на усиление дисциплинированного отношения к решению этих вопросов в процессе производства. В развитых странах большое значение имеют национальные стандарты, которые представляют собой юридические документы технического характера. Отклонение в процессе производства того или иного автокомпонента хотя бы на 1 микрон влечет за собой жесткую ответственность. В Японии, например, приняты примерно 10 тысяч стандартов, действующих в промышленности, машиностроении, за исполнением каждого из них установлен жесткий контроль. Такой подход обеспечивает высокое качество японских станков, оборудования, автомобилей, которые на мировом рынке воспринимаются как эталоны очень высокого качества. В Казахстане и иных странах ближнего зарубежья тоже есть стандарты, но они, как правило, не являются мерилем высокого качества, к тому же требования даже таких стандартов не выполняются в должной мере. Кроме того, за их соблюдением практически нет ни контроля, ни привлечения к ответственности. В прессе, как известно, такие вопросы и не поднимаются. Между тем за нарушение требований промышленных, машиностроительных стандартов Кодекс Республики Казахстан и Уголовный кодекс Республики Казахстан должны установить соответствующее административное, уголовное наказание. И такие дела безусловно должны быть в поле зрения общестественности. При таком подходе мы медленно, но верно будем выходить на уровень высокого качества выпускаемых нами товаров, транспортных средств, сельскохозяйственных машин.

Тут возникает еще один вопрос, почему так мало законов, всего 11? Все дело в том, что законы, принятые в стране на ранней стадии изобретения, конструирования роботов, технологий искусственного интеллекта, своими юридически обязательными нормами и установленной ответственностью могут невольно стать барьерами на пути этих изобретений, которые нужно будет переделывать, доводить «до кондиции», совершенствовать. Поэтому в развитых странах не спешат принимать законы, и это, по нашему мнению, правильно. Они ввели такой механизм, который называется «регуляторной песочницей», смысл которой заключается в том, что физические и юридические лица, имеющие отношение к изобретательским

делам, в том числе к конструированию и программированию промышленных роботов, получают на весь изобретательский период право на разработку и утверждение инструкций, положений, нормативных приказов, в рамках которого по мере совершенствования изобретения они вправе совершенствовать правила его пользования в пределах предприятия, экономической зоны. Когда это и другие изобретения получают завершённый фактический и юридический вид, государство может поставить вопрос о разработке и принятии соответствующего закона.

А теперь мы приводим наименования тех законов о роботах, которые приняты в некоторых государствах. К таковым относятся: Закон Республики Корея «О развитии и распространении умных роботов» (2017 г.), Закон Эстонии «О роботах-курьерах» (2017 г.), Изменения в Законе Эстонии о дорожном движении (2017 г.), Акт Великобритании «Роботы и автономные системы» (2014 г.), Резолюция ЕС «Нормы гражданского права о робототехнике» (2015 г.) [6].

Изучив эти законы, мы пришли к выводу о необходимости разработки и принятия нового будущего казахстанского закона под примерно таким названием: «О создании условий для создания робототехники, конструирования и программирования интеллектуальных промышленных роботов в Республике Казахстан», который может быть принят в среднесрочной перспективе. А сегодня самое время разработать и принять Стратегический документ о создании и развитии робототехники на территории Казахстана (акт «мягкого» права) с тем, чтобы придать ей солидный импульс развития и правильную направленность.

Было бы желательно стимулировать развитие технологий искусственного интеллекта и робототехники технологическими, педагогическими, регуляторными средствами. В этой связи мы могли бы присмотреться к принятому в 2008 г. Республикой Корея закона о робототехнике, о роботах, оснащённых искусственным интеллектом. Не лишена интереса принятая в феврале 2017 г. Парламентом Европейского союза резолюция 2015/2103(INL) «О гражданско-правовых нормах по робототехнике» («Civil Law Rules on Robotics»), из содержания которого вытекает, что роботы и робототехника имеют прямое отношение к искусственному интеллекту. На этом основании было бы неплохо разработать и принять новый казахстанский закон «О становлении и развитии робототехники на основе технологии искусственного интеллекта в республике». Конструкторы машиностроительных заводов республики могли бы внедрять технологии искусственного интеллекта как в производство, так и в производимые ими интеллектуальные беспилотные транспортные средства.

Предполагается, что автомобили (электромобили, водородомобили) без водителей, занимающие соответствующую нишу в робототехнике с системами искусственного интеллекта, массово выйдут на автодороги к 2030 г. Но уже сегодня они проходят испытание на дорогах США, России, Нидерландов и ряда других стран. Беспилотное транспортное средство движется посредством механизма искусственного интеллекта (автопилота) на основе программного обеспечения, используя сенсоры (датчики), чтобы определять параметры движения, распознавать окружающее пространство в целях адекватного взаимодействия с ним. Оно едет аккуратно по дороге благодаря умению посредством датчиков читать карты мест-

ности высокого разрешения, а также умению руководствоваться придорожными знаками движения.

Но у сенсоров (датчиков) есть проблемы. Они не могут четко работать при плохих погодных условиях, при загрязнении дымом, газами окружающей среды, а также при иных внешних воздействиях. Есть, конечно, фильтр Калмана, посредством которого математический алгоритм в известной мере эту проблему решает. Но, думается, конструкторы и инженеры наших автозаводов могли бы предложить свои более оригинальные, технологически выверенные варианты решения подобных проблем.

Предложенные нами выше наименования казахстанских законов по вопросам искусственного интеллекта, а также международных универсальных конвенций на эту тему целесообразно принимать по мере достижения значимых технологических результатов посредством таких экспериментальных правовых режимов, как «регуляторные песочницы». Это понятие представляет собой особый правовой режим, который позволяет хозяйствующим субъектам, конструкторским бюро заниматься разработкой новых технологических, технических инновационных продуктов, в том числе механизмов искусственного интеллекта, проводить в ограниченных рамках эксперименты по их внедрению на основе выработанных ими же технических правил без риска нарушения норм действующего законодательства страны. На этой базе можно создавать технико-юридические стандарты, которые впоследствии могли бы стать основой того или иного закона.

Список литературы

1. Верхотуров Д. Роботостан. Роботы для Казахстана. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30190456&pos=4;-98#pos=4;-98 (дата обращения: 25.08.2022).
2. Незнамов А., Наумов В. Развитие законодательства о робототехнике и киберфизических системах. Москва, 2018. 206 с.
3. Обзор: Промышленные роботы 2021. 27 сентября 2021 г. URL: https://www.cnews.ru/reviews/promyshlennye_roboty_2021/articles/promyshlennye_roboty_postradali_ot (дата обращения: 23.08.2022).
4. Обзор: Промышленные роботы 2021. 27 сентября 2021 г. URL: https://www.cnews.ru/reviews/promyshlennye_roboty_2021/articles/promyshlennye_roboty_postradali_ot (дата обращения: 23.08.2022).
5. Governatori G., Bench-Capon T., Grabmair M. Thirty years of Artificial Intelligence and Law: the first decade // *Artificial Intelligence and Law*. 2022. Vol. 30, Issue 3. URL: <https://doi.org/10.1007/s10506-022-09329-4> (дата обращения: 23.08.2022).
6. Kaur I., Puri C. G. Impact of Artificial Intelligence on Legal Industry // *International Journal of Law Management and Humanities*. 2021. Vol. 4, Issue 2. Pp. 346–354. DOI: <http://doi.org/10.1732/IJLMH.26062>

А. В. Скоробогатов,

доктор исторических наук, доцент,

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

А. В. Краснов,

кандидат юридических наук, доцент,

Казанский филиал Российского

государственного университета правосудия

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация. Цель исследования состоит в формировании научно обоснованных знаний философско-правового характера о правовом регулировании отношений по поводу и с участием искусственного интеллекта. Формирование норм права на данном этапе происходит на уровне стратегий и концепций как программных документов, где дается определение искусственного интеллекта, которое становится аксиологической основой для дальнейшего понимания его правовой природы. Неоднородность понятия позволяет рассматривать искусственный интеллект и как объект, а в перспективе и как субъект правоотношений. Применительно к последнему случаю предлагается ввести категорию кибер-лица, которое обладает свойствами правосубъектности и может самостоятельно выступать в правоотношениях.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интегративное правопонимание, правовая коммуникация, объект правоотношений, правосубъектность, субъект правоотношений, кибер-лицо

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE PHILOSOPHICAL AND LAW CONTEXT

Abstract. The purpose of the study is to form scientifically based knowledge of a philosophical and law nature about the legal regulation of relations regarding and with the participation of artificial intelligence. The formation of norms of the law at this stage takes place at the level of strategies and concepts as policy documents, where the definition of artificial intelligence is given, which becomes an axiological basis for further understanding of its law nature. The heterogeneity of the concept allows us to consider artificial intelligence both as an object, and in the future as a subject of legal relations. In relation to the latter case, it is proposed to introduce the category of a cyber-persona who has the properties of a legal personality and can independently act in legal relations.

Keywords: Artificial intelligence, Integrative law understanding, Law communication, Object of legal relations, Legal personality, Subject of legal relations, Cyber-persona

Постановка проблемы. Четвертая промышленная революция и переход к информационному обществу все больше приводят не только к технизации, но и цифровизации социальной и правовой реальности. Появляется все больше объектов, оснащенных искусственным интеллектом, которые способны осуществлять

не только механическое решение задач, которые возложены на них человеком, но и предпринимать собственные действия, участвовать в правовой коммуникации, хотя и определяемые сложными алгоритмами работы [14]. Это обуславливает необходимость не только нормативной регламентации их деятельности, но и определения правовой природы.

Результаты исследования. Понимание права в интегративном смысле предполагает учет не только позитивного правового регулирования, но и акцентирование внимания на других правовых регуляторах [4. С. 58]. Однако, с нашей точки зрения, в указанной сфере, в сущности, отсутствует какое бы то ни было обычное правовое регулирование, которое можно принять именно за правовое. Те обыкновения, которые складываются, весьма расплывчаты. Кроме того, требуется регулирование в таких областях, где преобладает публично-правовой тип, что, в свою очередь, предполагает вмешательство государства. Судебная практика по понятным причинам также отсутствует. Она может появиться уже на основе соответствующего применения норм позитивного права. Именно поэтому тон в правовом регулировании будут задавать нормативные правовые акты федеральных органов власти: на первом этапе – Президента РФ и Правительства РФ, а затем и федеральные законы, принимаемые законодательной властью и промульгируемые Президентом РФ.

В связи с этим, по нашему мнению, представляется актуальным исследование вопросов искусственного интеллекта в философско-правовом плане, исходя из того, что правовое опосредствование его применения и дальнейшей возможной самостоятельной деятельности осуществляется не только на базе позитивного правового регулирования, но будет затрагивать такие стороны, как «мягкое право», этико-правовое регулирование, а также обыкновения правового и иного характера. Правовой комплекс норм, регулирующих отношения в области искусственного интеллекта, находится в состоянии формирования и подвергается конструированию со стороны значимых актов – разработчиков продуктов, соответствующих государственных органов и пр.

При отсутствии определения искусственного интеллекта в федеральном законодательстве легальная дефиниция данного явления дана в документах стратегического планирования, которые в современной правовой системе России приобретают все большее значение и рассматриваются в правовом регулировании не только в качестве правовой доктрины, но и нормативных правовых актов прямого действия [13]. Так, Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденная Указом Президента РФ № 490 от 10.10.2019 [16] дает следующее определение искусственного интеллекта: «искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» (п. «а» ст. 5).

Несмотря на то, что данная дефиниция дана в Стратегии, утвержденной Указом Президента РФ, т. е. формально должна рассматриваться как подзаконный нормативный правовой акт, в силу нормы ч. 3 ст. 80 Конституции РФ [6], относящей к полномочиям Президента РФ, «определение основ внутренней и внешней политики», данное определение можно рассматривать как прямое указание субъектам на всех уровнях правовой реальности как понимать данное правовое явление [11]. При этом важно учитывать, что данная легальная дефиниция имеет не только онтологическое, но также аксиологическое и гносеологическое значение. С одной стороны, данную дефиницию можно рассматривать как специфичное конвенциональное решение дискуссии о природе искусственного интеллекта, создающее единообразное ценностное отношение к данному явлению на уровне правотворчества и правореализации, а также конструирующее единообразную правовую цель для формирования нормативной базы регулирования данного явления. С другой стороны, данное определение, хотя и составлено по требованиям юридической техники, является обобщением технических решений данной проблемы и призвано найти ответ на вопрос не только о содержании, но и о сущности искусственного интеллекта как в правовой и социальной, так и в физической реальности.

Очевидно, что закрепленная в Стратегии дефиниция дается «на вырост», поскольку в дальнейшем предполагается корректировка определения на основе новых технических данных, а также с учетом понимания соответствующих процессов в юридической, прежде всего судебной практике. Указанная модель оправдана необходимостью работы над массивом правовых норм, которыеотрегулируют многочисленные отношения в указанной сфере.

В Стратегии также делается попытка сформулировать принципы регулирования отношений, что говорит об использовании метода конструирования правовой реальности. Регулирование как таковое еще не состоялось, а принципы уже есть. Тем самым происходит соответствующее программирование дальнейшего регулирования [12]. При этом обращают на себя внимание некоторые противоречия, которые заложены в постулируемых принципах. Так, принцип защиты прав человека диссонирует с принципом занятости: очевидно, что внедрение технологий искусственного интеллекта приводит к массовым сокращениям работников, выполняющих организационные функции. Принцип технологического суверенитета и принцип конкуренции также находятся в диссонансе: наиболее ощутимая конкуренция происходит на международном уровне, в соперничестве с другими странами, однако сложившаяся ситуация требует защиты суверенитета. Противоречия в этом плане будут возрастать со временем, что потребует принципиально новых взглядов на решение проблемы.

Следует также отметить Концепцию развития регулирования в указанной области, утвержденную Правительством РФ 19.08.2020 [7]. К сожалению, следует констатировать, что за два года так и не состоялись существенные изменения в законодательство, которые предполагались в рамках указанной Концепции.

Исходя из приведенной выше дефиниции, российская правовая система рассматривает искусственный интеллект как некое техническое средство (машину), которая стремится понять сложные умственные процессы, которые человеческий разум выполняет во время мышления, а затем перевести эти мыслительные про-

цессы в эквивалентные арифметические операции таким образом, чтобы повысить способность компьютера решать сложные процессы.

Искусственный интеллект – это совокупность методов, способов, технологий и средств, в том числе и аппаратных, и компьютерных программ, реализующих одну, несколько или все когнитивные функции, эквивалентные когнитивным функциям человека. Он является сконструированным человеком устройством или компьютерной программой по получению, обработке и применению информации и формированию «умений», подобных действиям, сознательно выполняемым человеком. Целью создания искусственного интеллекта, и это нашло отражение в Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., является копирование (моделирование) работы человеческого мозга, интеллекта, умственной деятельности и т. п. благодаря воспроизведению когнитивной функции эквивалентных / тождественных по критериям, характеристикам и показателям когнитивным функциям человека.

Прежде всего, необходимо определиться, в каком качестве следует рассматривать искусственный интеллект – объекта или субъекта права. В первом случае речь идет о том, что искусственный интеллект является благом, по поводу которого субъекты права вступают в правоотношения между собой, т. е. искусственный интеллект можно продавать, обменивать, заключать в отношении его другие сделки и т. д. Во втором случае следует говорить о возможности наделения искусственного интеллекта элементами правосубъектности.

Ключевыми аргументами в пользу того, что искусственный интеллект по своей природой тяготеет к объектам права (правоотношений) является, во-первых, то, что искусственный интеллект – это результат деятельности человека, в отношении которого у лица возникают определенные права и обязанности; и, во-вторых – в действующем праве субъектом привлечения к ответственности за ущерб, причиненный искусственным интеллектом является физическое или юридическое лицо, которое является (признано) автором (создателем) искусственного интеллекта. Как объект права и как результат интеллектуальной, творческой деятельности человека искусственный интеллект подлежит правовой охране. В ст. 128 Гражданского кодекса РФ (часть первая) [2] к объектам гражданских прав, в частности, отнесены результаты интеллектуальной деятельности. Они, в свою очередь, подробно раскрываются в ст. 1225 Гражданского кодекса РФ (часть четвертая) [3]. В частности, применительно к анализируемой тематике можно назвать программы для ЭВМ, базы данных, топологии интегральных микросхем. Думается, что связанные с искусственным интеллектом и его деятельностью объекты должны получить особое закрепление в указанных статьях Гражданского кодекса РФ.

В сущности, искусственный интеллект способен проделывать путь от объекта к субъекту права [15]. Причем указанный путь не является первым в истории. В свое время это происходило, к примеру, с рабами. Однако здесь ситуация носит иной характер. Дело в том, что искусственный интеллект сочетает в себе творение человека с возможной самостоятельной субъектностью. Когда произойдет момент, в результате которого искусственный интеллект станет выступать в качестве самостоятельного субъекта, принимающего решения и несущего ответственность

за свои деяния, наука пока определить окончательно не может, однако это должно будет произойти в определенный период времени.

Хотя искусственный интеллект, особенно объективированный в объекте робототехники, способен коммуницировать с человеком и окружающим миром, прежде всего, через информационные сообщения, в существующей социальной реальности независимо от человека он наделен способностью воздействовать на реальность и даже трансформировать ее. При этом необходимо учитывать, что стремительное совершенствование и расширение функционала искусственного интеллекта все больше ведет к созданию возможностей для принятия решений, которые не были заданы первоначальными алгоритмами. Особенно это касается самообучающихся систем [17].

Возможно, следует согласиться с тем, что искусственный интеллект в зависимости от его технической природы будет иметь разный статус [18]. В зависимости от того, что под ним понимается – он будет в одних случаях объектом, а в каких-то – субъектом [8].

Как минимум можно говорить о двух видах искусственного интеллекта: искусственный интеллект, выполняющий функции обработки, переработки или воспроизведения информации, и искусственный интеллект, который сам производит информацию и участвует в коммуникации. Если первый будет выступать в качестве объекта права, то последний можно рассматривать в качестве субъекта. Хотя при этом предполагается наделение искусственного интеллекта частичной дееспособностью, основанной на автономии [19], речь не идет об уравнивании понятий «человек» и «искусственный интеллект». Последний на данном этапе технического и социального развития не может быть уравнен с человеком ни биологически, ни социально-коммуникативно.

Субъективация искусственного интеллекта скорее означает развитие современной не только отраслевой, но и теоретической юриспруденции в сторону признания нового вида субъекта права, наряду с индивидуальным и коллективным, который можно обобщенно назвать «кибер-лицо».

Категорию «кибер-лицо» можно определить следующим образом: кибер-лицо – автоматизированная машина, способная имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма), наделенная способностью осознавать фактическую сторону событий, осознавать общественную опасность своего действия или бездействия и их последствий, управлять своим поведением и иметь возможность выбора (наличие нескольких вариантов поведения), дающего ему возможность в правовой коммуникации (вступать в правовое взаимодействие с другими лицами). Данное определение должно быть закреплено в законодательстве в форме внесения изменений в п. «а» ст. 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., послужив аксиологической основой для принятия отдельного федерального закона, регулирующего создание, функционирование и ответственность искусственного интеллекта, а также внесения изменений в отраслевые кодексы.

В таком законе должен быть нормативно закреплён порядок, границы, способы и механизмы действия и взаимодействия различных видов искусственного интеллекта (кибер-лица) как между собой, так и с иными видами субъектов пра-

ва. В этой связи мы предлагаем выделить три вида искусственного интеллекта: 1) компьютерные программы; 2) информационные технологии по искусственному интеллекту (в частности, чат-боты, голосовые помощники и т. п.); 3) «кибер-лицо (личность)». При этом термин «кибер-лицо (личность)» является условным и обозначает работу с высокоразвитым интеллектом, имеющим физическое воплощение (робот как киберфизическая система).

В первую очередь, должен быть отрегулирован вопрос об объектах гражданского права, а также определена правосубъектность на тот случай, когда искусственный интеллект способен сам принимать решения и нести за них ответственность. Важнейшим вопросом определения правовой природы искусственного интеллекта является определение субъекта юридической ответственности в случае нанесения им вреда человеку (обществу). Представляется необходимым нормативная разработка правовых механизмов, регулирующих нормы юридической ответственности в случае причинения вреда человеку, в том числе возможность установления ответственности между различными субъектами деятельности, а также установление конкретного механизма гарантирования и страхования действий, как непосредственно осуществляемых искусственным интеллектом в виртуальной реальности, так и осуществляемых иными субъектами права в социальной реальности в связи с реализацией решений искусственного интеллекта.

Если искусственный интеллект должен нести юридическую ответственность за свои действия, то он должен обладать физической, плюс юридической и цифровой идентичностью. Для того, чтобы искусственный интеллект рассматривался субъектом права, следует иметь в виду, что он не может быть признан сразу после его создания как законченный и готовый к употреблению продукт человеческой деятельности, потому что даже человек, как самая главная ценность и развитое существо в мире, проходит путь развития, который закрепляется в законодательстве. Поэтому искусственный интеллект должен пройти этапы развития для того, чтобы полноценно функционировать в обществе. Также для того, чтобы искусственный интеллект был полноценным субъектом права, в законодательстве должна существовать четкая процедура признания искусственного интеллекта субъектом права, и тогда не будет возникать проблемы, что искусственный интеллект может поработить человечество, ибо он будет признавать верховенство права и иметь исчерпывающий список прав и обязанностей.

В отличие от иных видов субъектов права поведение и деятельность (функционирование) «кибер-лица» должны регулироваться не только юридическими, но и техническими нормами, которые должны определять права, обязанности и ответственность кибер-лица как при взаимодействии с иными кибер-лицами, так и с физическими и юридическими лицами. Во-первых, необходимо определить действие каких из имеющихся юридических нормы может быть распространено на кибер-лица. Во-вторых, какие новые юридические нормы должны быть приняты для упорядочивания коммуникации между участниками правового взаимодействия с участием кибер-лица. В-третьих, необходимо придать правовой статус техническим нормам, которые регулируют создание и функционирование искусственного интеллекта. Примером последних могут служить «три закона робототехники», предложенные известным фантастом Айзеком Азимовым [1].

Несмотря на необходимость оперативного решения обозначенных проблем (как и ряда других), активности со стороны законодателей пока обнаружить не удается. Во всяком случае, принципиальные вопросы правосубъектности и объектов гражданских прав в отношении искусственного интеллекта на данный момент далеки от разрешения. В то же время по ряду отдельных направлений применения искусственного интеллекта заметны определенные сдвиги: например, в сфере электронного судопроизводства, а также оказания государственных и муниципальных услуг в цифровом формате. Применение искусственного интеллекта в правосудии [10] может проходить в несколько этапов, начиная с организационного вспомоществования, далее содействие в выполнении ряда судебных функций, например, в оценке доказательств, и заканчивая передачей ряда функций правосудия в целом – к примеру, составление судебных приказов, исполнительных листов, формирование судебных документов по однотипным делам.

Следует обратить внимание, что ученые уже предлагают разработки, в частности, Модельной конвенции по робототехнике [9], Цифрового кодекса РФ [5], а также целого ряда изменений в гражданское законодательство. Кроме того, зачастую речь идет о создании в качестве самостоятельной отрасли киберзаконодательства [20]. Думается, что бурное развитие продуктов интеллектуальной деятельности на данном этапе – прежде всего в качестве объектов гражданских прав, но в некоторых случаях как субъектов потребует повышения активности законодательной работы.

Выводы. Таким образом, на современном этапе правового развития определить однозначно правовую природу искусственного интеллекта не представляется возможным, поскольку данное явление не представляет собой единого целого. С одной стороны, искусственный интеллект, выполняющий функции обработки, переработки или воспроизведения информации, обладает признаками объекта права. С другой стороны, искусственный интеллект, который сам производит информацию и участвует в коммуникации, по своим качествам приближается к субъекту права. Это предполагает необходимость внесения изменений в правовую систему. Предлагаем ввести новую категорию субъектов права, которую можно назвать кибер-лицо и которая будет относиться именно к искусственному интеллекту в противовес понятию «цифровой человек», применяемому для обозначения человека (физического лица) как субъекта права в виртуальной среде (цифрового права). Признание искусственного интеллекта субъектом права требует комплексного подхода, включающего, в частности, принятие специального законодательства в данной сфере, определение возможной ответственности искусственного интеллекта и обеспечение государственного контроля за деятельностью искусственного интеллекта. В этой связи целесообразно принять единый нормативный правовой акт в форме федерального закона, возможно, даже кодифицированного характера, устанавливающего общие принципы и регулирующие проблемы использования цифровых технологий и искусственного интеллекта.

Список литературы

1. Азимов А. Три закона робототехники: сб. научно-фантастических рассказов. М.: Мир, 1979. 400 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.94. № 32. Ст. 3301.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.
4. Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М.: РГУП, 2018. 626 с.
5. Илющенко Р., Башелханов И. России будущего нужен Цифровой кодекс. URL: http://ruskline.ru/analitika/2018/02/7/rossii_budushego_nuzhen_cifrovoy_kodeks/ (дата обращения: 21.08.2022).
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
7. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020. № 2129-р // Собрание законодательства РФ. 31.08.2020. № 35. Ст. 5593.
8. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.
9. Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте. URL: http://roborpravo.ru/modielnaia_konvientsiia (дата обращения: 21.08.2022).
10. Момотов В. В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 188–191. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.188-191
11. Никифорова Е. Н. Правовые аспекты стратегического планирования в Российской Федерации // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2017. № 1 (41). С. 40–44.
12. Пашенцев Д. А. Модели правотворческой деятельности в условиях цифровизации // Образование и право. 2021. № 9. С. 72–75.
13. Пономарев А. И. Документы целеполагания в правовой системе Российской Федерации // Военное право. 2019. № 2(54). С. 50–58.
14. Попова А. В. Правовые аспекты онтологии искусственного интеллекта // Государство и право. 2020. № 11. С. 115–127.
15. Соменков С. А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2019. № 2. С. 75–85. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.075-085
16. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. 14.10.2019. № 41. Ст. 5700.
17. Abbott R. I Think, Therefore I Invent: Creative Computers and the Future of Patent Law // Boston College Law Review. 2016. Vol. 57, № 4. Pp. 1079–1126.
18. Atabekov A., Yastrebov O. Legal Status of Artificial Intelligence Across Countries: Legislation on the Move // European Research Studies Journal. 2018. Vol. 31, iss. 4. Pp. 773–782. DOI: 10.35808/ersj/1245

19. Mulgan T. Corporate Agency and Possible Futures // Journal of Business Ethics. 2019. Vol. 154, Iss. 4. Pp. 901–916. DOI: 10.1007/s10551-018-3887-1

20. Rionaldi A., Yuni Puspita S, Abdul Aziz R. Z., Joko T., Sri Lestari. Silent Monitoring and Cyber Law Awareness Siswa SMK Trisakti Bandar Lampung // Publikasi Pengabdian Masyarakat. 2019. Vol. 1, № 2. Pp. 43–47.

Н. А. Усольцева,

кандидат юридических наук, доцент,
Сургутский государственный университет

Ю. М. Усольцев,

доцент,
Сургутский государственный университет

БЛОКЧЕЙН И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация. Расширение применения технологии блокчейн и серьезное развитие искусственного интеллекта не может не затрагивать юридической сферы деятельности, где данные новации находят свое повсеместное применение. Судебная система не стала исключением в вопросах применения новых цифровых технологий. Уже сейчас можно констатировать, что применение данных технологий повышает эффективность работы суда, но можно совершенствовать и досудебную стадию, используя современные цифровые технологии для урегулирования споров между сторонами. Внедрение электронного правосудия, использование искусственного интеллекта не только для сопровождения работы суда, но и для вынесения судебных решений и создание для этого необходимого правового пространства – это вопросы, рассматриваемые в статье. Методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания. В статье использованы общенаучные и частнонаучные методы исследования, в частности формально-юридический, сравнительно-правовой, технико-юридический. В результате исследования авторы утверждают, перспективы замещения суда искусственным интеллектом могут существовать, и возможны их внедрение и апробация. Современное нормативное пространство должно учитывать эти перспективы и быть готовым к таким изменениям.

Ключевые слова: блокчейн, искусственный интеллект, судебная система, электронное правосудие, электронный суд, электронный судья

BLOCKCHAIN AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE JUDICIAL SYSTEM

Abstract. The process of broadening of implementation of blockchain technology and artificial intelligence cannot help affecting the legal sphere of activities in which the innovations mentioned find their overall application. Judicial system became no exception in the matters of usage of digital technologies. Even now it could be affirmed that using these technologies raises the effectiveness of work of the court, but it is possible to

improve the pre-trial stage, using modern digital technology to resolve disputes between the parties. The introduction of electronic justice, the use of artificial intelligence not only to accompany the work of the court, but also to make court decisions and create the necessary legal space for it are the issues considered in the article. The methodological basis of this study is a combination of methods of scientific knowledge. The article uses general scientific and specific scientific research methods, particularly technical and comparative legal ones. As a result of the research, the authors assert that the prospects for replacing the court with artificial intelligence may exist, and their implementation and testing are possible. Modern regulatory space must take these prospects into account and be prepared for such changes.

Key words: Blockchain, Artificial intelligence, Judicial system, Electronic justice, Electronic (digital) court, Electronic (digital) judge

Введение. На современном этапе развития и технологизации общества, развитие судебной системы как в России, так и в других странах неотделимо от развития цифровых технологий. Внедрение цифровых технологий и расширение их применения для принятия судебных решений – повсеместное явление, упрощающее деятельность суда и повышающее эффективность его работы. Несомненно, что уже пройденным этапом на этом пути можно признать внедрение электронных платформ и сервисов для подачи документов в суд, технологий для исследования доказательств, видеоконференц-связи для проведения судебных заседаний с удаленнонаходящимися участниками и т. д. На текущий момент времени все внедрения цифровых технологий в деятельность суда направлены все-таки исключительно на усовершенствование и упрощение механизмов работы этого органа, а не на его замещение. Пока цифровые технологии отвечают на вопрос «Где выносится решение или с помощью чего?», но не на вопрос «Кто выносит решение – человек (судья) или судья-искусственный интеллект (электронный судья)?». Существующие перспективы развития технологий, а именно внедрение в процессы технологии блокчейн и развитие искусственного интеллекта, позволяют задать вопрос – возможно ли замещение роли судьи при использовании цифровых технологий?

Существующий российский и международный опыт в поставленных вопросах на настоящий момент не однозначен. Россия больше склоняется к расширению рамок местонахождения суда, а международное сообщество и отдельные государства больше делают ставку на развитие искусственного интеллекта для формирования новых направлений деятельности суда. Несомненно, что перспективы развития суда неразрывно связаны с повсеместным внедрением технологии блокчейн и развитием искусственного интеллекта.

Основная часть. Определяя понятия блокчейн и искусственный интеллект с позиции замены живого судьи на электронного судью (цифровой продукт, систему, решение и т. д.), стоит остановиться на понимании данных терминов исходя из действующего законодательства РФ и других государств.

Блокчейн чаще всего рассматривается как реестр, база данных или децентрализованный журнал записи, или системы систематизации специальных блоков,

которые формируются путем внесения транзакции, подписанной электронной (криптографической) подписью, а также осуществляющий функции хранения, коммуникации, сопровождения и архивирования указанных данных. Благодаря особенностям формирования данной системы несанкционированное внесение изменений невозможно, цепочка блоков неизменна, полная информация о транзакциях содержится и у субъектов сделки, и в системе распределенных реестров [14. С. 22–24].

При этом каждая часть цепочки (блок) реестра подтверждается специальным доказательством выполнения обязательства стороны и проверяема всеми участниками транзакции (сделки). Таким доказательством могут быть: специально загруженный файл; сделанная запись в системе официальных реестров; отметка о поступлении на счет денежных средств или зачислении имущественных прав на определенную сумму.

Каждая транзакция получает уникальный идентификационный код, криптографический идентификатор (хеш), который добавляется в заголовок записи о следующей транзакции. Таким образом, каждая следующая запись содержит ссылку на ранее совершенные транзакции. Именно это и гарантирует неизменность цепочки блоков.

Однако стоит понимать, что реестры блокчейн могут иметь разную природу и быть контролируемыми или неконтролируемыми, распределенными или общими. Каждый из таких реестров обладает уникальными характеристиками и по полномочиям лиц, имеющих право на внесение изменений и по открытости данных и по особенностям хранения данных. При настолько разнообразных видах реестра блокчейн несомненно встает вопрос о полномочиях пользователей на внесение записей в реестр. Фактически технология блокчейн, являясь качественной системой хранения данных, не обеспечивает их достоверности, так как полномочиями на внесение данных может обладать неограниченный круг участников, особенно по общим реестрам. То есть если делать ставку на технологию блокчейн для развития судебной системы России, то, несомненно, стоит учитывать этот фактор и презюмировать в законе заведомую недостоверность информации в реестрах блокчейн, если данная информация не прошла специальную проверку. Именно в процессе такой проверки информация должна быть сгруппирована в блоки и только это гарантирует ее достоверность (что поднимает вопрос об оспоримости данной информации). При совершении записи в реестр обязательно использование криптографии. Если делать ставку на привязку технологии блокчейн к развитию судебной системы, то нормативно должны быть предусмотрены процедуры и презумпции, либо ограничены виды реестров. Так стоит ограничить использование открытого публичного реестра, так как в таком виде не поддерживается минимальный уровень безопасности, не обеспечивается идентификация пользователей, невозможно применение каких-либо правил, которые должны соблюдаться участниками системы. Открытый публичный блокчейн неэффективен в том числе из-за длительного времени подтверждения транзакций [6. С. 4–21].

Как показывает международный опыт применения технологии блокчейн (который в том числе перенимает и Россия), преимущественно она используется

для реестровых операций, учетных действий, механизмов последовательных действий и т. д. (например, в сфере банковской деятельности, кадастров и реестров недвижимости, нотариата, налогов и сборов, штрафов и т. д.).

Развитие и расширение применения технологии блокчейн, особенно в официальных государственных системах, приводит к тому, что имеющиеся слабые стороны данной технологии могут вызывать системное нарушение прав граждан и юридических лиц, которое в том числе может повлечь и требования о возмещении ущерба, заявленные в отношении государства. Использование алгоритмических процессов принятия решений гипотетически может привести к непропорциональным неблагоприятным последствиям для групп, уже находящихся в неблагоприятном положении, что наводит на мысль о дискриминации [18. С. 491–494; 23. С. 357–360].

Одним из способов решения проблем технологии блокчейн, способных минимизировать негативные стороны ее внедрения, является искусственный интеллект.

Искусственный интеллект – это способность интеллектуальных систем (технологий) к саморазвитию, к выполнению функций, свойственных человеку, с использованием искусственной нейронной связи. Искусственный нейрон зачастую рассматривается как математическая функция, построенная на основе биологической нейронной связи. Система искусственного интеллекта – это программная система, имитирующая на компьютере процесс мышления человека [17. С. 754–755]. Так же существует мнение, что искусственный интеллект можно определить, как теорию и разработку компьютерных систем, способных выполнять задачи, обычно требующие человеческого интеллекта, такие как визуальное восприятие, распознавание речи, принятие решений и перевод между языками [19].

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта определяет его как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [7].

Наличие нейронной связи должно не просто предполагаться, но связь должна функционировать, развиваться и реагировать на новые обстоятельства, факты. Существование настолько совершенных нейронных связей уже реальность. Ученые из Ратгерского университета создали систему, в которой две нейронные сети взаимодействуют друг с другом как оппоненты – одна сеть предлагает решение, а другая его критикует [15. С. 78–80].

Но делает ли наличие нейронных связей и способностей к самообучению искусственный интеллект полноценным субъектом, есть ли у него некое понимание морали, нравственности, сопереживания. Ответ будет отрицательным, так как искусственный интеллект будет исходить из качеств своего создателя, с которого будет снята всякая ответственность за результаты работы искусственного интеллекта с момента его правового признания.

Объединение технологии блокчейн и искусственного интеллекта приведет к созданию принципиально новых цифровых систем, которые будут отличаться усиленной безопасностью, презумпцией достоверности данных, уникальными способностями

по обработке, хранению и алгоритмизации информации. Все это позволит говорить и о новых функциях новых цифровых технологий, возможно и о функциях суда.

Оценивая перспективы такого соединения цифровых технологий и решений, Правительство РФ в программе «Цифровая экономика Российской Федерации» [8] изначально закрепило важнейшее значение цифровизации как эффективного средства реализации основных задач и полномочий органов государственной власти РФ, особенно по таким задачам, как:

- внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг;
- оптимизация и стандартизация процессов предоставления государственных и муниципальных услуг, функций и сервисов;
- внедрение новых принципов оказания государственных и муниципальных услуг, ориентированных на максимальное удобство для граждан и организаций, проактивность, экстерриториальность и многоканальность их предоставления;
- создание единой платформы по принципу «одного окна» с целью обеспечения граждан единой точкой доступа для взаимодействия с государством.

После запуска Национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» [9] и выделения в нем основных приоритетных направлений развития цифровых технологий, были сформированы новые направления развития цифровой экономики, в том числе Федеральный проект «Искусственный интеллект». Основными его задачами определены: поддержка научных исследований и разработок; разработка и развитие программного обеспечения, в том числе за счет поддержки стартапов и пилотных внедрений технологий искусственного интеллекта; создание комплексной системы правового регулирования в сфере искусственного интеллекта; повышение доступности и качества данных; повышение доступности аппаратного обеспечения; повышение уровня обеспечения российского рынка технологий искусственного интеллекта квалифицированными кадрами и уровня информированности населения о возможных сферах использования искусственного интеллекта.

Одновременно был запущен Федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды» направленный на поэтапную разработку и реализацию законодательных инициатив, направленных на снятие первоочередных барьеров, препятствующих развитию цифровой экономики.

Часть из сформированных задач уже решена и находится в состоянии совершенствования, но некоторые направления еще будут разрабатываться.

В современной юридической деятельности использование цифровых технологий и решений стало практически повсеместным. Так для сопровождения судебной деятельности уже используются: сервисы для подачи заявления в суд через Интернет, онлайн-взаимодействие при подаче процессуальных документов в суд, получение судебных актов в электронном виде, доступ к электронной картотеке судебных дел. Все эти сервисы уже включаются в понятие электронное правосудие, в качестве отдельных его элементов. Предполагается, что отдельные элементы электронного правосудия направлены на реализацию отдельных задач судебной системы, но не подменяет ее (например: направленность на открытость правосудия, на взаимодействие с отдельными лицами, участвующими в судопроизводстве, обеспечение деятельности суда и т. д.) [20. С. 58–61].

Расширение многообразия электронного правосудия может проходить по нескольким направлениям, среди которых можно особо выделить:

- дальнейшее расширение организационных функций цифрового сопровождения работы суда;
- создание онлайн площадок для рассмотрения споров с применением технологии блокчейн и возможно с электронным посредником (искусственным интеллектом);
- полное перемещение суда в онлайн пространство и вынесение решения искусственным интеллектом на основе доказательств и данных, размещенных по технологии распределенных реестров (создание электронных суда и электронного судьи).

У каждого из названных направлений есть свои сильные и слабые стороны, обсудим их. Международный опыт цифровизации правосудия пока делает ставку на расширение применения искусственного интеллекта с позиции сопроводительных функций суда, внедряя цифровизацию в систему сбора и оценки доказательств, алгоритмы оценки доказательств для последующего вынесения решения по несложным (фактологическим) делам и в отдельных случаях собственно вынесения этих решений с одобрением живым судьей. Так, например, в Бразилии используется компьютерная программа «Электронный судья», представляющая собой экспертную систему, в которую вносятся и анализируются показания свидетелей и вещественные доказательства при дорожно-транспортных происшествиях, на которых впоследствии основывается приговор суда [16]. Как утверждают в своей работе А. В. Малько и М. А. Костенко, экспертная система помогает оперативно собрать фактографическую информацию, квалифицировать административное правонарушение и сформировать обоснование для вынесения судом определенного приговора [5. С. 52–53].

Из похожих практик и решений можно назвать:

- система «Elterngeld» (Германия) одним из недостатков которой является необходимость подбора нормативной базы для вынесения решения судьей вручную при том, что само решение выносит искусственный интеллект [4];
- компьютерный систематизатор составов тяжких преступлений (Китай, провинция Шаньдун), который исходя из заложенных алгоритмов дает правильную квалификацию деянию, анализирует фабулу, обстоятельства дела и доказательства и предлагает решение для судьи. Окончательное решение выносит судья [2. С. 9–10];
- онлайн-суд с виртуальным судьей (Китай, Пекин), который является алгоритмизированным решением, работающим по приему документов в суд и контролирующим сроки и движение дел. Кроме того, в Китае (г. Ханчжоу) созданы интернет-суды, рассматривающие дела, связанные с Интернетом (мошенничество, нарушение авторских прав, долговые контракты и т. д.), все судебные процедуры в которых будут проводиться через сайт суда или видеотрансляцию. Этим судам Верховный народный суд Китая разрешил применение доказательств на основе технологии блокчейн [1].

Уже разработаны и представлены алгоритмы, предсказывающие судебное решение с большой долей вероятности (до 70 % и выше) в таких странах, как США и Великобритания. Указанные алгоритмы работают на основе анализа загруженных решений конкретных судов за длительный период времени по реально

рассматриваемым делам с последующим сравнением с решением, которое по делу вынес суд [12. С. 23–26].

Проведенный Университетским колледжем Лондона эксперимент показал высокую точность результатов рассмотрения дел в суде (79 %) и одновременно с этим выявил главный недостаток применения искусственного интеллекта при анализе материалов дела – невозможность понять фабулу рассматриваемого дела, что ставит под сомнение возможность замены судьи искусственным интеллектом [22. С. 240].

Каждое из предложенных решений является весьма интересным в плане применения и упрощения работы суда, но при этом поднимаются и чисто правовые вопросы: включение в процессуальное законодательство соответствующих компьютерных решений и процессуальные последствия их применения; определение юридического значения представленных через технологию блокчейн доказательств; правовые последствия принятых на основе цифровых решений судебных актов; ответственность за судебные ошибки, особенно в случае если произошел сбой программы или атаки вируса. Серьезное использование технологии блокчейн в основе судебной системы невозможно без полноценного охвата этой технологии всех систем хранения информации и внесения в распределенные реестры всего объема информации о правах, о сделках и т. д., что предполагает большой объем временных и финансовых ресурсов.

По пути создания аналога интернет-суда планирует идти и Российская Федерация, однако, пока только в перспективном развитии законодательства. Настоящий момент характеризуется более простыми версиями, например, к внедрению предлагается правовая модель платформы онлайн-урегулирования споров в сфере защиты прав потребителей. Регламентирующий это проект федерального закона был представлен в июне 2019 г. [13]. Основная идея проекта закона – это расширение механизмов альтернативной процедуры урегулирования споров путем создания и развития системы добровольных альтернативных онлайн-механизмов урегулирования споров, по аналогии с уже существующими онлайн-сервисами рассмотрения претензий, созданных на базе крупных интернет-продавцов или сервисов продвижения товаров. Это несомненно новый шаг в развитии перспектив цифровизации суда, но только функций суда здесь не будет. Это исключительно досудебная стадия как аналог претензионной работы с привлечением нейтральных лиц (специалистов, экспертов, оценщиков и т. д.).

Если говорить о полном замещении суда и внедрении искусственного интеллекта, то в ближайшей перспективе о таком намерении заявляют Объединенные Арабские Эмираты в отношении отдельных категорий гражданских дел. Но концепцию такого перехода ОАЭ пока не озвучили и нормативно не закрепили, используя на текущий момент исключительно стандартные технологии электронных сервисов подачи документов и видеоконференц-связи.

Обсуждая перспективы замещения суда искусственным интеллектом, стоит ответить на главный вопрос в праве на настоящий момент – является ли искусственный интеллект субъектом права? Основная позиция, господствующая сегодня в законодательстве большинства стран, рассматривает искусственный интеллект как объект права, и предположить, что объекту права можно доверить решение вопросов между субъектами права – невозможно. Для того что бы ответить на этот во-

прос, стоит унифицировать нормативное определение искусственного интеллекта как технической системы, функционирующей на основе работы нейронных связей, способной к самообучению на основе анализа собственных успешных и ошибочных действий и характеризующихся автономной работой. При этом нормативно должны быть определены и признаки, отличающие искусственный интеллект от других технических систем со схожими признаками. При этом надо четко понимать, что соотношение искусственного интеллекта и интеллекта человека невозможно с учетом современного развития техники и технологии. Однако искусственный интеллект нельзя отнести и категории обычных объектов права, ведь уже имеются серьезные споры о правах авторства на картины и книги, созданные искусственным интеллектом, создаются полностью автономные транспортные средства, управление которыми возлагается на искусственный интеллект. Считаем допустимым предложить полностью пересмотреть систему субъектов права с целью выделения в ней реальных субъектов (человек) и искусственных субъектов (электронное лицо и юридическое лицо). И в этой концепции искусственный интеллект станет самостоятельным электронным субъектом, участником отношений, наравне с другими субъектами права.

Стоит понимать, что осознание искусственного интеллекта в праве ведется не только в направлении чистого понимания субъектом права, так, например, ведутся исследования на понимание искусственного интеллекта как субъекта преступления. Так, В. А. Шестак и его соавторы обращают внимание на необходимость прогнозирования вероятных рисков признания за искусственным интеллектом правосубъектности, особенно в части разработки концепции ответственности, в том числе уголовно-правовой. По мнению указанных авторов, нормативное признание искусственного интеллекта, его прав и обязанностей, гарантий их обеспечения со стороны государства коренным образом изменит не только нормативную правовую базу государства, но и всю правовую культуру и вектор человеческого мышления, с чем нельзя не согласиться [21. С. 552–553].

В литературе последних лет ведется достаточно активная дискуссия о возможности признания робота субъектом права, и преимущественно этот вопрос поднимается именно с позиции ответственности. Авторы, проводящие данную дискуссию, склоняются к идее пересмотреть концептуально даже не категорию субъектов права, а взглянуть под другим углом на понятие «лицо», и поговорить о некоей «юридической личности» роботов, придав им статус квази-субъектов [3. С. 37–44]. Но все эти обсуждения опять возвращают нас к вопросу об ответственности за действия роботов или искусственного интеллекта.

Еще одна проблема подхода перекладывания роли суда на искусственный интеллект заключается в самой специфике споров, рассматриваемых судом. Исходя из общей теории права, споры можно разделить на споры о праве и без такового (при отсутствии спора о праве). Возможность привлечения электронного суда (судьи) на основе искусственного интеллекта для разрешения спора о праве крайне сомнительна из-за специфики этих споров. Речь может идти исключительно о возможности привлечения электронного суда (судьи) для рассмотрения споров только по данным распределенных реестров, смарт-контрактов.

Судья, выносящий судебное решение, осуществляет при этом толкование права применительно к конкретному делу. Передача искусственному интеллекту

функции принятия судебных решений фактически означает передачу ему функции толкования права. И если раньше в теории права было принято считать, что субъектом толкования права является лицо или орган, устанавливающий содержание нормативных правовых актов с целью их реализации, то в ближайшее время к субъектам судебного толкования может прибавиться искусственный интеллект, а точнее алгоритм, в основе которого лежит выбор и применение той или иной нормы к конкретным правоотношениям [11. С. 200–201].

Создавая подобные суды (судья-искусственный интеллект) и давая им реальные полномочия по рассмотрению споров, государство должно решить – берет ли оно на себя ответственность за деятельность этих судов как органов правосудия. Если государство не готово к такому (что является действительностью не только в РФ), то в принципе торопиться не стоит, тем более что вопрос о создании специального арбитража как органа по разрешению споров рассматривается платформами для создания децентрализованных онлайн-сервисов на базе блокчейн. Естественно, что споры, которые будут рассматривать такие органы, будут ориентированы только на сделки, совершенные через технологию блокчейн на данных платформах. Какого-либо юридического статуса, признанного государствами у подобных арбитражей первое время не будет, но возможно со временем они смогут получить статус международных арбитражей. При создании таких органов возможны и терминологические проблемы, так как термин арбитраж на рынке криптовалют уже занят.

Если же оценивать внедрение искусственного интеллекта в статусе электронного суда (электронного судьи) в судебную систему РФ, то законодательство о судебной системе должно быть существенно изменено, закрепляя статус подобных судов и судей, процедурные и процессуальные особенности их работы и главное защиту электронных судей. Принципиальным также должно быть решение о статусе принятых таким судом решений, а именно будут ли они обжаловаться в обычном процессуальном порядке или для них должна быть создана отдельная система обжалования, что более логично. Несомненным плюсом электронного суда можно назвать объективность решений, основанных на бесспорной последовательности данных, а минусами, помимо отсутствия правового регулирования, можно указать возможные вирусы и сбои программного характера, малое количество категорий споров.

Заключение. Тот факт, что прогресс остановить невозможно, давно и достоверно известен, в равной мере это касается и внедрения новых технологий в деятельность судов и в целом функционирование судебной системы.

Использование искусственного интеллекта для обращения в суд, проведения судебных заседаний, оценивания материалов дела, несомненно, повысит доступность, объективность выводов суда и его эффективность. Ведение дискуссии о придании искусственному интеллекту статуса самостоятельного электронного судьи нужно продолжать на фоне обсуждения проблемы определения искусственного интеллекта как субъекта права.

Меняя традиционное понимание права о субъекте, объекте правоотношений, о суде и судебной системе, нужно учитывать те риски и угрозы, которое несет перспективное правовое будущее. В новой структуре информационных правоотношений необходимо учитывать существующие информационные угрозы и риски,

обеспечивать гарантии права личности на частную жизнь, безопасность общества и государства [10. С. 233–235].

Одной из основных проблем, которое должно будет решить государство – это создать систему доверия граждан к такому суду, так как господствующая теория эволюции ставит на первое место человека, а не машину. Необходимо создать у граждан достаточный уровень доверия к искусственному интеллекту, обеспечивающему безопасность общества, государства и осуществляющему правосудие. К сожалению, с этой проблемой правовая система справиться не сможет. Право в этой ситуации может выступить только как регулятор процесса включения технологии блокчейн и искусственного интеллекта в систему правосудия.

Список литературы

1. В Китае начал работать первый интернет-суд. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59967de79a7947504ed97aa5> (дата обращения: 05.01.2021.).
2. Власенко В. Н. Логические основания юридической квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 22 с.
3. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.
4. Леонтьев С. Компьютеры вскоре заменят судей. URL: <http://hitech.vesti.ru/article/619618/> (дата обращения: 05.01.2021.).
5. Малько А. В., Костенко М. А. Цифровые технологии в судебной системе: проблемы внедрения // Российская юстиция. 2019. № 2. С. 52–54.
6. Наградская В. Б. Новые технологии (блокчейн / искусственный интеллект) на службе права: научно-методическое пособие / под ред. Л. А. Новоселовой. М.: Проспект, 2019. 128 с.
7. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 05.01.2021).
8. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»» (документ утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/ (дата обращения: 05.01.2021)
9. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утверждена Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=ZLQBBQ&base=LAW&n=328854#DAL5INToHCEWku6Z2> (дата обращения: 06.01.2021).
10. Пастухов П. С., Лосавио М. Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 36. С. 231–236.
11. Пашенцев Д. А., Новикова К. С. Искусственный интеллект как субъект судебного толкования права // Образование и право. 2020. № 7. С. 198–202.

12. Писаревский Е. Л. Цифровизация юридической деятельности в социальной сфере // Информационное право. 2018. № 4. С. 22–28.
13. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» и Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» в части создания правовой основы для развития системы альтернативных онлайн-механизмов урегулирования споров» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 01/05/05–19/00091641) (принят в первом чтении 26.05.2021 года) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=184642#05641469781308932>. (дата обращения: 18.06.2022).
14. Свон М. Блокчейн. Схема новой экономики. М.: Олимп-Бизнес, 2017. С. 69.
15. Соменков С. А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). № 2. 2019. С. 75–85.
16. Суд по-бразильски: приговор выносит искусственный интеллект. URL: <http://www.v-brazil.com/government/judiciary-branch/supreme-court.html> (дата обращения: 06.01.2021).
17. Суходолов А. П., Бычкова А. М. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 6. С. 753–766.
18. Харитонов Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 53. С. 488–515.
19. Чуланова О. Л., Хайбуллова К. Н. Исследование применения технологий искусственного интеллекта в управлении персоналом современных организаций // Вестник евразийской науки. 2020. № 1. URL: <https://esj.today/PDF/50ECVN120.pdf> (дата обращения: 18.06.2022).
20. Шарифуллин Р. А., Бурганов Р. С., Бикмиев Р. Г. Элементы электронного правосудия // Российский судья. 2018. № 6. С. 57–62.
21. Шестак В. А., Волеводз А. Г., Ализаде В. А. О возможности доктринального восприятия системой общего права искусственного интеллекта как субъекта преступления: на примере уголовного законодательства США // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 4. С. 547–554.
22. Юридическая концепция роботизации: монография / Ю. А. Тихомиров, А. А. Головина, А. И. Сидоренко [и др.]; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М, 2021. 238 с.
23. Courtland R. Bias Detectives: the Researchers Striving to Make Algorithms Fair // Nature. 2018. № 558. Pp. 357–360.

СОДЕРЖАНИЕ | CONTENTS

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРАВА |
DIGITAL TECHNOLOGIES AND INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

<i>Бурдова В. Д.</i> ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: NFT И ВОПРОСЫ ПРАВА <i>Burdova V.</i> REPRODUCTION OF MUSEUM ITEMS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: NFT	6
<i>Жарова А. К.</i> ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ВЫЗОВЫ ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ <i>Zharova A.</i> DIGITAL TRANSFORMATION IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY: CHALLENGES TO LEGAL REGULATION IN THE CONTEXT OF TECHNOLOGICAL CHANGES	13
<i>Максимов В. А.</i> ИЗОБРЕТЕНИЕ, СВЯЗАННОЕ С КОМПЬЮТЕРНОЙ ПРОГРАММОЙ: ПРАКТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ПАТЕНТНЫХ ВЕДОМСТВ И ВОПРОСЫ ПРАВА <i>Maksimov V.</i> COMPARATIVE CHARACTERISTICS, OF AN INVENTION RELATED TO A COMPUTER PROGRAM (ЕРО И СНИРА).....	16
<i>Матвиенко В. В., Мартыненко Е. В.</i> СПЕЦИФИКА ПРАВОВОЙ БАЗЫ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ИНДИИ <i>Matvienko V., Martynenko E.</i> THE SPECIFICITY OF THE LEGAL BASE IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION IN INDIA.....	19
<i>Морозова Н. Г., Александрова В. С., Комлева С. Е.</i> ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ОТ ПЛАГИАТА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ <i>Morozova N., Aleksandrova V., Komleva S.</i> THE PROBLEMS OF PROTECTION INTELLECTUAL PROPERTY FROM THE INTERNET PLAGIARISM.....	24
<i>Сафиуллин Р. Н., Сафиуллин Р. Р., Пыркин О. П.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИ ВНЕДРЕНИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ СИСТЕМЫ <i>Safiullin R., Safiullin R., Pyrkin O.</i> TOPICAL ISSUES OF LEGAL REGULATION IN THE IMPLEMENTATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN INTELLIGENT TRANSPORT SYSTEMS	28
<i>Старостина Е. С., Ситдикова Р. И.</i> LEGALTECH В ПРАВЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ <i>Starostina E., Sitdikova R.</i> LEGALTECH В ПРАВЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ LEGALTECH IN INTELLECTUAL PROPERTY LAW	36

<i>Титов С. Н.</i> О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИЗНАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА СУБЪЕКТОМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ <i>Titov S.</i> ON THE POSSIBILITY OF RECOGNIZING ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS THE SUBJECT OF A CRIME AGAINST INTELLECTUAL PROPERTY	40
<i>Федорук Е. О.</i> ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ К ОЦЕНКЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ АКТИВОВ ПРИ СТРУКТУРИРОВАНИИ СДЕЛОК С ОНЛАЙН-ПРОЕКТАМИ <i>Fedoruk E.</i> PROBLEMS OF PREPARATION FOR THE EVALUATION OF THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY AND INTANGIBLE ASSETS WHEN STRUCTURING TRANSACTIONS WITH ONLINE PROJECTS	48
<i>Шаймиева Э. Ш., Гумерова Г. И.</i> О НОВЕЙШИХ ОБЪЕКТАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ДИАГНОСТИРОВАНИЕ, РЕГУЛИРОВАНИЕ <i>Shaimieva E., Gumerova G.</i> ABOUT THE LATEST INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS IN THE CREATIVE INDUSTRIES OF THE DIGITAL ECONOMY: DIAGNOSIS, REGULATION.....	54
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ПРОФИЛИРОВАНИЯ PROBLEMS AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION OF DIGITAL PROFILING	
<i>Duflot A.</i> DIGITAL IDENTITY AND ITS PROTECTION IN FRANCE <i>Дюфло А.</i> ЦИФРОВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ЕЕ ЗАЩИТА ВО ФРАНЦИИ	59
<i>Игумнов В. В.</i> ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛУЧЕНИЯ ДОСТУПА К СВЕДЕНИЯМ О СУБЪЕКТАХ ЦИФРОВОГО ПРОФИЛИРОВАНИЯ <i>Igumnov V.</i> LEGAL PROBLEMS OF OBTAINING ACCESS TO INFORMATION ABOUT DIGITAL PROFILING SUBJECTS	63
<i>Мочалов А. Н.</i> ПРОФИЛИРОВАНИЕ И ЦИФРОВЫЕ ПРОФИЛИ – «СЕРАЯ ЗОНА» ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ <i>Mochalov A.</i> PROFILING AND DIGITAL PROFILES – A “GREY AREA” IN THE RUSSIAN LEGISLATION ON PERSONAL DATA	70
<i>Пашнина Т. В.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВОГО ПРОФИЛИРОВАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИБЛИОТЕК <i>Pashnina T.</i> PROSPECTS FOR DIGITAL PROFILING IN LIBRARY ACTIVITIES.....	78
<i>Трофимец И. А.</i> АКТЫ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ КАК ОСОБАЯ КАТЕГОРИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ЦИФРОВОМ ПРОФИЛЕ ГРАЖДАНИНА <i>Trofimets I.</i> CIVIL STATE ACTS AS A SPECIAL CATEGORY OF PERSONAL DATA IN A CITIZEN’S DIGITAL PROFILE	85

<i>Холодная Е. В.</i> О ПРАВОВОМ АЛГОРИТМЕ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ПУБЛИЧНОГО ЦИФРОВОГО ПРОФИЛИРОВАНИЯ <i>Holodnaya E.</i> ABOUT THE LEGAL ALGORITHM FOR THE DEVELOPMENT OF PUBLIC DIGITAL PROFILING TECHNOLOGIES	95
--	----

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ РЕЖИМЫ
В СФЕРЕ СОЗДАНИЯ ЦИФРОВЫХ ИННОВАЦИЙ |
EXPERIMENTAL AND SPECIAL MODES IN THE FIELD
OF CREATING DIGITAL INNOVATIONS**

<i>Бажина М. А.</i> ЕСТЬ ЛИ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕЖИМА ПРИМЕНЕНИЯ ИННОВАЦИЙ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТА? <i>Vazhina M.</i> IS THERE A LEGAL REGULATION BEYOND THE EXPERIMENTAL LEGAL REGIME FOR THE APPLICATION OF INNOVATIONS IN TRANSPORT?.....	100
--	-----

<i>Громова Е. А.</i> ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ СОЗДАНИЯ ЦИФРОВЫХ ИННОВАЦИЙ (РЕГУЛЯТОРНЫЕ ПЕСОЧНИЦЫ) КАК ОСНОВА ПРАВА БУДУЩЕГО <i>Gromova E.</i> EXPERIMENTAL LEGAL REGIMES FOR DIGITAL INNOVATIONS (REGULATORY SANDBOXES) AS A BASIS FOR THE LAW OF THE FUTURE	102
---	-----

<i>Лоторев Е. Н.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БАНКОВСКИХ ЭКОСИСТЕМ <i>Lotorev E.</i> REGULATION OF BANKING ECOSYSTEMS.....	107
---	-----

<i>Отабоев Б. Б.</i> ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ РЕЖИМЫ В СФЕРЕ СОЗДАНИЯ ЦИФРОВЫХ ИННОВАЦИЙ <i>Otaboev B.</i> EXPERIMENTAL AND SPECIAL MODES IN THE FIELD OF CREATING DIGITAL INNOVATIONS	111
--	-----

<i>Харин В. В.</i> «ПРАВОВЫЕ ПЕСОЧНИЦЫ» (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ) И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИИ <i>Harin V.</i> «LEGAL SANDBOXES» (EXPERIMENTAL LEGAL REGIMES) AND SOME ASPECTS OF THEIR IMPLEMENTATION IN RUSSIA.....	116
--	-----

**ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ТРУДОВЫХ
И СВЯЗАННЫХ С НИМИ ОТНОШЕНИЙ |
DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF LABOR
AND RELATED RELATIONS**

<i>Гусакова Ю. С.</i> НЕКОТОРЫЕ ЦИФРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ <i>Gusakova Yu.</i> SOME DIGITAL FEATURES OF THE FORMALIZATION OF LABOR RELATIONS	125
--	-----

<i>Драчук М. А.</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ КАК ВЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ТРУДА <i>Drachuk M.</i> DIGITALIZATION OF RELATIONS AS A VECTOR OF PUBLIC ADMINISTRATION AT WORK	131
<i>Зайцева Л. В.</i> ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ДЛЯ ДИСТАНЦИОННОГО ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИТ-СПЕЦИАЛИСТОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ <i>Zaiceva L.</i> LEGAL RESTRICTIONS FOR DISTANT ATTRACTING IT SPECIALISTS LIVING ABROAD	139
<i>Клепалова Ю. И.</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКИХ ОСМОТРОВ РАБОТНИКОВ ТРАНСПОРТА <i>Klepalovala Yu.</i> DIGITALIZATION OF MEDICAL EXAMINATIONS TRANSPORT WORKERS	143
<i>Крайнов Г. Н.</i> ОТВЕТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА НА ВЫЗОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ <i>Krainov G.</i> THE INTERNATIONAL LABOR ORGANIZATION'S RESPONSE TO THE CHALLENGES OF DIGITALIZATION.....	148
<i>Лиликова О. С.</i> ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ДИСТАНЦИОННЫХ РАБОТНИКОВ В РОССИИ <i>Lilikova O.</i> DIGITAL TECHNOLOGIES IN LABOR RELATIONS: PECULIARITIES OF LABOR REGULATION OF REMOTE WORKERS IN RUSSIA	151
<i>Минкина Н. И.</i> ТЕНДЕНЦИИ К ИЗМЕНЕНИЮ ПРЕДМЕТА ТРУДОВОГО ПРАВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ <i>Minkina N.</i> TRENDS IN CHANGING THE SUBJECT OF LABOR LAW IN THE DIGITAL AGE	159
<i>Парамонова С. В.</i> ОБРАЗ БУДУЩЕГО ТРУДОПРАВОВЫХ ПРОЦЕДУР В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ <i>Paramonova S.</i> THE IMAGE OF THE FUTURE OF LABOR LAW PROCEDURES IN THE DIGITAL AGE	165
<i>Пономарченко А. Е.</i> СТАНОВЛЕНИЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ <i>Ponomarchenko A.</i> FORMATION OF LABOR RELATIONS IN THE DIGITAL ECONOMY	174
<i>Сапфирова А. А.</i> ЛОКАЛЬНЫЕ НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ДОБРОСОВЕСТНОГО РАБОТОДАТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ <i>Sapfirova A.</i> LOCAL REGULATORY ACTS AS A MEANS OF FORMING THE IMAGE OF A BEAUTIFUL EMPLOYER IN CONDITIONS OF DIGITALIZATION.....	179

<i>Солянкина Н. А.</i> ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАДРОВОЙ РАБОТЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ВОПРОСЫ ПРАВА <i>Solyankina N.</i> DIGITAL TRANSFORMATION OF THE ORGANIZATION'S HR WORK AND LEGAL ISSUES	185
<i>Томашевский К. Л.</i> ПЛАТФОРМИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ТРУДА КАК НОВЫЙ ТРЕНД В РАЗВИТИИ НЕТИПИЧНЫХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ <i>Tomashevskii K.</i> PLATFORMIZATION RELATIONS IN SPHERE OF LABOUR AS A NEW TREND IN THE DEVELOPMENT OF ATYPICAL FORMS OF EMPLOYMENT.....	191
<i>Филипова И. А.</i> РОСТ ТЕХНОСФЕРЫ: ВЛИЯНИЕ НА ТРУД И ЕГО РЕГУЛИРОВАНИЕ <i>Filipova I.</i> GROWTH OF THE TECHNOSPHERE: IMPACT ON LABOR AND ITS REGULATION.....	199
<i>Холодионова Ю. В.</i> ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В «ЦИФРЕ»: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ <i>Holodionova Yu.</i> LABOR RELATIONS IN «DIGITAL»: PROS AND CONS	203
<i>Чичина Е. В.</i> НЕСТАНДАРТНАЯ ЗАНЯТОСТЬ: К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ <i>Chichina E.</i> NON-STANDARD EMPLOYMENT: ON THE QUESTION OF TERMINOLOGICAL DETERMINATION	211
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ LEGAL REGULATION OF THE DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN HEALTHCARE	
<i>Воронкова С. В.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ТРУДНОДОСТУПНЫХ ТЕРРИТОРИЙ <i>Voronkova S.</i> LEGAL REGULATION OF E-HEALTH IN REMOTE TERRITORIES	217
<i>Гуляева П. С.</i> МЕДИЦИНСКИЕ НАНОРОБОТЫ КАК ОБЪЕКТ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ, РИСКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ <i>Gulyaeva P.</i> MEDICAL NANOROBOTS, AS AN OBJECT OF THEORETICAL AND LEGAL RESEARCH: PROBLEMS, RISKS, PROSPECTS	226
<i>Марковский А. В.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ <i>Markovskii A.</i> LEGAL REGULATION OF THE DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN HEALTH CARE.....	232

<i>Поздеев А. Р., Килина А. В., Наймушина Е. С.</i> СПЕЦИФИКА МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВРАЧЕЙ-ПЕДИАТРОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕЖИМА <i>Pozdeev A., Kilina A., Naimushina E.</i> SPECIFICS OF MEDICAL ACTIVITIES OF PEDIATRICIANS IN THE GROUND OF THE EXPERIMENTAL LEGAL REGIME	239
<i>Шутова А. А.</i> ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 3D-БИОПРИНТЕРА <i>Shutova A.</i> FEATURES AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION OF THE 3D BIOPRINTER	241
БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИИ, КРИПТОВАЛЮТЫ И ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ ФИНАНСЫ В ПРАВОВЫХ РЕАЛИЯХ BLOCKCHAIN TECHNOLOGIES, CRYPTOCURRENCIES AND DECENTRALIZED FINANCE IN LEGAL REALITIES	
<i>Белоусов А. Л.</i> АДАПТАЦИЯ ПОДХОДОВ К РЕГУЛИРОВАНИЮ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ <i>Belousov A.</i> ADAPTATION OF APPROACHES TO THE REGULATION OF THE FINANCIAL SECTOR IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION.....	248
<i>Бородин А. В., Кузовкова Т. А.</i> ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБРАЩЕНИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ И ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ: ОТ СТИХИЙНОГО СЛЕДОВАНИЯ ТРЕНДАМ К СНИЖЕНИЮ БАРЬЕРОВ <i>Borodin A., Kuzovkova T.</i> LEGAL SUPPORT OF THE DIGITAL RUBLE AND DIGITAL CURRENCIES: FROM SPONTANEOUS FOLLOWING TRENDS TO LOWER BARRIERS	252
<i>Бортников С. П.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФИНАНСОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ <i>Bortnikov S.</i> LEGAL REGULATION OF BLOCKCHAIN FINANCIAL TECHNOLOGY IN THE MODERN ERA.....	258
<i>Корзоватых Ж. М.</i> ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ <i>Korzovatyh Zh.</i> LEGAL ASPECTS OF LEGAL REGULATION DEVELOPMENT OF THE ACCOUNTING SYSTEM IN CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION.....	264
<i>Ларина О. И., Морыженкова Н. В.</i> ПРОБЛЕМЫ СТАНДАРТИЗАЦИИ КИБЕРРИСКОВ В ТРАДИЦИОННЫХ И ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМАХ <i>Larina O., Moryzhenkova N.</i> PROBLEMS OF STANDARDIZATION OF CYBER RISKS IN TRADITIONAL AND DECENTRALIZED PAYMENT SYSTEMS	269

<i>Лысенко Е. С., Семенов Е. Ю.</i> ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЕТЕ НОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА <i>Lysenko E., Semenov E.</i> FEATURES OF REGULATION OF CRYPTOCURRENCY TURNOVER IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE LIGHT OF NEW LEGISLATIVE CHANGES	274
<i>Makhmudova G. N., Gulomova N. F., Mirzaev D.</i> LEGAL ASPECTS OF CRYPTOCURRENCY AND BLOCKCHAIN TECHNOLOGIES: UZBEKISTAN AND FOREIGN EXPERIENCE <i>Махмудова Г. Н., Гуломова Н. Ф., Мирзаев Д. М.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ И БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИЙ: ОПЫТ УЗБЕКИСТАНА И ИНЫХ СТРАН.....	284
<i>Перетолчин А. П.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ <i>Peretolchin A.</i> LEGAL REGULATION OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS IN THE RUSSIAN FEDERATION.....	288
<i>Перцева С. Ю.</i> ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НЕЛЕГАЛЬНЫМ ФИНАНСОВЫМ ОПЕРАЦИЯМ <i>Perceva S.</i> DIGITAL TECHNOLOGIES IN COUNTERING ILLEGAL FINANCIAL TRANSACTIONS.....	298
<i>Салимов Л. Н.</i> КРИПТОВАЛЮТЫ И ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ ФИНАНСЫ: ПОТЕНЦИАЛ МЕХАНИЗМОВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ИНВЕСТОРОВ <i>Salimov L.</i> CRYPTOCURRENCIES AND DECENTRALIZED FINANCE: POTENTIAL OF LEGAL PROTECTION MECHANISMS FOR INVESTORS	304
<i>Саранчук Ю. М., Косаренко Н. Н.</i> ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТ НА ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕАЭС: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ <i>Saranchuk Yu., Kosarenko N.</i> LEGAL MODELS OF CRYPTOCURRENCY REGULATION IN THE EAEU ECONOMIC SPACE: CURRENT STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT	308
<i>Саттарова Н. А., Гафарова Г. Р.</i> ТЕХНОЛОГИЯ БЛОКЧЕЙН КАК ЦИФРОВАЯ ПЛАТФОРМА ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЫ <i>Sattarova N., Gafarova G.</i> BLOCKCHAIN TECHNOLOGY AS A DIGITAL PLATFORM FOR THE IMPLEMENTATION OF INDIVIDUAL PRINCIPLES OF THE BUDGET SYSTEM.....	316

РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ТЕХНОЛОГИЙ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И РОБОТОТЕХНИКИ |
REGULATION OF RELATIONS IN THE FIELD OF ARTIFICIAL
INTELLIGENCE AND ROBOTICS TECHNOLOGIES

<i>Алексеев А. О., Алексеева И. Е., Ерахтина О. С.</i> ОБ ОЦЕНКЕ РИСКА ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА <i>Alekseev A., Alekseeva I., Erahtina O.</i> RISK ASSESSMENT OF THE APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES	325
<i>Ахметов Е. Б.</i> К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ПРАВО <i>Ahmetov E.</i> ON THE QUESTION OF THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON LAW	332
<i>Бахтеев Д. В.</i> ЭТИЧЕСКИЕ КОДЕКСЫ КАК ОСНОВАНИЕ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА <i>Bahteev D.</i> CODES OF ETHICS AS A BASIS FOR THE NORMATIVE REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES	342
<i>Березина Е. А.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ ВЫСОКОАВТОМАТИЗИРОВАННЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ <i>Berezina E.</i> LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS ON THE OPERATION OF HIGHLY AUTOMATED VEHICLES IN THE RUSSIAN FEDERATION.....	350
<i>Ельникова Е. В.</i> ПРАВОВЫЕ БАРЬЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНИКОВ В АГРОБИЗНЕСЕ <i>Elnikova E.</i> LEGAL BARRIERS TO THE USE OF DRONES IN AGRIBUSINESS.....	368
<i>Карпенко О. А.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА <i>Karpenko O.</i> PROBLEMS OF THE LEGAL STATUS AND RESPONSIBILITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE.....	373
<i>Карцхия А. А.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ <i>Karckhiya A.</i> PROSPECTS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE REGULATION IN THE MODERN CONTEXT OF DIGITAL TECHNOLOGIES	379

<i>Крикунова С. С.</i> ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА, ОСУЩЕСТВЛЯЕМУЮ С НАРУШЕНИЕМ ОСНОВНЫХ ПРАВ, СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА <i>Krikunova S.</i> RESPONSIBILITY FOR THE ACTIVITIES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE CARRIED OUT IN VIOLATION OF FUNDAMENTAL HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS	389
<i>Мукова Л. А., Цакова И. С.</i> ЕВРОПЕЙСКОЕ НОРМОТВОРЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА <i>Mukova L., Sakova I.</i> EUROPEAN RULEMAKING IN THE FIELD OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE	392
<i>Никитина И. Э.</i> ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОТПРАВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ (МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ) <i>Nikitina I.</i> PROBLEMS OF INTRODUCING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE ADMINISTRATION OF JUSTICE (INTERNATIONAL ASPECTS).....	398
<i>Сарсембаев М. А.</i> ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И РОБОТИЗАЦИИ В ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА И ЭКСПОРТА В МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ КАЗАХСТАНА И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН <i>Sarsembaev M.</i> LEGAL PROBLEMS OF THE INTRODUCTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND ROBOTICS TECHNOLOGIES IN THE PRODUCTION AND EXPORT PROCESS IN THE MACHINE-BUILDING INDUSTRY OF KAZAKHSTAN AND FOREIGN COUNTRIES	402
<i>Скоробогатов А. В., Краснов А. В.</i> ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ <i>Skorobogatov A., Krasnov A.</i> ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE PHILOSOPHICAL AND LAW CONTEXT.....	412
<i>Усольцева Н. А., Усольцев Ю. М.</i> БЛОКЧЕЙН И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ <i>Usolceva N., Usolcev Yu.</i> BLOCKCHAIN AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE JUDICIAL SYSTEM	420

Научное издание

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО

Сборник научных трудов
I Международной научно-практической конференции

23 сентября 2022 г.
г. Казань

В шести томах
Том 3

*Под редакцией И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило,
И. А. Филиповой, А. А. Шутовой*

Главный редактор *Г. Я. Дарчинова*
Редакторы: *Г. А. Тарасова, Е. А. Маннапова*
Технический редакторы: *О. А. Аймурзаева, С. А. Каримова*
Дизайн обложки: *Г. И. Загретдинова*

ISBN 978-5-8399-0772-0

Подписано в печать 27.10.2022. Формат 60×84/16
Гарнитура PT Astra Serif, 9. Усл. печ. л. 25,6. Уч.-изд. л. 31,2
Тираж 2000 экз. Заказ № 111

Издательство «Познание» Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова
420111, г. Казань, ул. Московская, 42; тел. (843) 231-92-90; e-mail: zaharova@ieml.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «ТЦО «Таглитат»
420108, г. Казань, ул. Зайцева, 17

НАУРР

Национальная Ассоциация
Участников Рынка Робототехники

ICTONLINE

ICT2GO

УВЕРЕННОСТЬ В КАЖДОМ РЕШЕНИИ

ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

JOURNAL OF DIGITAL
TECHNOLOGIES AND LAW

ХАЙТЕК

it.world

technoverity

International Journal of
Law in Changing World

РАПСИ Российское агентство
правовой и судебной информации

